

Министерство образования и науки Российской Федерации
Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
ГОУ ВПО «Нижневартовский государственный гуманитарный университет»
Гуманитарный факультет
Нижневартовское отделение Российского общества интеллектуальной истории
Кафедра документоведения и всеобщей истории
Кафедра истории России

КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

г.Нижневартовск, 7—8 февраля 2012 года

Часть I

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Издательство
Нижневартовского государственного
гуманитарного университета
2012

ББК 72я43
К 90

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

К 90 **Культура, наука, образование: проблемы и перспективы:** материалы Всероссийской научно-практической конференции (г.Нижевартовск, 7—8 февраля 2012 года). Часть I. История идей и история общества. Отечественная история / Отв. ред. А.В.Коричко, В.Н.Ерохин, Я.Г.Солодкин. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2012. — 511 с.

ISBN 978–5–89988–910–3

Часть I издания включает статьи участников конференции секций «История идей и история общества», «Отечественная история». Авторы освещают актуальные проблемы всеобщей и отечественной истории, теории истории, методологии, историографии.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

ББК 72я43

ISBN 978–5–89988–910–3

© Издательство НГГУ, 2012

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

С.В.Горбунова, А.А.Абрамова

г.Нижневартовск

Нижневартровский государственный гуманитарный университет

РАЗМЕР И ВИДЫ КАЛЫМА У КАЗАХОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В традиционном казахском обществе калым был неотъемлемым элементом процедуры заключения брака. А.И.Левшин в 30-е гг. XIX в. писал, что у бедных калым состоял из 5, 6 и менее овец, а у богатых доходил до 200 лошадей и 1 000 овец, «с прибавлением разного рода имущества и иногда невольников или невольниц» [6, 335].

Д'Андрэ, в 40-е гг. XIX в. собиравший по поручению российской администрации сведения по обычному праву казахов Младшего жуза, первым зафиксировал, что калым, в зависимости от размера, мог быть одним из трех «разрядов». Калым «первого разряда» или самый богатый состоял из 120 баранов, 32 лошадей (в числе которых как минимум 8 кобылиц) и 4 верблюдов пяти лет. Калым «второго разряда» включал 60 баранов, 16 лошадей и 2 верблюдов пяти лет. Калым «третьего разряда» насчитывал 16 лошадей или двух верблюдов (без различия лет)» [9, 141].

По д'Андре, при уплате богатого калыма жених мог увеличить количество скота и добавить «сверх всего разными вещами, мехами, халатами и иными вещами». Если же семья жениха была слишком бедна для того, чтобы собрать даже минимальный калым, часть скота с общего согласия могла быть выплачена вещами.

Лукин, как и д'Андре, собиравший «юридические обычаи» прилинейных казахов, приводил данные о том, что калым составлял от одной до пяти джигармы (два десятка рогатого скота, или лошадей. Также эту джигарму можно было заменить 60 баранами) [9, 88].

Такую разницу в данных российских чиновников можно объяснить тем, что у разных родов и социальных групп существовали свои требования к размеру калыма. Однако нельзя не учитывать и то, что они не всегда пользовались проверенными сведениями, записывая то, что им сообщали старшины родов. Поэтому более достоверным выглядит сообщение Ш.М.Ибрагимова о размере среднего калыма в 47 голов разного скота [4, 46].

После завершения присоединения Казахстана к России в 60-е гг. XIX в. усиливается интерес к обычному праву казахов, что было вызвано и научной любознательностью ученых-этнографов, и государственными интересами, требовавшими

интеграции степняков в общеимперское правовое поле. В последней трети XIX — начале XX появилось множество исследований по адату, в которых подробно рассматривались и семейно-правовые обычаи. Но, как и прежде, изучались нормы обычного права по отдельным местностям.

Исследователи отмечали, что плата за невесту была разнообразной, «смотря по состоянию сватов, и вообще по мере возрастания в экономическом положении казахов, замечалось понижение минимального и возрастание максимального размеров калыма» [8, 4]. И.А.Козлов период писал, что калым должен был состоять из нечетного количества — 9, 17, 27, 37 или 47 голов разного скота в зависимости от материального состояния жениха [9, 233].

По Н.И.Гродекову, богатые выплачивали калым из 47 трехлетних кобыл [2, 77]. Точно такие же данные приводил П.Е.Маковецкий [8, 4]. Наименьший размер калыма в Перовском уезде составлял 27 голов разного скота [2, 76].

В начале XX в., по данным А.И.Добросмыслова и Л.Ф.Баллюзека, калым составлял от 100 до 150 «крупной скотины» для первого класса; от 75 до 100 — для среднего класса; для третьего класса «бала малы калым» от 20 до 40 голов. Самый бедный калым — «дунгелек калым» состоял из 10 голов скота [1, 177; 3, 42].

Л.Ф.Баллюзек отмечал, что первоначальный вид калыма «не сохранился, подвергаясь различным изменениям почти с каждым поколением. Изменений этих, надо полагать, было так много, что едва ли кто из современных казахов помнит или знает первоначальную величину калыма, не перестающую и доньне подвергаться изменениям» [1, 177].

В работах, зафиксировавших обычаи казахов на рубеже XIX—XX вв., приводятся совершенно одинаковые сведения о составных частях калыма, который уплачивался при заключении брака семьями, составлявшими верхушку казахского общества.

1) Кара-мал — основная часть калыма, выплачиваемая женихом при самом сватовстве. Единицей меры калыма принималось число жиерма — двадцать: 16 наличного скота и 4 предполагались в будущем приплоде от 4-х маток, которые должны были быть в числе 16 наличных штук скота.

Величина кара-мала определялась от одного до пяти жиерма. В восточной части Тургайской области кара-мал состоял из одного кырк-жети (47) для богатого класса, или из одного утуз-жети (37) для среднего состояния. Кырк-жети, с так называемыми неразлучными с ним жанама-жаксы, жеке-тубие, тос-ат состояли из 33 наличных скотин разного возраста, начиная с жеребенка по одному году. Утуз-жети с теми же добавлениями — из 26 скотин.

2) Илю — плата, взимаемая с жениха за первое посещение невесты и за первое их свидание. Эта часть калыма в Тургайской области была равной кара-малу, а в Уральской составляла около 10 верблюдов.

3) Той-мал — расходы на праздник, которым обычно сопровождался окончательный свадебный обряд. Той-мал в основном составлял от 20 до 70 лошадей. Вместе с этой частью калыма жених должен был доставить половину количества

кошем, которые в дальнейшем шли на верхнюю часть юрты для молодых, а низ покрывался кошмами за счет родителей невесты [3, 42—44; 1, 175—177; 5, 233].

И.А.Козлов отмечал, что эта часть калыма соизмерялась с приданным невесты и имела существенное значение. После выплаты той-мала невеста становилась окончательно женой, и если жених умирал после уплаты этой части калыма, то невеста все равно должна была отправиться к родителям умершего [2, 233].

4) Сют-акы, значит плата за материнское молоко, которым выкармливалась в детстве невеста. Эта плата составляла от 1 до 7 верблюдов.

5) Джигид-тюе, калым-тюе составляли 2 верблюда. Кроме того, родители невесты брали с жениха самое парадное платье и седельный прибор.

Помимо этих частей Л.Ф.Баллюзек выделял еще одну составную часть калыма — бас-жаксы, что значит наилучшее. Его брали с жениха предметами «первой для киргиз редкости и важности, — каковыми считались в те времена следующие четыре предмета: хорошее меткое ружье, саут или кольчуга, не однажды заслуживший одобрительные на скачках призы скакун, редкий по росту и силе верблюд» [1, 177].

С завершением процесса присоединения Казахстана к России эти четыре предмета бас-жаксы потеряли свою прежнюю значимость и вместо них могли отдаваться любые ценные вещи. Из прежних предметов остался только верблюд.

Также Л.Ф.Баллюзек отмечал, что бас-жаксы в Тургайской и Уральской областях слился с частью общего калыма — кара-мал [1, 177]. На наш взгляд, именно по этой причине А.И.Добросмыслов не рассматривал отдельно часть бас-жаксы.

К концу XIX в. не все отделы калыма сохранились. Некоторые отделы калыма было позволено выплатить в виде подарков, а в некоторых случаях последние два отдела: тоймал и элю совсем исчезали из составного калыма.

Сверх того существовало множество других так называемых каде — или обычных мелких поборов с жениха, без которых не обходилось ни одно бракосочетание. Н.И.Гродеков указывал на 20 подарков, которые жених обязан делать женщинам при своих приездах в аул невесты [2, 60].

А.И.Добросмыслов и Л.Ф.Баллюзек подчеркивали, что калым в приведенных размерах существовал только между «первоклассными богачами». Большинство казахов выплачивали бала-малы-калым, то есть калым с заменой в нем 5, 10 и даже 15 голов скота одной скотиной [3, 43—44; 1, 176; 7, 158].

Самые бедные выплачивали дунгелек-калым в 10 голов скота.

В большинстве случаев одной семье было тяжело самостоятельно выплатить калым, и в сборе необходимых средств оказывали помощь однородцы. Если у жениха не было родственников, то он мог присоединиться к семье невесты и совмещал свой скот со скотом тестя и становился под его главенство [8, 5—6].

Также был возможен особый вид калыма, который состоял в том, что по взаимному согласию родственники девушки и будущий супруг могли определить общую сумму скота или денег, как при продаже, но без выплаты тоймала и злю.

В целом, выплату калыма можно рассматривать как статусное действие, свидетельствующее о социальном положении вступающих в брак. Все исследователи отмечали, что размер калыма полностью зависел от материального состояния семьи будущего супруга. Однако не следует рассматривать калым отдельно от приданого. Размер приданого в целом должен был соответствовать размеру калыма. Приданое же, оставаясь в собственности жены, в первое время после свадьбы составляло основу хозяйства новой семьи. Таким образом, калым можно рассматривать не только как плату за невесту, но и как своеобразный взаиморасчет с родителями невесты, обеспечивавшими молодую семью всем необходимым.

Примечания

1. [Баллюзек Л.Ф.] Материалы по казахскому обычному праву // Материалы по обычному праву казахов. Алма-Ата, 1948.
2. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: юридический быт. М., 2011.
3. Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань, 1904.
4. Ибрагимов Ш.М. Очерки быта казахов. Астана, 2007.
5. Козлов И.А. Обычное право киргизов // Материалы по обычному праву казахов. Алма-Ата, 1948.
6. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996.
7. Маев Н.А. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Выпуск 4. СПб., 1876.
8. Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск, 1886.
9. Материалы по обычному праву казахов. Алма-Ата, 1948.

С.В.Горбунова, Э.И.Арсланова

г.Нижнеарттовск

Нижнеарттовский государственный гуманитарный университет

10 ПУНКТОВ ГЕЛЬМУТА КОЛЯ

О «программе 10 пунктов», с которой Коля выступил в бундестаге 28 ноября 1989 г., сказано немало. В германской политике ХДС/ХСС она занимает, на мой взгляд, достойное место. Можно согласиться, что после ее публикации «боннская

политика приняла интервенционистский характер». То есть, речь идет о переходе к массивному вмешательству во внутренние дела ГДР. Но без подобного «вмешательства» процесс объединения был бы невыносимым. «Программа» не являлась «пропагандистским прикрытием» политики Коля, а была рассчитана на совместные действия властей ФРГ и ГДР, хотя последних в этом еще следовало убедить.

Прежде чем обратиться к содержанию «программы 10 пунктов», остановимся на истории ее появления. Наиболее ценными являются свидетельства непосредственных участников разработки «программы» Х.Тельчика и М.Мертеса, книга которого о политической жизни современной Германии издана в 2001 г. в России [1]. Михаэль Мертес в Ведомстве федерального канцлера возглавлял группу спичрайтеров (группа № 521). Он пишет: идея выступления канцлера в бундестаге с программным заявлением принадлежала Хорсту Тельчику, что еще раз подтверждает значительную роль ближайшего советника Коля в германском единстве. Эйфория от падения Берлинской стены в Ведомстве улеглась. Требовались конкретные предложения в развитии германской политики, которые привлекли бы внимание общественности, как в ФРГ, так и в ГДР.

Определиться с «идеями» как ни странно «помог» Х.Модров. Выступая 17 ноября в Народной палате с первым правительственным заявлением, он сказал о возможности «договорного сообщества» между ГДР и ФРГ, которому «следует выйти далеко за рамки Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ, равно как и всех ранее заключенных договоров и соглашений между обоими государствами». Мертес по этому поводу замечает, что за этими словами у Модрова «ничего конкретного не было», но идея была привлекательна [1, 317—318].

Руководство ФРГ не намеревалось развивать идею Модрова о «договорном сообществе», что означало бы «плыть по течению» вслед за ГДР. Коль решил проявить собственную инициативу, по существу «торпедировать договорное сообщество», предложив свою «программу». Работа над ней началась с 23 ноября и проходила в условиях секретности. К составлению были привлечены: Х.Кляйн (ХСС), руководитель отдела внутренней прессы В.Бергсдорф, консультант В.Гибовски. От Ведомства федерального канцлера участвовали: его шеф Р.Зайтерс, руководитель внешнеполитического управления Э.Аккерман, министр Х.Тельчик, руководитель управления по вопросам социальной политики Б.Вагнер, заместитель начальника бюро канцлера Ш.Айзель, от группы спичрайтеров Н.Прилль и М.Мертес. С консультациями обращались к премьер-министру Гессена В.Вальману, премьер-министру Нижней Саксонии Э.Альбрехту, известному юристу Р.Шольцу. В обработке «программы» принимала участие супруга канцлера Ханнелора Коль.

Сам канцлер непосредственно руководил работой, внося поправки. Составители решили обозначить свой документ в качестве «программы», а не «плана», что можно считать за тактический ход (в СМИ чаще все же называли — «план Коля»). Официально речь канцлера в бундестаге называлась «Программа из десяти

пунктов для преодоления раскола Германии и Европы», что выводило ее за рамки чисто германской политики и, как ожидалось, вызвало жесткую критику со стороны ряда западных государств. До обнародования «программы» Коль не считал возможным поставить в известность западных союзников, опасаясь преждевременных дискуссий.

Обращаясь к содержанию «программы», отметим ее четкую внутреннюю структуру. Первые 3 пункта отражают состояние германо-германских отношений, причем акцент сделан, что объяснимо, на положении в ГДР. Во втором пункте прозвучали те условия, на которых ФРГ согласна оказать экономическую и финансовую помощь ГДР. «Мы не хотим стабилизировать положение, доказавшее свою не состоятельность» — сказал канцлер Коль 28 ноября в бундестаге. 4 и 5 пункты — центральные в «программе». В них изложена концепция трехэтапного перехода к «воссоединению» Германии (этот термин встречается в «программе» в 5 и 10 пунктах).

Наконец в 10 пункте, как и в 5, вновь говорится о воссоединении, т.е. обретению государственного единства Германии, что остается политической целью Федерального правительства. При этом канцлер подчеркнул, что только «в атмосфере взаимного доверия мы сможем мирно преодолеть раздел Европы и тем самым Германии... Помешать этому процессу могут не реформы, а отказ от них. Не свобода ведет к нестабильности, а ее подавление. Каждый удавшийся шаг реформ означает для всей Европы больше стабильности, а также прирост свободы и безопасности».

Примечания

1. Мертес М. Немецкие вопросы — европейские ответы. М., 2001.

Д.А.Батшеев

г.Москва

Московский педагогический государственный университет

РОЛЬ БИБЛИИ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

XVII в. часто считается веком рационализма, когда в сознании религия начала уступать место науке, однако роль Библии в английском обществе далеко не однозначна. К этому вопросу обращались такие исследователи как А.Н.Савин, В.М.Лавровский и М.А.Барг, К.Хилл, Т.А.Павлова, Дж.Эйлмер, Т.Л.Лабутина и другие. Сознание и восприятие средневекового человека являлись глубоко религиозными. С началом Реформации и переводом Священного Писания на национальные языки был дан новый толчок в духовном развитии общества.

Библия имела однозначное прочтение в стабильном обществе, с устоявшейся системой контроля над ее интерпретацией. Однако подобный контроль не мог быть абсолютным. Наглядным примером данного феномена является Англия начала XVII в. Изначально перевод Библии был разрешен Генрихом VIII для создания гарантии независимости Англии от Рима, что само по себе имело большое значение, ибо теперь все грамотные люди могли читать и понимать прочитанное, а также зачитывать текст вслух другим гражданам.

В правление Марии Тюдор (1553—1558) начались массовыми гонения на протестантов, которые заставили многих бежать из Британии на материк. В этот период активно издавались трактаты, в которых доказывалась необходимость сопротивления тиранам и законность убийства папистской королевы. Некоторые из переселенцев отправились в Женеву, где приступили к осуществлению нового перевода Библии на английский язык.

Полный текст Библии был опубликован в Англии в 1560 г. с посвящением Елизавете I Тюдор (однако, но не стоит думать, что в царствование этой королевы пуритане чувствовали себя свободно). Данный перевод осуществил главным образом Уильямом Уиттингем с помощью Энтони Джилби и Томаса Сэмсона. Книга примечательна не столько своим переводом, сколько комментариями, носившими, как антипапистский, так и социальный характер, а также высказываниями по поводу тиранов.

Церковь и государство в тюдоровской Англии представляли собой единое целое, а Писание было, или должно было быть, основанием для всей английской культуры в целом. К XVII веку Библия воспринималась как главный авторитет во всех сферах интеллектуальной жизни. Однако в период революционных потрясений Священная Книга сделалась неким арсеналом, из которого все партии выбирали себе оружие, отвечавшее их нуждам.

К спорам вокруг библейских текстов обращались пресвитериане и сторонники епископата. Впрочем, Библия считалась авторитетом не только в религиозных делах. Из нее черпали знания для законодательства, медицины, сельского хозяйства и садоводства, искусства, наук и литературы. Многие выражения из Библии вошли в разговорную речь. Даже стены внутри некоторых домов были разукрашены расписными тканями и текстами баллад либо большими листами бумаги со священными текстами. Граждане, перед которыми стояла дилемма, что им делать, листали наугад Библию в надежде найти текст, который подсказал бы им, как поступать в той или иной ситуации.

Когда Яков I Стюарт в 1603 г. вступил на английский престол, существовала два перевода: Женевская Библия и Епископская Библия (исправленная версия Библии Майлса Ковердейла, выпущенная в 1568 г.). При содействии короля решено было подготовить новое издание, основанное на этих переводах, а также оригинальных греческих и древнееврейских текстах. В 1611 г. была издана Библия короля Якова, которая несколько отличалась в переводе отдельных фрагментов от Женевской версии. Некоторые из ее примечаний были, по словам

главы государства «очень пристрастными, неверными, мятежными и содержащими привкус слишком опасных и предательских смыслов», как в части доктрин, так и политической благонадежности. Церковный писатель Питер Хейлин считал, что примечания к Женевской Библии «во многих местах имеют привкус мятежа, а в некоторых — фракционной борьбы, разрушительной для персоны и власти короля и для всякого гражданского общения и человеческого общества». Как бы то ни было, но «Дозволенная» версия Библии не пользовалась популярностью в народе вплоть до Реставрации 1660 г. Наиболее распространенной была Библия, изданная в Женеве.

Теология Женевской Библии имела важное значение и для читателей, и для его составителей. В то же время «мятежные» примечания были подхвачены теми, кто изучал Писание с целью опоры на них. В период революции идеал политического и общественного устройства был тесно связан в сознании граждан с духовным и нравственным идеалами. Пуритане извлекали свои радикальные лозунги и суждения в основном из Ветхого Завета. Новый Завет проповедовал терпение в условиях гонений, что не отвечало их замыслам. Большой распространенности Женевской Библии способствовали и миллениаристские тенденции, находящие опору на новых подходах изучения текста с точки зрения рационализма.

Религия сделалась решающим фактором при выборе политической позиции в 1642 г. Несмотря на распространение Библии на родном языке, даже в конце XVII в. Ричард Бакстер заявлял, что «чернь» из «лудильщиков и свинопасов, и грузчиков, и барочников» вообще никогда не читала Библию.

После реставрации монархии Стюартов в 1660 г., и восстановлением англиканской церкви, а также цензуры в печати интеллектуальный климат в стране заметно изменился. Скептически настроенный Карл II Стюарт провозгласил свою преданность Библии, однако не настаивал на божественном праве королей. В период Реставрации появилось много других причин для дебатов. В результате двадцать лет неистовых дискуссий показали, что обмен библейскими текстами и их искажения мало что решили.

КОНЦЕПЦИЯ МЕРВИНА ДЖЕЙМСА И ДИСКУССИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ АНГЛИЙСКОГО СЕВЕРА В ТЮДОРОВСКУЮ ЭПОХУ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

Северные земли английского королевства и современникам и потомкам представлялись особым регионом, отличным от южных, «цивилизированных», земель. Господство могущественной знати, постоянная военная угроза, беззаконие, экономическая отсталость — вот те характеристики, которыми награждали северные земли историки. Процессы, происходящие на севере в эпоху Тюдоров, оценивались позитивно, особенно изменения в политической сфере. Действительно, историкам казалось, что могущество «сверхмогущественных персон» было подорвано, порядок в регионе восстановлен и север приобщен к традиционной политической структуре и культуре южных графств.

Одним из историков, специализировавшихся на изучении севера, был Мервин Джеймс. Джеймс выдвинул оригинальную концепцию эволюции северного общества в тюдоровскую эпоху. По его мнению, в начале эпохи Тюдоров на английском севере существовало так называемое «линьяжное общество». Характерным для него было господство крупных землевладельцев. Перси, Невилли, Клиффорды, Дакр — вот, кто правил севером. Даже Корона вынуждена была влиять на ход дел на севере с помощью магнатов, герцога Ланкастерского или герцога Йоркского. Господство знати основывалось на союзе с семьями джентри. Личные связи были решающим фактором в отношениях между лордом и его клиентами и держателями. Зависимые люди должны были верно служить своему господину, а он в свою очередь должен был разумно править ими, награждая в обмен на верную службу. Контрактные отношения, основанные на законе, играли второстепенную роль [1, 53].

Отношения между лордом и держателями могли быть действенными только в контексте «добротного господства». Только поддержка со стороны лорда могла позволить выиграть дело в суде. Чувство абсолютной зависимости, выраженное в верности, было признанной характеристикой членов этого сообщества. В течение правления Тюдоров эти устои постепенно пришли в упадок. Верность местной аристократии была замещена верностью центральной власти и уважением к законам королевства [1, 53].

Концепция М.Джеймса вызвала дискуссию, которая не утихает и по сей день. Критика теории «линьяжного общества» строится в основном на ревизии положения о безраздельном господстве знати на английском севере. М.Вейсс,

например, проанализировал роль семьи Перси в обществе пограничья и ее взаимоотношения с Коронай на протяжении XV века [2, 501—509]. По его мнению, власть Перси в регионе вовсе не была безграничной, Корона сохраняла там довольно сильные позиции и, соответственно, у Генриха VII не было необходимости излишне опасаться графа Нортумберленда, поскольку особой угрозы он для него не представлял [2, 509].

Р.Хойл так же уделил внимание аристократическим семьям северной Англии эпохи первых Тюдоров. В серии статей Хойл исследует отношения в кругу знатных семей и влияние на них королевской политики [3; 4; 5]. Исследователь, естественно, касается и концепции М.Джеймса. Теория существования особого «линьяжного общества» на севере кажется автору неубедительной. Хойл вполне справедливо обращает внимание на господство аристократических семей в других регионах Англии, например, в Норфолке и Саффолке. В Восточной Англии на протяжении длительного времени безраздельно властвовали герцоги Норфолки, но, как замечает, историк, к этому региону понятие «линьяжного общества» не применяется. Далее, автор обращает внимание на разнородность северных окраин. Английский север не представлял собой целостную территорию, а распадался на ряд районов, весьма различных, как в географическом, так и в социально-экономическом плане [5, 593].

Р.Хойл обращает внимание на то, что пограничный статус северных земель приводил к большой активности Короны в этом регионе. Правительство регулярно вмешивалось в дела пограничья, назначая и смещая Стражей границ — ключевые должности в регионе. Каждый раз смещение старого Стража и назначение нового вызывало обострение соперничества между аристократическими семьями региона.

По мнению Хойла, раздоры и столкновения, которые раздирали северное общество во второй трети XVI века, были связаны как раз с борьбой за должности на королевской службе и имущественными и владельческими спорами. Исследователь считает, что Корона ошибочно принимала эти обычные для английского общества противоречия за политические столкновения, противодействие политике правительства. Более того, автор полагает, что Корона сама спровоцировала эти столкновения своей политикой в отношении должности Стража Границ [5, 613].

Последовательным критиком взглядов М.Джеймса можно назвать У.Палмера. Первоначально У.Палмер подверг пересмотру тезис о том, что Тюдоры постепенно отстранили знать от высших должностей в системе управления пограничьем. Казалось, верность этого тезиса опровергнуть нельзя, но Палмер сопоставил смены на посту Стража границ с поворотами во внешней политике Тюдоров. В результате автор пришел к выводу, что в постепенном вытеснении представителей местной знати с поста Стража Границ прослеживаются не целенаправленные действия, а поиск компетентного должностного лица. Кризисы

в англо-шотландских отношениях вели к неудовлетворенности деятельностью Стража Границ и назначению на эту должность нового человека [6, 579—595].

Следующей мишенью стрел У.Палмера стала концепция «льняжного общества». Автор проанализировал ряд эпизодов из жизни северной знати. Например, в 1504 году кортеж Генри Перси, пятого графа Нортумберленда продвигаясь по Йоркширу повстречался со свитой своего злейшего врага архиепископа Йоркского Томаса Сэвиджа. Свиты столкнулись, возникла сумятица, сторонники архиепископа, которых было намного больше, схватились за оружие, но благодаря графу, сделавшему все возможное, чтобы избежать инцидента соперники мирно разошлись. У.Палмер считает, что поведение Нортумберленда в этой ситуации никоим образом не соответствует тому образу магната, который рисует М.Джеймс [7, 130—131]. Далее Палмер касается целого ряда эпизодов из истории север, проанализированных ранее Джеймсом и дает им совершенно иную интерпретацию. Все события, подтверждающие, по мнению Джеймса, концепцию «льняжного общества», Палмер, опираясь на разыскания последнего времени, наоборот, считает противоречащими ей. По мнению Палмера, Джеймс во многих случаях просто неверно интерпретировал события.

Напомним, что одной из базовых основ льняжного общества, по мнению М.Джеймса было понятие чести. Именно честь, стремление ее защитить или восстановить, по мнению Джеймса, было причиной повышенной конфликтности в северных землях. Дворянин или аристократ на севере являлись заложниками чести и были просто вынуждены отстаивать ее с оружием в руках [8, 325].

У.Палмер выдвигает иную концепцию. Он заявляет, что на севере в тяжелых условиях, вызванных как природными, так и военными факторами, представители и дворянства и аристократии озабочены были, прежде всего, выживанием. В результате им было не до выяснений споров о чести. Концепции чести, как считает Палмер, выработывалась на юге, при дворе, и для северных земель была чужеродным элементом [7, 442—443]. Историк считает, что поведение северной знати в отношениях с Коронай демонстрирует отказ от защиты своей чести. Магнаты униженно добивались покровительства Уолси, стремились продемонстрировать свою лояльность монарху, готовность верно служить ему [7, 439—440].

Таким образом, в зарубежной историографии концепция господства «льняного общества» на севере Англии и постепенного перехода его при Тюдорах в так называемое «гражданское», «цивилизованное» общество послужила отправной точкой для более интенсивных изысканий в истории северной периферии. При этом и аргументы Джеймса, и его критиков касаются ситуации в отношениях между Коронай и аристократией. Представителям других, более низких слоев общества английского севера практически не нашлось места в построениях оппонентов. В этом, как нам кажется, состоит самое главное упущение исследователей.

Примечания

1. James, M. The Concept of Order and the Northern Rising 1569 // Past & Present. 1973. Vol. 60.
2. Weiss M. A Power in the North? The Percies in the Fifteenth Century// The Historical Journal. 1976. Vol. 19. № 2.
3. Hoyle R. The First Earl of Cumberland: A Reputation Reassessed // Northern History. Vol. 22.
4. Hoyle R. Henry Percy, Sixth Earl of Northumberland, and the Fall of the House of Percy // The Tudor Nobility / Ed. by G. Bernard. Manchester, 1992.
5. Hoyle R. Faction, Feud and Reconciliation amongst the Northern English Nobility, 1525—1569 // History. 1999.
6. Pulmer W. High Officeholding, Foreign Policy, and the British Dimension in the Tudor Far North, 1525—1563 // Albion. 1997. Vol. 29. №4.
7. Pulmer W. Scenes from Provincial Life: History, Honor, and Meaning in the Tudor North // Renaissance Quarterly. 2000. Vol. 53. №2.
8. James M. Society, Politics and Culture. Studies in Early Modern England. Cambridge, 1986.

Л.Н.Беспалова

г.Нижневартовск

Нижневартровский государственный гуманитарный университет

РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА В ГЕРМАНИИ

Среди важных предметов сегодняшнего социального права — социального страхования, защиты рабочих, коалиционного и тарифного права — социальное страхование в своих основных чертах основано на тех законах, которые были созданы социальной политикой О.Бисмарка.

Тема социальной политики рейхсканцлера Германской империи О.Бисмарка является малоизученной в отечественной литературе, а немецкие исследователи рассматривают ее в основном не как самостоятельный объект для изучения, а в рамках истории Германии XIX века. Отсутствие систематических работ по данной теме делает ее актуальной для исследования.

Система социального страхования О.Бисмарка в своей основе сохранилась до нынешнего времени, хотя со времени ее возникновения политическое и общественное устройство Германии изменилось в своей основе и хотя именно социальная политика рассматривалась как слабое место в политике О.Бисмарка, и не только политическими соперниками первого рейхсканцлера, но и в исторических исследованиях [1, 33].

Когда в 70-х годах XIX века началась подготовка к созданию социального законодательства, это означало попытку преодолеть разрыв между политическим и социальным устройством новой империи. В ходе индустриализации образовался новый социальный слой — пролетариат, чьими специфическими чертами были личная свобода и отсутствие собственности. Эта комбинация приводила к тому, что для рабочего и его семьи, если его единственный капитал — а именно его рабочая сила — была утеряна из-за болезни, несчастного случая, преждевременной нетрудоспособности или возраста, не было социальной поддержки, которая бы его выручила.

До 1871 г. в отдельных немецких государствах политика в отношении рабочих ограничивалась уставом о бедных и промышленным законодательством. Но эти законодательные акты дали общинам и предпринимателям с одной стороны и подмастерьям и рабочим с другой импульс для создания страховых учреждений, основанных на коллективном соучастии, т.е. для организации касс взаимопомощи на предприятиях. При основании империи не было создано самостоятельное ведомство по социальной политике, равно как не была принята государственная программа для систематического проведения государственной рабочей политики. В области ремесла и торговли она была отклонена либеральной бюрократией. Положения промышленного устава 1869 г. были сочтены вполне достаточными, хотя и нуждались в дополнениях. Но поскольку в 1870-е гг., в результате роста социалистического рабочего движения и явных социальных конфликтов, возникло и постоянно усиливалось давление общественного мнения на правительственный аппарат, проблемы взаимоотношений работодателей и рабочих нельзя было больше игнорировать, подавляя их опасные последствия полицейскими средствами. Церкви, партии, объединения и союзы начали разрабатывать программы по политическому противодействию негативным последствиям промышленной работы (и опасности социальной революции) [2].

В первую очередь эти проблемы были затронуты в Прусском министерстве ремесла и торговли в докладе 1872 г., посвященном рабочему вопросу, и на первой прусско-австрийской конференции по обсуждению социального вопроса, но эти мероприятия еще не имели практических результатов. После того как рейхстаг в свой первый срок созыва провел дебаты по рабочему вопросу, все партии в 1877 г. сформулировали социально-политические предложения, суть которых была общей и заключалась в том, что государство на законодательном уровне должно принять защитные меры против нечеловеческих условий работы на фабриках и заводах.

Христианские деятели Р.Тодт, Г. фон Гален выступили с требованием охраны труда рабочих. 17 апреля социал-демократы в рейхстаге выступили с предложением принять закон по охране труда. В 1877 году «Союз социальной политики», под руководством А.Вагнера, Р.Маейра, выступил с требованием проведения социальных реформ со стороны правительства. Немецкий рабочий конгресс

под руководством М.Гирша потребовал от правительства запрещения использования детского труда, ограничения рабочей недели для женщин [3].

В прусском министерстве торговли началась разработка соответствующего фабричного законодательства по английскому и швейцарскому образцу. В 1878 г. в прусском государственном министерстве разрабатывалась еще одна обширная программа социальных реформ (по инициативе Боссе фон Штольберга). Но рейхсканцлер О.Бисмарк затормозил эти начинания, ограничившись проведением со стороны государства обязательных рабочих инспекций на фабриках и заводах на основании дополнений к промышленному уставу, принятых в 1878 г.

Исходным пунктом развития немецкого социального государства стало принятие в 1880-е годы государственных законов о страховании рабочих, которые предусматривали страхование от типичных рисков промышленных рабочих: от болезни, несчастного случая на производстве, в связи с инвалидностью и старостью. Страхование предусматривало самоуправляющееся (корпоративное) представительство рабочих и работодателей. Это законодательство, названное бисмарковской системой социального страхования рабочих, потребовало для своей разработки создания отдельного рабочего коллектива [4, 67]. В 1880 г. при министерстве внутренних дел было основано отделение, которое с этого времени ответственно руководило законодательным процессом в области социальной политики. При этом Бисмарк часто советовался со сведущим в этом вопросе персоналом прусского министерства торговли.

Высшей судебной инстанцией по предмету страхования стало основанное в 1885 г. имперское страховое ведомство (Reichsversicherungsamt, RVA), которое вначале действовало только в рамках страхования от несчастных случаев, но с 1891 г. прибавились надзор и судопроизводство над страхованием по инвалидности и старости. Государственное страхование рабочих, направленное на защиту рабочих от основных профессиональных рисков — к концу существования Германской империи утвердилось понятие «социальное страхование» — определило с тех пор развитие социального государства в течение всего XX-го века.

В 1890 г. император Вильгельм II обнародовал программу превентивных мер по защите рабочих. Но крупные реформаторские идеи при подготовке, обсуждении и принятии законов явно сократились, ограничившись на новых промышленных и горноправовых сводах правил, чьи нормы в служебной и промышленной практике были малоэффективны. С 1892 г. в законы о страховании рабочих стали вноситься дополнения, продолжавшиеся вплоть до рубежа веков.

В тени этой имперской социальной политики некоторые крупные и средние города формировали и развивали собственную городскую социальную политику. Ее инициаторами были основанное в 1881 г. «Немецкое общество попечительства и благотворительности» и основанный в 1873 г. «Немецкий союз общественной заботы о здоровье». Благодаря участию многочисленных ведомств, в том числе городских самоуправлений, новая политика в сфере страхования получила «продолжительное действие» [5, 78].

На рубеже XIX—XX веков были продолжены реформы социального законодательства в области страхования рабочих. Были проведены технические реформы на фабриках и заводах, расширены личные права рабочих. К 1896 г. законы о страховании рабочих подвергаются унификации и кодификации. Наконец, в 1911 г. был введен имперский порядок страхования, составлявший с 1914 по 1992 гг. основу немецкого социального права. Социальная политика стала важным предметом внутренней политики Германии и других индустриальных стран.

Примечания

1. Born K.E. Die Motive der Bismarckschen Sozialgesetzgebung // Die Arbeiterversorgung. H. 2. Düsseldorf, 1960.
2. Hansen E. Tennstedt F. Biographisches Lexikon zur Geschichte der deutschen Sozialpolitik. URL: <http://amtsprese.staatsbibliothek-berlin.de/>
3. Gesetz über die eingeschriebenen Hilfskassen. Nr. 9, Deutsches Reichsgesetzblatt. Bd. 1876. S. 125—133. URL: <http://de.wikisource.org/wiki/Reichsgesetzblatt>
4. Vogel W. Bismarcks Arbeiterversicherung. Braunschweig, 1951.
5. Fischer A. Gesundheitspolitik und Gesundheitsgesetzgebung. Berlin u. Leipzig, 1914.

Н.В.Бородавкина

г.Саратов

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ И РУССКИХ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА: «ПРАВДА О РОССИИ» УИЛЬЯМА СТЭДА

Взаимоотношения России и Великобритании на протяжении XIX столетия складывались непросто. Столкновение экономических и политических интересов на Ближнем Востоке не могли не сказаться на состоянии общественного мнения обеих стран. Но если в России по отношению к Англии почти неизменно сочетались, с одной стороны, любовь к ее культуре и, с другой стороны, критика ее государственной политики, то в британском обществе явно преобладали антирусские настроения.

В этой обстановке немногочисленные представители России, в том числе и постоянно живущие в Англии, пытались призвать к диалогу между двумя странами и изменить восприятие России и русских, сложившееся в британском общественном мнении. Помощь им оказывали и некоторые представители британской интеллектуальной элиты. Одним из них был известный журналист Уильям Стэд.

В 1888 году Стэд побывал в России, где общался со Львом Толстым и смог побеседовать с русским царем. Его письма из России регулярно печатались в «Пэл Мэл Газет», а по возвращении на родину были опубликованы отдельной брошюрой под названием «Правда о России» [1]. Стэд был одним из немногих представителей британской прессы, кто придерживался прорусских убеждений. Его книга появилась в обстановке, когда представления англичан о России и русских были в основной массе крайне враждебны. В данной связи представляется небезынтесным рассмотреть позиции Стэда в отношении России и реакцию его современников относительно содержания «Правды о России».

Уильям Стэд был знаковой фигурой в британской журналистике. Писатель, издатель, основатель так называемого «нового журнализма», один из первых журналистов-расследователей, Стэд внес значительный вклад в развитие журналистики. Он оставил после себя обширную переписку, дневник и огромное количество статей по самым различным темам.

Сразу после смерти Стэда и в последующее десятилетие появилось несколько работ личного характера, посвященных ему [2; 3]. Среди них особо можно выделить воспоминания его дочери Эстель [4]. Не ставя перед собой цель рассмотреть все события в жизни своего отца, она уделяет внимание лишь некоторым аспектам его деятельности. В первой половине XX века появились несколько очерков биографического характера, посвященных Стэду, а также его двухтомная биография, написанная Фр.Уайтом [5; 6; 7].

На протяжении XX века исследователи часто обращались к рассмотрению личности и творческого наследия Стэда. Особо нужно выделить работы, появившиеся во второй половине XX века и посвященные отдельным аспектам его деятельности [8; 9, 68—72; 10, 104—132; 11, 418—434; 12, 3—16; 13]. Важно отметить, что личность Стэда и сейчас привлекает внимание зарубежных исследователей [14, 14—34; 15].

В отечественной историографии отсутствуют работы, специально посвященные деятельности Стэда. Его имя упоминается в работах общего характера, посвященных рассмотрению истории периодической печати, а также изучению англо-российских отношений [16, 101—166; 17; 18, 51—82].

Уильям Томас Стэд родился 5 июля 1849 года в Эмблтоне на севере Англии в семье священника. Он получил домашнее образование, а в возрасте 12 лет его отправили в школу Силкотс в Векфилде. Примерно с 1870 года он начал писать статьи для либеральной газеты «Северное эхо» в Дарлингтоне, а уже через год стал ее редактором. В 1880 году Стэд переехал в Лондон, где начал работу в «Пэл Мэл Газет». Спустя несколько лет он стал преемником Джона Морли на посту редактора этой влиятельной лондонской газеты. Но поскольку владелец «Пэл Мэл Газет» не разделял прорусских убеждений Стэда, тот принял решение оставить пост редактора. В 1890 году он основал ежемесячный «Обзор обзоров», где публиковал свои статьи на самые различные темы. Стэд всегда занимал очень активную гражданскую позицию. Так, он принял активное

участие в антитурецкой агитации в 1876 году, а во время англо-бурской войны выступал в защиту буров и осуждал действия английского правительства. За свою жизнь Стэд много путешествовал. В 1912 году на борту «Титаника» он отправился в Соединенные Штаты, чтобы принять участие в конференции борцов за мир, и оказался в числе погибших пассажиров.

Стэд был человеком необычайно широкого круга интересов. Но, помимо всего прочего, он был русофилом. Стэд близко общался с русской писательницей О.А.Новиковой, жившей в Лондоне, публиковал ее работы в «Северном эхо» и сам печатался в русских изданиях. В 1914 году на русский язык была переведена его книга «Депутат от России», посвященная О.А.Новиковой. Учитывая распространение антирусских настроений в британском обществе в последней трети XIX века, дружеские отношения Стэда и Ольги Новиковой у многих вызывали вполне понятную негативную реакцию. Стэда обвиняли в том, что все его знания о России основаны на информации, полученной исключительно от Новиковой и ее «русских друзей». Появление «Правды о России» лишь усложнило ситуацию и вызвало неоднозначную оценку современников.

В своей работе Стэд признавал, что как в Форин оффис, так и в британском обществе в целом преобладает убеждение о том, что Россия представляет собой угрозу всеобщему миру. Допуская, что подобные взгляды ошибочны, Стэд расценивал свою задачу — «выяснить правду о России» — как величайшую услугу, которую англичанин мог бы оказать своим соотечественникам [1, 3]. Более того, Стэд пришел к выводу, что не Россия, а именно Англия из-за своих «обветшавших и отвратительных предубеждений» является главным препятствием к установлению тех дружеских отношений между Лондоном, Санкт-Петербургом и Берлином, которые позволили бы сохранить мир в Европе и Азии [1, 90].

Журналистику Стэда многие считали слишком сенсационной, и репутацию себе он заслужил весьма противоречивую. Пацифист, защитник гражданских свобод и прав женщин, он считал, что пресса должна оказывать влияние на общественное мнение и политику правительства, что он и доказывал своей деятельностью. На страницах печатных изданий он активно отстаивал свою прорусскую позицию. Рассмотрение как взглядов самого Стэда, так и реакции общественно мнения по поводу публикации «Правды о России» помогает раскрыть важные аспекты восприятия России и русских в британском обществе последней трети XIX века.

Примечания

1. Stead W.T. Truth about Russia. L., Paris, New York, Melbourne, 1888.
2. MacDonald J.A. William T. Stead and his Peace Message. Boston, 1912.
3. Harper E.K. Stead: the Man. Personal Reminiscences. L., 1918.
4. Stead E.W. My Father. Personal and Spiritual Reminiscences. L., 1913.

5. Flower B.O. Progressive Men, Women, and Movements of the Past Twenty-Five Years. Boston, 1914.
6. Raymond E.T. Portraits of the Nineties. L., 1922.
7. Whyte F. The Life of W.T. Stead. 2 vols. L., 1925.
8. Robertson Scott J.W. The Life and Death of a Newspaper. L., 1952.
9. Baylen J.O., Holland R.B. Whitman W.T. Stead, and the Pall Mall Gazette: 1886—1887 // American Literature. 1961. Vol. 33. № 1.
10. Baylen J.O. W.T. Stead's History of the Mystery and the Jameson Raid // Journal of British Studies. 1964. Vol. 4. № 1.
11. Baylen J.O. A Victorian's "Crusade" in Chicago, 1893—1894 // The Journal of American History. 1964. Vol. 51. № 3.
12. Baylen J.O. Sir Arthur Conan Doyle and W.T. Stead: The Novelist and the Journalist // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1970. Vol. 2. № 1.
13. Schults R.L. Crusader in Babylon: W.T. Stead and the "Pall Mall Gazette". Lincoln, 1972.
14. Ashton J. W.T. Stead: Tsarism's Unlikely Champion and the International Press // Atlantis. 2004. Vol. 5. № 2.
15. Eckley G. Maiden Tribute: A Life of W.T. Stead. Bloomington, 2007.
16. Сатурин Д. Очерк периодической печати в Англии // Периодическая печать на Западе. СПб., 1904.
17. Зашихин А.Н. Британская Россия второй половины XIX — начала XX вв. Архангельск, 1995.
18. Якубовская И.В. Трансляция либеральных ценностей и диалог культур в исторической науке Англии и России второй половины XIX в. // Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора. Ч. 1. Россия-Запад: истоки политической и правовой культуры. Великий Новгород, 2006.

Л.В.Василенко

г. Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ЮТЛАНДСКОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1916 г. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

31 мая — 1 июня 1916 года в Северном море у полуострова Ютландия произошло крупнейшее морское сражение Первой мировой войны между английским и германским флотами. По замыслу командующего германским флотом адмирала Р.Шеера группа германских линейных крейсеров должна была демонстративными действиями в проливе Скагеррак спровоцировать выход в море одного из крупных соединений кораблей английского флота, которое в дальнейшем предполагалось перехватить и уничтожить главными силами германского флота. «Охота на живца», по расчетам Р.Шеера, должна была лишить англичан преимущества в количестве сил и активизировать действия немецких

моряков. Во избежание встречи со всем английским флотом у его баз на позициях должны были заблаговременно развернуты 22 немецкие подводные лодки с задачей разведки и ослабления противника путем атаки его кораблей при выходе из баз. Однако германские подводные лодки не смогли своевременно занять боевые позиции и не выполнили поставленные перед ними задачи.

Следует также отметить одно очень важное обстоятельство, заключавшееся в том, что англичане при помощи своих союзников — российских моряков — знали немецкие шифрованные морские коды и могли «читать» перехваченные радиосообщения немцев, что давало им тактическое преимущество [1, 34—55]. Поэтому 30 мая английское командование узнало из перехваченных немецких радиogramм о готовящемся выходе германского флота в море и сумело предпринять необходимые меры. По замыслу Дж.Джеллико (командующий английского ВМФ) основные силы английского флота должны были выйти в пролив Скагеррак навстречу противнику и уничтожить его в генеральном сражении. Силы английского флота насчитывал 28 линкоров, 9 линейных крейсеров, 8 броненосных крейсеров, 26 легких крейсеров и 79 эсминцев (всего — 150 выпелов); германский — 22 линкора, 5 линейных крейсеров, 11 легких крейсеров и 61 эсминец (99 выпелов). Таким образом, англичане имели подавляющее превосходство в силах. Вес бортового залпа их кораблей был почти в 2,5 раза больше, чем у кораблей немцев, причем, что немаловажно, они обладали ощутимым преимуществом в орудиях главного калибра. Английские линкоры и линейные крейсера превосходили германские в скорости, но уступали им по бронированию и живучести.

Ютландское морское сражение началось в 14 ч. 30 мин. 31 мая скоротечным огневым контактом авангардов линейных крейсеров, в ходе которого немцы не только потопили 2 линейных крейсера, но и навели английский авангард на свои главные силы. Из-за отсутствия разведки командующие флотами не знали действительной обстановки и нередко допускали ошибки, чреватые гибельными последствиями. Так английский авангард, оказавшись перед главными силами германского флота, начал отход, а германский флот, не подозревая о нахождении в море всего английского флота, вскоре оказался перед его главными силами. Дневной бой между ними был нерешительным с обеих сторон и носил характер кратковременных боевых столкновений, но в целом, учитывая перевес англичан в силах, складывался в их пользу. Все же к исходу 31 мая германскому флоту удалось оторваться от противника. Ночной бой между флотами носил характер случайных и неорганизованных стычек отдельных кораблей. 1 июня 1916 г. германским кораблям удалось вернуться на базу.

Потери в Ютландском сражении составили: у англичан 3 линейных и 3 броненосных крейсера, 8 эсминцев, около 6 800 чел. убитыми, ранеными и пленными, немцы потеряли 1 линейный крейсер, 1 линкор (устаревший), 4 легких крейсера и 5 эсминцев, около 3 100 человек было убито и ранено. По общему тоннажу погибших кораблей (около 114 тыс. тонн) потери англичан почти в два

раза превышали потери немцев (около 60 тыс. тонн). Из 25 кораблей, погибших в Ютландском сражении, 17 было потоплено артиллерией и восемь торпедным оружием. Результаты использования оружия в бою характеризуются следующими данными: английский флот выпустил 4 598 снарядов, из них 100 попало в цель (2,2%), и израсходовал 74 торпеды, из них достигло цели 5 (6,8%); германский флот выпустил 3597 снарядов и добился 120 попаданий (3,3%) и 109 торпед, из которых в цель попало 3 (2,7%).

В Ютландском сражении мощные флоты противостоявших сторон не решили своих задач, заключавшихся в достижении полной победы над врагом. Несмотря на большие потери в сражении, Англия сохранила за собой господствующее положение на море, сохранив за собой инициативу в ведении войны на море [2].

Следствием Ютландского морского сражения стала блокада германского флота на своей базе до конца Первой мировой войны и его бесславный конец в бухту Скапа-Флоу 21 июня 1919 г.

Следует отметить, что противники придерживались устаревшей линейной тактики. Громоздкие кильватерные колонны оказались неудобными для ведения боя, затрудняли массированное использование огневых средств и сковывали инициативу командующих эскадрами. Сражение показало возросшую роль в бою легких сил, но они не имели должной организации взаимодействия. Впервые получили широкое применение дневные торпедные атаки, но производились они одиночными торпедами, с больших дистанций, без поддержки атакующих кораблей другими силами и были малоэффективны. Ютландское морское сражение показало большую зависимость хода и исхода боевых действий флота от состояния разведки, гибкости и твердости управления главными силами флота. Оно знаменовало окончательный крах идеи «генерального морского сражения» как главного способа достижения цели вооруженной борьбы на море.

Следствием Ютландского морского сражения стала блокада германского флота на своей базе до конца Первой мировой войны и его бесславный конец в бухту Скапа-Флоу 21 июня 1919 г.

Примечания

1. Уайтон Ч. Знаменитые шпионы. М., 1996.
2. Харпер Дж.Э.Т. Правда о Ютландском бое. М., СПб., 2002.

БОСТОНСКОЕ ЧАЕПИТИЕ» НА СТРАНИЦАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ XVIII—XIX ВЕКОВ

16 декабря 1773 года в столице Массачусетса (англ. Commonwealth of Massachusetts — штат в Новой Англии, расположенный на северо-востоке США, на берегу Атлантического океана) городе Бостоне произошло знаменитое «Бостонское чаепитие», ставшее одним из наиболее известных эпизодов в истории войны за независимость.

Столь значимое событие в жизни колонии просто обязано было попасть на передовицы местных газет. Уже 23 декабря 1773 года «Массачусетский бюллетень» сообщает о массовом собрании, участники которого требовали от грузополучателей уплаты соответствующей пошлины или немедленную отправку кораблей с товаром обратно без разгрузки [1, 1]. Отметим один крайне важный для оценки последующих событий факт — толпа на пристани открыто выражала недовольство несправедливой экономической политикой Великобритании, требуя от собственников груза соблюдения английских же законов, предписывающих уплату пошлины за чай в течение 20 дней [2; 3]. В случае неуплаты груз подлежал конфискации. Срок истекал 16 декабря 1773 года...

Ситуация усугублялась позицией местных властей — губернатор Хатчинсон не только не дал разрешения на отплытие, но и распорядился перекрыть выход из порта [4, 1]. Столь решительное поведение губернатора имело важную причину — в списке грузополучателей значились двое его сыновей [5, 2].

Другое американское периодическое издание «Бостонский бюллетень» в своем номере от 20 декабря 1773 года, описывая события, предшествующие уничтожению чая, отметил стремление местных жителей не допустить самовольной разгрузки — на прошедшем прямо там же общем собрании был назначен «комитет десяти [6, 1].

Вечером 16 декабря 1773 года состоялось еще одно собрание, на которое пришло около 7 000 человек [3, 67]. В разгар мероприятия к месту проведения собрания подошла группа людей, загримированных индейцами, и издала боевой клич, который тут же был подхвачен несколькими участниками собрания, но их призвали к порядку, и спокойствие воцарилось вновь [7, 95].

«Индейцы», тем временем, направились в порт, где после 3 часов непрерывной работы они опустошили трюмы всех кораблей Ост-Индской компании, уничтожив 342 тока с чаем [1, 1]. Примечательно, что радость колонистов по поводу «победы над чаем» разделяли капитаны кораблей и судовладельцы [8, 779]. Патриотов поддержал и Самюэль Адамс, утверждавший, что «...чаепитие» не было актом беззакония толпы, но принципиальным протестом и единственным

оставшимся вариантом, который люди должны были использовать для защиты своих конституционных прав» [9; 3, 129].

Интерес к декабрьским событиям 1773 года нисколько не угас даже спустя столетие. Представления американцев о событиях вековой давности не претерпели значительных изменений; события той памятной ночи по-прежнему оценивались положительно, чего нельзя сказать о содержании самих статей.

Так, по случаю празднования юбилея «Бостонского чаепития» «Реклама Небраски» от 15 января 1874 года разместила на первой полосе речь некоего Филиппа Уэнделла, полностью посвященную Бенджамину Франклину, которого оратор ставил в один ряд с титанами научной мысли [10]. В завершение Филипп Уэнделл приписывает Франклину-ученому не много ни мало открытие устройства окружающего мира [11, 1].

Не меньший интерес представляет и материал, опубликованный 4 января 1874 года в «Утренней звезде и Католическом вестнике». В ней автор, отдавая дань событиям, произошедшим 16 декабря 1773 года в порту Бостона, призывает не забывать, что Аннаполис имеет свои собственные, не менее славные традиции «чаепития» [12, 1]. Ведь 14 октября 1774 года бриг «Пегги Стюарт» прибыл в гавань Аннаполиса из Лондона, имея на борту 2 320 фунтов чая. Несмотря на уплату владельцами груза пошлины, местные жители организовали посменные дежурства с целью не допустить разгрузки судна. В статье подчеркивалось, что жители Аннаполиса в отличие от Бостонских патриотов не прятали лиц за масками или гримом [12, 1].

Наконец, весьма оригинальную точку зрения на причины «Бостонского чаепития» и характер его движущих сил приводит 21 марта 1874 года передовица газеты «Аризонский часовой»: уничтожение чая в Бостонской гавани — дело рук ку-клукс-клана [13, 4].

Роль американской прессы XVIII—XIX веков в оценке событий 16 декабря 1773 года сложно переоценить. Пропитанные патриотизмом, идеями свободы и независимости небольшие газетные заметки не только способствовали росту самосознания жителей США, но и, в конечном итоге, складыванию единой американской нации.

Примечания

1. Massachusetts Gazette. January 23. 1774. P. 1.
2. См.: Woods B. Labaree The Boston Tea Party. L., 1968.
3. Alexander J.K. Samuel Adams: America's Revolutionary Politician (American Profiles). L., 2004.
4. Massachusetts Gazette. December 23. 1773. P. 1.
5. Memphis Daily Appeal. November 27. 1873. P. 2.
6. Boston Gazette. December 20. 1773. P. 1.
7. Encyclopedia of the American Revolution. N.Y., 2006.

8. English historical documents. American colonial documents to 1776 / Ed. By M.Jensen. N.Y., 1969. P. 779.
9. Американский философ и государственный деятель. См. Michael Burgan. Samuel Adams: Patriot and Statesman. MN., 2005.
10. Американский политический деятель, дипломат, ученый, изобретатель, журналист и издатель. См. Isaacson W. Benjamin Franklin: An American Life. N.Y., 2004.
11. Nebraska advertiser (Brownville, Nemaha County). January 15. 1874. P. 1.
12. The Morning Star and Catholic Messenger. January 4. 1874. P. 1.
13. The Arizona Sentinel. March 21. 1874. P. 4.

С.А.Васютин

г. Кемерово

Кемеровский государственный университет

ДИСКУССИЯ О КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Среди отечественных кочевниковедов с конца 1980-х гг. неоднократно предпринимались попытки обращения к цивилизационному подходу, к его различным трактовкам. В рамках цивилизационной интерпретации истории кочевников исследователи в первую очередь стремились показать специфику развития степных сообществ Евразии. Концепция «степной цивилизации» впервые была высказана А.И.Мартыновым. Опираясь на выдвинутые А.Дж.Тойнби, Г.Чайлдом, Дж.Стюартом, В.М.Масоном и др. признаки цивилизации, А.И.Мартынов предложил рассматривать мир степной Евразии не через его отдельные части — археологические культуры и связанные с ними этнополитические образования, а как историческую макросистему — цивилизацию «скифо-сибирского мира», «степную цивилизацию», сложившуюся в I тыс. до н. э. Среди ее признаков он назвал и наличие «стративно-классовой системы», «ранней государственности», искусства «звериного стиля» как «социально-знаковой идеологической символики» [1, 284, 287—292; 2, 7—11].

Концепция «скифо-сибирского единства» и «скотоводческой цивилизации» обсуждалась на специальном совещании в отделе скифо-сарматской археологии Института археологии РАН и была воспринята неоднозначно. Высказывалось мнение, что совокупность своеобразных кочевнических культур степной Евразии скифского времени невозможно расценить как некое этническое или культурное единство и уж тем более как цивилизацию. Резко против идеи «скотоводческой цивилизации» выступил В.А.Башилов, отмечая, что такие критерии цивилизации, как города и письменность, отсутствуют у кочевников скифо-сибирского мира. На этом основании он подчеркнул, что «попытки... подменить

принятые критерии реалиями кочевого мира, например, выдать за наличие монументальной архитектуры возведение больших курганов, не выдерживают критики» [3, 37].

Отвечая на критические замечания оппонентов, А.И.Мартынов более детально обосновал возможность выделения «степной цивилизации». Он полагает, что нельзя подходить к оценке степных обществ на основе признаков земледельческих цивилизаций и исходить только из стадийного подхода, указывая при этом, что «какие бы достижения в мировой истории ни имел», — он «заведомо был обречен на вечное пребывание на стадии варварства». При этом А.И.Мартынов выделяет экономический (рациональная форма адаптации к условиям степной Евразии), этнический, идеологический, социальный и внешнеполитический (противостояние кочевников Древней Греции, Ахеменидской Персии, Китаю) факторы развития кочевничества. В истории «степной цивилизации» А.И.Мартынов выделяет два периода: 1) «эпоху скифо-сибирского мира» (VII—III вв. до н.э.); 2) «гунно-тюркскую эпоху» (со II в. до н.э. и до монгольских завоеваний). В период расцвета «скифо-сибирского мира», по мнению ученого, фиксируются следующие признаки «степной цивилизации»: 1) развитие региональных экстенсивных форм скотоводства и пойменного, орошаемого земледелия, дающих стабильный прибавочный продукт; 2) развитие специализированных форм ремесленной деятельности; 3) наличие монументальных погребальных и культовых сооружений; 4) высокоразвитое искусство звериного стиля как выражение социальной идеологии со знаково-коммуникационными функциями; 5) наличие стратовой-классовой системы; 6) существование устойчивых транспортных и обменных контактов вдоль степной зоны; 7) рост численности и плотности населения; 8) существование в V—II вв. до н.э. ранних государств скифов, саков, в Горном Алтае, в верховьях Енисея и в Ордосе со сложившейся экономической базой, социальной структурой, идеологией и границами распространения. В гунно-тюркскую эпоху («эпоху номадизма»), происходит усиление роли экстенсивного скотоводства, появляются новые элементы духовной (новые сюжеты в искусстве, иные художественные традиции) и материальной (иное наступательное и оборонительное вооружение) культуры, изменяется этнический состав, возникают лидирующие центры, а в руках знати концентрируется прибавочный продукт, престижные символически значимые предметы; появление и т.д. [4, 80—83; 5, 7—14].

Из других многочисленных публикаций, в которых поднимаются вопросы цивилизационной трактовки истории номадов, выделим работы Г.Г.Пикова, А.М.Буровского, Н.Н.Крадина.

Г.Г.Пиков трактует кочевую цивилизацию как «особый мир, отличающийся как от западной, так и от восточной цивилизации», а степной образ жизни считает таким же «историческим феноменом, как и городской или сельский». Зарождение кочевой цивилизации исследователь относил к середине I тыс. до н.э. и выделил три периода в «классической эпохе существования кочевой цивилизации»:

1) гуннский (III в. до н.э. — V в.н.э.); 2) тюркский (VI—XII вв.); 3) монгольский (XII—XIV вв.). Наиболее обстоятельно Г.Г.Пиков рассмотрел вопрос о существенных чертах кочевых цивилизаций. Одни из них фактически характеризуют особенности кочевой ментальности и восприятия номадов соседями, религиозные, этические и другие установки, бытовавшие в кочевой среде (традиционализм, охватывающий всю общественную жизнь, обычаи, мировосприятие и миропонимание; коллективизм, растворяющий человека в массе скотоводов; представления об особой силе «верховой власти»; специфичный «религиозный» комплекс идей, который объединяет, регулирует этнические и социальные группы и маркирует цивилизацию; специфика представлений о сакральном начале; особые представления об истории; письменность и т.д.), другие — особенности социально-политического устройства, социально-правовых норм (своеобразие форм государственного и социального развития, связанное со сложной социальной структурой, имеющей «вертикальный» характер; возможность складывания предельно централизованного государства; идея землепользования, а не землевладения; система дани и пр.). В качестве центрального признака цивилизации ученый выделил такой критерий, как «строительство» цивилизацией самой себя, т.е. самоосознание своей роли, выбор особого пути постижения «воли Неба», долг как основа универсальной морали, цель истории как принятие «небесного порядка» и т.д. [6, 7—8].

Особый взгляд на проблему кочевой цивилизации представил А.М.Буровский. Под «цивилизаций» он понимает определенный тип (не уровень) развития культуры. Говоря о наиболее важных отличиях степной цивилизации, исследователь подчеркивает, что внешняя эксплуататорская деятельность номадов «предполагает наличие слабо дифференцированного в социальном отношении, но сплоченного дисциплиной и осознанием своего историко-культурного единства ядра и периферии, которые могут находиться на самом различном уровне социально-политического и экономического развития и объединены только фактом политического подчинения центру». Тем самым одним из достижений цивилизации кочевников были имперские образования, вроде «Вечного зля» тюрков. Пока империя переживает «взлет», возводятся монументальные сооружения, строятся целые города, никак не вписывающиеся в инфраструктуру скотоводческого «ядра» империи, воздвигаются дворцы и пр., что свидетельствует об обладании колоссальными ресурсами, но как только начинается фаза «падения» — «происходит резкое сокращение энергетических возможностей и, соответственно, переход на более низкий уровень социально-политического развития». Тем самым исключается прогрессивная динамика кочевой цивилизации, ее трансформация в более сложную экономическую и социальную общность [7, 160, 162—163].

Интерпретацию истории номадов в цивилизационном русле сначала подержал и Н.Н.Крадин. В своих работах середины 1990-х гг. он писал о мегацивилизационной целостности — кочевом мире (его отличия — специфичная

хозяйственная деятельность и связанные с ней социокультурные характеристики). Исследователь считает, что мобильная система коммуникаций кочевников «заняла одно из ключевых мест в трансляции политической, технологической и культурной информации» и способствовала установлению «транзитных связей между локальными очагами человеческой культуры». Подчеркивал он вклад номадов в сокровищницу мировой культуры, а также их влияние на земледельцев в таких сферах, как вооружение, одежда, конское снаряжение, поведенческие императивы [8, 165].

В других своих работах Н.Н.Крадин считает более оправданным говорить о кочевой цивилизации не в рамках всей Евразии, а применительно к отдельным ее регионам (примером служила Внутренняя / Центральная Азия) [9, 77—78]. При этом исследователь полагал, что процесс становления кочевой цивилизации был длительным и объективно ранние кочевники в лице пазырыкцев, а также Хуннская держава не набирают необходимого количества признаков, чтобы считаться особой цивилизацией. Только применительно к Тюркскому и Уйгурскому каганатам (появление письменности и городов) Н.Н.Крадин пишет о завершении процессов цивилизационного строительства. Расцвет кочевой цивилизации он связывает с Монгольской империей и даже ставит вопрос о возможности ее характеристики как отдельной цивилизации [10, 88, 93]. Одновременно с этим ученый подчеркивает, что вряд ли кочевники разных зон Евразии и Северной Азии «осознавали себя как нечто единое, противостоящее другим народам». Поэтому, говоря о кочевом мире в целом, он предлагает рассматривать его как «квазицивилизацию», т.е. «внешне похожее на цивилизацию единство, которое на самом деле представляется концептуальным конструктом, созданным в мыслях исследователя» [10, 92]. В другой своей работе Н.Н.Крадин предложил узкий список археологических критериев цивилизации, полностью исключавший достижение традиционными кочевниками этого сложного уровня: 1) развитая (не менее чем трехуровневая) классовая структура; 2) постоянная оседлость, 3) земледельческое хозяйство как основа экономики; 4) обработка и использование металлов [11, 194—196].

В работах кочевниковедов последних 10—15 лет просматривается разное понимание термина «цивилизация» и разное территориально-культурное его наполнение. Теория цивилизаций применялась ко всей степной Евразии (А.М.Буровский, А.И.Мартынов, Г.Г.Пиков), к метарегионам, но в определенных временных рамках — раннесредневековая цивилизация Центральной Азии [12, 3], к этнохронологической ретроспективе — древнетюркская цивилизация [13, 490—496; 14, 564—570], к определенным кочевым обществам — цивилизация Золотой Орды [15, 167—186] и даже в локальном варианте — «кочевая цивилизация Восточного Туркестана» (правда в последнем случае содержание работы, в отличие от ее названия, отчетливо показывает, что Восточный Туркестан являлся частью «цивилизации кочевников Центральной Азии») [16, 7]. Некоторые ученые, как, например, А.М.Хазанов, предпочитают избегать словосочетания

«кочевая цивилизация» и используют другой термин — «историко-культурный регион» [17, 47]. Этот термин, являясь более нейтральным, по сравнению с понятием «цивилизация», все же оставляет без ответа целый ряд вопросов и также требует обоснования и определенных критериев.

В целом к настоящему времени можно говорить лишь о ранних этапах осмысления в российской науке истории кочевников в русле цивилизационной парадигмы. Исследователи расширяют собственную аргументацию, занимаются проблемами и методиками сравнительного анализа, обращаются к теоретическим и терминологическим аспектам. Однако по-прежнему теоретические основы цивилизационного подхода к оценке кочевых социумов разработаны слабо. Как сторонники, так и противники существования цивилизации у кочевников редко обращались к анализу теоретических положений цивилизационного подхода, а тем более к самостоятельной разработке его концептуальных основ. В работах отечественных ученых по проблемам цивилизации у кочевников, как правило, не проводился всесторонний анализ понятия «цивилизация», отсутствовали специальные методики сравнительного изучения кочевых и оседлых обществ, использовалось весьма ограниченное число доводов и аргументов. Не случайно, что до сих пор в российской науке не появился фундаментальный труд по кочевой цивилизации (либо по цивилизациям отдельных регионов степной Евразии). Преимущественно публикации по этой теме представлены статьями. Но все же их число и содержательная сторона свидетельствуют о постепенном движении отечественных ученых к построению фундаментальных концепций кочевой цивилизации.

Примечания

1. Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
2. Мартынов А.И. Скифо-сибирский мир — степная скотоводческая цивилизация — V—II вв. до н.э. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Кемерово, 1989. Ч. I.
3. Башилов В.А. Можно ли считать скифо-сибирский мир «цивилизацией кочевников» // Античная археология и памятники железного века на территории СССР (КСИА РАН. Вып. 207). М., 1993.
4. Мартынов А.И. Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Мат. междунар. конф. Т. I: Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000.
5. Мартынов А.И. Модель цивилизационного развития в степной Евразии // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003.
6. Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «Кочевая цивилизация» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2009. Т. 8. Вып. 1.

7. Буровский А.М. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // Цивилизация. М., 1995. Вып. 3.
8. Крадин Н.Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. М., 1995. Вып. 3.
9. Крадин Н.Н. Стадиальные и цивилизационные особенности кочевых обществ // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I: Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000.
10. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
11. Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. Волгоград: Учитель, 2006. С. 194—196.
12. Волков В.В. Предисловие // Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI—VIII вв. М., 1996.
13. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
14. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
15. Кульпин Э.С. Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
16. Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: Учеб. пособие. Новосибирск, 2002.
17. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е. Алматы, 2000.

Д.А.Волошин

г.Армавир

Армавирская государственная педагогическая академия

К ВОПРОСУ О РОЛИ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПАДЕНИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

«Геоклиматические» версии, согласно которым несколько веков климатических изменений несут частичную ответственность за упадок и разрушение Римской империи, отнюдь не являются новыми. Так, научные представления о роли глобального похолодания в гибели Римской империи и глобального потепления в расцвете средневековой Европы сформировались на основании письменных источников еще в XVIII—XIX вв. Однако именно современные исследования и открытия представляют интерес как естественнонаучное подтверждение этой теории на основании анализа обширного эмпирического материала.

Группа климатологов во главе с Ульфом Бюнтгеном из Швейцарского федерального института исследования лесов, снегов и ландшафтов пришла к выводу, что одним из ключевых факторов ослабления и распада Римской империи в III—V в. н. э. стало изменение климата. Ученые реконструировали историю

изменения климата в Европе за последние 2 500 лет на основании анализа годичных колец деревьев [1]. Выяснилось, что периоды, когда лето было теплым и влажным, совпадают с историческими периодами относительного процветания европейских цивилизаций — Рима (от Октавиана Августа до династии Северов) и Западной Европы периода «Высокого средневековья». Период упадка Римской империи, начавшийся с кризиса III века (экономический упадок, гражданские войны и политическая нестабильность) совпадает с относительно холодным и засушливым периодом. Изменение климата негативно сказалось на сельском хозяйстве — основе римской экономики [2]. Дополнительное подтверждение получила и версия, согласно которой Великое переселение народов также было связано с неблагоприятными климатическими изменениями [3].

Палеоклиматолог У.Бюнтген пояснил: «Оглядываясь на две с половиной тысячи лет назад, мы находим примеры влияния изменения климата на ход человеческой истории. Это подходит не только для характеристики древнего аграрного общества, но может иметь значение и для современного социума».

Ученые были вооружены огромным массивом данных; после получения палеоклиматологами исторической хронологии европейского климата к исследованию подключились историки и археологи. Их задачей было сопоставление хронологии климатических перемен с социальными. В ходе анализа удалось установить совпадение периодов длительных засух, комбинаций резких заморозков и ветреного лета с упадком Римской империи. В противоположность катаклизмам, времена социальной стабильности и процветания, например, расцвет Рима (между 300 годом до нашей эры и 200 годом нашей эры), совпал с идеальным для сельского хозяйства теплым и влажным летом в регионе. Однако ученые настаивают, что приведенные в некотором роде провокационные данные не являются ответом на вопросы о причинах исторических катаклизмов, а помогают по-новому взглянуть на взаимодействие природы и человека. «В настоящее время мы живем в мире стечения обстоятельств и огромного количества данных. Пока нельзя достоверно утверждать, что нынешний максимум температур и продолжительная климатическая активность могли напрямую воздействовать на траекторию развития современного общества», — отметил геолог из университета штата Арканзас Д.Шталь.

Вообще, в проблематике “Climate change” существуют довольно различные трактовки. С одной стороны, есть мнение, что Римскую империю погубила жара (или потепление) [4]. Так, международная группа геологов из США и Израиля, проводя химический анализ древнейших горных пород в пещерах на территории бывшей Римской империи, обнаружила, что именно в период упадка Рима и Византии на территории Восточного Средиземноморья наблюдались самые климатические изменения. И та область, где были расположены Рим и Константинополь, более всего страдала от засухи и резкого повышения температуры. Причем в период с 200 г. до н.э. по 700 г. н.э. температура в этом районе неуклонно росла, что приводило к высыханию почв, отсутствию урожая и массовому

падежу скота. К этим выводам исследователи во главе с профессором геологии Джоном Вайли из Университета Висконсина–Мэдисона пришли после того, как провели геохимический анализ натечных минеральных образований в одной из самых древних пещер в Средиземноморье (пещера Сорек). Детальный отчет ученых показал, что климатические условия стали невыносимыми в начале — середине 400 годов н.э. и во второй половине 700 годов. Кстати, именно в эти годы империи переживали еще и сильнейшие эпидемии чумы, из-за которых вымирали целые города. По мнению исследователей, вспышки заболевания были вызваны засушливым и чересчур жарким климатом.

Есть и противоположное мнение (для него скорее подходит определение «альтернативная точка зрения»), согласно которому Римскую империю погубил холод (похолодание). А.П.Никонов [5, 71, 77—78, 98, 102—104] пишет: на протяжении последних 5 000 лет, то есть на протяжении человеческой истории, среднеглобальная температура не падала ниже 1°C и не поднималась выше 1°C от сегодняшней климатической нормы. Но и такие колебания для цивилизации были весьма драматичными и порой приводили к крушению целых империй. Римскую империю погубило падение среднеглобальной температуры всего на 0,5°C. Это привело к ухудшению климатической обстановки вокруг Средиземноморья и, соответственно, к падению урожаев. В итоге на Римскую империю начали насаждать оголодавшие варвары, что явилось результатом «климатической непогоды».

Примечания

1. Fall of Roman Empire linked to wild shifts in climate // Newscientist. URL: <http://www.newscientist.com>
2. Ward V. Climate change may be responsible for the rise and fall of Roman empire, scientists find // The Telegraph. 2011. January 16th. URL: <http://www.telegraph.co.uk>
3. 2500 Years of European Climate Variability and Human Susceptibility // Science. URL: <http://www.sciencemag.org>
4. Люльчак Е. Климатический упадок. Ученые полагают, что Римская и Византийская империи пали из-за жары // РБК daily: Ежедневная деловая газета. 2008. 9 декабря. URL: <http://www.rbcdaily.ru>
5. Никонов А.П. История отможенных в контексте глобального потепления. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2007. 296 с.

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ УЗБЕКСКИХ ИСТОРИКОВ

На рубеже 80—90-х гг. XX в. в Узбекистане стали формироваться новые подходы к изучению прошлого. Доминирующей, как и в большинстве стран бывшего СССР, стала выдвинутая еще М.Покровским концепция «абсолютного зла», которое несла Российская империя покоренным народам. В Узбекистане с конца 90-х гг. все обществоведческие науки, и в частности, история, попадают в зависимость и от официальной идеологии, формируемой непосредственно президентом Узбекистана.

И.А.Каримов резко негативно характеризует и царскую, и советскую политику в отношении Узбекистана. В целом, с подачи президента, там принято считать, что колониальный период длился не 50, а все 130 лет. По мнению И.А.Каримова, Узбекистан испытал на себе всю пагубность шовинистических и агрессивных националистических идей в период царской России. Их носителями была военная империя, экономика которой «эксплуатировала и паразитировала на жизненных ресурсах». Одновременно покоренным народам внушалась разрушительная идея их культурной и национальной неполноценности, «при империи нас считали людьми второго сорта». Президент не отрицает некоторых позитивных моментов в развитии края, которые выражались в развитии инфраструктуры, отдельных отраслей производства, подготовке кадров, приобщении населения к новым видам деятельности. Но негативное влияние, по его мнению, многократно превышало результаты «культивирования цивилизации извне». Цивилизация в Туркестане, пишет И.А.Каримов, насаждалась силой и сопровождалась ущемлением национального достоинства, умалением культурных и духовных ценностей, физическим уничтожением их носителей [13; 14; 15 и др.].

Несмотря на то, что И.А.Каримов не имеет исторического образования (он кандидат экономических наук), его многотомное собрание сочинений — это обязательный «источник» для каждого узбекского историка; цитаты из работ президента становятся неизменным атрибутом любого исторического исследования, а аспиранты даже сдают кандидатский минимум на знание его трудов. Поэтому маловероятным является появление в современном Узбекистане исследований, основанных на других подходах.

Узбекские историки каждый раз подчеркивают, что только с обретения независимости началась эпоха изучения «подлинной истории узбекского народа», «восстановления правдивой истории». Многие ученые, работавшие еще в советские

времена, постарались перестроиться под новую модель. Так, весьма показателен в этом отношении пример Г.А.Ахмеджанова, в советский период немало писавшего о прогрессивном влиянии присоединения Узбекистана к России [7; 8]. В новой политической ситуации его работы наполнены скорее митинговыми эмоциями, чем научными выводами: «... народам Туркестана предстояло сполна испить ... чашу колониального яда, именуемого российским господством в Центральной Азии. Российское господство предстало в двухмерно-двулико, но одинаково омерзительном обличе: колониальное иго царизма и тоталитарная система советской империи» [9, 42].

Историки в Узбекистане настаивают на факте «варварского» завоевания, а не присоединения Средней Азии к Российской империи, которое было сопряжено с восстаниями в городах, да и «во всем исламском мире» [25 и др.].

В коллективной монографии, посвященной истории государственности Узбекистана, период второй половины XIX — начала XX вв. характеризуется как препона на пути к национальной независимости и свободе [20].

В исследовании Ж.Х.Исмаиловой настойчиво повторяется тезис о том, «...что колониальные порядки наложили негативный отпечаток на характер социально-экономического развития Туркестана. В крае укреплялись стратегические позиции метрополии, закладывалась колониальная схема размещения производительных сил, усиливалось национальное угнетение и несправие» [10, 21].

Более взвешенные оценки содержатся в исследованиях Н.А.Абдурахимовой [1; 4; 5]. Ее труды, в отличие от работ ее коллег, можно обнаружить в российских и зарубежных изданиях [например, 2; 3; 23; 24]. И, тем не менее, она тоже утверждает, что происходило «систематическое выкачивание материальных богатств края без соответствующего эквивалентного возмещения», хотя и признает, что появление и развитие промышленности было «исторической необходимостью и означало вступление Туркестана на путь капитализма».

Г.К.Рустамова пишет: «...Российская империя имела положение государства с преимущественно фискальными заботами, откровенно колонизаторскими и русификаторскими намерениями, узаконенной дискриминацией жизни коренных народов» [19, 3]. Она обвиняет власть царя в разрушении национального менталитета народов края, традиций его государственности, водворение в крае русского образа жизни и постепенной ассимиляции коренного населения. Причем все эти высказывания не подкреплены фактами, а носят лишь декларативный характер.

Почти все исследователи, затрагивающие проблемы российской политики в Узбекистане, не сомневаются в стремлении имперских властей к «насильственной русификации». Ф.У.Сурғалиева пишет, что русские колонизаторы пытались завоевать край не только политически и экономически, но и вынашивали планы «этнографического» завоевания» [21, 8]. Вторит ей и Н.Н.Кодиров, отмечающий, что русское образование развивалось в ущерб традиционному [27]. В монографии О.Ата-Мирзаева, В.Геншке и Р.Муртазаева высказывается мысль о том,

что русская культура служила одним из средств русификации населения и ослабления влияния ислама [6, 91].

Тезис о насильственной русификации в устах узбекских историков выглядит весьма преувеличенным. Следует подчеркнуть, что российские власти сохранили большинство традиционных институтов в Средней Азии и избегали прямого вмешательства в жизнь местного населения. Не только ассимиляция (русификация) «сартов», но даже их тесное сближение с русским населением виделись лишь в отдаленной исторической перспективе.

Ш.Мухаммедов считает, что царская администрация вкладывала большие деньги в русскую часть городов, создавая все необходимые условия для проживания чиновников различного ранга, военных и их семей в ущерб «старым частям» узбекских городов [17]. В других книгах, посвященных истории Ташкента и Самарканда, содержатся примерно такие же утверждения [18; 25; 26]

Р.Ю.Турсунова постоянно подчеркивает, что в городах благоустраивались большей частью новые части, а районы, где проживало коренное население, были забыты. Такое разделение городов было дискриминационным по отношению к местным жителям [22].

Российские власти упрекают и в национальной дискриминации при выборах в Государственную Думу [16, 13 и др.]. Правда, при этом никто не вспоминает, что до колонизации ханская власть не только не предполагала формирование выборных органов управления, но и не признавала права человека даже на жизнь.

Ф.Исхаков, как и другие узбекские исследователи, критикует русские власти, но его работы отличаются наибольшей эмоциональностью и неприкрытой враждебностью. В адрес России автор выдвигает целый ряд претензий, среди которых одной из главных становится обвинение в экономической эксплуатации ресурсов колонии. Поэтому, якобы оставив слаборазвитыми свои собственные территории и продав за бесценок Аляску, которую нужно было осваивать, российские власти предпочитали брать готовые блага, которыми была так богата Средняя Азия. Он также подчеркивает, что в городах с обособленными частями были введены уничижительные ограничения для коренного населения. Правда, в чем именно заключались эти ограничения, он не поясняет. Ф.Исхаков не устает перечислять «зверства» русских при завоевании, подчеркивая, что они, чувствуя себя победителями, издевались над местным населением [12, 86, 108, 143, 152 и др.]. Переселенцев из Центральной России он характеризует как «люмпенизированное, шовинистически настроенное славянское население», которое было проводником «великорусской политики» и экспансионистской практики» царизма [11; 12, 125, 154, 159 и др.].

В целом, в исторических исследованиях современных узбекских ученых явно прослеживается единый курс на формирование негативного образа колониального и советского прошлого. «Независимость создала возможность расширения поля научных исследований, освобождая от шаблонов и стереотипов, формирования новой исторической концепции», — пишет Р.Ю.Турсунова [22, 8].

На деле выходит, что взамен одних шаблонов и стереотипов пришли другие, и совершенно очевидно, что историческая наука продолжает служить политической конъюнктуре, до сих пор обвиняя трудностях и проблемах страны ее «колониальное прошлое».

Примечания

1. Абдурахимова Н.А. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX — начале XX вв. Автореферат дис. ... доктора ист. наук. Ташкент, 1995.
2. Абдурахимова Н.А. Становление и особенности экономической политики России в Туркестане во второй половине XIX — начале XX вв. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2008. № 1—4.
3. Абдурахимова Н. Предпринимательская деятельность российских инвесторов в Туркестане // Евразия. Россия-Узбекистан: история и современность. Ч. VIII. 2010. № 1 (февраль).
4. Абдурахимова Н. Узбекистан в составе Российской империи // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001.
5. Абдурахимова Н.А., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX — первой четверти XX вв. Ташкент, 1999.
6. Ата-Мирзаев О., Геншке В., Муртазаева Р. Межнациональная толерантность в Узбекистане: история и современность. Ташкент, 2004.
7. Ахмеджанов Г.А. Гератский вопрос в XIX веке. Ташкент, 1971.
8. Ахмеджанов Г.А. Советская историография присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1989.
9. Ахмеджанов Г.А. Россия и Центральная Азия. Взаимосвязь в историческом развитии. М.; Ташкент, 2008.
10. Исмаилова Ж.Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX в. (на примере восстания 1916 г. в Ферганской долине). Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2002.
11. Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане. Ташкент, 1997.
12. Исхаков Ф. Центральная Азия и Россия в XVIII — начале XX вв. Ташкент, 2009.
13. Каримов И.А. Наша высшая цель — независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа // Собрание сочинений. Т. 8. Ташкент, 2000.
14. Каримов И.А. Узбекский народ никогда и не от кого не будет зависеть // Собрание сочинений. Т. 13. Ташкент, 2005.
15. Каримов И.А. По пути модернизации страны и устойчивого развития экономики // Собрание сочинений. Т. 16. Ташкент, 2008.
16. Катюкова Т.В. Проблемы Туркестана в центральных законодательных органах власти Российской империи (1905—1917 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001.
17. Мухаммедов Ш. Предпринимательство в российском Туркестане: две стороны одной медали // Евразия. Россия-Узбекистан: история и современность. Ч. VIII. №1 (февраль). М., 2010.
18. Мухамеджанов А. Канг — древний Ташкент и ташкентцы (страницы истории). Ташкент, 2009.

19. Рустамова Г.К. Колониальная сущность царской и большевистской власти в Туркестане (1867—1924 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1999.
20. Ртвеладзе Э.В., Алимова Д.А. История государственности Узбекистана. В 3 тт. Т. 1. Ташкент, 2009.
21. Сургалиева Ф.У. История становления, эволюции и деятельности хозяйственных госучреждений колониального Туркестана (1867—1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006.
22. Турсунова Р.Ю. Городское самоуправление в Туркестане (1877—918). Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2000.
23. Abdurakhimova N.A. Tsarist Russia and Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Towards the contemporary period: from the mid-nineteenth to the end of the twentieth century. Volume VI. Multiple History Series Unesco Publishing, 2005.
24. Abdurakhimova Nadira A. The colonial system of power in Turkistan // International journal of Middle East Studies. The middle east studies association of north America. Cambridge university press. May 2002. Vol. 34.
25. Алимова Д.А., Буряков Ю.Ф., Рахматуллаев Ш.М. Самарканд тарихи (кадимги даврлардан бугунги кунгача). Тошкент, 2009.
26. Алимова Д.А., Филанович М.И. Тошкент тарихи (кадим даврлардан бугунди кунгача). Тошкент, 2009.
27. Кодиров Н.Н. Туркистон улкасидаги рус таълим муассасалари тарихи (1867—1917 гг.). Автореферати тарих фонлари номзоди илмий даражасини олиш учун тақдим этилган диссертация. Тошкент, 2011.

А.Н.Галимичев

г.Саратов

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ ЧЕХИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ДВА ВЫЗОВА ПРАГЕ

Прага стала столицей Чехии с момента своего рождения. Ее основатель — князь племени чехов Борживой из рода Пржемысловичей, объединивший на пороге последней четверти IX в. под своей властью славянские племена Чешской долины — закладывал на высоком мысу над Влтавой новый град не как племенное городище, а как укрепленную столицу правителя возникавшего Древнечешского государства [1, 7—37]. Основание в 967 году Пражского епископства обеспечило княжеской Праге статус церковной столицы страны.

Именно здесь, в центре политической и религиозной жизни страны, в течение столетий билось и сердце ее экономики. Важно отметить, что в Праге, расположенной в географическом центре чешских земель, издревле сходились трассы наиболее оживленных сухопутных и водных путей, связывавших север и юг, запад и восток страны. Уже в X веке став центром международной торговли

европейского значения, Прага играла роль главного очага торговли внутри страны, а затем и крупнейшего центра ремесла, продукция которого была известна далеко за пределами Чехии [2, 129].

Сила названных объективных обстоятельств была и остается настолько значительной, что сама постановка вопроса о возможной утрате Прагой положения столицы Чешского государства кажется практически невероятной.

И все же дважды на протяжении своей многовековой истории положение Праги оказывалось под угрозой, причем оба вызова Праге пришлось на XIV—XV века, два последних столетия эпохи Средневековья, время динамичных перемен и острой социальной борьбы.

Первый вызов был брошен Праге Кутной Горой — выросшим в течение последних десяти лет XIII века центром добычи серебра, крупнейшим в Европе [3, 7—8].

Сказочные рудные богатства, обогащавшие казну, сделали Кутну Гору особо значимым для чешских королей городом. В 1300 году здесь был учрежден королевский монетный двор, где началась чеканка знаменитых пражских грошей. На территории двора был построен и королевский дворец, нередко служивший в качестве временной резиденции чешских королей, где они принимали иноземные посольства и издавали важные законодательные акты, самым знаменитым из которых стал Кутногорский декрет 1409 года о реформе Пражского университета.

Кутногорский собор св. Барбары (строился с 1388 по 1547 г.) — выдающийся памятник чешской готической архитектуры стал монументальным выражением политических притязаний кутногорских патрициев. Для его строительства был приглашен сам Петра Парлерж, зодчий знаменитого пражского собора св. Вита, с тем чтобы кутногорский собор затмил своим величием творение Парлержа на Пражском граде.

В первые годы гуситского движения Кутна Гора стала оплотом католического лагеря [4, 15—33]. Однако после победы, которую в январе 1422 года одержали у стен Кутной Горы гуситские отряды во главе с Яном Жижкой над крестоносцами, Кутна Гора утратила роль оплота антигуситских сил. С бегством немецких патрициев — потомков первых горных предпринимателей — ушли в прошлое политические амбиции Кутной Горы, а с постепенным истощением рудных месторождений — и ее экономическое значение.

Гуситское движение — ключевое событие чешской истории — стало временем рождения другого города, осмелившегося бросить вызов Праге — Табора. Табор во всех смыслах был антиподом Кутной Горы. В отличие от Кутной Горы, он возник не как экономический центр, а как военный лагерь, самой активной частью основателей которого были не богатые купцы-предприниматели, а представители сельской и городской бедноты, поверившие в предсказания радикальных гуситских проповедников о наступлении в 1420 году конца света и Судного дня [5, 363—366].

Став главной опорой гуситских радикалов, получивших от его названия имя таборитов, Табор не только стремительно рос в годы гуситских войн, постепенно превращаясь в средневековый город с присущими ему экономическими функциями и социальной структурой, но и долгое время претендовал на политическую гегемонию, возглавив Таборский союз городов, противостоявший с 1421 г. Пражскому союзу умеренных гуситов [6, 105—111].

С поражением полевых войск таборитов в 1434 году в битве при Липанах вопрос о столице Чехии был окончательно снят. Прага восстановила в обновленном гуситском движении обществе статус столицы, а оба города-соперника Праги заняли место в ряду провинциальных городов страны.

Таким образом, неординарные явления в социально-экономическом и политическом развитии Чехии XIV—XV вв. сопровождалась рождением двух городских центров, честолюбивые основатели которых рассчитывали утвердить свое первенство среди городов страны, однако запас прочности, накопленный Прагой в течение предыдущих столетий, позволил ей выдержать испытания и в бурном водовороте событий гуситской эпохи упрочить свое положение крупнейшего города и столицы Чешского государства.

Примечания

1. См.: Třeštík, D. Počátky Prahy a českého státu // Folia historica Bohemica. Praha, 1983. Sv. 5.
2. См., напр.: Блок М. Феодалное общество // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
3. Об истории основания Кутной Горы см. подробнее: Matějková, E. Kutná Hora, 1962.
4. См.: Kejř, J. Právní život v yusitské Kutné Hoře. Praha, 1958. S. 15—33.
5. Об обстоятельствах основания Табора см.: Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 57; Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М., 1956. Т. 1.
6. Об образовании Таборского и Пражского союзов см.: Мацек Й. Гуситское революционное движение. М., 1954. С. 105—111.

В.Н.Ерохин, А.В.Гибаленко

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ГАЛЛИИ И ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ДИНАСТИЕЙ КАРОЛИНГОВ В VIII — КОНЦЕ IX вв.

Вторая половина VIII — конец IX вв. является завершающим периодом в истории Галлии, который пришелся на начало, расцвет и закат государственности франкской королевской династии Каролингов. Особое значение для восприятия

исследуемого отрезка времени имеет позиция Каролингов по отношению к христианской церкви, т.к. представители этой династии осуществляли реформирование церкви, устанавливали союз с папством для того, чтобы папы освящали власть франкских королей, а короли помогали папам упрочить духовную власть, а затем и светскую в Риме.

Проблема развития христианской церкви в Галлии и вопросы ее взаимоотношения с династией Каролингов остается недостаточно исследованной в зарубежной и отечественной научной литературе. Важность проблемы связана с тем, что в России долгое время данная тема не исследовалась, т.к. в период атеистического безверия, рационализма и гонений на церковь со стороны советской власти с точки зрения идеологов историческая наука должна была служить торжеству коммунизма и, естественно, религии не находилось место в истории и общественной жизни. В результате на протяжении 70 лет данная тематика практически не разрабатывалась.

Современным историкам пробел в изучении истории церкви пришлось восполнять по трудам дореволюционных отечественных и зарубежных историков. Первые работы по обозначенной тематике стали появляться в XIX в., когда изучению истории христианской церкви в раннесредневековой Франции уделялось большое внимание. Габриель Моно (1844—1912) был инициатором издания первого во Франции общеисторического журнала «Историческое обозрение» (*Revue Historique*), начавшего выходить с 1876 года. В этом издании исследователи рассматривали исторические аспекты развития Франции в средневековье. Все научные статьи носили обобщающий характер. Всего томов журнала 173, они находятся на официальном сайте «Gallica Bibliothéque Numérique» [1]. К наиболее известным французским исследователям по данной теме относят Ньюма Дени Фюстеля де Куланжа (1830—1889). Главная работа Куланжа «История политических институтов древней Франции» в шести томах охватывала период от времен кельтской Галлии до конца IX в. [2, 144—145.]

В Германии работы по изучению проблемы развития Галлии в VII—IX вв. стали появляться во второй половине XIX в. Наряду с политической и дипломатической историей, историей права, активно разрабатывалась история церкви, учреждений и культуры. В 1875 г. была взята на государственное финансирование основанная в 1824 г. серия «Исторические памятники Германии» (*Monumenta Germaniae Historica*), а с 1876 г. ее издание возглавил известный медиевист Георг Вайц. С целью опубликования новых исследований стали создаваться провинциальные исторические общества. Значительно расширились локальные исследования по истории разных областей Германии [3, 109]. Важно отметить, что работы немецких исследователей отразили влияние тех проблем, которые занимали историческое сознание немецкого общества.

Работы советских историков носят идеологическую окраску, а современные исследователи обращаются в основном к проблемам характеристики социально-экономического и политического развития Галлии. В отечественной исторической

науке обозначенная проблема остается малоисследованной. В настоящее время существуют работы, в которых рассматривается история Средних веков и история древней христианской Церкви в целом. В их число входят исследования ряда отечественных и зарубежных историков: Робертсона Д. «История христианской церкви. От Апостольского века доразделение Церквей», Спасского А.А. «Лекции по истории Западного Средневековья», Ускова Н.Ф. «Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли I/III — середина XI в.», Солодовникова В.В. «Поздние соборы — Каролингская Галлия, вторая половина VIII — конец X вв.», Ешевского С.В. «Эпоха переселения народов и Каролинги», Лебедева А.П. «Собрание церковно-исторических сочинений», Стасюлевича М.М. «История Средних веков. От Карла Великого до крестовых походов». В этих работах проанализированы основные аспекты церковной истории, внутренняя и внешняя жизнь христианских сообществ.

К VIII в. франкская церковь находилась в глубоком кризисе. В среде духовенства несоблюдение канонов стало почти нормой. В правление Пипина Короткого (751—768) была проведена важная церковная реформа, которая ставила ряд задач и выдвигала ряд требований к священникам. Была упорядочена церковная организация на всех уровнях, от прихода до архиепископства; впервые было определено, что несколько епископств составляют архиепископство. Решено было ежегодно проводить соборы. Священнослужителям воспрещалось носить светское платье и оружие, заниматься военным делом и охотой. Были предприняты шаги по возвращению церкви конфискованных у нее земель, но то встретило сопротивление со стороны тех, кто получил эти земли в бенефиций.

Благодаря инициативе Каролингов и знати появилось большое количество монастырей (в это время возникли, в частности, такие бенедиктинские аббатства, как Сен-Бертен и Флери). Исключение составляли обители, основанные ирландскими отшельниками и миссионерами, появившимися на континенте в конце VI в. (первым был св. Колумбан) и создавшими немало знаменитых впоследствии монастырей, в том числе Люксей, Боббио, Санкт-Галлен, Корби. Дисциплина в них была очень строгой, поощрялось чтение, а также проповедь христианства местному населению. Некоторые старые королевские монастыри (например Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре под Парижем) также заботились о соблюдении устава. Однако большинство обителей находилось в жалком состоянии [4, 118].

Несмотря на постепенный рост числа приходов, восприятие христианской религии для большинства населения оставалось поверхностным. Тем не менее, реформа содействовала улучшению отбора кандидатов на церковные должности, установлению определенных нравственных норм в среде духовенства и преодолению наиболее очевидных языческих предрассудков.

Дальнейшую церковную политику продолжил сын Пипина Карл, получивший при своей жизни прозвище Великий (768—14). При его правлении в 789 г. был составлен капитулярый о церковном порядке (*Capitulare ecclesiasticum*),

состоявший из 81 пункта наставлений, адресованных епископам, монахам и мирянам [5, 45]. В правление Карла Великого принимаются меры против бродяжничества монахов и их обмирщения: нарушения обета безбрачия, ношения дорогой одежды, участия в охоте и иных светских развлечениях. Церковная реформа Карла затронула и другие аспекты церковной жизни. Он поручил своему ближайшему сподвижнику и советнику англосаксонцу Алкуину сверить текст Священного Писания. Предложенная им версия Вульгаты оставалась наиболее авторитетной вплоть до XVI в. [6, 136].

При Карле было упорядочено богослужение. За основу была взята римская литургия, заменившая галльскую, в которой было много восточных черт. Центральным элементом нового богослужения стал сформулированный Паулином Аквилейским Символ веры, в который вошла заимствованная у испанских католиков формула «Filioque», послужившая в дальнейшем догматическим отличием западного христианства от восточного; в самом Риме этот Символ веры был воспринят лишь в XI в.

Подчинение Церкви для Каролингов было принципиально важным, так как она была мощным фактором для преодоления феодальной раздробленности и усобиц в империи.

Примечания

1. Электронный ресурс. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k182715/f4>, свободный.
2. Капитулярии Карла Великого о церковном порядке // История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768—1096 гг.) / Сост. М.М.Стасюлевич. СПб.: ООО «Издательство «Полигон»; М.: ООО «Фирма «Издательство «АСТ», 2001. 688 с.
3. Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли II/III — середина XI в. / Серия: Библиотека Средних веков. СПб.: Алтейя, 2001. 512 с.
4. Солодовников В. Поздние соборы. Каролингская Галлия. Вторая половина VIII — конец X вв. М., 2009. 339 с.
5. История Средних веков: В 2 т. Т. I: Учебник / Под ред. С.П.Карпова. 6-е издание. М.: Изд-во Моск. ун-та: Изд-во «Печатные Традиции», 2008. 681 с.
6. Спасский А.А. Лекции по истории западно-европейского Средневековья. 2-е изд., испр. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2009. 288 с.

ИДЕЯ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Несмотря на всю одиозность термина, совмещающего в себе понятия «человеколюбивый» и «вторжение», идея гуманитарной интервенции остается актуальной и на рубеже второго и третьего тысячелетий. Концепция о допустимости вмешательства во внутренние дела других государств получила не только теоретическое обоснование, но и практическое воплощение в политике Великобритании XIX — начала XXI веков.

Виднейший британский либеральный экономист и мыслитель Дж.С.Милль в сочинении «Несколько слов о невмешательстве» (1859 год) предложил ряд принципов, определявших возможность влиять на внутренние дела других государств. Современные автору народы подразделялись на две группы — цивилизованные и варварские. Вмешательство во внутренние дела других государств дозволялось Великобритании на том основании, что она являлась лучшей из всех существовавших наций, поскольку поступками ее представителей руководили не стремление к славе или власти над миром, а желание стимулировать рост богатства и прогресс цивилизации [1, 117]. Народы, все еще находившиеся на уровне варварства, не воспринимались Миллем как полноценные субъекты международных отношений и, собственно, как нации. Следовательно, вопрос о допустимости вмешательства в дела других народов автором переносился из области международного законодательства в область взаимоотношений между людьми и морально-этических норм.

По мере расширения в конце XIX века власти Британской империи на туземные территории возрастало и стремление объяснить экспансию причинами гуманистического характера. Имперские идеологи развивали идею о том, что настоящим призванием англичан является распространением достижений Западной цивилизации по всему миру. Авторитетный либеральный лидер лорд Розбери называл Британскую империю «величайшим светским агентством по распространению добра, которое когда-либо видел мир» [2, 56].

Значительное влияние на формирование концепции гуманитарной интервенции в Великобритании в конце XX века оказали взгляды советника Т.Блэра по внешней политике Роберта Купера, изложенные в работах «Постсовременное государство» и «Новый либеральный империализм». Купер подразделял все государства мира на три группы: до-современное (pre-modern), современное (modern), пост-современное (post-modern). К первой группе он отнес Сомали, Афганистан, Ливан, где государственная власть слаба или, напротив, авторитарна,

религия составляла основу общественной жизни, а внешняя политика была направлена на территориальное расширение. Государства современного типа, согласно классификации Купера, централизованы и управлялись бюрократией, имели экономику индустриального типа, стремились к поддержанию баланса сил и защите национальных интересов. К этому типу государств автор относил Индию, Пакистан и Китай. Характерными признаками постсовременных государств назывались отсутствие различий между проблемами внутренней и внешней политики, отказ от применения силы в качестве средства решения споров, стирание границ между государствами данного типа, прозрачность политики. Любопытно, что к категории подобных государств автор концепции безоговорочно причислил лишь Европейский Союз и Канаду, а в отношении США и Японии сделал ряд оговорок.

Основной задачей постсовременных государств Купер назвал развитие демократических институтов, рыночной экономики и многосторонней дипломатии, что вполне соответствует традиционным лозунгам западных демократий. Однако, принимая во внимание угрозы, исходящие из анархичных до-современных государств, автор не исключил возможности появления нового типа империализма, «приемлемого для мира, в котором господствуют права человека и космополитические ценности» [3, 17]. Более того, автор открыто и четко излагает и обосновывает принцип двойных стандартов для пост-современных государств. Внутри данной группы признается первенство закона и принципов коллективной безопасности. По отношению к странам, «застывшим» в XIX веке, живущим по принципу джунглей и угрожающим благополучным соседям, необходимы более грубые методы, в том числе сила, превентивная атака, обман. Таким образом, Купер обосновал право постсовременных государств вмешиваться в дела любого из государств мира, с целью преодолеть нестабильность, искоренить насилие либо остановить терроризм. «Примите тот факт, что интервенция в досовременные государства станет фактом» — подчеркнул он, завершая свою работу [3, 40].

Официально данная позиция была изложена британским премьер-министром Т.Блэром 24 апреля 1999 года в ходе выступления в Чикагском экономическом клубе. В основу «доктрины международного сообщества» был положен опыт урегулирования югославского конфликта силами НАТО и европейских государств. В современном мире, отмечал Т.Блэр, «изоляция потерял всякое право на существование» [4]. Взаимосвязь государств и континентов проявляется в различных аспектах общественной жизни — экономическом, политическом, социокультурном. В соответствии с изложенной доктриной развивалась и внешняя политика Великобритании: после прихода лейбористов к власти в 1997 году ее вооруженные силы приняли участие в вооруженных конфликтах в Косово (1999 год), Сьерра-Леоне (2000 год), Афганистане (2000 год), Ираке (2003 год).

Примечания

1. Mill J.S. A Few Words on Non-Intervention. L., 1984. Vol. XXI.
2. Raymond E.T. The Man of Promise. L., 1923.
3. Cooper R. The Post-Modern State and the World Order. Demos, 2000. P. 17.
4. Speech by the Prime Minister Tony Blair at the Economic Club, Chicago. 24 April 1999. The official site of the British Prime Minister's Office. URL: <http://www.pm.gov.uk/output/Page1297.asp>.

С.В.Горбунова

г.Нижневартковск

Нижневартковский государственный гуманитарный университет

РАЗРАБОТКА ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ ПРИСТАВА ПРИ ХАНЕ МЛАДШЕГО КАЗАХСКОГО ЖУЗА: ПРОЕКТЫ П.К.ЭССЕНА И В.Ф.ТИМКОВСКОГО

Не останавливаясь специально на довольно дискуссионной проблеме государственности у кочевников [7; 6, 111—141, 272—286; 9, 362—366; 8, 22—26 и др.], все же приходится констатировать, что после смерти наиболее влиятельных ханов в Казахской степи — Абулхаира (Младший жуз) в 1748 г. и Аблайхана (Средний жуз) в 1781 г. традиционные властные институты перестали быть эффективными регуляторами общественных отношений. Дезинтеграционные процессы привели к жестоким межродовым столкновениям, когда «не барантовал только сирый и убогий».

В свою очередь, в XVIII и начале XIX вв. российская администрация предпочитала не вмешиваться напрямую в сложные отношения внутри Степи. Более того, после присоединения казахов, чтобы оградить «исконно русских подданных» — башкир, калмыков, уральских и сибирских казаков от нападений «новых подданных», были сооружены укрепленные пограничные линии, самовольный переход которых строго запрещался тем и другим, что, впрочем, не намного снизило накал фронтальных столкновений [Подробнее: 3, 69—75].

С 80-х гг. XVIII в. российские власти колебались между двумя подходами: либо ослабить ханскую власть и установить непосредственные отношения с родовыми старшинами, либо, напротив, всячески укреплять институт ханской власти, с тем, чтобы сильный и авторитетный правитель мог удерживать своих подданных от «предерзостей».

Провал реформ Игельстрома, ориентировавшегося на родовых старшин («черную кость»), побудил ведомство иностранных дел, в ведении которого продолжали оставаться казахи, придерживаться курса на усиление ханской

власти. Однако ни один хан (особенно это касается Младшего жуза) не смог справиться с «буйством» казахских барымтачей. Власть последнего хана этого жуза — Ширгазы вообще стала призрачной и распространялась лишь на рода, ковавшие вблизи русской границы.

В 1820 г. Азиатский комитет, продолжая придерживаться курса на поддержку хана Ширгазы, обязал оренбургское начальство, и прежде всего, военного губернатора, прекратить непосредственные отнрошения с султанами, старшинами и «вообще с кем-либо из киргизцев Меньшой Орды» и осуществлять их только через хана, оказывая ему «возможное уважение и почтительность». Местным русским властям было запрещено вмешиваться «во внутренние или домашние действия Ханского совета без особых о том представлений со стороны хана» [4, д. 2246, л. 1-2]. М. Вяткин писал по этому поводу: «Произошел невиданный случай в истории колониальной политики царизма: губернатору запретили сноситься с султанами иначе, как через хана» [2, 38].

Для поддержания авторитета Ширгазы в Степь был послан специальный чиновник — пристав, который должен был постоянно находиться при ханской ставке, и отряд из 100 казаков.

В.Ф.Тимковскому, чиновнику Азиатского департамента, командированному для наведения порядка в Оренбургской пограничной комиссии (органе, непосредственно осуществлявшем сношения со Степью), было поручено составить для Пристава специальную инструкцию. Обязанности пристава должны были заключаться в следующем: «1) блюсти за киргизцами и все происходящее в Орде доводить чрез посредство Комиссии до сведения оренбургского военного губернатора; 2) получаемые приказания комиссии ... приводить в исполнение, таковые же, коих исполнение зависит от хана или султанов или другого кого из ордынцев, представлять приличным образом хану и употреблять свои внушения и домогательства по оным» [1, II-25, оп. 70, 1786—1842, д. 1, ч. II, л. 253-253 об].

При утверждении этого, казалось бы, вполне безобидного, документа наиболее явственно проявился конфликт между Оренбургской пограничной комиссией как органа Министерства иностранных дел и П.К.Эссеном, оренбургским военным губернатором, проводившем курс Военного министерства, в котором преобладало мнение о необходимости превратить формальное подданство казахов в реальную зависимость. П.К.Эссен, неоднократно убеждавшийся в слабости и коварности Ширгазы, не мог смириться с курсом МИДа на укрепление власти этого хана.

Составленная Тимковским инструкция была довольно краткой. Поскольку Младший жуз — «предмет еще не довольно коротко известный», пристав должен собрать о нем «подробнейшия сведения». Что касается остальных обязанностей, то в инструкции указывалось, что Пристав должен выполнять поручения Комиссии, а она оставляет за собой право «снабжать Пристава дополнительными наставлениями по мере надобностей, кои могут открыться тогда, как пристав сей доставит свои замечания».

П.К.Эссен не утвердил этот проект и предложил другой вариант, в котором сам представил историческое, географическое и статистическое описание жуза, разные сведения о хане и обстоятельствах, предшествовавших учреждению в Орде пристава. Ширгазы был охарактеризован не только как «слабый» и «мало-значительный» хан, но и как «неблагонамеренный».

Обязанности пристава были расписаны более подробно и включали фактически контрольно-надзорные функции. Приставу поручалось контролировать решения Ханского совета, чтобы они были «правосудны, согласны с обычаями народа, но в то же время и соответственны общим государственным узаконениям». Приставу предписывалось не допускать исполнение решений хана и его Совета, если такие решения нарушали российское законодательство [1, I-1, оп. 781, 1819—1849, д. 489, лл. 177-178].

Такие дополнения не только противоречили позиции Министерства иностранных дел, но и шли вразрез с решениями Азиатского комитета. Поэтому В.А.Тимковский, в свою очередь, категорично отказался учитывать замечания П.К.Эссена. Между ними разгорелся конфликт, который дошел до того, что военный губернатор отправил в Министерство иностранных дел письмо с просьбой Тимковского, «яко чиновника неусердного, беспокойного и строптивного, подвергнуть ответственности и действию законов, воспрещающих своеволие, неповиновение начальству и нанесение оному оскорблений» [1, I-1, оп. 781, 1819—1849, д. 489, л. 177].

Этот конфликт стал предметом рассмотрения Азиатского комитета. На его заседании 31 октября 1921 г. К.В.Нессельроде поддержал В.Ф.Тимковского, поскольку тот руководствовался решениями Азиатского комитета, а, «напротив того, г.Эссен оставался неизменяемым в своих понятиях о хане и об Орде, хотя оны и были в его присутствии в Комитете совершенно опровергнуты».

Тем не менее, пытаясь заглушить межведомственный конфликт, управляющий МИДом «признал приличным» оставить проект П.К.Эссена, исключив из него статью 19 о контролирующих функциях пристава. «На таковых подданных, каковы суть киргизцы Малой Орды, — докладывал К.В.Нессельроде Азиатскому комитету, — ... нужно ограничиться на одном сильном политическом на них влиянии, а не искать управлять ими положительно». Он убеждал Александра I и членов Азиатского комитета в том, что «лучше было бы предоставить без изъятия суд и расправу хану и совету его по древним ордынским обычаям» [1, I-1, оп. 781, 1819—1849, д. 489, лл. 179 об. – 182 об.].

Азиатский комитет согласился с доводами главы внешнеполитического ведомства и «оставил без внимания» жалобу П.К.Эссена на В.Ф.Тимковского, поскольку «возражения, им сделанные, ... во-первых, основательны, а, во-вторых, ни в каком случае не можно почесть их за знак неуважения к начальству». Оренбургскому военному губернатору было предписано исключить из инструкции статью 19 и «все то, что содержит неправильные противу хана Ширгазы объяснения» [1, I-1, оп. 781, 1819—849, д. 489, лл. 173 об. – 174].

Но усилия российской администрации по укреплению ханской власти оказались тщетными. Пристав А.З.Горихвостов едва ли не каждую неделю фиксировал нападения мятежных родов на аулы хана [5, 107—28]. В 1822 г. во время одного из таких нападений был убит сын Ширгазы.

В 1824 г. Азиатский комитет был все-таки вынужден принять решение об упразднении ханской власти в Младшем жузе. Однако Министерство иностранных дел продолжало выступать за сохранение внутренней автономии жузов вплоть до середины XIX в.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф.161. СПб.ГА.
2. Вяткин М.П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII — начале XIX в. // Материалы по истории Казахской ССР (1785—828 гг.) Т. IV. М.-Л., 1940.
3. Горбунова С.В. Пограничные и межродовые конфликты казахов в XVIII — первой половине XIX вв. и их урегулирование // Исследования некоторых проблем зарубежной и отечественной истории. Межвузовский сборник научных работ. М., 2004.
4. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 10.
5. Журнал полковника А.З.Горихвостова // Известия АН Казахской ССР. № 2(5). Алма-Ата, 1957.
6. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
7. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
8. Моисеев В.А. К вопросу о государственности казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток (Orient): Афро-азиатские общества: история и современность. 1995. № 4.
9. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

Д.О.Гордиенко

г. Самара

Самарская государственная академия культуры и искусств

«КТО ВЗБАЛАМУТИЛ ИХ ДРАТЬСЯ ЗА ЦАРЯ ИСУСА»: ВОССТАНИЕ ВЕННЕРА ПО МАТЕРИАЛАМ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Одним из событий, способствовавших осознанию англичанами на заре Реставрации необходимости сохранения регулярной армии, стало лондонское восстание милленариев в январе 1661 г., которое по имени своего вожака иначе еще именуется (и название это более распространено) восстанием Веннера («...прежде бондаря; кто взбаламутит их драться за Царя Иисуса...») [1, 19].

Для британцев сильная регулярная армия была сложным и вызывающим раздражение явлением. До Революции, Корона, кроме двух гвардейских отрядов,

не располагала постоянными войсками, обходясь при подавлении внутренних волнений ополчением, а для внешних конфликтов использовала наемников, как правило, своих соотечественников. Революция показала, что в условиях активного внутреннего брожения и развития на континенте достаточно крупных постоянных войск, Англия, если она претендует на статус державы, обязана обзаводиться не только флотом, но и регулярной армией. Армия-победительница в гражданской войне, способствовавшая удержанию власти Кромвелем, к концу Протектората откровенно воспринималась населением как нечто чуждое, довлеющее над традиционным стилем взаимодействия Страны и Правительства; да и откровенно слишком дорогостоящее удовольствие. Однако, новый режим в 1660 г. пришедший к власти, и намеревавшийся в силу ряда причин (в том числе и откровенно популистских) распустить старую (во многом оппозиционную армию), собирался сохранить сам институт регулярной армии. Одним из решающих поводов для этого стали не проблемы внешней политики (намечающийся союз с Португалией и принятие части ее колоний и необходимость защиты их), а внутренние угрозы [2, 278—282]. Более того, нация приветствовала не только роспуск *Армии Нового Образа*, но и осознала спасительное существование королевской армии, защищающей народ от бунтовщиков, что было важно в стране живущей еще активной религиозной жизнью — мятежников-сектантов [3; 4, 268].

Восстание Виннера описано в ряде источников различного жанра: присутствуют дневниковые записи, донесения иностранных дипломатов, официальные документы. Одним из интереснейших и показательных с точки зрения официальной позиции, направленным к читающей публике, источником стал выпуск газеты *Mercurius Publicus*, посвященные восстанию [1, 19—21].

Текст газеты выдержан не только в официальном, несколько героизированном стиле. Авторы статьи ведут полемику с неудачливыми бунтовщиками, приближая этот источник по ряду показателей к политическому памфлету, защищающему Корону. Более того, во втором абзаце идет отсылка к революционным событиям: *«...эти кровавые злоты приуготавливали себя к Свершению этой вечери Двенадцатого дня; кто может забыть с тех пор вечерь двенадцатого дня 1641 года, когда эта безрассудная банда захватила Уайт-холл, и принудила его славной памяти покойное Величество покинуть и парламент, и город»* [1, 19].

Одним из основных героев большей части материала откровенно рисуется лорд-мэр Лондона, человек предусмотрительный и настоящий герой: *«...явился к наубодорствующему Сэру Ричарду Брауну, Лорду-Мэру Города Лондона, и тайно дал знать ему об их злоумышлениях...его Светлость, приняв во внимание больше для Общественной, нежели для своей безопасности, отважился поднять тревогу в Городе только лишь с четырьмя алебардчиками и 6 другими людьми со шпагами, и для подавления этих иступленных бунтовщиков, до того, как они возросли численно и сосредоточились, не смотря на то,*

что они поголовно вооружены, с кирасами и касками, на Коулман-Стрит, в доме собраний, в этом старом гнезде мятежа, и в ряде других мест. Это проявление решительности уберегло Лорда-Мэра от их злодеяний, Его Светлость преследовал их от места к месту после 11 пополудни... Лорд-Мэр двинулся к Вуд-Стрит, к другой группе бунтовщиков; они, зная, что он не спал две ночи подряд, застали бы его в постели в Доме Его Светлости на Мэйден-Лэйн, кричали, идя, «Теперь Браун», и в это мгновение, Его Светлость обрушился на них ...» [1, 19—21].

Памфлет четко показывает, что основная работа по разгрому мятежников была сделана отрядами лондонского ополчения: «После 12 часов просочившиеся 30 или 40 из них были встречены двумя группами городского Ополчения, посланного Лордом-Мэром. Сия незадача остановила Бунтовщиков, и мятежники спросили ополченцев, на что те откликнулись «За Господа и Короля Карла»; и мятежники ответили «А мы за Царя Иисуса». В то время пока мятежники говорили, они открыли огонь по горожанам, но не остались без ответа. Таким образом двое человек было убито. Они отступили, и мятежники, подозревая или чувствуя, что подкрепление подходит к Отряду Ополчения, отступили к Альдсгейту, где, увидев войска наготове, пошли к Уайт-Кросс Стрит..» [1, 19—20]. Однако ратный труд армии тоже отражен: «...Лорд-Генерал отрядил Полковника Сэра Томаса Сэндиса с Ротой Кавалерии и 200 человек собственного пешего Полка очистить пространство у Кэйн-Вуд (между Хайгейтом и Хэмпстедом) от бывших там свирепых Бунтовщиков (сколько там оставалось), как говорили, еще державшихся вместе... Бунтовщики, которые стреляли у Хеджа по Пехотинцам Лорда-Генерала безрезультатно, ранив лишь одного солдата. Они [королевская пехота] слишком долго служили в этом превосходном Полку, что бы стрелять из далека, и поэтому поспешили на мятежников, которые после первого залпа бросились искать убежища в лес, который при помощи ночи дал им возможность уйти прочь; итак, немногие из них были схвачены. Сэр Томас окружил лес, и прилежный обыск следующим утром ничего не дал» [1, 20].

Читатель поддерживается в волнении (знаменитый С.Пипс [5, 139—140] четко рисует атмосферу некоторого нервного напряжения, почти паники в городе) четко доводимой до него мысли о том, что восстание подавлено не так легко и быстро, что было можно было успокаиваться: «Вы могли бы считать этот Бунт Фанатиков полностью подавленным, однако, утром в эту Среду (9 января) они снова с оружием в руках. Одна группа их была обнаружена в переулке за Лейденхоллом, где они сделали свой первый привал между пятью и шестью утра. Лорд-Мэр, хотя он и не был два дня в постели, был еще на ногах, и двинулся на Бунтовщиков до того как они смогут изменить его замыслы. После незначительной стрельбы с обеих сторон, они сделали второй привал у Литтл-Истчип, что они сделали с большими усилиями нежели прежде, и затем отступили к Лондонстоун, где хотя они численно увеличились,

они все разбежались» [1, 20]. Венецианский дипломат Ф. Дживарина 4 февраля пишет: «Несмотря на эти кары, которые должны были обуздать тех, кто придерживается таких постыдных убеждений, было обнаружено, что некоторые из них продумывали новые бунты, так что была удвоена бдительность и при обысках подозрительных домов они обнаружили оружие, порох и другое военное снаряжение, которое эти головорезы держали сокрытыми до подходящего момента» [6, 244—252].

Однако, совместные действия верного королю города (олицетворяющего нацию) и знати страны приводит к победе: «...многими другими пэрами и знатными джентльменами с частью Лейб-Гвардии различными армейскими Офицерами, готовыми служить Его Величеству и Его Высочеству, если придется» [1, 21].

Примечания

1. Mercurius Publicus, dated January 3rd, 1660 // Arthur G. The story of the Household Cavalry. 2 vols. L., 1909. Vol. I.

2. Одним из первых на данное следствие восстание Веннера указал младший современник Реставрации знаменитый Джильберт Бернет: Burnet, G. History of My Own Time. 2 vols. Oxford, 1897. Vol. I. P. 278—282.

3. В современной историографии данного вопроса см, например: Mallison A. The Making of The British Army. L., 2010.

4. Manning R.B. An Apprenticeship in Arms: The Origins of the British Army 1585—1702. Oxford, 2006. P. 268.

5. The Diary of Samuel Pepys // Ed. by H.Morley. 5 vols. L., 1900. Vol. I. P. 139—140.

6. Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice. 38 vols. L., 1931. Vol. XXXII. P. 244—252.

В.И.Гребенюков

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ОБ ИСТОКАХ ХРИСТИАНСТВА

Что такое Вера? Что может ответить любой современный человек вне зависимости от образования? Ответы будут варьироваться от соотнесения Веры с Храмом, Церковью, Мечетью, до «опиума для народа». Самые «продвинутые» соотнесут с Верой «область общественного сознания». Все варианты, так или иначе близкие к названным, перечислять нет смысла. Все они рождены воинственным атеизмом. Но атеисты тоже во что-то верят, в атеизм, например. Вера — это жизнь, от рождения до смерти. Не часть жизни, а ВСЯ жизнь!

Истоки Веры трактуются сегодня не менее тенденциозно. В основном они сводятся к человеческому незнанию и возникшей от этого незнания боязни всего непонятого. И никто не желает посмотреть на самого человека. Ясно, что в зеркале мы не всегда себе нравимся, а нарциссизм никогда не считался достойным человеческим качеством. И это, наверное, правильно. Я же предлагаю посмотреть на человека как основной источник страха для него самого — и, прежде всего на его звериные инстинкты. Ради их обуздания лучшие представители рода человеческого придумывали разного рода «страшилки» через формы, понятные самому недалекому созданию из них. Выражались они в форме прямых запретов, «табу». Любая попытка непосвященного задать вопрос — «почему?» — каралась смертью. До сих пор мы употребляем выражение «слепая вера».

Ядром Веры долгое время была семья, кровное родство. Да и сегодня принцип крови лежит в основе многих жизненных систем. Человек, не связанный кровным родством, даже человеком мог не считаться. Ему можно было приписать любые отрицательные качества. Его жизнь была ничем, по сравнению с жизнью самого негодного кровного родственника. Так было долго у всех народов, до определенного времени.

Более пяти тысяч лет назад наши далекие предки — индоевропейцы, жившие в степях Евразии, приручили лошадь и вошли в относительно небольшую «семью» народов, преодолевших зависимость от случайностей в охоте, рыболовстве и собирательстве. Но это был лишь первый шаг. Приблизительно 4,5 тысячи лет назад они позаимствовали у своих южных соседей овцу и... стали первыми настоящими кочевниками степей Евразии. Они получили в свое распоряжение такие источники пищи, которые в тех условиях были недоступны почти никому. Но степи переменчивы. На рубеже третьего и второго тысячелетий до н.э. на эту хрупкую экосистему обрушилась засуха. Но беда пришла не на один год, не на одно десятилетие и даже не на одно столетие. Пришла не резко, не сразу, но неотвратно. Наши далекие предки, бросились в разные стороны, в поисках спасения. Их следы можно обнаружить везде — на севере, юге, востоке и западе от их Родины. Но это другая история.

Нас интересуют те, кто остался на месте. Как выжить? Единственный способ — сократить стада и заняться земледелием, выращивать злаки. Последние не давали хорошего урожая в условиях засушливых степей, но зерно долго хранится и более или менее компенсировало недостаток привычной мясной пищи. И, казалось, можно жить, но... Несколько столетий кочевой жизни сформировали новую систему отношений. Скот, имущество как легко аккумулируемое, так и легко отчуждаемое. Угон скота у кочевников — явление столь же обычное, как и распространенное. Соответственно, скот надо охранять. Не пасти, а именно охранять, вместе с пастухами. Поэтому вслед за «профессионализовавшимися» хозяйственными вождями, духовными лидерами (хранителями и трансляторами знаний), металлургами, очень рано у наших предков сложилось и воинское

сословие. Наверное, трудно найти сомневающихся в том, что эта самая «солдатня» в свободное от исполнения основной работы время, занималась тем же ремеслом, от которого призвана была защищать свои стада. Но чужие — не свои, их можно ограбить, их можно убить. «Легкая» добыча развращает. Понятно, не всем везло, в набегах гибли менее ловкие, а уцелевшие давали потомство и передавали своим детям личный опыт выживания. Война стала для них ремеслом.

Изменение климата и последовавшая за этим смена хозяйства потребовала перестройки быта — он стал оседлым. Те, кто привык добывать хлеб засушенный каждодневным упорным трудом, постепенно адаптировались. Вместе с основной массой оставшегося населения новую систему приняли и те, кто должен был заботиться о благополучии своего народа — вожди, как хозяйственные, так и духовные. Более того, только благодаря их интеллекту оставшиеся смогли выжить и приспособиться. Погребальные комплексы эпохи средней бронзы XVI—XIV вв. до н.э. демонстрируют достаточное почтение соплеменников к своим вождям.

Иное дело воины. Их адаптация к новым условиям была самой болезненной. Привычка получать дополнительные доходы от грабежей никуда не исчезла. Возвращаясь из очередного набега, эта солдатня раз за разом копытами коней и овец уничтожала посевы со злаками. Понятно, что не намеренно. Но для тех, кто видел в будущем урожае свое единственное спасение, такое отношение сородичей к их труду было сильнейшим ударом по привычным представлениям. Пришло понимание, что и сородич может быть плохим, а понимание, сострадание к проблемам могло прийти и вовсе не от родной крови. Так впервые было преодолено первобытное представление — что хорош лишь родственник. Постепенно были оформлены новые основы общественного сознания — понятия о добре и зле вышли за пределы кровно-родственных отношений и были сформулированы основы монотеизма, по сути, идея о Боге и Дьяволе. Первые признаки новой философии нашли свое выражение в Зороастризме. Относительно быстро новые идеи вошли в жизнь всех индоевропейских народов.

Прошли сотни лет, и судьбы индоевропейских народов разошлись. Возможно, под влиянием ассимилированных и соседствовавших с индоевропейцами народов, в общепринятой вере стали реставрироваться прежние, первобытные традиции. Возможно, сама жизнь в новых условиях требовала реформ системы взаимоотношений (кто оказался в горах, кто в лесах, кто в окружении многочисленных аборигенов и т.п.). Так или иначе, появление христианства стало закономерным ответом на проявление сепаратистских тенденций разросшегося и «разбежавшегося», в разные стороны, индоевропейства. И мы можем рассматривать Христианство как развитие древнего монотеизма индоевропейцев. Как попытку объединения индоевропейцев на обновленных принципах.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИДВОРНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ В СИХХСКОМ ГОСУДАРСТВЕ РАНДЖИТА СИНГХА

Феномен сикхского государства — Саркар Хальсаджи, образование которого стало наивысшей точкой в развитии сикхской государственности, на протяжении многих десятилетий продолжает оставаться одной из сложнейших проблем индийской истории. Тем не менее, не представляет сомнения, что завершение интеграционных процессов в Панджабе, которые привели не только к объединению страны, но и превращению ее в достаточно влиятельную региональную империю на северо-западе Индийского субконтинента, было связано с политической махараджи Ранджита Сингха, правившего в 1799—1839 г. Деятельность этого выдающегося правителя, бывшего на протяжении четырех десятилетий верным союзником Ост-Индской Компании, получила достаточно хорошее освещение, как в официальных английских источниках и материалах делопроизводства, так и в целом комплексе нарративов европейского происхождения. Между тем, местные источники, которые сумели сохраниться до нашего времени, гораздо менее представительны в количественном отношении, что, впрочем, только подчеркивает их историческую ценность. Среди них особое место занимают официальные придворные хроники, авторы которых выполняли функции историков-летописцев при дворе сикхских правителей.

Одной из наиболее значимых придворных хроник периода правления Ранджита Сингха была «Амдат ут-таварих» («Хроника времен» — К.Д.) принадлежавшая авторству личного придворного историка махараджи — индусу Лала Сахана Лала Сури, бывшего вакилом махараджи в лахорском дарбаре. Должность придворного историка досталась Лала Сахану Лалу по наследству, т.к. его отец Лала Ганпат Рай выполнял аналогичные функции при дворе отца и деда Ранджита Сингха — сардаров мисала Суккарчакья. Лала Ганпат Рай довел хронику до 1811 г., после чего передал свою почетную должность сыну, который начал самостоятельную работу с 1812 г.

Амдат ут-таварих велась от руки и была записана на персидском языке почти на семи тысячах страницах. Повествование хроники было доведено вплоть до 1849 г., т.е. до времени окончательного падения Саркар Хальсаджи и аннексии Панджаба английской Ост-Индской Компанией. Наибольшей информативностью хроники отличается третий дафтар, состоящий из пяти частей и подробно описывающий основные события правления Ранджита Сингха в 1831—1839 г. [1].

Высокая степень информативности и достоверности хроники была обусловлена тем, что Лала Сахан Лал не просто постоянно находился при дворе, но и выполнял различные поручения махараджи в сикхском правительстве. Чаще всего его задействовали в области внешних сношений. Достоверно известно, что Лала Сахана Лала неоднократно посылали за границу в составе дипломатических миссий, а при дворе махараджи он нередко принимал иностранных послов. Историк пользовался огромным доверием сикхского правителя, т.к., помимо прочего, он являлся одним из личных астрологов Ранджита Сингха, отличавшегося по воспоминаниям современников высокой степенью суеверности. Таким образом, Лала Сахан Лал не являлся независимым сторонним наблюдателем, но принимал активное участие в жизни двора и политических мероприятиях своего господина. В целом, можно достаточно уверенно говорить, что особенности Амдат ут-таварих, как исторического сочинения, были обусловлены не только жанровой спецификой этого произведения, но и индивидуальными качествами автора, его пониманием того, как необходимо осуществлять историописание.

В соответствии с особенностью жанра хроники повествование Амдат ут-таварих осуществлялось погодно в хронологической последовательности с указанием наиболее значимых, с точки зрения автора и правителя, событий. Целью любой придворной хроники было не просто последовательное изложение информации, но и подача ее в официальной версии, что, впрочем, было совершенно неизбежным, т.к. правители лично отслеживали процесс составления хроники, принимая участие, в случае необходимости, в редактировании.

В центре внимания автора хроники находились такие значимые события внутренней и внешнеполитической жизни сикхского государства, как установление и сбор налогов, отчеты государственных чиновников и их назначение, формирование вооруженных сил, ведение военных кампаний, прием и отправка послов, организация и осуществление официальных и неофициальных встреч на высшем уровне, прежде всего с представителями английской Ост-Индской Компании, а также многое другое.

Характер описания этих примечательных событий должен был подчеркнуть мудрость и величие махараджи. Этой же цели служило и подробное рассмотрение таких придворных событий, как ежегодное празднование Байсахи, Дивали и т.д., посещение сикхских святынь, которое демонстрировало не только набожность Ранджита Сингха, но и подчеркивало его щедрость как правителя, т.к. все эти мероприятия сопровождалась обязательной раздачей милостыни и богатых даров. Высокий статус махараджи подчеркивали и широкомасштабные придворные охоты, наделение отличившихся на службе джагирами, «одеждами чести», деньгами и иными наградами, а также проведение военных парадов и салютов.

Другая особенность историописания хроники была связана с общим подходом Лала Сахана Лала к изложению сикхской истории периода правления Ранджита Сингха. В своей хронике автор практически полностью отказывается

от «цветистых» введений и оборотов, а также вставок отсылочного и морализаторского характера.

Примечания

1. Suri Lala Sohan Lul. An outstanding original source of Panjab history. Umdat-ut-Tawarikh. Daftar 3 Pt. (1—5): Chronicle of the reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831—1839 A.D. Delhi, 1961.

Г.В.Дудниченко

г.Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет, педагогический институт

КОНСЕРВАТОРЫ И РЕФОРМЫ В ПЕРИОД МИНИСТЕРСТВА Б.ДИЗРАЗЛИ

Традиционно понятие «консерватизм» в российской историографии воспринималось критически. Лишь сейчас мы осознаем его позитивные аспекты. Феноменом консерватизма является способность адаптироваться к новым веяниям времени. Так, в 70-е гг. первыми комплексами мер государственного социального регулирования в Великобритании стали реформы Б.Дизразли. Дебютировавший в качестве романиста на политическом поприще, лидер тори часто затрагивал острые проблемы страны в своих художественных произведениях. В романе «Сибилла или две нации», он рассуждал об огромной пропасти между богатыми и бедными: «Две нации между которыми нет понимания ...если бы они были... обитателями иных планет...» [1, 76]. Вариант преодоления подобного разрыва — объединить страну идеей «одной нации», превращением консервативной партии в «национальную» [2, 56].

Выступая в Манчестере и Хрустальном дворце в 1872 г. Б.Дизразли уделил огромное внимание социальным реформам в сфере здравоохранения, образования, рабочего законодательства, пообещав улучшить условия труда для лиц рабочих профессий, что «должно быть очевидно для всех, кто считает необходимым...очеловечить...жизнь народа...» [3, 61].

Находясь у власти, на протяжении 1874—1876 гг. консервативный кабинет Б.Дизразли осуществил широкую программу социальных реформ. Их итог подвел в 1879 г. лидер тред-юнионов Александр Макдональд, заявивший, что: «Консервативная партия за 5 лет сделала для рабочего класса больше, чем либералы за 50» [4, 369].

Заметный след в истории страны оставило прежде всего рабочее законодательство тори. Премьер-министр в одном из писем к королеве Виктории писал:

«...Представители рабочей группы...и наниматели рабочей силы ... одинаково приветствовали эти меры как удовлетворяющие... отношения между Капиталом и Трудом...» [4, 372]. Подобная мера урегулировала споры между «хозяином и слугой», провозгласив равенство взаимных обязанностей между ними.

В начале 70-х гг. в городах Великобритании обострилась жилищная проблема, решение которой Б.Дизраэли охарактеризовал в письме к королеве Виктории: «...законопроект «Об усовершенствовании жилищных условий народа»... самый популярный и выгодный ход...» [4, 361]. Закон 1875 г. давал муниципалитетам больших городов право разрабатывать планы переустройства районов. Это была, в сущности, первая серьезная попытка решения жилищной проблемы в крупных городах Великобритании.

Кабинет Б.Дизраэли не обошел вниманием еще один вопрос о перевозке торговых грузов. Согласно закону 1875 г. устранялась неограниченная ответственность судовладельцев по причине неисправности кораблей, и вводилось добровольное ограничение их загрузки. Из-за того, что законопроект вызвал целый скандал, Б.Дизраэли решил взять дело под личный контроль о чем сообщил своей близкой приятельнице леди Честерфилд в письме: «Но я знаю, как мне надо действовать, хотя передо мной внушительная западня и не меньшая опасность» [5, 342]. Он заявил, что принятие закона о перевозках придется отложить на будущее, так как он отнимает много времени в ущерб закону о сельскохозяйственной собственности. В итоге, закон был принят в 1876 г.

Значительное внимание правительство в 70-е годы уделяло и проблемам здравоохранения. Наиболее активно проявил себя в этом деле министр местного самоуправления Дж.Склейте-р-Бут, выступивший с призывом: «Все города и пригороды в нашей стране станут местами пригодными для жизни...» [6, 54]. К 1875 г. он разработал три важных законопроекта в данной области.

Главный из них систематизировал все прежние законы, что способствовало более эффективному их использованию на практике в течении последующих 60 лет.

Второй закон был направлен против случаев фальсификации пищевых продуктов и медикаментов. Принятый закон 1875 г., оставался главной законодательной мерой в этой сфере вплоть до 1928 г.

Третий законопроект Склейте-р-Бу-та был направлен на пресечение загрязнения рек сточными водами и отходами фабричного производства. Этот закон носил рекомендательный характер, но бесспорно содействовал сокращению случаев возникновения эпидемий.

Проблема алкоголизма была также одной из важных проблем страны. Поэтому правительство в 1874 г. приняло законопроект «Об алкогольных напитках», который позволял лишние полчаса работать пабам в Лондоне, а в сельской местности продолжительность их работы сократилась на час. По своему содержанию закон не нес каких-то глобальных перемен, а потому особого эффекта не имел.

Немалое значение кабинет Дизраэли придавал проблемам народного образования. Главным автором законопроекта 1876 г. об образовании стал вице-президент комитета по образованию виконт Сэндон. Тори отстаивали сохранение частных и религиозных школ. Главной целью правительства было сохранение традиционной системы, особенно в аграрных районах. Подобная мера привела к повышению посещаемости школ детьми из сельской местности.

Оправдали ли реформы Дизраэли, в целом, ожидания избирателей? Как сказать. Критики действий его кабинета обвиняли Дизраэли в отсутствии продуманной программы реформ, их половинчатости и слабой реализации.

Апологеты возводили Дизраэли в ранг идеолога «торийской демократии», который укрепил позиции тори, проведением ряда законодательных мер.

Бесспорно, Б.Дизраэли стоял на страже политических традиций Англии, и не желая «обеспокоить всех без исключения своим нетерпением», осознал пагубность поспешных реформ. Потому, единственной картой, на которую мог поставить лидер тори для укрепления позиций своей партии стала идея «классовой гармонии».

Примечания

1. Disraeli B. Sybil or The Two Nations. London, Longmans, 1904.
2. Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1987. с. 56
3. From a Speech by Disraeli at Crystal Palace in 1872 // Stephen, J.L.U. Gladstone and Disraeli. London and New-York, 2005.
4. Buckle Life of B. Disraeli. New-York, 1920. Vol. 5.
5. The Letters of Disraeli to Lady Chesterfield and Lady Bradford. 1873—1875. New-York, 1929. Vol. 1.
6. Nineteenth — Century Revolution in Government // Historical Journal I (1958) [doc.16] // E.C.Midwinter. Victorian Social Reform Liverpool: Longmans, 1968.

В.А.Евсеев

г.Иваново

Ивановский государственный университет

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ В АНГЛИИ ЭПОХИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (постановка проблемы)

Городские власти всегда на виду. Их действия постоянно обсуждаются горожанами. Подобная ситуация наблюдается и в настоящее время. Отношение к правящей городской элите всегда достаточно критическое. Вряд ли городские

политики были популярны фигурами и в раннее Новое время. В Англии XVII—XVIII вв. власти корпоративных городов часто обвинялись в коррупции, продажности, несправедливом отношении к горожанам и т.п. В английской историографии начала XX в. существовала точка зрения, что до муниципальной реформы 1835 г. городские власти были бесконтрольны и среди них и преобладали эгоистические интересы [1] Однако в последней четверти XX в. под влиянием трудов известного исследователя локальной истории — проф. У.Хоскинса — появился ряд работ, где более скрупулезно стало изучаться происхождение городской элиты и их богатства в эпоху Тюдоров и Стюартов, а соответственно несколько изменилось старое критическое отношение к отцам города этой эпохи [2]. В настоящее время эти проблемы разрабатываются современными британскими исследователями на основе данных и методик исторической демографии, социальной, политической и экономической истории.

В отечественной историографии о патрициате английских средневековых городов писали Кириллова А.А., Репина Л.П., Петрова С.П., Яброва М.М., Мосолкина Т.В., Золотов В.И., Чернова Л.Н. [3]. Их труды были посвящены происхождению городского патрициата, его роли в феодальном государстве, социальному составу городского магистрата, городской олигархии и т.п. Эти исследования в основном охватывали период XIV—XV вв. и лишь некоторые из них (Петрова С.П., Яброва М.М., и Чернова Л.Н.) касались начала XVI в. Однако история городской элиты в последующую эпоху — раннего Нового времени пока малоисследованна в отечественной литературе. Отдельные аспекты истории городских властей эпохи Тюдоров и ранних Стюартов отчасти затрагивались в наших работах [4]. Изучение же социальной структуры городских властей, их социальной и экономической политики в значительной мере поможет раскрыть историю городской жизни в Англии переходной эпохи — XVI—XVIII вв.

При исследовании городских властей встает целый ряд вопросов. Например, как долго сохранялись структуры городского управления в XVI—XVIII вв.? Были ли они подвержены изменениям? Насколько удачно городские власти в доиндустриальную эпоху могли приспособливаться к новым экономическим условиям, особенно в XVIII в.? Могли ли городские власти старых корпоративных городов быть тормозом или стимулом экономического развития? Насколько адекватно социальная структура городских властей отражала социально-профессиональную структуру городского населения в целом? Достаточно назвать только эти вопросы, требующие своего освещения. Каждый из них может служить темой отдельного исследования.

В Англии эпохи Тюдоров и ранних Стюартов насчитывалось более сотни корпоративных городов, т.е. имевших свои выборные органы власти. Политическая жизнь городов была определена королевскими хартиями, которые определяли структуру городского управления. С одной стороны, размеры городской элиты и ее власть над горожанами, с другой, отношения между городом и королевской властью. Хартия была своеобразным договором между короной, которая

хотела сосредоточить управление городом в руках небольшой и богатой группы людей, ответственных перед ней. При Тюдорах и Стюартах корона была заинтересована в существовании городской олигархии, которая начала формироваться еще в XIV—XV вв. Именно из городской элиты и формировался состав муниципалитета, который управлял городом.

Структура городского управления, как уже отмечалось, определялась королевской хартией. В зависимости от значимости города полнота прав и структура городского управления могла быть разной. В Англии эпохи Тюдоров, кроме Лондона, лишь только шесть городов имели статус графства [5, 7]. В этих городах наряду с мэром избирался и шериф, который фактически выполнял функции королевского чиновника.

В рядовых корпоративных городах, кроме мэра, обычно было две группы чиновников — общий совет и коллегия ольдерменов. Их количество в каждом городе тоже могла быть разным. Например, в Йорке городское управление находилось в руках мэра, 12-ти ольдерменов и совета «24-х» [6, 131]. В Ньюкасле количество ольдерменов в 1600 г. по новой хартии Елизаветы I было увеличено с 6 до 10 [7, 25]. В Беверли городской совет состоял из 24 ольдерменов [8, 14, 75, 83].

Исследования отечественных и зарубежных историков показывают, что в течение XVI в. в английских городах еще более упрочились позиции купечества высших эшелонах власти муниципалитета. Например, анализируя социальный состав магистрата Йорка, отечественные исследователи отмечают, что половина мэров и $\frac{1}{4}$ шерифов города в XIV—XVI вв. были купцами [9, 131—133]. Наши подсчеты по Ньюкаслу за период 1485—1640 г. дают еще большие показатели: 75% всех мэров и 70% шерифов были купцами [10, 29]. Торговцы преобладали в магистрате и других крупных городах Англии эпохи Тюдоров, например, в Эксетере и Ковентри [11]. Преобладание купцов во властных структурах касалось не только крупных, но и средних корпоративных городов. Например, в типичном рядовом корпоративном городе Глостере в конце XVI в. 40% ольдерменов и 43% членов совета были купцами (торговцами) [12, 315].

Все эти данные говорят о том, что купечество в эпоху Тюдоров еще более укрепило свои позиции в структуре городского управления по сравнению с предыдущим периодом. Усилению купечества, по нашему мнению, способствовал целый ряд факторов: упадок цехового ремесла, развитие сельской промышленности, появление новых рынков сбыта, новых форм торговли (монопольных и акционерных компаний) и т.д.

Примечания

1. Hammond J., Hammond B. *The Rise of Modern Industry*. L., 1916. P. 255; Webb B. *English Local Government from the Revolution to the Corporation Act: The Manor and the Borough*. Part II. L., 1908. P. 723—733.

2. *Crises and Order in English towns, 1500—1700* / Ed by P.Clark, P.Slack. Toronto, 1972; Dyer A. *The City of Worcester in the Sixteenth Century*. Leicester, 1973; Slack P. *English Towns*

in Transition, 1500—1700. L., 1976; Evans T. Seventeenth Century Norwich. Politics, Religion and Government, 1620—1690. Oxford, 1979; Palliser D.M. Tudor York. Oxford, 1979; Wrightson K. English Society 1580—1680. L., 1982; Archer J.W. The Pursuit of Stability. Social Relations in Elizabethan London. Cambridge; N.Y., Port Chester; Sydney, 1991; Patterson C.F. Urban Patronage in Early Modern England. Corporate Boroughs, the Landed Elite, and the Crown, 1580—1640. Stanford, California, 1999.

3. Crises and Order in English towns, 1500—1700 / Ed by P.Clark, P.Slack. Toronto, 1972; Dyer A. The City of Worcester in the Sixteenth Century. Leicester, 1973; Slack P. English Towns in Transition, 1500—1700. L., 1976; Evans T. Seventeenth Century Norwich. Politics, Religion and Government, (1620—1690). Oxford, 1979; Palliser D.M. Tudor York. Oxford, 1979; Wrightson K. English Society 1580—1680. L.1982; Archer J.W. The Pursuit of Stability. Social Relations in Elizabethan London. Cambridge; N.Y., Port Chester; Sydney, 1991; Patterson C.F. Urban Patronage in Early Modern England. Corporate Boroughs, the Landed Elite, and the Crown, 1580—1640. Stanford, California, 1999.

4. Евсеев В.А. Английский город в тюдоровскую эпоху: регионы и города. Иваново, 1995; Он же. Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново, 2010.

5. см.: Евсеев В.А. Английский город в тюдоровскую эпоху: регионы и города. Иваново, 1995.

6. A History of Yorkshire. The City of York. L., 1961.

7. Extracts from the Records the Company of Hostmen of Newcastle upon Tyne // SSP. Durham. Vol. 105.

8. Report of the manuscripts of the corporation of Beverley. L., 1900.

9. Евсеев В.А. Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново, 2010.

10. Евсеев В.А. Английский город в тюдоровскую эпоху: регионы и города. Иваново, 1995.

11. MacCaffrey W.T. Exeter, 1540-1640. The Growth of an English County Town. Cambridge, 958; Phyllis-Adams, Ch. Desolation of a City. Coventry and the Urban Crises of the Late Middle Ages. L., N.Y., 1979.

12. Clark P. The Civic Leaders of Gloucester 1580—1800 // The Transformation of English Provincial towns, 1600—1800. L., 1984.

С.В.Еремин

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1933—1941 гг.

Деятельность советской пропаганды предвоенных лет, направленной на формирование образа нацистского режима, представляет для историка несомненный интерес. Изучение данной темы дает возможность проследить эволюцию

политических установок советского руководства в оценке внешней и внутренней политики гитлеровского правительства на фоне сложных советско-германских отношений.

Введение в научный оборот новых архивных документов позволило существенно расширить представление о структуре советской пропаганды и основных направлениях ее деятельности в предвоенный период. В настоящее время в отечественной историографии достаточно активно исследуются темы, связанные с пропагандистской деятельностью по формированию образа врага в СССР. В центре внимания исследователей находится периодика, радиовещание, художественная литература, изобразительное искусство СССР предвоенного периода. Однако, до сих пор в историографии нет обобщающего комплексного исследования, в котором бы раскрывалась специфика деятельности советских пропагандистских структур, направленной на интерпретацию деятельности правящей нацистской верхушки.

Какое содержание мы вкладываем в понятие «пропаганда»? Латинское слово **propaganda** в переводе на русский язык означает «подлежащее распространению». Основная цель пропаганды — формирование на основе соответствующей информации системы представлений, выражающих отношение человека к миру и его готовность действовать.

В СССР, где в роли правящей выступала большевистская партия, определяющим принципом политического информирования являлась строгая идеологическая направленность. Весь информационный поток был жестко подчинен политико-пропагандистским установкам. Отбиралась и сообщалась с надлежащей детализацией лишь та информация, которая согласовывалась с соответствующей мировоззренческой позицией, либо с очередными и перспективными пропагандистскими задачами. Информация иного рода официальными политико-пропагандистскими структурами замалчивалась или умышленно подвергалась отрицательным оценкам.

Тесно связано с дефиницией «пропаганда» понятие «политико-идеологическая кампания». Под политико-идеологической кампанией мы подразумеваем инициируемое режимом сосредоточение внимания на той или иной группе вопросов внутриполитического (внешнеполитического) характера для достижения заранее определенных целей. Процесс этот в конкретных условиях 1930-х гг., когда в СССР уже существовала система тотальной пропаганды, осуществлялась путем активного воздействия на общественное сознание с помощью всех имеющихся политико-пропагандистских инструментов, начиная от устной агитации и заканчивая средствами массовой информации и печати.

В этот период советские пропагандистские структуры приняли активное участие в идейно-политическом и информационном противоборстве с нацистской Германией.

30 января 1933г. к власти в Германии пришел А.Гитлер, который возглавлял национал-социалистическую рабочую партию (НСДАП). В своей внутренней

политике А.Гитлер взял курс на бескомпромиссный антикоммунизм (антибольшевизм). В области внешней политики фюрер действовал так, чтобы подчеркнуть принципы Рапалло, отказаться от сотрудничества между Германией и СССР.

Советская сторона вначале всерьез не воспринимала национал-социалистическое движение, появившееся на политической сцене Германии еще в 1919 г. Для создания образа нацистского режима на протяжении первых месяцев 1933 г. использовался пропагандистский жупел, созданный еще в 1920-е гг., — «германский фашизм». Этот режим, по версии советских пропагандистов, не имеет массовой поддержки, путем обмана населения и предательства СДПГ своих избирателей захватил власть. Нацисты сменили «фашистские диктатуры» своих предшественников и так же как они быстро уйдут с политической сцены Германии.

Спустя некоторое время у советских руководителей появилось понимание того, что новый режим заметно отличается от прежних «фашистских диктатур». Постоянные антисоветские провокации национал-социалистов подталкивали руководство НКВД СССР к поиску новой стратегии советско-германских отношений. Соотношение прагматических (дипломатических) и идеологических (коммунистических) доминант не позволяло, с одной стороны, открыто на официальном уровне признать новый режим власти враждебным СССР. С другой стороны, трудно было отказаться сразу от формулы «национал-фашизма», ибо это означало признание ошибочной стратегии Коммунистического Интернационала и ЦК ВКП(б) в борьбе «за голоса и души немецких рабочих».

Подготовка к обеспечению нового курса была возложена советским руководством главным образом на периодическую печать.

Основное внимание в советских газетах и журналах после прихода А.Гитлера к власти в Германии сосредоточивалось на показе того, что немецкая промышленность и экономика в целом стоят перед перспективой глубокого кризиса, причина которого якобы крылась в милитаризации экономики и в политической автаркии. В этом контексте наступление экономического краха Третьего рейха представлялось как неминуемое, требовалось лишь некоторое время для его наступления, а затем ожидалось полное крушение нацистского режима.

Отметим, что в советской пропаганде 1930-х гг. использовались и периферийные с идеологической точки зрения аспекты. Например, периодическая печать в СССР широко освещала «культурную политику» Третьего рейха, которая характеризовалась не иначе как «триумф иррационализма и мракобесия». Пропагандистский импульс в данном контексте был обращен, прежде всего, к «прогрессивной международной общественности», «на экспорт». Этот импульс обеспечивал благоприятное информационное освещение формирования и деятельности антифашистских Народных фронтов, базировавшихся на широкой социальной платформе. В то же время культурная катастрофа объяснялась как одно из последствий всеобщего кризиса империализма, всего буржуазного,

классово-эксплуататорского строя. Вплоть до августа 1939 г. в советской антифашистской пропаганде преобладала **классовая парадигма**. В период кратковременного сближения с Германией, начавшегося после подписания пакта Молотова-Риббентропа (23 августа 1939 г.) и договора о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.), она частично была заменена на иную, которую мы обозначили как **национально-культурная**, или **культурно-историческая**.

До пакта Молотова-Риббентропа в основном идеологическом арсенале большевиков не нашлось бы соответствующих терминов и выразительных средств, с помощью которых, в случае необходимости, можно было бы создать позитивный образ своего главного врага. Причиной тому было генеральное совпадение: главный враг, являясь авангардом мирового империализма, являлся как бы врагом «идеальным», можно сказать, жизненно необходимым для создания, подкрепления и воспроизводства собственной идентичности. Тем не менее, трансформационный поворот в советской пропаганде, наблюдающийся с 23 августа 1939 г., базировался не на идеологическом «центре», а на идеологической «периферии». Различия в мировоззрениях и социальных системах СССР и Германии уже не являлись определяющей помехой для развития сотрудничества и даже, как объявляли советские идеологи, «дружбы» между народами обеих стран. Начался курс на **культурное сближение** СССР с Германией.

Наблюдались новые признаки трансформации пропагандистского образа нацистского режима, уже как партнерского. Однако это сближение продолжалось недолго. На исходе осени 1940 г., после визита В.М.Молотова в Берлин и неудачных в целом дипломатических переговоров, которые он провел к Гитлером и Риббентропом, началось постепенное ухудшение отношений между Германией и СССР, обусловленное активизацией экспансионистских устремлений нацистского руководства. Кульминацией внешнеполитического наступления нацистского режима явился ввод частей вермахта на территорию Финляндии и Болгарии, разгром и капитуляция Греции и Югославии.

Весной 1941 г. появились первые признаки поворота большевистского руководства в сторону пропагандистского использования национально-культурной парадигмы, так сказать, в «собственных нуждах», а не только «на экспорт». Наглядным подтверждением тому стала развернувшаяся после выступления Сталина перед выпускниками военных академий РККА (5 мая 1941 г.) политико-идеологическая кампания под лозунгом наступательной войны. В проектах директивных документов, готовившихся Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главным политическим управлением РККА в мае-июне 1941 г., нацистское руководство и его захватническая и оккупационная политика в Европе получала однозначно негативные оценки. Задачи, изложенные в проектах этих директивных и инструктивных документов, доводились до сведения заинтересованных лиц еще до их официального утверждения и воплощались в пропагандистской

деятельности. Эта тенденция особенно наглядно просматривалась в открытой периодической печати мая–июня 1941 г.

Однако новая политико-идеологическая кампания не была развернута на полную мощь. С одной стороны, нет ни одного свидетельства того, что советский лидер наложил запрет на развертывание пропаганды в антигерманском, наступательном духе. С другой стороны, наблюдался явный зазор между «оборонительными» (судя по исследованиям большинства историков) установками военного руководства и «наступательным» настроем, распространявшимся пропагандой. Важным фактором являлось то, что И.В.Сталин все еще продолжал надеяться на прочность советско-германских дипломатических соглашений августа-сентября 1939 г. Начавшаяся в мае 1941 г. новая политико-идеологическая кампания оказалась незавершенной, так же и потому, что была прервана нападением Германии на СССР. «Периферийный» поворот в советской пропаганде естественным образом сошел на «нет». Суть произошедших в ней новых трансформационных изменений в образе нацистского режима после 22 июня 1941 г., когда СССР и Германия превратились в непримиримых противников, состояла в том, что при возвращении к сугубо негативным оценкам режима сама советская идеологическая парадигма сохранила национально-культурный характер.

И.А.Зварцев

г.Владимир

*Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г.Столетовых*

СССР НА МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЛОНДОНЕ В ИЮНЕ 1933 ГОДА

Мировая экономическая конференция 1933 года в Лондоне была второй конференцией подобного рода. Первая проходила в Женеве с 4 по 23 мая 1927 года по инициативе Лиги Наций. Конференция 1927 года проходила в эпоху временной стабилизации экономики европейских государств и США. Лидеры стран считали, что трудности, последовавшие за окончанием первой мировой войны преодолены и впереди экономическое благополучие. Главным идеологом этой концепции был президент США Э.Гувер. Ключевым вопросом женевской конференции был вопрос об оживлении мировой торговли путем ликвидации или снижения барьеров, которые стояли на пути развития торговли (тарифы, квоты, лицензии и пр.). В итоге обстоятельных прений был принят ряд резолюций, позволявших говорить об успехе или удовлетворительном окончании конференции.

Прошло шесть лет. В мире произошли значительные изменения. Эпоха процветания в конце 1929 года закончилась кризисом, который вошел в историю под названием «Великая депрессия». Начавшись в США, кризис принял катастрофические размеры и охватил весь мир. Его характерными признаками стали: сокращение производства, рост безработицы, разорение банковской и предпринимательской сфер. Объем мировой торговли с 1929 по 1933 годы «сократился в три раза, с 5 352 до 1 788 миллиардов долларов, значительное количество торговых операций производилось в обесцененных валютах» [1, 212]. В 1933 году мировая торговля только «на 20% велась в валютах с золотым обеспечением, на 16% — в валютах с принудительным курсом и на 65% — в обесцененных валютах» [1, 213].

В противоположность европейским странам и США Советский Союз проводил индустриализацию быстрыми темпами, рост промышленной продукции был огромным. Если принять уровень 1928 года за 100%, то к 1932 году он составил 218%, а в Англии, Франции, Германии и США — 57—89%. Импорт СССР увеличился с 1929 по 1932 годы на 26%. Главное место в нем занимали машины и оборудование.

В такой обстановке Лига Наций решила создать в Лондоне вторую мировую экономическую конференцию. Ее цель заключалась в поисках методов выхода из кризиса. Целью конференции должен быть экономический мирный договор.

12 июня 1933 года Мировая экономическая конференция открылась в большом зале Геологического музея в Кенсингтоне. На ней присутствовали «1 500 делегатов от 66 стран» [1, 217]. Советская делегация состояла всего из четырех человек: М.М.Литвинова, В.И.Межлаука, посла СССР в Англии И.М.Майского и торгпреда СССР в Англии А.В.Озерского.

12 июня 1933 года состоялось первое заседание конференции, вступительное слово произнес Р.Макдональд. Речь его была выдержана в свойственном ему церковном стиле и состояла из общих, ничего не значивших слов. 13 июня начались общие прения, которые продолжались три дня.

Первым выступил Даладьё. Представляя страну, которая на момент конференции все еще сохраняла золотую валюту, он призвал положить конец валютной войне и вернуться к золотому стандарту. В качестве средства борьбы с кризисом французский премьер-министр предложил заключить международное соглашение об общем сокращении производства и введении 40-часовой рабочей недели. В заключение Даладьё воскликнул, что «если сотрудничество между нациями не будет достигнуто, все народы окажутся в пропасти» [1, 219].

Итальянский министр финансов Юнг также высказался за стабилизацию валют на основе золотого стандарта и особенно продчеркнул «важность устранения барьеров для международной торговли, имея ввиду прежде всего высокие тарифы США» [1, 219].

Представитель Японии Исси особенное внимание обратил на существование барьеров в торговле, сославшись на пример Индии, запретившей импорт японских товаров.

Нейрат, выступив от имени Германии, пытался «разжалобить» членов конференции, описывая тяжелое положение своей страны. Он считал, что основной задачей конференции является разрешение кредитно-финансовой проблемы, т.е. предоставление Германии крупных займов из-за границы.

Н.Чемберлен признавал необходимым стабилизировать валюты на базе золотого стандарта, но предлагал сделать это не сразу, а постепенно. Он рекомендовал различные меры в целях повышения оптовых цен и требовал снижения таможенных тарифов во всех странах, кроме Великобритании.

США хотели сохранить за собой полную свободу действий, поэтому речь К.Хэлла была туманной и неясной, никто не понял чего он хотел.

В общем и целом выступления обнаружили полную несостоятельность и беспомощность делегаций в поисках выхода из кризиса. 14 июня на заседании выступил М.М.Литвинов. Он сразу предложил два важных мероприятия: заключение пакта об экономическом ненападении между всеми странами (проект пакта выдвигался в 1927 году в Женеве); рассасывание мировых запасов и повышение загрузки предприятий с помощью новых заказов. В пояснение Литвинов заявил, что «советское правительство могло бы разместить в ближайшее время за границей заказов на сумму в 1 миллиард долларов» [2, 345]. Конкретнее, СССР мог закупить: цветных металлов на 100 миллионов долларов; черных металлов на 200 миллионов; текстильного, кожевенного сырья и каучука на 100 миллионов; оборудования на 400 миллионов, включая железнодорожное; сельскохозяйственных товаров на 35 миллионов; потребительских товаров, таких как чай, какао, кофе на 50 миллионов; новых судов, преимущественно для промышленных целей на 50 миллионов. Сообщение о готовности Советского правительства сделать за границей закупки на 1 миллиард долларов вызвало среди делегатов большое оживление. 15 июня СССР предложил свой проект резолюции об экономическом перемирии, в котором предусматривалась взаимная отмена законодательных и административных мероприятий, имеющих характер экономической агрессии или дискриминации, а именно: специальных пошлин, запрета или особых условий ввоза-вывоза товаров и бойкота торговли. А 20 июня советская делегация предложила проект «Протокола об экономическом ненападении», выдержанный в стиле резолюции. Однако из всех делегаций только представители Турции, Ирландии и Польши заявили о поддержке советской позиции, в частности пакта о экономическом ненападении. Все остальные делегации молчали.

Советская делегация настаивала на том, чтобы в повестку дальнейшей работы конференции были включены два вопроса: пакт об экономическом ненападении и вопрос о расширении импортных возможностей отдельных стран и об условиях, при которых осуществимо это расширение. Анализируя сложившуюся

в мире обстановку В.И.Межлаук 13 июля подчеркивал, что для смягчения международного экономического положения необходимо «расширение производства на основе платежеспособного спроса и рассасывания мировых запасов» [2, 437]. Развертывание мировой торговли должно осуществляться таким образом, чтобы расширение экспорта сопровождалось устойчивым расширением покупательной способности. Дешевые кредиты могут сыграть свою роль в деле экономического оздоровления при наличии спроса со стороны промышленности и если они будут способствовать расширению экспорта, создавая дополнительный платежеспособный спрос у стран-импортеров. Эти предложения остались невостребованными.

Эксперт советской делегации Б.Розенблюм в своем письме в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР объяснял провал конференции тем что она занималась общими экономическими вопросами, по которым нельзя принять единодушных решений. Меры экономической агрессии могли встретиться с откровенной критикой и это обстоятельство стесняло правительства США и Великобритании. Ни одно государство «не имело четкой программы для конференции и не имело интереса активизировать работу в поисках выходов из кризиса» [2, 463].

И.М.Майский в своем выступлении 27 июня на закрытии конференции отмечал, что конференция предусматривала решение таких проблем как стабилизация мировых валют, отмена финансовых и валютных ограничений, расширение и удешевление кредита, повышение уровня цен, понижение таможенных тарифов, обеспечение действия принципа наибольшего благоприятствования, развитие общественных работ, координация производства и обмена. Но по этим вопросам ничего не было сделано, они были сданы в комиссии (экономическая и финансовая) и отложены до более благоприятного будущего. Во второй половине Мировой экономической конференции на первое место были выдвинуты вопросы координации производства и обмена, но и здесь все мероприятия были отложены.

Таким образом, практические результаты первой сессии Мировой экономической конференции оказались равными нулю. Стабилизация валют, проблема тарифов, ограничение торговли были невозможны к практической реализации, а конференция по образному выражению Д.Ллойд-Джорджа «была похожа на телегу, все более погрязающую в болоте» [1, 237]. Обострилась борьба между европейскими странами-должниками (Франция и Англия) и США по вопросу о межсоюзнических военных долгах, усилились таможенные и валютные конфликты, поднялись проблемы по вопросам о ценах, перераспределении рынков и источников сырья.

Примечания

1. Майский И.М. Воспоминания советского посла. В 2-х кн. М.: Наука, 1964. Кн. 2.
2. Документы внешней политики СССР 1933 г. (т. 16). М.: Политиздат, 1970. 920 с.

РЕАКЦИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ПОЛИТИКУ АРАБО-МУСУЛЬМАН В МУСУЛЬМАНСКОЙ ИСПАНИИ

Основной проблемой, с которой столкнулись арабо-мусульмане в халифате и на Иберийском полуострове, была проблема интеграции местного населения в систему жизни исламского мира. Между христианами и мусульманами естественным образом образовывалось взаимодействие, происходила определенная европеизация арабо-мусульман, и строгие догматы классического ислама уже не являлись определяющими в характере взаимоотношений между культурами.

Ограничения для проживающих в мусульманском государстве христиан, встречающиеся в источниках, касаются в основном социально-экономических и бытовых деталей. Разработанные законоведами нормы не затрагивают религиозной сферы. Но, в то же время, при подобном лояльном отношении исламский мир не допускает и вмешательства христиан в мусульманскую культуру.

На подвластных мусульманам землях основным требованием победителей к христианским подданным являлась выплата подушной подати. Несмотря на то, что жителям была оставлена возможность исповедовать христианство, многие представители всех социальных слоев принимали ислам. Относительно знатной среды это может быть объяснено возможностью в дальнейшем стать полноправными мусульманскими аристократами. Для низших слоев переход означал уменьшение налогового бремени. Итогом этой тенденции стало то, что уже в VIII веке мусульманская знать не поощряла подобное обращение в ислам, так как оно сокращало поступление податей и подрывало государственный бюджет [1, 25].

Другая причина столь легкого отказа христиан от собственной религии может быть связана с культурными аспектами. Как уже было сказано, во всех сферах жизни светские арабские идеи преобладали над религиозными.

Поэтому у подвластных мусульманам христиан и иудеев не было особых поводов сопротивляться тому культурному влиянию, которое неизбежно исходило от арабского мира. Неудивительно, что для многих более высокоразвитая мусульманская цивилизация могла оказаться очень притягательной.

После прихода и укрепления в Испании восточных народов в VIII в., актуальным для местных жителей, в том числе и для исповедующих христианство, стало изучение арабского языка. Обучение языку проводилось на основе Корана и хадисов, поэтому вполне естественно, что, скорее всего, со временем ислам, как религия, становился более понятным, доступным и близким, чем христианство, а значит, исламизация происходила на добровольных началах.

В сравнение можно привести слова Аврелия Августина относительно христианизации: «... и если они успевали заставлять принимать христианство, то не сделали ничего, чтобы расположить к нему» [2, 59]. И действительно, исследователи при рассмотрении причин Реконкисы отмечают, что нет точных подтверждений наличия глубокого религиозного чувства среди жителей Испании в VIII—IX вв., хотя случаи яркого неприятия исламского мира, несомненно, присутствуют [1, 70].

Таким образом, переход христиан в ислам мог вызываться как материальными и моральными причинами, так и шаткими позициями христианства в изучаемом регионе. В связи с этим не религиозные притеснения были причиной быстрого распространения мусульманства, а, скорее, толерантность, проявленная арабами, стала причиной успеха ислама среди мирного христианского населения.

Естественно, что после событий, связанных с вторжением арабов на Пиренейский полуостров, мобильность местного населения стала возрастать. Многие христиане уходили с завоеванных арабами земель на север, за Пиренеи. Из недовольных христиан, оставшихся на своих землях, по всей видимости, складывались группы протестующих против засилья ислама.

Кажется закономерным факт проявления протестов в отношении исламской культуры именно со стороны теологов, клириков и церковных деятелей, принадлежащих к высшему духовному сану. У христианского населения, находящегося в непосредственном взаимодействии с мусульманской цивилизацией, не было особых поводов к отторжению арабской культуры и религии. При этом на западноевропейское христианство в целом, в том числе на пап и высших церковных руководителей, ислам оказывал существенное давление, и, прежде всего, на их политику религиозной пропаганды. В качестве примера можно привести рост религиозного энтузиазма, связанного с культом св. Иакова из испанского города Сантьяго-де-Компостела. По легенде, в 813 году некий отшельник Пелайо получил откровение об обретении мощей апостола Иакова, останки которого были привезены на лодке в Испанию его учениками и погребены на западном побережье в Галисии. Новость об обретении мощей Святого быстро распространилась по всему христианскому миру. Святой Иаков, чудесно являвшийся во время битв с маврами, стал покровителем Испании и Реконкисы. После того как епископ Теодомиро признал найденные останки подлинными, к ним по легенде приходил поклониться даже Карл Великий [3, 81].

Данный эпизод, конечно, не является основополагающим, но есть мнение, что именно подобные случаи укрепляли позиции христианства и, кроме того, впоследствии способствовали объединению христиан против мусульманских врагов. И, возможно, с мусульманской стороны религиозные притеснения во взаимодействиях с европейской цивилизацией начали проявляться лишь после того, как их начали выказывать христиане [1, 72].

Примечания

1. Монтгомери Уотт. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.
2. Августин Аврелий // Цит. по: Пиков Г.Г. Библия и представления европейцев в VIII—IX вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск, 1995.
3. Сорокина С. Паломничество в Сантьяго де Компостела в средние века и в наше время // Церковь Ингрии. 2004. № 4 (52).

Л.В.Василенко, К.Ю.Клименко

г. Нижневартовск

Нижневартровский государственный гуманитарный университет

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Международный терроризм является одной из актуальных проблем современности. Он представляет собой одну из наиболее опасных форм преступности, сферой деятельности которой является практически весь земной шар. На современном этапе это явление превратилось в фактор, серьезно дестабилизирующий нормальное развитие международных отношений. Особую опасность могут представлять террористические посягательства с использованием ядерных и иных средств массового поражения.

До сих пор международному сообществу не удалось выработать общепризнанное определение терроризма, хотя в целом и сложилось общее понимание в отношении основных составляющих этого явления. Прежде всего, под терроризмом понимается противозаконное насилие, как правило, с применением оружия, стремление запугать широкие слои населения. Не всегда терроризм имеет под собой политическую направленность, террористические акты могут совершаться и по иным мотивам.

История терроризма уходит в глубокую древность. Одно из его первых упоминаний связано с терактами, совершенными в 66—73 годах до н.э. еврейской политической группировкой zelотов, боровшихся насильственными методами против римлян за автономию Фессалонии.

Одна из наиболее ранних террористических группировок — иудейская секта сикариев («кинжалщиков»), действовавшая в Иудее в I веке н.э. Члены секты практиковали убийства представителей еврейской знати, выступавших за мир с римлянами и обвинявшихся ими в отступничестве от религии и национальных интересов и «коллорабационизме» (*осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству*) с римской властью.

В Европе впервые слово «терроризм» упоминается в одном из французских словарей, датированных 1798 годом. Согласно этому словарю, такое понятие употребляли якобинцы в устной и письменной речи по отношению к себе — и всегда с положительным оттенком.

В конце XX века терроризм стал многоликим. Организаторами терактов в настоящее время может быть широкий круг лиц: экстремистские организации, преступники-одиночки, психически больные лица, отдельные религиозные сообщества и целые государства [1].

Основные цели террористических акций:

- дестабилизация государственной власти;
- вымогательство;
- нанесение экономического ущерба;
- устранение соперников;
- религиозный фанатизм;
- создание обстановки хаоса и страха и т.д.

Определяющей характеристикой терроризма является принуждение кого-либо путем запугивания, устранения неугодных лиц, принесения в жертву непричастных людей или нанесения материального ущерба в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или воздействия на органы власти.

Таким образом, традиционный терроризм при всей его опасности не угрожал основам общества, тогда как современный терроризм, основанный на применении новых технологий, других достижений научно-технического прогресса, способен вызвать общий кризис всего мирового сообщества, и прежде всего стран с развитой инфраструктурой.

Наиболее распространенными средствами ведения террористической деятельности в настоящее время являются взрывные устройства, применение которых ведет к гибели людей или причиняет значительный материальный ущерб, а также различные каналы связи (почта, а чаще всего — телефон), с помощью которых преступники передают угрозы насилия или физической расправы [2].

В настоящее время выделяют следующие причины терроризма:

- 1) социально-экономические;
- 2) политические;
- 3) религиозные.

В свою очередь социально-экономические причины предусматривают:

- 1) заметное снижение жизненного уровня;
- 2) кризисное положение ряда социальных и профессиональных групп;
- 3) рост безработицы;
- 4) широкое распространение среди населения оружия, военной подготовки и специфических военных умонастроений;
- 5) подрыв или свержение своего правительства;
- 6) национальное самоутверждение (к примеру, деятельность Армянской секретной армии за освобождение Армении (АСАПА));

7) распространение средствами массовой информации идей и взглядов, ведущих к росту насилия, неравенства и нетерпимости, внушение населению всеисильности и вседозволенности террористов и др.

Составляющие политических причин следующие:

1) репрессии со стороны правящей элиты по отношению к оппозиционным политическим партиям;

2) навязывание правящей элитой нетрадиционных для данного общества социально-политических нововведений;

3) обострение внутривнутриполитических конфликтов внутри самого государства;

4) столкновение политических интересов двух государств в каком-либо регионе;

5) ошибки в национальной политике, допускаемые правительством;

6) целенаправленное разжигание национальной розни отдельными людьми, группами, партиями (к примеру, движение ваххабитов);

7) агрессия в отношении другого государства и его оккупация в большинстве случаев влечет за собой вооруженное сопротивление мирного населения (партизан), использующего террористические методы (взрывы важных объектов, поджоги и т.д.);

8) поощрение терроризма на уровне государственной политики, как это делают Ливия, Иран, Ирак, Афганистан;

9) недовольство деятельностью правительства иностранных государств, в связи с чем, совершаются террористические акты против его представителей и учреждений.

Религиозные причины:

В настоящее время особенно широкое распространение получила религиозная нетерпимость (религиозный фанатизм). Религиозный фанатизм основан на абсолютной вере в то, что после убийства «неверных» — убийца попадает в рай. Это внушается в сознание верующих с детства: и в семье, и в школе. В первую очередь это связано со слабой религиозной просвещенностью населения, отсутствием истинных знаний в области религии.

Терроризм на религиозной почве в определенной мере «наследует» терроризму, возникшему в рамках национально-политических движений. Несомненно, очень серьезным фактором, способствующим возникновению терроризма на религиозной почве, можно считать современные мировые политические и социально-экономические процессы [3].

Предлагается целая система мер противодействия международному терроризму. Ее создание уже происходит и в России, и в ряде стран Европы. А усилия по вовлечению общественности в соответствующие программы требуют от власти принципиальной поддержки нового социального института. Он предназначен для самоподготовки населения к «мягкому» или социальному контртерроризму (обучение граждан, использование современных информационно-коммуникационных технологий, поддержка разработок соответствующего компьютерного программного обеспечения для выявления ранних признаков террористической

активности именно самим населением, заинтересованного в донесении своих баз данных до силового сектора) [4, 117—132].

На современном этапе усилия мировой дипломатии сосредоточены вокруг создания такой системы безопасности, которая бы гарантировала стабильность в мире и была бы способна реагировать на новые риски и угрозы, наиболее опасной из которых есть угроза международного терроризма [5].

Следует отметить, что какой бы стратегии в борьбе против терроризма не придерживались правоохранительные органы, обеспечение региональной безопасности остается наиболее приоритетной задачей устойчивого развития любого региона. Поэтому органы государственной власти и, в первую очередь, местного самоуправления, должны ориентироваться на проведение профилактических работ, связанных с выявлением внутренних угроз, а также факторов, дестабилизирующих нормальный ход политического процесса в региональном измерении.

Таким образом, основные способы борьбы с терроризмом определяют уровень безопасности и способствуют обеспечению политической стабильности любой страны [6].

Примечания

1. См.: Замковой В.И., Ильчиков М. Терроризм — глобальная проблема современности. М., Гардарика, 1996.
2. См. Кожушко Е.П. Современный терроризм. Анализ основных направлений. Минск: Харвест, 2000.
3. См. Хоффман Б. Терроризм взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003.
4. См. Приходько О.В. Борьба с международным терроризмом: Россия, США и Европа // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 5.
5. См. Салимов К. Современные проблемы терроризма. М.: Щит-М, 1999.
6. См.: Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. М., 2003.

О.В.Королева

г.Саратов

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского*

«ПРИРУЧЕНИЕ ДРУГОГО»: РАННИЕ ОБРАЗЫ ВОСТОКА В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

В мире существует много образов «Востока», разновременных и различающихся по содержательному наполнению и эмоциональной окраски, и ни один из них не лишен значения. Роль представлений о «Востоке» в формировании представлений о «Западе» в прошлом, настоящем и будущем нельзя недооценивать.

Одной из наиболее значимых концепций, которая реконструирует систему взаимоотношения между различными цивилизационными и этническими группами, является концепция «Другого».

В формировании европейских идентичностей участвовали и до сих пор участвуют самые различные образы «Другого», в качестве которого выступали геоэтнокультурные общности Востока. Следует отметить, что любой «иной» персонаж представляет собой социальный конструкт, который принимал формы в зависимости от целевых установок, ценностных ориентаций и предпочтений, и даже эмоционального состояния его «Создателя» [1]. По словам Тодорова, «...здесь присутствует ценностное суждение: хорош или плох «Другой»... есть сближение с другим или дистанцирование от «Другого»: я принимаю ценности «Другого» и идентифицирую себя с ним; или же я идентифицирую «другого» с собой, я накладываю на него мой собственный образ» [2, 185].

Будучи в большинстве своем торговыми представителями по роду занятий и «разведчиками» по сути, первые английские путешественники имели преимущественно прагматический интерес к Востоку, поэтому «знакомство» с ним протекало в обстановке приспособления «Чужого» к собственным нуждам и интересам, его «приручения».

Путешествие, как правило, способствовало созданию целенаправленных геокультурных образов, которые нашли отражение на страницах записок англичан о Востоке. Отсюда и их интерес, прежде всего, к городам как центрам торговли и сосредоточению всевозможных восточных богатств, которые сулили высокие прибыли и доходы.

Образ Востока, созданный англичанами на страницах их записок о путешествиях, является крайне схематичным, а сам Восток становился удобным для познания и «приручения». В отношении с «Другими» происходит кросс-культурная коммуникация, которая устанавливает порядок культурного доминирования «Своей» культуры, которая априори должна являться образцом для подражания «Другими». В стремлении повысить свой «prestige» и отделить «своих» от «других» англичане не избегали поверхностных обобщений и упрощений воспринимаемого.

Путешественники предпочитали писать о деспотичной форме правления, отсутствии свободы, безопасности и частной собственности на землю, что позволяло европейцам в раннее новое время заявить о своем превосходстве над самыми мощными и внушительными неевропейскими цивилизациями. Английские путешественники не случайно акцентировали внимание на жестокости, пытках и обыденности вынесения смертных приговоров в восточных странах, поскольку это затрагивало самое фундаментальное право человека — право на жизнь. Стоит заметить, что в этом плане Запад не уступал Востоку. Видимо, в основе противопоставлений восточного «зверства» и «жестокости» западным ценностям было разное отношение к личности, которое европейцы хотели подчеркнуть. По словам А.В.Гордона, «варваризация» неевропейских обществ

имела два аспекта — самопознание новой европейской цивилизации и ее самовоспитания [3, 55]. Упор делался на культивировании отличительности в явно дидактических целях.

В восприятии английских путешественников XVI в. Могольская империя была страной с военным режимом, а города — «военными лагерями». Они свидетельствовали об отсутствии естественного права человека на жизнь, которая здесь ничего не стоила. Подобные представления долгое время культивировали идею о собственном превосходстве и питали идею «цивилизаторской миссии» Великобритании в Индии. Признавая «свою» страну, ее быт и обычаи за точку отсчета, а восточные культуры отклонением от английского эталона, англичане «уверовали» в то, что «Них» есть «моральное право» навязывать «Другим» свою культуру даже с помощью силы. Так, англичане XIX в. были уверены, что туземцы живут благополучно под английским владычеством. Так, священник Генри Поулхамптон писал из Индии своей матери: «Я полагаю, нет сомнения, что людям очень хорошо жить под английским управлением. До него страной ужасно руководили; постоянно были продолжительные гражданские войны» [4, 88].

Однако схематичность и упрощенность в описании первыми английскими путешественниками Индии не способны скрыть отсутствие четкости модели восприятия, построенной на бинарных оппозициях типа «Свой/Другой».

Не смотря на то, что, по утверждению Э.Саида, Индия никогда не представляла собой серьезной угрозы для Европы, в первой половине XVI в. английские путешественники не могли относиться к индийскому Востоку с таким высокомерием, который был присущим им в XVIII—XIX вв. Столкнувшись при первой встрече с мощной и самодостаточной страной с богатыми торговыми городами, прекрасными столицами и дворами восточных правителей, похожими на сказку, англичане испытали некоторое замешательство, а их уверенность в собственной исключительности выглядела не столь убедительной, и даже судьба их торговых отношений не казалась безоблачной.

Э.Терри, предпринявший попытку обобщить знания о Могольской империи, полученные к 1616 г., писал: «Это обширная независимая страна, настолько богатое, процветающее, и где есть все необходимое для человека, способно существовать и процветать само по себе, без помощи какого-нибудь соседа» [5]. Англичане, видя процветающую торговлю Могольской империи со странами Юго-Восточной Азией, Персидского залива, с Голландией и Португалией, понимали отсутствие у этой восточной страны особой потребности торговать с ними, а тем более, покупать их товары.

По словам Э.Саида, «защищаясь от тревожного влияния Востока» [6, 262] в своих рассказах они осуждали восточного жителя уже за то, что он — «другой», ему приписывали многочисленные дурные качества, на фоне которых можно было с большей уверенностью утвердить свой собственный положительный образ.

Примечания

1. Aho J. This Thing of Darkness: a Sociology of the Enemy. Seattle: University of Washington Press, 1994.
2. Todorov T. The Conquest of America: The Question of the Other. New York: Harper Perennial, 1991.
3. Гордон А.В. Цивилизация Нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII—XX вв.). Научно-аналитический обзор. М., 1998.
4. Polehampton H.S. Letter to Mother. Cantonments, Lucknow, may 2, 1856.
5. Terry E. A Relation of a Voyage to the Eastern India. Observed by of Edward Terry... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. London, Imprinted for H. Fetherston, 1625. Part 1. Book 9. P. 1486.
6. Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. Пер. с англ. яз. А.В.Говорунова. СПб., 2006.

И.В.Крючков

г.Ставрополь

Ставропольский государственный университет

ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ АВСТРИЯ В ТРУДАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В России в конце XIX — начале XX в. растет интерес к истории и современности империи Габсбургов. На данном поприще активно работали российские правоведы, экономисты, педагоги и журналисты. Профессиональное историческое сообщество в этом направлении проявляло значительную инертность, отдавая приоритет изучению Франции, Великобритании и Германии.

В 1909—1910 гг. в России выходят две значительные работы по всеобщей истории, подготовленные профессиональными историками. Первый труд включал дополнения, сделанные профессором киевского университета П.Н.Ардашевым к лекциям М.Н.Петрова. В дополнениях П.Н.Ардашева дуалистической Австрии посвящается всего пять страниц, где помещается вся история Австрии с 1867 по 1909 гг. Данный краткий очерк охватывал ряд политических событий из жизни страны, включая чешско-немецкий конфликт и введение всеобщего избирательного права в 1906 г. «Австрийский раздел» интересен примечаниями, в них автор выразил свое отношение к этнониму «русин», назвав его выдумкой группы интеллектуалов и австрийских бюрократов, стремившихся таким образом сконструировать отдельную нацию и оторвать галичан от остальной части русского народа [1, 172—173]. П.Н.Ардашев отмечал рост центростремительных сил в Австрии, особенно после введения всеобщего избирательного права, когда славяне получили большинство мест в рейхсрате. Данное обстоятельство

на ряду со стремлением австро-немцев объединиться с Германией делало, по мнению автора, Австрию, как и всю империю Габсбургов, нежизнеспособными государственными структурами.

Вторая работа включала две части шестого тома «Истории Западной Европы в новое время», подготовленных Н.И.Кареевым. При создании своей «австро-венгерской истории» Н.И.Кареев показал прекрасное знание трудов австро-немецких, чешских, польских, германских, французских историков, политиков и юристов. В первой части тома ученый рассматривал развитие дуалистической Австрии в конце 60—70-е гг. На его взгляд, несмотря на то, что страна обладал общим монархом, столицей и парламентом, каждая народность имела различную историю, уровень развития и отношение к будущему Австрии [2, 357]. Н.И.Кареев склонялся к мнению, что после 1867 г. Цислайтания, по сути, стала федеративным государством. В нем субъектами федерации выступили отдельные земли, границы которых не совпадали с этнической картой страны, что породило острые «национальные вопросы». Этот парадокс для Н.И.Кареева стал главной проблемой развития дуалистической Австрии. В конце 60—70-е гг. в стране бразды правления принадлежали либералам-централистам, вступившим в острый конфликт с чехами и поляками. Ценой ряда уступок им удалось добиться расположения польского населения Цислайтании, позволившему правительству получить зыбкое большинство в парламенте.

Н.И.Кареев очень скрупулезно рассматривал развитие ситуации в Богемии и Галиции, полагая, что от решения острым межнациональных конфликтов в данных коронных областях во многом зависела судьба самой Австрии. Галицию на взгляд ученого вполне можно было разделить на два субъекта Цислайтании: украинскую Восточную Галицию со столицей во Львове и Западную (польскую) Галицию со столицей в Кракове. Однако Богемия по такому принципу не удавалось расчленить из-за наличия значительного числа районов со смешанным составом населения [2, 373—374].

На примере Галиции и Богемии Н.И.Кареев выделял две модели внутренней политики Австрии. Галицию Вена отдала под полный контроль поляков, как только те заявили о своей лояльности. Правящие круги в Вене им симпатизировали, зная об их русофобстве и пренебрежении к панславистскому движению, к тому же в Галиции немцы составляли незначительную часть населения [2, 384]. Чехам Богемии, наоборот, не доверяли, видя в них рассадник панславизма и русофильства. К тому же Вена вынуждена была учитывать мнение многочисленного немецкого меньшинства (примерно треть населения Богемии) в процессе поиска компромисса с чешской частью населения Богемии. Поэтому в данном регионе политика не была столь прямолинейной как в Галиции, правительство стремилось найти некую модель развития, устраивавшую как чехов, так и немцев.

Анализирую политическую историю Австрии рубежа XIX—XX вв. и межнациональные противоречия в стране, кстати, политическая и национальная

борьба в Австрии для Н.И.Кареева были синонимами, ученый приходил к ряду выводов. Первый — это то, что политический конфликт полностью парализовал работу рейхсрата, и привел австрийский конституционализм к глубокому кризису. Второй — политика уступок славянам способствовала развитию пангерманизма и антисемитизма, наибольшую опасность для Габсбургов представлял пангерманизм [3, 317]. Третий — политический коллапс в Австрии ослаблял ее позиции в диалоге с Венгрией.

Н.И.Кареев рассматривая чешско-немецкий конфликт в начале XX в. отметил важный, но не бесспорный момент. На его взгляд, чешские политические силы постепенно отходили от теории «исторического права» королевства Св.Вацлава, на чем базировался чешский вариант триализма, ориентируясь на федерализацию Австрии по этническому принципу, либо на создание содружества полноправных народов. В Галиции польская элита отличалась жесткой консервативностью, отказываясь в отличие от чехов гибко реагировать на реалии начала XX в. и идти на существенные уступки украинцам [3, 330]. Н.И.Кареев уходил от ответа на вопрос о будущем Австрии, полностью сосредоточившись на анализе важнейших событий из жизни Австро-Венгрии.

Примечания

1. Ардашев П.Н. Дополнения к лекциям по всемирной истории М.Н.Петрова. СПб., 1910. Т. V. Ч. 1.
2. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1909. Т. VI. Ч. 1.
3. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1910. Т. VI. Ч. 2.

Н.Д.Крючкова

г.Ставрополь

Ставропольский государственный университет

СИСТЕМА «БЕЗОПАСНОГО ПЕРЕЕЗДА» В ЖЕНСКОМ ЭМИГРАЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

В XIX в. в Великобритании, как и во всем мире, наблюдается значительная активизация миграционных процессов. Для людей, направлявшихся за океан, это был поиск личного счастья, для стран, отправлявших и принимавших мигрантов, — возможность решить собственные социальные проблемы. Во второй половине XIX в. в Великобритании осознали колоссальный потенциал эмиграции в деле консолидации империи. Организация внутримперской эмиграции, прежде всего эмиграции в белые переселенческие колонии, становится чрезвычайно важным фактором развития Британской империи.

Правительство разрабатывало разнообразные схемы оказания помощи немущим эмигрантам, в том числе и одиноким женщинам, чье присутствие в переселенческих колониях было особенно востребовано. Постепенно к организации женской эмиграции стали подключаться и женские общества, вначале феминистской ориентации, а затем и имперской направленности.

Наибольшую проблему в организации эмиграции представлял переезд через океан. Занимающий несколько месяцев вояж являл угрозу и физическому, и моральному состоянию мигрантов. Вспышки инфекций на борту корабля, общее истощение людей от плохого питания, часто антисанитарные условия — таковы были реалии эмиграции в начале викторианской эпохи. К этому следует прибавить попытки заполнить скучную и однообразную жизнь на корабле пьянством, азартными играми и драками. Но особую проблему при переезде женщин-эмигранток вызывала так называемая сексуальная опасность. Это могла быть «опасность», исходящая от пассажиров или членов экипажа, стремившихся соблазнить наивных девушек. К концу века пугали уже не столько отдельные личности, сколько транснациональные сети торговцев, наживавшихся на продаже женщин в заокеанские публичные дома. Переезжающие на новое место жительства эмигрантки были потенциальными жертвами «белого рабства». Параллельно муссировалась угроза мормонов, интерес к которой подхлестнул вышедший в 1887 г. бестселлер А.Конан Дойля «Этюд в багровых тонах». Газеты публиковали сообщения о сотнях «обращенных», направляемых в гаремы Юты, многие из которых попадали под влияние мормонов именно на борту корабля.

Система «безопасного переезда», разрабатываемая эмиграционными обществами, была направлена на минимизацию угроз и обеспечение комфортного и респектабельного переезда женщин на новую родину. Сопровождение и контроль становились основными элементами этой системы, вне зависимости от того, кто организовывал переезд — правительство или частные организации.

Разработанная правительством система женской эмиграции предполагала перевозку женщин на особых эмигрантских кораблях, оснащенных целым штатом людей, обеспечивающих комфорт и безопасность во время переезда. Этот штат включал наделенного самыми широкими полномочиями начальника медицинской службы, заботящегося и о питании, и о медицинском обслуживании, и о гигиене, и о порядке на корабле; смотрительницу, осуществляющую непосредственный надзор за эмигрантками; констеблей, помогающих в наведении порядка; учителей и священника, которые заботились о душе и интеллекте женщин и помогали им скоротать долгое время путешествия. На эмигрантских кораблях вводилась строгая дисциплина и жесткие меры наказания вплоть до штрафов и заключения на срок до 1 месяца в специальном помещении, служившем тюрьмой. Смотрительница и начальник медицинской службы имели право запираить женщин на ночь в каютах, ограничивать их физическое передвижение по кораблю, контролировать слова, внешний вид, общение.

Схожие принципы действовали и в работе женских эмиграционных обществ. Они не могли отправлять эмигранток на собственных кораблях, поэтому чаще всего заключали договоры с пароходными компаниями. Представительницы эмиграционных организаций заботились о выборе судна для эмигранток, оговаривая особые потребности одиноких молодых женщин. Они договаривались о том, чтобы женские помещения были как можно дальше удалены от мужских. Оценивалось качество жилья, питания и аспекты, связанные с безопасностью эмигранток.

Основная работа по обеспечению «безопасного переезда» в неправительственных организациях выполнялась смотрительницами, сопровождавшими группы девушек на корабле. Поскольку в данном случае никаких официально назначенных помощников и рычагов влияния у смотрительниц не было, эмиграционные организации делали все возможное, чтобы укрепить их статус на корабле. Некоторые организации требовали, чтобы женщины, которые путешествуют под их покровительством, подписывали формы, обязывающие их выполнять все требования сопровождающей, другие организации давали устные указания относительно полномочий смотрительниц и взаимоотношениях с ними еще до того, как эмигрантки садились на корабль. При этом, так же как и в правительственных миграционных схемах, в женских организациях отчетность и проверка работы смотрительницы была обязательной.

Система «безопасного переезда», с одной стороны, помогала одиноким женщинам, обеспечивала их необходимой степенью комфорта, надежности, давала гарантию респектабельности. Но, с другой стороны, она чрезвычайно ограничивала женщин, заставляя их чувствовать себя детьми, находившимися под неусыпным родительским контролем и страшившимися родительского наказания. Неудивительно, что далеко не все женщины соглашались на переезд при таких условиях. Многие продолжали эмигрировать самостоятельно. С течением времени число таких женщин лишь увеличивалось. Идея охраны женщин доминировала в дискурсе женской эмиграции до первой мировой войны. В послевоенный период, когда самостоятельность и уверенность женщин значительно выросли, она сменилась большим упором на социальные и финансовые преимущества организованной эмиграции.

ГОРОДА ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ: МЕЖДУ ЯЗЫЧЕСТВОМ И ХРИСТИАНСТВОМ

Великоморавский период в исторической памяти населения Чешской Республики занимает особое место. Именно с Великой Моравией связан коренной поворот в сторону христианства. Главные события великоморавской истории разворачивались в ее городских центрах. Для средневековья было характерно насаждение новой религии «сверху», через политическую элиту общества. В моравском городе как очаге политической власти, точке концентрации военно-служилой знати следует искать первых христиан.

История Моравии времени между язычеством и христианством прослеживается главным образом по археологическим, и лишь отчасти письменным источникам. Великоморавский период освещен в агиографических источниках — житиях Константина и Мефодия, а также в письмах римских пап.

Первые попытки христианизации славянского населения на территории Моравии были предприняты еще Карлом Великим, затем эту политику продолжил его внук Людовик Немецкий. Едва возникнув, Великая Моравия стала областью особого внимания немецких миссионеров. Уже в 30-е гг. IX в. часть знати Великой Моравии официально прошла обряд крещения в Регенсбурге. После этого на территории Моравии стала создаваться церковная организация, состоявшая из священников, которые подчинялись баварскому епископству в Пассау.

Первоначально для укрепления влияния империи Карла Великого на Востоке предполагалось укоренить христианство в среде знати. Чешский исследователь Й.Полулик отмечает, что «церковные постройки первой и второй половины IX в. возводились в княжеских резиденциях или феодальных усадьбах» [1, 53]. На основании этого можно предположить, что в эпоху Каролингов в славянских землях действовала модель христианизации варварских обществ, ключевым звеном которой являлось первоначальное принятие христианства военно-политической верхушкой.

Принятие христианства не искореняло полностью старых языческих верований в среде военно-служилой знати, в захоронениях представителей которой среди прочих предметов были обнаружены шпоры и наконечники поясов. Археологами было установлено, что для времени начала IX в. в прикладном искусстве Великой Моравии имеет место тесное взаимодействие старых языческих пережитков, что отразилось в мотивах защитных масок, и новых веяний христианства (изображения святых) [2, 53—54]. Примечателен тот факт, что

языческие защитные маски изображаются с внутренней стороны, возможно, это делалось для того, чтобы не навлечь на себя гнев христианских священнослужителей.

Открытые археологами фундаменты церквей, расположенных на территории городов (Микульчице, Угерске-Градиште и т.д.) обнаруживают как западное влияние баварских миссий, так и византийские мотивы в каменной архитектуре Великой Моравии [1, 27]. Византийское влияние связано с миссионерской деятельностью святых братьев Кирилла и Мефодия. В 864 г., по просьбе моравского князя Ростислава, для научения народа правой христианской вере в Великую Моравию прибыли святые братья Кирилл и Мефодий [3, 87]. С этого момента начинается прямое противостояние братьев с немецким духовенством. 868—869 гг. стали переломными в жизни городов Великой Моравии. С этой датой связана поездка Кирилла и Мефодия в Рим к папскому престолу. Папа римский Адриан II посвятил Кирилл и Мефодий в епископы, а их учеников, тех из них, которые достигли более глубокого образования, в священники [4]. Здесь же в Риме 14 февраля 869 г. умирает Кирилл. После смерти своего брата Мефодий остается в Риме, ожидая распоряжений папы. В конце концов, папа дал решение церковному вопросу, поднятому миссией греческих миссионеров. Мефодий был возведен в сан архиепископа Моравии и Паннонии [5].

В 870 г. к власти в Великой Моравии пришел племянник Ростислава — Святополк. С этого времени Мефодию пришлось пережить нападки как со стороны нового князя Святополка, так и от представителей немецкого духовенства, что заставило его вновь посетить Рим. Обвинения Мефодия в ереси не получили поддержки, более того, папа признал его в церковном учении и обрядах правомерным и благодетельным [6, 324—325]. В апреле 885 г. Мефодий скончался. Смерть святого Мефодия приводит к тому, что после продолжительной успешной при жизни святых братьев Кирилла и Мефодия борьбы за церковное влияние в городах Великой Моравии побеждает и восстанавливает былое могущество баварская церковь.

Религиозная обстановка в Великой Моравии во многом перекликается с конфессиональным развитием Киевской Руси. Город с его населением, и прежде всего верхушкой общества, представлял собой очаг распространения христианского вероучения, в то время как деревня долгое время оставалась носительницей языческих традиций.

Примечания

1. Поулик Й. Великая Моравия и миссия Кирилла и Мефодия. Прага, 1987.
2. Поулик Й. Древняя Моравия в свете новейших археологических находок // Великая Моравия. Тысячелетняя традиция государства и культуры. Прага, 1963.
3. Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

4. Демин О. Мы пришли дать вам Слово. Кирилл и Мефодий в истории славянской культуры. URL: http://www.cerkva.od.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=128&Itemid=86 (дата обращения 05.12.2010).

5. Булла Адриана в «Похвальном слове Кириллу и Мефодию» // URL: www.krotov.info/history/09/3/fior_09 (дата обращения 09.04.2010).

6. Письмо Иоанна VIII Святополку, князю моравскому // Хрестоматия по истории южных и западных славян. М., 1961. Т. 1.

С.Г.Малкин

г. Самара

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ПОЛИТИКА ЗНАНИЯ: ИМПЕРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И «ХАЙЛЕНДСКАЯ ПРОБЛЕМА» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1689—1759 гг.

Разнообразные мероприятия современных европейских держав в области экономической модернизации, политического переустройства, социальной инженерии и, наконец (как результат), формирования новой идентичности в заморских колониях и на окраинах самих метрополий являются предметом пристального интереса не только среди профессиональных историков [1]. Современная антропология (как область профессионального научного знания) и гуманитарные интервенции (как область провокативной политической практики) в иной этнокультурной среде состоят между собой во многом в тех же отношениях (с точки зрения содержания и характера познавательных практик), что и этнография и империализм эпохи первых глобальных империй [2]. Обилие примеров подобного рода позволяет выстраивать генеалогию такого колониального знания от лидеров империалистической гонки раннего Нового времени к мировым и региональным державам современного мира, в той или иной мере также реализующим различные имперские практики [3].

Разумеется, существует вполне определенная разница между профессиональными гуманитарными исследованиями и штудиями, обслуживающими интересы и нужды отдельных держав. Однако, с точки зрения исторического анализа в сложной, многогранной области имперских исследований, эти штудии представляют собой весьма продуктивный объект для изучения стремительно набиравшей вес в рамках проекта Просвещения политики знания. В том числе в вопросах, связанных с особенностями и характером колониальных народов. Неослабевающее внимание и интерес, проявляемые историками к такой служебной, административной этнографии современных европейских империй, сформировали за последние полвека (первые полвека постколониальных исследований) настоящую академическую традицию [4]. В соответствии с достигнутыми

ею результатами этнография вполне обоснованно рассматривается как научная дисциплина, формулировавшая и таким образом формировавшая не только модели описания и восприятия туземцев колониальной администрацией и имперскими службами, но и модели взаимодействия с местными сообществами, одновременно решая идеологические и практические задачи. О «культурном повороте» постколониальных штудий речь в XVIII в. не шла [5]. Функциональный характер этнографического знания, предназначенного, прежде всего, для более эффективного управления новыми колониальными приобретениями, вовлеченным в процесс современникам был очевиден. Рождение этнографии как научной дисциплины не случайно совпало по времени с первым веком глобальных империй. Этнографы, этнологи и антропологи имперских окраин были еще и колониальными чиновниками, на практике подтверждавшими тесную, хотя и не всегда очевидную связь между властью и знанием в рамках колониальной и окраинной имперской политики. При этом их звучавшие рефреном комментарии придавали экспертному знанию «объективный» характер, способствуя выработке универсальной модели этнографического анализа — важного инструмента интеллектуальной колонизации имперских окраин. В этом смысле этнография (этнология и антропология позже), как научная дисциплина, именно потому таковой и является, что занимается дисциплинированием окружающего, в том числе колониального, пространства научными методами — вполне в духе века Разума и Просвещения, имея ввиду взаимообусловленное сочетание экспансии имперского порядка, нового научного знания и секулярных представлений о происхождении и природе всего человечества.

Между тем, британский случай обращения к этнографии как колониальной практике по-прежнему связывают с политикой империи за океанами (даже изучение ирландской политики Лондона составляет весьма примечательное исключение из этого правила) [6]. Хотя такой исследовательский подход к событиям в Горной Шотландии в 1689—1759 гг. имеет принципиальное значение для понимания истории Великой Британии в целом. Необходимо учитывать, что с момента возникновения в 1707 г. Британской колониальной империи на смену Английской и вплоть до конца 1750 гг. Горная Страна являлась самой близкой и опасной этнографической лабораторией по испытанию различных проектов формирования, укрепления и расширения лояльности короне и правительству в Лондоне в условиях перманентных мятежей и угрозы вторжения иностранной державы. При этом приобретенный в Хайленде опыт вместе с участвовавшими в умиротворении края военными и гражданскими чинами в результате новых административных назначений переносился в заморские владения Британской империи [7]. Позитивные, равно как и негативные последствия таких кадровых решений Лондона не только в очередной раз ставят вопрос об особенностях функционирования внутренних механизмов ее управления.

Применительно к этнографии «Хайлендской проблемы» необходимо по-новому подойти к той роли, которую она играла в процессе интеллектуальной

колонизации Горной Шотландии. Предметом исторического анализа в данном случае должен стать не только (и не столько) набор стереотипов восприятия горцев в Великобритании в 1689—1759 гг., но также их формирование и функционирование в процессе реализации имперских практик окраинной политики британского современного государства раннего Нового времени. Этнографические описания ответственных за умиротворение Горного Края чинов необходимо прочитать как процесс не только языкового, но и культурного перевода местных мятежных реалий в понятия и нормы, принятые к югу от Грэмпианских вершин. К образу «варвара»-горца стоит подойти не только как к примеру этнографической мысли в век Просвещения, но и как к конституирующему «Другому» в процессе формирования новой британской (юнионистской и имперской) идентичности в рамках заключенной в 1707 г. между Англией и Шотландией унии. Описание и анализ реформ, предполагавшихся в Горной Стране, представляют исследовательский интерес не только сами по себе, но и как набор характеристик «идеального» британца, необходимых, на взгляд официальных властей и политической нации в целом, в процессе расширения британского присутствия на имперских окраинах.

Раскрытие этих сюжетов, в свою очередь, поможет дать ответы на вопросы более общего свойства: о соотношении проектов конструирования британской нации и создания Британской империи, о значении интеллектуальной колонизации Хайленда для имперского строительства за океанами, о роли гуманитарного знания в век Разума, Просвещения и глобальных империй.

Примечания

1. См., например: Nagle J.A. *Counterinsurgency Lessons from Malaya and Vietnam: Learning to Eat Soup with a Knife*. Westport, 2002; Montanus P.D. [Lieut.-Col., United States Marine Corps]. *A Failed Counterinsurgency Strategy: The British Southern Campaign — 1780—1781. Are there Lessons for Today / USAWC [U.S. Army War College] Strategy Research Project*. Carlisle Barracks, Pennsylvania, 2005. При этом Военный колледж армии Соединенных Штатов (USAWC) является одним из ведущих центров исследований роли «культурного знания» в имперской политике современных держав. См., напр.: Metz S., Milten R. *Insurgency and Counterinsurgency in the 21 Century. Reconceptualizing Threat and Response*. Strategic Studies Institute. U.S. Army War College. Carlisle Barracks, 2005; Jager S.M. *On the Uses of Cultural Knowledge*. Strategic Studies Institute. U.S. Army War College. Carlisle Barracks, 2007.

2. Так, авторы получившего широкую известность нового полевого устава армии США («FM 3-24», по образцу которого составлен и новый полевой устав армии Великобритании «JDP 3-40»), предполагающего «культурный» подход к решению военно-политических задач в том или ином «ином» регионе, обладают ученой степенью по антропологии или политологии межэтнического конфликта. М.МакФэйт, автор реализуемой Пентагоном программы изучения культуры стран присутствия армии США, предложившая вновь подойти к антропологии как к «ремесленной мастерской империи» и вспомнить, что ее изначальная основная задача — «консолидировать власть на имперских окраинах»,

получила степень доктора антропологии в Йельском университете в 1994 г., посвятив диссертацию политике Лондона по умиротворению Северной Ирландии в 1970-е — 1980-е гг. Генерал-лейтенант Д.Петреус, бывший Глава Центрального командования США (до июля 2010 г.), отвечавшего за все военные операции в Ираке и Афганистане, заявивший, что «культурное самосознание это множитель силы», в 1987 г. защитил в Принстонском университете докторскую диссертацию по политологии, связанную с уроками, которые американские вооруженные силы «прошли» во Вьетнаме и которые могут им пригодиться в дальнейшем. Специалист в им же изобретенной области «конфликтной этнографии» Д.Килкаллен, старший советник по антипартизанской борьбе при генерале Д.Петреусе (до июля 2007 г.), стал доктором политических наук в 2000 г., защитив в Университете Нового Южного Уэльса и Академии сил обороны Австралии диссертацию, суммировавшую аналогичный опыт властей Индонезии в 1945—1999 гг.: McFate, M. *Anthropology and counterinsurgency: the strange story of their curious relationship* // *Military Review*, March-April 2005. P. 24—38; Petraeus D.H. *Lessons of history and lessons of Vietnam* // *Parameters*. 1986. Vol. 16. № 3. P. 43—56; Kilcullen D. *Countering global insurgency* // *Journal of strategic studies*. 28 (2005). P. 597—617; Kilcullen D. *Counterinsurgency Redux* // *Survival: Global politics and strategy*. 48 (2006). P. 111—130.

3. В начале XXI в. специалисты в области антипартизанской борьбы и региональных исследований по-прежнему цитируют Лоуренса Аравийского, в начале XX в. продолжившего давнюю традицию изучения имперских окраин с целью их надлежащего администрирования. См., напр.: Nagle J.A. *Op. cit.* (название работы недвусмысленно отсылает к известной мысли Лоуренса о том, что «бороться с мятежом так же долго и мучительно, как пить суп при помощи ножа»: Лоуренс Т.Э. *Семь столпов мудрости* / Лоуренс Аравийский. СПб., 2001); Kilcullen D. *Twenty Eight Articles: Fundamentals of company-level counterinsurgency* // *Military Review*. May-June 2006. P. 103—108 (парафраз другого известного сочинения Т.Лоуренса: Lawrence T.C. *The 27 Articles of T.C.Lawrence* // *The Arab Bulletin*. Vol. 60. 20 August 1917). В этом смысле весьма примечательно, что сейчас задача формулируется так же, как и почти три века назад: «завоевать умы и сердца» местных мятежных народов. Намерение старшего Данкана Форбса из Каллодена, одного из самых стойких сторонников Вильгельма III(II) Оранского в Горной Стране, вслед за Славной революцией вновь «заполучить сердца для короля», поддержанное полвека спустя Джеймсом Эркином, лордом-клерком юстиции как лордом Грэнджем, одним из наиболее глубоких комментаторов горношотландских реалий на службе правительства, предполагавшим «силой христианства повлиять на умы и сердца» горцев и так цивилизовать весь Горный Край, вполне соотносится с мнением генерала сэра Джерарда Темплера, генерального комиссара и верховного главнокомандующего в Малайе (1952—1954 гг.) во время действия чрезвычайного положения в этой британской колонии (1948—1960 гг.), полагавшего, что «ответ заключается не в посылке большого числа войск в джунгли, а в сердцах и умах людей»: Forbes D., of Culloden. *Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution* // *Culloden Papers: comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance*. London, 1815. P. 15; L.Grange. *Memorial concerning the Highlands of Scot-land, and the Borders of South and North Britain*. October 1746. III // *National Archives of Scot-land*. Mar and Kellie Papers.GD 124/15/1569/3; Арнольд Дж.Р. *Змеиные джунгли*. М., 2010. С. 193. В истории Британской империи стремление

«завоевать сердца и умы» аборигенов превратилось в оспариваемый императив колониальных властей. См., напр., недавнее обсуждение этой проблемы на конференции в лондонском Институте исторических исследований: «Butcher and Bolt» or «Hearts and Minds»? *British Ways of Countering Colonial Revolt: A Historical Perspective*. Conference Programme. 15—16 September 2011.

4. В широком смысле начало новому направлению исследований характера колониального знания европейских современных держав положила известная работа Э.В.Саида об ориентализме западноевропейских колониальных империй: Said E.W. *Orientalism*. New York, 1978. Специальные постколониальные исследования, рассматривающие этнографию как колониальную практику, появились еще раньше. См., напр.: *Anthropology and the Colonial Encounter* / Ed. by T.Asad. New York, 1973. Подробнее о становлении и развитии такого подхода в исследованиях см., напр.: Goh D.P.S. *States of Ethnography: Colonialism, Resistance, and Cultural Transcription in Malaya and the Philippines, 1890s—1930s* // *Comparative Studies in Society and History*. 2007. 41(1). P. 109—142.

5. В этом смысле своеобразный ренессанс такой колониальной этнографии и антропологии, призванный решить актуальные военно-политические задачи современных держав в странах «третьего мира», рассматриваются некоторыми неравнодушными гуманитариями как «культурный разворот» в сторону «наемнической антропологии», благодаря которой новый полевой устав армии США FM 3—24 «читается как руководство по непрямому колониальному правлению»: Gonzalez R. *Towards mercenary anthropology? US Counterinsurgency Field Manual 3—24 and the military-anthropology complex* // *Anthropology Today*. 23 (3). 2007. P. 16—17. «Этнографическое [знание] становится полем военной стратегии»: Stoler A.L., Bond D. *Refractions off Empire: untimely comparisons in harsh times* // *Racial History Review*. 95. 2006. P. 98.

6. При этом внимание профессиональных историков чаще сосредоточено на эпохе активной колонизации «Изумрудного острова» при поздних Тюдорах и первых Стюартах, анализируется скорее идеологическое, чем практическое содержание описаний ирландцев британцами. См. напр.: Hadfield A. *Briton and Scythian. Tudor Representations of Irish Origins* // *Irish Historical Studies*. Vol. 28. No. 112 (Nov., 1993). P. 390—408; Murphy A. *But the Irish Sea Betwixt Us: Ireland, Colonialism, and Renaissance Literature*. Lexington, 1999. P. 11—96; Canny N. *Making Ireland British, 1580—1650*. Oxford, 2001. P. 121—134, 187—205, 432—455; Connolly S.J. *Contested Island. Ireland, 1460—1630*. Oxford, 2007. P. 397—403. Классический академический пример «фигуры умолчания» вместо возможного анализа этнографической колониальной практики в ирландской политике Лондона: Bartlett T. «This famous island set in a Virginian sea»: Ireland in the British Empire, 1690—1801 // *The Oxford History of the British Empire*. Vol. II. *The Eighteenth Century* / Ed. P.J.Marshall. Oxford, 2009 [впервые опубликована в 1998 г.]. P. 253—275.

7. См., напр.: Starkey A. *European and Native American Warfare 1675—1815*. London, 1998. P. 46—56; Plank G. *An Unsettled Conquest: The British Campaign against the Peoples of Acadia*. Philadelphia, 2001; Murdoch A. *James Glen and the Indians* // *Military Governors and Imperial Frontiers C. 1600—1800 A Study of Scotland and Empires* / Ed. by A.MacKillop, S.Murdoch. Brill. Leiden, Boston, 2003. P. 141—160; Mackillop A. *Fashioning a 'British' Empire: Sir Archibald Campbell of Inverneil and Madras, 1785—9* // *Military Governors and Imperial Frontiers...* P. 205—232; Plank G. *Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia, 2006. P. 103—191.

МАГН МАКСИМ В ГЕНЕАЛОГИЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО УЭЛЬСА И ИДЕЯ РИМСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОРОЛЕВСКИХ ДИНАСТИЙ

Одним из наиболее известных узурпаторов в поздний период римской истории был Магн Максим, испанец по происхождению, в 383 г. поднявший мятеж в Британии и с основными воинскими контингентами переправившийся в Галлию. Обосновавшись в Трире, он удерживал власть над Галлией, Испанией и Британией вплоть до 388 г., когда был побежден и казнен Феодосием Великим [1]. С этого момента начинается быстрый и необратимый процесс упадка императорской власти на Западе, особенно к северу от Луары [2, 48].

Первоначально в островной исторической традиции Магн Максим стал ответственен за последующие беды бриттов. Начало этому было положено трудом Гильдаса, относившегося к узурпатору резко отрицательно (*De Ex. Vr.*, 13) [3, 33—42]. В более сдержанном тоне о Максиме говорит Беда (Н.Е. I, 13): хотя он «нарушил клятву верности ради тиранической власти», но был объявлен императором «почти против воли». В «Истории бриттов» Ненния Максиму уделено большое внимание (не меньшее, чем Юлию Цезарю), он ответственен за вывод с острова всех войск: «Именно по этой причине чужестранцы захватили Британию и обрекли ее жителей на изгнание, пока бог не придет им на помощь» (Н.В., 27) [4].

Автор «*Historia Brittonum*», так подробно повествуя о Магне Максиме, отражает общую тенденцию, характерную для Уэльса его времени. Стоит, правда, уточнить, что в других произведениях раннесредневековой уэльской и бретонской литературы Магн Максим предстает отнюдь не в негативном свете, напротив, тут с ним происходит удивительная метаморфоза — он превращается в родоначальника ряда королевских династий Уэльса и великого завоевателя.

В этих текстах его имя звучит как *Macsen* (*Maxen*) *Wledig*. В *Eliseg Pillar* (текст надписи датируется большинством исследователей первой половиной IX века, что совпадает со временем редактирования «*Historia Brittonum*») он назван «Максимус, который убил короля римлян» и к нему возводится родословная королей Повиса (через брак дочери Максима Севиры с верховным королем бриттов Вортигерном) [5, 123—125]. Сходная история имеется и в «Истории бриттов» Ненния, однако версия надписи более амбициозна, так как возводит происхождение династии к двум наиболее выдающимся правителям всей Британии (в римский и пост-римский периоды). Это, по всей видимости, должно было легитимизировать отвоевание Эльсегом территорий у англо-саксов, о чем повествуется в надписи.

В уэльских генеалогиях, записанных в рукописи Harley MS 3859, Максим становится родоначальником королей Дифеда. После ряда ирландских имен, посредством многих поколений короли Дифеда оказываются связаны с Магном Максимом, а через него — с Константином Великим и св.Еленой, «которая отправилась в поисках Святого креста в Иерусалим и оттуда принесла его в Константинополь, где он хранится и теперь» [6, 10]. Также и в бретонском житии святого Гуртиерна, написанном на латыни, он действует как «Maximianus, сын Констанция, сына Елены», становясь, таким образом, потомком св.Елены [7, 1232—1233].

В одном из наиболее известных рассказов «Мабиногиона» — «Видение Максена Вледига» (Breuddwyd Maccsen) — Магн Максим является главным действующим лицом [8]. Будучи императором Рима, он отправился в Британию, где женился на местной девушке Елене, а через семь лет вернулся с войском и завоевал Рим, удерживаемый неназванным узурпатором.

Кроме того, Максим рассматривался в уэльской агиографии как предок ряда местных святых, в том числе св. Кадока [9, 81].

В чем причина такого внимания уэльских авторов к личности Магна Максима? Дж.Линдсей считает, что он должен был сделать что-то выдающееся — по версии исследователя, Магн Максим создал группы федератов на северной границе, которые были обучены римскому военному делу и получили римские insignia: Максим стал «их символом роскоши и цивилизации, также как символом их независимости и гордости» [10, 345—346]. Сходную точку зрения высказывает и Л.Лаинг, который предположил, что Максим мог быть ответственен за организацию и формирование ранних королевств на территории Уэльса и, возможно, приглашение Кунедды [11, 100].

Правда, подобный подход ныне критикуется многими специалистами, которые уверены, что появление имени Магна Максима в уэльских генеалогиях не может рассматриваться как свидетельство каких-либо оборонительных мероприятий, предпринятых им в Британии в конце IV века [12, 31; 7, 1233]. Но даже если предположить, что Магн Максим не сделал ничего выдающегося на территории Британии, несомненно то обстоятельство, что возведение происхождения уэльских правителей к Магну Максиму отражает осознание преемственности их власти от римлян, как это подчеркивала еще Н.Чадвик [13, 74].

Примечания

1. Подр. см.: Roberts W.E. Magnus Maximus: portrait of usurpers. M.A.Thesis. Un-ty of South Carolina, 1997. 370 p.
2. Hallsall G. The Barbarian Invasions // The New Cambridge Medieval History. с. 500—700.
3. Чехонадская Н.Ю. Гильда об узурпации Магна Максима // ВДИ. 2002. № 2. С. 33—42.
4. Подр. о Максиме у Ненния см.: Малюгин О.И. Римская история и римская культура в исторической памяти бриттов (по «Истории бриттов» Ненния) (в печати).
5. Nash-Williams V.E. The early Christian monuments of Wales. Cardiff: Wales U.P., 1950.

6. Bartrum P.C. Early Medieval Genealogical Tracts. Cardiff: Wales U.P., 1966.
7. Kosh J.T. Macsen Wledig // Celtic culture: a historical encyclopedia / John T. Koch, editor. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2006.
8. Breudwyf Maxen Wledig / Ed. B.F.Roberts. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 2005. 80 p.
9. Vita Cadoci, 42 // Rees W.J. Lives of the Cambro British Saints. London: Longman, & co.; [etc., etc.], 1853.
10. Lindsay J. The Romans were Here. N.Y.: Barnes & Noble, 1969. 2nd ed.
11. Laing L.R. The archaeology of late Celtic Britain and Ireland, c. 400—1200. London : Methuen ; [New York]; distributed by Harper & Row, Barnes & Noble Import Division, 1975.
12. Jenkins G.H. A concise history of Wales. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2007.
13. Chadwick N.D. Early Culture and Learning in North Wales // Studies in Early British Church / by Nora K. Chadwick [and others]. Cambridge: Cambridge [Eng.] University Press, 1958.

Ю.Н.Мостяев

г.Рязань

Рязанский государственный радиотехнический университет

УЧАСТИЕ ИНДИЙСКИХ ВОЙСК В ВОЕННОЙ КАМПАНИИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Осенью 1940 г. в Судане находилось примерно 28 тыс. солдат и офицеров союзников, включая 5-ю индийскую дивизию, состоящую в основном из представителей воинственных каст, в большинстве старослужащих солдат. Британское правительство не предполагало, что индийским частям придется воевать против Германии и Италии, и не готовило их к условиям современной войны. Индийская дивизия не имела современного вооружения и подготовки. Только настойчивость ее командира Франка Мессерви позволила из второклассной дивизии сделать одну из самых лучших в британской армии [1, 20—21].

Силы итальянцев составляли 91 тыс. человек и около 200 тыс. туземных войск (последняя цифра, скорее всего, и существовала только на бумаге). На этом обширном театре военных действий, итальянцы бездействовали и не хотели брать инициативу в свои руки. Кроме двух индийских дивизий и суданских сил обороны англичане имели в Кении около 75 тыс. человек: 27 тыс. — 1-й южноафриканской дивизии, 33 тыс. — 11-й и 12-й африканских дивизий, около 6 тыс. — англичан и местные подразделения, во главе с генерал-лейтенантом А.Кэннингхэмом [2, 125—129]. Их задача состояла в оказании постоянного давления на Мояле, и в мае или июне, по окончании сезона дождей, наступлении на Кисмаю, вблизи устья реки Джуба. Главная ставка на разгром итальянцев в Восточной Африке делалась на 4-ю (переброшенную из Северной

Африки) и 5-ю индийские дивизии, разделенные на два сектора под общим командованием генерал-лейтенанта Уильяма Платта [3, 79].

Итальянцы в Эритрее имели под командованием генерала Фруши в первом эшелоне хорошо обученные войска численностью около 17 тыс. человек. Кроме того, во втором эшелоне находилось еще более 3-х дивизий [2, 130].

Еще до начала наступления английских войск герцог Аоста отдал приказ об отступлении итальянских войск в Эритрее. Поэтому Платту пришлось, не дожидаясь окончательного развертывания 4-й индийской дивизии, выступить за ними. Итальянцы не оказав серьезного сопротивления у Керу в 60 милях к востоку от Кассалы и в 40 милях от границы с Суданом, решили дать отпор у Агордата, заняв господствующие высоты и заминировав проходы между ними. Индийцам пришлось штурмом брать укрепления итальянцев, расположенные на склонах гор, потеряв около 150 человек, а итальянцы — 1 000 пленными и несколько сот убитыми. Агордат был взят, что значительно облегчило продвижение 5-й индийской дивизии к Баренту, который был взят практически с ходу.

Индийские войска двинулись на Массаву, крупный порт на Красном море. Дорога проходила через горную провинцию Керен, сильную оборонительную линию итальянцев в Восточной Африке. Единственная дорога шла по дну глубокой теснины. Первые попытки прорвать итальянскую оборону окончились полной неудачей. Генерал Карнимео сумел поднять боевой дух итальянских солдат и проявить высокое тактическое мастерство.

Стало ясно, что силами одной уставшей дивизии невозможно разбить врага в таких невыгодных природных условиях. Было решено дать отдых 4-й и 5-й индийским дивизиям и заодно пополнить их свежими резервами. Только в середине марта, подтянув 5-ю индийскую дивизию, Платт возобновил наступление. Силы атакующих состояли из 19 батальонов против 42 батальонов оборонявшихся, имевших к тому же преимущество укрепленных позиций [4, 31—38]. Бои за Керен, продолжавшиеся 53 дня, дорого обошлись индийским войскам, потерявшим около 5 тыс. человек, большинство из которых были ранены осколочными бомбами [1, 103]. Итальянцы — около 3 тыс. убитыми [5, 54].

Войска генерала Фруши отступили на юг, и 1 апреля британские части вошли в Асмару, откуда открывался прямой путь на Массаву, главную итальянскую военно-морскую базу. Туда же из пустыни южнее Порта-Судана на Красном море двинулась 7-я индийская бригада Бриггса. 8 апреля гарнизон в Массаве был окружен, и после недолгого сопротивления 550 офицеров и 10 тыс. солдат итальянской армии сложили оружие [4, 41].

Кампания в Эритрее закончилась, но противник отступил в Эфиопию, надеясь дать решительный бой у Гондара и Амба-Алаги. Последний представлял собой коническую гору высотой более 3 тыс. м, господствующую над дорогой Асмара — Аддис-Абеба, имевшей важное стратегическое значение для переброски подкреплений и снабжения в Египет через порт Массавы. В распоряжении

герцога Аосты оставалось 7 тыс. человек, 40 орудий и военных запасов всего на 3 месяца [2, 131].

Здесь подтянулись и войска генерала Каннингхэма, наступавшие через итальянское Сомали с юга из Кении, и боровшиеся не столько со стойким сопротивлением врага, сколько с горным и пустынным рельефом и трудностями снабжения. Проходя в среднем в день по 35 миль, части Каннингхэма к середине апреля взяли в плен свыше 50 тыс. человек и заняли территорию площадью 360 тыс. квадратных миль, потеряв всего 135 человек убитыми, 310 — ранеными, 52 — пропавшими без вести и 4 — пленными [6, 136].

19 мая герцог Аоста с готовностью принял почетные условия капитуляции. В результате общее число пленных возросло до 230 тыс. человек. Одна только 4-я индийская дивизия вывела из строя 65 итальянских батальонов, захватив более 40 тыс. пленных и 300 орудий. Десятки тысяч из местного населения сложили оружие и вернулись домой [1, 102].

Хотя боевые действия в удаленных районах юго-западной Эфиопии, где находились изолированные группы генерала Гадзеры, и северо-западной Эфиопии, куда отступили части генерала Нази (район Гондара), продолжались еще некоторое время, по существу, завоевание Абиссинии завершилось сражением у Амба-Алаги.

Уэйвелл отмечал, что наиболее выдающимися и замечательными событиями в этой кампании были штурм индийскими и британскими частями трудных горных барьеров в Керене и Амба-Алаге, операции в Восточной Африке, проведенные на расстоянии 2 тыс. миль от баз снабжения [7]. Даже по признанию К.Типпельскирха, именно при энергичной помощи Индии и Южной Африки англичане смогли повернуть исход битвы в свою сторону [8, 123—125].

Ожесточенность боев в Судане и Эритрее подтверждается и потерями индийских частей: 4 017 — ранено и 731 — убито и всего лишь один взят в плен. К примеру, в боях в ближайшем Сомали убито 9 и ранено 28 человек [9, 237]. В этой кампании впервые индийский офицер Проминдра Сингх Бхагат получил высший британский орден — Крест Виктории, за то, что он со своими людьми, многие из которых погибли, для обеспечения наступления разминировал за два дня 15 минных полей и 55 миль дорог [10, 217].

Примечания

1. Maule H. Spearhead general. L., 1961.
2. Лиддел Г.Б. Вторая мировая война. Очерк. М., 1976.
3. Kesavulu S. The Second World War in retrospect. Ambattur (Madras), 1985.
4. Praval K.C. The Red Eagles: A history of Fourth Division of India. New Delhi, 1982.
5. Woolcombe R. The campaigns of Wavell 1939—1943. L., 1959.
6. Фуллер Дж. Вторая мировая война. М., 1956.
7. Wavell. Despatch. Supplement to the London Gazette. 1946, July, 9th.
8. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. 1939—1945. СПб., 1999.

9. Bhatia H.S. Military History of British India. New Delhi, 1977.
10. Longier V. Red coats to olive green. Bombay, 1974.

С.А.Нагодкина

г.Саратов

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского*

«ПОВЕСТВОВАНИЕ О СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ» ФРИДРИХА II КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРУССИИ

Фридрих II известен не только как прусский король и просвещенный монарх, но и как автор текстов различных жанров: он сочинил несколько исторических произведений о династии Гогенцоллернов и о своем периоде правления, множество стихотворений, написал философские и политические трактаты, два политических завещания и большое количество сочинений на военно-теоретическую тему.

«Повествование о Семилетней войне» Фридриха II возможно использовать не только как источник для изучения военной истории и истории внешней политики. Имеющиеся в нем сведения могут стать основой и для изучения истории экономического развития и взглядов короля по этому вопросу.

«Повествование о Семилетней войне» было написано в 1764 г (в Предуведомлении стоит дата «Марта 3 дня 1764 года»). Но вернее будет сказать, что в этом году произведение было закончено, поскольку Фридрих II, как он сам утверждает, «по окончании всякой кампании записывал... все случившиеся тогда происшествия, которые ... в то время еще в свежей памяти находились» [1]. Этот факт придает источнику определенную степень достоверности, во всяком случае можно надеяться на точность приводимых автором сведений, так как до момента описания события прошло немного времени.

Источник относится к классу нарративных и, скорее всего, его можно причислить к мемуарам. «Скорее всего» — потому что, хотя этот источник — воспоминание о событиях, участником которых был сам автор, но, что интересно, Фридрих II на протяжении всего сочинения пишет о себе в третьем лице («Король»). Почему? Фридриху II, как он сам это объясняет, просто «наскучили слова я и мне», и для него было «несносно говорить о себе в столь продолжительном сочинении всегда в собственном... имени» [2, XII]. Но, вероятно, называя себя в третьем лице в сочинении, Фридрих II претендует на абсолютную объективность, он убирает личное «я», абстрагируется, пытается писать не о себе, он пишет историю. Кроме того, Фридрих II говорит, что «положил себе за право и закон держаться истины в самой точности и быть беспристрастным» [2, XIII].

Но не стоит доверять этому его заверению, поскольку заметно стремление Фридриха II оправдать свои действия (целью написания этого сочинения было желание «доказать потомству самым ясным образом, что не от меня зависело то, что бы сия война не началась и не существовала» и т.д.) [2, IV]. Это его стремление вполне понятно, поскольку пишет он для потомков («Ежели против моей воли когда удалится я от сего предписанного мною себе правила, то потомство меня в том простит и поправит мои ошибки» [2, XII, XIII]).

Но Фридрих II не рассчитывает на широкий круг читателей, он думает, что сочинение «читано будет не многими» [2, IV, XIII]). Но нелишне будет отметить, что, несмотря на такое его утверждение «Повествование о Семилетней войне» являлось весьма популярным произведением. Уже в 1789—1790 гг. в Санкт-Петербурге были изданы «Оставшиеся творения Фридриха второго короля Прусского» в восьми томах [3]. «Повествование о Семилетней войне» составляет третий и четвертый тома этого издания.

Сочинение состоит из семнадцати глав, из которых только первая не посвящена исключительно военным делам. В главе I «Внутренние распоряжения в Пруссии и Австрии в продолжение мира» содержатся сведения о существовании и учреждении новых мануфактур, о мелиоративных работах, проведенных для введения заболоченных земель в хозяйственный оборот, о торговле, пошлинах, таможенных доходах и т.д. [2, 4, 7].

В первые годы правления Фридриха II Пруссия вела войны, а в мирное время король обратил все свое внимание на внутренние дела государства [2, 4]. «Повествование о Семилетней войне» — источник, прежде всего, по военной истории, и он не содержит большого количества информации по истории экономического развития Пруссии. Но по тому, что Фридрих II считал нужным указать из своих экономических мероприятий в небольшой (всего на несколько страниц) главе «Внутренние распоряжения в Пруссии и Австрии в продолжение мира», представляется возможным сделать вывод о том, что для него было важным во всей его деятельности, ведь ему пришлось выделить только главное. Это позволяет судить о его экономических воззрениях. Так, большое внимание Фридрих II уделяет теме колонизации и мелиорации земель, строительству каналов, основанию мануфактур, пишет о производстве шелка, о торговых компаниях. В своем «Политическом завещании» 1752 г. [4]. король довольно подробно описал все свои экономические мероприятия, но те из них, что он указал в источнике по военной истории («Повествовании о Семилетней войне»), имеет важное значение для характеристики его взглядов.

Таким образом, «Повествование о Семилетней войне» — источник, который возможно использовать не только для изучения вопросов, связанных с военной историей, но и для изучения экономических взглядов короля. Указанная субъективность автора в этом смысле даже увеличивает его ценность.

Примечания

1. Фридрих Второй. Повествование о семилетней войне // Оставшиеся творения Фридриха Великого короля прусского: в 8-и т. СПб., на издании И.К.Шнора, 1790. Т. 3, 4.
2. Фридрих Второй. Повествование о семилетней войне. Т. 3. С. XII.
3. Оставшиеся творения Фридриха Великого короля прусского: в 8-и т. СПб., на издании И.К.Шнора, 1789, 1790.
4. Küntzel Georg, Hass Martin. Das politische Testament Friedrichs des Grossen von 1752 nebst Ergänzungen. 1920.

Е.О.Науменкова

г.Уфа

Башкирский государственный университет

ТЕОРИЯ НАРОДНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ МАРКИЗА СОЛСБЕРИ

Во второй половине XIX внутриполитическая борьба в Великобритании становится все более ожесточенной. Партийные лидеры использовали самые разнообразные уловки и приемы, чтобы завоевать расположение избирателей. Ярким примером этого может служить концепция, получившая название народного волеизъявления или теория референдума, выдвинутая лидером консерваторов маркизом Солсбери. Так, во время нахождения партии тори в оппозиции маркиз Солсбери не раз пускал ее в ход. Однако это достижение консервативной общественно-политической мысли XIX в. не часто упоминается в работах специалистов [1, XII].

Суть данной доктрины можно свести к следующему. Важнейшей функцией палаты лордов является обязанность передавать на суд электората или нации в целом получаемые ею из нижней палаты законопроекты по важнейшим вопросам в тех случаях, когда имелись основания считать, что опиравшееся на большинство палаты общин правительство не имеет четко выраженного мандата народа на осуществление своих идей. Только после получения такого мандата в ходе парламентских выборов палата лордов была обязана смириться с претворением спорного законодательства в жизнь.

Основной чертой данной теории было то, что членам верхней палаты следовало бы ориентироваться не на палату общин, а на саму нацию. Только желаниями и стремлениями народа должна руководствоваться палата лордов, и только перед недвусмысленно выраженной на выборах волей нации должна склоняться верхняя палата. И вот на пропаганде этого тезиса консервативные публицисты стали делать особое ударение [2, 20].

Огромное недоверие маркиз Солсбери испытывал к реформистской политике либералов, — особенно настороженно маркиз упоминал Гладстона. Когда же

в ходе дебатов в палате лордов ему приходилось упоминать о нижней палате, он неизменно делал это с нарочитыми нотками презрения, что приводило консервативных пэров в состояние эйфории [3, 121].

Разработка и применение теории народного волеизъявления началась в 1868—1869 гг., когда страна находилась в состоянии острого политического кризиса из-за проблемы отделения протестантской церкви от государства в католической Ирландии [4].

Довольно часто торийский лидер использовал ее во время пребывания в оппозиции в первой половине 1880-х гг. Особую активность маркиз Солсбери проявил во время острого парламентского кризиса 1884., возникшего из-за подготовленного либералами проекта новой избирательной реформы.

На демонстрациях, организованных консервативной партией, Солсбери настаивал на том, что ввиду несогласия между обеими палатами правительство должно распустить парламент и апеллировать к стране. Консерваторы доказывали, что власть и так уже принадлежит народу, а либеральная партия требует проведения билля, на который народ свое согласие не давал. Поэтому обязанностью пэров является бросаться в прорыв всякий раз, когда палата общин действует, не имея «мандата нации» [5].

Эти усилия дали свои плоды — его доктрина стала все больше и больше пользоваться симпатией общественного мнения. Вслед за Солсбери на ней стали строить свою аргументацию многие видные пэры консервативной партии. Торийский лидер открыто говорил, что находящееся у власти либеральное правительство должно выбирать между отказом от не имеющего мандата нации законопроекта и предоставлением электорату возможности решать его судьбу на выборах. Так тори удалось сорвать главный замысел противников — обеспечить материальное обоснование лозунга «Пэры против народа». И в итоге, эта теория оказала определенное влияние на решение вопроса об избирательной реформе [4].

Столько же активно консерваторы использовали теорию народного волеизъявления и позднее в 1890-х гг., почти объявляя принцип референдума.

Примечания

1. См. подробнее: Marriot J.A.R. *English Political Institutions*. 3-rd ed. Oxford, 1926.
2. McKechnie W.S. *The Reform of the House of Lords*. L., 1909.
3. Lucy H. *Memories of Eight Parliaments*. L., 1908. P. 121.
4. См. подробнее: Науменков О.А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб, 2004.
5. Острогорский М. *Конституционная эволюция Англии*. Петроград, 1916. С. 77. См. подробнее: Marsh P.T. *The Discipline of Popular Government: Lord Salisbury's Domestic Statecraft*. 1881—1902. Hassocks, 1978.

ОСОБЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Решения Берлинской конференции 1878 г. во многом предопределили дальнейшую судьбу как оккупируемых османских провинций Боснии и Герцеговины, так и Австро-Венгрии, выполняющей роль внешнего управляющего. Летом 1878 г. австро-венгерская монархия перешла к практическому осуществлению принятых на Берлинском конгрессе решений. Однако в процессе реализации намеченных планов Дунайское правительство столкнулось на этих территориях с нескрываемым неприятием, а зачастую и открытым вооруженным сопротивлением местного населения. Жители Боснии и Герцеговины, мнение и желание которых просто не учитывались представителями великих держав на мирной конференции в Берлине, не желали безоговорочно принимать новую участь: заменить власть одной империи на другую. Население этих провинций с негодованием встретило манифест Франца Иосифа, в котором говорилось, что «австро-венгерские войска... приходят, как друзья, чтобы положить конец бедствиям, которые терзали Боснию и Герцеговину...» [1, 24]. Смелые предположения Вены о том, будто для оккупации хватит «эскадрона гусар с оркестром музыкантов», оказались несостоятельными [1, 24]. Повсеместно народ встречал оккупантов с оружием в руках: в Сараево было создано временное правительство независимой Боснии. На борьбу с австро-венгерцами самостоятельно поднялись регулярные турецкие войска во главе с Д.Х.Лоджо [2, 64]. Другим центром сопротивления стал Мостар в Герцеговине. В начале августа 1878 г. в северо-восточной Боснии одна из австро-венгерских дивизий потерпела крупное поражение. Стало очевидно, что 13-й армейский корпус, осуществляющий оккупацию, не сможет обеспечить утверждение австро-венгерского управления в Боснии и Герцеговине; в Вене было решено мобилизовать еще четыре корпуса. Борьба с оккупантами не прекращалась и после того, как войска Франца Иосифа, понеся большие потери, штурмом взяли Сараево [3, 323—324]. Лишь в конце октября этого же года неорганизованное противостояние боснийцев, продолжавшееся около четырех месяцев, было сломлено оккупационными силами, и в провинциях установился новый режим, ознаменовавший собой начало новой эпохи в истории этого региона.

В первые годы после оккупации Босния и Герцеговина продолжала жить своей прежней беспокойной жизнью, в которой доминировали турецкие порядки и балканские нравы. Находящийся в Сараево русский консул в своих донесениях

Н.К.Гирсу, подробно, с некоторой долей удивления, рассказывал о хозяйничающих в стране многочисленных, укрывающихся в горах и лесах бандах, с которыми оккупационная армия, размещенная в гарнизонах, явно не справлялась. В порядке вещей, как и в османские времена, были грабежи, убийства и другие преступные действия [3, 324].

Для борьбы с бандитизмом — можно его квалифицировать и как движение за свободу и национальную независимость народов Боснии и Герцеговины, потому, что здесь имело место и то, и другое, — новой власти пришлось в срочном порядке создавать жандармерию.

Одним из самых важных достижений оккупационных властей явилось завершение в мае 1879 г. разоружения боснийского населения. Но при этом, проявив завидное понимание местной специфики и уважение к традициям Востока, власть сделала исключение для «пожилых мусульман, не принимавших участия в противодействии австро-венгерским войскам — ...им дозволялось сохранить семейное наследственное оружие» [4, 417]. Однако стоит отметить, что принятые меры в вопросе разоружения местного населения не всегда имели положительный результат. Так, население Зубцов, Нишичей и Дробняков, находящихся вблизи Черногорской границы, по свидетельствам российского историка-слависта конца XIX — начала XX в. А.Ф.Гильфердинга, обладая фактической независимостью не позволили себя разоружить [5, 106—107].

И все же, несмотря на все эти меры предосторожности нового правительства, предотвратить вооруженное выступление в Боснии не удалось. С 1857 г. Босния и Герцеговина вступили в полосу крупных народных восстаний. За этот небольшой, с исторической точки зрения, период в европейских провинциях Турции вспыхнули восстания в 1857—1858 гг., 1861—1862 гг. и 1875—1878 гг., самым мощным из которых явилось последнее, положив начало нового Восточного кризиса.

Примечания

1. Цит. по: Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг. как пролог первой мировой войны. Л., 1964.

2. Newerkowsky G. Die bosnisch-herzegowinischen Muslime. Geschichte. Brauche. Alltagskultur. Unter Mitarbeit von Besim Ibisevic und Zarko Bebic. Wieser, 1993.

3. Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX века // В «пороховом погребе Европы». 1878—1914 гг. / Под ред. В.Н.Виноградова, В.И.Косика и др. М., 2003.

4. Рудин Д.Д. Эпизоды из политической жизни Боснии и Герцеговины в последние тридцать лет // Исторический вестник. 1887. № XXVI.

5. См.: Гросул В.Я. Реформы и революции на Балканах в XIX в. // Балканские исследования: Сб. ст. / Под ред. Г.Л.Арша, Ю.Д.Беляева и др. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ, ИХ ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ (1940—1943 гг.)

Боевые действия, происходившие в Северо-Восточной и Северной Африке в годы Второй мировой войны, до сих пор привлекали и привлекают внимание отечественных и зарубежных ученых.

В годы Второй мировой войны территория ряда африканских стран превратилась в арену сражений между войсками союзных СССР государств антигитлеровской коалиции и стран оси.

Проблематика Второй мировой войны всегда привлекала внимание исследователей своей героической и трагической сторонами, нераскрытыми тайнами, противоречивостью суждений и оценок.

В полной мере это относится и к военным действиям, происходившим на территории Северо-Восточной и Северной Африки в годы Второй мировой войны. Хотя общее количество участников, принимавших непосредственное участие в боевых действиях противоборствующих сторон на Африканском континенте было и невелико (по сравнению с Восточным фронтом), но тем не менее они оказывали влияние на общий ход и итоги Второй мировой войны.

К началу Второй мировой войны уже полтора столетия не утихало соперничество колониальных держав за господство на Африканском континенте, в том числе в Северной и Северо-Восточной Африке.

Представляется, что Североафриканская кампания (1940—1943 гг.), хотя она и получила свое освещение в ряде исследовательских работ, тем не менее, все еще далека от своего завершения. В частности, историками не рассматриваются причины отказа гитлеровского руководства от захвата Северо-Восточной и Северной Африки после разгрома югославской армии в 1940 г. Так же загадкой является отказ А.Гитлера захватить Гибралтар, что позволяло блокировать вход в Средиземное море и, тем самым, отрезать Англию от своих колоний.

Программа экспансии Италии в Средиземноморском бассейне, в Северной и Северо-Восточной Африке была весьма опасной для интересов Великобритании, поскольку она затрагивала ее важнейшие коммуникации, проходившие через Гибралтар, Средиземное море и Суэцкий канал в Африку и Азию.

В силу этих обстоятельств, к 1940 году конфликт уже вполне назрел, и его разрешение являлось лишь вопросом времени. В тоже время обе противоборствующие стороны чувствовали себя в Северной и Северо-Восточной Африке достаточно уверенно. Эта уверенность базировалась на следующих условиях:

англичане располагали системой баз, охранявших судоходный путь через Средиземное море в Индию и нефтеносные районы Ближнего Востока (Гибралтар, о.Крит, о.Мальта, Александрия), а итальянцы, опирались на свою сеть баз, особенно на Африканском континенте (Тунис, Ливия, Эфиопия), что позволило им в любой момент попытаться его перерезать, причем не в одном, а в нескольких местах.

В Северо-Восточной Африке, пользуясь общей слабостью Англии в этом регионе (воздушная битва за Англию в 1940 г., и невозможность перебросить крупные контингенты войск для защиты своих колониальных владений), фашистская Италия предполагала значительно расширить свои колониальные территории, путем захвата английских колоний.

Борьба за господство в Северо-Восточной и Северной Африке определялась экономическими, политическими и стратегическими интересами противоборствующих сил. Контроль над этими районами давал возможность Англии и Италии извлекать огромные прибыли, обеспечивал воюющие страны стратегическим сырьем и людскими ресурсами.

Основная роль в осуществлении агрессивных планов стран оси в Средиземноморье и Африканском континенте отводилась фашистской Италии.

Ведя военные действия в Африке, Б.Муссолини проводил активную политику и на Балканах, также являвшихся сферой интересов Италии.

Военные поражения Италии, в рамках проводимых ею «параллельных войн», стали следствием агрессивного курса, проводимого итало-фашистским правительством под руководством Б.Муссолини, не учитывавшего политические реалии, экономические возможности своего государства и неспособность военных специалистов полноценно руководить армией.

Первая во Второй мировой войне операция союзников по высадке десанта в Северной Африке (операция «Торч») значительно ускорила исход войны вне Североафриканского континента. Особенностью этой операции являлось то, что она осуществлялась с применением специальных десантно-высадочных средств. Большие потери катеров, не приспособленных для высадки на необорудованное побережье, поставили под угрозу срыва всю операцию. Поэтому приобретенный опыт проведения операции «Торч» дал толчок массовому строительству специальных десантных судов, сыгравших значительную роль в осуществлении операции «Оверлорд».

Опыт Североафриканской десантной операции союзников оказал определенное влияние на развитие искусства десантирования крупных контингентов войск. В этой операции впервые были применены десантно-высадочные средства специальной постройки. Ход операции еще раз подтвердил большое значение таких факторов, как внезапность и правильный выбор участков высадки десанта. Успешному проведению десантной операции способствовали отсутствие организованного сопротивления сил, оборонявших побережье, и подавляющее превосходство союзников, особенно в воздухе и на море.

Поражение итало-немецких войск в Северной Африке способствовало резко обострению внутривосточного положения Италии и ее взаимоотношений с Германией, завершившийся их разрывом, привело к усилению борьбы народных масс против фашистской диктатуры в стране.

О.А.Покудов

г.Нижневартковск

Нижневартковский государственный гуманитарный университет

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ 1871 г.

16 апреля 1871 года принятием Конституции окончательно оформилась Германская империя, ставшая крупнейшим государством на европейском континенте.

Переход к единому централизованному государству в Германии повлек за собой перемены в государственном управлении экономической жизнью страны. В Германии формировалась открытая для внешнего мира экономика, стабилизировалась финансовая сфера с понятными бюджетными отношениями, вводилась национальная единая валюта, складывалась банковская система.

Конституция закрепила формально основы взаимодействия между субъектами хозяйственной деятельности экономических агентов по поводу производства, потребления, использования имеющихся ресурсов. Она зафиксировала правила и нормы поведения хозяйствующих субъектов, предоставила свободу предпринимательской деятельности, ограничила их деятельность законодательными рамками.

Рассмотрению Конституции Германской империи посвящено немало работ немецких и российских исследователей. Современник О.Бисмарка М.Зейдель высоко оценивал положения Конституции 1871 года в становлении германского государства [1]. Немецкий исследователь А.Замтер считал, что германская Конституция построена на «предпринимательских интересах» [2, 277]. Немецких исследователей социологов, историков, юристов привлекали различные аспекты Германской конституции [3]. Однако большинство ученых не уделяли достаточного внимания экономическим положениям Германской конституции 1871 г.

В советской исторической науке долгое время господствовал классовый принцип оценки конституционных начал Германской империи. В современной российской исторической науке историки-ученые отошли от стереотипов, господствовавших в советское время. Роли О.Бисмарка в государственном устройстве империи, немецкой Конституции 1871 года уделил внимание В.Г.Баев.

Он считал Конституцию Германской империи 1871 г. воплощением конституционных идей XIX века [4, 36—38]. В. Чубинский отмечал в Конституции Германской империи сочетание центристских и центробежных сил, централизма и партикуляризма [5, 265]. Становление конституционных начал в Германии, считает профессор В. В. Степанова, открыли «перспективу политического прогресса» [6, 216].

В результате принятия Конституции идея о сильном государстве с авторитарной властью и соблюдением, получившего признания, парламентских основ восторжествовала. Конституция закрепила основными положениями систему авторитарно-демократического государства с федеративным устройством [7, 344].

Германская Конституция имела существенные недостатки, о которых говорили либералы. Но она создавала условия для успешного формирования единой экономической системы империи. На территории, еще недавно состоящей из множества отдельных государств, стал действовать единая конституционная система, унифицировавшая не только политическую жизнь, но и в огромной степени экономическую сферу общества. Текст Конституции, как отмечал В. Г. Баев, представлял собой документ об организации власти [8, 112—121]. Конституция Германской империи закрепила нормы федерализма и унитаризма в экономических отношениях между немецкими государствами и империей. Немецкие государства интегрировались в единое государство на основе сохранения экономической независимости и самостоятельности немецких государств. Порядок образования Германской империи носил конституционно-договорной характер. Немецкие государства объединились в единое государство на основании договора северогерманских государств 1867 года и договоров с Баденом, Баварией, Вюртембергом, заключенными в конце 1870 года. Заключая договоры с Северогерманским союзом, вступившие в Германский союз южные государства получили привилегии в реализации отдельных полномочий в экономической области. Ради единства немецких земель имперские власти пошли на компромисс. Бавария, Вюртемберг, Баден требовали сохранения за собой привилегий доходных статей местного бюджета, таких как налог на спиртные напитки (ст. 35), управление почтой и телеграфом (ст. 52). Бавария сохраняла частичную самостоятельность в области управления железными дорогами (ст. 46) [9, 558—576].

Целостность немецкой империи обеспечивалась единством экономического пространства. Регулировали экономическую жизнь империи статьи Конституции 4, 35, 70—73. Статья 4 Конституции вводила единообразие всех законодательных актов Германской империи [10]. Разнообразие правовых норм регулирования торговли, предпринимательства отрицательно сказывалось на развитии промышленности, сельского хозяйства Германии. Торговое уложение 1860 года, принятое всеми государствами Северогерманского союза, было предложено принять как местный закон. Постановлением 22 апреля 1871 года Торговое уложение стало общим для всей Германской империи. Торговое право Германии

ушло вперед от господствующего в Европе права в понимании природы многих экономических институтов. Оно далеко продвинулось на пути развития комиссионерства, фрахтового договора, устанавливало точность и ясность в заключении и исполнении договоров [11]. Законодательство Германии уравнивало всех в праве ведения хозяйственной деятельности, вводило единое понятие промысла, определяло условия коммерческих сделок [12]. В хозяйственном праве определялись основы создания и функционирования акционерных обществ. Общим законом для германских государств регулирующим экономическую деятельность, стал закон о коммандитных и акционерных обществах от 11 июля 1870 года. Закон обеспечивал возможность быстрого развития промышленности и торговли [13, 3].

Области функционирования денежного обращения и финансового регулирования в Конституции Германской империи занимали особое место. Принципы бюджетных отношений между империей и субъектами германского союза, формирование и распределение бюджетных средств, система налогообложения, закрепленные Конституцией, определяли взаимоотношения между центральными органами и местными властными структурами.

Статьей 4 Конституция закрепила право империи на таможенную политику на всей территории Германии. Экономическому объединению Германии предшествовала долгая кропотливая работа в Таможенном союзе, который сформировался под эгидой Пруссии в 30-е годы XIX века. Национал-либералы, имеющие большинство в учредительном рейхстаге, требовали немедленной отмены пошлин между союзными государствами [14]. Конституцией Германии на всей территории империи вводился таможенный договор от 8 июля 1867 г. [15, 81—124]. Имперская власть создала условия свободного передвижения товаров, которое было зафиксировано статьей 33 Конституцией Германии. На основании пункта 2 статьи 4 были объявлены единые таможенные законы, регулирующие взаимоотношения государств империи [16]. Конституционные нормы в области таможенной политики во многом были близки положениям, закрепленным в уставе Таможенного союза. Таможенный договор не модифицировался, а существенно изменился. Органы управления, созданные в союзе — таможенный рейхстаг и бундесрат прекратили свое существование, их полномочия перешли в руки имперской власти. В Конституции Германской империи согласно статьями 7 и 78 закреплялась возможность изменения таможенных положений. Решение об изменениях конституционных норм в области таможенных договоренностей давало германскому правительству, минуя германский рейхстаг, менять экономическую политику. Вся система конституционных норм в таможенной и торговой областях позволяли проводить имперским властям новую экономическую политику.

Важным вопросом для нового государства в экономической и финансовой сфере стало формирование института налогообложения. Конституция Германской империи закрепила единство принципов налогообложения для всей империи.

Единым стал закон об отмене двойного налогообложения от 13 мая 1870 года. Согласно закону обложение налогом недвижимости предпринимателя осуществлялось только по месту регистрации предпринимателя или же месту его предпринимательской деятельности [17, 119—120]. В формировавшемся институте налогообложения отчетливо проявились нормы развитого капиталистического общества.

Властями определялась система налогообложения для нужд империи. Введение имперских налогов было важным для организации экономической деятельности империи. Депутаты от Баварии и Вюртемберга и Бадена требовали сохранения за ними права сбора и использования налога на соль, табак. Национал-либералы поддерживали О.Бисмарка по введению имперского налога, который сможет привести к единству экономики Германии, единству производства и потребительского рынка. В результате компромиссного решения между имперской властью и представителями южных государств было достигнуто соглашение о налогообложении. Конституция частично сохранила налоговые права субъектов союза, закрепленные статьей 4 § 2. Имперской власти предоставлялись полномочия в определении прямых и косвенных налогов. Она получила право собирать налоги на соль и табак. Особое положение в налогообложении на пиво и спиртные напитки занимали Бавария, Вюртемберг и Баден. Им разрешено было использовать местное законодательство в определении налогов. Они должны были стремиться к единству в налогообложении. Положение о налогах на предметы потребления было перенесено из Конституции северогерманского союза, немецким государствам предоставлялось право определять налоги на предметы потребления. Такими положениями обеспечивалось оптимальное соотношение норм федерализма и унитаризма. Сочетание в налогообложении принципа федерализма и унитаризма позволяло имперским властям придать устойчивость существования единого экономического пространства.

Закрепленные Конституцией институциональные нормы нашли свое отражение в регулировании развития железнодорожного транспорта. В середине XIX века железнодорожный бум охватил многие страны Европы. С 50-х годов активное железнодорожное строительство началось в Пруссии. Среди немецких государств она оказалась лидером в развитии транспортной системы, ее железные дороги проходили по землям других немецких государств. К 1871 году в Германии сеть железных дорог составляла 21 тыс. км. Прирост железных дорог в этом году составил 1 430 км. [18, 627, 637]. Статья 4 закрепляла право регулирования железнодорожного строительства имперской властью. На основании Конституции в общих интересах империи отменялись барьеры в организации железнодорожного транспорта. Законы о деятельности железнодорожного транспорта становились прерогативой имперской власти. Статьями 41—47 империя регулировала строительство путей сообщения, железнодорожные перевозки, обеспечив возможность перехода в будущем железных дорог в руки государства. Федеральные власти могли выдавать концессии частным

предпринимателям на строительство железных дорог с правом последующего изъятия. Бундесрату и правительству империи были даны права по регулированию тарифов на железнодорожном транспорте. Союзный совет, император в чрезвычайных условиях могли устанавливать пониженное ценообразование на железнодорожные перевозки. Бавария, для которой не действовали параграфы конституции 42 и 45, обязана была унифицировать наряду с другими государствами технические нормы и оборудование железных дорог.

Общим немецким законом стал, действующий в государствах северогерманского союза, промысловый устав от 21 июня 1869 года [19, 245—282]. При обсуждении в рейхстаге по существу закона не было высказано ни малейшего сомнения о необходимости его внедрения на всей территории Германской империи. Этот закон приравнял в правах фабричное производство и другие виды деятельности с ремесленным производством. Закон зафиксировал права частной собственности, свободы предпринимательства. Конституция Германской империи, закрепив институт частной собственности, свободу передвижения товара по территории Германии, закрепила рыночные отношения.

Возможность свободного перемещения в рамках империи показала победу буржуазных классов и капиталистических возможностей в Германии (статья 4 § 1 Конституции Германской империи). Закон о передвижении от 6 июня 1870 года окончательно порвал с предыдущим традиционным укладом [20, 360—373].

Заключенные договоренности между империей и немецкими государствами, разграничивали компетентность в решении экономических вопросов. Верховенство имперской власти в приоритете над решениями субъектов союза немецких государств закреплялось основными положениями Конституции. Согласно статье 2 имперское законодательство имело приоритет над законодательством отдельных государств, вошедших в состав империи. Такое положение было необходимым для создания условий модернизации экономических основ единой немецкой экономики. Согласно этой же статьи законодательные акты, принятые в Северогерманском союзе, считались законами имперскими. В протоколе заключенном между Северогерманским союзом и Баварией статьей 4 закреплялось, что законодательство отдельных государств действует до тех пор, пока имперское право не вступит в действие [21, 9—26]. Законы, принятые в немецких государствах, не должны были противоречить законам империи. Распространение законодательных актов Северогерманского союза и приоритет их над законами земель имело положительное значение для проведения экономической модернизации.

Закрепляя нормы ведения хозяйственной деятельности, получили свое новое звучание вопросы контроля исполнения конституции и законодательных актов империи.

Конституционно-правовой институт, определивший федеративное устройство немецкого государства, создал условия реализации новой экономической политики о. Бисмарка в 1871—1878 гг.

Примечания

1. Seydel M. Commentar zur Verfassungs-Urkunde für das Deutsche Reich. В.: Mohr, 1897. VII. 456 s.
2. Samter A. Social-Lehre: Über die Befriedigung der Bedürfnisse in der menschlichen Gesellschaft. Leipzig., 1875. 399 s.
3. Loening E. Grundzüge der Verfassung des Deutschen Reichs. Leihzig, 1906. 122 s.; Huber E.R. Dt. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd: 3: Bismarck und das Reich. Stuttgart, 1988. XXXVI, 1074 s.; Botzenhart M. Deutsche Verfassungsgeschichte 1806—1949. Stuttgart; Berlin; Köln, 1993. 261 s.
4. Баев В.Г. «Рабочая конституция» Бисмарка // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 1.
5. Чубинский В. В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988. 416 с.
6. Степанова В.В. Политический кризис 60-х годов XIX века в Пруссии и его последствия для Германии. Нижневартовск, 2000. 222 с.
7. Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Под ред. А.С.Ерусалимского. Т. 1—3. М., 1940—1941.
8. Баев В.Г. Бисмарк и Конституция Германской империи 1871 г. // Вопросы истории. 2005. № 8.
9. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв.: Англия, США, Франция, Италия, Германия: Сборник документов / Сост. Н.Н.Блохин; Под ред. П.Н.Галанзы. М., 1957. 587 с.
10. Gesetz, betreffend die Verfassung des Deutschen Reichs. Nr. 16 // Deutsches Reichsgesetzblatt. Band, 1871.
11. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: [В 4 т.]. Т. I. Введение. Торговые деятели. СПб, 1908—1912. 335 с.
12. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшая история) / Сост. Н.А.Крашениникова. М., 2000. 472 с
13. Wagon E. Die finanzielle Entwicklung deutscher Aktiengesellschaften von 1870—1900 und die Gesellschaften mit beschränkter Haftung im Jahre 1900. Jena, 1903. 212 s.
14. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. I. Legislatur-Periode. I. Session 1871. В., 1871—1906. Bd. I. XXX. 672 S.
15. Vertrag zwischen dem Norddeutschen Bunde, Bayern, Württemberg, Baden und Hessen, die Fortdauer des Zoll- und Handelsvereins betreffend. Nr. 9 // Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes. Band, 1867.
16. Deutsches Reichsgesetzblatt. Band, 1871. В., 1871—1906. Bd. I.
17. Gesetz wegen Beseitigung der Doppelbesteuerung. Vom 13. Mai 1870. Nr. 14 // Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes. Band, 1870.
18. Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов: [в 2-х т.]. М., 1959. Т. 2. 767 с
19. Gewerbeordnung für den Norddeutschen Bund. 21. Juni 1869. Nr. 26 // Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes. Band, 1869.
20. Gesetz über den Unterstützungswohnsitz. 6. Juni 1870. Nr. 20 // Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes. Band, 1870.
21. Vertrag, betreffend den Beitritt Bayerns zur Verfassung des Deutschen Bundes, nebst Schlußprotokoll. Nr. 5 // Deutsches Reichsgesetzblatt. Band, 1871.

ЛОРДЫ ПРИ ДВОРЕ ГЕНРИХА VI В 1454 г.

Королевский двор сравнительно недавно стал предметом изучения отечественных медиевистов в рамках направления «новой политической истории» [1]. Что касается английского двора XV в., в 2011 г. была защищена кандидатская диссертация Е.В.Бакалдиной «Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал». В ней отмечается, что неотъемлемой частью королевского двора было присутствие в нем слуг знатного происхождения. При дворе Эдуарда IV, притязания которого на трон, по мнению автора, не поддерживала титулованная знать, за все годы его правления было всего восемь ее представителей [2, 130—131].

Мы рассмотрим, кто из лордов официально входил в окружение Генриха VI Ланкастера. Для анализа используется текст ордонанса, принятого Советом лордов 13 ноября 1454 г. [3, 220—233]. Его целью было сокращение штата королевского хаусхолда, слишком сильно разросшегося, по мнению составителей этого документа, и требовавшего повышенных расходов. Принятию ордонанса сопутствовало то обстоятельство, что сам Генрих VI, страдавший психическим расстройством, в этот момент находился в невменяемом состоянии. В итоге его хаусхолд был сокращен почти в два раза. В тексте документа не только подробно были перечислены придворные должности, но и во многих случаях указаны имена людей, занимавших их. Таким образом, ордонанс 1454 г. позволяет восстановить персональный состав большей части королевского хаусхолда.

Все должностные лица были разделены на несколько статусных групп. Высшую из них составляли придворные, принадлежавшие к элите английского общества. Это были лорды, и некоторые из них не занимали никаких должностей, а самим фактом своего присутствия у трона должны были подчеркивать статус королевского домохозяйства. К этой группе относятся братья Генриха VI — Эдмунд и Джаспер Тюдоры (графы Ричмонд и Пемброк), виконт Джон Бомон, двоюродные братья Джон и Уильям Бошамы (лорды Бошам и Сент-Аманд). Другие представители придворной группировки занимали высшие должности в королевском домохозяйстве: лорд Ральф Кромвель был камергером (чемберленом) двора, Ральф Батлер, лорд Садели, — стюардом, Джон Саттон, лорд Дадли, — казначеем.

Братья Тюдоры были сыновьями валлийца Оуэна Тюдора и Екатерины Валуа, в первом браке жены Генриха V, матери Генриха VI. Таким образом, будучи единоутробными братьями короля, Тюдоры являлись его ближайшими сторонниками на протяжении всего правления. Правда в источниках сообщается, что

в январе 1454 г. они прибыли в Лондон на Совет, сопровождая герцога Йорка [4, 297—298]. Однако нужно иметь в виду, что в это время Генрих VI был невменяем, реальная власть находилась в руках герцога Йорка, а братьям короля могла угрожать реальная опасность (в том же письме сообщается, что они могли быть арестованы по прибытии в столицу). Поэтому поведение Тюдоров нельзя рассматривать как предательство, но как проявление инстинкта самосохранения. В дальнейшем братья были вознаграждены за свою верность Ланкастеру. Хотя старший из них, Эдмунд, рано умер (в 1456 г. в возрасте 26 лет), его сын Генрих в 1485 г. стал королем Англии и основателем новой династии. Джаспер Тюдор всегда оказывал поддержку и опеку племяннику, после восшествия которого на престол он был возведен в достоинство герцога Бэдфорда [5].

Виконт Джон Бомон, потерявший в четыре года отца, возможно, воспитывался при дворе Генриха VI и установил с ним близкие личные связи. После гибели лидера ланкастерцев герцога Суффолка в 1450 г. Бомон занял место великого чемберлена Англии, таким образом войдя в круг высших должностных лиц государства [4, 150]. Виконт сохранил свою верность королю до конца жизни и погиб, сражаясь за него в битве при Нортгемптоне 10 июля 1460 г.

Кузены Бошам проделали долгую карьеру при дворе. Лорд Джон Бошам, был сыном сэра Уильяма, слуги королей Ричарда II, Генриха IV и Генриха V [6]. После смерти отца Джон пошел тем же путем, став в 1421 г. «слугой и сквайром короля». В 1432 г. он — стольник короля, в 1450 г. — мастер королевских лошадей. В 1450—1452 г. он также занимал пост казначея Англии. В 1457 г. Джон Бошам стал стюардом королевского хаусхолда. Так как Бошам не принимал участия в открытой борьбе партий, йоркистский режим не применял к нему репрессий, но близость Генриху VI простить не мог. В 1460 г. лорд оставил свои должности, а в 1462 г. был освобожден от службы короне по причине преклонного возраста (62 года — возраст действительно значительный в Средние века, но Джон Бошам прожил до 75 лет). Уильям Бошам, лорд Сент-Аманд (ум. 1457 г.), был королевским стольником с 1430 г., выполнял в разные годы обязанности шерифа Уилтшира и Девона.

Чемберлен двора (высшая должность в хаусхолде короля) лорд Ральф Кромвель был исключением в окружении Генриха VI. Занимая один из высших постов в правительстве — лорда-казначея — в 1433—1444 гг. он стал одной из наиболее влиятельных политических фигур. Он был противником герцога Суффолка и имел тесные связи с Ричардом Йорком, однако в битве при Сент-Олбанс 22 мая 1455 г. не сражался ни на одной из сторон, так как опоздал на один день [7, 30] (хотя через два месяца граф Уорик обвинил лорда Кромвеля в подталкивании короля к сражению с йоркистами) [7, 44]. В январе 1456 г. Ральф Кромвель умер.

Участниками битвы при Сент-Олбанс были два других придворных лорда. Ральф Батлер, лорд Садели, был человеком герцога Суффолка. Его долгая карьера при дворе включала должности королевского рыцаря, дворецкого,

чемберлена и с 1447 г. стюарда хаусхолда. Его судьба после прихода к власти Эдуарда IV напоминает судьбу лорда Бошама. 26 февраля 1462 г. лорд Садели был освобожден от участия в Совете и парламенте из-за преклонного возраста [8, 72]. В 1469 г. Эдуард IV конфисковал у Ральфа Батлера замок Садели и перedal его своему брату Ричарду Глостеру [9, 51].

Лишь жизненный путь казначея хаусхолда лорда Дадли имеет существенные отличия от других названных лордов. Хотя Джон Саттон сражался за интересы Ланкастеров в битвах при Сент-Олбанс в 1455 г. и Блор-Хит в 1459 г. и даже был вознагражден ежегодной рентой в 40 фунтов за «хорошую службу против Ричарда, герцога Йорка» и его сторонников, в 1460 г. он перешел на сторону йоркистов [10, 5]. Как ни удивительно, лорду Дадли удавалось сохранить свое благополучие при режимах Эдуарда IV, Ричарда III и Генриха VII, таким образом являя образец политического приспособленчества.

Большинство придворных лордов являют пример личной преданности Генриху VI, причем не смотря на свои отношения с другими лидерами ланкастерцев. Среди них попалась лишь одна «паршивая овца», при том что хрестоматийным считается утверждение об изменах и предательстве как характерной особенности поведения английских лордов периода Войн Роз. Причины преданности рассмотренных персон не всегда могут быть установлены с очевидностью. Это могло быть родство, долгая карьера, но, несомненно, немаловажную роль должны были играть и внутренние идеалы вассальной верности, все еще сохраняющиеся, но постепенно превращающиеся в реликты в эту эпоху уходящей в прошлое рыцарственности. По всей видимости количество представителей титулованной знати, верность которых не вызывала сомнений, было невелико. Возможно именно в этом, а не в формальной поддержке содержится объяснение очень ограниченного их круга в окружении монарха.

Примечания

1. Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып. 1. М., СПб., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европе. М., 2004; Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А.Хачатурян. М., 2006; Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008.
2. Бакалдина Е.В. Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. СПб., 2011.
3. *Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England*. Vol. VI (1443—61) / Ed. by H. Nicolas. L., 1837.
4. *Paston Letters. 1422—1509*. Vol. 1—6 / Ed. by J. Gairdner. L., Exeter, 1904. Vol. 2.
5. Thomas R. S. Tudor, Jasper, duke of Bedford (c. 1431—1495) // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford University Press, 2004; online edn, Oct 2008/ URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/27796>
6. Watts John. Beauchamp, John, first Baron Beauchamp of Powick (c. 1400—1475) // *Oxford Dictionary of National Biography*, Oxford University Press, 2004; online edn, Jan 2008. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/50238>

7. Paston Letters. Vol. 3.
8. Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Edward IV (1461—1467). L., 1897.
9. Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Edward IV. Vol. 2. (1468—1476). L., 1953.
10. Calendar of the Patent Rolls. Vol. 6 (1452—1461). L., 1971.

А.Н.Тицын

г.Ставрополь

Ставропольский государственный университет

МИГРАЦИЯ ВЕНГЕРСКИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ

В XVIII—XIX вв. в Россию в массовом порядке переселялись специалисты из европейских стран, приглашаемые российским правительством. Среди них было немало выходцев из Венгрии — преподавателей, ученых, врачей, офицеров, музыкантов, художников, причем наиболее широко были представлены специалисты образовательной сферы.

Следует отметить, что приглашенные в нашу страну из Венгрии педагоги и ученые в своем большинстве являлись не этническими венграми, а представителями славянских народов, проживающих в этой стране — карпатскими русинами, словаками, сербами и хорватами. Помимо «славянских симпатий» данное обстоятельство объяснялось тем, что венгерские славяне могли легко освоить русский язык (крайне сложный для иностранцев) и преподавать на нем.

Первым венгерским педагогом в нашей стране стал Янош Зекань, приглашенный Петром I в 1698 г. Вначале он служил воспитателем в семье царских родственников князей Нарышкиных, а затем стал воспитателем царского внука, будущего Петра II [1, 46].

В середине XVIII в. в нашу страну был приглашен ряд венгерских специалистов в области медицины. Венгр Павел Дендеш с 1753 г. являлся придворным медиком — вначале Елизаветы, а затем Екатерины II. С 1755 г. в Петербурге работал уроженец Венгрии Христиан Пекен, ставший автором первых российских лечебника и фармакопеи. Его сын Матвей Пекен стал известным российским профессором-хирургом. С 1762 г. в Москве работал венгр Ференц Керестури, ставший впоследствии профессором и деканом медицинского факультета Московского университета [1, 45].

Разработчиком образовательной реформы, проведенной правительством Екатерины II в 1780-е гг., являлся Федор Иванович Янкович де Мириево (1741—1814), серб родом из Венгрии. Этот педагог был автором «Устава народных

училищ» 1786 г., первым директором петербургской учительской семинарии, автором и редактором множества учебных пособий, в том числе букваря, учебников по истории и географии. За свои заслуги он был избран членом Российской академии наук [2].

В 1791 г. в Россию приехал венгерский русин, врач и педагог Иван Семенович Орлай (1770—1829). Он служил хирургом при императорском дворе и в Генеральном сухопутном госпитале, являлся ученым секретарем Медико-хирургической академии. В 1821—1826 гг. И.С.Орлай был директором Нежинского лицея. Один из его учеников являлся Н.В.Гоголь. В последние годы жизни И.С.Орлай являлся директором Ришельевского лицея в Одессе [1, 46—47].

В 1803 г. по предложению И.С.Орлая на русскую службу был привлечен ряд преподавателей и ученых венгерского происхождения, в частности, профессорами педагогического института в Петербурге стали карпатские русины Михаил Андреевич Балугьянский (политэкономия и право), Петр Дмитриевич Лодий (философия) и Василий Григорьевич Кукольник (физика). Последний известен также как отец известного писателя Нестора Кукольника. Самая яркая карьера ожидала в России бывшего профессора Пештского университета М.А.Балугьянского (Балудьянского) (1769—1847). Он являлся деканом педагогического института в Петербурге, учителем юриспруденции великого князя Николая Павловича (будущего императора), а в 1819 г. стал первым ректором Петербургского университета (занимал этот пост три года). С 1826 г. и до своей смерти М.А.Балугьянский являлся начальником Второго отделения Императорской канцелярии, занимавшегося кодификацией российского законодательства [3, 139—145].

В 1823 г. из Венгрии в Россию переселился выходец из русинско-румынской семьи, жившей в Закарпатье, Юрий Иванович Венелин (его настоящая фамилия Хуца), ставший впоследствии крупным историком, одним из основателей отечественной славистики. В Одесском университете в 1860—1870-е гг. работали известные хорватские ученые — юрист Валтасар Богишич и лингвист Ватрослав Ягич. Последний в 1880—1886 гг. являлся профессором Петербургского университета, а 1881 г. стал членом Российской академии наук [4, 60, 554].

В последней трети XIX в. российское министерство просвещения стало активно приглашать из Австро-Венгрии учителей древних языков. Острая потребность в них возникла в связи с проводимой в то время реформой, направленной на усиление классического направления в гимназическом образовании. Выходцы из Венгрии работали в гимназиях многих российских городов. Среди них были словаки — Эмилий Черный (Москва), Август Шандоры (Харьков), Игнат Станко (Тифлис, затем Уфа), Людовит Мичатек (Новгород), Густав Штур (Варшава, он приходился племянником знаменитого словацкого общественного деятеля Людовита Штура), Юлиан Стовик (Воронеж, затем Харьков), Эрнест Полони, русины — Андрей Дешко, Виктор Кимак (Москва, затем Одесса), Юрий Ходобай (Москва), хорват Адольф Якшич (Ставрополь) и другие [5].

В целом, венгерские интеллектуалы смогли оставить свой яркий след в истории российского образования и науки, они способствовали распространению европейских педагогических и научных традиций в нашей стране.

Примечания

1. Мольнар Л. Венгры и русские в зеркале истории контактов (Уроки культурных контактов XVIII века) // Двенадцать столетий венгерско-русских отношений. Будапешт, 2005.
2. См.: Воронов А. Федор Иванович Янкович де-Мириево или народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858.
3. Тебиев Б.К. Первый ректор Петербургского университета // Высшее образование в России. 2004. № 11.
4. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Раевского. 40—80-е гг. XIX в. М., 1975.
5. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230.

М.И.Романова

г.Хабаровск

Дальневосточный государственный гуманитарный университет

ИДЕИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЫ В ТРУДАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГОВ XVIII в.

Начало оформления английской либеральной идеологии относится ко второй половине XVII в. Ее появление явилось следствием изменений в социально-экономическом и политическом устройстве страны в постреволюционный период. Основоположником идеологии английского варианта либерализма считается Дж.Локк, обосновавший теорию о необходимости предоставления гражданам государства политических свобод, а также принцип разделения властей [1, 264—265]. В XVIII в. эти идеи получили дальнейшее развитие во взглядах идеологов раннего либерализма, таких как граф Э.Шефтсбери, А.Смит, Дж.Бург, Дж.Картрайт, Дж.Мэсси, Р.Прайс, Дж.Пристли, Дж.Толанд, Г.Филдинг.

В первую очередь в их трудах разрабатывалась политическая теория: проблема исторического прогресса, движущих сил истории, соотношения эволюционного и революционного путей развития общества, происхождения и функций государства. Однако важнейшим дискуссионным вопросом был вопрос о всеобщем избирательном праве и парламентской реформе. В трудах либералов XVIII в. в основном речь шла о трактовке понятия Локка «неотчуждаемые естественные свободы», степень которых по-разному понималась различными идеологами.

Либеральных идеологов XVIII в. можно разделить на сторонников — «радикалов» (Дж.Бург, Дж.Картрайт, Р.Прайс) и противников — «умеренных» (Э.Шефтсбери, Дж.Толанд, А.Смит, Дж.Мэсси, Дж.Пристли, Г.Филдинг) введения всеобщего избирательного права.

Внутри «умеренной» группировки, в свою очередь, также можно выделить два течения (в зависимости от круга вопросов, рассматриваемых этими авторами): собственно «виги» (граф Шефтсбери и Дж.Толанд) ограничившие свои сочинения политическими и социальными темами, традиционными для вигов; и «либеральные виги» (А.Смит, Дж.Мэсси, Дж.Пристли, Г.Филдинг) рассматривавшие, помимо социально-политических, экономические вопросы, важные для торгово-промышленной буржуазии. Последних можно считать предшественниками классического либерализма.

Все либеральные авторы XVIII в. признавали необходимость проведения парламентской реформы и выделяли в своих трудах ее три аспекта: вопрос об избирательных округах, о процедуре выборов и об увеличении количества избирателей.

Либералы предлагали изменить существовавший порядок, при котором крупные промышленные города были лишены представительства в парламенте. «Виг» Толанд прямо писал, что крупным городам надо дать это право [2, 173]. «Либеральный виг» Пристли, утверждал, что только крупные собственники должны занимать высшие посты в государстве, поскольку больше других заинтересованы в материальном благе и сумеют его преумножить [3, 384]. «Радикал» Бург открыто выступал за ликвидацию гнилых местечек и перераспределение избирательных мест в пользу графств и крупных городов. Наиболее радикально этот вопрос решал Картрайт, предложивший сделать избирательные округа равными, исходя из количества населения в них [4].

О процедуре выборов «умеренные» высказывались неопределенно. Толанд, выступая против коррупции на выборах, предлагал ввести во всех округах единую процедуру выборов, однако не объяснял, как она должна выглядеть [2, 173—175]. Более конкретно этот вопрос рассмотрен «радикальными» авторами, которые предлагали ввести тайное голосование.

Важной частью парламентской реформы стал вопрос об увеличении числа избирателей. В принципе все либералы выступали за расширение круга избирателей, но в разной степени. По мнению «вига» Толанда, избирательными правами должны быть наделены все те, кто платит церковную десятину и налог в пользу бедных. Таким образом, он ратовал за расширение политических прав буржуазии [2, 173—175].

«Либеральные виги» предлагали дифференцированную систему выборов на основе имущественного ценза. Точка зрения Пристли была такова: крупные собственники должны занять высшие посты в государстве; средние собственники имели право участвовать в парламентских выборах; а малоимущие граждане могли быть допущены только к муниципальным выборам [5, 216—217]. Вместе

с тем, Пристли, допускал возможность проведения парламентских выборов со снятием всех цензовых ограничений для избирателей как крайнюю меру. Но всеобщее избирательное право было для него всего лишь инструментом политической борьбы, применяемым в последнюю очередь, когда не помогали петиции в адрес парламента [5, 231—232].

Позиция «радикалов» по этому вопросу носила двойственный характер. В теории все они, отождествляя собственность с правами человека на жизнь и свободу, считали эти права формой собственности и ратовали за всеобщее избирательное право. Но на практике, Бург и Прайс предлагали давать большее количество голосов крупным собственникам (*так как они платят больше налогов в казну — М.Р.*) [6, 43—51]. Наиболее последовательной была позиция Дж.Картрайта. Он выдвинул план парламентской реформы, по которому избирательным правом наделялись все мужчины, достигшие 18-ти лет; но кандидаты в члены парламента должны иметь от графства должен иметь приличный годовой доход (не менее 400 фт. стерлингов) [7, 53—55].

Таким образом, если Толанд и Пристли предлагали ввести имущественный ценз, а Бург и Прайс распределяли голоса в зависимости от размера собственности, то Картрайт отделял избирательное право от собственности, т.е. реально выступал за всеобщее избирательное право для мужчин.

Политические взгляды либеральных идеологов XVIII в. подготовили теоретическую базу для практической борьбы за реализацию идеи парламентской реформы, а также сыграли важную роль в оформлении политической программы либеральной партии в XIX в.

Примечания

1. Локк Дж. Два трактата о правлении. Книга вторая. Сочинения в трех томах. Т. 3. М., 1988.
2. Toland J. The Art of Governing by Parties. L., 1701. P. 173.
3. Просветительское движение в Англии / под ред. Н.М.Мещеряковой. М., 1991. С. 384.
4. Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995. С. 68—78; Cartwright J. The Legislative Rights of the Commonalty Vindicated, or Take Your Choice! L., 1777. P. 53.
5. Пристли, Дж. Избранные сочинения. М.: Соцэгиз, 1934. С. 216—217.
6. Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995.
7. Cartwright J. The Legislative Rights of the Commonalty Vindicated, or Take Your Choice! L., 1777.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
(по материалам периодических изданий
Соединенных Штатов Америки)**

Проблема трактовки понятий «историческая память» и «историческое сознание» является дискуссионной в отечественной и американской научной литературе. В отечественной историографии анализом этих понятий занимались Соколова М.В., Тощенко Ж.Т., Савельева И.М., Полетаев А.В. и др. [3—5]. Работы этих исследователей можно разделить на три основные группы.

Первая группа авторов (Соколова М.В. и др.) считает, что главным отличием исторической памяти от истории и исторического сознания является то, что память сохраняет и «воспроизводит» сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим. К отличительным чертам исторической памяти исследователи относят и то, что с естественным уходом современников исторических событий историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более «насыщенной» реальностями настоящего времени [4].

Вторая группа исследователей (Тощенко Ж.Т. и др.) считает, что термины «историческая память» и «историческое сознание» синонимичны. Под исторической памятью они понимают определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память, по мнению исследователей, является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания [5].

Третья группа авторов, представленная российскими американистами Савельевой И.М. и Полетаевым А.В., считает, что термин «историческая память» является неудачным выражением его концептуальной основы. По мнению исследователей, из-за теоретически не проработанного материала следуют интерпретации, которые либо не вполне корректно используют потенциал нового концепта, либо являются непродуктивными или избыточными. В то же время они считают возможным использовать метафору «историческая память» для акцентирования внимания на том, что общество «помнит» о своем прошлом, «хранит в памяти» события своей истории. Однако исследователи напоминают,

что на самом деле знания запечатлены в текстах и других материальных носителях, а память является лишь способностью индивидуальной психики [3, 48—53].

Таким образом, в отечественной научной литературе отсутствует четкая трактовка термина «историческая память», а понятие «историческое сознание» либо упускается из виду исследователей, либо заменяется понятием «историческая память».

В американской исторической науке термин «историческая память» отсутствует. Исследователи заменяют его термином «чувство истории», под которым понимается знание основных исторических дат и событий американской и мировой истории.

Термин «чувство истории» был введен в научный оборот американскими специалистами в области образования и социальной психологии К.Беллом и Д.МакКалломом. Они считали, что понятие «чувство истории» должно включать в себя пять элементов:

- способность понимать современные события в свете прошлого;
- способность фильтровать исторические источники и конструировать на их основе картину прошлого;
- способность воспринимать исторический нарратив;
- способность давать осмысление и компетентные ответы на вопросы по поводу исторических ситуаций;
- способность отвечать на фактологические вопросы об исторических личностях и событиях [3, 9].

Таким образом, в американской исторической литературе для обозначения знаний исторических дат и событий мировой истории используется термин «чувство истории».

В результате анализа нескольких точек зрения на проблему трактовки понятий «историческая память» и «историческое сознание» автор приходит к выводу, что историческая память — это осознание человеком событий прошлого, а историческое сознание — это осознание обществом процессов и явлений прошлого.

Неоднозначная трактовка терминов «историческая память» и «историческое сознание» обусловила появление дискуссий по вопросу измерения исторической памяти общества.

Савельева И.М. и Полетаев А.В. определили, что социальные представления о прошлом можно изучать на основе анализа источников, к которым относятся воспоминания и мемуары, результаты тестов по истории среди школьников и студентов, материалы социологических опросов, медиа-источники и т.д. [3, 61—62].

По мнению Коленеко В.А. восстановить историческую память о событиях прошлого возможно путем анализа периодических изданий, так как именно периодика является своеобразным историческим источником, позволяющим путем интерполяции восполнить отсутствующие данные и связать отдельные,

отраженные в других источниках события. Благодаря периодическим изданиям можно восстановить ряд малоизвестных фактов, утративших со временем свою актуальность, но остающихся важными для понимания сущности давно происходивших процессов или явлений [2, 9].

Автор настоящей статьи предпринял попытку измерить историческую память американского общества второй половины XIX в. на основе анализа 15 американских газет и журналов.

Во второй половине XIX в. в США наибольшее распространение получили дешевые газеты. Это название закрепилось в научной литературе с вязи с тем, что технические новшества XIX в. позволили сделать издание газет дешевым и массовым процессом.

Первые дешевые газеты появились еще в 1830 г. в Филадельфии и Бостоне. Они назывались «Цент» и «Bostonian». Эксперимент этих городов заинтересовал печатников Нью-Йорка, который был общенациональным центром торговли, финансов, транспорта и т.д.

В 1833 г. в Нью-Йорке появилась небольшая по размеру газета «New York Sun», в 1834 г. — «New York Evening Transcript», в 1835 г. — «New York Herald». Затем появились другие важнейшие периодические издания — «New York Tribune» и «New York Times» [1, с. 118—119].

Дешевая пресса получила распространение и в других городах США. Она стала главным ориентиром в выборе партийно-политических пристрастий, выразителем общественного мнения по ряду проблем, в том числе и событий прошлого.

Анализ дешевой прессы позволяет констатировать то, что историческая память американцев второй половины XIX в. носила фрагментарный характер. Автору представляется возможным выделить несколько аспектов исторической памяти американского общества.

Первым аспектом, который прослеживается на страницах прессы, стало обращение американцев к деятельности великих личностей США. Редакторы периодических изданий неоднократно обращались к идеям первых американских президентов (Дж.Вашингтона, Т.Джефферсона, Э.Джексона и др.) для критики происходящих в стране событий. В период формирования концепции «Молодой Америки» (50-е гг. XIX в.) публицисты журнала «Democratic Review» отмечали, что ее первыми представителями и духовными предшественниками были Дж.Вашингтон, Т.Джефферсон и Э.Джексон. На основании их идей в журнале разрабатывались идея молодости и концепция прогресса [9, vol. 30, № 166, p. 290—293, 367, 372; 10, vol. 30, № 165, p. 203, 215, 287; 11, vol. 30, № 167, p. 391—397, 474].

В 1861 г. интерес к деятельности Дж.Вашингтона и Т.Джефферсона возобновился. Это было связано с избранием на пост президента противника рабства А.Линкольна.

Приход к власти А.Линкольна расколол общество на два лагеря — сторонников и противников президента. Это отразилось на страницах американских газет. Редактор газеты «New York Herald» Дж.Беннет, будучи сторонником

рабовладельческой системы, заявил, что инаугурационная речь А. Линкольна была настолько неискренней и негосударственной, что «заставила бы Дж. Вашингтона одеть траур, а Т. Джефферсон и Э. Джексон отнесли бы к ней с презрением» [12].

Вторым аспектом исторической памяти является обращение американцев к деятельности европейских политиков прошлого. Редакторы периодических изданий сравнивали личности европейских и американских исторических деятелей. Иногда они сравнивали личности европейских политиков с деятельностью отдельных газет и журналов. Например, Дж. Беннет в ходе критики Республиканской партии именовал поддерживавшую ее прессу «северными Маратами и Робеспьерами» [13].

Третьим аспектом исторической памяти американского общества второй половины XIX в. стал анализ политических систем различных исторических периодов. Отдельное внимание редакторы уделяли античности. По их мнению, политическая система США была антиподом «чистой» или «прямой» демократии Древней Греции и Древнего Рима. Афины же редакторы считали эталоном формирования демократических основ в управлении [6, vol. 9, № 16, p. 358—359; 7, vol. 9, № 17, p. 481; 8, vol. 11, № 25, p. 10].

Таким образом, историческая память американского общества включала в себя три аспекта: осмысление деятельности исторических личностей, событий и систем прошлого в мировой истории.

Примечания

1. Алентьева Т.В. «Революция» в американской прессе в 1830—1840-х гг. // Мифы и реалии Америки в периодике XVIII—XX вв. / Отв. ред. В.А. Коленко. В 3 тт. Т. 1. М., 2008.
2. Коленко В.А. Введение. Периодика в истории Америки и России // Мифы и реалии Америки в периодике XVIII—XX вв. Т. 1. М., 2008.
3. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008.
4. Соколова М.В. Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. 2008 // URL: <http://www.pish.ru> (дата обращения: 11.11.2011).
5. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
6. American Review. Apr. 1849 // URL: <http://www.loc.gov> (дата обращения: 11.11.2011).
7. American Review. May 1849 // URL: <http://www.loc.gov> (дата обращения: 11.11.2011).
8. American Review. Jan. 1850 // URL: <http://www.loc.gov> (дата обращения: 11.11.2011).
9. Democratic Review. Apr. 1852 // URL: <http://www.loc.gov> (дата обращения: 11.11.2011).
10. Democratic Review. Mar. 1852 // URL: <http://www.loc.gov> (дата обращения: 11.11.2011).
11. Democratic Review. May 1852 // URL: <http://www.loc.gov> (дата обращения: 11.11.2011).
12. New York Herald. 5 Mar. 1861 // URL: <http://www.loc.gov> (дата обращения: 11.11.2011).
13. New York Herald. 5 May 1861 // [электронный ресурс]. URL: <http://www.loc.gov> (дата обращения: 11.11.2011).

ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПЕРВОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Премьер-министр Италии С.Берлускони, игравший ведущую роль в итальянской политике на протяжении последних 17 лет, вечером 12 ноября 2011 г. объявил о своем уходе в отставку. Новое правительство во главе с премьером М.Монти было приведено к присяге 16 ноября. В состав кабинета вошли 17 министров, в том числе 5 — без портфеля. Все они являются т.н. технократами, т.е. экспертами в своих областях. От М.Монти требовалось сформировать правительство, которое сумеет урезать гигантский государственный долг Италии (1,9 трлн. евро) и восстановить экономический рост. Для этого приходится внедрять в жизнь меры жесткой экономии, одобренные парламентом. В их числе предусмотрено повышение налога на добавленную стоимость с 20% до 21%; продажа государственной собственности; замораживание зарплат в госсекторе до 2014 г.; увеличение пенсионного возраста женщин, занятых в частном секторе с 60 лет в 2014 г. до 65 в 2026 г.; комплекс мер по борьбе с уклонением от уплаты налогов; введение специального налога на энергетический сектор; сокращение расходов на громоздкий государственный аппарат Италии; стимулирование конкуренции [1].

Деятельность 63-го по счету в послевоенной истории Италии правительства еще предстоит оценить, поскольку проблемы Италии гораздо глубже, чем кажутся. И решить их, просто сменив правительство, не получится. Между тем, технократические правительства в Италии уже формировались в 1990-е гг.: правительство К.А.Чампи (28 апреля 1993 г. — 10 мая 1994 г.) и правительство Л.Дини (17 января 1995 г. — 17 мая 1996 г.). Задачи обоих включали, в том числе, сокращение дефицита бюджета. Им также удалось провести ряд реформ. Очевидное преимущество технократов становится явным, когда страна сталкивается с проблемами. Ситуация в Италии в первой половине 90-х гг. XX в., когда в стране разразился острейший политический кризис, и в коррупционном скандале были задействованы все без исключения члены правительства и лидеры основных политических партий, стала в этом отношении показательной.

В апреле 1993 г. в Италии были проведены важные референдумы, касающиеся изменения закона о выборах в Сенат, отмены государственного финансирования политических партий, министерского назначения председателей госбанков и др. Эти референдумы являлись частью политического и народного движения за изменения и были предназначены для того, чтобы нанести удар в сердце партократии: всеобъемлющему контролю, осуществляемому политическими

партиями над всеми сферами общественной жизни. Новое правительство, сформированное после апрельских референдумов, предприняло ряд шагов в соответствии с волеизъявлением избирателей. Впервые с конца Второй мировой войны премьер-министр не был политиком: К.А.Чампи 14 лет являлся управляющим Центрального банка Италии. При полной поддержке президента республики О.Л.Скальфаро он выбрал членов своего кабинета без прохождения через общепринятый процесс переговоров и соглашений с партийными лидерами, составляющими правящую коалицию. Одна треть новых министров были беспартийными [2, 90].

При этом правительстве была проведена избирательная реформа, в результате которой новая система стала базироваться на сложном соединении мажоритарности и пропорциональности. Новые правила обеспечили сильный институциональный стимул для перестройки партийной системы. Также правительством К.А.Чампи была проведена административная реформа, которая, в целом, имела положительные результаты. Были изменены многие административные процедуры, начат процесс приватизации и установлены новые правовые рамки, касающиеся государственных служб, успешно продолжалась борьба с коррупцией. Кроме того, правительству К.А.Чампи удалось отменить шкалу индексации заработной платы, снизить инфляцию и вернуть страну на рельсы европейской валютной интеграции.

Техническое правительство Л.Дини, который являлся генеральным директором Итальянского банка, затем министром казначейства в первом правительстве С.Берлускони, состояло исключительно из профессионалов. Ему удалось увеличить косвенные налоги, сократить дефицит государственного бюджета и провести пенсионную реформу. Государственное пенсионное обеспечение было отделено от остальной части системы; утвержден порядок согласования индивидуальных взносов с величиной получаемой пенсии; введен гибкий возраст ухода на пенсию — с 57 до 65 лет для работников обоего пола; постепенно отменялись пенсии за выслугу лет, социальные пенсии и другие виды специальных выплат (связанных, например, со вдовством и т.п.). По достижении 65 лет единственным условием для получения пенсии стало наличие пятилетнего периода уплаты взносов [3, 69]. Реформа Л.Дини стала итогом важного компромисса между правительством и профсоюзами. Впервые за весь период реформирования системы социального обеспечения правительство, на уровне экспертов, начало обсуждать с профсоюзами готовящийся законопроект еще до того, как он поступил в парламент. Согласованный сторонами вариант пенсионной реформы содержал взаимные уступки, благодаря которым правительство обеспечило желаемый поворот в сторону модернизации системы и экономии социальных расходов.

Таким образом, технократы могут сыграть полезную роль в качестве честных посредников, когда традиционные политики оказались дискредитированными, а партии зашли в тупик. Более того, являясь переходными, они способны вызывать доверие, поскольку срок их пребывания в должности заранее ограничен.

Примечания

1. В Италии приведено к присяге правительство технократов // Русская служба BBC. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/11/111116_monti_unveils_new_government.shtml

2. Italy since 1945 / P.McCarthy [et al.]; ed. by P.McCarthy. Oxford : Univ. Press, 2000.

3. Авилова А.В. Пенсионная реформа в Италии // Современная Европа. 2002. № 2.

С.А.Сальникова

г.Москва

Московский педагогический государственный университет

ФИЛИПП МЕЛАНХТОН О РЕФОРМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В первой четверти XVI века система школьного образования в Германии находилась в состоянии полного упадка, вызванного общим недоверием и пренебрежением к знанию и образованию. В Саксонии протестантская церковь была создана в 1526 году, и ее представители, а также курфюрст были обязаны заботиться о восстановлении городских и сельских школ. «Наставление визитаторов, предназначенное для пасторов в землях герцога Генриха Саксонского» было составлено сподвижником и соратником идеолога Реформации Мартина Лютера Филиппом Меланхтоном в крайне сложных условиях. «Наставление...» явилось итогом проверки деятельности пасторов в приходах, в том числе и с точки зрения заботы об образовании прихожан. Проведенная визитация констатировала низкий престиж образования и, как следствие, низкий уровень образованности, именно поэтому проповедникам было рекомендовано убеждать родителей отдавать детей в школы. Необходимость обучения автор «Наставления...» связывал с нуждами духовного и светского правления: «Образованные мужи нужны не только Церкви, но и светскому правлению, которое также угодно Богу. Поэтому родители, следуя воле Божьей, должны отдавать детей в школу, вооружая тем самым господа Бога, который сможет использовать их на благо другим людям» [1, 337]. Проповедники должны увещевать прихожан, чтобы они отдавали своих детей в школу для подготовки людей, способных к проповеди учения в церкви и к делам светского правления. Говоря о школе того времени, гуманист-реформатор указывал на массу ее недостатков, среди которых особо выделял чрезмерное внимание некоторых учителей к изучению древних языков,

которое не только «неплодотворно, но и вредно» и довольно большое количество используемых в обучении книг. Филипп Меланхтон, получивший имя «наставника Германии», немецкий гуманист, сторонник распространения протестантизма в Германии, отстаивал идею всеобщего образования, его доступности вне зависимости от социальной принадлежности. Преследуя эту цель, он призывал повсеместно открывать начальные народные школы повышенного типа, учебно-воспитательный процесс в которых строился на принципах гуманизма и лютеранства. В основу содержания образования Меланхтоном были положены элементы «семи свободных искусств», дополненные изучением греческого языка и Закона Божьего. Данные учебные учреждения должны были служить подготовительным этапом перед поступлением в университет, кроме того, в их задачи входила подготовка проповедников. При непосредственном участии и поддержке гуманиста-реформатора Меланхтона в 20-е годы XVI века в Саксонии были открыты подобные школы. В школах в процессе обучения Филипп Меланхтон предлагал разделять детей на группы, на некое подобие классов, согласно их способностям и степени освоения изучаемого материала. Для каждой из групп отбиралось свое содержание образования с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей, а в основу образовательного процесса закладывался принцип движения от простого к сложному. Первую группу составляли дети, которые только учились читать и писать. Для них реформатором была разработана последовательность обучения: «Прежде всего они должны научиться читать детские книжки, — писал Меланхтон, — такие, как «Азбука», а также «Отче наш», «Верую» и другие молитвы» [1, 339]. Далее, по мнению Филиппа Меланхтона, следует взять Доната для чтения и Катона для комментирования. После того, как учитель разъяснил несколько стихов, дети заучивают их, что позволяет им расширить словарный запас и использовать вновь выученные слова в беседах на латинском языке. Кроме того, для лучшего запоминания детьми новых латинских слов Меланхтон советует учителям «побуждать их ежедневно, по вечерам, учить некоторые слова, как это было заведено в школах с давних пор» [1, 339]. Также дети, входящие в первую группу, должны заниматься музыкой и совместным пением. Во вторую группу входили дети, уже научившиеся читать и писать и приступившие к изучению грамматики. Обучение второй группы, по мнению Меланхтона, должно строиться по следующему образцу. Учащиеся второй группы каждый день после обеда в течение часа должны заниматься музыкой. Далее вместе с учителем дети приступают к изучению басен Эзопа, а после ужина к комментированию «Педологии» Мозелляна. Когда эти книги будут изучены, ученикам предлагается взяться за извлечения из «Разговоров запросто» нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского, которые, по мнению Меланхтона, «полезны детям и воспитывают в них скромность» [1, 339]. Надом реформатор советует учителю задавать детям высказывания того или иного автора с тем, чтобы утром они их повторили. На следующее утро учащиеся вновь комментируют Эзопа, в то время как учитель «склоняет некоторые

существительные, спрягает некоторые глаголы и, сообразуясь с возможностями детей, отводит на это много или мало времени, выбирает упражнения попроще или посложнее и, кроме того, задает вопросы о правилах склонения и спряжения» [1, 339]. После изучения Эзопа предлагается изучить Теренция, а за ним взять некоторые из благопристойных комедий Плавта. «Но все-таки при этом не надо слишком переутомлять детей», — предостерегает учителей Филипп Меланхтон [1, 339]. Предобеденные часы, по мнению реформатора, целесообразно посвящать изучению грамматики. Изучение основ христианства также было обязательно, этому Меланхтон советовал посвящать один день в неделю, например субботу или среду. В третью группу зачислялись дети, наилучшим образом проявившие себя на предыдущих ступенях обучения и уже изучившие грамматику. Ученики третьей группы после обеда в течение часа занимаются музыкой. Затем изучают Вергилия, а после «Метаморфозы» Овидия. Вечернее время они посвящают чтению сочинения «Об обязанностях» Цицерона или его писем к друзьям. Утром учащиеся снова повторяют Вергилия и упражняются в согласовании по смыслу, склонению и разборе особых оборотов речи. Предобеденные часы по-прежнему следует посвящать изучению грамматики, а после глубокого ее усвоения учителю стоит заняться с учениками метрикой для того, чтобы они могли сочинять стихи. «А после того, как они в достаточной мере овладеют грамматикой, нужно эти часы отводить на диалектику и риторику» [1, 341]. Но также нельзя забывать и об изучении основ христианской веры: «[Кроме того], во второй и третьей группах следует на протяжении всего времени, раз в неделю, заниматься Священным Писанием, например, Посланиями [апостолов] или же стихами» [1, 341]. Как «наставник Германии» Филипп Меланхтон консультировал 56 немецких городов по проблемам реформирования и построения образовательного пространства в своих школах. Педагогическая деятельность гуманиста-реформатора во многом определила состояние системы образования в Германии в последующие годы.

Примечания

1. Филипп Меланхтон. Наставление визитаторов, предназначенное для пасторов в землях герцога Генриха Саксонского // Хрестоматия по истории педагогики: В 3 т. Античность. Средневековье. М., 2006. Т. 1.

ЗАКОН О МОЛОДЕЖИ ГДР КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Молодежь в ГДР всегда была больше чем просто молодежь. С идеологической точки зрения молодежь занимала в планах руководства ГДР особое место. Она была жизненно необходима для власти, ведь именно ей было поручено нести в мир знамя социализма. В этой связи молодежная политика правящей партии должна была сыграть решающую роль в становлении «социалистической личности» и ее идеологическом воспитании. Проследить главные этапы становления молодежной политики, а также изменение ее содержания можно на примере основных законов о молодежи ГДР (1950 г., 1964 г., 1974 г.), ставшими, по сути, законодательным выражением представлений о роли молодежи в социалистическом обществе.

Надо отметить, что еще во время Второй мировой войны, в 1944 г., КПГ были подготовлены предложения по послевоенному воспитанию молодежи и выработке принципов молодежной политики. Инициатива предполагала, например, свободу молодежи «объединяться как в политические, так и общественные союзы, которые стоят на почве демократии», предусматривала «воспитание молодежи в духе истинных немецких прогрессивных традиций на благо братского сосуществования с другими народами», гарантировала «право выбора профессии в зависимости от способностей и предпочтений», требовала «быстрейшей ликвидации безработицы посредством немедленного массового обучения и переобучения» [1, 221].

Эти и многие другие идеи легли позднее в основу «Закона об участии молодежи в строительстве ГДР и содействии молодежи в учебе, труде, спорте и отдыхе» от 8 мая 1950 г. Его отличала ярко выраженная антимилитаристская направленность. После войны основной задачей молодежной политики провозглашалось искоренение фашистского прошлого из памяти молодежи, осуждение деяний нацистов и провозглашение господства свободы — «антифашистское демократическое обновление Германии» [1, 233]. Закон состоял из 46 статей и предполагал работу по нескольким направлениям: участие молодежи в строительстве ГДР; дальнейшее улучшение школьного образования молодежи; содействие профессиональному обучению молодежи; доступность высшего образования для занятых на производстве; строительство детских домов, библиотек и театров; создание новой детской и молодежной литературы; содействие развитию спорта, туризма и отдыха.

1964 г. стал новой вехой в молодежной политике ГДР. В преамбуле «Закона об участии молодежи в борьбе за завершение построения социализма в Германской Демократической Республике и о всестороннем развитии ее инициативы при управлении народным хозяйством и государством, на производстве и в школе, в культуре и спорте» указывалось, что «в ГДР впервые в немецкой истории молодежь и государство имеют общие интересы и цели». Также отмечалось, что все цели и задачи предыдущего закона от 1950 г. были выполнены полностью, а ГДР провозглашалась отныне «родиной немецкой молодежи». В законе говорилось, что «задачей девушек и юношей, молодых людей состоит в том, чтобы быть кузнецами будущего, строителями социализма и пионерами нации». Эта идея должна была «определять содержание их жизни» [2, 752]. Помимо идеологических императивов в нем были прописаны и гарантировались основные демократические права. Данный закон стал по сравнению с предыдущим более идеологизированным и ориентировался на доктрину Ульбрихта о «социалистической общности людей». По этой причине политико-идеологическое воспитание стало одним из главных его элементов.

В 1974 г. был принят третий, наиболее неоднозначный закон о молодежи — «Закон об участии молодежи в формировании развитого социалистического общества и ее всесторонней поддержке в Германской Демократической Республике». Само название говорит о том, что новый закон должен был быть приспособлен к условиям «реально-существующего социализма». Новый закон должен был вобрать в себя те изменения и нововведения, которые произошли после 1964 г. (Закон о едином социалистическом образовании 1965 г., Кодекс законов о труде 1966 г., Семейный кодекс 1965 г., Реформы высшей школы и т.д.). Этот закон легализовал, прежде всего, ограничения в системе образования. Так, например, в статье 22 (Образование и воспитание студентов) прописывалось то, что уже давно являлось нормой: «Допуск в высшее учебное заведение осуществляется на основании профессиональных и общественных результатов в соответствии с потребностями социалистического общества, а также с учетом социальной структуры населения. Руководящие органы ССНМ вправе участвовать в решении о допуске в учебное заведение...» [1, 570]. Таким образом, дорога к высшему образованию не членам ССНМ или недостаточно активным членам союза была полностью закрыта. Данный закон оставался основным законодательным актом молодежной политики ГДР вплоть до объединения Германии.

Очевидно, что молодежная политика, в том виде, в котором она была представлена во всех трех законах, во многих своих проявлениях сводилась к ортодоксальному прививанию идеологии марксизма-ленинизма, а воспитание воспринималось как «процесс ранней подготовки и принятия на себя общественных и политических норм и задач взрослого общества» [3, 9]. Подобная идеологизированность привела в конечном итоге к деградации молодежной политики и делегитимизации самой партии, государственной идеологии и, в конце концов, самого государства в глазах молодежи.

Примечания

1. Partei und Jugend: Dokumente marxistisch-leninistischer Jugendpolitik / Zentralrat d. FDJ. Inst. Für Marxismus-Leninismus bei ZK d. SED. Berlin: Dietz Verlag, 1986.
2. Das System der sozialistischen Gesellschafts- und Staatsordnung in der Deutschen Demokratischen Republik. Dokumente / Deutsche Akademie für Staats- und Rechtswissenschaft „Walter Ulbricht“. Berlin: Staatsverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1970.
3. Hille B. Nicht nur Blauhemden. Die Situation der Jugendlichen in der ehemaligen DDR. Melle: Knoth, 1991.

В.В. Степанова

г. Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ГЕРМАНИИ В XIX ВЕКЕ

В статье предпринимается попытка систематизации знаний по изучению проблем всеобщей истории в XIX веке в Германии. Автор придерживается мнения, что важнейшим фактором формирования исторических знаний в Германии стали политические, экономические, социальные, культурные процессы, происходившие после объединения страны, стимулирующие формирование идеологии, системы ценностей, социального поведения в соответствии с прошлым.

Автор считает, что важнейшим фактором формирования исторических знаний в Германии стали образовательные учреждения и научная элита, формирующая на протяжении XIX века в немецком обществе

Германия во второй половине XIX века превратилась, по мнению обозревателя газеты «Санкт-Петербургские ведомости»: «в умственный центр Европы, страну науки. Сюда едут те, кого не интересуется водоворот маскарадов, ни деятельность лондонских доков и бирмингемских фабрик. Сюда едут учиться. Цвет германской нации сосредоточен в умственной жизни страны. Смелая мысль выливалась не в политической перевороте, как во Франции, а в создании философской системы, обнимающей своим построением весь мир» [1].

Такой успех научной мысли можно объяснить рядом факторов. В первую очередь, созданием системы начального, среднего и высшего образования. Каждое из германских государств до 1933 года сохраняло собственную систему образования. Прусское гражданское уложение 1794 года предложило юридическую основу системе образования, которое просуществовала до 1933 года [2, 23—26]. Школьная система состояла из начальной, шестилетней (Progymnasium, Realgymnasium, Realschule) и старшей ступеней обучения: гимназия, реалгимназия (Realgymnasium), реалшкола (Oberrealschule). Средние школы,

получившие — Abitur (выпускной квалификационный экзамен по курсу латыни и греческому языку) занимали привилегированное положение и стали называться гимназиями. Они получили статус подготовки поступления в университет, Ос- тальные школы считались не полными средними, так как их выпускники не име- ли права поступать в университеты. Реальные школы готовили учащихся к ра- боте в промышленности, торговле.

В XIX веке началось противостояние между гимназиями и реальными шко- лами, что выливалось в социальные и политические конфликты. Важное место в дискуссиях о средних школах занял вопрос о внедрении в обучение современной истории и истории Германии.

Население Германии в XIX веке имела мощный образовательный ресурс в виде поголовной грамотности, работы гувернеров и гувернанток, знаний мате- матики, естественных наук, немецкого языка, современных иностранных язы- ков, истории, географии. Выпускники гимназий знали латынь и греческий язык, историю древней Греции, Рима, были подготовлены к «поиску истины».

Съезды народных учителей Германии относились к числу наиболее дейст- венных средств совершенствования преподавания в народных школах. Суще- ствовали рекомендации к проведению съездов, в которых содержались требова- ния к слушателям, к руководству организаторов [3].

Съезд народных учителей Александровского уезда Екатеринославской гу- бернии в сентябре 1870 года опубликовал обращение к российским учителям, призывавшего перенять опыт немецких школ, которые «вооружали своих учени- ков не только книгой, географической картой, чувством долга и уважением к законам своей страны, но нравственной силой, что необходимо для нашей страны» [4].

Важнейшим фактором формирования исторических знаний стала система высшего образования. В Германии в XIX века функционировал 21 университет, 662 кафедры только философско-исторического цикла и языкознания, во Фран- ции — 318. Ежегодный расход на них составляет 27 млн. франков, во Франции — 17 млн. [5].

Немецкие университеты были не только учебными заведениями, но и мощ- ными научными центрами. Немецкие ученые в XIX веке воспринимали себя элитой немецкой культуры, представителями просвещенной части нации. Обра- зование и профессиональная квалификация были в общественном мнении Гер- мании серьезным основанием для претензий на социальную значимость [6, 11].

Русские путешественники, особенно из дворянского сословия, критически относились к немецким «знаменитостям», которых отличала простота нравов, отсутствие важности, официального лексикона, доступность, но подчеркивали их необычную манеру преподавания, трудности в установлении дружеских от- ношений [7].

Во второй половине XIX века в университетах важную роль играли 4 фа- культета: философский, где преподавались гуманитарные и естественные науки,

богословский, юридический и медицинский. В XIX веке принцип «чистого образования» стал подвергаться критике. Возникли мотивы для сохранения памяти о себе для потомков, обращения к опыту прошлого. Познание прошлого приобрело исключительное социальное и политическое значение.

Вопрос о причинах ускоренного развития Германии после объединения и превращение в европейского лидера, остается дискуссионным. В этой связи, особое значение имеет исследование процесса формирования исторических знаний, направлений в изучении всеобщей истории и истории Германии. Именно формирование новых концепций, методологий исторического познания сыграла важнейшую роль в истории немецкого лидерства.

В XIX веке в Германии оформляется мощное направление по изучению как всемирной, так и немецкой истории. Германия стала признаваться европейскими странами «колыбелью исторической науки». С именем Ф.-Х. Шлоссер (1776—1861), профессора Гейдельбергского университета, связано формирование гейдербургской школы историков, либерального направления в изучении всемирной истории. В своем произведении «Всемирная история» в 19 томах он рассматривает такие проблемы как прусский милитаризм, культура и природа Германии, памятники исторического прошлого [8].

Роль и место профессора Леопольд фон Ранке (1795—1886 гг.) связано с формированием немецкой «критической исторической школы». Он являлся автором большого числа работ, официальным историографом прусского королевства, создателем новых исследовательских приемов, оставил самые многочисленные воспоминания у слушателей Берлинского университета. Он выступал как организатор семинарской формы исторических занятий, получившей распространение по всей Европе. В России Л.Ранке оказал серьезное воздействие на формирование всеобщей истории как науки, прежде всего, своей исследовательской практикой, исторической критикой. На занятиях Л. Фон Ранке, как пишет Мягков Г.П., побывали практически все русские историки [9, 43, 49].

Профессор Петербургского университета М.С.Курторга объяснял факт значимости Л. Ранке высокой научностью его исследований, введением в оборот новых неизвестных материалов [9, 50].

С 30-х годов XIX века до сегодняшнего дня российская историческая наука пытается осмыслить научную деятельность Л.фон Ранке. Спектр оценок широк, но он свидетельствует о возрастании интереса к этому историку, мыслителю. Поставленные Л.Ранке вопросы герменевтического плана теперь широко обсуждаются историками. Фактография Л.Ранке дала возможность по-новому посмотреть на источник. По мнению Мягкова Г.П., отечественные историки еще долго будут изучать и задавать вопросы Л.Ранке. Об этом свидетельствует факт переиздания в 1998 году в России значительного фрагмента его исследования « Об эпохах новой истории» и предложена новая оценка его идей в систематике философии истории [10].

Особое место в формировании исторического познания истории занял Генрих фон Трейчке, один из основателей идеи «малогерманской исторической школы». Профессор Лейпцигского, Фрайбургского, Кильского и Берлинского университетов, создатель и редактор «Прусского ежегодника», издаваемого в Берлине. Малогерманская школа во главе с Г. Фон Трейчке, Г. фон Зибель сделала ставку на объяснение необходимости объединения Германии под властью Пруссии. На первое место поставила великую историческую личность. Государство в их лекциях, статьях выступало как нравственная власть, как центральный фактор истории [11].

В «Германской истории XIX века» Генрих фон Трейчке приписывал успехи национального развития страны прусскому государству, неудачи — влиянию Австрии, католическим принципам, партикуляризму мелких государств, либерально-демократическому движению. В своей «немецкой истории» он предлагал ответы на вопросы о причинах успехов Германии, выявляет такие факторы как национальный дух, природа, личность. Крупный немецкий историк, литературный критик, профессор, автор «История Германии в XIX веке» в 5 томах, политик, убеждал вносить свою лепту в создании немецкого духа.

На протяжении XIX века в немецком обществе сформировались традиции, стереотипы исторического знания и структура, сохранявшая систему этих знаний в виде школ, их выпускников, широкой сетью университетов, профессурой, приравненной по рангу к статским советникам третьего или четвертого ранга.

Примечания

1. Санкт-Петербургские ведомости. 1860. 6 января.
2. Wende E. Grundlagen des preussischen Hochschulrechts. Berlin, 1930.
3. Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 28 января.
4. Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 13 октября.
5. Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 13 февраля.
6. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое общество в Германии, 1890—1933 / Пер. с англ. Е.Канищевой и П.Гольдина. М, 2008.
7. Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 23 марта.
8. Geschichte des XVIII Jahrhunderts... Bd. 1—2. Hdib. 1823. 5 Aufl. Bd. 1—8. Hdib. 1864—1866. Рус. перев. под ред. Н.Г.Чернышевского. Т. 1—8. СПб, 1858—1860; Weltgeschichte für das deutsche Volk. Bd. 1—19. FJM. 1844—1857. Рус. перев. под ред. Н.Г.Чернышевского и В.Зайцева. Т. 1—18. СПб.; М., 1861—1869.
9. Мягков Г.П. Историки России в спорах о Ранке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6.
10. Ранке Л. Об эпохах новой истории // Истории и история. Т. 2. М, 1998.
11. Treitschke H. Zehn Jahre Deutscher Kämpfe 1865—1871. Berlin, 1874. Treitschke H. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. 8. Aufl. Bd. 2. Leipzig, 1917. Bd. 5. Leipzig, 1925; Treitschke H. Zehn Jahre deutscher Kämpfe. Schriften zur Tagespolitik. Berlin, Verlag G. Reimer. 1874. 2. Aufl. 1879. 592 s.; Treitschke H. Der Untergang des ersten Reiches. Berlin,

Die Heimbücherei, 1942. 372 s.; Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm 1. München und Leipzig, 1890.

М.В.Стрелец

г.Брест

Брестский государственный технический университет

ЮРГЕН КУЧИНСКИЙ В ИНТЕРЬЕРЕ РЕАЛИЙ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Юргену Кучинскому суждено было стать германцем пяти эпох. Он родился в кайзеровском рейхе, сформировался как личность в Веймарской Германии; как германский коммунист, советский разведчик вносил вклад в борьбу с национал-социалистическим режимом, будучи в эмиграции; многие годы входил в партийно-государственную номенклатуру ГДР, постоянно был первым номером в корпусе специалистов в области экономической истории в социалистическом германском государстве, завершил свой жизненный путь в объединенной Германии. Перечисленные моменты дают основание для выделения многих срезов в портрете этой неординарной личности. Автор доклада остановится только на тех срезах, которые вписываются в тематику настоящей конференции.

Первый срез — на формирование Юргена Кучинского как специалиста в области экономической истории повлияли не только академические университеты, но и университеты жизни, которые он проходил в Германии, США, Великобритании. Он входил в сегмент журналистского корпуса, всецело сконцентрированный на экономической проблематике, был вовлечен в разнообразные процессы, связанные с профсоюзным движением.

Второй срез — еврей, который в свое время вел борьбу с национал-социалистическим режимом, был в качестве представителя номенклатурного класса причастен к реалиям другой разновидности тоталитаризма, которая обрела плоть и кровь в социалистической ГДР. Конечно, в последней положение евреев кардинально отличалось от времен Третьего рейха. Это ощущал на себе Юрген Кучинский, будучи много лет членом ЦК СЕПГ, имея определенное время мандат депутата Народной палаты, руководя длительный период солидными учреждениями. Вместе с тем отношение руководства СЕПГ к евреям было небеспроблемным. Вспышки антисемитизма в СССР давали о себе знать и в ГДР, о чем свидетельствовал уход в 1950 году Юргена Кучинского с престижного поста председателя Общества Германо-Советской дружбы.

Третий срез — преемственность и обновление в мировоззрении. Базисом его мировоззрения всегда оставался марксизм. Вместе с тем как переведенный в 1968 году на пенсию профессор он мог в 1980-ые годы успешно представляться

в особенности более молодым правительственным критикам как «инакомыслящий и веселый марксист». Исходным пунктом для этого была появившаяся в 1983 году, активно читавшаяся и весьма смелая для тогдашних реалий книга «Диалог с моим правнуком» [1]. Кучинский вынужден был принимать партийное взыскание в связи с этой публикацией. Его публичные доклады были весьма популярны. По причине его «революционной знатности» и почтенного возраста он в конечном итоге обладал в ГДР определенной свободой делать дерзкие высказывания, но, естественно, никак не свободой в реальных действиях. В конце своего жизненного пути он был активен в совете старейшин ПДС, регулярно выступал в качестве колумниста молодежной газеты «Юнге вельт», продолжая линию на отход от фундаменталистского течения в марксизме.

Четвертый срез — оценка сталинизма. Кучинский часто использовал как синоним сталинизма понятие «Эпоха Сталина». Он понимал под ней совокупность духовных и реальных событий во время сталинского господства, имевших как положительное, так и отрицательное воздействие. Он отверг осуждение Сталина и последующее отрицание Сталина как «продолжение сталинизма». Ученый считал, что не нужно следовать таким установкам: больше не упоминать Сталина, после того, как он оказался впавшим в немилость. Кучинский видел две большие услуги Сталина: он осуществил индустриализацию с созданием тяжелой промышленности в крестьянской России. Она была одной из предпосылок победы над германской империей. Кроме того, он обладал доверием советского народа. Почитание его личности и его речей давало моральную и боевую силу народу и солдатам, постулировал Кучинский. Он критически замечал, что Сталин злоупотребил этим доверием тем, что он жестоко осуществлял свою диктатуру. По мнению германского исследователя, Сталин употребил свои несомненные пропагандистские способности, чтобы насадить догмы и подавить настоящую «научную» дискуссию.

Лично Кучинский был «вовлечен» в сталинские «чистки», когда он должен был не только передать Герману Дункеру сообщение о казни его сына, но и должен был убедить его также, по собственному высказыванию, в том, что «советская юстиция не совершила здесь также ошибку». Вследствие исполнения этого поручения Кучинский вынужден был вопреки своей лучшей осведомленности подчеркивать безошибочность политики Сталина.

Пятый срез — историко-экономическая экспертиза, используемая в работе суда, занимавшегося преступлениями национал-социалистической эпохи. В 1964 году Юрген Кучинский выступал в качестве эксперта дополнительного истца Фридриха Карла Кауля, предъявлявшего дополнительный иск, на первом Франкфуртском процессе по делу об Освенциме. В своей исторической экспертизе Кучинский проанализировал «переплетение интересов охранной полиции и экономических интересов при создании и в процессе функционирования концлагеря Освенцим» между «ИГ Фарбениндустри» и СС. Юрген Кучинский указывал, что «ИГ Фарбениндустри», которое с 1941 года соорудило крупнейшее в Европе

предприятие по производству синтетических шин и горючего недалеко от польского города Моновиц, содействовало комендатуре лагеря СС в финансовом отношении и частью стройматериалов при строительстве концентрационного лагеря Буна-Моновиц и получало, в свою очередь, арестантов для сооружения названного предприятия.

Примечания

1. Jürgen Kuczynski: Dialog mit meinem Urenkel. 19 Briefe und ein Tagebuch. Berlin, 1983.

Е.П.Тельменко

г.Ставрополь

Ставропольский государственный университет

МИЛОСТЫНЯ «БЕЗ ЖАДНОСТИ» (к вопросу об отдельных аспектах реформирования Савонаролианской Флоренции)

В конце XV в. Флоренция переживает мощный взрыв религиозного благочестия, связанный с деятельностью доминиканского проповедника Джироламо Савонаролы. Одним из его проявлений стали религиозные шествия, где в порыве набожности жертвовались значительные суммы в адрес бедняков. Представители деловой среды, — как образно выразилась итальянская исследовательница А.Бенвенути, — «ослабили завязки кошелька и души» [1, 169].

Видимо, ни одна религиозная процессия в период духовного лидерства приора монастыря Сан Марко (1494—1498 гг.), не обходилась без пожертвований в адрес бедных. Современники событий оставили нам красочные описания подобных актов. Так, торговец Лука Ландуччи в своем «Дневнике», обращаясь к событиям карнавала 1496 г. [2], преобразованного монахом и его сторонниками в духовное празднество, отмечал проявления значительной щедрости: «казалось, что каждый хотел отдать все, что он имел, и особенно женщины», милостыня «была оценена во многие сотни флоринов» [3, 125]. При этом автора, описывающего подобные мероприятия, восхищала не столько величина собранного подаяния, сколько эмоциональный настрой граждан, являвших собой пример великой любви и милосердия, и дающих «без жадности» все, вплоть до косянок и полотенец [3, 125]. Картину дополняют сведения другого автора — биографа Савонаролы, фра Пачифико Бурламакки, отмечавшего, что пожертвования «каждый год значительно росли и умножались», а их сбору способствовали *elemosinieri* («собирающие милостыню») — специальные представители

«детских отрядов», созданных в городе на Арно под покровительством фра Джироламо. Эти *elemosinieri* в обычные дни и во время карнавалов дежурили у алтарей «с крестом и яркими светильниками» и, обращаясь к прохожим, «брали прекрасный сосуд, поставленный на алтарь, и, поклонившись, с величайшим почтением просили милостыню для бедняков, и каждый подавал, сколько пожелал»; при совершении же процессий они «несли сосуды для сбора милостыни для стыдливых бедняков» [4], а после передавали ее в распоряжение религиозному братству «Добрых мужей Св.Мартина» [5] для распределения среди нуждающихся [6, p. 122—123; 131, 134].

Итак, трезвомыслящие и расчетливые деловые люди Флоренции, прежде склонявшиеся к «упорядоченным и рациональным формам проявления веры», предались религиозной экзальтации, сопровождавшейся к тому же неумеренной щедростью, изумлявшей их самих [7, 46—47]. Стоит предположить, что причиной, повлекшей за собой подобные изменения, является рост доверия к городскому проповеднику, вставшему в критический для города момент на позиции «милленаристского оптимизма» [8]. Действительно, Флоренция, пережившая в ноябре 1494 г. изгнание Пьеро Медичи [9] и нашествие французских войск [10], пребывала в своеобразной точке бифуркации — выбора дальнейшего пути развития, и нуждалась в позитивных идеологических импульсах, которые ей и предоставил доминиканский монах. Так американский историк Дональд Вайнштейн объясняет колоссальный успех проповедника в 1494—1498 гг. тем, что тот решительно обращается к флорентийскому милленаризму, — важным элементом которого была уверенность в избранности города, корни которой исследователь находит в XII в., — «сочетая обещание городской славы с программой духовного и морального обновления» [11, 490—491]. Действительно, в обращениях к пастве 1494—1495 гг. фра Джироламо часто повторяет мысль об избранности Флоренции Богом. Например, в одной из проповедей на пророка Аггея, произнесенной вскоре после антимадичейского переворота, монах использует притчу о добром самаритянине [12], которого он отождествляет с Иисусом Христом, чтобы объяснить, что несчастья, постигшие Италию, не затронули Флоренцию, а изгнание Пьеро Медичи совершилось без кровопролития потому, что город занимает особое положение перед лицом Бога [13, 63—64]. В итоге Савонарола провозглашает Иисуса Христа правителем, царем города на Арно [14], а саму Флоренцию отождествляет с Новым Иерусалимом.

Таким образом, проповедник наделяет горожан оптимистичным прогнозом на будущее, обещает процветание Флоренции. Но при этом настаивает на преобразованиях, выдвигая четыре условия, необходимые для обретения божественной благодати: страх божий, общественное благо, всеобщий мир и реформа [15]. Здесь стоит указать на то, оценка исследователями Савонаролы в качестве реформатора отличается значительными расхождениями: кто представляет Савонаролу трезвым политиком, сумевшим уловить дух времени, требовавшего социальных и политических перемен; кто указывает на то, что фра Джироламо

был, прежде всего, духовным реформатором, а прочие реформы выступали для него лишь как средство для морального преобразования общества [16]. В этом контексте и стоит рассмотреть отдельные аспекты савонаролианского плана преобразования избранного Богом города, которые привели к массовым пожертвованиям «без жадности».

Тема «общего блага», к которой обратился доминиканский проповедник, была не нова для Флоренции, эта проблема нашла свое отражение в трудах флорентийских гуманистов, проявивших большую широту взглядов в ее трактовании: «общее благо» понималось как благо всего общества, а не отдельной социальной группы [17]. Сходные положения мы находим и в проповедях Савонаролы, который, обращаясь к горожанам, призывал: «О Флоренция, старайся сохранить все и заботиться об общем благе больше, чем о частном, а кто будет заботиться об общем благе, чем о частном, того пожалует Господь благами материальными, духовными и вечными. Кто желает жить по чести, а не по кривде, должен любить общее благо больше, чем собственное, как и любовь творений, поднимаясь от них к Богу, любит более свою первопричину, чем себя самого» [18, 222—223]. Как видим, обоснование примата общего блага над частным тесно связывается проповедником с апологией единства: процветание, богатство и слава города должны стать закономерным итогом единства его граждан, поставивших коллективный интерес выше личного.

Естественно, что декларирование принципа общего блага должно было сопровождаться практическими рекомендациями по его достижению. Указывая на неразрывную связь общего блага с частным, проповедник пытается внушить своим прихожанам то, что, следуя принципам общего блага, они приобретут больше, нежели руководствуясь своими личными интересами. «Любовь к самому себе должна быть изгнана, — говорит фра Джироламо, — и тогда каждый будет иметь то, что общее для всех, и ты увидишь, что каждый получит свою часть, и таким образом любой добрый горожанин будет стремиться к любви и общему благу» [19, 274].

Здесь необходимо отметить, что флорентийский проповедник не был сторонником идей всеобщего равенства и общности имущества. Он следовал традиции, сложившейся в среде богословов XIII—XIV вв. и, практически полностью повторял томистскую концепцию, которая возводила частное право к праву народов, и таким образом доказывала ее законность и естественность [20, 157—166]. Джироламо Савонарола указывал на то, что согласно «естественному закону» (*ius naturale*) всякая вещь была общей, однако, затем «появляется *ius gentium* (право народов) и то, что было общим, стало различаться на «мое» и «твое» и это для большего спокойствия людей и для общего блага; и Господь допустил такой порядок, чтобы один обладал большим, а другой меньшим, дабы тот, кто богат, помогал бедному, а бедный терпением заслужил бы Рая» [21, 82].

В том, что касается отношения человека к вещам внешнего мира Савонарола, в соответствии с томистской концепцией выделяет право владения,

а точнее — управления собственностью и право пользования [22]. В проповедях на Иова, испытания которого Господь начал с того, что отнял у него все имущество, Савонарола использует слова этого праведника, касающиеся утраты богатства («Господь дал, Господь и взял») для того, чтобы показать пастве, что единственным владельцем, собственником всех вещей этого мира является Бог, человек же выступает в качестве управляющего. «Если бы ты, человек, — говорит проповедник, — считал себя управляющим в этой жизни и распределяющим имущество, которое ты имеешь, и которое не твое, а дано тебе Богом, чтобы ты распорядился им хорошо, ты бы не досадовал о его утрате и потере» [23, 88—89]. Сущность права пользования состоит в том, что человек потребляет блага как общие и должен делиться этими благами с другими, соответственно их нуждам. Савонарола в этом вопросе также ссылается на авторитет Св.Фомы, который, согласно флорентийскому проповеднику «утверждает, что обладание вещами излишними является благом того, кто ими владеет, но не правом пользования ими, и что, если Бог предоставил это богачу, то он дал это ему, чтобы тот раздал все излишнее беднякам» [24, 152—153]. Таким образом, богатства даны людям с тем, чтобы они оказывали помощь бедным, передавая им все излишнее имущество и пребывая в состоянии умеренного процветания (*prosperita umile*).

Здесь перед Савонаролой встает очень важный вопрос о мере богатства, который он, как впрочем, и Фома, и другие богословы и проповедники, не смог разрешить, ограничившись указанием на то, что мера потребления должна соответствовать природе, естеству. «Посмотри, — говорит проповедник, — природа не желает никакого излишества...и если как-нибудь это проявляется, это не зовется вещью естественной, но чудовищем и вещью чудовищной. Смотри, что природа учит тебя не желать, а напротив, отторгать излишества» [24, 152]. Внешние, чувственно воспринимаемые вещи, безусловно, являются благами для человека, ибо созданы для его тела, которое, в свою очередь, должно служить душе, поэтому мирские блага, по мысли Савонаролы, являются не столько «основополагающими», сколько «уместными» [25, 86]. Призыв монаха обладать таким количеством имущества, которое не превышает естественной необходимости, в одной из его проповедей на пророка Аггея иллюстрируется на примере заболевшего человека, который принимает столько лекарства, сколько ему требуется, и не более. Савонарола укоряет тех людей, которые поступают противным образом: «но вы ищете своей смерти и своего вреда и все делаете против здоровья души своей» [26, 336].

Собственность, соответствующая общему благу, представляется монахом как раз, как собственность, необходимая для удовлетворения потребностей. Обладание излишними благами, без стремления к их распределению среди нуждающихся, граничит с кражей [27], о чем, как указывает Савонарола, говорит большинство церковных авторитетов, таких как Св.Августин, Св.Иероним, Св.Василий [28, 152]. Таким образом, одним из условий следования общему

благу является благотворительная практика как форма проявления любви к Богу и ближнему и способ избежания обществом потопа испытаний, которые могут быть посланы Богом Флоренции. Следует отметить, что в своих проповедях фра Джироламо жизнь созерцательную ставит превыше жизни деятельной [29]. Однако флорентийский монах помещает в свой мистический корабль спасения, который он закончил возводить вместе с прихожанами в проповеди от 17 ноября 1494 г., людей, как созерцательной, так и активной жизни. Если первые имеют возвышенный разум и в силах познать вечный закон, то вторые преуспевают в делах милосердия, им, по мнению проповедника, для спасения достаточно обладать двумя вещами: любить Бога и ближнего и творить дела милосердия [30, 94]. Проявление милосердия является актом свободной воли, но в некоторых случаях становится законом, — говорит Савонарола, опираясь на авторитет Св.Августина. Человек не может не оказать благодеяния в двух случаях: если он обладает излишним, и если видит, что ближний терпит крайнюю нужду и умирает от голода, иначе он совершает грех [31, 151].

Соответственно, представляется небезынтесным вопрос, касающийся эмоциональной окраски благотворительности, которая трактуется проповедником как акт радости. Так, взяв за основу нескольких своих проповедей Псалом 111 (*Beatus vir*), Савонарола, чтобы осветить означенную выше связь, обращается к стиху пятому, — “*Bonus est homo, qui miseretur et commodat*” («Добрый человек милует и займы дает»), — и приводит несколько переводов этого стиха: так Св.Иероним перевел его как «*bonus homo*», то есть «добрый человек»; Св.Августин — “*suavis homo*”, то есть «приятный человек»; общепринятый перевод — “*iocundus homo*” — то есть «радостный человек». «Итак, — говорит проповедник, — подумаем немного над всеми этими тремя словами, то есть *bonus, suavis, iocundus*, что все они проистекают от этого милосердия и того, кто является человеком милосердным» [32, 158]. Что касается последнего толкования, а именно того, что милосердный человек является радостным, Савонарола выделяет три источника этого ощущения. Во-первых, милостыня, поданная охотно и из любви к Богу и ближнему, доставляет огромное наслаждение и радость. В доказательство фра Джироламо приводит следующее рассуждение: «Когда некто передает свое (добро) другим с охотой, это значит, что он любит то, что он дал другому, или, что он любит того, кому предоставил дар; и поскольку любовь есть вещь, объединяющая и переносящая любящего в любимое, поэтому это состояние щедрого подателя есть вещь, доставляющая наслаждение» [32, 160]. Вторым источником радостного ощущения является то, что человек милосердный имеет доброе имя и добрую славу в народе, и потому обладает высшей степенью совершенства (*eccelenza*) среди людей, а, — согласно проповеднику, — «так как высшая степень совершенства является вещью, доставляющей удовольствие, то в результате, этот человек становится радостным и счастливым» [32, 161]. «В-третьих, — говорит фра Джироламо, — человек становится радостным через познание, а когда он отдает свое добро

посредством милостыни, в нем зарождается познание жизни иной, следовательно, это делает человека радостным и счастливым» [32, 161].

Здесь стоит отметить, что, обращаясь с соответствующими нравочужениями к своей пастве, Савонарола рисует в проповедях идеальные образы «добрého богача» и «добрého бедняка». В том, что касается «добрého богача», то он, как уже было сказано, должен ощущать себя по отношению к тем вещам, которыми обладает, не собственником, но управляющим Господа; ему не следует стремиться к излишества, любя Бога, а не пустые вещи; кроме того, истинный христианин должен любить своих ближних и творить дела милосердия, делясь тем, что превышает его необходимость. «Добрый бедняк», — по мысли фра Джироламо, — испытывая мучения, не должен роптать на других, ему следует понимать, что страдания являются следствием его грехов; этот человек должен поручить себя Богу и молиться за тех, кто оказал ему помощь в нужде. Кроме того, Савонарола поучает бедных прихожан не принимать милостыню, если они не ощущают большой нужды или «в силах испытать другой путь», то есть работать; флорентийский проповедник также указывает на то, что не следует брать милостыню больше необходимого, в противном случае излишек следует вернуть [33, 141—142].

Как видим, Савонарола скорее архаичен в своих обращениях к горожанам: как и его предшественники, проповедующие в городах, монах шел по пути адаптации реальности христианскому учению — отрицая жажду приобретательства, наживу как самоцель, он не являлся и апологетом бедности, оправдывая богатство в его умеренных проявлениях с обязательным обращением к благотворительности [34]. На практике, он призывал вносить пожертвования в компанию Св.Мартина, которая затем распределит их среди «стыдливых» бедняков; кроме того, практически любая религиозная процессия, по мысли проповедника, должна была сопровождаться жертвованиями в адрес бедных [35]. Таким образом, под влиянием авторитета монаха, забота об общем благе вылилась в описанные выше бесконечные процессии и проповеди, отвлекавшие горожан от непосредственной производительной деятельности и, в итоге, приводила к рассеиванию накопленных средств на подачки так называемым «стыдливым» беднякам.

Итак, предпринимательские слои Флоренции получили в проповедях брата лишь обычную интерпретацию их деятельности как этически дозволенной и сомнительной в плане спасения души в случае отказа от распределения части имущества среди бедняков. Соответственно, практика участия в раздачах милостыни, будучи следствием религиозного порыва, реализовывала потребность состоятельных и предприимчивых горожан в катарсисе, духовном очищении, между тем не снимала социально-экономических проблем.

А о том, что город испытывал подобного рода проблемы, и флорентийцы осуществляли поиск путей их разрешения, свидетельствуют сочинения его жителей. Так, в трактате савонаролианца Д.Чеки, относящемся к 1496 г., отмечается негативная тенденция, ведущая к закрытию боттег и, соответственно,

к сокращению рабочих мест в городе. Чекки указывал, что средства, имеющиеся у горожан, не вкладываются активно в производство и торговлю, а имеют тенденцию превращаться в сокровище. «У нас ведь достаточно таких, которые имеют много денег, но они больше не рискуют покупать и производить блага, потому что боятся налогов и предпочитают скорее запереть деньги на ключ» [36, 191]. С точки зрения этого флорентийского горожанина только активная предпринимательская деятельность, когда «деньги оборачиваются по сему городу шесть раз в день», может способствовать укреплению общего блага, ибо таким образом возникнут новые рабочие места и бедняки смогут прокормиться. «Если каждый богатый откроет 2—3 боттеги или лавки и будет много торговать и накапливать ежегодно, тогда и неимущий будет призван богатым для работы, и про доброго торговца скажут бедные: «Он делает хорошо для народа и коммуны, и если я соединюсь с ним, я тоже заработаю» [36, 204]. Позиции этого флорентийского горожанина очевидны: позитивная оценка стремления к накоплению и приумножению средств; толкование социальной благотворительности как организации большего количества новых рабочих мест. Представляется, что подобного импульса жители Флоренции не получили от своего духовного лидера.

Разумеется, было бы неверным утверждать, что в своих проповедях фра Джироламо не говорил о необходимости открыть боттеги и дать работу бедным. Однако в этих рассуждениях чувствуется не столько призыв к напряженной трудовой деятельности, сколько стремление оправдать собственные действия, направленные на поощрение различного рода раздач. «Подойди сюда, — обращается к прихожанам Савонарола, — ты, кто говорит, что я не желаю, чтобы работали, и что я смущаю народ..., ты плохо слушал: я проповедаю это открыто и приватно, побуждая многих к работе..., если бы я не делал этого, многие не работали бы так, как трудятся в это тяжелое время, поскольку видят, что всякая вещь находится в неопределенном положении» [37, 38—39]. Данное высказывание, в совокупности с обозначенными ранее фактами, свидетельствует скорее о культивировании практики социального иждивенчества среди низших слоев города, нежели о поиске духовных стимулов к активному использованию своих трудовых навыков. Насколько можно судить по проповедям и практической деятельности доминиканского монаха, он не смог выйти за рамки традиций современного ему богословского мышления и сформулировать новые религиозно-этические принципы для торгово-предпринимательской прослойки флорентийцев, которые отвечали бы их безудержной страсти к активной деятельности, подразумевающей, в том числе накопление богатства.

В заключении хотелось бы обозначить следующую проблему, которая все еще ждет своего разрешения. Разумеется, можно связать архаичность и традиционность Савонаролы в решении социально-экономических проблем нацеленностью доминиканского проповедника преимущественно на духовные реформы, однако, как объяснить тот факт, что ему не удалось (или было не предназначено?)

сделать то, что совершили реформаторы XVI в., предоставившие мощный духовный импульс пуританской деловой активности?

Примечания

1. Benvenuti A. I Bruchi di Frate Gerolamo: l'eversivo anacronismo del Savonarola // Savonarola e la politica. Firenze, 1997.

2. 1495 г. по флорентийскому стилю, датой начала года во Флоренции считалось 25 марта («от воплощения», Благовещение).

3. Landucci L. Diario fiorentino dal 1450 al 1516. Firenze, 1883.

4. Не исключено, что присутствие на улицах и шествиях в качестве просящих «невинных» детей должно было вызвать эффект умиления у взрослых и способствовать проявлению еще большей щедрости.

5. О религиозных братствах во Флоренции см.: Weissman R. Ritual Brotherhood in Renaissance Florence. New York, 1982; Брагина Л.М. Деятельность гуманистов в религиозных братствах Флоренции XV в. // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 50—59.

6. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze, 1937.

7. Краснова И.А. Влияние культуры Возрождения на духовную жизнь флорентийцев // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997.

8. Cordero F. Savonarola. Voce calamitosa. 1452—1494. Roma — Bari, 1986. Vol. 1. P. 17—45; Cordero F. Savonarola. Profeta delle meraviglie. 1494—1495. Roma — Bari, 1987. Vol. 2. P. 45.

9. 9 ноября 1494 г. во Флоренции совершается антимедицейский переворот.

10. Начало Итальянских войн (1494—1559 гг.) было положено вторжением возглавляемых Карлом VIII французских войск на территорию Италии летом 1494 г., с 17 по 28 ноября 1494 г. французы пребывают во Флоренции.

11. Weinstein D. Hagiography, Demonology, Biography: Savonarola Studies Today // The Journal of Modern History. Vol. 63. Num. 3. 1991.

12. Лук. 10: 30—35.

13. Predica IV // Savonarola, G. Prediche sopra Aggeo. Roma, 1965.

14. Призыв к горожанам взять Иисуса Христа в качестве короля Флоренции может быть, по мнению Д. Вайнштейна точно датирован: он прозвучал впервые в проповеди от 28 декабря 1494 г. См.: Weinstein D. Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970. P. 294.

15. Predica XVII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo. Roma, 1965. P. 297; Predica XIX // Savonarola, G. Op. cit. P. 343—344; Predica XX // Savonarola, G. Op. cit. P. 359-360.

16. Крайняя точка зрения — Осокин Н. Савонарола и Флоренция. Казань, 1865. Как трезвый политик у Вайнштейна Д. и Виллари П. См.: Weinstein D. Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970. P. 252—253; Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М., 1995. Т. 1. С. 232. Мнение о том, что политическая реформа проводилась ради духовных преобразований можно встретить у следующих авторов: Хорст Х. Савонарола. Еретик из Сан-Марко. М., 1982. С. 99; Mounin G. Savonarole. Paris, 1960. P. 156; Loubet C. Savonarole, prophète assassiné? Paris, 1967. P. 179; Riche M-L. Le drame de Savonarole. Paris, 1960. P. 75—76; Vasoli C. Profezie e profeti

nella vita religiosa e politica fiorentina in *Magia, astrologia e religione nel Rinascimento*. Varsavia, 1974. P. 168—169.

17. Так Маттео Пальмиери в своем произведении «Гражданская жизнь», написанном в конце тридцатых годов XV века, утверждая основные принципы общественного блага, указывал: «Каждый должен быть готов переносить трудности и подвергать себя опасности, если знает, что из этого воспоследует общее благо и польза для государства». См.: Брагина Л.М. Самосознание флорентийцев по сочинениям гуманистов XV века // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей*. М., 2000. Т. 3. С. 303.

18. Predica XIII // Savonarola G. *Prediche sopra Aggeo*. Roma, 1965.

19. Predica XV // Savonarola G. *Op. cit.*

20. Кудрявцев О.Ф. Схоласты о собственности // *Средние века*. Вып. 53.

21. Predica V // Savonarola G. *Op. cit.*

22. Об отношении Фомы Аквинского к собственности см.: Кичанова И.М. *Философия Фомы Аквинского // Вопросы философии*. 1958. № 3.

23. Predica V // Savonarola G. *Prediche sopra Giobbe*. Roma, 1957. Vol. I.

24. Predica IX // Savonarola G. *Prediche sopra Aggeo*. Roma, 1965.

25. Predica V // Savonarola G. *Prediche sopra Giobbe*. Roma, 1957. Vol. I.

26. Predica XIX // Savonarola G. *Prediche sopra Aggeo*. Roma, 1965.

27. Как кража расценивается Савонаролой и излишнее богатство, приобретенное ростовщичеством. «О, купцы, — взывает проповедник, — оставьте ваше ростовщичество, возместите вред и возвратите имущество других, иначе вы потеряете всю собственность». См.: Predica I // Savonarola G. *Op. cit.* P. 20.

28. Predica IX // Savonarola G. *Op. cit.*

29. Здесь Савонарола разделял средневековое понимание соотношения труда и отдыха: отдых, покой (*otium*) подразумевал, прежде всего, монашеский досуг, позволяющий погрузиться в молитвенную созерцательность, когда человеческая активность уступает место божественной; повседневный же труд (*negotium*) понимался, как божественное наказание за первородный грех и был связан с различными тревогами.

30. Predica VI // Savonarola G. *Prediche sopra Aggeo*. Roma, 1965.

31. Predica IX // Savonarola G. *Op. cit.*

32. Predica X // Savonarola G. *Op. cit.*

33. Predica VIII // Savonarola G. *Op. cit.*

34. Достаточно обратиться к анализу проповедей францисканца Бернардино да Сьена (1380—1444), который в своих обращениях к флорентийским горожанам высказывал сходные мысли, направленные на оправдание богатства и обоснование необходимости благотворительной практики. См.: Predica XL. *Qui tratta elemosina, e a chi si de' dare la limosina // San Bernardino. Le prediche volgari*. A cura di Luciano Banchi. Siena, 1880—1888. Vol. 3. P. 284—318; Predica XLI. *Similmente della elemosina e della utilita e frutto che ne seguita a chi la fa // Ibid.* P. 318—350.

35. Подобные пожелания Савонарола неоднократно высказывал в своих проповедях. См.: Predica I // Savonarola G. *Prediche sopra Aggeo*. Roma, 1965. P. 20; Predica VII // Savonarola G. *Op. cit.* P. 121—122; Predica X // Savonarola G. *Op. cit.* P. 168.

36. Cecci D. *Riforma sancta et pretiosa // Mazzone U. «El buon governo»*. Un progetto di riforme generale nella Firenze savonaroliana. Firenze, 1978.

37. Predica XIX // Savonarola G. *Prediche sopra Amos e Zaccaria*. Roma, 1971. Vol. 2.

ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О КОНСЕРВАТИВНЫХ ОСНОВАХ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ О.ШПЕНГЛЕРА

Философия истории Освальда Шпенглера (1880—1936) является во многом ключевой для понимания метафизической и идейной сущности немецкого консерватизма и особенно «революционного консерватизма» периода Веймарской республики в Германии 1918—1933 гг. В частности, появление в творчестве Шпенглера после 1918 г. идейных мотивов «консервативной революции», что в итоге позволило ему стать одним из ведущих ее идеологов, не было случайным. Уже в первом томе «Заката Европы» (1918), написанном в годы Первой мировой войны, он, с позиции немецкого консерватора выстраивает глобальную философско-историческую концепцию развития человечества. В основе этой концепции находилась одна из центральных идей немецкой гуманитарной мысли — идея борьбы цивилизации и культуры. Шпенглер, следуя немецкой традиции консервативной критики цивилизации, утверждал, что переход к цивилизации в политическом отношении есть переход от сословного порядка к современному массовому обществу, парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия стала признаком распада сословного порядка, сторонником которого являлся Шпенглер.

Шпенглер как консерватор выступал за сохранение традиций, но его консерватизм был иного рода, чем традиционный немецкий консерватизм кайзеровской эпохи. Он понимал, что старые традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены, и связь поколений нарушена. Традиции уступили место индивидуализму классов, слоев, индивидуумов. Как и консерваторы XIX века, Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. Шпенглер являлся последователем Ницше, провозгласившим, что «Бог умер». Шпенглер отрицал влияние церкви на процесс формирования государственной политики. По его мнению, государство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой-либо божественной санкции.

Немецкие исследователи неоднократно отмечали консервативный характер философии истории Шпенглера и ее тесную связь с его философией политики. Х.Меллер писал по этому поводу: «Политические сочинения Шпенглера воспринимаются как выражение главных политических и духовных проблем послевоенного времени и, одновременно, как актуальные парафразы его необычно сенсационного и волнующего главного труда» [1, 51].

Д.Фелькен подчеркивал, что вопрос о принципах философии Шпенглера, ее методологических и мировоззренческих основах является основным для анализа и оценки места его философии истории в русле философской традиции и духовной ситуации времени. Подобные анализ и оценка возможны только в контексте современной Шпенглеру идеологии [2, 49]. Сам Шпенглер недвусмысленно указывал на то, что замысел «Заката Европы» возник из очерка о марокканском кризисе 1911 г. написанного им как отклик на текущие политические события [3, 183]. Основываясь на обширном корпусе источников, в том числе и неопубликованных архивных материалах, Фелькен показал взаимозависимость и взаимообусловленность философско-исторических и политических взглядов Шпенглера.

Первый немецкий послевоенный биограф Шпенглера Антон Мирко Коктанек, рассматривая предпосылки возникновения «Пруссачества и социализма», приходит к выводу, что политические работы Шпенглера не являлись ответом на конкретную проблему, хотя без этого и не обходилось. Они прежде всего были окончательным приданием формы его взглядов на историю и человека. Текущие политические события способствовали кристаллизации и совершенствованию изначально разработанной схемы [4, 232].

Карин Экерманн в своей основательной диссертации о Шпенглере и влиянии его взглядов на развитие гуманитарной и политической мысли XX столетия писала, что «в концепции Шпенглера власть возникает как противоположность культуре, а политика становится высшим проявлением виталистского напора в самоутверждении властной экспансии» [5, 40]. Экерманн делала вывод о том, что в учении Шпенглера особенности государственного строя определялись особенностями народа или культуры. В соответствии с этим подходом Шпенглер понимал государство как органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась воли общей. Согласно Экерманн, Шпенглер, основываясь на концепции аристократического и иерархического понимания государства и власти, критиковал демократию и парламентаризм. Он описывал историю возникновения и развития принципов демократии как возрастающий протест третьего сословия.

По мнению Дж.Фарренкопфа, «Закат Европы» следует рассматривать не только как новаторскую книгу по философии истории, но и как труд призванный дать немецкой элите рекомендацию по искусству управления государством [6, 45—46]. «Философия мировой истории Шпенглера изначально была черновиком для того, чтобы подготовить инновационные формы немецкой «Realpolitik» утверждает он [6, 72]. Шпенглер, согласно Фарренкопфу, попытался соединить три великие немецкие интеллектуальные традиции: философию истории, культурпессимизм, «Realpolitik».

Касаясь взаимосвязи философии истории Шпенглера с его политическими воззрениями Р. фон Буше считал, что в своем учении о неизбежности упадка культур Шпенглер не желал реставрации политических институтов прошлого.

«Он стремился к возможности возвращения к аполитичному бытию» [7, 128]. Говоря о значении Шпенглера для развития идеологии консерватизма в Веймарской республике, Буше пишет, что Шпенглеру «Закатом Европы» удалось поставить вопрос о новой легитимации аполитичной позиции, а концепция «прусского социализма» стала политическим следствием его философии истории [7, 130—131].

То, что Шпенглер высказывал в своих политических сочинениях, было, по мнению С.Османцевича, прямым следствием его философии истории, способом актуализации текущих политических событий. В частности, концепцию «прусского социализма» Османцевич трактует не как системную политико-идеологическую теорию, а как попытку Шпенглера выразить образ немецкого национального характера [8]. По Османцевичу, любое рассмотрение философско-исторических и политических взглядов Шпенглера должно исходить из тезиса о том, что он был прежде всего великим немецким националистом.

Таким образом, рассматривая роль Шпенглера как идеолога «консервативной революции», нельзя не согласиться с выводом Буше о том, что интеллектуальный вклад Шпенглера в придание германскому консерватизму новой идейно-ценностной легитимации трудно переоценить. Не последнюю роль в этом вкладе сыграла консервативная философия истории Шпенглера.

Примечания

1. Möller H. Oswald Spengler — Geschichte im Dienste der Zeitkritik // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980.
2. Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность // Пер. с нем. М., 1993.
4. Kocktanek A.M. Oswald Spengler in seiner Zeit. München, 1968.
5. Eckermann K.E. Oswald Spengler und moderne Kulturkritik. Bonn: Univ., Diss., 1980.
6. Farrenkopf J. Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A.Demandt, J.Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien, 1994.
7. Bussche R. von dem. Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg, 1998.
8. Osmancevic S. Oswald Spengler und das Ende der Geschichte. Wien, 2007.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА ИТАЛИИ XIII—XIV вв.

Ряд проблем, касающихся социума итальянских городов XIII—XIV вв. отличается большой сложностью, на что постоянно обращали внимание специалисты, занимавшиеся их изучением [1, 199]. Такие исследователи первой половины XX в., как Н.Оттокар [2, 90] и Д.Пампалони [3, СХХVI], склонны утверждать, что имел место симбиоз между «народом» (ит. — *popolo* — народ — горожане) и бывшими выходцами из старой феодальной знати. Выдающийся же итальянский исследователь рубежа XIX—XX вв. Газтано Сальвемини, имел на этот счет иную точку зрения, утверждая наличие в обществе Флоренции, историей которой он занимался, острой борьбы между грандами и пополами [4]. Сходную позицию по этому вопросу занимает и Франко Каталано [5, 228—229] — крупный историк второй половины XX в.

Сложным является не только вопрос о социальной борьбе между грандами и пополами, но даже и о смысловом содержании этих понятий. Например, мнение известного автора второй половины XX в. А.Тененти, убежденного в том, что в городской среде Италии рассматриваемого периода преобладал «симбиоз между буржуазным и феодальным сословиями», нашло отклик у многих других историков, заявлявших о «сцеплении торговой буржуазии с феодальной знатью», «интеграции между двумя этими группами, которая в Италии была сильнее, чем где бы то ни было» [6, 117—18] и т.п. Эти исследователи склонялись к тому, что итальянское городское общество XIII—XIV вв. вряд ли можно считать сословным в обычном понимании этого слова. Об этом же говорят такие небезызвестные зарубежные историки как Р.Мандру [7] и Г.Брукер [8]. Английский исследователь Джон Ларнер и вовсе, затрудняется дать определение терминам «нобили» и «нобилитет», применительно к итальянским городам XIII—XIV вв. [9, 83].

Так или иначе, но, несмотря на то, что упоминания о трехчастной схеме общества (делящей его на сословия «молящихся», «воюющих» и «работающих») содержатся в итальянских письменных источниках рассматриваемого периода, следует признать, что со второй половины XII в. и в течение всего XIII в. она уступает место более сложной и гибкой социальной стратификации, отразившей изменения, произошедшие в социуме городов Апеннинского полуострова. Постепенно формируется общество категорий, определяемых по социально-профессиональному положению [10. 136]. Число их могло варьироваться по усмотрению автора того или иного документа, затрагивающего социологическую

тематику, но сохранялись определенные константы — в частности, смешение классификаций, основанных на клерикальных, семейных и других социальных критериях. Итальянский мыслитель, писатель и политический деятель XV—XVI вв. Никколо Макиавелли (1469—1527) характеризовал социальную структуру своего родного города следующим образом: «...во Флоренции раздоры возникали сперва среди нобилей, затем между нобилиями и пополанами и, наконец, между пополанами и плебсом. И вдобавок очень часто случалось, что даже среди победивших происходил раскол» [11]. Неоднократно одни и те же фамилии переходили из одного сословия в другое. Происхождение уже не могло служить критерием принадлежности к тому или иному сословию.

Таким образом, в социальном развитии городов Италии XII—XIV вв. мы можем заметить две тенденции. С одной стороны, в этот временной промежуток наблюдается увеличение числа социальных категорий. С другой — стирание границ между ними. Связано вышеизложенное, прежде всего, с социальным и экономическим развитием итальянских городов рассмотренного периода, а также с коммунальной борьбой, которую эти города вели против представителей сословия «воюющих». Однако, в XIII-XIV вв. границы между сословиями не исчезают полностью, о чем говорится в ряде письменных источников, затрагивающих социологическую тематику.

Примечания

1. Краснова И.А. Рыцарские ритуалы как формы социально-политической репрезентации горожан Флоренции // *Средневековый город*. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 2009. Выпуск 20.
2. Ottokar N. *Comune di Firenze alla fine del Dugento*. Torino, 1962.
3. Pampaloni D. *Tornaquinci, poi Tornabuoni fino ai primi de Cinquecento* // *Archivio storico italiano*. 1963.
4. Salvemini G. *Magnati e popolani*. Roma, 1973.
5. Catalano F. *Stato e societa nei swcoli*. Pagine di critica storica. Messina-Firenze, 1968. Vol. I.
6. Romano R. *Tenenti A. Il Rinascimento e la Riforma (1378—1598)*. Torino, 1972.
7. Mandrou R. *Introduction a la France moderne (1500—1640)*. Paris, 1961.
8. Brucker G.A. *Florentine politics and society. 1343—1378*. Princeton, 1962.
9. Lerner J. *Italy at the Age of Dante and Petrarch, 1216—1380*. London-N.Y., Longman. 1983.
10. Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. М., «Прогресс-Академия», 1992.
11. Макиавелли Н. *История Флоренции*. Предисловие // URL: <http://sunduk-ist.narod.ru/source/makiaveli/index.html>

ЯЗЫК ПАНГЕРМАНИЗМА КАК КРИТЕРИЙ ФОЛЬКШИСТСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СЕМАНТИКА ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО»

Язык национал-социализма как способ национально-политической и культурной идентификации немцев, по образному выражению В. Клемперера, «въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно» [1, 44]. Анализируя язык третьей империи (LTI — *“Lingua Tertiilperii”*), он отмечает его мощное воздействие на простых немцев, отводя ему роль сильнейшего орудия нацистской пропаганды. Так, если долго использовать слово «фанатически», вместо того, чтобы сказать «героически» или «доблестно», человек, в конечном счете, уверует, что фанатик — это просто доблестный герой, и что без фанатизма героем стать нельзя» [1, 45]. Сложно спорить с подобным утверждением профессора романской филологии, ставшего очевидцем и жертвой нацизма. Можно лишь добавить, что язык национал-социализма стал формироваться задолго до «захвата власти» самими нацистами.

Важную роль в развитии фолькшистского языка, под которым понимается язык многочисленных письменных источников, сыграло националистическое движение пангерманизма в эпоху правления кайзера Вильгельма II, в центре которого находился Пангерманский союз (1891—1939 гг.) [2]. Его возникновение и последующее развитие пришлось на время активной колониальной политики Германской империи за «место под солнцем», следствием которой стала мировая война, а также на период Веймарской республики и первую половину эпохи национал-социализма.

Период с конца XIX по первую четверть XX вв., следуя терминологии Р. Козеллека, основателя целого историографического направления «истории понятий», можно назвать «переломным временем». На «переломное время», по мнению Р. Козеллека, приходится то, что «старые понятия» полностью или частично утрачивают свое прежнее значение и, в зависимости от обстоятельств, приобретают иной смысл. «Переломное время» характеризуется напряжением между «сферой опыта» (*“Erfahrungsbereich”*) и «горизонтом ожиданий» (*“Erwartungshorizont”*), иными словами, между смыслом, который вкладывался в понятия прежде и новыми значениями, которые будут им придаваться или уже начинают придаваться под воздействием внешних факторов (войн, революций,

реформ). И хотя сам Р. Козеллек ограничивал «переломное время» периодом с 1750—1850 гг., насыщенная политическими событиями история Германии на рубеже XIX—XX вв. позволяет несколько раздвинуть эти рамки. Аргументом в пользу этого суждения может служить развитие немецкого национализма, на фоне которого прежние понятия приобрели новый смысл. К ним относятся понятия «нация», «раса», «народ», «общество» и др.

Исследование коммуникативного пространства национальных движений в эпоху «вильгельминизма» У.Пушнер позволяют оценить их влияние на развитие политического языка в Германии.

В качестве одной из целей Пангерманского союза сразу же после его основания в 1891 г. стало «оживление отечественного сознания на родине и борьба за национальное развитие по всем направлениям» [3]. Сознание, индивидуальное или массовое, неотделимо от языка как способа самовыражения, как фактора самоидентификации. Поэтому перспективной целью пангерманцев становится изменение политического языка. Началом стало оформление языкового, коммуникативного пространства пангерманизма, что соответствовало двум намерениям: во-первых, политической идентификации Союза, во-вторых, оформлению границ того, за что предстояло бороться пангерманцам. Речь шла о дихотомии «немецкого» и «не немецкого». Предметным полем для подобной идентификации «немецкого» могла стать культура, которая в виду неустойчивости государственного развития и скудных традиций единой германской государственности, оставалась относительно устойчивой, связанной не абстрактным «политическим», а стабильным «материальным», т.е. языком. Но, так как за долгие годы истории Европы было достаточно сложно проследить степень и уровень взаимовлияния немецкой культуры на общеевропейскую и наоборот (речь в данном случае идет о сложных процессах культурной ассимиляции и целостном восприятии общеевропейской культуры), то сферой деятельности для пангерманцев становится язык творца и носителя культуры, который и является критерием ее идентификации.

Поскольку творцом и носителем культуры является немецкий народ, то первоочередные намерения пангерманцев аккумулируются в семантическом поле понятия «народ». И если объединение государства по национальному принципу в Германии произошло позже, чем в других европейских странах, в эпоху Бисмарка (1871 г.), а процесс «конструирования» нации [4], по мнению Р.Херинга, растянулся на последующие десятилетия, то предпочтительней для пангерманцев в деле идентификации всего «немецкого» оказалось понятие «народ»: народ как критерий культурной идентификации. Вместе с тем, понятие «народ» можно было не рассматривать шире, чем понятие «государство», что вполне соответствовало колониальным и экспансионистским целям Союза в Европе и за ее пределами. Понятие «государство» ставилось в прямую зависимость от понятия «народ».

Таким образом, в понятии «народ» (*“Das Volk”*) и многочисленных производных от него, употребляющихся с прилагательным «народный» (*“völkisch”*), с одной стороны, начинает объединяться все немецкое — культура, язык, дух, с другой, такие понятия, как «государство», «нация», «армия», «флот», «колонии», «кровь» и «железо». Более того, фольшкистская идея в дальнейшем подверглась заметной трансформации: если прежде она ассоциировалась с идеей империи вокруг «трона и алтаря», то с ее крахом произошла утрата прежней системы ценностей и ориентиров самоидентификации немцев. Намерение возродить национальную идею в 1920-е гг. было связано с коллективным национализмом. Если в первом случае источником фольшкистской идеи являлась сама империя в лице наиболее ярких ее представителей, то с ее распадом речь начинает идти о «коллективном национализме», что в терминологии американского профессора европейской истории Чарльза А. Капхена означает национализм, инициированный самим обществом через его многочисленные организации и институты [5].

Трансформация народной идеи в национальную представляет отдельный предмет исследования. Уже в работах германиста и исследователя словесности Германа фон Пфистер-Швайгхузена (1836—1916) в качестве синонима прилагательному «народный» (*“völkisch”*) предлагается «национальный» (*“national”*). К такому выводу он пришел на основании изучения средневекового немецкого слова *“diēt”*, у которого в эпоху Гогенштауфенов было несколько значений: «народ», «люди». Речь шла о тех, кто проживал на относительно целостной территории, имея с ней культурно-историческую связь [6, 28]. Аналогичные суждения о слиянии «народного» с «национальным» развивали немецкие лингвисты и филологи Г. Ригель (1834—1900), Г. Дунгер (1843—1912), О. Зарацин (1841—1921), основавшие в 1885 г. в Дрездене «Всегерманский языковой союз» (*“Allgemeiner Deutscher Sprachverein”* / ADSV). Творческие изыскания в сфере изучения немецкого языка членами Союза (ADSV) десятилетием спустя были приняты пангерманцами.

Слияние понятий «народа» и «нации» у пангерманцев продиктовано, как представляется, следующим соображением: необходимостью самоидентификации населения Германии. Если понятие «народ» более всего позволяет проследить естественную культурно-историческую линию идентификации немцев, то понятие «нация» вызывает к искусственной, политической. Принимая во внимание «коллективный национализм», синтез «народа» с «нацией» имел своей целью обеспечение поступательного развития немецкого общества «снизу», а не через принятие политических решений «сверху». Иными словами, в виду нерешительности правительства, отсутствии сильного политического лидера а la Бисмарк, нарастающей критике правительства и отставании Германии в деле захвата колоний («завоевании места под солнцем») от Великобритании или Франции в 1880—90-е гг. XIX в., лидеры националистических движений стремились перехватить правительственную инициативу и приобрести возможность

влиять на принятие политических решений. «Нация» в отличие от понятия «народ» (под народом в данном случае понимаются все, имеющие прямое отношение к немецкой культуре и говорящие на немецком языке, не обязательно проживающие в пределах Германии), давала возможность не только очертить обозримый круг индивидуумов в пределах границ государства, но и круг проблем в наиболее понятной дихотомии «свой — чужой», которые предстояло решить, чтобы обеспечить ей поступательное развитие. В этом случае можно согласиться с мнением Д.Лангевитше, что «нация есть воображаемое сообщество, национальная история — ее артефакт» [7, 597]. Подобную точку зрения приводит Б.Андерсон в исследовании «Воображаемые сообщества»: «нация и национальное государство отнюдь не вечные ценности, напротив, они предстают как культурный (в д.с. искусственный — *авт.*) продукт, созданный людьми» [8, 14].

Понятие «нация» как политическая конструкция, сформированная как способ завоевания власти, у пангерманцев, как было отмечено выше, тесно связано с понятием «народ» как объект «народной» власти или власти народа. Культура выступает как фактор идентификации «народа», а структурность ему придает понятие «общества» (*“Gemeinschaft”*).

В трудах немецкого социолога Ф. Тенниса дается методологическое обоснование немецкому понятию *“Gemeinschaft”*, противопоставленному *“Gesellschaft”*. И то, и другое представляют идеальные конструкции и переводятся как «общество». Разница лишь в форме и механизмах структурированности. В первом случае речь идет о естественном, историческом объединении, о совокупности людей, совместно проживающих на определенной территории, характеризующейся как минимум тремя признаками:

- 1) наличием социальной структуры;
- 2) существованием среди ее членов чувства взаимной принадлежности или особого «духа»;
- 3) наличием одной географической территории: в этом случае общество рассматривается как самодостаточная форма взаимодействия людей, основанная на кровном родстве или других родственных чувствах.

Идея, дух, чувство рассматриваются как критерии, на основании которых структурируется общество (*“Gemeinschaft”*), в отличие от общества, в котором в качестве такового выступает закон, исходящий от государства (*“Gesellschaft”*).

В историческом лексиконе социально-политического языка в Германии «Основные исторические понятия», который выходит с 1975 г. и отражает результаты научных исследований специалистов по «истории понятий» (*“Begriffsgeschichte”*), «общество» (*“Gemeinschaft”*) рассматривается как «основополагающее социально-идеологическое понятие национально-консервативного и фольклористского движения» эпохи вильгельминизма [9, 859]. Само понятие появилось как следствие процесса индустриальной трансформации Германии и рассматривалось как таковое в работах Теодора Гайгера и Фердинанда Тенниса.

По мнению У.Пушнера, идеологический характер понятия «общество» (*“Gemeinschaft”*) в контексте фолькшистского движения раскрывается через расовую парадигму, что позволило пангерманцам начать широко артикулировать идею «национального общества» (*“völkische Gemeinschaft”*) [6].

Доведенное до «национального» понятие «народного» в контексте его структурированности, инициированной самим обществом (*“Gemeinschaft”*), а не государством (*“Gesellschaft”*), легче и наглядней было представлять на фоне борьбы с расовым врагом. Иными словами, речь шла о противопоставлении национальной целостности «образу врага», как некой идеально-типической конструкции, необходимой пангерманцам для поддержания сплоченности немцев. Поэтому актуальность приобрело понятие «национального общества борьбы» (*“völkische Kampfgesellschaft”*).

Таким образом, вполне можно согласиться с мнением П.Хартига, что пангерманцы провозглашали расово обоснованную идею национального общества как одну из основных целей [10, 7]. Стремление к власти, а именно, к воздействию на процесс принятия политических решений, в виду острой критики правительственных действий кабинетов кайзера Вильгельма II, попытка сплочения общества на основе новой, расово обусловленной идеологии, заставила пангерманцев обратить внимание на язык как «ключ» к массовому сознанию. Это актуализировало процесс развития пангерманской пропаганды, которая, учитывая историю последующего развития Германии, выступила в качестве важного критерия преэминентности немецкого национализма.

Примечания

1. Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Пресс-Традиция, 1998.

2. См. О Пангерманском союзе: Jung D. Der Alldeutsche Verband. Diss. zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelm Universität, Würzburg, 1936; Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954; Hartwig E. Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkrieges (1891—1914), Diss. zur Erlangung des Doktorgrades, masch. Jena, 1966; Peters M. Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkrieges (1908—1914). Ein Beitrag zur Geschichte des völkischen Nationalismus im spätwilhelminischen Deutschland. Frankfurt a. M., 1996.

3. Alldeutsche Blätter, 4. Jg. Nr. 1, S. 1. Зитиерт nach D. Fricke u.a. (Hrsg.). Lexikon zur Parteiengeschichte. Die bürgerlichen und kleinbürgerlichen Parteien und Verbände in Deutschland (1789—1945). In vier Bänden. Bd. 1. S. 16.

4. Hering R. Konstruierte Nation: Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg: Christians Verlag, 2003.

5. Капхен Ч.А. Закат Америки. Уже скоро. М.: АСТ, Люкс, 2004.

6. Puschner U. Die völkische Bewegung im wilhelminischen Kaiserreich. Sprache — Rasse — Religion. Darmstadt, 2001.

7. Langewische D. Was heißt "Erfindung der Nation"? Nationalgeschichte als Artefakt — oder Geschichtsdeutung als Machtkampf // Historische Zeitschrift. Band 277. München, 2003.

8. Anderson B. Die Erfindung der Nation: Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts. Frankfurt / M., 1996.

9. Riedel M. Gesellschaft, Gemeinschaft, in: Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. / Hrsg. v. Otto Brunner, Werner Conze u. Reinhart Koselleck. Bd. 2. Stuttgart 1975.

10. Hartig P. Die völkische Weltendung: Wege zum völkischen Werden. Bad Berka, 1924.

М.Ю.Федорович

г.Москва

Московский педагогический государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОНАРХИИ КАРЛА V

Концепция универсальной католической монархии занимала главное место в политической мысли на рубеже XV—XVI вв. Хотя сторонниками идеи создания общеевропейской католической империи были французский король Франциск I и ряд римских пап, но она нашла свое яркое отражение в политике императора Карла V Габсбурга.

В течении XX в. взгляд историков на политику Карла V неоднократно менялся. В начале века немецкие историки рассматривали проводимую императором политику как соответствующую интересам Германии, в годы фашистской диктатуры Карла V изображали проводником имперских идей. В 60-е годы императора стали называть «отцом единой Европы» и сторонником евроинтеграции. По мнению современного австрийского историка А.Колера: «Идея всеобщего политического единства Европы нашла горячий отклик в сердцах современников, которые не в состоянии были в полной мере предвидеть последствий ее реализации для европейской политической системы» [1, 36].

Автором концепции универсализма считают канцлера и ближайшего помощника Карла V в первые годы его правления Меркурино да Гаттинару (1465—1530). Ее основные положения описаны самим Гаттинарой в его «Автобиографии» [2]. Его идеи об универсальной империи как едином государстве согласовывались с практическими действиями Карла V. По мысли Гаттинары католическая империя могла быть создана не только путем вооруженной борьбы с внешними и внутренними врагами, но и путем заключения династических браков представителей дома Габсбургов с другими европейскими правителями. Этой его идее следовал еще Максимилиан I, но самым известным примером реализации данной идеи можно считать брак принца Филиппа и Марии Тюдор, хотя,

как известно, попытка Габсбургов оказывать влияние на английскую политику через этот брак и не увенчалась успехом.

Основными факторами, повлиявшими на развитие универсалистских идей, стали борьба с Францией за влияние в Европе в ходе Итальянских войн, нарастание угрозы большой войны с Османской империей и стремление императора преодолеть религиозный раскол в самой Германии. Идея организации общеевропейского крестового похода против турок все еще была достаточно востребована. Император рассчитывал сплотить вокруг Священной Римской империи как организатора антитурецкой коалиции большинство европейских монархий. Проводником этой политики он считал римского папу как религиозного лидера, при этом не считаясь с интересами самого папы как одного из итальянских монархов. Франция, в отличие от габсбургской империи давно уже шла по пути создания централизованного государства, что выявляло ее силу и в свою очередь слабость раздробленной империи как в политическом, так и в экономическом плане.

Карл V в своей экономической политике опирался, прежде всего, на потенциал Нидерландов, Испании, итальянских территорий, но никак не на германские княжества. Отсюда и происходило отчасти противостояние с территориальными князьями, которое, в конечном счете, привело к краху имперской политики и отречению императора. Также стоит отметить слабые позиции императора внутри самой Германии. Империя по сути своей не была единым государством, а всего лишь федерацией более мелких территорий, организованной на договорных основах. XVI век стал временем формирования княжеского территориального абсолютизма и постепенного ослабления общеимперских органов. Имперские амбиции и примат имперской политики, защита династических интересов ослабляли Габсбургов в их попытках создать универсальную католическую империю. Отношения императора Карла с князьями и курфюрстами были построены на отношениях патрона и клиента. Клиентела была не только инструментом имперской власти, но и средством создания региональной системы гегемонии в империи.

Большую заинтересованность в проведении универсалистской политики проявляли Фуггеры, Вельзеры и другие монополисты, так как их финансовое благополучие было напрямую связано с успехами Карла V. Кроме того они использовали стремление императора к созданию католической империи в качестве средства для расширения рынка сбыта своих товаров и производственной сети.

Решающий удар по попыткам Карла V создать универсальную монархию нанесли немецкие князья, причем как католики, так и протестанты. Реформация стала политическим движением против концепции универсализма и знаменем расширения суверенитета имперских территорий. Избрание брата императора Фердинанда римским королем в 1531 г. создало угрозу превращения Империи в наследственную монархию Габсбургов, что оттолкнуло от Карла V значительную

часть католических князей. Князья, перешедшие в оппозицию к универсалистской политике императора, сплотились на основе немецкого единства в стремлении избавиться от засилья фламандских и испанских приближенных Карла V. Имперская идея была средневековой, надгосударственной и наднациональной. Единство универсальной монархии могло быть обеспечено только с помощью силы и на основе религиозного единства, а этого император так и не смог добиться. Аугсбургский религиозный мир 1555 г. подвел черту под агрессивной политикой Карла V и означал крах его универсалистской концепции. Борьба между императором и князьями не привела ни к созданию сильного единого германского государства, ни к дворянской вольнице. Имперская политика Карла V косвенно способствовала консолидации таких централизованных государств как Англия и Франция в условиях борьбы с Империей, а также укреплению территориальных княжеств.

Примечания

1. Колер А. Карл V // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная римская империя. Австрия. Германия. Ростов н/Д. 1997.
2. Ilse Kodek Der Großkanzler Kaiser Karls V. zieht Bilanz. Die Autobiographie Mercurino Gattinaras aus dem Lateinischen übersetzt. Münster, 2004.

А.Ю.Чередникова

г.Архангельск

Северный (Арктический) федеральный университет

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ И РЕЛИГИИ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ПОЛЯКОВ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1919—1933 гг.)

Религия и церковь выступают могучим объединительным фактором в условиях существования малого народа в рамках мононационального государства, проводящего зачастую дискриминационную политику в отношении национальных общностей (объединений, общин, групп, меньшинств). По переписи 1925 года в Германии национальные сообщества составляли около 3,7% (1,95 тыс. человек) от общего населения Германии (примерно 63 млн. человек) [1].

Наиболее крупными по численности национальными общностями Веймарской республики являлись поляки (2%), евреи (0,9%), русские (в нашем понимании — бывшие российские подданные) (0,4%), лужичане (они же — серболужичане, сорбы, венды) (0,2%). Каждое из национальных сообществ Германии изучаемого периода фактически относилось к разным конфессиям, влиявшим

на повседневную жизнь населения страны, равно как и на другие сферы жизни общества. Так, большая часть поляков и лужичан принадлежала к католической конфессии, остальные лужичане при проведении переписи населения указывали свою принадлежность к евангелической конфессии, русские — в большинстве своем выражали приверженность православию, евреи исповедывали иудаизм, который и являлся критерием принадлежности к еврейству. Крайне важным представляется проследить, какую роль играли религия и церковь в повседневной жизни польского национального меньшинства Веймарской Германии, влияла ли церковь и религия на формирование особенностей национального самосознания.

Католицизм в Германии веймарского периода явился не только духовным, но и мощным политическим оппонентом евангелической церкви. Кроме традиционных религиозных форм (церковная католическая служба, святые мощи, толпы верующих) католицизм материализовывался в повседневной жизни в деятельности Партии центра. Создавались специальные религиозные организации рабочих, которые кроме религиозных постулатов пропагандировали идеи новой Германии. В жизни молодежи большую роль играли католические молодежные союзы, объединяющие большие группы школьников и студентов.

Польская католическая церковь и сейчас занимает особое место в рамках мировой католической церкви. Она всегда играла значительную роль не только в религиозной, но и в политической, культурной, социальной жизни поляков. Это имеет историческую основу. Во времена чужеземного господства после разделов она была институтом, который олицетворяет единство страны. Поэтому германизация в большей мере расценивалась как религиозное угнетение. Поэтому национальное начало, национальное самосознание и принадлежность к католической церкви у поляков сплелись воедино. Католицизм играл роль национальной идеологии. Недаром современник Веймарской Германии, крупный общественный деятель, доктор философии Л.Ренкорович, говоря о роли католической церкви, подчеркивал, что польский народ очень сильно привязан к своей религиозной общине, к своему костелу [2, 31—34].

Польские священники, аккумулируя польско-патриотические и антигерманские настроения, традиционно пользовались авторитетом своего народа. Подобное отношение в веймарское время было и к приезжим из Польши учителям в польские школы в Германии.

Один из современников так описывал отношение поляков к церкви: «Большинство крестьян, которых спросили, к какой конфессии они относятся, римско-католической или греко-католической, ответили: нет, я — польской религии!» [3, 85].

Именно в католической церковной общине польские католики могли ощутить национальное единение, свои корни. Немецкая исследовательница польской общины в Вильгельмсбурге (близ Гамбурга) Э.Хаушильдт считает, что наряду с польским языком, принадлежностью к польскому народу и профессиональной ориентацией, католическая вера являлась признаком, который выступал

связующим звеном между польскими сезонными рабочими и большинством старожилов всех польских общин на территории Германии. Хотя нередко случалось так, что сезонные рабочие были более привержены католицизму, нежели уже осевшие на этих территориях поляки [4, 121].

Современник событий Э. Менде вспоминает о толпах католиков каждый год в маленьком городке в Верхней Силезии. «Было само собой разумеющимся, что молились и пели на двух языках: немецком и польском» [5, 497—498]. То есть во время службы никаких национальных разграничений не существовало, что говорило в пользу католической церкви, свидетельствовало о гибкости ее позиций, о ее роли в жизни польских обывателей.

Католицизм и, в частности, польская католическая церковь, выполняя интегрирующую функцию, были призваны поддерживать региональную национальную культуру [6, 815]. Хотелось бы заметить, что тезис о роли католической церкви поддержания и стимуляции развития национального самосознания и сохранения национальной культуры подтверждается и на примере лужицких сербов. Немецкие власти в свою очередь принимали все меры по предотвращению национальнообъединяющей роли католицизма и церкви. По данным «Bund Deutscher Osten» даже в первые годы после прихода к власти нацистов в Силезии 40,7% (а в округе Ополе — 48,3%) всех месс служились на польском языке. Новый виток германизации снизил эти цифры до 30,9%, а к началу Второй мировой войны и полностью искоренил возможность молиться на родном языке [6, 15].

На Мазурах ситуация была несколько иной. Известно, что мазуры в большей степени подвергались ассимиляции и меньше всего оказывали этому сопротивление. Одной из причин этого явления можно назвать конфессиональную принадлежность большинства мазур: свыше 90% — протестантов. К тому же после провозглашения в Германии республики вместе с Гогенцоллернами пало и привилегированное положение протестантизма, который при кайзере играл интегрирующую роль. В веймарское время евангелическая церковь объединяла прежде всего старые национально-монархические силы, являясь противницей республики. Недаром лозунгом евангелической церкви было провозглашено: «Церковь политически нейтральна, — но она выбирает все национально-немецкое!» [7, 221]. Таким образом, польское меньшинство в Германии являло собой один из ярких примеров конфессиональной разобщенности, что в конечном итоге сказывалось на раздвоенности национального самосознания.

Совершенно очевидно, что католическая религия и церковь являлись стержнем духовной жизни каждого поляка в отдельности и национального сообщества в целом, зачастую выступая важным средством формирования и поддержания национальной самости и интеграции народа в рамках чуждой культуры и численного превосходства немецкого евангелического большинства, играли весьма колоритную и неоднозначную роль в их повседневной жизни.

Примечания

1. Александров Б.А. Положение национальных меньшинств в послевоенной Европе. М., 1933. С. 153; Die Juden in Deutschland. Berlin, 1935. S. 26.
2. Ręcorowicz L. Wspominienia śląskie i poznańskie z lat 1919—1934. Opole, 1976.
3. Wingendorfer R. Polen. Volk zwischen Ost und West. Berlin, 1934.
4. Hauschildt E. Polnische Arbeitsmigranten in Wilhelmsburg. Hamburg, 1986.
5. Mende E. Was sagt der Annaberg? / Alltag in der Weimarer Republik. Wien, 1990.
6. Niendorf M. Die Provinz Oberschlesien und ihre polnische Bevoelkerung / Deutschen und Polen zwischen den Kriegen. Bd. 9/2. Muenchen. Paris. 1997.
7. Kossert A. Preussen Deutsche oder Polen? Die Masuren im Spannungsfeld des ethnischen Nationalismus (1870—1956). Wiesbaden, 2001.

М.М. Чореф

г. Тюмень

Тюменский государственный университет

К АТРИБУЦИИ ЧАМНУ-БУРУНСКОГО КЛАДА

Находки монет VII—IX вв. в Горном Крыму относительно редки. Однако в регионе встречаются клады денег этого периода. К настоящему времени в научный оборот введены два таких сокровища. Первое, найденное на мысе Чамну-Бурун (гор. Мангуп), состояло, судя по публикации, из имитаций солидов Льва III Исавра (717—741) [1, 120—135], а второе, обнаруженное на территории «пещерного города» Бакла — из тридцати трех аббасидских дирхемов и одного подражания им, а так же из драхмы и гемидрахмы наместников Табаристана и Фарса [2, 429—454]. Бесспорно, находка сокровища, состоявшего из раннесредневековых арабских и предположительно хазарских монет, по сути, важнейшее нумизматическое событие десятилетия, так как оно позволяет проследить состав денежного обращения Таврики в VIII—IX вв. Но сам факт обнаружения клада местных имитаций византийскому золоту нам кажется куда более интересным. Заметим, что так же считали и его первооткрыватели А.Г. Герцен и В.А. Сидоренко. Клад из Чамну-Буруна был опубликован ими уже вскоре после обнаружения. Причем издатели привели исчерпывающие сведения об обстоятельствах находки и о составе этого сокровища. Они попытались прояснить и обстоятельства его формирования. С их точки зрения, мангупские подражания были выпущены на местном монетном дворе. Исследователи предположили, что в клад выпали некачественные имитации, по разным причинам не поступившие в обращение [1, 130]. Но, в любом случае, сам факт их эмиссии, по мнению археологов, свидетельствует об обособлении территорий Юго-Западного Крыма от Византии

в период хазарского господства. А.Г.Герцен и В.А.Сидоренко считают, что подражания могли быть выпущены в 710—787 гг. [1, 131].

Отметим, что имитации византийских золотых давно и хорошо известны. К настоящему времени установлено, что в IV—IX вв. их выпускали как в границах с империей областях, так и в удаленных странах. К примеру, хорошо известны аварские, арабские, болгарские, лангобардские, германские и франкские подражания [3]. Их чеканили из золота, электра или позолоченного серебра. Причем задействованные при этом штемпели заметно отличались от подлинных стандартных штампов византийских монетных дворов. Как правило, изображения на имитациях были переданы грубее, примитивные, а легенды их или вовсе нечитаемые, или содержат орфографические ошибки. Довольно часто эти надписи содержат имена и титулы местных их правителей. Кроме того, подражания являлись не столько платежным средством, сколько своеобразным уведомлением мира о независимости выпустившего их государства. Поэтому на их аверсах или реверсах размещали портреты, легенды с именами или монограммами правителей, санкционирующих их эмиссию. Впрочем, предназначались они, как правило, исключительно для местного обращения. Иное дело — имитации солидов из Чамну-Буруна. Они были оттиснуты штемпелями, практически идентичными ординарным штампам константинопольского монетного двора. Семь из них было выбито на специально изготовленных бронзовых и медных пластинках, причем значительно меньшего веса и диаметра, чем солиды-оригиналы. В среднем эти параметры для имитаций составили 1,17 г и 18,04 мм соответственно. Одно подражание, по мнению исследователей, была оттиснуто на литой херсоно-византийской монете, причем перепад толщины ее кружка была настолько значителен, что при перечеканке первоначальные надписи и изображения не только не были сбиты, но и практически не повредились. Кроме того, ни на одном из имитаций солидам из этого клада нет следов золочения.

Заметим, что выявленные А.Г.Герценым и В.А.Сидоренко обстоятельства выпуска и сокрытия мангупских подражаний кажутся нам крайне интересными. А так как публикация уважаемых исследователей являлась, по сути, только предварительным сообщением [1, 133], то, мы рискуем продолжить изучение найденного ими монетного комплекса с целью развить выдвинутые ими положения. Первым делом обратим внимание на технологию производства мангупских имитаций. Как верно заметили А.Г.Герцен и В.А.Сидоренко, в процессе чеканки были задействованы две пары штемпелей. Причем штампы были сопряжены так, как это было принято на достаточно высоко технологичных для того времени монетных дворах Византии. Однако подражания из бронзы не смогли отчеканить в один удар. Как справедливо отметили А.Г.Герцен и В.А.Сидоренко, четкий оттиск на них не мог быть получен, так как заготовки не отжигали. На всех бронзовых подражаниях хорошо заметны следы повторного удара [1, 128]. Причем складывается впечатление, что при чеканке стремились просто заполнить монетное поле. Иначе постарались бы совместить штемпели

с уже частично оттиснутыми изображениями. Кроме того, бронзовые подражания были отчеканены путем двукратного наложения штампов аверса и реверса на каждую сторону монеты. Это можно объяснить только тем, что штемпели не различали. Вообще, непрофессионализм монетчиков проявился не только в неумении подготовить и отчеканить заготовки. Судя по материаламклада, в процессе производства разрушился штемпель аверса. И, по предположению А.Г.Герцена и В.А.Сидоренко, его заменили вторым чеканом реверса. По их мнению, следы его удара просматриваются на херсоно-византийской монете. Заметим, что такого рода погрешности неординарны даже для фальшивомонетчиков.

По ходу отметим, что не все известные к настоящему времени экземпляры солидов в бронзе или в меди можно отнести к варварским имитациям. Дело в том, что их чеканили и на государственных монетных дворах Византии. Однако там их изготавливали по стандартной технологии обычными штемпелями, и, кроме того, тщательно золотили. Известно, что бронзовые, латунные и медные подражания солидам выпускали в хазарском Крыму [4, 44—46]. Причем их чеканили куда аккуратнее. По крайней мере, ни на одном из них не просматривается повторное наложение штемпелей аверса и реверса на каждую сторону.

Как видим, клад явно не типичен. Бесспорно, что имитации, входящие в его состав, не производили впечатления подлинных золотых монет. И никакой ценности они представлять не могли. Однако, по мнению издателей, он все же являлся кладом, причем бережно схороненным.

Попытаемся разрешить это противоречие. Для этого попробуем проанализировать как обстоятельства сокрытия, так и содержимое Чамну-бурунскогоклада. Начнем с того, что он был найден в редко посещаемом районе плато, на укреплении А.1, под относительно нетяжелой известняковой плитой (рис. 1). Вернее всего, подражания находились в узком кошельке или были завернуты в тряпицу, так как на момент обнаружения лежали стопкой. Не маловажно и то обстоятельство, что в полости, в которой они хранились, не было земли. Все это дало А.Г.Герцену и В.А.Сидоренко право предположить, что имитации были скрыты в рукотворном завале [1, 126]. Проведя археологическое исследование участка, археологи увязали сокрытие сокровища с ремонтом стены [1, 128]. По их мнению, атрибуция клада позволяла бы, кроме всего прочего, уточнить дату возведения укреплений Мангула.

Рис. 1. Укрепление А.I (по А.Г.Герцену и В.А.Сидоренко)
1 — клад, 2 — слой натечного грунта со щебнем, 3 — бутovo-щебневая подсыпка, 4 — дерновый слой, 5 — скала, 6 — обрывы скалы

Перейдем к атрибуции нумизматического материала. Заметим, что исследователи с большой тщательностью изучили состав монетного собрания. По хорошо заметной особенности оформления — замене последней буквы легенды реверса на точку, они определили вариацию солида Льва III Исавра, послужившую образцом для копирования [1, 126]. По их мнению, такой признак имели номизмы константинопольской чеканки 725—732 гг. На самом деле их выпускали в 732—741 гг. [5]. Отметим также, что легенды аверса и реверса мангупских подражаний несколько отличаются от ординарных надписей солидов Льва III Исавра. Так, на лицевой стороне имитаций можно разобрать «NDLEOIAMЧЛ», а на оборотной читается «DNKONSTANTINЧ.». Однако на солидах Льва III Исавра такая легенда реверса неизвестна. К примеру, на золотых этого правителя, чеканенных в 732—741 гг. выбивали «DNKONSTANTINЧS» [6]. Вернее всего, образцом для копирования послужил солид какого-то неизвестного монетного двора.

Определив оригиналы для подражаний, А.Г.Герцен и В.А.Сидоренко попытались датировать сам клад (рис. 2). Так как все имитации воспроизводили один вариант солидов Льва III Исавра, то они отнесли их эмиссию 725—732 гг. [1, 132]. По мнению исследователей, такие подражания могли находиться в обращении до последней четверти VIII в. [1, 132]. Большое внимание А.Г.Герцен и В.А.Сидоренко уделили атрибуции единственной перечеканенной монете из этого клада (рис. 2, 8, 4, 1). Расшифровав часть легенды реверса, они отнесли ее к херсонскому литью Льва III Исавра. Исследователи попытались определить

значение буквы «В», размещенной на аверсе этой монеты. По мнению А.Г.Герцена и В.А.Сидоренко, она служила обозначением номинала. Археологи предположили, что исследуемая ими бронза была дионумисом (правильнее — дионуммусом sic!) — «монетой в две единицы» [1, 132]. Вернее всего, исследователи имели ввиду известный византийский номинал — декануммий. Развивая это допущение, археологи вынесли на научное обсуждение гипотезу о номиналах монет раннесредневекового Херсона. По их мнению, в VII—VIII вв. в нем лили бронзы четырех номиналов: в 1, 2, 4 и в 8 единиц—пентануммиев [1, 132].

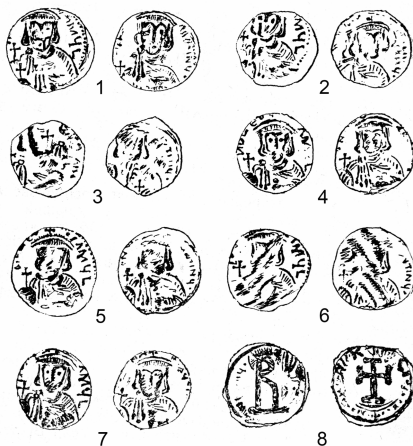

Рис. 2. Монеты клада (по А.Г.Герцену и В.А.Сидоренко)

К сожалению, исследователи не стали обосновывать эти гипотезы. К примеру, они никак не аргументировали свое предположение о размещении обозначения номинала на аверсе херсонских монет, с их точки зрения, исключительно наименьшего достоинства. В свою очередь мы вынуждены отметить, что в Византии такие элементы оформления никогда не выносили на лицевую сторону. А.Г.Герцен и В.А.Сидоренко так же не высказали никаких предположений о периоде эмиссии монет с «А» на лицевой стороне, по их мнению — пентануммиев. Хотя выдвинутая ими гипотеза достаточно спорна. Ведь они не учли тот факт, что на аверсах мелких бронз Херсона, отлитых, причем различных конфигураций, но и символ «N», а так же монограмма «DNTN». Их уж никак нельзя считать обозначениями номинала. Заметим, что буква «В», как знаковый элемент оформления монетного поля, появились на аверсах бронз Херсона при Вардане Филиппике (711—713) [7, 120]. Причем, судя по сохранению прежнего обозначения

достоинства — «Δ» на реверсе, она была помещена не с целью изменить номинал. Очевидно, что этот символ мог быть только монограммой правителя. В связи с этим мы вынуждены прокомментировать и выводы А.Г.Герцена и В.А.Сидоренко о номиналах литых бронз Херсона VII—VIII в. Дело в том, что в Византии уже к 580-м гг. пентануммии и декануммии практически выпали из денежного обращения [8, 215]. Следовательно, их эмиссия в VIII в. была бы экономически бессмысленна. Кроме того, т.н. «дионуммус» и «нуммус» не входил в число номиналов, выпускавшихся монетным двором Херсона со времен Маврикия Тиверия (582—602). Нам неизвестны чеканные монеты этого города с подобным обозначением номинала. Кстати, уже при ближайших преемниках Юстиниана I Великого (527—565) в Херсоне прекратилась эмиссия пентануммиев, а декануммии в нем перестали выпускать с 539 г. [9]. Эта тенденция сохранилась и при императорах из дома Ираклия (610—641). При них в Херсоне и в Боспоре чеканили только фоллисы и гемифоллисы [10, 355—392]. Следовательно, нельзя и предполагать, что в первой половине VIII в. в Таврике могла возобновиться эмиссия бронз столь малого номинала, как пентануммий и декануммий.

Как видим, у нас нет никаких оснований соглашаться как с предложенной А.Г.Герценым и В.А.Сидоренко гипотезой о номинале херсоно-византийской монеты из клада, так и с предположением о составе денежного обращения Херсона VIII в. С нашей точки зрения бронзы с «А», «N» и «DNTN» на аверсе отливали в первой половине VIII в. от имени Анастасия II Артемия (713—715), Феодосия III Адрамития (715—717), а так же Артавасда и Никифора, правивших в 742—743 гг. Все эти монеты являлись гемифоллисами [11].

Продолжая начатое А.Г.Герценым и В.А.Сидоренко исследование, попытаемся датировать клад из Чамну-Буруна. Считаем, что установление времени его выпадения из обращения возможно только единственной настоящей монете, т.е. по херсоно-византийской бронзе с «B» на аверсе и с крестом и плохо читаемым текстом на реверсе (рис. 2,8, 4,1). Как заключили А.Г.Герцен и В.А.Сидоренко, на ее оборотной стороне читается верхний сегмент надписи: [ΛΕ]ΟΝΚΑ[Ι]ΚΟ[Ν]ΣΤΑΝ[ΤΙΝΟΥ] ([Λέ]ον κα[ί]) Κο[v]σταν[τίνου] — «Леон и Константин». Именно это обстоятельство и позволило исследователям датировать монету правлением Льва III Исавра. Однако заметим, что пары одноименных императоров не единожды находились у власти. И все они успевали воспользоваться монетной регалией. Так, известны совместные выпуски Льва IV Хазара (775—780) и Константина VI [6, 328—335], а также Льва V Армянина (813—820) и его сына Константина [6, 328—335]. Да и Константин V (741—775) сначала продолжил эмиссию от имени своего отца, а потом поместил на деньги изображение и имя своего сына Льва IV Хазара [6, 299—324]. Следовательно, мы не можем датировать херсоно-византийскую монету из Чамну-бурунского клада только по этому фрагменту легенды оборотной стороны.

По ходу заметим, что в предложенной исследователями расшифровке легенды реверса есть ряд досадных неточностей. Начнем с того, что, по их мнению, на буквосочетание «KON» отводилось значительно меньше места, чем для союза καί. Точнее, на выделенном А.Г.Герценым и В.А.Сидоренко пространстве можно было разместить только одну букву (рис. 2,8, 4,1). Отметим также и то, что καί в легендах византийских монет не встречается. Считаем, что вместо предполагаемого κα[ι] Κο[v]σταv[τ]ίvος монетчик все же разместил ΚΟ[N]ΣΤΑΝ[ΤΙΝΟς] (Κο[v]σταv[τ]ίvος). Тем более что на том месте, на котором, по мнению исследователей, мог быть оттиснут слог «ΚΟ[N]», явно просматриваются следы сглаженной буквы «N». По ходу заметим, что треугольная форма «O» в имени Константина не должна нас смущать. Дело в том, что резчику штампа реверса этой монеты явно не удавались как прямые линии, к примеру, перекладины креста (рис. 2,8, 4,2—3), так и округлые элементы букв. Обратим внимание хотя бы на весьма неординарное написание «Ω» в слове [Λέ]ων, а именно так, кстати, а не как [Λέ]ov, на монетах прописано имя первого из правителей. К сожалению, мы вынуждены акцентировать внимание читателей и на этой погрешности А.Г.Герцена и В.А.Сидоренко. Дело в том, что на приведенной ими прориси легенды написание имени верно, т.е. такое же, как и на монете, через «Ω», а в тексте статьи оно было прописано уже через «O» [12].

Итак, выявленные обстоятельства позволяют нам уточнить расшифровку надписи. Предполагаем, что ее следует читать как Λέων Κονσταντίvος Но, в любом случае, даже дешифровка этого фрагмента легенды не дает нам возможность датировать монету. Для поиска дополнительной информации обратим внимание на другие бронзы этой разновидности. Действительно, на реверсе всех известных к настоящему времени экземплярах монет этого типа (рис. 4,2—3) просматривается круговая легенда разной степени сохранности [13]. Так, на бронзе, изданной А.В.Орешниковым [14] (рис. 4,2), в нижней части реверса хорошо видны буквы «Α», «Β», «Ε», «Λ» и «Σ». Первые две из них просматриваются ниже и правее креста. Символы «Λ» и «Ε» видны непосредственно под культовым символом. Буква «S» видны после «Α» и ниже второго «N» в слове Κονσταντίvος. Как видим, у нас есть все основания считать, что и в этой части монетного поля так же находится элемент надписи, подлежащий дешифровке. Судя по буквам, там могло быть только Βασ[ι]λε..ς. Это буквосочетание можно расшифровать как βασιλέυς — «василевс» или как Βασίλειος — «Василий». Заметим, что вероятность первого прочтения минимальна, ведь подобное титулование обоих императоров не встречается на золоте и меди Исавров и их преемников вплоть до правителей Македонской династии. Куда правдоподобнее второе предположение. К примеру, хорошо известны фоллисы трех василевсов ромеев: Василия I Македонянина (867—886) и его сыновей Льва VI Мудрого (886—912) и Константина (870—879). На их аверсах помещали изображения правителей, а на реверсах — легенды с их именами. Причем их размещали так,

чтобы портрет автократора и соответствующая ему подпись находились бы по центру [6, 496—500]. Считаем, что выпуск литой монеты с «В» на аверсе и с крестом и легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ[ΛΕ]ΩΝΚΟΝ[Ν]ΣΤΑΝΤΙΝΟΥΣ (Βασίλειος [Λέ]ων) (Κο[v]σταντίνος) на реверсе следует относить к совместному правлению Василия I Македонянина, Льва VI Мудрого и Константина, т.е. к 870—879 гг. Заметим, что нашему предположению не противоречит наличие на ее аверсе единственного элемента оформления — большой буквы «В», что, как известно, было свойственно именно херсонским эмиссиям основателя Македонской династии [15].

Рис. 4. Херсонско-византийские монеты с «В» на аверсе и с крестом, окруженным надписью ΒΑΣΙΛΕΥΣ[ΛΕ]ΩΝΚΟΝ[Ν]ΣΤΑΝΤΙΝΟΥΣ на реверсе

- 1 — прорись бронзы этой разновидности из Чамну-бурунского клада (по А.Г.Герцену и В.А.Сидоренко); 2 — изданная А.В.Орешниковым; 3 — хранящаяся в коллекции И.В.Шонова; 4 — частное собрание, Крым

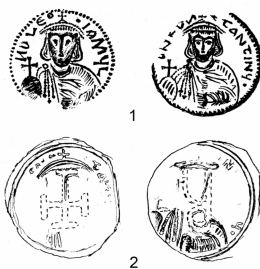
Кроме того, считаем необходимым отметить, что на монете из коллекции И.В.Шонова присматриваются изображения, отсутствующие на бронзе, изданной А.В.Орешниковым. На ее лицевой стороне правее «В» виден фрагмент императорского одеяния, а на оборотной под крестом определенно различим широкий полукруг, увенчанный крестом (рис. 4,3). Заметим, что именно эти элементы изображений были описаны А.Г.Герценом и В.А.Сидоренко как следы перчеканки. Примечательно, что на монете из коллекции И.В.Шонова, вроде бы не контрамаркированной, они просматриваются в тех же местах, что и на чамну-бурунском экземпляре. По конфигурации они совершенно аналогичны. Нам остается только предполагать, что заинтересовавшие нас бронзы этой разновидности не были перчеканены. Вернее всего, они были отлиты в переделанной форме, в которой могли отливать монеты с изображениями императоров на обеих сторонах.

Конечно, у нас нет никаких оснований и предполагать, что в Херсоне могли отливать столь плохо оформленные имитации солидам. Вернее всего, в переделанной форме планировали выпускать первые фоллисы этого города. Но по неясным причинам она не была пущена в дело. По крайней мере, отлитые в ней монеты до нас не дошли. Судя по следам на изученных нами бронзах ее небрежно подрезали, использовали некоторое время, а позже заменили на специально изготовленные штампы, которыми была сформована монета, изданная А.В.Орешниковым.

По ходу заметим, что у нас нет оснований соглашаться с расшифровкой А.Г.Герцена и В.А.Сидоренко надписи на предполагаемом ими штампе Г. Ведь легенду реверса херсоно-византийской монеты они не разобрали. Вообще, уровень допущенных ими ошибок при переписывании хорошо читаемых греческих легенд настраивает нас на тщательную перепроверку подобных выводов.

Обратим внимание на еще один достаточно любопытный нюанс в оформлении бронз этой разновидности. Дело в том, что предполагаемое слово Βασίλειος расположено под фразой Λέων Κονστατίνος. Можно только строить предположения о том, почему эти слова были размещены на штампе в таком порядке. Возможно, что таким образом хотели поместить имя автократора ближе к центру композиции или расположить его под крестом. Но, в любом случае, неумелый херсонский монетчик не смог вырезать круговую надпись на литейном штампе. Эта задача оказалась для него непосильной. В результате чего все редчайшие экземпляры этой разновидности несут на своем реверсе неотчетливые следы весьма трудно читаемой легенды.

Итак, высказав наши соображения по вопросу о периоде эмиссии херсоно-византийской монеты из клада, попытаемся определить ее номинал. Срезу же заметим, что она не могла быть гемифоллисом, так как на ее реверсе нет стандартного обозначения номинала — «ΠΟΧ», да и весит она примерно в два раза больше этих мельчайших монет литья Херсона VIII—IX вв. Вернее всего, она была первым херсонским фоллисом [16]. Именно этим обстоятельством можно объяснить поиск стиля ее оформления. Но так как производство бронз этой разновидности оказалось слишком трудоемким, а полученные экземпляры — уж очень некачественными, то вскоре вместо них в обращение поступили куда проще оформленные филлисы с монограммой правителя на аверсе и с крестом на Голгофе на реверсе [17]. Но, в любом случае, получается, что денежную реформу в Херсоне, приведшую к выпуску нового номинала, можно приурочить к совместному правлению Василия I Македонянина, Льва VI Мудрого и Константина, т.е. к началу 870-х гг.

**Рис. 3. Реконструкция используемых штампов (по А.Г.Герцену и В.А.Сидоренко)
1 — штампы А и Б; 2 — предполагаемые А.Г.Герценым и В.А.Сидоренко чеканы В и Г**

Но вернемся к нашим перечеканкам. Если мы правы, то самая поздняя монета из клада могла быть выпущена не ранее третьей четверти IX в. Но как тогда объяснить тот факт, что она, по мнению А.Г.Герцена и В.А.Сидоренко, была надчеканена штемпелем солида Льва III Исавра? Вспомним о нашей оценке мастерства мангупских монетчиков. Ведь они, имея в своем распоряжении отличные штемпели (рис. 3,1), практически идентичные настоящим чеканам, так и не смогли изготовить ни одного качественного подражания. Судя по известным находкам, единственной их продукцией стал Чамну-бурунский клад. Мы можем быть уверены в том, что мастера не могли изготовить использованные ими штемпели. Ведь они не могли их даже править. Судя по известным оттискам, мангупские монетарии совершенно не разбирались в элементах оформления чеканов. Иначе они не стали бы оттискивать штампы аверса и реверса на обеих сторонах бронзовых подражаний. А, судя по предполагаемому А.Г.Герцену и В.А.Сидоренко следу контрамаркирования на херсоно-византийской бронзе (рис. 2,8, 3,2, 4,1), их могли вовсе не различать. Если это предположение исследователей верно, то единственное, что удалось мангупским монетчикам, так это расклепать пару штампов для того, чтобы заменить разрушенный ими чекан аверса на еще один штемпель реверса (рис. 3,2). В любом случае, у нас есть все основания считать, что они воспользовались чужим инструментом. Причем, судя по его технологичности, он мог поступить только с византийского монетного двора. Известно, что в VII—VIII вв. в Таврике было два таких эмиссионных центра: Боспор и Херсон. Причем первый из них вышел из состава империи уже к началу VIII в. Получается, что в Херсоне, или что куда более вероятно, в каком-то ином, пока не выявленном эмиссионном центре, в первой половине VIII в. могли выпускать золотые монеты. Возможно, что этим городом была Суддея, занятая хазарами в 740 г. Причем схожесть имитаций из Чамну-Буруна с константинопольскими солидами свидетельствует о высокой степени влияния столичных оффицин на монетные дворы раннесредневековой Таврики. Предполагаем, что варвары, заняв этот город, завладели и оснасткой находящейся в нем денежной мастерской. Ее оборудование могло быть использовано для выпуска золотых и электровых подражаний солидам, обращавшихся в Восточном Крыму [18, 430—441]. В третьей четверти IX в. штампы попали в руки неких лиц, не обязательно имевших непосредственное отношение к группе, завладевшей ими к середине VIII в. Новые хозяева решивших выпустить в обращение подражания популярным в регионе номиналам Льва III Исавра и их фракциям. Естественно, они не имели никакого отношения к официальному монетному двору. Иначе бы подражания были бы отчеканены на подходящих заготовках, да и известны были не только по одному Чамну-бурунскому кладу. Для начала фальшивомонетки решили набраться опыта и подобрать оптимальный материал. Не случайно они пытались чеканить на бронзовых и медных заготовках. Однако отсутствие сноровки не позволило им реализовать эти замыслы. В конце концов, они разрушили единственный штемпель аверса. Понимая, что

дальнейшие попытки будут безуспешны, и, не желая огласки, злоумышленники спрятали навсегда свою продукцию в редко посещаемом районе плато.

Обратим внимание еще на один аспект. Как мы уже выяснили, все подражания Чамну-бурунского клада, отчеканенные на специально изготовленных заготовках, весили значительно меньше нормы солида. По своим физическим характеристикам они ближе всего к семиссам (№ 1), тремиссам (№ 2—3) и четвертям номизм (№ 4—7) — самым популярным монетам в регионе [4, 44; 18, 441]. А если учесть то обстоятельство, что в Восточном Крыму было принято обрезать солиды до их веса, то мы имеем полное право предполагать, что фальшивомонетчики планировали выпускать в основном именно фракции номизм, чеканя их штемпелями последних. Именно этим обстоятельством, а не выбраковкой из производства легковесных монет [19], можно объяснить факт чеканки на столь легких заготовках. Правда, по мнению А.Г.Герцена и В.А.Сидоренко, фальшивомонетчики попытались выбить солид на херсоно-византийской монете. Но, судя по оттискам предполагаемых штемпелей, этот эксперимент мог быть продлан ими только на последнем этапе аферы, когда единственный использовавшийся чекан аверса был уже разрушен.

Таким образом, Чамну-бурунский клад представляет собой не денежное сокровище, а тайный схрон фальшивомонетчиков. Только этим можно объяснить как его состав, так и тщательность сокрытия. Сама идея наладить производство фальшивых золотых Льва III Исавра подтверждает предположение о высокой роли этих монет в обращении раннесредневековой Таврики до конца IX в. Свидетельствует она, кроме всего прочего, и о слабости торговых связей горных районов полуострова с Херсоном. Ведь, в ином случае, монетчики наверняка попытались бы скопировать современные им деньги.

Заметим, что клады подделанных в древности монет отнюдь не редки. Особенно часто встречаются они на территории тех древних государств, которые по разным причинам не смогли наладить эмиссию собственных, оригинально оформленных денег. При этом копировали наиболее распространенные монеты того времени. Рассмотрим только самые очевидные примеры. Начнем с серебряных монет Афин. Экономическая и политическая мощь этого города позволила распространить валюту этого полиса по всему античному миру. И его монеты стали активно копировать. К примеру, местные имитации афинских серебряных монет как в виде кладов, так и в качестве единичных находок в изобилии встречаются на территории Афганистана, Египта, Малой Азии, Месопотамии, Палестине и Южной Аравии. Поступали они и в Афины, где для защиты от них денежного обращения даже приняли специальный декрет [20, 10—43]. В результате этого из обращения выпал Пирейский клад 1902 г., состоящий из нескольких тысяч привозных поддельных монет [20, 39—41]. Не менее активно копировали серебро Александра III Великого (336—323 гг. до н.э.), а так же выпуски Древнего Рима и его провинций. Как правило, они обращались на периферии государств, выпускавших монеты—оригиналы. Это явление прослеживается и в средневековье.

Так, судя по публикации В.А.Сидоренко, в Баклинский клад выпали как ординарные куфические дирхемы, так и их хазарские имитации [21, 429—454]. Известно, что византийские солиды, так же бывшие своего рода мировой валютой, ходили далеко за пределами империи. Как мы уже писали, подражания им выпускались на Арабском Востоке и на Балканах, в Италии и в Закавказье, в Восточной Европе, в частности, в Хазарии. Причем их эмиссия всегда совпадала по времени с возникновением или с усилением региональных государств, денежные рынки которых ранее были наполнены привозными монетами-оригиналами.

Как видим, мы имеем дело с явной закономерностью. Получается, что ряд ведущих государств древности и средневековья временами разворачивали монетную эмиссию в объемах, достаточных для наполнения денежной массой как их собственного обращения, так и рынков сопредельных, менее развитых стран. В последних, в случае ослабления притока платежных средств извне, могли наладить выпуск местных подражаний, в свою очередь, способных вытеснить свои оригиналы. Такого рода копии могли ходить веками. К примеру, имитации тетрадрахм Александра III Великого ходили в Грузии еще в начале н.э. [22]. Столь же долго их выпускали кельты в Подунавье и в Центральной Европе. Но это происходило только в том случае, если хотя бы первые серии таких подражаний выпускали по монетной стопе, не на много отличающейся от принятой в государстве — эмитенте оригиналов. Естественно, в конце концов, высокая потребность в платежных средствах у развивающихся рынков приводила к постепенной порче монеты. Так, к примеру, позднейшие серии подражаний позднеклассическим и эллинистическим статерам и тетрадрахам, а так же т.н. «таманские денарии» чеканили уже из меди. Однако все эти выпуски ходили по приемлемому для эмитента курсу. Но вот как раз этого мы не и замечаем при анализе материала Чамну-бурунского клада. Ведь в его состав наряду с копиями золотых входила ординарная херсоно-византийская медная монета наименьшего для того времени достоинства. Получается, что исследованный нами нумизматический памятник не представлял собой сокровище из ходячих подражаний дорогостоящим византийским солидам.

Попытаемся изложить и обосновать исторические выводы, вытекающие из проделанной нами нумизматической атрибуции Чамну-бурунского клада. Мы уверены, что она не дает оснований сомневаться в слабости византийского влияния в Юго-Западном Крыму в тот период. Этот регион в третьей четверти IX в. не мог входить в состав Византии. Ведь чеканить фальшивые монеты на территории империи было бы небезопасно. В любом случае, сам факт выпуска на Мангупе имитаций семиссов, тремиссов и четвертей номизм штампами солида свидетельствует как о его неподчинении византийским властям, так и слабом знакомстве местных монетчиков с реалиями денежного дела империи. Вернее всего, эта эмиссия стала возможной в результате сжатия зоны контроля фемы Климатов до Херсона и его ближайших окрестностей, приведшей, кроме всего прочего, к ослаблению торговых связей в регионе. Но, в любом случае, получается,

что атрибуция Чамны-бурунского клада позволяет уточнить дату возникновения фемы Херсон.

Считаем нужным отметить и то, что сокрытие имитаций не стоит увязывать с ремонтом стены. Дело в том, что подражания явно не стремились найти. Ведь чего стоило поднять небольшую и сравнительно нетяжелую известняковую плиту, под которой скрыли свою продукцию неудачливые фальшивомонетчики? Мало того. Они не вложили подделки в сосуд. Следовательно, они не беспокоились о его сохранности.

Таким образом, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы установили, что т.н. Чамну-бурунский клад представлял собой не сокровище, сокрытое в конце VIII в., состоявшее будто бы из официально выпущенных на Мангупе подражаний византийским монетам, а тайный схрон фальшивомонетчиков, спрятавших неудачные плоды своего творчества. По воле случая вместе с подражаниями была сокрыта херсоно-византийская медно-свинцовая монета, отлитая в переделанной форме, ранее служившей для пробной отливки бронз с изображениями правителей на аверсе и на реверсе. Но, в любом случае, анализ состава этого клада и обстоятельств сокрытия позволяет пояснить ситуацию в Таврике в третьей четверти IX в.

Примечания

1. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ: Вопросы социального и политического развития. 1988.

2. Сидоренко В.А. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV — начала V в. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.

3. Радусhev А., Жеков Г. Каталог на Българските средновековни монети. IX—XIV век. София, 1999. С. 36. № 1.0.1; Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005. Рис. 120, 8—13; Щукин М.Б. Силадьшомйо или Шимлео Сильваней и Фритигерн // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А.Горюнова. Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г. СПб., 2004. Рис. 2; Album S. Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean. Volume 1. The Pre-Reform Coinage of the Early Islamic Period. Oxford, 2001; Arslan E.A. Catalogo delle Monete Bizantine del Museo Provinciale di Catanzaro. Catanzaro, 2000. P. 60. Tav. XIV. №80 bis; Arslan E.A. La moneta Langobarda: Per un Corpus dei Materiali // Nuovi contributi agli studi Longobardi in Lombardia. Atti del Congresso Arsago Serpio. 24 settembre 1984. Arsago Serpio, 1984. P. 51—63. Tav. I—II; Arslan E.A. La Monetazione // Magistra Barbaritas. I Barbari in Italia. Milano, 1984. P. 413—444; Arslan E.A. La monetazione di Gotti e Longobardi in Italia // Lo Scudo d'oro. Moneta et Potere da Augusto a Carlo V. Roma-Bruxelles, 1996. P. III.3—II.15. Tav. I—XI; Arslan E.A. Le monete di Ostrogoti, Longobardi e Vandali. Catalogo delle Civiche Raccolte Numismatiche di Milano. Milano, 1978; Goodwin T. Arab-Byzantine Coinage (Studies in the Khalili Collection). London, 2005. Vol. IV; Grierson P. Byzantine Coins. London, 1982. P. 77—83, 144—149.

Pl. 15, 34; Raniferi E. *La Monetazione di Ravenna Antica dal V all VIII secolo. Imperio Romano e Byzantino regno Ostrogoto e Longobardo*. Bologna, 2006; Wroth W. *Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum*. London, 1911. P. 1—95, 123—189. Tab. I—XIV, XVIII—XXV.

4. Гурулева В.В. Особенности и разновидности подражаний монетам византийских императоров первой половины VIII в. из Крыма и Хазарии // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва 11—15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005.

5. А.Г.Герцен и В.А.Сидоренко, ссылаясь на Ф.Гриersona, датировали их эмиссию 725—732 гг. При этом важнейшим критерием, позволяющим с высокой точностью выявить образец для подражания, по мнению исследователей стало наличие точки в конце легенды реверса (См.: Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 128). Но дело в том, что заинтересовавший исследователей элемент оформления известен, правда, не на оборотных, а на лицевых сторонах константинопольских солидов Льва III Исавра 725—732 гг. (См.: Grierson P. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection* / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1973. Vol. III. P. I. Leo III to Michael III, 717—867. P. 244. Cl. II. № 5.4, 5.5). Действительно, английский нумизмат выделил два временных промежутка, во время которых в обращение поступали золотые с таким признаком. С нашей точки зрения, правильнее было бы искать прототип мангупских имитаций среди номизм, выпущенных в Константинополе в 732—741 гг. (См.: Ibid. P. 245. Cl. III. № 6.1, 7.a1. Pl. I). Ведь только в этот период времени на столичных номизмах в конце легенды реверса проставлялась точка. Кроме того, Константин V на солидах этих классов не выглядит как подросток, что, кстати, было характерно для серий 725—732 гг. А ведь известно, что только на позднейших монетах его изображение уже практически ничем не отличалось от портрета отца.

6. Grierson P. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection* / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1973. Vol. III. P. I. Leo III to Michael III, 717—867. P. 245. Cl. III. № 6.1, 7.a1. Pl. I.

7. Чореф М.М. К вопросу о номиналах бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. 2008. Вып. I.

8. Morrisson C., Sodini J.-P. *The Sixth-Century Economy // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century* / Editor-in-Chief A. E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 1.

9. Классификация мелких бронз Юстиниана I Великого чеканки Херсона приведена в (См.: Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // Судейский сборник. 2010. Вып. IV. С. 332—339).

10. Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590—668 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. XI.

11. Чореф М.М. К вопросу о номиналах... С. 121—122; Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // ВВ. 2010. С. 248—255; Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской сессии византистов. М., 2008. С. 161—165.

12. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 129, 132. Рис. 6, 7—8. Заметим, что подобное написание имени, т.е. как Λέων не было свойственно монетному делу Византии.

На подавляющем большинстве монет одноименных императоров читается слово Λέον. Вообще, такое написание этого имени свойственно средневековому и современному греческому.

13. Орешников А.В. Херсоно-византийские монеты (Дополнение) // НС. М., 1911. Т. 1. Табл. В,12; Шонов И.В. Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь, 2000. С. 119. № 174.

14. Орешников А.В. Херсоно-византийские монеты (Дополнение) // НС. М., 1911. Т. 1. Табл. В,12.

15. Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. Vol. II. P. 442. Pl. LI, 4—6.

16. Считаю необходимым отметить, что в публикации (См.: Чореф М.М. К вопросу о номиналах... С. 129. Рис. 1,16) мы допустили ошибку при определении достоинства этой монеты. В заблуждение нас ввело наличие восьмиконечного креста на ее аверсе. Учитывая обстоятельства, выясненные при изучении Чамну-бурунского клада, выделяем бронзу с «В» на аверсе и с круговой надписью вокруг креста на реверсе в первый тип фоллиса монетного двора Херсона.

17. Следует учесть и то, что перегруженность символикой литейного штампа привела его быстро к выгоранию. Поэтому оттиски реверса всех известных монет изучаемой разновидности изобилуют наплывами металла. Это обстоятельство не могло не повлиять на выбор нового стиля оформления фоллисов Херсона. Отметим, что подобное явление наблюдалось в монетном деле этого города в 1070—1080-х гг. На реверсах отлитых в тот период т.н. «анонимных фоллисах» прослеживается постепенное упрощение лигатуры τολίς Χερσῶνος. Под конец она была заменена ординарным крестом на Голгофе. Правда, это явление объясняется не столько упрощением оформления литейных форм, сколько политическими переменами в Херсоне в кон. XI в. (См.: Чореф М.М. Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «Pω» // Вестник ТГУ. 2009. № 7. С. 35—51).

18. Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741—775), найденные в Судак // Судгейский сборник. 2004.

19. Как ни странно, но именно этим обстоятельством объяснили А.Г.Герцен и В.А.Сидоренко выпадение в клад наиболее легковесных подражаний. Вообще, по их логике, тайник в завале камней был не чем иным, как складом бракованной продукции Мангупского монетного двора, в котором должно было скапливаться сырье на переплавку (См.: Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 130). В связи с этим заметим, что долго бы пришлось ждать фальшивомонетчикам накопления в нем нужного количества металла. Ведь совокупный вес подражаний из клада составил всего 11,43 г. Причем значительную его часть составила херсоно-византийская монета. Ведь ее вес составил 3,24 г (См.: Там же. С. 128).

20. Стрелков А.В. Афинский закон о серебряных монетах 375/4 г. до н.э. // НиЭ. М., 2005. Т. XVII.

21. Сидоренко В.А. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.

22. Пахомов Е.А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.

Список сокращений

- АДСВ** — Античная древность и средние века
ВВ — Византийский временник
МАИАСК — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
НС — Нумизматический сборник
НиЭ — Нумизматика и эпиграфика
ВСН — Bulletin de correspondance hellénique
МІВ — Moneta Imperii Byzantini

Т.Г.Чугунова

г.Нижний Новгород

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. К.Минина*

У.ТИНДЕЛ: ОТ УЧЕНИЯ О ДВУХ ПОРЯДКАХ К УЧЕНИЮ ОБ ОДНОМ ПОРЯДКЕ

Политическая, правовая мысль западноевропейского средневековья исходила из представлений о так называемом «христианском теле» — универсальном объединении, члены которого подразделялись на «два народа» — духовенство и мирян. Соответственно жизнь их должна была регулироваться при помощи двух властей (духовной и светской) и двух прав (канонического и гражданского). Теоретическое обоснование этой известной концепции дал величайший из всех западных христианских мыслителей Аврелий Августин (354—430), который в своем известном сочинении «О граде Божьем», отмечал, что, «несмотря на великое множество народов, живущих на земном шаре и отличающихся языком, уставами и т.п., тем не менее, существует не более, как два рода человеческого общества, справедливо называющиеся двумя градами. Один из них составляется из людей, желающих жить в мире своего рода по плоти (*civitas terrena*), другой — из желающих жить по духу (*civitas Dei*)» [1, 2]. Оба града существуют параллельно и не вмешиваются в дела друг друга [1, 67].

Учение Августина о двух градах приобрело особую актуальность в период Реформации в Европе. Немецкий богослов Мартин Лютер (1483—1546) в работе «О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться» (1522 г.) по сути повторил идеи Августина, говоря о двух противостоящих друг другу порядках — духовном и светском, каждое из которых должно жить по своим законам и не вмешиваться в дела другого [2]. Английский реформатор Уильям Тиндел (1494—1536) также затрагивал эту проблему как одну из самых насущных, поскольку на протяжении всего средневековья папство стремилось подчинить

себе светскую власть и добиться всеобъемлющей власти над миром. Многие зарубежные исследователи отмечают, что Тиндел попросту скопировал теорию о разделении властей у немецкого реформатора [3]. Однако это не совсем верно, так может показаться лишь при беглом, поверхностном анализе фрагментов сочинений реформатора. Учение о двух порядках переродилось у английского реформатора в учение об одном порядке.

В трактате «Практика папистских прелатов» Тиндел пишет: «*Царствие Христово* есть Царствие духовное, которому никто из людей не может услужить достаточно, служа также *Царствию земному*, ибо достаточно доказано, что никто, кто кладет руку на плуг и смотрит назад, не достоин Царствия небесного» [4, 345]. Идею о двух царствах (градах) Тиндел перенес на земные отношения, говоря о двух противостоящих по своей сущности и функциям порядках или правлениях. Католическая церковь для религиозных мыслителей являлась прообразом, зримым проявлением царства Божьего, хотя и не идентичной ему в полной мере. «Прелаты, поставленные проповедовать Христа, — пишет Тиндел, — не могут оставлять Слова Божия и служить на гражданских службах, но обязаны учить мирян истинному пути и предоставлять им одним светские дела» [4, 342]. Тиндел пытается наметить разделение властей и разграничить их prerogatives.

Несмотря на то, что у духовной и светской служб свой круг обязанностей, тем не менее, постоянно происходит вмешательство каждой из них в дела другой [4, 342]. С особым негодованием Тиндел пишет о посягательстве папы на светскую власть: «Папа вопреки всякой совести и учению Христа, который говорил: Царствие Мое не от мира сего (Ин, 18), заграбастал власть императора» [4, 114]. Богослов обвиняет римского понтифика в том, что он вмешивается в дела светской власти, распоряжаясь должностями и землями. Тиндел с иронией отмечает, что папа имеет два меча: духовный и светский [4, 257—258]. По мнению реформатора, «папы оседлали светские власти и понуждают их делать для себя то, что они хотят, частью — жонглерством, частью — вмешательством в светские дела [4, 362]. С досадой реформатор отмечает то, что «короли являются пленниками у духовенства» [4, 137]. Англия, по мнению Тиндела, разделена на два королевства: гражданское, которым духовенство управляет тайно, и духовное, которым оно управляет открыто, при помощи своих собственных законов, заменяющих закон короля. «Они не повинуются закону короля, — отмечает богослов, — но налагают свои законы на все королевство без согласия короля и его подчиненных» [4, 391].

Не находя оправданий действиям духовных властей и не надеясь на их исправление, Тиндел заявляет о подчинении духовной власти светской. Таким образом, он оставляет мысль о самостоятельности и независимости двух порядков и выдвигает идею, абсолютно отличную от лютеровской, а именно о подчинении одного правления другому. Предшественник Тиндела, английский теолог Джон Виклиф, который по праву считается предтечей реформаторов XVI века,

в трактате «О королевской службе», писал, что светская власть является более совершенной, чем духовная, поэтому последняя должна находиться под управлением первой [5, 13]. Таким образом, Тиндел в решении данной проблемы следовал английской национальной традиции, где противостояние притязаниям папы было отражено еще в трудах евангелического доктора, а также в парламентских статутах XIV века. «Не может профессия монахов, ни что другое, что папа и епископы придумывают себе, изъять их от меча императора или королей, если они нарушат законы. Ибо написано в Писании: да покорится всякая душа произволению высшей власти...Сущие власти назначены Богом, и кто бы ни противился власти, воспротивится Богу, будь он хоть папа, епископ или монах», — пишет Тиндел [4, 111]. Таким образом, подчинение духовной власти светской реформатор обосновывал еще и тем, что последняя учреждена Богом.

Тиндел предлагает отменить церковные суды, а также заставить духовенство платить необходимые налоги [4, 115—116, 137]. Богослов заявил о новом разделении властей: вечное правительство, по его мнению, принадлежит Богу, временное — королю, и никакое — духовенству. Церковь на земле должна выполнять только духовную работу. В то же время протестантские реформаторы выдвинули доктрину об «универсальном духовенстве», суть которой состояла в том, что любой верующий христианин может в случае необходимости проповедовать, крестить и даже служить мессу [4, 358].

Таким образом, Тиндел в отличие от Лютера порвал с представлениями о едином христианском теле, равнозначности обоих порядков и выдвинул идею о превосходстве светской власти над духовной. По сути Тинделу принадлежит ведущая роль в выработке теологического обоснования королевской супрематии. Ведущую роль в проведении реформационных мероприятий английский теолог отводил королю, многие его труды были посвящены активной апологетике монархической власти. Положение о превосходстве светской власти и ее божественном происхождении, обоснованное в трудах Тиндела и других англиканских богословов, было использовано Генрихом VIII в противостоянии с католической оппозицией, не признававшей власть короля.

Примечания

1. Августин А. О граде Божьем // Творения Блаженного Августина Епископа Иппонийского. Киев, 1880. Кн. 14. Гл. 1. С. 2.

2. Лютер М. О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться // Лютер М. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520—1526 гг. Харьков, 1994. С. 121.

3. Loane M.L. Masters of the English Reformation. London, 1954. P. 62; Elton G.R. Reformation and Reformation England, 1509-1558. Cambridge, Massachusetts, 1977. P. 126; Duerden R.Y. The Temporal and Spiritual kingdoms: Tyndale's Doctrine and its Practice // Reformation. Vol. 1. 1996. P. 118—129; см. также: URL: <http://www.tyndale.org/reformation/reformj1.html>.

4. Tyndale W. Practice of papistical Prelates // The Whole Works of W. Tyndall, J. Frith and doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England

collected and compiled in o Tome together, being before scattered now in print here exhibiten to the Church / Ed.J.Foxe. London, 1573.

5. Wyclife J. Tractatus de Officio Regis / Ed. by A.W.Pollard and C.Saule. London, 1887.

Д.В.Шмелев

г.Казань

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н.Туполева — КАИ

ФРАНЦУЗСКИЕ КАТОЛИКИ И «РУССКАЯ ТЕМА» (1920-е ГОДЫ)

Отношения между христианской демократией и коммунизмом во Франции представляют яркий пример идеологического взаимодействия и борьбы, разворачивавшейся на протяжении почти всего XX в. В рамках этого противостояния отдельное место занимает т.н. «русская тема», связанная с попыткой анализа революций 1917 г. в России и феномена русского коммунизма.

1920-е годы представляют начальный, но важный этап отношений между французской христианской демократией и коммунизмом, озаменованный первым настороженным восприятием событий, происходивших на востоке Европы. В нем чувствуется влияние русской эмиграции и международных последствий прихода к власти большевиков в России, первых действий коммунистов во Франции и стремление познакомиться глубже с марксистской доктриной, с которой христианскую демократию роднила критика капитализма. Что послужило причиной такого интереса? На мой взгляд, тому несколько причин: «всеобщее очарование Октября», охватившее большую часть французских интеллектуалов общее изменение в положительную сторону образа СССР на Западе в 30-е гг., критика либеральной демократии и политической нестабильности III Республики, как со стороны зарождавшихся тоталитарных движений, так и со стороны левых сил, международный фон.

В первое время можно отметить сдержанную реакцию христианских демократов на события в России. Если Россия и большевики упоминаются, то только в связи с какими-либо политическими или международными событиями. Например, это было характерно для католической газеты «Ви католик», основанной Ф.Гэ в 1924 г. [1]. Каких-либо доктринальных статей было мало. Лишь 30 ноября 1929 г. аббат Эдуард Девожелль опубликовал небольшой комментарий к пресс-конференции магистра Эрбиньи, главы Восточного института Рима, по поводу принятия советским правительством новых антирелигиозных мер: закрытие церквей, требования их разрушения, лишение всех гражданских и политических прав священников, курс на дехристианизацию школ, проведение двух съездов

безбожников в 1929 г. [2]. В этой публикации коммунизм представлялся как новая система мира, подчеркивался его атеистичный характер.

Вместе с тем, «русская тема» и актуализация религиозного вопроса в ходе революции и установления советской власти открыли для интеллектуалов-католиков новый для них сюжет. Связан он был с проблемой примирения католицизма и православия. В начале 20-х гг. Ватикан, ссылаясь на провозглашенную большевиками свободу вероисповедания, предпринимает попытки добиться от советских властей заключения конкордата. Кажется, что созданы крайне благоприятные условия для укрепления позиции католицизма в России: низвергнута старая царская аристократия, которая препятствовала экспансии католицизма, в религиозной сфере царит ситуация анархии, церковь отделена от государства, многонациональная империя развалилась. Не случайно накануне Генуэзской конференции в апреле 1922 г. папа Пий XI публично выражает свое желание возврата к нормальным отношениям с Советской Россией в интересах всей Европы [3, 42, 46].

Один из представителей интеллектуальных католических кругов — С.Фюме в январе 1922 г. в статье «Россия и единство Церкви», опубликованной в журнале «Леттр» («Les Lettres»), одним из первых обратился к этой теме. Им была предложена политика открытости католической церкви в отношении братьев по вере в России. Русская революция имела, по его мнению, неоспоримую «заслугу» — освобождение русской церкви от «царистского ига», которое давило на нее со времен Петра Великого, и создание «минимальных объективных условий» (разумеется, после установления духовной власти, независимой от политической) к ее реинтеграции в единую церковь. Таким образом, Октябрьская революция оказывается в его глазах носителем «провиденциальной» функции для «Святой России» и ее будущего в христианском мире [3, 165—166].

Под эгидой Ватикана в 1922 г. в Париже (и в других европейских центрах русской эмиграции) открывается «Французский союз помощи русским». Возглавляемый епископом Э.-А.Шапталем и кардиналом Дюбуа. Главная цель — воздействие на религиозные настроения русской эмиграции и пропаганда слияния западной и восточной церквей. Однако большинство эмигрантов остались верны православию и «Союз» был распущен уже апреле 1926 г. [3, 68—69].

Актуализация дискуссии связана с приездом в Париж в 1924 г. известного русского философа Н.Бердяева и серии встреч с французскими религиозными философами в рамках «межконфессиональных собраний». Первая встреча состоялась в доме Бердяева в Кламаре 28 января 1929 г. Всего таких встреч было четырнадцать (в период с октября 1929 г. до апреля 1932 г.). Затрагивались такие темы как французское и русское влияние, советская литература, духовное обновление во Франции и в России, обсуждались произведения Достоевского, Толстого, Пруста, Жида, Пеги [3, 172—173]. Имевшие весьма опосредованное отношение к политической борьбе с коммунизмом, эти встречи,

тем не менее, способствовали продолжению знакомства французских католиков и христианских демократов в «русской темой».

Мировой экономический кризис и появление антифашизма, затронувшего широкие круги французских интеллектуалов, ознаменовали начало нового этапа взаимоотношений, когда формируется антикоммунистическая природа французской христианской демократии и предпринимается первый цельный анализ марксистской доктрины, коммунистического опыта и левого тоталитаризма.

Примечания

1. Terrenoire E. Un combat d'avant-garde. Francisque Gay et «la Vie Catholique». P., 1976.
2. La Vie Catholique. 1929. 30 novembre.
3. Chenaux Ph. L'Eglise catholique et le communisme en Europe (1917—1989). De Lénine à Jean-Paul II. P., 2009.

Л.М.Шмелева

г.Казань

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРОЦЕДУРА ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА ПО ЛИВИЮ

В Царский период истории Рима часть функций царя, связанных с дипломатической деятельностью, передается специальным лицам — фециалам, которые представляют всю общину целиком, а не только ее главу, а следовательно и все, что совершают фециалы, они делают от имени общины. И в этом случае смена правителя не отменяет в глазах соседей, заключенных с Римом договоров. Однако, как сообщают Дионисий и Ливий, с восшествием на трон каждого нового царя в Риме латины разрывали соглашения, считая их недействительными, и римлянам приходилось вновь вести с ними войны за право возглавлять союз (*Dion. Hall.* III. 37.2—3; 49.1—2; IV. 48.3; *Liv.* I. 23.7; 32.3; 35.7; 49.8; 52.5). Поэтому неудивительно, что первой дипломатической функцией, которая была передана коллегии фециалов было заключение мирных договоров.

Описывая правление Туллы Гостилия, Ливий особое внимание уделяет рассказу о заключении при нем мирного договора с Альбой-Лонгой, метрополией Рима. «Фециал воззвал к царю Тулле: «Велишь ли мне, царь, заключить договор с *pater patratus* народа альбанского?» Царь повелел, тогда фециал сказал: «Прошу у тебя, царь, потребное для освящения». Тот в ответ: «Возьми чистой травы». Фециал принес из крепости вырванной с корнем чистой травы. После этого он воззвал к царю так: «Царь, назначаешь ли ты меня с моею утварью и сотоварищами царскими вестниками римского народа квиристов?» Царь ответил: «Когда то не во вред мне и римскому народу квиристов, назначаю». Фециалом

был Марк Валерий, *pater patratus* он назначил Спурия Фузия, коснувшись ветвью его головы и волос. *Pater patratus* назначается для принесения присяги, то есть для освящения договора: он произносит многочисленные слова длинного заклęcia. Потом по оглашении условий, он говорит: «Слушай, Юпитер, слушай *pater patratus* народа альбанского, слушай народ альбанский. От этих условий, в том виде, как они всенародно от начала и до конца оглашены по этим навощенным табличкам без злого умысла и как они здесь в сей день поняты вполне правильно, от них римский народ не отступится первым. А если отступится первым по общему решению и со злым умыслом, тогда ты, Юпитер, порази народ римский так, как в сей день здесь я поражаю этого поросенка, и настолько сильней порази, насколько больше твоя мощь и могущество». Сказав это, он убил поросенка кремневым ножом. Точно также и альбанцы через своего диктатора и своих жрецов произнесли свои заклęcia и клятву» (Liv. I. 24).

Ливий называет договор, заключенный с альбанцами *foedus*, причем делает оговорку, что нет сведений о договорах более древних: «*nec ullius vetustior foederis memoria est*» (Liv. I. 24. 4). В то же время Ливий пишет, что в царствование Ромула был возобновлен договор с Лавинием, который Ливий называет *foedus*: «*Itaque bello quidem abstinuit; ut tamen expiarentur legatorum iniuriæ regisque caedes, foedus [выделено мной — Л.Ш.] inter Romam Laviniumque urbes renovatum est*». (Liv. I. 14. 3).

Ливий в своем сочинении нигде не останавливается специально на разъяснении происхождения фециалов, из чего можно сделать вывод, что они были с самого начала существования Рима. Возможно, что Ромул сам был фециалом [1, 53]. При Тулле Гостилии же процедура заключение мирного договора уже целиком принадлежала коллегии фециалов. Царь же принимал участие в ней лишь на начальном этапе, а клятву от имени общины приносил фециал. Поэтому вполне возможным было заключение *foedus* при Ромуле, так как его заключал царь-фециал [1, 55].

Видимо в правление Тулла Гостилия возникла необходимость подтверждать определенным способом договора между общинами. Это и стало первой обязанностью коллегии фециалов.

Тит Ливий пишет, что «разные договоры заключаются на разных условиях, но всегда одинаковым способом» (Liv. I. 24. 4), что заставляет предположить, что в последующее время ритуал не претерпел изменений.

Можно отметить, что этот обряд, как и обряд объявления войны, вошедший в функции коллегии фециалов при Анке Марции (Liv. I. 32), отражает некоторые пережитки догосударственного строя (использование кремневого ножа убийства жертвенного поросенка, символика травы из крепости). Коллегия фециалов, в ведении которой находился впоследствии этот обряд, всегда оставалась верным хранителем древнейших общеталлийских правил взаимоотношений между общинами. Поэтому этот обряд не подвергался изменениям с течением

времени, так как фециалы могли заключать его и в самом Риме и на территории противника.

Примечания

1. Майорова Н.Г. Римские фециалы: кто они? // Труды кафедры древних языков. Спб., 2000. Вып. 15. Сер. III.

С.П.Шупляк

г.Минск, Беларусь

*Белорусский государственный педагогический университет
им. М.Танка*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ТРАДИЦИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПАЛОМНИЧЕСТВ

Начиная свой путь, средневековый западноевропеец-паломник должен был определиться, каким образом он может достигнуть желаемой святыни. Если дело касалось локального паломничества как, например, религиозного путешествия в Рим или Сантьяго-де-Компостела, то очевидным был выбор сухопутного пути. Хотя, если паломник отправлялся из Скандинавии или Британии, вполне возможным был вариант морского путешествия. Что же касается достижения Иерусалима, то его можно было достигнуть по суше или по морю.

Чтобы достигнуть святыни, нужно было знать дороги ведущие к ней. Большинство сухопутных путей, которые вели в Иерусалим, Константинополь и Рим были унаследованы от Римской империи [1, 251]. О состоянии всех этих дорог в разные периоды средних веков можно обнаружить только отрывочные сведения. Следует отметить, что свидетельства некоторых путешественников V в. позволяют судить, что за дорогами Галлии продолжали следить [2, 13—16]. Но уже в меровингскую (для Галлии) и лангобардскую (для Италии) эпоху (VI—VIII вв.) они поддерживались плохо. А что касается остальной Европы, то данные такого типа носят легендарный характер, вроде воспоминаний о строительстве дорог шведским конунгом Энунде, получившим прозвище «Дорога» [3, 29]. Лишь некоторые франкские короли налагали повинности, связанные с благоустройством дорог и то только перед поездками высших особ государства.

Несмотря на затруднения смутных времен, средневековые паломники продолжали пользоваться всеми доступными коммуникациями. Так, восточная часть путей сообщения в Святую землю являлась «великим путем из варяг в греки» и связывала Скандинавию с Константинополем, а после — с Иерусалимом (западным пилигримам известна как «Восточная дорога» или «Иерусалимская»)

[4, 12]. Норманны также могли совершить более опасное путешествие в Палестину исключительно по морю вокруг Западной Европы.

Для паломников с Британских островов дорога, имеющая начало в Кентербери, а конец в Риме, в средние века получила наименование «Франкской дороги» (*“Via Francigena”*). Именно она становится одной из трех важнейших систем паломнических дорог (наряду с системой дорог в Сантьяго-де-Компостела и в Иерусалим) [5, 234].

С течением времени менялись способы передвижения. Для Раннего средневековья был характерен сухопутный путь, особенно для паломников из центральной и южной Европы. Ведь из-за опасности и непредсказуемости морских путей воспользоваться ими для достижения палестинских святынь могли далеко не все желающие. Проследить типичный путь раннесредневековых паломников можно по дорожнику анонима из города Бордо (IV в.). Итинерарий (от лат. *“itineris”* — «путешествие») важен тем, что и в последующее время он оставался основным путеводителем для многих религиозных путешественников. Путь этого паломника начинался в городе Бордо. Далее он шел по городам южной Галлии (Франции) [6, 68]. После этого начинался переход через Альпы по проходу Малый Сен-Бернард или Мон-Сени к итальянским заальпийским городам [5, 234]. Далее маршрут паломника был следующий: Милан — Конкордия — Нижняя Паннония — Загреб — Белград — София — Константинополь — Иерусалим. Северная часть Балкан на момент путешествия паломника из Бордо уже имела одну из важнейших римских дорог, так называемую «Эгнатиеву дорогу» (*“Via Egnatia”*), соединяющую Диррахий на адриатическом побережье с Фессалонниками на берегу Эгейского моря. Впоследствии дорога была продлена до Константинополя и служила основным путем сообщения между двумя центрами Римской империи. Важно отметить, что паломник в тот период времени, передвигаясь по территории Балканского полуострова, не подвергался различным опасностям, находясь под защитой империи. После же завоевания части полуострова славянами, венграми и болгарами уже в средневековье паломники обходили этот регион по морю. Только в X в. после принятия королем Венгрии христианства важные пути северной части Балкан стали открыты и относительно безопасны [7].

Обретение мощей св. Иакова сделало Сантьяго-де-Компостела одним из важнейших европейских паломнических центров на севере Пиренейского полуострова. Особенно популярными были паломничества к этому городу из южной Галлии и пиренейских христианских королевств. Наиболее важная часть дороги, ведущей к городу, пролегла по северу полуострова [8, 20—144]. Дорога получила название «Путь Святого Иакова» (исп. *“El Camino de Santiago”*).

Таким образом, в рамках средневековой западноевропейской христианской традиции, сформировались три главных паломнических центра — святыни Иерусалима, Рима и Сантьяго-де-Компостела. Пути, ведущие к ним, могли быть сухопутными или морскими. Для определенных периодов средневековья характерно

большее использование одного из данных типов коммуникаций. Разрушенные римские дороги постепенно восстанавливаются и некоторым из них придается религиозный статус. Происходит новое наполнение восприятия движения в пространстве: не только как простое перемещение от одного пункта к другому, а как путь паломника-христианина к искуплению, стремящегося к внутреннему совершенствованию и спасению.

Примечания

1. Sumption J. The age of pilgrimage: the medieval journey to God. Mahwah : Hidden-Spring, 2003.
2. Лебек С. Новая история средневековой Франции. М.: Скарабей, 1993. Т. 1: Происхождение франков V—IX века.
3. Стурлусон С. Круг Земной: [перевод]; [подгот.: А.Я.Гуревич и др.; под ред. и с примеч. М.И.Стеблина-Каменского; Акад. наук СССР]. М.: Наука, 1980.
4. Гаранін С.Л. Шляхамі даўніх вандраванняў : гіст.-тэарэт. нарыс развіцця беларус. паломн. літ. XII—XVI стст.; [НАН Беларусі, Ін-т літ.]. Мінск: Тэхналогія, 1999.
5. Herwaarden J. Between Saint James and Erasmus: studies in late-medieval religious life: devotions and pilgrimages in the Netherlands. Leiden; Boston: Brill, 2003.
6. Palestine pilgrims text society: in 12 vol. / ed. C.W. Wilson. London: Adam Street Adelphi, 1887. Vol. 1, № 2: Itinerary from Bordeaux to Jerusalem. 'The Bordeaux pilgrim' (333 A.D.).
7. Vanni F. Balkan land routes in the Middle Ages: a historical-sociological approach // EGERIA Conference «Routes of Faith in the Medieval Mediterranean» [Electronic resource]. Thessaloniki, 2007. Mode of access: URL: http://www.centrostudiromei.eu/activity_centro_studi_romei.html.
8. Mullins E. The pilgrimage to Santiago. Oxford: Signal Books, 2001.

И.М.Эрлихсон

г.Рязань

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЕВРОПЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Великие географические открытия раздвинули границы замкнутого мира средневековья, который уступил место безграничному, постоянно расширяющемуся пространству. Начиная с эпохи Возрождения интенсифицируются мировые межкультурные коммуникации, открываются, заселяются и исследуются новые территории во всех уголках планеты. Эра великих географических открытий продолжается на протяжении XVII—XVIII вв. «Между 1660 и 1800 годами

не прекращались конфликты между Англией и Францией, и даже когда молчали пушки, две великие нации оттачивали орудия обоюдной вражды в холодной войне за территории в бассейне Тихого океана и западного полушария, в научных экспедициях в Арктику, в акваторию Австралии и в страну великих пирамид» [1, 6—8].

Общественное бытие теперь неразрывно связано с познанием новых неизведанных стран и территорий. Покоряя земные пределы, человек Нового времени начинает по-новому осмыслять свой внутренний мир, эмпирически проверяет концепты западного менталитета и конструирует новые с учетом открывшихся реалий. «Фаустовский человек» вышел за пределы знакомого мира и, преодолевая море мрака», устремился к горизонту «Неведомого, совершая тем самым колоссальный по значимости мифогенный акт. Его мифонастроение усиливалось по мере освоения новой реальности, поскольку.... акт открытия территории и вступления во владение ею аналогичен повторению акта творения, а потому вызывает у первооткрывателей эффект «прорыва времени», своего рода «апокалипсический синдром» [2, 208]

Встреча цивилизаций привела в движение мифологические и мировоззренческие пласты: античное наследие, идеология христианства и мифомышление автохтонных народов открытых территорий. Иными словами, в переосмысленные Ренессансом представления античности о совершенном городе и золотом веке, в веру в Миллениум, эру тысячелетнего царства Божьего на земле, вливается этнографическая компонента, что дает мощный импульс утопическому творчеству Нового времени. Как писал Ф.Аинса, «благодаря встрече с Новым Светом западный человек развил в себе свойства демиурга, которые открыл в нем Ренессанс. С момента вторжения утопического дискурса смысл изначального поиска земного Рая радикально меняет свое содержание, хотя цель продолжает оставаться той же ... организовать идеальное общество с реальными человеческими существами» [2, 216]. Океаны наполнялись бесчисленными островами, где оживали образы легендарной Атлантиды, языческого Эдема, пасторальной Аркадии, средневекового Кокейна, всего того, что воплощало идеал, безвозвратно утерянный европейцами.

Возникает жанр, который с определенной степенью условности можно назвать «роман о воображаемом путешествии с утопическими элементами». На рубеже XVII—XVIII вв. произведения, балансирующие на границах вымысла и реальности, приключенческого романа, утопии, путевого дневника и географического очерка, были чрезвычайно востребованы читательской аудиторией. В XVII веке в этом жанре творили французы Сирано де Бержерак, Дени Верас д'Алле, англичанин Генри Невиллль, заложив идейно-литературные основы для шедевров Джонатана Свифта и Даниэля Дефо.

Для Франции эпохи Людовика XIV моду на такие произведения диктовала еще и жесткая политическая цензура, под носом у которой можно было позволить замаскированную экзотическими декорациями критику в адрес монарха,

абсолютистского режима и католической церкви. Эта тенденция просматривалась в трудах французских протестантов, подвергавшимся гонениям на родине, и вынужденных бежать в протестантские Нидерланды, Англию или Швейцарию. Так, «История севарамбов» Вераса была опубликована в 1675 в Англии, а «Южная земля» Фойни — год спустя в Женеве. Писатель и читатель оказывались вовлеченными в своеобразную игру «верю — не верю», игру в высшей степени увлекательную ввиду неполной и зачастую противоречивой географической картины мира и очевидной размытости границ между фантазией и действительностью в сознании людей того времени. Неудивительно, что остров Утопия, описанный Томасом Мором, как полагали многие, был реальным местом, и даже описывался как таковой в коллекции записок известного деятеля елизаветинской эпохи Ричарда Гаклюйта [3]. Как показала практика, мало что изменилось со времен Лукиана из Самостаты, который поражался уверенности древних философов, поэтов и писателей, написавших много необычайного и неправдоподобного, в том, что их вымысел может пройти незамеченным.

В конечном итоге, разграничение между реальными и воображаемыми элементами, определяется культурно и хронологически обусловленной спецификой восприятия, и с расширением знаний об окружающем мире то, что расценивается как неоспоримый факт в одном поколении, будет считаться вымыслом в следующем, и, соответственно, наоборот. И, наконец, доверчивость читательской аудитории была благодатной почвой, на которой щедро произрастали произведения, которые Аткинсон выделил в категорию «необыкновенных путешествий» (фантастических, изумительных, подземных, внеземных, сатирических или аллегорических). Это «вымысел, подразумевающий, реальное путешествие... в существующую, но малоизвестную страну ... вместе с описанием процветающего общества, найденного там, и возвращения путешественника домой в Европу [4, 7].

Примечания

1. Adams P.G. *Travelers and travel liars 1660—1800*. New-York, 1980.
2. Паниотова Т.А. Генезис утопического дискурса: культурно-цивилизационный контекст, Дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д., 2005.
3. Hakluyt R. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*. 13 vols. URL: <http://www.gutenberg.org/browse/authors/h#a1212>
4. Atkinson G. *The Extraordinary Voyage in prose fiction. 1700—1722*. New York, 1922.

РУССКИЕ ВОЕННЫЕ ИСТОРИКИ ОБ УЧАСТИИ КАЗАХОВ В ЗАВОЕВАНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Казахи сыграли важную роль в походах русской армии в Среднюю Азию. Они не только обеспечивали военные экспедиции основным транспортным средством — верблюдами, выполняли разведывательные и дипломатические функции, служили проводниками, почтальонами и парламентарями, но и принимали активное участие в боевых действиях как в составе российских отрядов (например, в Хивинской экспедиции 1839 г.), так и в составе отдельных боевых единиц — «киргизской [т.е. казахской] милиции» под общим командованием русских военачальников.

Тем не менее, участие казахов в туркестанских походах русской армии является одним из самых неизученных аспектов истории завоевания Средней Азии. В современных исследованиях нет даже упоминаний об их роли в этих событиях.

В дореволюционных работах можно обнаружить некоторые сведения о помощи казахов в среднеазиатских экспедициях. Следует отметить, что проблема завоевания Средней Азии изучалась, прежде всего, военными историками, большинство из которых принимали личное участие в туркестанских походах. Поэтому их работы являются не только первыми исследованиями такой важной проблемы, но и могут рассматриваться как источники, отражающие личное восприятие и личный опыт участников войн.

Первые упоминания об участии казахов в среднеазиатских походах содержатся в работах по истории военной экспедиции в Хиву в 1839—1840 гг. под командованием В.А.Перовского. М.Иванин, принимавший непосредственное участие в походе Перовского, отмечал важность помощи казахов русскому отряду [6, 113]. Его труд богат статистическими данными о численности казахов в каждой из четырех колонн русского отряда, шедших в Хиву, об их финансовом и продуктовом обеспечении. По данным М.Иванина, казахи-верблюдожатые настолько ценились русским правительством, что им было положено одинаковое с русскими офицерами количество продовольствия в день [6, 29, 62]. Тем не менее, М.И.Иванин считал, что «верность» и «преданность» казахов были «ненадежны» и отмечал, что в случае нападения нужно было бы против них принимать такие же меры осторожности, как против врагов [6, 20]. Впрочем, до военных действий дело не дошло: отряд вернулся, не пройдя и половины пути к Хиве, и это утверждение М.И.Иванина осталось на совести самого автора.

Другой участник Хивинского похода А.Песляк акцентировал внимание на неценимой помощи казахов в сборе верблюдов, в обучении русских солдат вьючке, пастыбе и уходу за этими животными, а также в выборе маршрута следования к Хиве [10, 591].

Военные историки отмечали важную роль казахского отряда во главе с султаном-правителем Западной части Младшего жуза Б.Айчуваковым, целью которого было предупреждение и предотвращение нападений мятежных казахских родов на русский экспедиционный корпус, а также возвращение захваченных в плен солдат [6, 11; 10, 87; 11, 166; 5, 319].

А.И.Добросмыслов — единственный исследователь, который привел статистические данные о количестве умерших казахов во время Хивинской экспедиции В.А.Перовского [5, 340]. В его работе рассмотрены и случаи неповиновения казахских верблюдовожатых русскому командованию. При этом автор, обвиняя Перовского и его штаб в провале экспедиции, с сочувствием относился ко всем рядовым ее участникам, в том числе и казахам. Случаи их бегства и неповиновения он объясняет плохой организацией похода, которая привела к массовой гибели верблюдов, нехватке топлива и продовольствия, а также жестокостью польских офицеров из окружения военного губернатора [5, 329].

Начиная со взятия Ташкента стали публиковаться многочисленные работы, посвященные проблемам завоевания Средней Азии. Их авторами были офицеры царской армии и чиновники местной администрации, непосредственные участники этих событий — М.И.Венюков, А.Н.Куропаткин, М.А.Терентьев, М.Хорошкин и другие. В таких работах освещались отдельные события в период военного продвижения России в среднеазиатские ханства [4, 8; 11; 1, 12].

А.Н.Куропаткин, будущий военный министр, отмечал неценимую помощь казахов русскому отряду в Хивинском походе 1873 г., где они служили верблюдовожатыми и проводниками и помогали русским солдатам в управлении верблюдами [8, 40—42].

Участник Хивинского похода 1873 г. М.Алиханов-Аварский подчеркивал особую значимость казахов в помощи русскому отряду. По его замечанию, внимание заслуживала помощь казахов русскому отряду в добыче воды, поиске колодцев в Степи. Казахи при русском отряде служили проводниками, как отмечал М.Алиханов-Аварский, они шли по Степи «по врожденному инстинкту, вернее, чем по компасу» и правильно подходили к назначенному месту [2, 62].

К.К.Абаза указывал, что казахи-проводники, участвовавшие в Хивинском походе 1873 г., были вполне надежны и преданы русскому правительству [1, 152]. М.Алиханов-Аварский и К.К.Абаза с большим уважением описывали «общего любимца солдат и офицеров» — почетного казаха Кобака Ермамбетова, который принимал активное участие почти во всех операциях русской армии против среднеазиатских ханств [1, 152; 2, 34].

Важным источником по изучению участия казахов в экспедициях русской армии в завоевании Средней Азии является труд М.Арнольди «В Закаспийском

крае 1877 г.». Эта работа является единственной, в которой достаточно подробно рассмотрены и проекты создания «киргизской милиции», и участие «киргизской милиции» в боевых операциях. М.Арнольди высоко оценивал разведывательные действия «киргизских милиционеров», их помощь в налаживании связи, в обеспечении русских войск водой и топливом [3, 5—8, 13, 17, 20]. М.Арнольди акцентировал внимание на том, что важнейшей функцией «киргизской сотни» была охрана самого русского отряда от внезапных нападений неприятеля [3, 18, 32].

Таким образом, в дореволюционной историографии содержатся отдельные сведения об участии казахов в туркестанских походах, что не создает целостного представления об их роли, однако позволяет предположить, что помощь кочевников сыграла довольно значимую роль в завоевании Средней Азии. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость научного и комплексного изучения данной проблемы.

Примечания

1. Абаза К.К. Завоевание Туркестана. СПб., 1901.
2. Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (Кавказских отрядов). СПб., 1899.
3. Арнольди М. В Закаспийском крае в 1877 г. (Воспоминания офицера). СПб., 1885.
4. Венюков М.И. Поступательное движение России в Среднюю Азию. СПб., 1877.
5. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь, 1902. Т. I.
6. Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 гг. СПб., 1874.
7. Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8.
8. Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении. (Поход в Ахал-теке в 1880—1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 гг. СПб., 1899.
9. Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. СПб., 1900.
10. [Песляк А.] Записки Песляка А. // Исторический вестник. 1883. № 9.
11. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1.
12. Хорошхин А. Заметки по дорогам Средней Азии // Военный сборник. 1870. № 1.

ПРОГРАММА "NEW DEAL" В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ «НОВЫХ ЛЕЙБОРИСТОВ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1990-е гг.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ

Политика в сфере занятости — одно из приоритетных направлений в социальной программе «новых лейбористов», находившихся у власти в Великобритании с 1997 по 2007 гг. Ежегодные государственные бюджетные отчисления на решения проблем сферы занятости населения составляли одну четверть расходов на социальное обеспечение [2]. При этом меры по обеспечению занятости и борьбе с безработицей наглядно демонстрировали суть концепции социальной политики «новых лейбористов» — возможность достижения британскими гражданами благосостояния не путем их зависимости от государства, а за счет активизации их собственных возможностей [2].

Первое лейбористское правительство находилось у власти с 1997 по 2001 гг.; за этот период были предприняты определенные меры по расширению сферы занятости и ликвидации безработицы — трансформирована система государственных пособий, введена система содействия трудоустройству граждан различных возрастных категорий, экономически неактивных граждан, ликвидации долгосрочной безработицы, введена минимальная заработная плата (3,6 фунта в час). Таким образом, за годы деятельности первого кабинета Т.Блэра лейбористы сократили безработицу до 1 млн. человек, Это стало лучшим показателем в Великобритании за весь период с 1975 г.

Вместе с тем, для такого развитого государства, как Великобритания, показатель безработного населения был велик. Решение этой проблемы стало одной из главных целей социальной политики второго лейбористского кабинета Тони Блэра (2001—2005 гг.)

Реформа сферы занятости получила свое отражение в главном программном документе лейбористов — избирательном манифесте 2001 года «Амбиции для Британии» (Ambitions for Britain. Labour's Manifesto 2001) [1]. Проблеме занятости населения в манифесте уделено наибольшее внимание, среди всех направлений социальных реформ это направление было поставлено разработчиками манифеста на первое место.

Основное содержание реформы сферы занятости было связано с предоставлением возможности работы для всех социальных групп, эта программа получила название «Новый курс» ("New Deal"). В соответствии с этим, правительство предполагало, что к концу 2010 г. процент работающих граждан будет гораздо выше, чем в предыдущие годы [3].

Программа «Новый курс» для одиноких родителей была расширена и включала помощь при устройстве на работу, обучении, дополнительная субсидия на детей. Для того чтобы как можно больше одиноких родителей были в курсе этой программы, с апреля 2002 г. по всей стране проводились специальные информационные разъяснения.

Для обеспечения полной занятости второе лейбористское правительство предложило следующие ключевые действия:

- переход от политики раздачи пособий к политике обеспечения полной занятости;
- обеспечение финансовой стабильности при таком переходе;
- обеспечение оплаты любой работы, используя введенный ранее минимум заработной платы;
- поощрение продвижения по службе за счет непрерывного обучения

Несмотря на активную политику предыдущего лейбористского кабинета в этом направлении, рынок труда Великобритании оставался неравномерным. В некоторых областях был отмечен особенно низкий показатель занятости среди таких категорий населения: нетрудоспособное население, одинокие родители, национальные меньшинства, население старше 50 лет. Второе лейбористское правительство видело своей приоритетной задачей обеспечение занятости для этих категорий общества.

Рынок труда Великобритании был очень динамичен. Благодаря правительственной программе перехода от раздачи пособий к всеобщей занятости, многие безработные устраивались на работу. Те, кто оставались безработными на более длинные периоды рисковали оказаться вне рынка труда. Правительство Тони Блэра предлагало специальную программу под названием «Новый курс» для ликвидации долгосрочной безработицы и обеспечения занятости всех категорий населения.

«Новый курс» был специально разработан и нацелен на обеспечение долгосрочной занятости для каждой категории.

«Новый курс» для молодежи (до 25 лет). Эта программа была запущена еще в апреле 1998 года. Благодаря этой программе свыше 270 тыс. молодых людей были трудоустроены, этот показатель превосходил предвыборное обещание лейбористов обеспечить рабочими местами 250 тыс. молодых людей. Уже в 1997 г. при кабинете министров был создан специальный офис для стимулирования «социальной включенности» тех граждан, которые, будучи работоспособными по тем или иным причинам оказались не в состоянии иметь достаточный доход и «включиться» в трудовую деятельность.

«Новый курс» для граждан старше 25 лет представлял собой интенсивное содействие в трудоустройстве гражданам, которые были безработными в течение более продолжительного периода. Для этой цели создавались службы персональных консультантов.

«Новый курс» для одиноких родителей был нацелен на обеспечение возможностей трудоустройства для одиноких родителей, чтобы улучшить свой уровень жизни. Благодаря этой программе, лейбористское правительство предполагало к 2010 г. решить проблему трудоустройства не менее 70% одиноких родителей. Для этого была организована работа специальных консультационных центров для одиноких родителей, куда одинокие родители должны ежегодно являться для обсуждения возможного их трудоустройства. Также правительством было предложена бесплатная переподготовка (при необходимости) в течение 6 месяцев и компенсация затрат на содержание детей.

«Новый Курс» для нетрудоспособных граждан. Нетрудоспособное население сталкивается с наибольшими трудностями при устройстве на работу, для них вероятность оказаться безработными в семь раз больше, чем для обычных людей.

В число нетрудоспособного населения Великобритании входит около 1,4 млн., что составляет 20,6%. Лейбористское правительство поставило цель сократить численность безработных среди нетрудоспособного населения, желающего получить работу, по сравнению с численностью безработных среди остальных категорий общества. В настоящее время, ежегодно только 5% нетрудоспособных граждан, получающих пособие, могут найти работу [3].

Для реализации этой социальной программы правительство предлагало использовать различные методы — персональное консультирование, изменение суммы пособий.

«Новый курс» для граждан старше 50 лет; 80-е годы и начало 90-х годов XX века характеризовались низкими показателями занятости среди граждан старше 50 лет. Для решения этой проблемы правительством был предложен комплекс мер — персональное консультирование, содействие в поиске работы, профессиональное повышение квалификации или переподготовка [2].

Таким образом, Лейбористская партия Великобритании, придя к власти во второй раз, определила реформирование сферы занятости важнейшим направлением своей социальной политики. Лейбористы пытались не только сохранить достигнутое за 1997—2001 гг., но и провести корректировку социального курса, демонстрируя при этом преемственность и последовательность.

Примечания

1. Ambitions for Britain. Labour's Manifesto 2001, April 2001, Labour Party. London, 2001.
2. Because Britain Deserves Better: New Labour's Election Manifesto, May 1997. London, 1997.
3. Britain 2001: The Official Handbook. London, 2001.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В.Н.Авдеева

*Архивный отдел Комитета по управлению делами администрации
Жирновского муниципального района, Волгоградская область*

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЖИРНОВСКОГО РАЙОНА

Тема истории образования учебных заведений в Жирновском районе до настоящего времени не была предметно рассмотрена в работах исследователей. Некоторые образовательные учебные заведения пытаются воссоздать историю создания и развития своих школ, однако недостаточная историко-педагогическая база по данной тематике накладывает свой отпечаток: в архивном отделе администрации Жирновского муниципального района документы постоянного срока хранения отложились только с 1971 года. Документы до этого времени переданы на хранение в ГУ ГАВО. Документы по личному составу приняты на государственное хранение с 1941 года, но они менее информативны.

Сложность поиска материала заключается и в том, что Жирновский район образовался на территории нескольких районов Сталинградской, а затем Волгоградской области. Часть его территории относилась и к Республике немцев Поволжья. Заселение территории началось в середине 18 века. Из 26 населенных пунктов, находящихся в то время на территории будущего Жирновского района, школы (церковные, земские или школы грамоты) имелись лишь в одиннадцати. Необходимо напомнить, что учебные заведения уездов до 1918 г. представлены земскими и министерскими школами (МНП), железнодорожными, фабричными, церковно-приходскими, Мариинскими гимназиями и гимназиями Министерства народного просвещения, реальными училищами, учебными заведениями Синода, частными учебными заведениями.

Учебные заведения Камышинского уезда относились к Казанскому учебному округу.

Для дальнейшего повествования считаю необходимым напомнить историю земства, заложенного реформой 1864 года. Одним из основных направлений в земской реформе было образование. Приоритет образования отлично понимали в обществе — еще до всяких реформ явочным порядком были созданы Комитеты грамотности: в 1859 г. в Москве и в 1861 г. в Санкт-Петербурге.

Земские школы были двух типов — однокомплектные, с трехгодичным курсом обучения, рассчитанные на пятьдесят учеников с одним учителем, и двухкомплектные с четырехлетним курсом, более 50 учениками и двумя учителями.

Это зависело от количества детей в селе, от потребности в образовании, от материальных и денежных возможностей местной земской управы. Хотя земства формально не имели права непосредственно влиять на учебный процесс: определять содержание программ, выбирать учебники и пособия, назначать и увольнять учителей, они, тем не менее, оказывали такое влияние. Помимо обязательных предметов: Закон Божий, чтение, письмо, арифметика, пение, земские учителя, дополнительно, природоведение, географию, историю.

Земства снабжали учителей лучшими из существовавших в то время учебниками. Широко применяли наглядные пособия. Во многих земствах были организованы школьные, а позже и народные публичные библиотеки. И хотя «Закон Божий» преподавался в обязательном порядке всюду, но в земских, светских школах, он был наряду с прочими предметами, а в церковно-приходских, относившихся к ведению Синода, над прочими предметами. Если учесть тяжелое материальное положение крестьян, то стоит ли удивляться тому, что многие из них неохотно посылали своих детей в школу. Земство, конечно, принимало меры для вовлечения крестьянских ребятишек в училища. Но не всегда меры эти были понятны для родителей. В протоколе сессии есть такая запись: «...что же касается ходатайства управы о дозволении ей штрафовать родителей учащихся за удержание их от учебы без уважительных причин, то хотя собрание не имеет права давать такое дозволение, но не может не высказать единодушного убеждения всех членов собрания в необходимости введения обязательного учения как для мальчиков, так и для девочек (хотя бы в виде опыта на известное число лет), как единственно верное средство привить к народу сознание пользы учения...».

Пожелание благое, но, увы, для той поры нереальное. Для введения всеобщего обязательного обучения не было ни объективных условий, ни средств у земств.

Например, в селе Бородачи Камышинской волости Камышинского уезда существовала школа грамоты, открытая в 1894 году. До нее школа кочевала по наемным хатам. В селе Вершинка (бывшей немецкой колонии Кауц) в 1767 году открылась церковная, а в 1893 году земская школы.

В слободе Кленовка Камышинской волости Камышинского уезда в 1894 году была открыта школа грамоты, а в 1886-м собственно школа. Сохранились сведения, что эта школа размещалась в простой избе с домохозяевами. Учителем был сын дьячка. Топливо, солому ученики носили из дому по очереди. Учебные и школьные принадлежности приобретались родителями. Кроме платы за аренду избы под школу родители платили еще и учителю по 30 копеек за ученика.

В нынешней Кленовской средней общеобразовательной школе сохранились достаточно интересные воспоминания колхозников, живших на рубеже веков в этом некогда захолустном степном селе. По воспоминаниям, учителем школы грамоты был поп Данила, пьяница и озорник. Жил он в церковной сторожке. Сюда по вечерам сходились пять его ровесников, обучались чтению и письму. Алексей Васильевич Пятибратов, бывший колхозник, рассказывал, что поп

поставил условие: во время занятий он может и должен бить за непонятливость и непослушание. Без этого все равно ничему не научиться. После занятий непременно угощать учителя водкой, в виде мзды за науку. Для обучения «читаю», как он говорил, Данила выкладывал на стол церковную книгу. Пять голов, стукаясь лбами, тарасили глаза в страницу и гудели хором...

Письму Данила обучал более вразумительно. Каждый ученик должен был иметь собственный гвоздь и чертить им на стене сторожки по штукатурке сначала прямую палочку, а потом «перешли к загогулине». На этой самой загогулине первую Кленовскую школу захватила весна. Поп по разводью поехал в Кленовку за водкой и обратно не вернулся. Его нашли утонувшим вместе с лошадью в речке Щелкан.

Данилу сменила грозная Клавдия Филатовна. А затем в Кленовке появился Степа Кальянов, проучившийся три года, а затем поступивший в Камышинское реальное училище. Выпускные экзамены сдал со второго раза. Первый год ему доверили, как величайшую милость, заменять больного учителя в Таловке. Во второй, 1907 год, в насмешку послали в Кленовку, где по сути и школы-то не было никакой. Не спешили к нему деревенские мальчишки. То и дело слышалось по селу: «Этот здоровенный, не то, что Филатовна. Этот стукнет по башке — по шейку войдешь в землю». Не шли... Тогда со двора во двор пошел сам Степан Иванович. Роздал ребятам тетради и карандаши. На первый урок пришло одиннадцать мальчиков. В третью зиму Степан Иванович с учениками занимал особое здание под соломенной крышей, с земляным полом. Сюда, уже в настоящую школу, просились ребята из соседних деревень: Тихменевки, Кольцовки, Майоровки. Обещали платить за ребят. Но школа вмещала только 30 человек.

На четвертый год работы С.И.Кальянова в школе ожидалась первая за всю историю Кленовской школы экзамены. Ученики боялись, переставали ходить в школу. Учитель снова пошел по дворам. И пусть в тот первый раз экзамен сдали всего лишь четыре ученика, Степан Иванович был безмерно рад. Из его учеников не менее тридцати получили впоследствии высшее образование и все с большой благодарностью вспоминают своего учителя. За время революции три раза сгорала в пожаре Кленовка. Старой школы как не бывало. Но теперь на самой широкой улице красуются три огромных здания под зелеными крышами. Надо сказать, что в 1897 году в Кленовке было открыто и земское училище.

Но пойдём дальше. В слободе Красный Яр Камышинского уезда в 1843-м появилось Земское училище. В 1889-м в Приходе Троицкой церкви открыта сельская одноклассная школа, где обучалось 153 мальчика и 6 девочек. В 1888 — школа грамоты, также в приходе Троицкой церкви. Здесь училось 66 мальчиков и 14 девочек. В 1889 году в Красном Яре в Приходе Михаило-Архангельской церкви появилась школа грамоты, где обучалось 46 мальчиков. Находилась школа в церковной сторожке.

В селе Фоменково, относившейся к Красному Яру, школа грамоты открыта в 1899 году, здесь училось 25 мальчиков и 5 девочек.

Также церковно-приходские школы были открыты в Селе Новинка (бывшая немецкая колония, 1863 г.), в селе Тетереватка Верхнедобринской волости Камышинского уезда, в слободе Александровка (1893 г.), в Большой и Малой Князевке (1883). Земские школы находились в Тетереватке и в Малой Князевке.

В середине 19 века земские школы не пользовались каким-либо авторитетом у населения, т.к. земство старалось избавиться от лишних затрат, экономия средства на образование. Но учебные заведения не могли существовать без ассигнований, поэтому школы закрывались одна за другой, число учащихся быстро сокращалось.

Камышинское земство за время своего существования сменило несколько систем участия в распространении начального образования. Земское Собрание 1867 г. постановило открыть с 1868 г. 3 начальных школы, ассигновав на каждую по 500 руб. в год.

В колониях все русские школы содержались на частные средства, земские ассигнования должны были идти как стипендии детям из бедных семей. В 1886 г. Собрание приняло решение принять на счет земства уплату жалованья учителям — 250 руб., русско-немецким школам сначала было в этом отказано, но в 1888 г. пособие выдается и им. Камышинское земство систематически открывало учебные заведения. Так, в 1843 г. было открыто Красноярское земское училище, в 1867 г. — Грязнушинское, в 1869 — Верхне-Добринское, в 1897 — Клевновское, Мирошниковское; в 1883 г. церковно-приходская школа в сл. Меловатка.

Земские школы до 1908 г. содержались на совместные средства земства и сельских обществ. Земство выделяло средства на содержание учительского персонала, а сельское общество помогало в приобретении учебников, учебных пособий, несении хозяйственных расходов. В 1908 году был издан закон о пособиях земству на содержание учителей. Министерство народного просвещения освобождало земство от расходов по содержанию учителей, принимая расходы на свои средства. Это привело к улучшению материального обеспечения как школы, так и учителя (ему выплачивалось фиксированное жалованье в 360 руб.). Таким образом, земская школа до революции содержалась на средства земства и Министерства народного просвещения.

В 1903/1904 учебном году в Камышинском уезде насчитывалось 219 начальных школ, в т.ч. 58 земских, 55 немецких церковно-приходских, 7 немецких товарищеских, 47 школ грамоты, 41 церковно-приходская, 5 министерских. Все 58 земских школ содержались исключительно на средства уездного земства и сельских обществ. Оклад учителя составлял 300 руб. в год. Все школы уезда в 1903/1904 учебном году снабжались бесплатно учебниками, учебными и письменными принадлежностями.

Уже в 1913/1914 учебном году в Камышинском уезде было: земских школ — 118, церковно-приходских — 96, министерских — 7, русско-немецких — 44, частных — 5, городских — 11 (в т.ч. лютеранская, католическая и железнодорожная).

Распоряжением правительства от 12 марта 1913 г. школе, открытой в сл. Красный яр Камышинского уезда, присвоено имя наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича.

На 1 января 1915 г. в Камышинском уезде действовали 43 русско-немецкие школы, 2 иноверческие (лютеранская и католическая).

В селе Жирное Лемешкинского района первая начальная школа была организована в 1907 году. Она состояла из трех классов, в которых дети занимались одновременно в одну смену. Преподавал один учитель — Копьев Иван Иванович. Здание образовательного учреждения представляло собой крестьянскую избу из одной комнаты. Число учеников доходило до 20—25 человек, среди них была только одна девочка.

В 1911 году построили школу с расчетом на 4 года обучения. Количество учеников увеличилось. Появился второй учитель по фамилии Осташкин. В 1915 году здание школы сгорело. Учащиеся стали ходить на занятия группами по частным квартирам. В годы гражданской войны обучение детей не было системным.

В 1921 году Григорий Денисович Маклаков, бывший ученик И.И. Копьева, продолжил дело народного просвещения. Сначала он один занимался с тремя классами, а затем приехала учительница Торикова. Стало 4 класса. Эта новая начальная школа просуществовала до 1932 года. В 1932-м в с.Жирное открыли семилетнюю школу, директором которой назначен Г.Д.Маклаков. Он руководил учебным заведением до 1941 года, пока не ушел защищать родную землю от фашистских захватчиков. Пост директора заняла учительница Погорелова.

В годы Великой Отечественной войны в 1942-м году при Жирновской школе открыты 8-й и 9-й классы. Количество учащихся доходило до ста человек.

В конце 40-х годов в селе Жирное открыты нефтяные и газовые месторождения, что повлекло за собой приезд большого количества людей: геологов, буровиков, нефтяников, строителей. Люди ехали вместе со своими семьями. Ежедневно в школу приходило до 20 новых учеников. А школа на тот момент размещалась в бараке из 11 комнат. Так что вопрос о строительстве нового здания школы оказался насущным.

В 1954 году была открыта восьмилетняя школа в просторном двухэтажном здании. Отсюда берет свое начало история Жирновской школы № 1.

Сфера образования в Жирновском районе развивалась очень активно. Она стала отражением развития образования всей России.

ЖЕРТВЕННОСТЬ КАЗАКОВ В МАТЕРИАЛАХ КОМИССИИ СЕНАТОРА А.Н.КРИВЦОВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Материалы Комиссии А.Н.Кривцова для Российской империи стали основным источником получения информации о положении военнопленных россиян в Германии и Австро-Венгрии. Практически все периодические издания, ставшие в годы войны основным средством передачи жителями империи сведений о боевых действиях и прочих событиях, связанных с войной, черпали информацию о положении военнопленных из материалов Комиссии. Лекторы-пропагандисты, посещавшие населенные пункты России, в своих выступлениях перед обывателем постоянно стремились в процессе конструирования образа германского и австро-венгерского врага, подтверждать свои доводы примерами из материалов Комиссии А.Н.Кривцова.

Впервые речь о казаках заходит во время анализа численности повешенных германскими и австро-венгерскими военнослужащими российских военнопленных. Среди жертв этого произвола доминировали казаки. Из 10 случаев, зафиксированных в первом томе материалов комиссии А.Н.Кривцова, повешения военнопленных восемь приходилось на казаков [1, 88—89]. Это были в основном кубанские и донские казаки.

Неслучайно, что наибольшую жестокость солдаты противника проявляли к казакам. К ним в армии Германии и Австро-Венгрии было противоречивое отношение. С одной стороны их побаивались, так как противник был хорошо осведомлен о высоких боевых качествах казачьей легкой кавалерии. С другой стороны в Европе были сильны мифы о коварности и азиатской жестокости казаков по отношению к военнослужащим противника и мирным жителям. Поэтому казаки не раз фигурировали среди тех, кого германские и австро-венгерские солдаты уничтожали на поле боя, не беря в плен.

Когда солдаты подвергались пыткам, то на их вопрос, почему с ними так поступают, военнослужащие противника прямо отвечали только «за то, что они казаки» [1, 102]. Казаков солдаты противника научились быстро отличать по особенностям униформы, в частности донских казаков, узнавали по синим шароварам с красными лампасами, кубанских по черкескам. Наиболее типичный случай произошел в августе 1914 г. при отступлении 40-го Донского казачьего полка из Восточной Пруссии в районе деревни Зимноводы в плен попало шесть казаков полка. Всех их германские солдаты поместили в глубокую сырую яму, не имевшую никакого перекрытия. В ней военнопленные пробыли более суток без воды и продовольствия. Все время германские солдаты издевались над

казаками, подходя к яме, они их обзывали и постоянно грозили расстрелом. Вскоре четыре казака были расстреляны. По данным очевидцев событий, германский офицер постоянно сравнивал казаков со «зверьями», избивая их хлыстом.

Ненависть к казакам трансформировалась у германских солдат в особые изуверские средневековые формы казни людей, которые не находили логичного и морального объяснения. Когда в материалах Комиссии идет речь о членовредительстве то, более половины случаев имеет прямое отношение к кубанским и донским казакам. По сведениям рядового 2-го гренадерского Ростовского полка он стал свидетелем сцены, когда немецкие солдаты привязали пленного казака к двум лошадям, а затем, направив их в разные стороны, разорвали тело несчастного. В Ковенской губернии солдатам 1-го стрелкового полка удалось на опушке леса отбить пленного казака, тело которого немцы стремились проткнуть шомполами. Правда эта история имела «счастливый конец» оба немецких гренадера, пытавшие казака были застрелены, а сам он был спасен [1, 83]. В массовом количестве встречались примеры, того, как немцы иезуитски убивали казаков, сначала они отрезали им пальцы, затем нос и уши и только потом закалывали, или расстреливали [2, 67].

Казаки были хорошо осведомлены о жестком к ним отношении со стороны противника, поэтому они стремились во время попадания в плен переодеться в одежду рядового состава российской армии и уничтожить свою казачью униформу [2, 67]. Этот факт, по мнению Комиссии, повышал их шансы на выживание в плену.

В тоже время, анализируя материалы Комиссии А.Н.Кривцова, следует подчеркнуть, что в них, зачастую публиковалась непроверенная информация. Российские пленные, вновь оказавшиеся на родине, стремились сгустить краски, чтобы подчеркнуть свою мужественность и героизм. К тому же военное ведомство России требовала «страшилок» дабы отбить охоту у российских военнослужащих добровольно сдаваться в плен [3, 424]. Однако другие источники так же подтверждают факты наиболее жестокого отношения противника к казакам. Одновременно они демонстрируют соблюдение норм международного права в Германии и Австро-Венгрии к основной массе казаков, несмотря на все исключения.

Примечания

1. Обзор действия Чрезвычайной Следственной Комиссии с 29 апреля 1915 г. по 1 января 1916 г. Пг., 1916. Т. 1.
2. Обзор действия Чрезвычайной Следственной Комиссии с 1 января 1916 г. по 1 июля 1916 г. Пг., 1916. Т. 2.
3. Ридегер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2.

ГОД ИСТОРИИ В РОССИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Началом российской науки можно считать первую четверть XVIII в. Создание в эпоху преобразований Петра I Академии наук, как и ряд других правительственных мер, ознаменовали новый этап в развитии общественного сознания России. Наука стала ее отдельной сферой, что дает веское основание считать, что в начале нынешнего тысячелетия отечественная наука существует уже почти 300 лет. За эти три столетия она не только достигла огромных успехов, но и пережила огромные испытания, связанные с общим ходом развитие нашего общества, страны и государства. Эти бурные перипетии затронули ученых всех областей знаний. Но наиболее драматическими, а порой и трагическими, являются отношения с быстро меняющейся действительности социально-гуманитарных наук и в первую очередь истории.

Текущая современность на каждом крутом повороте истории предъявляет исследователям свой социальный заказ и зачастую делает это в жесткой форме, требующей от ученых не только научного, но и гражданского мужества. Такой социальный заказ сформулировала и наша современная эпоха. Двадцать лет перемен во всех сферах жизни, которые произошли после 1991 г., требуют от исторической науки четких ответов на вызов времени [1]. Свидетельством осознания этого социального заказа современной политической элиты является объявление Указом Президента России Д.А.Медведева начинающегося 2012 г. годом истории России.

Существующая в современной России рыночная экономика позволяет использовать для анализа актуальных проблем изучения российской истории такой термин из области принятия экономических решений как «риск». Под ним в данном случае будут пониматься те потенциальные угрозы, которые возникают в ходе реализации профессиональной деятельности как для членов исторической «корпорации», так и для всего российского общества.

Анализ историографии российской истории последних двух десятилетий позволяет выделить, как минимум, шесть таких «рисков», которые являются интеллектуальным вызовом для отечественных историков и всего современного российского общества.

Во-первых, при рассмотрении истории древней Руси надо признать, что за 20 лет существования новой российской государственности господствующей стала «норманнская» теория возникновения Древнерусского государства. Это в первую очередь связано с тем, что распад СССР и попытка создания «Европы

от Атлантики до Урала» делает такой подход более востребованным для политической элиты Российской Федерации. Как реакция на это торжество «классического норманизма» актуализировалась и восходящая к М.В.Ломоносову гипотеза о нескандинавском происхождении Рюрика и связи с югом побережьем азово-черноморским. Эта историографическая ситуация ведет к тому, что традиционный взгляд отечественной историографии о едином истоке государственности трех восточнославянских народов, утвердившийся в отечественной мысли с эпохи «Синописа» Иннокентия Гизеля, вытесняется из общественного сознания. Тем самым усиливаются центробежные тенденции в отношениях России, Украины и Белоруссии.

Во-вторых, все более распространяется в отечественной историографии и публицистике «евроазиатский» подход, актуализация которого можно связать с творческим наследием Л.Н.Гумилева. Положительной стороной такого взгляда является повышение внимания к истокам формирования ряда народов современной Российской Федерации, корни которых восходят к ряду древних государств евроазиатских кочевников. Но, одновременно, возникает риск утраты ведущей в истории народов нашей страны преемственности в политическом развитии, идущей от «Киева», через «Владимир» к «московскому» и «петербургскому» периоду отечественной истории. В качестве иллюстрации этого риска можно привести появление в ходе переписи населения РФ такого этнонима как «скиф» и попытку искусственного создания исторического самосознания такого этноса как «меря» в 2000-х годах. Причина появления и распространения таких фантастических трактовок истории народов России требуют специального анализа. Но их потенциальную опасность для традиционной национальной и культурной идентичности большинства населения нашей страны не вызывает сомнения.

В-третьих, в ходе научного анализа сложных событий новой и новейшей истории России значительное распространение получил «микроисторический» или «локальный» подход, то есть рассмотрения хода истории на уровне отдельных малых групп и личностей. Признавая важность и полезность такого взгляда, необходимо обратить внимание на то, что попытка строить на этой основе «макроисторические» выводы было бы опрометчиво. К тому же повышенное исследовательское внимание к группам и личностям, которые ранее имел негативную репутацию в отечественной исторической традиции, способствует усилению тенденции к нравственному релятивизму, которая и так широко распространена в современном обществе. В качестве примера можно привести биографию такого деятеля как гетман И.С.Мазепа, в которой дается апологетическая трактовка многих его сомнительным и в политическом, и в нравственном отношении поступкам [2]. Этот подчеркнутый и иногда болезненный интерес к темным сторонам истории, конечно, отражает ситуацию в обществе, где существует на это спрос. Примером этого может быть обширная литература, посвященная проблеме плена и коллаборационизма в период мировых конфликтов

XX в. Обстоятельные исследования о попавших в плен генералах императорской армии, не дополнены работами о генералах, павших на фронтах Первой мировой войны, выполняя свои воинский долг [3].

В-четвертых, значительной работы по научному осмыслению требует охватывающий XVIII — начала XX вв. «имперский» период российской истории. В 2000-х гг. в отечественной историографии быстро утверждается подход, рассматривающий его с точки зрения «центр» — «периферия» [4]. Такая познавательная модель, при всех ее позитивных сторонах, рассматривает сложившееся на 1/6 земного шара в эту эпоху экономическую, политическую и культурную общность, как изначально обреченную на неизбежный распад и крушение многонациональную империю. Но события большей части двадцатого столетия, как и несомненное существование центростремительных тенденций на этом пространстве заставляют усомниться в объективности такой трактовки.

Существует и другая тенденция в трактовке «имперского» периода отечественной истории. Она состоит в идеализации монархии династии Романовых, которая понимается не как исторически проходящая форма отечественной государственности, а как «потерянный рай», миф о котором затрудняет восприятие как прошлого, так настоящего и будущего.

В-пятых, самым важным «риском», как для науки, так и для общественного сознания современной России, является проблема понимания советского периода отечественной истории. Неполных 75 лет советской истории оставили огромное по своим размерам и значению наследие, творческое изучение и освоение которого является актуальной проблемой современной жизни. Нигилистическая трактовка советского прошлого не только может привести к отказу от объективного анализа недавнего прошлого, но и несет в себе угрозу потери гражданской идентичности в настоящем.

В-шестых, одним из самых проблемных полей отечественной историографии является изучение истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Объективный взгляд на современные политические процессы заставляют признать, что в Европе происходит процесс пересмотра итогов Второй мировой войны. В ряде стран Центральной и Восточной Европы у власти находятся силы, которые считают себя приемниками тех, кто проиграл ту войну, и стремятся взять в новых условиях реванш. Это делает изучение и осмысление этой войны полем политической борьбы, в которой декларации о нейтральной «академической» позиции являются формой сознательной или бессознательной маскировки.

Эти шесть «рисков» для исследователей усугубляются тем обстоятельством, что «социальный заказ» существует не только на научную трактовку отечественной истории. Ярчайшим примером псевдонаучных изысканий, востребованных рынком, являются многочисленные труды А.Т.Носовского и Г.В.Фоменко. Необходимость поиска адекватных ответов на эти историографические и социальные вызовы и является самой актуальной задачей изучения отечественной истории.

Примечания

1. О состоянии современной исторической науки см.: Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред. Г.А.Бордюгова. М., 2011; Исторические исследования в России — III. Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г.А.Бордюгова. М., 2011.
2. См.: Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М. 2007; Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства». М., 2011.
3. См.: Нагорная О.С. Русские генералы в германском плену в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2008. № 4; Гушин Ф.А., Жебровский С.С. Пленные генералы Российской императорской армии 1914—1917. М., 2010.
4. См.: Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007.

Л.В.Алексеева

г.Нижневартовск

Нижневартровский государственный гуманитарный университет

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЮГРЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ханты-Мансийский национальный округ с января 1935 г. по август 1944 г. находился в составе Омской области, поэтому значительное количество документов хранится в архивах Омской области.

Документы Казенного учреждения «Исторический архив Омской области» представлены фондами объединенных архивов: партийного и государственного. Фонд Омского Облисполкома — Ф. 437 содержит большое количество документов, в том числе и по истории Ханты-Мансийского национального округа. Автором изучены дела, содержащие:

1. Постановления, телеграммы СНК СССР и ЦК ВКП (б) по сельскому хозяйству (в их числе: о крайне медленном развертывании прополочных работ в области 1942 г.; о завершении обмолота хлебов 1941 г.; о плохой подготовке к севу 1942 г. и др.);
2. Решения облисполкома по сельскохозяйственным вопросам, в числе которых: об обеспечении овсом лошадей, перегоняемых из Ханты-Мансийского округа; о подготовке кадров для МТС ХМНО, об обеспечении запчастями ремонта тракторов, задания по ремонту; о мероприятиях по организации зимовки скота в колхозах ХМНО; о военно-хозяйственном плане посевных площадей; сводки и справки о поставках сельхозпродукции из округа, о выполнении планов заготовок сельхозпродуктов; о мобилизации населения на сельхозработы;
3. Конъюнктурные обзоры, общая характеристика хозяйства ХМНО (в них содержатся сведения о валовой продукции сельского хозяйства, производстве

сельхозпродукции на душу населения, сведения об освоении сельхозугодий; динамика роста посевных площадей и урожайность, количественные показатели рабочей силы, основные агротехнические мероприятия и их сроки, сведения о численности животноводства и продуктивности, статистика заготовок, колхозов и сельскохозяйственных артелей.

4. Протоколы заседаний облисполкома (в них отражены планы развития производства в колхозах; планы по развитию животноводства, сведения о продуктивности скота в округе; планы посевов зерновых, картофеля и овощей; сведения об объемах тракторных работ в МТС, а также планы заготовки дров для газогенераторных тракторов).

5. Совместные постановления Обкома и Облисполкома (содержат планы сельскохозяйственных работ на 1943 г., сведения о размерах посевов технических культур, картофеля и овощей).

Документы фонда 1699 — «Областное земельное управление» также содержат сведения о сельском хозяйстве ХМНО. Изучены дела по следующим тематическим группам:

1. Управления землеустройства (здесь содержатся годовые отчеты за 1941 г., 1942 г.).

2. Омское областное ветеринарное управление (сводки о выполнении плана противозооотических мероприятий, статистику о состоянии эпидемиологической обстановки в округе).

3. Приказы по Омскому областному земельному управлению (о работе МТС, о приемке и разработке годовых отчетов колхозов, об упорядочении учета, хранения и распределения трудовых книжек, о премировании лучших работников МТС, о переводе тракторов СХТЗ на газогенераторное топливо, об обучении колхозников в зимний период) 1943 г., о подготовке кадров массовой квалификации для сельского хозяйства в 1942 г., о подготовке к весеннему севу 1942 г., о хранении тракторов и техники в МТС, о распределении доходов и состоянии годовых отчетов в колхозах, об обязательных поставках хлеба государству и др.).

В числе наиболее важных документов Ф. 1088 — «Омская областная плановая комиссия» представлены контрольные цифры развития народного хозяйства ХМНО на 1944 г., где наряду с плановыми показателями отражены сведения о развитии округа в 1943 г.

Документы фонда П-17. Омский обком ВКП (б) содержат:

1. приказы и распоряжения СНК СССР;
2. постановления ЦК ВКП (б) по вопросам сельского хозяйства Омской области;

3. документы Экономического совета при СНК;

4. отчет Омского обкома ВКП (б) за 1940-1943 гг.;

5. справка о результатах проверки Ханты-Мансийского окружкома ВКП (б) — июнь 1944 г.

6. сводки о размерах пахотных угодий, количестве колхозов, валовой продукции сельского хозяйства, размерах посевов по видам сельскохозяйственных культур.

7. документы о техническом оснащении МТС;

8. статистика животноводства, количество ферм в колхозах округа, продуктивность.

9. документы о подготовке сельскохозяйственных кадров;

10. отчет Ханты-Мансийского окружкома о работе — 1944 г.

Изучение документов указанных фондов Исторического архива Омской области позволило исследовать состояние сельского хозяйства северных территорий в составе Омской области (1941—1944 гг.), проанализировать сельскохозяйственные показатели, восполнить пробелы в части статистики валовых сборов и коллективного производства, выявить проблемы развития в аграрном секторе.

14 августа 1944 г. Ханты-Мансийский национальный округ отошел к Тюменской области. Площадь новой области составила 1 435,2 тыс. кв. км. Площадь ХМНО составляла 523,1 тыс. кв. км, или более 36% общей территории Тюменской области. Ценные документы хранятся в этой связи и в архивах Тюменской области. Для нас наиболее важен Ф. П107. — Ханты-Мансийский окружком ВКП(б) Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственного архива социально-политической истории Тюменской области». Изучены все протоколы заседания бюро Ханты-Мансийского окружком ВКП(б) за период с июня 1941 по август 1945 гг. В них отражены и вопросы развития сельского хозяйства. Наиболее часто рассматриваемые вопросы: посевные кампании и обеспечение семенами, проблемы в работе МТС округа, в том числе о работе политотделов; состояние животноводства, поставки сельхозпродукции, о выполнении трудодней и распределении доходов; планы подготовки кадров массовой квалификации для сельского хозяйства; о создании и поставках сельхозпродукции в различные Фонды. Постановления заседаний бюро Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) содержат различную информацию о состоянии сельского хозяйства (статистика, анализ проблем, меры по их устранению).

Изучены протоколы всех пленумов Ханты-Мансийского окружком ВКП(б) за годы войны. Здесь содержатся статистические сведения о развитии сельского хозяйства, сравнение плановых показателей с их выполнением, анализ причин невыполнения. Вопросам сельского хозяйства был посвящен специальный пленум Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б), состоявшийся 11 марта 1944 г. На пленуме знакомились с Постановлением ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства Омской области», с итогами XIV Пленума Омского обкома ВКП(б). Здесь же был представлен подробный доклад о состоянии сельского хозяйства в округе. Приводились сведения об освоении новых земель, планах и результатах посевной кампании, уборке хлебов и потерях, урожайности, о проблемах агротехники, о состоянии животноводства и т.д. [1]. Большой интерес в материалах

пленумов представляют выступления в прениях по докладу секретаря окружкома. Стенограммы пленумов содержат объективную картину происходящего, внутреннюю обстановку, конъюнктурный подход, попытку решить проблему, не имея для этого порой никаких средств и возможностей. Порой эти документы позволяют представить весь драматизм положения в сельском хозяйстве севера.

Автором изучены все протоколы окружных партийных конференций. В них отражены итоговые показатели развития сельского хозяйства за определенный период. В материалах окружных партконференций содержатся доклады о работе окружкома, дающие представление о развитии сельского хозяйства.

В фонде содержится отчет о работе Ханты-Мансийского окружком ВКП(б) за период 1943—44 г., отчет **о работе** Ханты-Мансийского окружком ВКП(б) за 1943 и первый квартал 1944 г. Эти документы ценны тем, что в них содержатся обобщенные данные по основным отраслям сельского хозяйства, сельскохозяйственному производству, трудовым ресурсам и т.д.

Весьма ценным является «Доклад о работе Ханты-Мансийского окружком ВКП(б) на заседании бюро Омского обкома ВКП(б) 5 июля 1944 г.», где представлены итоги развития округа за годы войны, объясняются проблемы, высказываются просьбы и пожелания в адрес обкома партии.

Статистические сведения достаточно полно представлены в делах с тематической подборкой документов. Так, в д. 805 «Общая характеристика развития народного хозяйства округа» содержатся источники о размерах сельскохозяйственных угодий, численности рабочей силы в сельском хозяйстве, валовой продукции. В Д. 806 «Общественное животноводство» содержатся документы, характеризующие состояние отрасли, продуктивность, объемы производства сельхозпродукции, сведения о наличии животноводческих построек, справки по выбраковке скота, наличии племенного скота в колхозах округа и многое другое.

В фонде обнаружены справки окружной прокуратуры, санкционировавшей привлечение к уголовной ответственности колхозного актива по районам округа за 1941 год, а также документы, свидетельствующие о голоде колхозного населения в Самаровском районе, вынужденного в этой связи употреблять в пищу трупы павших от бескормицы животных.

В целом, документы Ф. 107 «Ханты-Мансийский окружком ВКП(б) позволяют реконструировать не только руководство сельским хозяйством. но и выявить его реальные показатели, производственные процессы, проблемы.

В Государственном архиве Тюменской области изучено несколько документов Ф. Р-814 — Тюменский облисполком. Просмотрены протоколы заседаний и решения, а также стенограмма Первой сессии Тюменского областного совета депутатов трудящихся первого созыва от 24 ноября 1944 г.

Изучение указанных документов позволило представить сложный процесс образования Тюменской области, условия, в которых ей предстояло выстроить отношения с национальными округами.

Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа хранит 58 фондов, связанных с сельскохозяйственным профилем. Это документы колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, окружного и районных органов управления сельским хозяйством. Просмотрены и изучены дела 25 фондов, касающиеся всего комплекса сельскохозяйственных проблем в конце 1930-х — 1945 гг.

Одним из базовых фондов ГАХМАО является Ф. 1. — «Ханты-Мансийский окрисполком», в нем содержатся документы с момента образования округа. Большой комплекс документов сосредоточен в Д. 191 «Документы о подготовке 10-летнего юбилея округа». Здесь содержатся источники различных видов, в интегрированной форме дающие важнейшую информацию о результатах социально-экономического развития округа за предыдущее десятилетие, позволяющие получить сведения о динамике развития аграрной сферы в 1930-е гг. и накануне Великой Отечественной войны.

Наибольший интерес для исследователя представляют протоколы Исполкома Ханты-Мансийского окрсовета (1941—1945 гг.). Они содержат разнообразную информацию о положении сельского хозяйства в округе в годы войны, его проблемах и принимаемых решениях. В годы войны шел дальнейший процесс разукрупнения Березовского, Сургутского, Кондинского, Самаровского районов. В связи с изменением административных границ актуальными становились вопросы землеустройства. В фонде содержатся документы по распределению угодий между советами в районах округа, лесном и сельском хозяйстве и т.д. Документы свидетельствуют, что окрисполком осуществлял работу по подготовке кадров для сельского хозяйства, актуальность этого вопроса не снижалась на протяжении всего военного периода.

Изученные документы указанного фонда позволяют представить общую картину состояния сельского хозяйства округа периода войны. Удалось получить довольно полное представление о структуре аграрного производства и масштабах, о мерах государства по развитию сельского хозяйства в Остяково-Вогульском (Ханты-Мансийском) округе. Обнаружены сведения о конкретных производственных структурах (сельхозартелях, колхозах, подсобных и опытных хозяйствах на предприятиях), что дает возможность реконструировать аграрное прошлое края конкретно и образно.

Особенно ценные документы представлены в Ф. 43. Ханты-Мансийский окружной земельно-промысловый отдел. Здесь представлены сведения о динамике роста пахотных земель в округе, документы о развитии животноводства, полеводства и огородничества, в т.ч. государственные планы и итоги переписи скота, посевы, сведения о подготовке кадров для сельского хозяйства, сведения по выполнению зооветеринарных мероприятий, падеже животных, списки ветеринарных кадров и специалистов сельского хозяйства, договоры о соцсоревновании, отчеты о ходе коллективизации в округе, основные показатели работы колхозов, нормы выработки по трудодням, сводные годовые и информационные

отчеты, материалы по освоению новых земель, списки передовиков, сведения о ходе уборки,

Особое место занимает фонд 231. Ханты-Мансийской сельскохозяйственной опытной станции, в котором содержатся не только документы о производстве, но и обширные материалы о научных исследованиях в области растениеводства и животноводства. Документы фонда отражают становление, развитие, реорганизации, свертывание и фактическую ликвидацию деятельности научно-исследовательского учреждения (с марта 1933 года). В числе документов содержатся разнообразные отчеты (научные, производственные), материалы к монографии о состоянии животноводства в округе, отчеты Березовского опорного пункта, доклады директоров Ханты-Мансийского, Кондинского и Березовского опорных пунктов, книга распоряжений, производственно-финансовые планы Ханты-Мансийского опорного пункта, штатные расписания, отчеты, сметы, расчетно-платежные ведомости.

Разнообразные документы представлены в фондах МТС. Например, Ф. 357. Микояновская МТС содержит годовые отчеты, сведения о тракторах, прицепном инвентаре, видах и объемах работ, аппарате станций, трудоднях и вознаграждениях.

Интересные документы представлены в фондах сельскохозяйственных артелей: Ф. 187. — Колхоз им. Чкалова, Ф. 223. — Колхоз «Равнина», Ф. 88. — Сельхозартель «Северный пахарь». Всего просмотрены документы 9 фондов. Здесь сосредоточены документы о доходах и их распределении в колхозах, содержатся протоколы общих собраний и заседаний членов правления, колхозные земельные шнуровые книги, учет трудодней (написано на обертках рыбных консервов; обнаружены десятки таких документов).

Источники этой группы самые информативные по содержанию, отражают различные стороны сельскохозяйственного производства.

Извлеченные новые документы из фондов указанных архивов позволяют выполнить задачи исследования по реконструкции прошлого региона в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

1. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 751. Л. 1-25

**ТРУДЫ БУГУРУСЛАНСКОГО СВЯЩЕННИКА
ПО СОЗДАНИЮ И РАЗВИТИЮ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ШКОЛЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ РУССКОМ ГОРОДЕ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Оказание православным духовенством помощи учреждениям народного образования в дореформенной России зачастую упускается из виду авторами, которые пишут об общественной активности в школьном деле, но уделяют при этом внимание представителям только светских сословий, прежде всего, дворянам [1, 175—178]. Это заставило обратиться к изучению деятельности служителей церкви в пользу общеобразовательных школ первой половины XIX в. Одной из примечательных страниц такой деятельности посвящена данная статья, для которой были использованы материалы архивов Санкт-Петербурга и Казани: Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук (А СПб ФИРИ РАН), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ)

В школьном деле России существовала устойчивая традиция во всех слоях населения получать начальное внешкольное и домашнее образование у лиц духовного сословия. Не удивительно, что и внимание распространителей и реформаторов русской школы нового времени в начальный период ее становления было обращено к этому сословию. В ходе обсуждения в окружении Екатерины II проектов создания общегосударственной системы образования было выдвинуто предложение, чтобы будущих преподавателей для них «набрать из разных духовных семинарий» [2]. При Александре I новым по сравнению с XVIII в. стало стремление привлечь представителей духовного сословия к учительскому труду без перевода их в светское звание.

Препятствием в реализации планов распространения начальных школ при Александре I являлось, кроме проблемы кадров, также отсутствие материальных средств. Содержание элементарных школ («приходских училищ») полностью возлагалось в крепостной деревне на помещиков, в казенных деревнях и в городах — на самих жителей и местное самоуправление. Небогатым общинам и приходам заведение школ казалось непосильным делом. Массового привлечения священников и церковнослужителей к учительству в общеобразовательной школе не произошло.

Ситуация несколько изменилась в царствование Николая I. В 1830—40-е гг. происходило увеличение числа городских и повсеместное открытие приходских сельских училищ в удельных и государственных имениях. Учителями в сельские

школы назначались местные священники, церковнослужители или воспитанники семинарий.

В официальном наименовании начальных городских и сельских школ приходскими училищами слово «приход» употреблялось чисто в административном плане, поскольку собственно церковь и церковная община не участвовали в их содержании. Хотя в течение первой половины XIX в. несколько раз предпринимались попытки создания церковно-приходских школ на обеспечении церкви и под ее полным ведением, но они оказывались неудачными за недостатком средств и опыта. Однако инициатива священников могла дать толчок к развитию на местах государственной системы общего образования.

Яркой фигурой в культуре провинциального Заволжья стал бугурусланский священник Иоанн Милордов. Основные вехи его биографии кратко изложены в формулярном списке. Родившийся в 1797 г., воспитанник Оренбургской духовной семинарии получил первый педагогический опыт еще в совсем юном возрасте в стенах родного учебного заведения, работая в 1810 г. в качестве учителя нижних классов и французского языка, а также библиотекаря. Уже в 1811 г. он был рукоположен священником Архангельского собора в городе Бирске, а на следующий год был переведен в Бугуруслан. За службу в тяжелом для России 1812 году молодой священник Иоанн был награжден бронзовым крестом [3].

В 1818 г. он «учредил в городе Бугуруслане приходское училище ... и принял обязанности учителя без всякого за труды учительские возмездия, а из одной токмо любви к просвещению, дабы благовоспитанием учеников доставить полезнейших сынов вселюбезному Отечеству» [4]. Училище располагалось прямо в доме священника [5].

В 1822 г. Милордов был «сверх учительской должности определен надзирателем оного училища». В 1825 г. он становится штатным смотрителем (директором — Л.А.) училища, получившего уже статус уездного, а также законоучителем в нем. В 1835 г. училище было преобразовано по новому школьному уставу, не предусматривавшему замещение должностей штатных смотрителей священнослужителями. Милордов, ставший к тому времени протоиереем, оставил заведование училищем, оставаясь в нем до 1837 г. законоучителем [6].

Краткие и сухие сведения формулярных списков дополняются другими свидетельствами. Как писал сам Милордов, он был удручен по прибытии в Бугуруслан, «не видя никакого благовоспитания детям всех сословий по части наук, по причине неимения в оном городе ни народного, ни уездного училища» [7].

Не найдя в городе «никаких способов к обучению юношества», отец Иоанн стал создавать их сам: «Тотчас из любви к просвещению и пользам Отчественным начал заниматься ... обучением юношества разным предметам и языкам ... не без пользы для моих учеников, потому что многие из них поступали прямо в высшие учебные заведения и в службу гражданскую и военную, достигли значительных чинов и украшены многими знаками отличия». Как отмечал Милордов: «Училище сие открыл я в собственном доме и содержал оное своим

ижданием без пособий от граждан. Обучал учеников всех сословий обоих полов и разных окрестных с Бугурусланским уездов без всякого вознаграждения. В то же время один без пособия других учителей занимался преподаванием высших предметов наук, кои преподаются в уездных училищах, приготавливая таким образом учеников для продолжения наук в уездных училищах» [8].

В течение многих лет существования училища на него «пожертвований как от граждан бугурусланских, так и от дворян одного уезда никаких не поступило». Обращения к уездному дворянскому предводителю о помощи учебному заведению оставались просто без ответа [9].

Через 7 лет из этого частного учебного заведения было в 1818 г. образовано приходское училище. С этого времени стали поступать пожертвования от жителей города: «Первоначально при открытии приходского училища на заведение оно, как то: столы ученические, скамьи, числительные доски, канцелярские расходы и прочие училищные принадлежности, было пожертвовано более 200 рублей, коих было достаточно на содержание Училища более трех лет. Потом пожертвовано было разного содержания 50 книг... После того еще поступило пожертвований 112 рублей... Наконец самый училищный дом с двумя флигелями также пожертвован в пользу казны» [10]. В училище стали работать наряду с Милордовым и другие учителя.

Милордов добился в 1824 г. преобразования училища в уездное, что обеспечивало учебному заведению, кроме пособия от горожан, также казенное содержание. Только с 1825 г. отец Иоанн начал получать жалованье за свои педагогические труды. Однако это не компенсировало ему потерю тех доходов, которые он мог бы иметь по своим прямым обязанностям, и от которых он добровольно отказывался в пользу других священников, выполнявших более оплачиваемые «приходские обязанности». В 1829 г. ему была предложена высокая должность протоиерея Спасопреображенского собора и благочинного в губернском Оренбурге, а также место первоприсутствующего члена Духовного правления той губернии. Отец Иоанн, как он пишет, «отказался от тех значительных должностей из любви к учрежденному мною и вверенному мне учебному заведению и остался в Бугуруслане» [11].

Подчеркнем, что в этом городе стараниями, безвозмездным трудом, материальными затратами местного священника приходское, а затем уездное училище появилось раньше, чем в других соседних уездных центрах, например, в Самаре, где уездное училище открылось только в 1825 г. Такие примеры поддержки учебных заведений со стороны лиц духовного звания в порядке частной благотворительности не были в первой половине XIX в. единичными [12; 13]. В случае с подвижнической деятельностью Милордова мы видим, как подобная благотворительность плодотворно сочеталась с организаторскими усилиями священнослужителей по созданию новых общеобразовательных школ.

Примечания

1. Лыскова О.В. Государственная и частная благотворительность в народном просвещении начала XIX века // Благотворительность и милосердие: сб. науч. трудов. Саратов, 1997.
2. А СПб ФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1161. Л. 583.
3. РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 148. Л. 4 об.-6.
4. РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 369. Л. 52 об.-53.
5. РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 148. Л. 5 об.-6.
6. РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 148. Л. 6 об.-9.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 248. Л. 1.
8. РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 148. Л. 17-18.
9. РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 337. Л. 8 об.
10. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1014. Л. 22 об.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 148. Л. 17-18.
12. См.: Артамонова Л.М. Православное духовенство и возникновение светских школ в российской провинции конца XVIII — первой половины XIX вв. // Христианство и мир. Самара, 2001.
13. Артамонова Л.М. Благотворительность православного духовенства в отношении общеобразовательных школ российской провинции первой четверти XIX в. // Седьмые Иоанновские Чтения. Самара, 2003.

К.Е.Баженова

г.Нижний Тагил

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗЕМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы Первой мировой войны по всей стране ощущался острый недостаток медицинского персонала для оказания помощи больным и раненым воинам. В целом по империи не хватало врачей и фельдшеров. Связано это было с резким увеличением госпиталей, для работы в которых требовалось значительное количество медицинских кадров. Сложность состояла также в том, что большинство врачей было мобилизовано в действующую армию. Решение данной проблемы требовало общественной поддержки усилий государства. Правительство стало содействовать различным самодеятельным и благотворительным организациям, которые имели опыт по укомплектованию военного медицинского персонала в годы русско-японской войны.

Не была исключением в этом отношении и Пермская губерния. Усилиями земского самоуправления в августе 1914 г. был образован Пермский губернский

комитет Всероссийского земского союза (ВЗС) помощи больным и раненым воинам [1]. В его состав вошли также двенадцать уездных комитетов: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский и Шадринский [2]. Как правило, земские организации не только оказывали медицинскую помощь больным и раненым воинам, но и решали в интересах общества многочисленные насущные проблемы, порожденные войной.

Для укомплектования земских лазаретов медицинскими кадрами врачами Александровской больницы Перми совместно с медиками местного отделения Красного Креста при поддержке Пермского губернского комитета ВЗС 20 сентября 1914 г. были устроены шестинедельные краткосрочные курсы сестер и братьев милосердия в помещении Кирилло-Мефодиевского земского училища [3, 84]. На службу также принимались учащиеся фельдшерской школы, закрытой по случаю войны [4, 22]. Губернской администрацией были помещены объявления встоличных газетах о приглашении врачей и фельдшеров работать в земских лазаретах, но результативность этих публикаций оказалась незначительной. На призыв откликнулись, главным образом, студентки последних курсов медицинских университетов. Просьба к Главному Комитету ВЗС прислать квалифицированных опытных врачей осталась безрезультатной. Причиной этого отказа послужил низкий размер заработной платы медицинского работника в провинции.

Центральный комитет ВЗС неоднократно принимал меры по увеличению окладов военного медицинского персонала. Так, 6 июня 1916 г. было утверждено Штатное расписание [5], которое, однако, имело существенные недостатки. Для всех лазаретов независимо от условий работы вводились единообразные размеры заработной платы. Такой порядок назначения жалований не соответствовал реальному объему работы в медицинских учреждениях разного уровня. Также при составлении сетки окладов не были учтены различные специализации среднего медицинского персонала, от которых зависел объем работы и соответственно размер зарплаты. Остался неразрешенным вопрос об утверждении должности «эпидемического фельдшера» и ее оплаты. Кроме того, в каждом медицинском заведении для наблюдения за хозяйственной частью имелись «смотритель» или «надзирательница», «помощница», «кухонная работница», «сиделка», «дворовой работник», «кастелянша». Они составляли, как правило, более 40% от персонала госпиталя. Однако эти должности отсутствовали в штатном расписании Главного комитета ВЗС. Пермский губернский комитет утвердил их, увеличив размеры окладов в среднем в 1,3 раза [6]. Скудный стол, отсутствие выходных также влияли на отказ людей работать в медицинских учреждениях ВЗС в провинции [7; 8, 587—588]. Принятые меры оказались малорезультативными. Размер новой заработной платы не соответствовал ее среднему уровню.

Таким образом, в годы Первой мировой войны, несмотря на усилия организаций ВЗС и общественности, проблема нехватки медицинских работников в госпиталях Пермской губернии не была решена. Количество госпиталей в Пермской губернии за время войны увеличилось в 2,7 раза, а врачей — всего в 1,3 раза, фельдшеров — 1,1 раза. Кроме того, количество сестер милосердия сократилось в 1,02 раза [9, 2; 10, 19—20; 11, 4; 12, 173—175; 13, 21—22].

Низкая заработная плата, единообразные оклады различных специальностей, отсутствие четкой регламентации должностных прав и обязанностей, а также обслуживающего персонала в штатном расписании, сложные условия труда и быта, нехватка денежных средств в местных бюджетах способствовали тому, что количество желающих работать в провинциальных земских лазаретах с каждым годом сокращалось. Дефицит профессиональных врачей, фельдшеров, сиделок, смотрительниц, надзирательниц, кухонных работниц, кастелянш становился очевидной тенденцией.

Оказание медицинской помощи солдатам являлось сферой преимущественной компетенции государства. Начавшаяся Первая мировая война потребовала от правительства безотлагательных и конкретных действий, поскольку проблемы «врачебного призрения» больных и раненых приобрели качественно иной масштаб. Отсутствие должного опыта в организации медицинской помощи, разногласия между различными правительственными ведомствами привели к нерешенности проблемы кадрового укомплектования госпиталей, призванных оказывать помощь воинам.

Примечания

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 51.
2. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9. Л. 52 об.
3. Адрес-Календарь и Справочная книжка Пермской губернии. 1915 г. Пермь, 1915.
4. Пермская земская неделя. 1914. № 40.
5. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 31 об.-32.
6. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 106 об.
7. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 318. Л. 12-110.
8. Кореванова А.Г. Моя жизнь // Старый Екатеринбург : город глазами очевидцев / Л.Д.Злоказов, В.Б.Семенов; под общ. ред. Г.П.Лобановой. Екатеринбург: ИГЕММО «Lithica»: Музей истории Екатеринбурга, 2000. С. 587—588.
9. Журналы Пермского Губернского Земского собрания 53-й чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь, 1915.
10. Журналы Пермского Губернского Земского собрания 54-й сессии ... Пермь, 1915.
11. Журналы Пермского Губернского Земского собрания 58-й сессии ... / Пермское губернское земство. Пермь: [б. и.], 1916.
12. Отчет о деятельности Пермского губернского комитета с 1 января по 1 сентября 1916 г. // Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам. Известия Главного Комитета. 1916. № 49.
13. Пермская земская неделя. 1915. № 7.

Р.Г.СКРЫННИКОВ ОБ ИДЕЕ «ТРЕТЬЕГО РИМА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Изучение современными отечественными историками отражения идеи «Москва — третий Рим» в публицистике XVI — начала XVII вв. имеет большое значение для выяснения состояния общественно-политической мысли средневековья.

Значительный вклад в изучение русской истории периода Ивана Грозного и Бориса Годунова, Смутного времени принадлежит профессору Санкт-Петербургского университета, автору более 40 книг о прошлом нашей страны Руслану Григорьевичу Скрынникову (1931—2009).

В научно-популярной книге «Третий Рим» (1994 г.) автором рассмотрен процесс возвышения Московского государства при Иване III, прослеживаются этапы образования Московского царства, изучаются причины Смуты в России. Преодоление раздробленности и образование мощного государства создали почву для распространения в русском обществе идеи «Москва — новый Рим», — пишет Р.Г.Скрынников [7, с.44]. Следом автор обращает внимание на источник появления мысли о «**в и з а н т и й с к о м в л я н и и**» (выделено нами — Е.Б.). Р.Г.Скрынников усмотрел парадокс в том, что не греки из окружения царевны Софьи (которая, кстати, была не слишком популярна в России), а книжники, близкие к Елене Волошанке, стали распространителями идеи о византийском наследии. Своеобразным «рупором» идеи стал Зосима, выступивший на Соборе 1492 г. с похвальным словом Ивану III [6, с.114—116.]. Далее идея о «Москве — новом Царьграде» проявилась в «Сказании о князьях владимирских», написанном, очевидно, в связи с венчанием Дмитрия-внука, — полагал историк. Византийская традиция всегда была источником русской религиозной мысли. Размышление о превосходстве русского православия над греческим нашло отражение в России начала XVI в. Разбирая отправные точки идеи «Москва — третий Рим», автор заменяет ее мыслью о «втором Константинополе»; подразумевается их идентичность и взаимозаменяемость.

Действительно, Зосимой была предпринята попытка формулировки идеи «Москва — второй Константинополь», но лишь Филофей (по определению Р.Г.Скрынникова, в 1514—1521 гг.) создает концепцию «Москва — третий Рим». Судьба богоустановленного христианства нашла воплощение в мировых центрах — Риме (который сохранил физическое бытие, но утратил духовную сущность), Константинополе (который попал под власть «неверных») и, наконец, Москве. Иосиф Санин считал, что лишь организация власти по императорскому

византийскому образцу способна сохранить в чистоте православную веру. И именно иосифлянам, как представлялось Р.Г.Скрынникову, Москва виделась «третьим Римом», новым христианским царством. «Крушение двух царств расчистило место для московского православного царства», — писал Р.Г.Скрынников, соглашаясь с мнением Н.В.Синицыной, будто идея всемирной роли Москвы имела скорее сакральный, чем имперский смысл [7, с. 77].

Сомнения в ортодоксальности греческой веры ставили Василия III в щекотливое положение, поскольку он и его мать симпатизировали греко-итальянской культуре. Ученые греки неоднократно отстаивали тезис о чистоте греческой церкви и указывали на заблуждения русского православия. Однако рассуждения об исключительной исторической миссии Москвы и положении главы истинного православного царства перевесили сомнения правителя. Отныне каждый, выразивший мысль об ошибочности представлений русских, мог быть наказан (как, например, Максим Грек, Юрий Траханиот, Марк Грек).

Утверждение исключительности Москвы и торжество официальной церкви, как считает Р.Г.Скрынников, «способствовали изоляции России в то время, как она остро нуждалась в развитии культурных и прочих связей со странами Западной Европы» [7, с. 86]. Тем не менее, при Василии III «не удается обнаружить доказательств того, что теория Филофея приобрела характер московской официальной доктрины» [7, с. 77]. Такая «претенциозная теория» едва ли могла получить одобрение при великокняжеском дворе, — писал ученый. Он же утверждал, что идея «Москва — третий Рим» превратилась в официальную политическую доктрину, правда, в период правления Бориса Годунова [1, с. 59].

Р.Г.Скрынников находит, что представления о родстве через Рюрика с римскими цезарями стало для Ивана Грозного частью политической доктрины [7, с. 88] в соответствии с теорией Москва — «третий Рим» (поскольку родоначальник московской династии родной брат Августа — Прус) и одновременно — «второй Константинополь» (т.к. «шапка Мономаха — символ царской власти — передана московскому правителю»). Римская генеалогия и византийская преемственность сделались при Иване Грозном сутью религиозно-политической доктрины государства периода образования Московского царства, — писал Р.Г.Скрынников.

По его словам, люди средневековья представляли мировой политический порядок в виде строгой иерархии [2, с. 137]. Теория «третьего Рима» как раз и поясняла подобную структуру. Согласно этой идее, центром вселенной была Византия, воспринявшая наследие Римской империи, православная же Российская держава в системе мировой иерархии стояла на порядок выше любого нехристианского королевства.

Политическая идея, восходящая к византийской имперской доктрине, имела существенное значение для формирования самодержавных порядков в России, — думал Р.Г.Скрынников.

Он обратил внимание на то, что в переписке с Грозным А.М.Курбский по аналогии со Святоримской империей называл Россию «империей Святорусской», держащейся на боярах. Поскольку Москва — последний оплот христианской веры, то избиение «сильных во Израиле» (бояр) грозило гибелью самому «новому Израилю» (Москве) [2, с. 91].

Видимо, называя книгу «Третий Рим», ее автор, в сущности, не предполагал исследовать этапы эволюции популярной теории или ее отзвуки в памятниках русской письменности XV — начала XVII вв. Под «третьим Римом» Р.Г.Скрынников подразумевал Московское царство, опиравшееся на римское родство и византийскую преемственность, и выделял периоды становления государственности, не разбирая сути самой идеи.

В рассуждениях Р.Г.Скрынникова относительно идеи «Москва — третий Рим» можно выделить некоторые противоречия. С одной стороны, видный историк писал о том, что едва ли теорию Филофея можно отнести к разряду официальной доктрины, с другой стороны, говорил, что значительное место во внутренней и внешней политике Ивана IV занимают утверждения об исключительном положении Русского государства и православного монарха на политической арене.

В обобщающем труде «Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX—XVII вв.» (2000 г.) Р.Г.Скрынников пересматривает свою оценку концепции «Москва — третий Рим» [4]. Теперь исследователь утверждает, будто до установления патриаршества в Москве эта теория излагалась в неофициальных сочинениях и ни разу не использовалась правительством Ивана Грозного даже для обнародования претензий на власть. Зато появление «Утвержденной грамоты» 1589 г., как казалось Р.Г.Скрынникову, способствовало признанию за третьеромизмом характера официальной доктрины. Получается, что Россия времени Бориса Годунова остро нуждалась в правительственной идее о новом центре мировой истории, ставшем преемником Рима и Константинополя. Но такое представление историк признает крайне неверным. У Б.Годунова существовала куда более серьезная проблема — защита внешних границ государства от врагов и возвращение территорий, утраченных в ходе Ливонской войны. Допущение, будто идея «Москва — третий Рим» была выражением желания русского патриарха стать во главе всех православных, Р.Г. Скрынников также считает безосновательным. Он пришел к заключению, что доктрина, родившаяся столетие прежде, выражала стремление ликвидировать неправомерное положение Москвы по отношению к другим центрам православия.

Литература

1. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983.
2. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996.

3. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.
4. Скрынников Р.Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX—XVII вв. СПб., 2000.
5. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в.: «Смута». М., 1988.
6. Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л, 1990.
7. Скрынников Р.Г. Третий Рим. СПб., 1994.

К.Г.Букренева

*г.Нижевартовск
МБОУ «СОШ № 17»*

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ И ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война вошла в историю России как небывалое по трагичности событие, которое во все времена будет предметом пристального внимания исследователей.

Героической и трагической страницей Великой Отечественной войны было массовое перемещение населения, промышленных предприятий, детских учреждений и культурных организаций на восток страны. Осмысление цены победы советского народа в войне невозможно без изучения организации эвакуации населения и всего комплекса порожденного ею проблем.

За последние годы наблюдается все более пристальное внимание к изучению вклада советского тыла в годы Великой Отечественной войны.

Проблемы эвакуации и эвакуированного населения стали предметом комплексного анализа историков: особенности приема, устройства и деятельности эвакуированного населения, общие закономерности этих процессов.

В годы Великой Отечественной войны в СССР имели место широкомасштабные миграционные процессы, связанные с эвакуацией населения. Эвакуация была одним из сложнейших направлений перестройки народного хозяйства на военные рельсы. Крупнейшим ее регионом стала Западная Сибирь, которая приняла более 1 млн. человек гражданского населения, в том числе 359,9 тыс. детей [5].

5 июля 1941 г. СНК СССР принял специальное постановление «О порядке эвакуации населения в военное время». К 22 августа 1941 г. действовало 128 эвакуопунктов. Осенью 1941 г. было создано специальное Управление по эвакуации населения. Самые мощные эвакуопункты находились в Барнауле, Омске, Новосибирске, Томске, Тюмени [3].

Первыми из прифронтовых районов отправлялись эшелоны с детьми. В течение месяца из Ленинграда было выведено 300 тыс. детей, из Москвы — 500 тыс. детей. В навигацию 1942 г. из Ленинграда было эвакуировано через Ладожское озеро 130 тыс. детей. В тыловые районы РСФСР эвакуировалось около 2 тыс. детдомов (более 200 тыс. детей) [16]. Только в период с 7 июля по 12 июля из Ленинграда было эвакуировано 17 тыс. детей-сирот [12].

Западная Сибирь стала одним из главных регионов эвакуации детей. Только за первый период войны Алтайский край принял 92 детских учреждения (11 738 чел.), Новосибирская область — 48 (5 296 чел.), Омская — 170 (17 330 чел.), а вместе — 310 детских учреждений (34 364 чел.).

В Западную Сибирь были эвакуированы дома малютки, детские ясли, сады, детдома, пионерские лагеря, интернаты из Черниговской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Смоленской, Гомельской, Псковской, Сталинградской, Московской областей, Пскова, Москвы, Киева, Ростова-на-Дону, Гомеля, Таллина и других городов. Но особенно много прибыло ленинградских детей. Как следует из докладной записки облоно обкому ВКП(б) и облисполкому о пребывании ленинградских детских домов в годы войны в Омскую область от 16 июня 1945 г., в связи с войной в Омскую область было эвакуировано из Ленинграда 32 детских дома и интерната (3 200 детей).

В Тюменской области в 1941—1942 гг. было размещено 55 детских домов. На 1 октября 1943 года на территории Тюменской области — 77 эвакуированных интернатов (8 274 чел.) и 114 детдомов (13 520 чел.) [15].

По данным на декабрь 1943 г. в Омской области разместили 120 детских домов (14 280 детей) и 77 интернатов (7 874 чел.). Таким образом, всего в области 22 154 чел. эвакуированных детей [11]. М.Е.Бударин называл цифру — 24 тыс. детей [4]. В.А.Исупов привел сведения, что на 1.01.1944 г. в Омской области разместили 122 детских дома (65 — из Ленинграда), в них 14 тыс. детей и в интернатах — 8 тыс. (т.е. всего 22 тыс. детей) [9].

Как указывает Т.И.Дунбинская, к концу войны в Западной Сибири насчитывалось примерно 3 тысячи постоянных детских учреждений разного профиля, в них содержалось более чем 200 тыс. детей [7].

По напряженности жизни Омскую область можно с полным правом называть прифронтовым городом или городом-воином, стоящим в передовом окопе [1].

В Омскую область за время войны было эвакуировано 142 детских учреждения и 15,6 тыс. детей [1].

На 26 декабря 1941 г. Омская область приняла 52 детских учреждения (19 детских домов и 33 интерната) с общим количеством детей — 13 784 человека, на 1 июня 1942 года — 138 учреждений на 14 925 детей, 1 апреля 1943 года — 170 детских домов и интернатов, а в них 17 330 детей [8].

Размещены они были в 45 районах области. В основном это были ленинградские дети.

На 1 января 1943 года Омская область приняла 272,6 тыс. эвакуированных, из которых 106,4 были дети в возрасте до 14 лет [6].

Дети, оставшиеся без родителей, прибывшие в область, получали особое внимание у местного населения и советов депутатов трудящихся. Уже осенью 1941 года в Омск были эвакуированы детские дома: один — из Карелофинской АССР; двадцать шесть — из Ленинграда; шесть — из Москвы; четыре — из Ленинградской области; четыре — из Запорожья; шесть — из Новочеркасска; один — из Калуги; пять — из Курска; два — из Харькова; пять — из Ворошиловграда; шесть — из московского детского приемника. В 1940 году в области было 37 детдомов, а к 1943 году их количество возросло до 192. Контингент детских домов и школ-интернатов достиг 21 287 человек. На конец 1943 года детских учреждений этого типа уже было 195, в том числе детских домов — 118, интернатов — 77, а общий контингент в них составлял 21 639 человек. К этому времени детей-беспризорников, которые нуждались в немедленном устройстве в государственные детские учреждения области, состояло на учете 4 000 человек [1].

Прибывающие в августе-сентябре 1942 года эвакуированные детские учреждения размещались в основном в северных районах области, в том числе и на территории области, тогда еще не отделившейся от Омской, ныне — Тюменской. Нередко детские учреждения прибывали без своевременных предупреждений.

Рост дошкольных детских учреждений наблюдался по всем областям региона, но преимущественно по городам: в Омской области до 287 учреждений (без Тюменской области, в которой было 226 детских домов и яслей) [7].

В связи с прибытием большого количества детей, перед местными органами власти встала сложная и ответственная задача обеспечения их одеждой, питанием, инвентарем, создания им необходимых условий жизни, учебы, сохранения здоровья.

Решение этой задачи усугублялось тем, что многие эвакуированные детские учреждения, дети, прибывшие с родителями и из детприемников западных областей, не имели подчас самого необходимого: теплой одежды, обуви, постельных принадлежностей.

Эвакуация в значительной степени определила хозяйственный и культурный облик области в период Великой Отечественной войны, самым главным моментом которого являлось спасение нескольких сотен тысяч человеческих жизней.

Эвакуация, как вся Великая Отечественная война, представляет собой картину беспримерного подвига и огромной трагедии. Мало найдется в истории примеров сочетающих в себе одновременно столько усилий по спасению человеческих жизней и сугубо хозяйственных задач по перестройке экономики.

Литература

1. Азаров А.И. Из истории народного образования Омской области. Омск: Амфора, 2004. 260 с.
2. Бакулина Т.И. Детские дома // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень, 2004. Т.1. С. 391.
3. Беленко М.П., Исупов В.А. Эвакуация населения // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 557.
4. Бударин М.Е. Сибирский тыл 1941—1945 г. (на материалах Омской области) // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 1995. С. 26.
5. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 1. «Исход» / Сост. и отв. ред. Л.И.Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 360 с.
6. Доля детей (до 14 лет) среди эвакуированного населения (Э.Н.) в Западной Сибири в 1943—1944 г. Исчислено по: ГАРФ. Ф. А–327. ОП 2. Д. 404. Л. 5 (1,2) // Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3. «Спасенное детство» / Сост. и отв. ред. Л.И.Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 360 с.
7. Дунбинская Т.И. Организация помощи семьям военнослужащим и эвакуированным в годы Великой Отечественной войны // Образование в Сибири: Актуальные проблемы истории и современности. Материалы III Всероссийской научной конференции. Томск, 2004. С. 187.
8. ИЗ СПРАВКИ бригады НКП, НКЗ, НКТ РСФСР СНК РСФСР о состоянии детских учреждений, эвакуированных в Омскую область // Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3. «Спасенное детство» / сост. и отв. ред. Л.И.Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 360 с.
9. Исупов В.А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.). Новосибирск, 2008. С. 117.
10. Меха И.В., Хвостов Н.А. Прием, устройство и обучение эвакуированных детей на земле Прииртышья в 1941—1945 гг. // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 1995. С. 108—109.
11. Омичи — фронту. Омская область в Великую Отечественную войну. Омск, 1985. С. 63.
12. Приказ Наркомпроса от 23 июля 1942 г. «Об успешной эвакуации детей из Ленинграда» // РСФСР — фронту. 1941—1945. Документы и материалы. М., 1987. С. 72.
13. Российская педагогическая энциклопедия. В двух томах // Большая Российская Энциклопедия / Под ред. В.В.Давыдова. М., 1993. Т. 1. С. 255.
14. Численность эвакуированных детских учреждений с детьми, размещенных на территории РСФСР (1941—1942 г.) // Спасенное детство... С. 368.
15. Шестакова Н.М. Из истории детских домов и интернатов в Ялуторовске и Ялуторовском районе в годы Великой Отечественной войны / Под ред. Т.М.Исламовой Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея — 1995. Тюмень, 1998. С. 74—75.
16. Эвакуация // Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия / Гл. ред. М.М.Козлов. М., 1985. С. 802.

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРЕСТСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО НАРОДНОГО СОЮЗА ИМЕНИ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА

Русский Народный Союз имени Михаила Архангела (РНСМА) — одна из крупнейших право-монархических организаций на территории Российской империи. В Беларуси, начиная с первой половины 1908 г. и до начала Первой мировой войны, было создано порядка 17 отделов РНСМА [1, 174]. Самым крупным не только в Гродненской губернии, но и на всей территории тогдашней Беларуси являлся Брест-Литовский отдел, образованный 27 февраля 1911 г. и получивший наименование Брестского отдела после регистрации под № 1020 Санкт-Петербургским градоначальником [1, 122].

Инициатором образования в г.Бресте отдела РНСМА явился Н.Н.Чудовский. Учредительному собранию было желательно избрать в председатели духовное лицо, но так как присутствовавшие на нем священники такого желания не изъявили, то место председателя осталось вакантным. Товарищем председателя был избран Ф.Г.Кескевич (частный поверенный), казначеем — Н.Н.Чудовский (служащий ж/д), секретарем — И.П.Хомицкий (домовладелец, мещанин) [1, 366]. При проведении дополнительных выборов председателем отдела был избран протоиерей о. Стефан Жуковский. 8 ноября 1912 г. произошла перемена председателя — им стал уездный агроном Н.В.Крестовоздвиженский, которого 6 августа 1913 г. сменил А.А.Соколов [2, 271]. Уже к первой годовщине существования отдела число его членов достигло 120 человек [3, 43]. К 8 ноября 1913 г. отдел Союза насчитывал 160 человек [2, 271].

Брестский отдел РНСМА ставил перед собой цель «достигнуть единения русских людей в защите его духовного достояния» [3, 43]. Для реализации намеченной цели членами Союза было предложено открыть следующие учреждения: 1) ссудо-сберегательное товарищество, 2) потребительскую лавку, 3) бюро труда, 4) школу кружевного дела, 5) бюро бесплатной юридической помощи населению.

Одной из неотложных своих задач Союз считал открытие в городе Бресте народной чайной, в которой, за небольшую плату городское и сельское население получало бы «доброкачественные продукты, в виде чая и закусок, а желающие — и чтение газет и книжек в духе патриотическом и нравственном» [3, 45]. Для оборудования такой чайной в первый год открытия требовалось 650 рублей, но так как у Брестского отдела необходимых на это средств не было, то 6 декабря 1911 г. его члены обратились с просьбой в Гродненский комитет губернского попечительства о народной трезвости выдать субсидию в размере

400—500 рублей. Однако комитет выдал отделу Союза только 100 рублей [3, 45]. По этой причине чайная-читальня была открыта только в сентябре 1913 г.

1 января 1913 г. возникла «Школа Кружевных изделий», для чего Ведомство земледелия государственных имуществ выделило пособие в 480 рублей. Для преподавания в школе из Орловской губернии была приглашена учительница А.А.Назарова. Активное участие в работе школы принимали: супруга г.Брестского уездного предводителя дворянства Л.Ф.Каморная, супруга Брестского уездного агронома А.А.Крестовоздвиженская и член Союза, учитель рисования в местной гимназии, А.И.Гуляев [3, 70]. В августе этого же года школа приняла участие в Сельскохозяйственной выставке при Яблочинском монастыре и получила бронзовую медаль за выставленные предметы кружевных изделий и рисование по атласу.

В июне 1913 г. при отделе Союза было открыто Сельскохозяйственное общество, в которое вступило 54 человека [2, 273]. Председателем его являлся Н.В.Крестовоздвиженский, товарищами председателя — А.А.Соколов и А.В.Игнатович, секретарем — И.А.Романенко [3, 77]. Сельскохозяйственное общество ставило своей задачей «поднять благосостояние забитого поляками православного русского крестьянина» и явилось противовесом польским обществам, которые желали «монополизировать свое влияние и быть единственными представителями сельскохозяйственной культуры в здешнем крае» [3, 99]. В 1913 г. для ознакомления крестьян с более усовершенствованными способами ведения сельского хозяйства уездным агрономом Н.В.Крестовоздвиженским были организованы специальные чтения и лекции, которые проводились в селе Расна в местной семинарии в течение 10 дней.

Существование всех перечисленных учреждений находилось в зависимости от членских взносов и добровольных пожертвований. Кроме того, Комитет народной трезвости выделял пособие для содержания народной чайной в размере 100 рублей и Департамент земледелия — для школы кружевных изделий в размере 480 рублей [2, 273—274].

6 марта 1913 г. 36 членов-учредителей Брестского отдела РНСМА обратились в Гродненский губернский комитет по делам мелкого кредита о разрешении открыть кредитное товарищество под названием «Брест-Литовское Союза имени Михаила Архангела». Учениками и клиентами в этом товариществе изъявили желание быть крестьяне 13 пригородных селений. Для этой цели в Государственном банке предполагалось взять краткосрочный кредит в размере 5.000 рублей и в основной капитал 3 000 рублей [3, 122].

Таким образом, Брестский отдел РНСМА не только являлся самым крупным на территории Беларуси, но и прикладывал немало сил и стараний, направленных на реализацию своих уставных требований. Практическая деятельность отдела Союза была достаточно плодотворной, правда, не всегда для этого имелись необходимые средства и возможности.

Примечания

1. Бондаренко, К.М. Правые партии и их организации в Беларуси. Могилев, 2010. С. 174.
2. Монархическая жизнь. Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912 и 1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. II. Февраль.
3. ГАРФ. Ф. 117. Оп.1. Д. 217. Переписка с Брест-Литовским отделом союза имени Михаила Архангела.

Л.А.Давыдова

г.Могилев, Беларусь

Могилевский государственный университет им. А.А.Кулешова

ГАЗЕТА «ВОЛЬНЫЙ ДИСКУССИОННЫЙ ЛИСТОК»

Среди партий, выражавших интересы русского крестьянства, особое место занимала партия социалистов-революционеров (эсеров). Однако, проект программы партии социалистов-революционеров опубликованный в мае 1904 г. в «Революционной России» (№ 46) привел к резкому размежеванию внутри партии, которое позже привело к расколу и образованию трех партий: народных социалистов, эсеров-максималистов и собственно эсеров [1, 14].

Одним из первых программных литературных проявлений максималистского течения в эсеровской партии был «Вольный дискуссионный листок» (ВДЛ), заявивший о себе как «издание группы социалистов-революционеров» (лидеры М.И.Соколов, Е.И.Лозинский). Первый номер газеты был издан 1 мая 1905 г. в Женеве [2, 170]. Содержание ВДЛ в полной мере отразило глубокий идейный раскол среди народников эсеровского толка. В первом номере отмечалось, что события 1905 г. захватили партию эсеров врасплох и она не успела разобраться в целом ряде самых сложных и запутанных проблем, выдвигаемых русской революцией [3, 148].

Издатели ВДЛ предлагали созвать съезд партии для окончательного принятия программы. Для обсуждения, наиболее важными вопросами были такие: «Какую революцию мы, социалисты-революционеры, собственно, намерены совершать: буржуазную или социалистическую, или, быть может, еще какую-нибудь третью, гибридную?»; «Каково наше отношение к возможности революционной коммуны в городе?»; «Вопрос о программе-минимум и максимум, взятый с его самой важной, а именно практической стороны»; «Наше отношение к аграрному и вообще экономическому террору» [4, 1]. Вскоре эти вопросы стали основными пунктами разногласий между собственно эсерами и эсерами-максималистами.

Издатели ВДЛ отмечали, что программа, которую они должны были создать, «должна включать в себя социалистические требования и для города и для

деревни». Члены ВДП верили в социализм русского крестьянина и рабочего без всяких оговорок, что и отличало их от остальной партии эсеров. «Вся восставшая аграрная Русь покроется бесконечной сетью революционно-социалистических коммун». Крестьянам предлагалось захватить и обратить в общественную собственность всю землю, а также сельскохозяйственные орудия для организации революционных коммун. В городе, члены ВДП считали «возможной такую коммуну, которая была в Париже в 1871 г». Фабрики и заводы должны были перейти в собственность города, которыми распорядилась бы городская коммуна. Предлагалось также объявить городские земли общественной собственностью, конфисковать все крупные капиталы, магазины, уничтожить долговые обязательства, запретить наемный труд. Городской коммуне предстояло «организовать производство не только для внутреннего потребления в коммуне, но и для неопределенного рынка, где продукты города должны обмениваться на продукты деревни и др. местностей» [5, 12—13].

Эсеры же считали, что в результате революции к власти придут «несоциалистические силы» из кругов либерально-демократической интеллигенции, а партия социалистов-революционеров, играя роль оппозиции, будет «вырывать» у буржуазно-либерального правительства социальные требования, записанные в ее программе-минимум, требования, не уничтожающие буржуазный строй, а только создающие в капитализме разного рода бреши [2, 173].

Дискусионисты же отмечали, что они «борются за осуществление социализма в полном его объеме, без всяких урезываний и сокращений, без укладывание его в программу-минимум... требуют от современного не только самодержавного, но и капиталистического строя одного — его полного уничтожения и ликвидации» [4, 7].

Партия эсеров в идеологическом отношении представляла довольно аморфное образование, в ней уживались лица и группы с различными, порой весьма значительно расходящимися взглядами на отдельные программные и тактические вопросы. Однако вышеизложенные взгляды группы «Вольного дискуссионного листка» показались руководящему ядру эсеровской партии выходящими за пределы допустимой внутрипартийной дискуссии. В номере «Революционной России» от 15 мая 1905 г. появилась следующая заметка по поводу будущих максималистов: «Ввиду поступающих от товарищей запросов и во избежание всяких дальнейших недоразумений считаем нужным заявить, что издательская группа «Вольного дискуссионного листка» как таковая стоит вне партии социалистов-революционеров» [5, 24].

И хотя «Вольный дискуссионный листок» был весьма популярен среди народников, тем не менее по требованию верхов партии эсеров он прекратил свое существование на третьем номере. Его издатели вышли из партии эсеров, а Е.И.Лозинский впоследствии отошел от максимализма и стал идеологом махаевщины. Не осуществленным остался и замысел издателей ВДП выпустить серию небольших брошюр под общим названием «Библиотека революционного

социализма» с освещением насущных вопросов современной революции в России [3, 155].

Примечания

1. Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
2. Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902—1914 гг. Л.: Наука, 1983.
3. Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX в. Идеинная эволюция. М.: Наука, 1990.
4. Вольный дискуссионный листок. 1905. № 1.
5. Революционная Россия. 1905. № 76.

Е.С.Добровольский

г.Череповец

Череповецкий государственный университет

РОЛЬ НЕМЕЦКОЙ ТАНКОВОЙ ШКОЛЫ «КАМА» В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТАНКОСТРОЕНИЯ

Военное сотрудничество между СССР и Германией в 20—30-е гг. XX века является одной из малоизученных тем в отечественной историографии. Лишь с распадом Советского Союза историки получили возможность изучить материалы, проливающие свет на тайные страницы нашей истории. С начала 90-х годов стали выходить работы историков, кому посчастливилось первыми ознакомиться с секретными документами. Причем интерпретация одних и тех же материалов была различная. Была и прямая погоня за сенсацией. Так исследователи Ю.Л.Дьяков и Т.С.Бушуева в книге «Фашистский меч ковался в СССР» наводят на мысль о главенствующей роли Советского Союза в наращивании военного потенциала Германии в межвоенный период. Именно на территории нашего государства, по мнению авторов, немецкий вермахт набирал силы, чтобы в 1941 г. ударить по «бывшему другу» [1]. Разумеется, были и иные точки зрения на военное сотрудничество между двумя странами и последствия этого взаимодействия.

Направления военного сотрудничества между РККА и Рейхсвера были разнообразны: от взаимного участия в маневрах советских и немецких войск, как на территории СССР, так и на территории Германии, до немецких концессий и тайных военных школ на территории СССР. Одна из таких школ — танковая под Казанью представляет для исследователей особый интерес.

Начало тесному сотрудничеству между странами в военной сфере положил Версальский мирный договор, своими условиями унизивший Германию во многих сферах, в том числе и военной. Так численный состав армии Германии не должен был превышать 100 тыс. человек, был наложен запрет на производство и ввоз в Германию броневиков и танков. Ограничивалось военное сотрудничество и с другими странами: «Германия обязуется не аккредитовать в чужой стране военных и морских миссий, а также обязуется не допускать германских граждан покидать свою территорию и поступать в армию или флот любой другой иностранной державы» [1, 28—30].

Официальное начало военному сотрудничеству было положено 16 апреля 1922 г. в итальянском городке Рапалло в ходе Генуэзской конференции. Согласно ст. 5 Рапалльского договора обе стороны обязуются в «доброжелательном духе взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран» [2, 480]. Фактически правительство Германии открывало двери для контактов с Советской Россией, в том числе и в производстве вооружений и совместной деятельности в секретных школах.

2 октября 1926 г. в Казани была организована бронетанковая школа Рейхсвера с совместным обучением немецких и советских военных специалистов. Школа получила название «объект Кама» (аббревиатура от «КА» — Казань, «МА» — Мальбрандт (фамилия немецкого офицера, первого возглавившего курсы)). Школа была создана на территории бывших казарм Каргопольского полка под Казанью. Она включала военный городок, стрельбище и танковый полигон.

На «Каму» советское руководство возлагало большие надежды — укрепить и реконструировать с немецкой технической и экономической помощью оборонную промышленность, оснастить РККА современным военным оборудованием и боевой техникой, обеспечить подготовку командных и технических кадров на уровне требования современной войны [3, 81].

В полном объеме занятия в школе развернулись с весны 1929 г. после прибытия туда танков из Германии. Занятия проводились на трех видах танков: 1) тяжелый танк прорыва позиционной обороны; 2) средний танк для оперативных действий в глубине обороны противника; 3) легкий танк непосредственной поддержки пехоты. В 1928—1932 гг. фирмами «Крупп», «Рейнметалл» и «Даймлер-Бенц» было изготовлено несколько типов тяжелых и средних танков. В целях конспирации они именовались в документах как «легкий» и «тяжелый трактор».

Секретная школа «Кама» имела двоякую задачу: 1) техническо-испытательную и 2) учебно-тактическую. Первое — изучение и испытание годности танков различных систем германских фирм. Второе — подготовка инструкторского кадра для танковых частей. В теоретический раздел обучения входило изучение материальной части танков, танкового вооружения, средств связи и основных тактических принципов ведения боя. Практический раздел включал в себя управление танком на различной местности, стрельбу, использование

методов маскировки, действия в составе танкового взвода и взаимодействие с другими родами войск [4].

К 1932 г. в школе насчитывалось 176 человек учебного и вспомогательного состава (из них 26 немцев), она располагала 5 тяжелыми и 8 легкими танками. В докладе управления механизации и моторизации РККА наркому по военным и морским делам от 14 марта 1932 г. об опыте трехлетней работы отмечалось, что за три года функционирования объекта прошли обучение около 40 офицеров рейхсвера — будущих командиров танковых войск и 65 советских командиров и техников. В 1929—1930 гг. курсы закончили 10 немецких офицеров, в 1931—1932 гг. — 11, в 1933 г. — 9 человек [5, 94].

В начале 30-х гг. танковая школа «Кама» оказалась в аналогичном положении, что и другие объекты Рейхсвера на территории нашей страны. Постепенно сокращалось немецкое присутствие в школе, свертывалась и программа технических испытаний бронетанковой техники. Во многом такой поворот событий зависел от прихода к власти в Германии нацистов.

Несомненно, сотрудничество с немецкими офицерами в школе не прошло даром. Советские танковые командиры смогли многому научиться у них. Повысили свое мастерство в управлении машинами, а также познакомились с новинками немецкой техники. Не только военные, но и инженеры-конструкторы выиграли от такого сотрудничества.

По мнению историка М.Свирина, «сотрудничество позволило нашим танкостроителем перенять ряд важных конструкторских и технологических особенностей немецких боевых машин. Освоение сварки в серийном производстве Т-26 и Т-28 не было бы возможно без консультаций с немецкими представителями. Спаренная установка пушки и пулемета в башни Т-26 была во многом заимствована у немецких боевых машин. Первые отечественные танковые прицелы и радиостанции также создавались под влиянием «подсмотренных» в «Каме» [6, 125—126]. Историк из Татарстана профессор Булат Султанбеков отмечает заимствование у немцев внутреннего размещения команды в носовой части танка Т-28 и Т-35 [4].

Не стоит все же преувеличивать значение зарубежного производителя. Многие советские танки создавались и конструировались независимо от знаний, полученных в немецкой танковой школе «Кама» под Казанью. Точно характеризует сотрудничество историк В.В.Захаров: «учебный центр Рейхсвера в СССР был не более чем этапом, хотя весьма существенным и своеобразным в развитии перспективного вида вооружения армий обоих государств» [3, 117].

Примечания

1. Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992.
2. Советско-германские отношения. Сборник документов. М., 1971. Т. 2.

3. Захаров В.В. Политика Советского государства по отношению к Германии в военной области и ее влияние на обороноспособность СССР (1921 — июнь 1941 гг.): Дис. ... докт. ист. наук. М., 1993.

4. Султанбеков Б. «Кама на Волге» // Гасырлар Авазы — Эхо веков, 2005. № 2; См.: Интернет версию издания. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_2/04/04_41/

5. Кантор Ю.З. Заключая дружба: секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1930-е годы. М.; СПб., 2009.

6. Свириин М. Броня крепка. История советского танка 1919—1937 г. М., 2005.

Е. С. Досекин

г. Самара

Самарский государственный университет

ПОДДЕРЖКА ИЗДАТЕЛЬСКОЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО СО СТОРОНЫ М.К. МОРОЗОВОЙ

Первая встреча М.К. Морозовой и Е.Н. Трубецкого произошла в Москве в конце мая 1905 г. в доме Маргариты Кирилловны, предоставленном для собрания делегатам Всероссийского земского съезда. Это событие оказалось отправной точкой длительных и сложных отношений между потомственным аристократом Евгением Николаевичем Трубецким и представительницей нового купеческого слоя Маргаритой Кирилловной Морозовой. Результатом этих отношений стало не только обширное эпистолярное наследие, в настоящее время, почти полностью опубликованное усилиями таких исследователей как А.А. Носов и В.И. Кейдан. Отношения Морозовой и Трубецкого послужили своего рода катализатором для целого комплекса предприятий, имевших большое значение для развития общественно-политической и научной мысли в России.

Маргарита Кирилловна была дочерью крупного предпринимателя Кирилла Николаевича Мамонтова. В возрасте 18 лет она вышла замуж за Михаила Абрамовича Морозова. С этого времени и вплоть до кончины супруга ее жизнь, по замечанию А.А. Носова, состояла из бесконечных заграничных путешествий по «европейским столицам и средиземноморским курортам» и организаций всевозможных приемов в семейном доме на Смоленском бульваре [1, 19].

По словам Андрея Белого, после смерти мужа в жизни Маргариты Кирилловны наступает новая эра [1, 36—37]. Морозова принимает самое активное участие в философской, издательской и музыкальной деятельности старой столицы. Она спонсирует Московское психологическое общество, издававшее журнал «Вопросы философии и психологии», является председателем Московского музыкального общества, на протяжении многих лет материально поддерживает

А.Н.Скрябина, а после кончины композитора учреждает фонд помощи его семье. Салон Маргариты Кирилловны становится одним из центров культурной и общественно-политической жизни Москвы, среди участников которого были П.Н.Милюков, А.Белый, Н.А.Бердяев, П.Б.Струве и многие другие.

Евгений Николаевич к моменту встречи с Маргаритой Кирилловной являлся профессором права Московского университета и был женат на Вере Александровне Щербатовой. Отношения, возникшие между Трубецким и Морозовой, достаточно быстро вышли за пределы исключительно дружеского интереса, перерастая в любовь, которая, по объективным причинам не могла закончиться счастливо: «Здесь мы видим редкий пример того, как драма «незаконной любви» была превращена в источник творчества на протяжении многих лет питавший своей энергией целое религиозно-философское и общественное движение, большинство участников которого вряд ли до конца это понимало» [1, 104—106].

Их первым совместным предприятием стало издание журнала «Московский еженедельник», выходившего с 1906 по 1910 гг. Это был сложный период для российской журналистики, которая страдала как от революции, так и от реакции. Многие журналы и газеты закрывались, либо из-за не прекращавшихся забастовок, или вследствие непомерных штрафов накладывавшихся цензурой [2]. «Московский еженедельник» этой участи избежал, во многом благодаря усилиям Морозовой, которая являлась главой группы пайщиков, издававших журнал, а также оказывала ему активную финансовую поддержку.

Помимо статей политического характера, на страницах журнала публиковались материалы, касавшиеся вопросов музыки, театра, науки, образования, религии и церкви. Несмотря на то, что издание, по всей видимости, было ориентировано на узкий круг читателей, «Московский еженедельник» стал значимым явлением либеральной печати.

Тем не менее, в 1910 г. издание журнала было неожиданно прекращено из-за усложнившихся отношений между Трубецким и Верой Александровной, чувствовавшей, что муж все больше отдаляется от нее. Потому М.К.Морозова пришла к выводу о необходимости закрытия «Еженедельника», участие в издании которого было лишним поводом для встречи с возлюбленным [1, 37]. Этот мотив проявляется в ее письмах к Трубецкому в августе-сентябре 1910 года: «Надеюсь, что В.А. успокоило хотя бы известие о прекращении Еженедельника, она поймет и поверит, что не на словах только, а на деле есть желание сделать все к лучшему». Далее: «Нужно, чтобы В.А. убедилась, что ты проводишь с ней больше времени, чем со мной» [1, 154].

После этих событий Евгений Николаевич вместе с семьей отправился в продолжительное путешествие за границу. Однако, несмотря на все препятствия, связь между Морозовой и Трубецким сохраняла свою силу и в итоге вылилась в новое предприятие: организацию при Московском религиозно-философском обществе памяти В.С.Соловьева книгоиздательства «Путь».

В редакционный комитет «Пути» помимо Трубецкого входили С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, В.Ф.Эрн, а также сама Морозова, одновременно являвшаяся спонсором издательства. Формально князь обладал в комитете теми же правами, что и остальные члены-учредители, однако его мнение в целом ряде случаев становилось решающим. Причиной этому была как раз специфика отношений между Маргаритой Кирилловной и Евгением Николаевичем. Морозова искренне считала Трубецкого самым выдающимся из последователей В.С.Соловьева, а потому на протяжении почти полутора десятилетий стремилась предоставить своему возлюбленному общественную трибуну. Эта ситуация нередко приводила к конфликтам внутри издательства. Однако разногласия, возникавшие между членами редакционного комитета, касались исключительно идейных вопросов.

В частности острая дискуссия развернулась вокруг предисловия, написанного С.Н.Булгаковым к первому сборнику «Пути». Трубецкой, находившийся в это время за границей, в своем письме к Морозовой обрушился с резкой критикой на составленный Булгаковым текст (в частности за содержащийся в нем политический подтекст). В итоге, при непосредственной поддержке Маргариты Кирилловны, Трубецкому удалось добиться публикации нейтрального предисловия, не содержащего никакой общей религиозно-политической платформы.

Сложные отношения Морозовой и Трубецкого, как уже говорилось, не могли закончиться счастливо. Маргарита Кирилловна, мечтала соединить свою жизнь с возлюбленным, создать семью, однако в силу целого ряда обстоятельств в тех исторических условиях это было невозможно. Однако результатом этих отношений стали журнал «Московский еженедельник», многочисленные книги изданные «путейцами», наконец само движение религиозно-философского ренессанса, в определенном смысле рождалось и вдохновлялось этой драматической любовью.

Трубецкой и Морозова поддерживали отношения вплоть до 1918 г. Их разделили революционные события и Гражданская война, заставившие князя покинуть Москву и провести оставшиеся ему два года жизни на Украине и Юге России, которые находились под контролем белого движения.

Примечания

1. Взыскующие града. Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников / Сост., вступ. статья и коммент. В.И.Кейдан. М., 1997.

2. См.: «Наша любовь нужна России...» Переписка Е.Н.Трубецкого и М.К.Морозовой / Вступ. ст., сост., публ. и коммент. А.А.Носова // Новый мир. 1993. № 9.

А.А.Журавлев

г. Санкт-Петербург

*Санкт-Петербургский государственный медицинский
университет им. академика И.П.Павлова*

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО СОВЕТА ПЕТРОВСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО УЧИЛИЩА КАК ИСТОЧНИК О РОЛИ СТОЛИЧНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX СТОЛЕТИЯ

В ходе изучения социальной и экономической истории Российской империи рубежа XIX—XX вв. историки обратились к вопросу о роли купечества в деле развития коммерческого образования. В целом ряде работ рассматривается благотворительность купцов в пользу всего сословия. Высказывались различные точки зрения о причинах, которые заставляли предпринимателей заниматься коммерческим образованием. В основном для рассмотрения этого вопроса использовались данные отчетов Попечительных советов, и отчеты по учебной части. Материалы, которые содержатся в протоколах Попечительных советов, позволяют более полно раскрыть участие купечества в деле становления и развития учебного заведения. Мы предлагаем рассмотреть это на примере Петровского коммерческого училища, которое было открыто по инициативе Санкт-Петербургского купеческого общества, на собранные для этой цели средства, в 1880 г.

К маю 1878 г. был подготовлен проект устава училища и 25 апреля 1880 г. он был утвержден императором Александром II. Его создание было осуществлено «на основании особых сепаратных разрешений и уставов» [1, 29]. Попечительный совет, сформированный в Петровском коммерческом училище, состоял — из председателя, товарища его, пяти членов, избираемых общим собранием выборных Санкт-петербургского купеческого общества на три года, директора, а также инспектора училища и двух преподавателей, избираемых Педагогическим комитетом. Председатель Попечительного совета утверждался в должности августейшим покровителем училища. Члены совета, из своей среды, избирали казначея на три года. Заседания проходили не реже одного раза в месяц, за исключением каникулярного времени, в силу необходимости заседания могли проходить и чаще. Протоколы велись секретарем, и каждый из участников заседания расписывался в конце протокола. Первоначально велась рукописная запись, а с начала XX столетия стали использовать печатную машинку. Все протоколы находятся на хранение в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в хорошем состоянии в фонде 320 — Петровского коммерческого училища.

Во время возведения здания училища Попечительный совет собирался 90 раз, в ходе заседаний разбирались различные вопросы, связанные с постройкой здания и его оборудованием всем необходимым. Так они сделали замечание архитекторам, что производились работы по устройству сводов при температуре -3° градуса нельзя. Кроме этого Попечительный совет постановил «не разрешать употреблять на постройку алый кирпич заводов Стрелина и Захарова», из-за их низкого качества [2].

На заседаниях Попечительного совета обсуждались вопросы материальной помощи учащимся, как во время обучения в училище, так и после его окончания. Члены Совета приняли на себя обязательство с 1907 г. ежегодно собирать по 150 руб. с человека на оплату обучения неимущих учащихся. Кроме этого, в 1903 г. были учреждены 10 стипендий по 400 руб. в год для выпускников, которые обучались в институтах и университете. Представители купеческого сословия записали, что «не налагает на стипендиатов никаких обязательств» [3].

Представители купеческого сословия также заботились о здоровье подрастающего поколения. В начале XX в. купечество столицы решило создать торговую школу при коммерческом училище, и было построено новое здание, куда были переведены помещения физического и естественноисторического кабинетов с классами, химическая лаборатория. Кроме этого, был устроен и оборудован гимнастический зал (на 400 чел.) для чтения с туманными картинами и ученическая столовая, в которой одновременно помещалось 300 чел. [4]. Строительство нового здания для училища обошлось в 230 723,92 руб. На заседании Попечительного совета обсуждался вопрос о необходимости завтраков для учеников, особенно младших классов поскольку «дети уходят в 8 часов утра и голодают до 16.00 часов дня» [5]. Не стоит забывать, что в училище в основном обучались дети, из бедных купеческих семей, а с начала XX в. представители всех социальных групп города. К тому же, училище, особенно первые шесть классов, испытывали жесткую конкуренцию в лице городских школ. С 1903 г. в честь 200-летнего юбилея Петербурга была отменена плата за обучение в городских учебных заведениях. Детей в школах кормили горячими завтраками, причем около 65% учащихся получали еду бесплатно [6, 230].

Члены Попечительного совета учредили специально медицинский кабинет и постановили осуществить закупку необходимо инвентаря, о проведении медицинских осмотров и об определении врача [7]. После проведенного обследования были заведены специальные карточки, в которые фиксировались результаты, а также членам Попечительного совета было сообщено, что «почти у всех учеников, за некоторым исключением, плохие зубы» [8]. Это заставило заключить договор с зубным врачом о санации учеников, и определялось, что за пломбы и удаленные зубы платят родители, а за стипендиатов купеческое общество.

Следует отметить, что члены Попечительного совета использовали свой авторитет и свои связи для пользы училища. При закупке необходимых материалов для училища обязательно поручалось одному из членов Совета следить

за этим, а в случае покупки необходимого оборудования или средств для училища исходили из принципа экономии. Так, обсуждая вопрос о необходимости приобретения угля для училища, было принято решение приобрести тот уголь кто «предложит наиболее выгодную цену» [9]. И поручили следить за этим председателю Попечительного совета купцу 1-ой гильдии И.С.Крючкову.

Таким образом, материалы заседаний Попечительного совета позволяют более полно сформировать представление не только о деятельности этого органа, но и прежде всего о вкладе отдельных лиц и целых предприятий в дело организации коммерческого образования столицы.

Примечания

1. Григорьев С.С. Коммерческое образование в России и его нужды (исторический очерк). СПб.: Тип. Киришбаума, 1898.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (в дальнейшем ЦГИА СПб.) Ф. 320. Оп. 1. Д. 39. Л. 32 об.
3. ЦГИА СПб. Ф. 320. Оп. 1. Д. 303. Л. 6.
4. Краткий очерк деятельности Попечительного совета Петровского училища Санкт-Петербургского купеческого общества за последнее десятилетие (1901—1910). СПб., 1910. С. 6.
5. ЦГИА СПб. Ф. 320. Оп. 1. Д. 345. Л. 6.
6. Петербургская городская дума 1846—1918. СПб.: «Лики России», 2005. С. 230.
7. ЦГИА СПб. Ф. 320. Оп. 1. Д. 257. Л. 40.
8. ЦГИА СПб. Ф. 320. Оп. 1. Д. 271. Л. 6.
9. ЦГИА СПб. Ф. 320. Оп. 1. Д. 360. Л. 21.

В.Н.Зубов

г. Нижневартовск

Нижневартровский государственный гуманитарный университет

В.Г.ВЕРХОВЕНЬ И ФОРМИРОВАНИЕ «СТАЛИНСКОЙ» ПАРАДИГМЫ ВОСТОЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в.

Успехи внешней политики неофициального околоправительственного кружка сподвижников Ивана Грозного («Избранной Рады»), прежде всего в Поволжье, обратили на себя внимание «пропагандистской машины» И.В.Сталина, что проявилось в формировании отечественной историографией 30—50-х гг. XX века набора идеологем. В данной работе представлена попытка изучения роли и места отдельного историка в русле этого процесса.

Как указывает А.Л.Хорошкевич, «начинающий преподаватель МГУ Б.Г.Верховень» 26 и 28 октября 1937 г. прочитал в Высшей школе пропагандистов имени Я.М.Свердлова при ЦК ВКП(б) две лекции курса «История СССР» на тему «Расширение русского государства». Примечательно, что довольно оперативно эти две лекции сначала увидели свет в сборнике под редакцией И.И.Минца, а потом сразу вышли отдельным изданием — «Расширение Русского государства» [22, с. 89]. А.Л.Хорошкевич указывает на то, что распространение издания произошло в 1939 г. В этом же году в свет выходит центральная работа Б.Г.Верховеня, освещающая времена Ивана IV, — книга «Россия в царствование Ивана Грозного» [9]. Почти тогда же историк издает популярную статью «Ливонская война». Эта работа одновременно публикуется в Челябинске [7; 8; 22, с. 98]. На тот момент Б.Г.Верховень занимал должность преподавателя кафедры истории партии МГУ. Позже историк отходит от проблематики России времени Ивана Грозного, лишь изредка возвращаясь к ней.

Представляется, что работы Б.Г.Верховеня незаслуженно обойдены вниманием в ряду исследований 30-х — 50-х гг. XX в., посвященных не только личности Ивана Грозного, но и России XVI в. вообще. Так, например, в работах историков того времени Р.Ю.Виппера, С.В.Бахрушина, И.У.Будовница, И.И.Смирнова, Н.И.Шатагина, Д.С.Лихачева, Г.Красинского, В.Д.Королюка и других, посвященных как в целом России времени Ивана Грозного, так и военно-дипломатическим аспектам истории той поры нет упоминаний о Б.Г.Верховене [2; 6; 10; 11; 16, 17, 19; 24]. Из современников только Ю.В.Готье представил критическую рецензию на книгу Б.Г.Верховеня с указанием массы фактических ошибок [12, с. 93—95], но, по мнению А.Л.Хорошкевич, сам критик в общем — то следовал идеологической парадигме того времени, указывая, что «Грозный «расширил сильное централизованное государство», а «самодержавная власть была прогрессивна...» [22, с. 89]. А.Л.Хорошкевич считает, что в общем-то пропагандистские работы Б.Г.Верховеня стали официальной программой того времени. По мнению исследовательницы, современникам предписывалось руководствоваться установками Б.Г.Верховеня. По ее мнению, Б.Г.Верховень в историографии причины сыграл ту же роль, что и некий «тов. Кречетов» в целом в русской историографии. [22, с. 88—89]. Представляется, что в процессе формирования «сталинской» парадигмы изучения эпохи Ивана Грозного гораздо большее значение имели установки прежде всего Р.Ю.Виппера, содержащиеся в изданной впервые в 1922 г. книге «Иван Грозный», а также концепция развития России при Иване Грозном, изложенная С.В. Бахрушиным в 1939 г. в журнале «Пропагандист» [4, с. 15—22]. Кроме того, в 1938—1939 гг. были опубликованы работы К.В.Базилевича, Н.Новикова, Б.Тельпуховского и других историков, наглядно демонстрирующие, что труд Б.Г.Верховеня и по частным вопросам был вполне рядовым явлением [1; 10; 21]. Представляется, что выступая в 1939 г. с рецензией в журнале «Историк-марксист» (№ 4) на сборник «Против исторической концепции М.Н.Покровского», Б.Г.Верховень всего лишь действовал в духе

своего времени, а не был «олицетворением сталинского взгляда на Ивана Грозного» [15, с. 18]. Косвенно об этом свидетельствует и то, что развернувшаяся после смерти И.В.Сталина дискуссия о переоценке роли и личности Ивана Грозного коснулась прежде всего работ Р.Ю.Виппера, С.В.Бахрушина, И.И.Смирнова и не затрагивала Б.Г.Верховеня [14, с. 121—129; 18, с. 195—204].

А.Л.Хорошкевич связывает с Б.Г.Верховенем не только введение в научный оборот понятия «Расширение русского государства», но отвергает даже гипотетическую мысль об этом историке как исследователе, который ввел в оборот термин «централизованное» государство применительно к времени Ивана Грозного [22, с. 89]. По убеждению А.Л.Хорошкевич, вводившийся в историографию термин «Расширение» «нивелировал» и «эластично скрывал» «вместе с формулой о «наименьшем зле» характер всех и всяких внешнеполитических акций великих князей и царей». Развивая эту мысль, исследовательница считает, что тем самым «исключалась возможность других форм этих акций — завоевания, захвата, агрессии». Так, по мнению А.Л.Хорошкевич, «открылась возможность» для «переоценки многих внешнеполитических событий прошлого» [22, с. 89]. Думается, что приписывать инициативу введения термина «расширение» применительно к эпохе Ивана IV Б.Г.Верховеню все же не стоит, так как одновременно с его работой историкам стала доступна уже упоминавшаяся статья С.В.Бахрушина «Расширение Русского государства при Иване IV».

А.Г.Бахтин включает книгу Б.Г.Верховеня в один ряд с трудами его современников И.И.Смирнова, С.В.Бахрушина, Г.Я.Меркушкина, И.Г.Огнева, С.О.Шмидта, К.В.Базилевича, К.Я.Наякшина относительно изучения причин присоединения Поволжья и Приуралья к России. Всю эту группу историков, по мнению А.Г.Бахтина, объединяет то, что основной такой причиной считается необходимость «борьбы с внешней агрессией», а «экономическим причинам уделяется несущественное место или о них вообще ничего не говорится» [5, с. 52, 69].

В своей книге «Россия в царствование Ивана Грозного» Б.Г.Верховень рассматривал связи России со странами Поволжья и Сибири как частный момент развития страны при Иване Грозном. В целом структура данной работы напоминает более поздний труд С.В.Бахрушина «Иван Грозный».

Б.Г.Верховень считал отдельными явлениями «завоевание Казани и Астрахани, и расширение связей с границей (с Европейскими державами)». Он видел основания политической истории XVI в. в экономике того времени. По мнению Б.Г.Верховеня, Иван IV, «укрепляя свою силу и власть, продолжал завоевательную политику своего деда Ивана III и отца Василия III» [9, с. 22].

Б.Г.Верховень прямо называл Казанское государство «Татарским ханством на Волге» [9, с. 22]. В представлении исследователя по внутренней организации оно являлось копией Золотой Орды. Историк едва ли не впервые в историографии называет эмира «особо знатным феодалом», «бея» — подобием «русских князей», что, конечно, следует считать натяжкой. Б.Г.Верховень вразрез с установившейся традицией полагал, что марийцы, мордва, чуваша, башкиры, удмурты

«были угнетаемы татарами» [9, с. 22]. Эта трактовка этнополитических отношений в Поволжье прямо противоположна утверждавшейся «школой Покровского». Б.Г.Верховень в отличие от С.В.Бахрушина указывал, что в Казанском ханстве ясак составлял «10% дохода трудового населения». Б.Г.Верховень также писал, что татары платили 12 видов других налогов, но не перечислил их. Историк прямо указывает, что основным направлением внешней политики Казанского ханства была борьба против Москвы из-за выгодной торговли русскими пленными. Однако Б.Г.Верховень не признавал работорговлю основой экономики Казанского ханства, как находил С.В.Бахрушин и последующие историки. Б.Г.Верховень пишет, что «Турция (так он называл Османскую империю. — В.З.) ... пыталась вмешаться... в дела Казанского ханства» [3, с. 40—41; 9, с. 23].

Б.Г.Верховень в общих чертах описывает приход к власти промосковского ставленника Шах-Али в Казани в 1551 г. Историк считает, что сменивший Шах-Али в 1552 г. Едигер был ставленником астраханского хана. Как писал ученый, в походе 1552 г. против Едигера участвовало несколько сотен стрельцов. По его мнению, поражение русского войска «заставило Ивана IV лучше подготовиться и послать большее войско» [9, с. 24].

При этом автор, противореча сам себе, утверждает, что «Иван Грозный пытался также несколько раз организовать походы на Казань». Соответственно, царь заранее готовился к взятию Казани и, таким образом, поход 1552 г. и не преследовал цель осады Казани. Московский историк вслед за С.В.Бахрушиным и М.Г.Худяковым видел причину неудач первых походов Ивана Грозного в том, что у русских не было под Казанью военной и продовольственной базы. Такой базой он считает крепость Свияжска, а ее строителя И.Г.Выродкова он называет инженером, осовременивая, следовательно, функции дьяка [4, с. 18; 23, с. 151].

Дипломатическая предыстория третьего похода на Казань (1552 г.) автором не рассматривается, речь идет о военной стороне этого похода.

Взятие Казани Б.Г.Верховень описывает целиком по сообщениям «Казанской истории». Так, например, он считает, что у Ивана IV было 150 тысяч войска и 150 тяжелых осадных орудий. Главную роль в Казанском взятии историк приписывал стрельцам — пехотинцам. Необходимость стрелецкой реформы Ивана Грозного Б.Г.Верховень едва ли не впервые в отечественной историографии обосновывает, ссылаясь на работу Ф.Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии» (так у Б.Г.Верховеня. — В.З.). По мнению исследователя, создание стрелецкого войска есть свидетельство «укрепления самодержавия», что было закономерным и в России, и на Западе [9, с. 25].

Впервые в историографии Б.Г.Верховень определяет, на каких условиях служили стрельцы, думая, что эти условия всегда являлись постоянными. Б.Г.Верховень считает, что русские пищали были в то время «малосовершенными и весьма тяжелыми» [9, с. 25].

По утверждению Б.Г.Верховеня, во главе русского войска стояли М.И.Воротынский, В.И.Шереметев и Н.А.Морозов (тогда как более значимую роль играл князь П.С.Серебряный). Вслед за М.Г.Худяковым Б.Г.Верховень считает, что подкоп при осаде Казани был применен впервые в русской истории [23, с. 151].

Полемизируя же с М.Г.Худяковым, Б.Г.Верховень указывает на то, что взрыв в подкопе разрушил не стену Казанского кремля, а тайник с водой. По словам автора, «татары оказывали русским весьма сильное сопротивление. Даже женщины и дети принимали участие в борьбе» [9, с. 26].

Историк счел нужным указать, что «взятие» Казани было лишь началом покорения Казанского края: «Еще 3—4 года шла борьба в окрестностях Казани...». Историк сослался в этой связи на поход А.М.Курбского для усмирения Казани. Как продолжение подчинения казанцев Б.Г.Верховень рассматривал «покорение» народов Поволжья: татар, мордвы, чувашей, марийцев, башкир, удмуртов и других. В качестве последующих форм колонизации Б.Г.Верховень рассматривает строительство крепостей, в частности, Чебоксар (1556 г.).

По мнению историка, неудача с выбранной «промосковской партией» при поддержке ногаев кандидатурой Ямгурчя на астраханский юрт привела к походу московских войск на Астрахань. Б.Г.Верховень практически не уделял внимания христианизации жителей Среднего и Нижнего Поволжья, а касался только военно-политической стороны событий [13, с. 234; 9, с. 30—31].

Б.Г.Верховень указывает, что русские отстроили Казань заново и в этот год «было переселено много русских служилых людей — дворян и купцов, татарам же разрешалось жить только в пригородной слободе» [9, с. 27]. При этом не упоминается о крестьянском переселении.

Русско-сибирским отношениям посвящен самый маленький раздел книги Б.Г.Верховеня — на полторы страницы [9, с. 49—51]. Собственно «завоевание» Сибири автор начинает с выдачи Иваном Грозным жалованной грамоты Строгановым на земли по Каме в 1558 г. При этом, хотя Б.Г.Верховень и отмечает «большие привилегии», данные купцам («собирать налоги... населять земли крепостными крестьянами, ставить крепости, нанимать войско для охраны»), не указывается на исключительное право владеть пушками, да и отказ в выдаче жалованной грамоты не связывается с изменением политики «Избранной Рады», хотя ведь подобное было сделано еще в трудах дореволюционных исследователей.

Таким образом, творчество Б.Г.Верховеня представляет несомненный интерес для изучения процессов развития отечественной историографии 30—50-х гг. XVI в. как иллюстрация индивидуализации в рамках «сталинской» парадигмы изучения истории России середины XVI в. Вместе с тем представляется малообоснованным считать Б.Г.Верховеня, как порой делается, инициатором введения термина «расширение Русского государства».

Литература

1. Базилевич К.В. Образование Московского государства // Пропагандист. 1938. № 18.
2. Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1942, 1944.
3. Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3.
4. Бахрушин С.В. Расширение русского государства при Иване IV // Пропагандист. 1939. № 1.
5. Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5.
6. Будовниц И. У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Ист. зап. М., 1947. Т. 21.
7. Верховень Б. Ливонская война // Военное прошлое русского народа. Челябинск, 1939.
8. Верховень Б. Ливонская война // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 2.
9. Верховень Б. Россия в царствование Ивана Грозного. М., 1939.
10. Виппер Р.Ю. Иван IV. М., 1946.
11. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. Ташкент, 1943.
12. Готье Ю.В. Плохая книга // Книга и пролетарская революция. М., 1939.
13. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (Со второй половины XVI в. до февраля 1917 г.) // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. I.
14. Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 8.
15. Историк-марксист. 1926—1941 гг. Сводный указатель / Сост. Ангелика Шмигэлов Поэль. Нью-Йорк, 1981.
16. Королюк В.Д. Ливонская война. М., 1954.
17. Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории. 1947. № 3.
18. Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопросы истории. 1956. № 9.
19. Лихачев Д.С. К вопросу о теории русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал. 1944. № 7—8.
20. Новиков Н. Борьба России за выход на Балтийское море в XVI в. и каперский флот Ивана Грозного // Морской сборник. 1938. № 7.
21. Тельпуховский Б. Борьба русского народа за выход к Балтике (XIII—XVII вв.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 7.
22. Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х годов // Отечественная история, 1991. № 6.
23. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
24. Шатагин Н.И. Русское государство в первой половине XVI века (Очерки из политической истории Руси в 1 половине XVI в.). Свердловск, 1940.

И.И.СМИРНОВ О РОЛИ ЮРЬЕВЫХ-ЗАХАРЬИНЫХ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ В 30—40-х гг. XVI в.

В монографии, посвященной политической истории России 30—50-х годов XVI в., известный советский историк И.И.Смирнов уделил особое внимание членам старомосковской боярской семьи Юрьевых-Захарьиных.

Так, И.И.Смирнов, рассматривая восьмимесячный период правления назначенного Василием III регентского совета, упоминает в его составе М.Ю.Захарьина. Историк полагал, что это время заполнено интенсивной борьбой за власть между отдельными политическими группировками [1, 33].

Круг опекунов малолетнего великого князя Ивана и характер их полномочий был определен распоряжениями Василия III, сделанными им во время предсмертной болезни. Общее руководство государственными делами должны были осуществлять князь В.В. и И.В.Шуйские, М.С.Воронцов, М.Ю.Захарьин, М.В.Тучков, кн. М.Л.Глинский, которым, с точки зрения И.И.Смирнова, умирающий государь «приказал» «о своем сыну великом князе Иване Васильевиче, и о устрое- нье земском, како бы правити после его государьства». Из этой группы в десять человек Василием III были особо выделены три человека: М.Ю.Захарьин, кн. М.Л.Глинский и И.Ю.Шигона, которым Василий «приказав о своей великой княгине Елене, како ей без него быти, и како к ней бояром ходити, и о всем им при- каза, како без него царству строитися» [1, 33].

И.И.Смирнов изучил источник, позволяющий в сочетании с данными, содержащимися в летописях и «разрядах», исследовать формы и характер борьба за власть между политическими группировками, — так называемые «расспросные речи» польского жолнера Войтеха из Познани, взятого под Смоленском в плен и бежавшего из Москвы 2 июля 1534 г. В показаниях, снятых с него для короля Сигизмунда I, дается следующее описание положения дел в русской столице: «А поведает, иж на Москве старшими воеводами:Михайло Юрьев сын Захарьина...».

По мнению исследователя, показания Войтеха дают богатейший материал для выяснения политической обстановки в России в первый год после смерти Василия III.

Указывая на перечисленных в показаниях Войтеха лиц, И.И.Смирнов делает вывод, что в июле 1534 г. правление государством осуществляли опекуны, которые были назначены Василием III [1, 34].

Историк писал, что боярина М.Ю.Захарьина, принявшего участие в наиболее секретных совещаниях Василия III, следует в первую очередь отнести к членам

боярской части регентского совета, выступавшим сторонниками политики укрепления централизованного государства с целью гарантировать сохранение общего характера политики правительства. Особо важное положение этого боярина в составе регентского совета подчеркивалось тем, что он был включен Василием III в число тех лиц, которым «приказывалось» относительно великой княгини Елены [1, 35, 39].

В оценке И.И.Смирнова женитьба Ивана IV на Анастасии Романовне из рода Захарьиных-Юрьевых явилась не только показателем влияния этой семьи, но и означала заметное укрепление политических позиций Захарьиных и связанных с ними лиц, о чем свидетельствует уже «разряд» свадьбы Ивана IV (февраль 1547 г.), где названы И.М.Юрьев Большой, И.М.Юрьев Меньшой, В.М.Юрьев, Д.Р.Юрьев-Захарьин, Н.Р.Юрьев-Захарьин [1, 166].

В данном источнике И.М.Юрьев впервые упоминается в чине боярина, а родной брат А.Р.Захарьиной Д.Р.Юрьев — окольничего. Уже эти первые пожалования 1547 г., датируемые временем еще до падения Глинских, отражают выход на «первый план политической арены» Захарьиных. По-видимому, — полагал И.И.Смирнов, — к этому времени относится и пожалование боярства Г.Ю.Захарьину, который упоминается в Царственной книге как участник «совета» против Глинских в июне 1547 г. [1, 187].

Родной же брат царицы Н.Р.Юрьев вместе с А.Ф.Адашевым фигурирует в «разряде» первой свадьбы Грозного в качестве «спальника» и «мовника». Запись эта, писал историк, является показателем того, что А.Ф.Адашев в это время занимал видное положение при дворе, находясь среди приближенных к Ивану IV людей [1, 218].

И.И.Смирнов пришел к выводу, что возвышение Адашевых происходило при поддержке и покровительстве со стороны Захарьиных [1, 217].

Так, служба Ф.Г.Адашева в приказе Большого дворца помогает нащупать связи между Адашевыми и Захарьиными (См. 216). В 1548 г. Ф.Г.Адашев — дворецкий Большого дворца. Если учесть, что с 1547 г. пост первого дворецкого Большого дворца занимал Д.Р.Юрьев, то становится совершенно ясно, что Ф.Г.Адашев получил возможность выдвинуться и занять высокий пост дворецкого лишь после того, как приказ Большого дворца перешел в руки Захарьиных [1, 217].

И.И.Смирнов, наблюдая, за изменениями в составе правящих кругов, обратил внимание на рассказ о восстании московских черных людей в Царственной книге, которая содержит наиболее полный перечень участников враждебной Глинским группировки. Московское восстание 1547 г., приведшее к их падению, выявило среди состоявших «в совете» против Глинских целую группу лиц, перечисляемых официальной летописью, где фигурирует и Г.Ю.Захарьин [1, 125, 166].

По мысли историка, особую важность имеет упоминание дяди царицы Г.Ю.Захарьина (свидетельствующее об активной роли Захарьиных в борьбе против Глинских) как участника заседания в Новинском монастыре, не вызывает

сомнения и позиция, занятая им на этом заседании, посвященном обсуждению на заседании Боярской думы с участием митрополита Макария положения, создавшегося в Москве после страшного пожара конца июня 1547 г.

Политическую ситуацию, сложившуюся после восстания и падения Глинских, отразил «разряд» похода Ивана IV на Коломну в июле 1547 г. В этом царя сопровождали дворецкий Д.Р.Юрьев и рында Н.Р.Захарьин — Юрьев. «На Москве» же в отсутствие государя, в частности, находился (ведая государственными делами) — Г.Ю.Захарьин. Сопоставляя списки — приближенных и доверенных бояр, И.И.Смирнов заметил в обоих документах, во-первых, многочисленных представителей Захарьиных-Юрьевых; во-вторых, выдвижение на ведущие места лиц, враждебных Глинским (к примеру, Г.Ю.Захарьина). Ту же картину рисует и «разряд» зимнего похода 1547/1548 г. Ивана IV на Казань, в котором царя сопровождали окольный и дворецкий Д.Р.Юрьев, тверской дворецкий В.М.Юрьев, в числе прочих рынд Н.Р.Юрьев. «На Москве» оставались бояре, включая Г.Ю.Захарьин.

Внимание И.И.Смирнова также привлекли материалы, относящиеся к свадьбе брата Ивана IV Юрия, состоявшейся 3 ноября 1547 г. По словам исследователя, свадьба Юрия Васильевича характеризуется коренными отличиями от свадьбы Ивана IV в составе лиц, участвовавших в церемонии. По определению историка эти отличия заключаются в полном устранении Глинских, место которых занимают Захарьины.

И.И.Смирнов вообще не находит упоминаний о Глинских на этой свадьбе, причем вместо Юрия и Михаила Глинских выступает В.М.Юрьев, а место бабки Ивана IV и Юрия Анны Глинской и жен Юрия и Михаила Глинских занимают теща Ивана IV Ульяна Захарьина, жены Данила Романовича и Никиты Романовича Юрьевых-Захарьиных. Демонстративное отстранение Глинских от такого важного династического акта, как женитьба царского брата, отразило в себе полное падение политического веса и значения Глинских. Кроме того, как отмечалось И.И.Смирновым, в списке поручников по Турунтае — Пронском упоминается Д.Р.Юрьев. Этими поручниками в представлении ученого оказываются как раз те самые лица, которые принадлежали к правящим кругам и даже к ближайшему окружению царя [1, 167, 168, 169].

Важной переменной в правящих кругах явилась, на взгляд И.И.Смирнова, отставка от дворячества И.И.Хабарова и занятие поста дворецкого Д.Р.Юрьевым. (Назначение Д.Р.Юрьева устанавливается «разрядом» июльского похода 1547 г. на Коломну, где Юрьев, сопровождавший царя, назван дворецким. Шереметевская книга чинов не указывает время пожалования дворячества Д.Р.Юрьеву, который, однако, в списке новых бояр 1549 г. назван «дворецким») [1, 188].

Переход должности дворецкого к Захарьиным (тогда же другой представитель семьи Захарьиных, В.М.Юрьев, занимает пост тверского дворецкого) означал, что в их руках оказался едва ли не самый важный пост в правительстве, если и уступавший в плане родословно-местнических счетов посту конюшего

боярина, то по характеру и кругу деятельности, включавшей управление как царским дворцом, так и дворцовыми владениями, превращавший дворецкого в особо приближенное к царю лицо. С назначением Д.Р.Юрьева дворецким этот пост монополизировался Захарьиными вплоть до 1577 г. [1, 188].

Итак, уже 1547 г. характеризуется такими изменениями в составе Боярской думы, которые носят отчетливо выраженный политический характер. Дальнейший ход пополнения Боярской думы новыми членами — в 1548—1552 гг. — демонстрирует усиление позиций в думе той политической группировки, в руках которых оказалась сосредоточенная власть после падения Глинских. Наиболее ярко эта тенденция выступает в факте пожалований в думу представителей Захарьиных. За рассматриваемый период времени (1547—1552 гг.) в думу вошло четверо Захарьиных (И.М.Юрьев, Г.Ю.Захарьин, Д.Р.Юрьев, В.М.Юрьев), а также несколько ближайших родичей Захарьиных [1, 188].

Противоположную в оценке И.И.Смирнова группу среди вошедших в Боярскую думу составляли титулованные бояре-княжата. Позиция княжеской группы в составе думы определялась резко враждебным отношением к проводившейся правительством Ивана IV политике приближения «молодых людей» (к которым в глазах княжат, прежде всего принадлежали Захарьины) [1, 189].

И.И.Смирнов, указывавший на особое положение М.Ю.Захарьина при Василии III, заключал, что видное место в деятельности Захарьиных-Юрьевых в конце 40-х гг. занимало не только руководство вопросами внутренней и внешней политики, но и участие в военных акциях. Историк отмечал, что роль Д.Р. и В.М.Юрьевых как военачальников полнее всего отражена в «разрядах» [1, 211].

Литература

1. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М., Л., 1958.

Н.В.Изубчикова

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

О ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ И РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны Ханты-Мансийский национальный округ, как и вся страна, оказался в условиях полной мобилизации ресурсов. Развитие сельского хозяйства превратилось в задачу военно-хозяйственной

важности. В это трудное для страны время лозунг «Все для фронта, все для Победы!» определял основное содержание аграрной политики государства по отношению к деревне на период войны [3, с. 16].

Ставка на экстенсивное ведение земледелия в районах Крайнего Севера и приравненных к ним областях в условиях военного времени весьма актуализировала проблему расширения посевных площадей [2, с. 68].

Осваивать новые земли было непросто. Почвы в округе преобладали малоплодородные. Изучение географии пахотных угодий И.И.Конышевой, показало, что большая часть почв, пригодных для освоения, сосредоточивалась вдоль рр. Оби, Иртыша, Конды [4, с. 235]. Почвы региона в преобладающем большинстве были бедны питательными веществами, а в ряде случаев страдали от избытка влаги. Кроме того, необходимо выделить почвы болотных массивов, почвы затопляемых пойм и почвы горных районов. Почвы были наименее используемым в регионе природным ресурсом, таковыми они остаются и сейчас [1, с. 59].

Освоение новых земель происходило с большими трудностями. В постановлении Омского Обкома и облисполкома от 26 августа 1942 г. «О развитии сельского хозяйства и местной промышленности в районах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов» планировалось в Югре освоить новых земель: в 1942 г. — 5 800 га, 1943 — 7 000 га, 1944 — 10 000 га; посевные площади расширить: в 1943 г. — 19 000 га, 1944 г. — 25 600 га, 1945 г. — 35 000 га. Данные планы не имели научного обоснования и изначально обрекались на невыполнение. В дальнейшем планы корректировались в сторону уменьшения, что вполне разумно [1, с. 63]. В 1943 г. план по освоению новых земель был выполнен на 41,2%. Предполагалось освоить 2 800 га, а реально удалось поднять 1 155 га земель. В 1945 г. на 10 июля всего было освоено 160 га, или 5,7% к плану. Трудности поднятия новых земель объяснялись нехваткой корчевальных орудий (тросов, крюков, лап, кошек и пр.) и плохой работой тракторов, особенно газогенераторных. Изношенность техники и отсутствие запасных частей вели к простоям.

Тем не менее, ежегодно новые земли вводились в севооборот и способствовали увеличению посевов зерновых и овощных культур [2, с. 69].

Л.В.Набокова опубликовала некоторые данные по посевным площадям в колхозном секторе округа. В 1943 г. площадь, занятая овощами, составляла 190 га, из них 63 га были засеяны капустой, 25 — морковью, 6 — огурцами, 4,78 — луком, 3 — свеклой, 2 — помидорами. Округ свои потребности в овощной продукции не обеспечивал. Овощи занимали всего 6% посевов. Под зерновыми культурами было занято 73,2% посевной площади, под картофелем 4% — 20,6%. Соотношение культур не было удовлетворительным ни с точки зрения агротехники, ни с точки зрения экономики [2, с. 70].

Колхозы округа в 1943 г. полностью обеспечили себя семенами зерновых и картофеля, кроме того, дали в порядке взаимопомощи колхозам Тобольского округа 4 000 ц семян для посева в 1943 г. Многие колхозы в 1942, 1943 гг.

обеспечили поголовье лошадей фуражными кормами. Начиная с 1942 г., большинство сельхозартелей было снято с государственного снабжения хлебом. Это мероприятие проводилось впервые за время существования округа.

Несмотря на низкую урожайность, благодаря росту посевных площадей удалось увеличить валовых сборов зерна и картофеля.

Рост посевных площадей в 1941—1945 гг. по округу характеризовался следующими данными:

Рост посевных площадей в ХМНО (га) [2, с. 71]

1941	1942	1943	1944	1945
11 255	15 604	17 769	16 713	15 944

Для распашки новых площадей необходимы были соответствующие технические ресурсы. В развитии земледелия округа военной поры важную роль сыграли машинно-тракторные станции. В четырех МТС Ханты-Мансийского округа работало 50 тракторов с суммарной мощностью в 1558 лошадиных сил. Тракторный парк был обеспечен прицепным инвентарем. В 1940 году в ХМ АО услугами трех МТС пользовались 42 колхоза, в 1941 — 68 колхозов. В 1943 г. Реполовская, Кондинская, Микояновская и Сургутская МТС провели раскорчевку в объеме 219,5 га (по плану — 622 га). Процент выполнения плана составил 35,3%. Ими же осуществлялся подъем целинных земель. По плану МТС должны были распахать 1 890 га, удалось распахать 609 га, или 32% к плану. За 1943—1944 гг., к примеру, механизаторы Сургутской МТС освоили 225 га новых земель. В официальных документах работа МТС характеризовалась весьма критично. «Далеко неудовлетворительно работали МТС округа. Ни одна МТС не справилась с планом тракторных работ. По округу выполнение составляет 52%, особенно плохо работала Сургутская МТС, выполнившая годовое задание лишь на 18%», так оценивалась работа МТС по результатам 1943 хозяйственного года.

При подготовке к посевной кампании 1944 г. тракторный парк МТС был отремонтирован на 66%, а прицепной инвентарь по плугам — на 59%, по культиваторам — на 69%, сеялкам — на 80,9%. МТС зачастую не могли осуществлять ремонт по объективным причинам: не было надлежащих условий и запчастей. Ни к одной базе «Автотрактордеталь» они не были прикреплены, заботы о них никто не проявлял. Серьезные трудности возникли со снабжением МТС запасными частями и горюче-смазочными материалами.

Накануне весеннего посева 1942 г. обеспеченность МТС бензином по Омской области составляла 72,1%, в Ханты-Мансийском национальном округе она была еще ниже. Седовательно, технические ресурсы также в полной мере соответствовали требованиям по увеличению запашки. Анализ трех основных условий, необходимых для решения задач расширения посевных площадей в округе

свидетельствует о том, что они были явно недостаточны, однако труженики сельского хозяйства делали все возможное, а порой и невозможное для увеличения посевных площадей [1, с. 64].

В докладе окрисполкома «Итоги сельскохозяйственного 1943 г. и задачи по подготовке и проведению весеннего сева 1944 г.» отмечались недостатки в проведении посевных кампаний. В их числе — низкий агротехнический уровень. «Большинство колхозов производили посевы озимых хлеб по хлебу. Не выдержаны сроки посевов», — отмечалось в указанном документе. Во многих колхозах отсутствовал паровой клин. Следовательно, правильного севооборота в округе не наблюдалось. Новые земли осваивались без какого-либо изучения, без предварительной подготовки и выбора под конкретные культуры. Имелись случаи плохой подготовки семенного материала. Например, по Березовскому району к севу 1942 г. не была осуществлена полная засыпка семян, их очистка и проверка на всхожесть [2, с. 72]. Семена в колхозах нередко имели большой процент влажности, что влияло на их всхожесть. В 1943 г. колхозы округа впервые за все время своего существования отказались от государственной семенной ссуды. Посев зерновых культур в 1945 г. округ произвел полностью своими семенами [2, с. 73].

Благодаря самоотверженному труду жителей округа земледельческая отрасль в годы Великой Отечественной войне не только развилась и укрепилась, но и стала важнейшим сегментом хозяйства, обеспечивавшего население продуктами земледелия; животноводство — фуражным зерном, корнеплодами. Несмотря на трудности жители округа, люди разного возраста, выполняли возложенные на них обязанности, проявляя мужество, трудились во имя общей победы над врагом [2, с. 73].

Литература

1. Алексеева Л.В. Проблема расширения посевных площадей и условия для ее решения в ХМНО в годы Великой отечественной войны // Шатиловские чтения: материалы XIII краеведческой конференции (23 апреля 2010). Нижневатовск, 2010.
2. Алексеева Л.В. О развитии земледелия в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4.
3. Ильиных В.А. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы шестой межд. Науч-практич. конф. (30—31 марта 2006 г.). Омск, 2006.
4. Кобышева И.И. История землепользования и землеустройства 1917—1941 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа): Монография. Нижневартовск, 2009.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧИНОВНИЧЬЕГО АППАРАТА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1920 гг.)

В отечественной историографии сформировалась точка зрения о том, что отличительной особенностью антибольшевистских органов управления, особенно Юга России, было «феноменальное засилие бюрократии». Объяснялось это тем, что тыловые учреждения являлись убежищем от призыва в армию и скоплением огромного количества царских чиновников всех рангов. Большинство исследователей делают упор на перечислении в составе аппаратов управления антибольшевистских правительств высших должностных лиц.

Юг России

Обобщающие данные о бюджете и штатной численности аппарата гражданского управления не обнаружены. По косвенным данным можно, однако, установить, что в центральном аппарате работало не менее 5 тыс. чиновников, а на содержание этого аппарата за период с апреля по ноябрь было истрачено 10—12 млрд. руб.

Центральный аппарат южного антибольшевистского объединения, находившийся в Севастополе, был воздвигнут над губернским (Таврической губернии), который находился в Симферополе и сохранился в дореволюционном виде. Деятельность центральных учреждений практически не выходила за пределы Таврической губернии, которой управлял губернский аппарат численностью до 5 тыс. чиновников. Естественно поэтому, что большая часть работы центральных управлений состояла в переписке с подчиненными им губернскими учреждениями.

Уездная и волостная администрация в условиях самоуправления начальников войсковых частей, проходивших через их территорию или стоявших на ней, как и вообще офицеров, была совершенно парализована. Вся их деятельность сводилась к вымогательствам у зажиточных крестьян «детямкам на молочишко», пьянству и издевательствам над населением.

Чтобы пресечь практику «самоснабжения» войск путем грабежа населения, поднять в войсках дисциплину и тем переломить враждебное отношение крестьян к армии, что должно было облегчить проведение законных реквизиций и мобилизаций, в мае Врангель приказал образовать военно-судные комиссии при начальниках гарнизонов, штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад. В их компетенцию входило расследование и вынесение приговоров по делам о грабежах, разбоях и самовольных реквизициях, совершаемых чинами армии в отношении населения.

Учреждение их в первую очередь породило неразбериху в судебном ведомстве: пока дела лежали без движения, между Военной прокуратурой, Управлением юстиции, окружной судебной палатой и окружным судом шли бесконечные споры о том, кто должен их рассматривать, поскольку все старались спихнуть их вновь образованным комиссиям. Но военно-судные комиссии, которые крестьяне Таврии осаждали с жалобами на грабежи, оказались совершенно недееспособны. Во-первых, потому, что состояли не из опытных юристов, а, в основном, из бывших строевых офицеров, которые не желали «цацкаться с мужиком» и строго наказывать своих однополчан. Во-вторых, командиры частей всячески третировали комиссии, не отвечая на их запросы и укрывая привлеченных к ответственности офицеров, казаков и солдат. В-третьих, большинство осужденных было помиловано самим же Врангелем ввиду их «боевых заслуг». К осени военно-судные комиссии превратились либо в бюрократические учреждения, безуспешно «штурмующие» штабы и командование с целью вытребовать на допрос обвиняемых, либо в хозяйственные органы, расплачивавшиеся с крестьянами за уведённых лошадей, отобранный хлеб и прочее имущество, и на этой почве сами погрязшие в вымогательстве и казнокрадстве.

Неудачей закончилась и попытка организовать при командирах корпусов управления заместителей по гражданской части, настойчивым инициатором которой выступил генерал Слещов. В мае Совет при главкоме одобрил предложенный им проект. Согласно утверждённому главкомом 11(24) мая «Положению о начальниках гражданской части при командирах корпусов», «начграчи», как их стали именовать, наделялись правами губернатора и подчинялись начальнику Гражданского управления. В состав гражданских частей вводились представители всех гражданских ведомств. Их важнейшей задачей было формирование местного административного аппарата на только что занятой войсками территории (управлений начальников уездов, городской и сельской стражи), чтобы как можно скорее передавать ее под управление гражданских ведомств и тем положить предел произволу военного начальства, которое рассматривало ближайший тыл как свою вотчину. Однако уже в середине (конце) июля гражданские части были расформированы, поскольку создавали излишний параллелизм, вносили путаницу и неразбериху, а главное — вызывали сильнейшее недовольство военных начальников вмешательством в вопросы снабжения местными средствами.

По-прежнему самой характерной чертой государственного аппарата была устойчивая тенденция разбукхания и саморазмножения. Врангель, государственный кругозор которого во многом оставался на уровне ротмистра гвардейской кавалерии, пребывал в убеждении, что государственный аппарат можно упростить и устроить на манер полевого штаба — стоит только приказать. За апрель — май он отдал приказы о расформировании более пятисот военных и гражданских учреждений. Однако эта кавалерийская атака на бюрократию особого успеха не имела. Офицеры, откомандированные из упразднённых тыловых учреждений

на фронт, не веря в победу и не желая рисковать жизнью, добивались откомандирования в другие, вновь учреждавшиеся тыловые учреждения и в итоге все-таки покидали фронт. Чиновники также перекочевывали из упраздненных учреждений во вновь открывавшиеся. Сделать это было не так трудно, поскольку новые учреждения являлись продолжением старых — под новой вывеской, но под руководством тех же начальников. Главы ведомств и руководители учреждений стремились постоянно расширять подчиненные им аппараты, поскольку это расширяло бюджетное кредитование и делало службу «доходнее». Поэтому вместо упраздненных скоро возникали новые учреждения, множилось число управлений, отделов и канцелярий и весь этот процесс по сути свелся к «калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую даже только последних».

Разбуханию аппарата способствовала и деятельность Кривошеина, видевшего средство решения всех проблем в реорганизации управления и остававшегося по психологии «тайным советником и министром большой самодержавной России». С другой стороны, он, как и многие главы ведомств, стремились решать все вопросы «во всероссийском масштабе», чтобы «выковать» в Таврии «прообраз будущей России». Поэтому и происходили постоянные «перестройки», переподчинения, слияния и разделения. Отсутствие эффекта от одной реорганизации порождало другую. Все это в итоге и вело к росту штатов. Результатом стал выстроенный руками опытных бюрократов крайне дорогой и «показной фасад государственности», который только прикрыл прогрессирующий развал тыла.

Разбухание аппарата управления, борьба за крайне ограниченные бюджетные средства и коррупция привели к тому, что межведомственные трения превратились в ожесточенную межведомственную конкурентную борьбу. Каждое ведомство в лице своего начальника отстаивало сохранение за собой наиболее «доходных» дел, стремилось добиться увеличения собственного кредитования за счет других, выставить свою деятельность как единственно правильную и опорочить конкурентов, оттеснить их и при этом свалить на них наиболее сложные вопросы. Так, Управление торговли и промышленности и Управление финансов прочно увязли в противоборстве по поводу регулирования экспортно-импортных операций и контроля за деятельностью частных банков, а Управление торговли и промышленности и Главное интендантство жестко конкурировали между собой за бюджетные деньги, отпускавшиеся на закупку хлеба и т.д.

В результате такого противоборства законодательные предположения ведомств, вносившиеся в Совет при главкоме и позже в Правительство юга России, противоречили друг другу. Распоряжения, отдававшиеся управлениями и их отделами своим местным учреждениям, часто противоречили не только распоряжениям других ведомств, но и другим отделам того же управления. Между учреждениями различных ведомств, которым приходилось взаимодействовать при решении одного вопроса, шла бесконечная переписка о «согласовании», в ходе которой каждый стремился оградить свои интересы. Отсутствие фактической

согласованности приводило к многочисленным выяснениям, уточнениям и переделкам распорядительных документов, в ходе которых учреждения, как выразился один чиновник, «запутывались в формальностях», а дело тем временем не двигалось. Руководители учреждений в конкурентной борьбе за бюджетные деньги и «доходные» сферы управления и дела нередко превышали свою власть, хорохорились друг перед другом, но когда дело доходило до серьезных вопросов или неодолимых дел, стремились кивать на других, передавать дела другим и проявляли полное бездействие. Старая бюрократическая практика создания междуведомственных комиссий, к которой широко прибегал Кривошеин, не могла изменить ситуации, поскольку начальники весьма часто вообще игнорировали заседания комиссий, работа их затягивалась и решения не выполнялись. Как констатировал в одном из своих приказов Врангель, «канцелярская волокита и междуведомственные трения сводят на нет все мои начинания».

Эффективность работы чиновников в 1920 г. была еще ниже, чем в 1919 г. Чувство долга, отчасти питавшееся расчетами на чины, награды и продвижение по службе, как и другие факторы, сошли на нет. Главным мотивом стало использование служебного положения в корыстных целях. Этому способствовали как ощущение непрочности положения Русской армии в Таврии, так и катастрофическое ухудшение материального положения.

В государственном аппарате врангелевской Таврии служило примерно 10—12 тыс. чиновников. Члены их семей насчитывали 20—25 тыс. Месячное жалование чиновников XVI—VII—IV классов составляло в мае 7 000—16 000—27 000 руб. и вместе со всеми прибавками покрывало от 5 до 25% семейного прожиточного минимума. В сентябре оклады были удвоены, но уже за октябрь инфляция «съела» прибавку и жалование снова стало покрывать всего 5—10% прожиточного минимума. Положение чиновников усугублялось еще и тем, что за зиму — весну, голодая, многие продали последнее «лишнее» имущество и этот источник повышения реальных доходов иссяк. Поэтому чиновникам ничего не оставалось, как брать и вымогать взятки, присваивать казенные суммы.

Периодически издававшиеся приказы Врангеля грозили взяточникам и казнокрадам, «подрывающим устои разрушенной русской государственности», каторгой и смертной казнью, введенной в октябре. Однако никакого сдерживающего воздействия они не оказали. Столь же недейственными были и кампании официальной прессы, взывавшей к патриотическим чувствам чиновников (под лозунгом «Брать сейчас взятку — значит торговать Россией!») и рассуждавшей, что «ничтожное жалование, дороговизна, семьи — все это не оправдание» для мздоимства.

В итоге переписка превратилась в механическую канцелярскую работу «вне времени и пространства», в создание видимости деятельности. Волокита оставалась все дела и стала орудием вымогательства: всякое дело отстаивалось «точно баржа, путешествующая по шлюзам», пока взятка не открывала шлюзы. «Крымский вестник» так живописал выполнение гражданскими ведомствами

приказов «правителя»: «Бумажная машина совершила положенный ей круг, поставила точку и подвела итог: исполнено. Но в жизни остались лишь груды исписанной бумаги с номерами и подписями. Волокита организовала у нас свое государство в государстве...».

Наконец, резко упала служебная дисциплина чиновников. Опоздания на работу и бездельничанье приняли настолько массовый характер, что даже формальный документооборот оказался разрушенным, если не запутывался нарочно, чтобы скрыть следы должностных преступлений. Чиновники большей частью «пили чай и курили», обычное высокомерие и равнодушие к просителям и жалобщикам из простонародья превратилось в презрение и грубость.

Именно этот военно-гражданский, выстроенный по типу военной диктатуры, государственный аппарат проводил в жизнь «левую политику правыми руками» и регулировал экономическую жизнь занимаемой территории.

Северная область

Среди кадетов, вошедших во Временное правительство Северной области, были как общественные деятели, такие как П.Ю.Зубов (до 1917 года он служил в Вологодском губернском земстве, избирался депутатом Вологодской городской думы) и Н.В.Медодиев — член третьей Государственной Думы, так и профессионалы, подобно С.Н.Городецкому (юрист, накануне революции — председатель архангельского окружного суда).

Бывшие царские чиновники привлекались на государственную службу в Северной области сразу после свержения советской власти. Нехватка опытных кадров приводила порой к тому, что на должности глав уездной администрации назначались малограмотные люди.

Белая Сибирь

Одним из главных бедствий Омской власти был недостаток подготовленных к государственной деятельности людей. На службе в органах власти оказались люди с различной профессиональной подготовкой, разными политическими взглядами и личными качествами. Преобладали бывшие чиновники царского времени и военные. Старая администрация в лице лучших своих представителей разъехалась. Надо отметить, что лица, находившиеся у власти, имели достаточное образование, но не имели опыта работы в государственных структурах такого масштаба. Как отмечал в своих воспоминаниях Г.К.Гинс: «Страдая общим для всех омских деятелей грехом — неподготовленностью к широкой государственной работе, — я не обладал ни даром предвидения, ни силой настойчивости, предполагающей уверенность в своих силах». Наблюдалась нехватка сотрудников в подразделениях и отделах. Повсеместно на территории, занятой белыми, в газетах публиковались объявления о приеме на работу квалифицированных специалистов. «Главному управлению по делам вероисповеданий требуются машинистки и канцелярские служащие». «В городской отдел аппарата Управляющего Томской губернией требуются канцелярские служащие и машинистка».

Но, несмотря на все недостатки, прием на работу и увольнение осуществлялись по единым правилам. В случае образования вакансии в местных газетах публиковалось объявление об этом. Кандидат на должность писал заявление о приеме на работу на имя начальника отдела или подразделения. Заявления о приеме на работу и об увольнении оформлялись по единому образцу: на листе писчей бумаги и от руки. Всегда указывалось, на чье имя или в какую структуру подается заявление и от кого. Данные о заявителе оформлялись с правой стороны в столбец. В заявлениях в реквизите «заявитель» не фиксировался предлог «от», а сам реквизит заполнялся в родительном падеже. Инициалы писали перед фамилией. В конце документа обязательно проставлялась личная подпись и дата написания заявления. В случае, если заявитель не мог сам написать заявление, например, по причине безграмотности, то вместо него заявление оформлял секретарь, о чем делалась отметка в документе. Заявитель же если мог, ставил подпись. Вместе с заявлением необходимо было подавать послужной список и если прежнее место работы кандидата находилось в европейской части России, то необходимо было предоставить подтверждение о трудовой деятельности с прежнего места работы. Если кандидат проходил конкурсный отбор, то с ним заключался договор. В результате издавалось постановление о зачислении на работу, в котором указывалось на какую должность, в какой отдел, с какого числа и с каким окладом принимался сотрудник. А в случае увольнения — постановление об освобождении от занимаемой должности, где обязательно указывалось основание выхода документа, например, «телеграмма Западно-Сибирского комиссариата» или «в виду добровольного поступления на воинскую службу».

При переводе сотрудников из одного структурного подразделения в другое также издавались соответствующие постановления. В результате вступления в должностные обязанности или увольнения руководителей высших органов власти и областей, губерний, уездов издавались приказы за соответствующей подписью. После вступления в должность или увольнения начальников отделов, структурных подразделений и управляющих губерниями (областями), вышестоящему руководству направлялись донесения следующего характера: «Доношу, что сего числа денежное и канцелярское делопроизводство, отчетность и остаток денежных сумм я сдал (принял) вновь назначенному ...».

При назначении на должность первых четырех классов (административно-управленческий аппарат) в органах власти и управления Белой Сибири *соответствующие указы должны были быть опубликованы в соответствующем печатном органе*. Данный принцип был закреплен постановлением Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 года и изменял порядок назначения, установленный Временным правительством 1917 года. Процедуры кадрового делопроизводства по вопросу назначения «упрощалась» в связи с упрощенной структурой власти (отсутствие в структуре сибирской власти органа, соответствующего Сенату).

Значительной проблемой для органов власти был призыв сотрудников на военную службу. Так, в целях планомерного проведения в жизнь указов Верховного Правительства о воинском наборе согласно постановлению Совета Министров во всех отделах подведомственных и центральных государственных учреждений составлялись списки «пригодных для строевой службы». По мере необходимости осуществлялась сверка данных в списках. На их основании выходили постановления об освобождении от служебных обязанностей и зачислении на воинскую службу.

Часто сотрудникам государственных учреждений для возможности исполнения своих должностных обязанностей при выезде со своего рабочего места или для возможности беспрепятственного получения каких-либо сведений выдавались удостоверения. Для этого либо печатались специальные бланки, либо документ полностью печатался на машинке, но на бланке организации. Обязательным в таких документах было указание сведений о том, кому (должность и фамилия, имя, отчество) и какие права предоставляются. Для сокращения возможности создания фальшивок неотъемлемой частью удостоверений всегда были подписи и печати. Стоит отметить, что у каждого органа власти была своя печать, на которой четко указывалось наименование организации. Повсеместно использовались круглые печати, которые обычно хранились у Управляющих делами. Правда, увеличение степеней защиты не уменьшало количества подделок, которые использовали и спекулянты, и советские шпионы, и сами чиновники.

В.В.Калинов

г.Москва

*Российский государственный университет нефти и газа
им. И.М.Губкина*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Процессы глобализации обуславливают усиление международной конкуренции в технологическом развитии, постепенное исчезновение явных различий между прикладными и фундаментальными исследованиями, появление новых форм кооперации между наукой и бизнесом, реформирование исследовательских организаций, формирование, помимо внутренних, дополнительных глобальных инновационных структур, специализированных рынков, таких как рынок венчурного капитала или высококвалифицированных кадров. В 1987 году К.Фриман впервые использовал термин «национальная инновационная система» (НИС) — (NSI) под которой понималась «сеть институтов в общественном и частном секторах, чья деятельность и взаимосвязь способствуют разработке,

импорту и проникновению новых технологий» [1, 1—5]. Создание НИС является начальной стадией построения инновационной экономики.

Новые цели государственной политики в области развития науки и технологий, призванные обеспечить переход к инновационному пути развития страны были озвучены Президентом РФ в 2002 г. и закреплены в документе «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», обозначившие переход от политики сохранения научно-технического потенциала к его воспроизводству в условиях становления национальной инновационной системы. Сфера науки и технологий была отнесена к числу высших приоритетов РФ. Вполне естественным представляется явно обозначившееся в последние годы стремление перейти к качественно иной экономике инновационного типа в условиях формирования почти половины ВВП за счет внешних факторов, ослабления экономического суверенитета и сокращения государственного присутствия в экономике. Развитые страны Запада уже сформировали и последовательно реализуют концепцию НИС, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что нет одинаковых, полностью совпадающих программ и стратегий. Совершенно очевидно, что инновационное и технологическое лидерство страны зависит и будет определяться в будущем не столько от высоких затрат на НИОКР, сколько от гибкой и эффективной инновационной политики, точного прогнозирования и благоприятного инновационного климата. Между тем, в России даже прежние темпы окажутся недоступными без серьезных изменений в институтах и в условиях ведения бизнеса. Экстенсивные источники роста себя исчерпали. Российская экономика должна перейти на рельсы роста, основанного на качественных изменениях факторов производства – в первую очередь, человеческого капитала. Констатируя невысокую динамику инновационного развития как ключевого направления модернизации, Президент РФ Д.А.Медведев в интервью газете «Ведомости» 26 января 2011 г., сказал о скромном, но положительном результате первых шагов модернизации: «Основная часть наших граждан осознала: у нас исчерпаны возможности сырьевого роста» [2].

Анализ реализации инновационных проектов позволяет к числу достижений российской государственной инновационной политики отнести активную поддержку идеи усиления инновационной активности, разработку концептуальных документов, функционирование структур на федеральном и региональном уровне, отвечающих за координацию и активизацию инновационной деятельности, попытки интегрировать в единую стратегию все элементы инновационной системы, осуществление комплексного прогнозирования, использования среднесрочных статистических показателей и индикаторов. Среди задач, которые нуждаются в скорейшей реализации, можно отметить: инвестирование инновационных процессов, обеспечение координации действий правительства и бизнеса, повышение эффективности федеральных целевых программ, поддержка ряда

отраслей промышленности в сфере преодоления технического отставания и малых инновационных предприятий и др. Из-за их нерешенности экспертами фиксируется почти полное отсутствие высокотехнологичных отраслей промышленности, производящих товары массового потребления; ограниченное число малых инновационных компаний и высокотехнологичных стартапов. Доля принципиально новых разработок в затратах на технологичные инновации составляет примерно 18% (в странах, ОЭСР — 33%); из числа, использованных передовых технологий всего 2,6% имеют патент на изобретения; более 90% отечественной машино-технической продукции неконкурентоспособно; удельный вес инновационно-активных организаций составляет менее 10% [3]. В 2000—2009 гг. технологические инновации осуществляли 9,3—10,6% организаций (по сравнению с 60% в развитых странах), доля инновационной продукции находилась в пределах 4,2—5,5% от общего объема отгруженной продукции (по сравнению с 30% в развитых странах) [4].

Будучи страной с высокообразованной рабочей силой (доля занятых с высшим образованием заметно выше, чем, например, в Германии), Россия одновременно демонстрирует низкую производительность труда. Эксперты утверждают, что наше среднее профессиональное образование почти не добавляет таких профессиональных компетенций, которые были бы востребованы на рынке труда и соответствующим образом им оценены.

Многое можно позаимствовать из опыта тех стран и тех структур, где уже разработано и накоплено немало эффективных форм работы с кадрами. Еще недавно откровением в технологиях подготовки был тезис о том, что готовить нужно не отдельных людей, а команды специалистов. Сегодня приходит понимание, что создавать нужно не отдельную систему подготовки команд, а инфраструктуру инженерно-конструкторской мысли и деятельности, инфраструктуру управления знаниями, в которой эти команды будут формироваться, осуществлять деятельность и находиться в процессе непрерывного образования [5]. Как показывает практика, передовые позиции занимают те государства, которые разрабатывают и внедряют качественно новые идеи и продукты, обеспечивая как внутренний, так и внешний рынок. Для удержания этих позиций необходим образованный и компетентный персонал, включающий ученых, инженеров, квалифицированный «рабочий класс».

Таким образом, на новом этапе реформ при условии консолидированной общественной поддержки усилий правительства требуется обеспечить качественный прорыв в реализации проектов по созданию современного механизма эффективного управления инновационными процессами.

Примечания

1. Freeman, C. *Technology Policy and Economic Performance*. London, Pinter Publishers, 1987. P. 1—5.

2. Интервью Дмитрия Медведева газете «Ведомости». URL: <http://президент.рф> (дата обращения: 01.02.2011).

3. См.: Зверев А.В. Формирование национальной инновационной системы: мировой опыт и российские перспективы. Дис. ... д-ра эк. наук. М., 2009.

4. Федорова Т.А. Формирование рыночной стоимости инновационно-активного предприятия. URL: http://discollection.ru/article/30112010_fedorovata/3 (дата обращения 02.02.2011 г.).

5. Учебные центры для высокотехнологичных отраслей промышленности — инфраструктура модернизации кадрового потенциала // Под ред. Б.Я.Якимовича, С.А.Наумова. Ижевск, 2010.

И.И.Коньшева

г.Нижневартовск

МОСШ № 2 «Многопрофильная»

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В 1920-х гг. НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

С конца 1923 г. Обь-Иртышский Север был в составе Уральской области. Решения в сфере землепользования и землеустройства, принимаемые уральскими областными организациями, распространялись и на Тобольский Север.

Землеустройство на Урале, как на то указывает Л.В.Алексеева, стало проводиться с 1920 года и к 1928 году Областное управление осуществило значительную работу по учету имеющегося земельного фонда [1].

Н.Д.Кондратьевым и Н.П.Огановским отмечалось, что в целом по стране до 1922 г. землеустройства в тесном смысле слова в сущности не было: оно носило характер по преимуществу межзема. За пять лет, считая с 1919 г. было выполнено 18,7% территории всей республики.

Исходя из проблем, сложившихся в землепользовании Уральской области, ОблЗУ определило главные направления землеустройства: это регулирование земельных отношений с точки зрения использования пахотного фонда. Анализ документов ОблЗУ свидетельствует, что мероприятия этого ведомства до середины 1920-х гг. и землеустройство в области носили скорее стихийный характер, несмотря на попытку поставить землеустройство на плановую основу [2].

В 1925 г. была принята резолюция по отчету Уралобкома ВКП(б), в которой определялись задачи в области землеустройства, предусматривалось ускорение темпов проведения землеустроительных мероприятий. Работа по землеустройству ставилась в центр внимания земельных органов области, обязанных ликвидировать межселенную чересполосицу, дальнотемелье и запутанность земельных отношений; принять меры к окончанию работ по передаче лесов

местного значения земельным обществам, упорядочить лесопользование и лесоустройство в лесах местного значения [3].

С 1925 года проведение землеустроительных работ в Уральской области планировалось осуществить с учетом распространения в будущем коллективных форм хозяйства [4]. План проведения землеустроительных работ должен был быть представлен на утверждение в ОблИК. Из докладных записок ОблЗУ о проведении землеустроительных работ в 1925 г. следует, что проводимые в области землеустроительные работы на то время носили характер межселенного землеустройства, а работы по внутриселенному землеустройству лишь начинали развиваться [5].

Итак, на протяжении всего 1925 года в Уральской области главное место в работе с крестьянством занимало землеустройство [6]. В докладе «О хозяйственном состоянии Уральской области за 1925 г.» отмечалось, что землеустройство в регионе шло медленными темпами [7]. В 1925 г. планировалось землеустроить 18—20 тыс. десятин, план был выполнен на 37%. Такая ситуация по мнению руководящих органов, препятствовала переходу крестьян на многополье, которое напрямую зависело от землеустройства [8].

Документы свидетельствуют, что землеустроительные работы активизировались на Урале широким фронтом с 1926 года. К концу 1927 г. межселенным землеустройством было охвачено 44,5% и внутриселенным — 16,3% всех земель трудового пользования [9]. Из положения об Уральском областном земельном отделе следует, что трудовое землепользование осуществлялось в трех формах: товарищеской, общинной и подворно-участковой. Это предусматривалось и Земельным кодексом, но преобладало на Урале общинное землепользование, которое охватывало 92,35% земель, 6,5% земель приходилось на долю отрубов и хуторов и 1,2% на долю колхозов [10].

В северных округах Уральской области новый этап в подготовке проведения землеустройства начался с момента вхождения ее территории в состав области. Перед уездным земельным отделом стояли две задачи: во-первых, необходимо было составить планы землеустроительных работ, во-вторых, составить землеустроительные проекты [11]. Можно предположить, что в 1923 г. на Севере начался новый этап землеустройства, носивший характер административно-подготовительного.

Главное управление требовало от уездных земельных управлений составления плана по землеустройству территории уезда. Указывалось назначение правильного землеустройства, сообщалось о формах землепользования, аренде и передаче земли, предлагалась схема для составления землеустроительных проектов [12]. Землеустройство пытались проводить не только в отношении крестьянских хозяйств, но и в отношении учебных заведений в соответствии с положениями, изложенными в ст. 39—40 Земельного Кодекса [13].

В 1924—1929 гг. комплекс первичных мероприятий по землеустройству был продолжен. В плане по землеустройству 1924 г. Уральской области, по очередности

Тобольский округ был десятым. Л.В.Алексеева утверждает, что в конце 1920-х гг. работы проводились исключительно по водоустройству [14].

Со второй половины 1920-х гг. наблюдался более широкий охват землеустроительными мероприятиями Тобольского Севера. Как справедливо отмечает Л.В.Алексеева [15], землеустроительные мероприятия проводились с большими трудностями. Применительно к Северо-Западной Сибири права на землю декларативно закреплялись «Временным положением об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР» 1926 года, что выступало основным документом, регулирующим в регионе земельные отношения [16].

Таким образом, в 1923—1926 гг. землеустроительные мероприятия постепенно охватили Обьиртышье.

Землеустройство в Тобольском округе активизировалось в 1927/1928 гг. и проводилось преимущественно в южных районах [17].

В операционный план землеустройства и североустройства Тобольского округа на 1928—1929 гг. были включены следующие мероприятия: 1) изучение прав и пожеланий населения; 2) выявление освоенности территории по картографическому материалу; 3) составление камерально окончательных проектов; 4) выдача населению грамот — родовых земельных записей (актов).

В 1928—1929 гг. планировалось североустроить — 543,553 га [18].

Наиболее активно планировалось проводить сельскохозяйственное землеустройство с целью увеличения посевной площади, что обуславливалось аграрной политикой государства в конце 1920-х гг.

В целом план землеустройства предполагал охватить ничтожно малую часть территории региона.

Итак, в Уральской области землеустройство началось с 1925 года, и в основном носило характер межселенного, внутриселенное землеустройство только начинало разворачиваться. К 1927 г. межселенным землеустройством было охвачено примерно 45%, а внутриселенным более 16% земель трудового пользования, на 1 января 1930 г. было землеустроено примерно 25% земли области.

Подготовка землеустроительных мероприятий на Тобольском Севере отмечены уже в 1923 г. Однако, землеустроительные мероприятия охватили регион по сути лишь во второй половине 1920-х гг. и носили характер административно-подготовительного. Подготовительные работы по устройству территории Тобольского округа были начаты в 1927—1928 гг.

Перед землеустройством Севера стояли задачи: 1) составление планов землеустроительных работ; 2) составление землеустроительных проектов. Однако, в реальности планы составлялись и намечались в одни сроки, а выполнялись гораздо позже, составление землеустроительных проектов также замедлялось, что объяснялось рядом причин.

Активизация землеустройства в конце 1920-х гг. проявилась в том, что были осуществлены первые комплексные мероприятия по землеводоотводу,

распределению промысловых угодий, их размежеванию среди туземного населения, устройству лесов местного значения.

В целом, в 1920-е гг. на Тобольском Севере землеустроительные мероприятия не носили системного характера и землеустройство к 1930 г., как планировалось, не завершилось.

Примечания

1. Алексеева Л.В. О землеустройстве и землепользовании на севере Западной Сибири в 1920—1930-х гг. // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут, 2004. С. 108.

2. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Л. 141.

3. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1. Л. 146.

4. Из положения об Уральском областном земельном отделе. 24 декабря 1925 г. // Официальный сборник декретов, постановлений, распоряжений и циркуляров Центральных и Уральских областных органов власти. С. 234—235.

5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 326. Л. 43.

6. Там же. Д. 1. Л. 80.

7. Там же. Л. 103.

8. Там же.

9. Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919—1929). Новосибирск, 2005. С. 234—235.

10. Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1998. С. 46.

11. ГА ХМАО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

12. Там же. Л. 6.

13. Там же. Л. 2.

14. Алексеева Л.В. О землеустройстве и землепользовании на Севере Западной Сибири // Землевладение и землепользование в России. Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сооб. М., 2002. С. 306—307.

15. Алексеева Л.В. О землепользовании и землеустройстве на Тобольском Севере (вторая половина 1920-х — 1930-е гг.) // Землевладение и землепользование... С. 155.

16. Документ № 18. Обращение ВЦИК и СНК к рабочим, крестьянам, иностранному населению и трудовому казачеству Сибири // Судьбы народов... С. 55.

17. ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 142. Л. 3.

18. Там же. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 209. Л. 21.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ПРОГРАММАХ ВЫСШИХ НАЧАЛЬНЫХ УЧИЛИЩ ЗАБАЙКАЛЬЯ (НАЧАЛО XX в.)

В 1912 году городские училища были переименованы в высшие начальные училища, состоявшие из четырех классов с годичным курсом обучения в каждом, призванные дать учащимся законченное начальное образование. Высшие начальные училища могли быть мужскими, женскими, смешанными, и в них принимались дети всех сословий, без различия вероисповеданий и вероучений.

В высших начальных училищах преподавались закон Божий, русский язык и русская словесность, арифметика и начала алгебры, геометрия, география, история, естествоведение и физика, рисование и черчение, пение, физические упражнения и т.д. Кроме этого в них могли вводиться необязательные предметы, в числе которых в положении названы иностранные языки. Учащиеся высших начальных училищ, прошедшие курс первого и второго классов, имели право поступить в средние учебные заведения, сдав экзамен по иностранному языку.

Изучение архивных документов показывает, что, несмотря на то, что иностранные языки являлись необязательными предметами, они изучались во многих высших начальных училищах области. В Читинском Александровском высшем начальном училище на 1 января 1914 обучалось 274 учащихся, а к 1 января 1915 их число возросло до 319 человек. По имеющимся сведениям, немецкий язык изучали все учащиеся первых-четвертых классов, а французский — вторых-четвертых классов (ГАЗК ф. 4 о. 1 д. 204).

Из отчета за 1914 г. узнаем, что немецкий и французский языки в училище преподавала З.Г.Данилова. Она окончила Петроградский Мариинский институт, в занимаемой должности состояла с 1 января 1914 года, проводила 22 урока в неделю: 12 немецкого и 10 французского языков и получала содержания в год 959 рублей 88 копеек (ГАЗК ф. 4 о. 1 д. 188). В отчете за 1917 год читаем, что «... из необязательных предметов в отчетном году преподавался только немецкий язык, на который было отведено 16 часов в неделю по 2 урока в каждом классе» (ГАЗК ф. 4 о. 5 д. 194 л.12 об). Примечательно, что средства на оплату преподавателю выделял город.

Изучали немецкий язык только желающие, число которых было в первом полугодии 209, а во втором уменьшилось до 187 человек. «Нежелание значительного количества учащихся изучать немецкий язык объясняется отчасти отсутствием учебников, а главным образом тем, что родители, не видящие непосредственной пользы от изучения немецкого языка, очень охотно разрешают

своим детям отказываться от изучения этого необходимого предмета» — такое объяснение содержится в отчете (ГАЗК ф. 4 о. 5 д. 194 л. 12 об-13). Вместе с тем, в отчете сообщается, что успеваемость по этому предмету была высокой — 99%.

На 1 января 1915 года в Забайкальской области действовало 14 высших начальных училищ (Акшинское, Баргузинское, Нерчинское, Сретенское, Троицко-савское и др.), из них 13 — четырехклассных, 1 — двухклассное и 1 городское четырехклассное училище на станции Маньчжурия КВЖД. Из 14 высших начальных училищ Забайкальской области только в трех из них было введено в качестве дополнительного предмета преподавание новых языков — французского (в Читинском Александровском) и немецкого (в Верхнеудинском, Сретенском и Читинском), в Агинском велось преподавание монгольского языка. Средства на оплату преподавателям дополнительных предметов выделялись городскими и станичными управлениями, а также Агинской инородческой волостью, частью (в Верхнеудинском) — из специальных средств училища из оплаты за обучение (ГАЗК ф. 4 о. 1 д. 168 л. 7).

В Нерчинском высшем начальном училище также было решено ввести за дополнительную плату преподавание английского языка, что зафиксировано в протоколе №19 заседания школьного совета от 5 октября 1917 года. Размер оплаты предполагалось установить в зависимости от размера группы. В документах подчеркивается, что педагогический совет единогласно высказался за это решение. Цитируем: «После обмена мнениями по этому вопросу нашли необходимым и целесообразным ввести в курс училища преподавания английского и немецкого языков со второго полугодия текущего года для учащихся первых трех классов. Учащимся же четвертого класса предоставить право посещать уроки новых языков, которые будут назначены по расписанию для учащихся в четвертом классе» (ГАЗК ф. 4 о. 6 д. 26 л. 5). Как мы видим, для первых трех классов иностранные языки считались обязательными предметами. Из документов узнаем и фамилию учительницы английского и немецкого языка — О.А.Паневина, выпускница Московского благородного института.

В областную земскую управу руководством Сретенского высшего начального училища был отправлен документ о введении новых языков в качестве обязательного предмета с начала 1919—1920 учебного года. В нем говорилось о том, что немецкий язык преподавался в училище «... с 1906 года по настоящее время с перерывом во время войны, в качестве предмета необязательного и только для желающих за особую плату» (ГАЗК ф. 4 о. 5 д. 63 л. 46). С начала 1919—1920 учебного года представлялось возможным введение преподавания немецкого и французского языков как предметов обязательных, для этих целей училище нуждалось в отпуске дополнительных ассигнований из казны.

Итак, можно констатировать, что в начале XX в. иностранные языки изучались в высших начальных училищах Забайкалья, более того, предпринимались

попытка сделать их изучение обязательным. Преподавание иностранных языков играло очень важную роль, обеспечивая преемственность образования.

С.А.Липина

г.Ижевск

Ижевский государственный технический университет

«ОБЗОР ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА

В настоящее время большое внимание в отечественной историографии уделяется локальной истории, в том числе истории отдельных отраслей промышленности и отдельных регионов. Одним из источников, освещающих состояние промышленного развития Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. является издание «Обзор Вятской губернии. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора».

«Обзор Вятской губернии. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора» — это важный источник делопроизводственного характера по истории развития фабрично-заводской промышленности региона. Эти информационные издания готовились и публиковались Вятским губернским статистическим комитетом ежегодно с 1871 по 1915 гг. [1, 467]. В них представлена такая информация, как общая численность фабрик и заводов в Вятской губернии, суммы их производительности и количество рабочих. Сведения представлены по городам и уездам Вятской губернии, а также в целом по региону.

«Обзоры Вятской губернии» содержат однотипную информацию о процессах промышленного развития на территории губернии. Согласно сведениям «Обзоров Вятской губернии» в регионе во второй половине XIX — начале XX вв. работали предприятия четырех групп: «А. Заводы и фабрики, обделывающие животные продукты; Б. Обделывающие растительные продукты; В. Обделывающие ископаемые продукты; Г. Смешанных производств» [2]. По этим данным можно определить специфику и уровень промышленного развития региона.

Значительная часть предприятий относилась к числу мелких. На них работало от 1—5 до 100 чел. Самыми крупными промышленными заведениями были заводы, расположенные на востоке губернии, — это железоделательные и чугуноплавильные заводы Омутнинского и Холуницкого горных округов, Ижевский оружейный и сталелитейный, а также Воткинский железоделательный заводы. Основная часть рабочих региона была сосредоточена именно в этих промышленных предприятиях.

Большое распространение в Вятской губернии получило кожевенное, скорняжное, шубно-овчинное, валено-сапожное, винокуренное, пряничное производства.

Проследив динамику развития промышленности по «Обзорам Вятской губернии», можно сделать следующие выводы, темпы развития промышленности Вятской губернии были медленными и неравномерными. Во второй половине XIX в., особенно в период промышленного подъема 1890-х гг., наблюдалось, с одной стороны, сокращение числа фабрик и заводов (с 750 в 1890 г. до 711 в 1900 г.), а с другой — рост объема производства (более чем в 1,5 раза) и увеличение количества рабочих (с 31 419 до 35 862) [3]. В период экономического роста начала XX в. число предприятий по-прежнему сокращалось, сумма производства и численность рабочих оставались приблизительно стабильными. В 1910-е гг. наблюдался рост числа фабрик и заводов, выпуска продукции и уменьшение численности рабочих, что было связано с событиями Первой мировой войны. Сокращение количества промышленных заведений происходило за счет мелких предприятий, которые, не выдержав конкуренции со стороны более крупных, лучше технически оснащенных производств, закрывались или входили в состав других предприятий. Расширение шубно-овчинного и сапожного производства в 1914 г. объяснялось «громадными заказами Военного ведомства солдатских сапог, амуничных вещей и полушубков» [4, 32]. По сведениям Вятского губернского статистического комитета это произошло «путем увеличения числа рабочих, введением двухсменной работы на механических фабриках обуви и путем применения сверхурочных работ по праздничным дням... Расширение дела не везде было одинаково и колебалось от 30 до 100% обыкновенной производительности» [4, 32]. В «Обзоре Вятской губернии» упоминались новые явления, появившиеся в жизни фабрично-заводской промышленности региона в связи с началом Первой мировой войны: во-первых, «общий недостаток рабочих рук вследствие мобилизации», во-вторых, «временный недостаток во многих отраслях промышленности различных материалов, необходимых для процесса производства», в-третьих, участие представителей промышленности, их служащих и рабочих в помощи больным и раненым воинам, семьям, призванных на войну и воинам действующей армии» [4, 35].

Таким образом, «Обзоры Вятской губернии», выпускавшиеся Вятским губернским статистическим комитетом, являются важным источником для изучения истории развития фабрично-заводской промышленности региона. Они помогают воссоздать картину промышленного развития Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. и отразить основные тенденции и особенности развития фабрично-заводской промышленности региона.

Примечания

1. Справочники по истории дореволюционной России. Библиографический указатель / Под ред. проф. П.А.Зайончковского. М., 1978.
2. Обзор Вятской губернии. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора за 1900 г. Приложение. Ведомость № 2. Вятка, 1901.
3. Обзор Вятской губернии. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора за 1890 г. Приложение. Ведомость № 2. Вятка, 1891; Обзор Вятской губернии. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора за 1900 г. Приложение. Ведомость № 2. Вятка, 1901.
4. Обзор Вятской губернии. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора за 1914 г. Вятка, 1915.

В.Я.Мауль

г. Нижневартовск

*Нижневартовский филиал Тюменского государственного
нефтегазового университета*

«В ТО ВРЕМЯ ВОСПИТЫВАЛИСЬ МЫ НЕ ПО-НОНЕШНЕМУ», ИЛИ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (по материалам «Капитанской дочки»)

В условиях современной России одной из наиболее востребованных тем можно считать оценку тех масштабных процессов, которые трансформируют систему отечественного образования, усиленно маркируя его западными красками. Эти явления не могут не вызывать серьезного беспокойства в виду абсолютно не очевидных результатов и последствий такой тотальной вестернизации российского образовательного пространства. Но для того и существует историческая наука — хранительница, собирательница и толковательница опыта прошлого, чтобы снабжать сегодняшних и потенциальных реформаторов необходимой информацией. Иначе говоря, нет никаких сомнений, что исторический опыт и современность органично взаимосвязаны, первый всегда будет необходимой предпосылкой понимания второго. Опыт прошлого может восприниматься как критерий истинности, выполнять воспитательную функцию, или выступать в качестве эвристической ценности, поскольку изучение истории с такой целью также необходимо для понимания настоящего.

Данными обстоятельствами детерминирован наш интерес к особенностям национального образования в России XVIII столетия, когда российская элита, пожалуй, впервые столкнулась со столь мощным инновационным воздействием европейских технологий воспитания. В качестве основного источника целесообразно обратиться к роману А.С.Пушкина «Капитанская дочка», т.к. уже давно

осознана мысль, что литература и история являются смежными сферами культуры и их главная общая тема — «обществознание, человекознание» [1, 92].

Не секрет, что интерес к истории всегда проявлял и А.С.Пушкин, бывший младшим современником описанной в романе эпохи. Неудивительно, что его творческое наследие с давних пор привлекало пристальное внимание ученых [2].

Общим местом их работ стало следующее характерное суждение: «Пушкин был не только гениальным поэтом и прозаиком, но и тонким историком, стоящим на уровне передовой русской и западноевропейской науки 20—30-х годов XIX столетия, а в некоторых отношениях даже опередившим ее и предвосхищившим достижения будущей историографии. Ни по знаниям, ни по технике источниковедческой работы он не уступал крупнейшим русским историкам своего времени» [3, 502].

Действие романа разворачивается в годы, когда российская аристократия, аксиологически устремленная к Западу, охотно приобщалась к трудам европейских мыслителей. Просвещение стало модным, безоговорочно владело умами столичного дворянства, формируя их интеллектуальные запросы, проникало в светские салоны и домашние библиотеки. В XVIII веке в петербургском высшем обществе наблюдался огромный, возрастающий интерес к чтению, которое становилось стимулом и средством освоения западной литературы. В екатерининскую эпоху оно было важнейшим элементом культуры и быта господствующего сословия. Постепенно (и это можно считать неизбежным по условиям времени) европейские веяния проникали и в провинциальную глушь: «В скромных помещичьих гнездах вызревали первые плоды просвещения и гуманизма, звучали критические в отношении существующей действительности, а позднее и вольнолюбивые мотивы. Здесь создавались библиотеки и картинные галереи, звучала музыка, кипели споры» [4, 79].

В такой провинциальной дворянской семье «повезло» родиться, например, будущему «Колумбу русской истории» Н.М.Карамзину, который был младшим современником своего «менее удачливого» земляка Петруши Гринева. Созданный авторским замыслом, но имевший исторические прототипы, литературный персонаж послужил А.С.Пушкину иллюстрацией взглядов на особенности воспитательного процесса в российской провинции. В глухой Симбирской деревне, принадлежащей Андрею Петровичу Гриневу, царили старинные порядки. В его библиотеке не найти сочинений «Вольтера, Руссо, Дидерота и подобных» [5, 60].

В этом провинциальном поместье вообще не было иных книг, кроме «Придворного календаря», который, правда, получали ежегодно. Он регулярно издавался небольшим тиражом, начиная с 1736 г., и в нем приводились имена и основные сведения обо всех, кто был когда-либо представлен ко двору. По сути дела его можно считать справочником имен и поместий всех титулованных и нетитулованных дворян. Подобная «литература» была не в состоянии формировать европейский вектор культурных интересов читателя, а только позволяла отслеживать различные карьерные и служебные перемещения российских дворян.

Закономерно, что своими интеллектуальными вкусами Андрей Петрович живет вчерашним днем: «*А давно ли мы...*» — излюбленная его сентенция. Из отдельных словесных проговорок становится ясно, что в молодости и ему не чужды были офицерские забавы: «*Эхе, брудер! Так он еще помнит стары наши проказ?*» — умилялся, читая его письмо, оренбургский губернатор Андрей Карлович Р. (КД. С. 273) [6].

Но теперь все это в прошлом. На страницах романа Гринев-старший предстает человеком строгих правил и прочных нравственных принципов в отношении подрастающего поколения. Он придерживался убеждений, которые отличали «людей старого века». Педагогические «изыски» современности, похоже, обошли его стороной. Для воспитания сына он поначалу никаких «модных» образовательных «штучек» придумывать не стал. Спустя годы сам Петр Гринев вспоминал об этом так: «*В то время воспитывались мы не по-нынешнему (т.е. не на европейский манер. — В.М.). С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля*»; «*Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками*» (КД. С. 354, 258, 260).

«Мамки» и «дядьки» из простонародья в роли воспитателей — это трогательное свидетельство живой патриархальной старины, нашедшей место и на страницах романа, и не случайно их образ в «Капитанской дочке» более чем положителен. Впрочем, ветер культурных перемен не мог совсем обойти стороной затерявшиеся на окраинах Центральной России губернии Поволжья. Теперь в благородном обществе к воспитанию дворянских недорослей все чаще привлекали таких иностранных наставников, как «няни, бонны, дядьки, обеспечивавшие физиологическое выращивание, и гувернантки, гувернеры, домашние учителя, отвечавшие за воспитание и обучение». «Появившись сначала в царской семье и в семьях своих соотечественников, живших в России, иностранные гувернеры (чуть позже и гувернантки) стали символом модернизированной западноевропейской образовательной модели в сложном механизме полихронного существования русского дворянства». Благодаря общению с ними, «в имперской России формировалась значительная часть дворян, имевших опыт кросс-культурных коммуникаций» [7, 4, 5, 8].

Отчасти, хотя и достаточно своеобразно, в инновационный воспитательный поток оказалось вовлеченным и семейство Гриневых: «*В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла*» (КД. С. 258—259). Подобное стремление, быть не хуже других, в целом соответствовало культурно-педагогическим реалиям XVIII столетия. Французский путешественник Меге де Латуш описывал типичный тогда способ приглашения учителя: «Когда приходит время начинать учить выросших сына или дочь, барин зовет наиболее доверенного из слуг и говорит ему: «Иван, поедешь в Петербург, купишь вина, ликера

и таких-то тканей, а также найдешь учителя-француза». Тот едет в столицу, находит в кафе французов и спрашивает, кто из них хочет быть учителем. Выбирает того, кто лучше одет, видя в том признак большого ума, что иногда оказывается действительно так» [7, 240].

Доля риска и случайности при этом оказывалась весьма значительной. Родители, конечно, хотели найти своим детям воспитателей без вредных привычек, но не всегда желаемое совпадало с действительным. Мемуарной литературе известна, например, история «о двух гувернерах, служивших в Калужской губернии ... в семьях мелкопоместных дворян, о похождениях которых рассказывали целые легенды, столь «образцовыми» гувернерскими пороками они обладали: 60-летний немец Карл Богданыч страдал запоями, а 35-летний француз Винтер был ловеласом» [7, 236].

Нечто подобное наблюдается и в семье Гриневых. Созданный пером А.С.Пушкина француз Бопре, оказался наделен обоими указанными «достоинствами»: *«Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и врагом бутылки, т.е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее»*. Метод случайного выбора при поиске наставника молодому Гриневу привел к тому, что гувернером у него оказался человек, который *«в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour etre outchitel, не очень понимая значение этого слова»*. Отсюда весьма вероятными были педагогические издержки и пробелы в образовании. Так случилось и на страницах «Капитанской дочки»: *«хотя по контракту обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом»*. (КД. С. 259).

Надо понимать, что подобно многим отпрыскам провинциальных дворянских семей, Гринев-сын с детства не получил систематического воспитания. Он не был силен ни в иностранных языках (хотя кое-какие познания, видимо, все же приобрел), ни в географии (географическая карта привлекала его только *«шириною и добротою бумаги»*) с литературой, да и иные области человеческого знания были от него далеки. О духе Просвещения он мог знать только из чужих слов, но кто бы мог ему о том поведать. Петру Гриневу, привыкшему к праздному времяпровождению, «Северная Пальмира» виделась только сквозь маянящий образ *«веселой петербургской жизни»*, сливалась *«с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни»*. Аналогичных взглядов, правда, с иной аксиологической тональностью, придерживался и его отец. Снаряжая сына на службу, А.П.Гринев искренне полагал, что в Петербурге можно научиться только *«мотать да повесничать»* (КД. С. 260, 261).

Подобная провинциальная интерпретация внешнего блеска столичного света вполне соответствовала мифологическому мышлению традиционного общества, в котором знак отождествлялся со смыслом. Увы, но развеять такой

«столичный миф» было некому. Круг общения Петра Гринева весьма ограничен и специфичен, среди собеседников — сплошь люди из простонародья, либо дворяне, но преимущественно адепты патриархальной старины. Вот, например, характерный совет, данный Гриневу капитаном Мироновым, человеком «самым честным и добрым», но, увы, не сведущим в культурных исканиях эпохи: «От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее». (КД. С. 284).

Обратим внимание, что неприязнь к «рифмоплетам» увязывается с интересами государственной службы, которая в традиционной для служилых дворян иерархии ценностей оказывается на первом месте. Это вполне показательный момент для российского дворянства екатерининской поры. Однако инстинктивная, присущая возрасту и времени, тяга к познанию малоизвестного мира стимулировала стремление к самообразованию. Гринева становится самоучкой. Не так просто было в далекой глуши найти соответствующую литературу. Как отмечают исследователи, «спрос на книги в провинции оставался ничтожным, и все усилия В.Г.Орлова, директора Академии наук, распространять академические издания в провинции терпели полный крах» [8, 526].

Поэтому, узнав, что у Швабрина «было несколько французских книг», Гринева «стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов». (КД. С. 280—281). Вот один из таких созданных им «шедевров», целиком процитированный А.С.Пушкиным:

*«Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю вольность получить!»*

*Но глаза, что мя пленили,
Всемигунто предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.*

*Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной,
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой». (КД. С. 281).*

Сам автор «Капитанской дочки» намеренно вводит эти стихи в литературный круг «галантного» XVIII столетия [9]. Об этом, будто бы ненароком, сообщается

несколько раз. Так, со слов Гринева, известно, что «Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял»; «такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского», — говорил доморощенному поэту Швабрин, они «очень напоминают его любовные куплеты». (КД. С. 281—282).

Казалось бы, все очевидно. Гринев, хотя и провинциал, изображен как дворянин, втянутый в культурное движение века Просвещения. Но в этих стихах можно заметить и более архаичный пласт, иной компаративный фон, свидетельствующий о тесной связи их автора с культурой уходящей старины, с любовной лирикой европейского средневековья. Известно, что особое понимание любви к женщине создано уже в среде трубадуров. Отражая в себе бурную, воинственную рыцарскую жизнь, их поэзия тесно переплеталась с любовными мотивами: «В поэзии трубадуров прекрасная дама заняла примерно такое же место, какое в религиозной поэзии средних веков отводилось мадонне. Только мадонна царила на недосягаемых небесах, в то время как прекрасная дама являлась лучшим украшением земли и царила в сердце влюбленного поэта. Трубадуры дружно воспевали ее красоту и благородство. Как ювелир, любующийся редким собранием драгоценных камней, возьмет то один самоцвет, то другой, так и поэт в стихотворении перебирает драгоценные черты своей повелительницы» [10, 8—9].

Характерны, например, стихи известного провансальского трубадура Арнаута Даниеля, вполне совпадающие с поэтическим порывом влюбленного Гринева, находившегося «в упоении восторга»:

«Смотрю на нее, онемев
И сердце к ней так устремив,
Что и в груди не сдержать,
Если б на нем не лежали
Думы о той, что умножит
Власть надо мною в свой срок, —
Только о том и мечтаю!»

В содержательном плане следы несомненного сходства можно найти также в поэзии миннезингеров (дословно, миннезанг — любовная песня. — В.М.), в которой обычно идет речь о чувствах, соединяющих, подобно пушкинским героям, юного рыцаря и девушку. Типичными для нашего случая можно считать стихи основоположника нидерландской литературы Генриха фон Фельдке:

«Любовью этой обуянный,
Бормотал я, словно пьяный,
За свой расплачиваюсь бред.
Наказан грешник окаянный.
Заслышав плач мой покаянный,

Обнять бы ей меня в ответ!
Неужто мне прощенья нет?
Разве что непостоянный
Таких заслуживает бед».

Ключевым моментом поэтической лирики, точнее, выраженных в ней чувств, было служение Прекрасной Даме, выполнение любых ее требований и защита от любых врагов. Этот идеал романтической чувственности не чужд и Гриневу: *«Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомя, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности...»*. (КД. С. 305).

Явная близость семантической наполненности подобной поэзии, принадлежащей разным эпохам, позволила Ю.Л.Бессмертному, хотя и по другому поводу, сделать обоснованный вывод, отражающий и нашу ситуацию: «Примерно так же мог бы сказать и автор нового времени (как и его типичный читатель): полнота любви — это и есть выражение счастья и блаженства; синонимы счастья — это и есть удача, успех, награда судьбы; «счастье — это когда мне хорошо и тебе хорошо» [11, 56].

Таким образом, можно предположить, что А.С.Пушкин намеренно изображает Петрушу Гринева как фигуру в культурном отношении переходную, вобравшую в себя черты уходящей и новой эпох. Поэтому возникает недоумение, из каких источников молодой офицер мог бы почерпнуть знания о поэзии трубадуров и миннезингеров? В «Капитанской дочке» никаких указаний на этот счет не дается. Если только во французских книгах, взятых у Швабрина. В романе не говорится, что они собой представляли, но поскольку под их влиянием у Гринева возникла тяга к «рифмоплетству», такое предположение не лишено смысла. Впрочем, вызывает интерес и иная версия, предложенная М.И.Цветаевой: «С явлением на сцену Пугачева, — писала она, — на наших глазах совершается превращение Гринева в Пушкина: вытеснение образа дворянского недоросля образом самого Пушкина» [12, 231].

Действительно, сам А.С.Пушкин — столичный интеллигент первой половины XIX века — прекрасно знал средневековую европейскую лирику, что, вероятно, подспудно могло быть заложено им в качестве одной из черт кругозора своего литературного героя. Плодотворность цветаевского мнения подтверждается и другими фактами. В романе от лица Гринева несколько раз высказываются очень глубокие и серьезные суждения, едва ли возможные для не получившего регулярного образования и руководствовавшегося только житейским опытом провинциала. Вспоминая о допросе в Белогорской крепости пленного «башкирца», Гринева выступает с нравственно-политической сентенцией гуманистического толка: *«Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться*

быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». (КД. С. 301).

Такие рассуждения, в духе теорий естественного права и общественного договора, мало похожи на мысли, пусть и ставшего уже зрелым человеком, Петра Гринева. Но они вполне созвучны известным поэтическим строкам А.С.Пушкина: «Дней Александровых прекрасное начало...» [13].

Из той же серии заключительные высказывания Гринева в пропущенной главе «Капитанской дочки»: *«Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».* (КД. С. 370). Это, явно, слова «не юноши, но мужа», опытного, умудренного годами и знаниями человека, успевшего, в том числе, написать уже «Историю Пугачева».

Однако провинциальные персонажи романа в некоторых своих чертах все же находятся вполне на уровне века Просвещения. Это, в частности, касается эпистолярного жанра. Об их письмах друг другу неоднократно упоминается автором. То, что было сравнительной редкостью для предшествующей эпохи господства устной культуры, становилось регулярной потребностью сегодня: «Наступало время рукописной культуры, начавшейся с малых эпистолярных форм, заполнивших постепенно все социокультурное поле и превратившихся со временем в оригинальный экзистенциальный и литературно-художественный жанр», — подчеркивает современная исследовательница, «происходила не просто ломка привычных стереотипов мышления и поведения, в т.ч. речевого, а смена одной картины мира на другую. Естественным выходом из очередного экзистенциального тупика закономерно становился эпистолярный «жанр-отдушина» [14, 36].

Причем создание эпистолярной продукции, как это следует и из событийного контекста романа, было вполне обычным делом не только для мужчин-дворян, но и для женщин-дворянок, знакомых, следовательно, с письменной грамотой: *«обыкновенно письма ко мне писала матушка»*, — сообщается нам от лица Петра Гринева. О своей горькой участи пленницы Марья Миронова своего будущего мужа также уведомляет с помощью письма. (КД. С. 290, 326—327).

Среди всех эпистолярных разновидностей, действующие лица романа обращаются преимущественно к жанру бытовых писем (исключение — письмо старшего Гринева оренбургскому губернатору). И это обстоятельство едва ли можно считать случайным капризом пушкинской мысли. Провинция, как особый социокультурный мир, со своими непрерывными внутривокальными связями, вырабатывала привычку к постоянному общению, обмену информацией друг с другом. В ситуации разрыва непосредственных контактов (отъезд младшего Гринева на службу) эта тяга провоцировала поиск иных каналов вербальной

коммуникации. Одной из наиболее доступных тогдашнему дворянству форм становилось создание писем. И в этом отношении текст «Капитанской дочки» вполне достоверно передает сложившуюся в российском дворянстве (и в центре, и в провинции) коммуникативную практику.

Подводя итоги, заметим, что роман А.С.Пушкина действительно насыщает множеством семантических коннотаций тот историко-педагогический опыт, из которого необходимо извлекать актуальные уроки. Однако надо помнить о недопустимости слепого и автоматического копирования. Современность — это всегда более сложное явление, несущее новые черты, поэтому прежние истины должны уточняться и корректироваться знанием реалий нашего времени. Очевидно, что для разумного и эффективного использования опыта прошлого необходимо наличие двух условий: должна быть зрелая историческая наука, и должно быть зрелым общество, способное адекватно усвоить и грамотно применить исторические уроки. Имеются ли у нас сейчас оба этих условия — вопрос достаточно проблематичный.

Примечания

1. Шмидт С.О. Историографические источники и литературные памятники // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 92.

2. См., напр.: Покровский М.Н. Пушкин — историк // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Т. 5. С. 5—15; Тарле Е.В. Пушкин как историк // Новый мир. 1963. № 9. С. 211—220; Черепнин Л.В. История в творчестве А.С.Пушкина // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 25—44; Тойбин И.М. Пушкин: Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 278 с.; Эйдельман Н.Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М.: Сов. писатель, 1984. 368 с.; Овчинников Р.В. Из наблюдений над источниками «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» А.С.Пушкина // История СССР. 1991. № 3. С. 146—157.

3. Пугачев В.В. Историческая проза // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966.

4. Сахаров А.Н. Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин // Историки России. XVIII — начало XX века. М.: Скрипторий, 1996.

5. Любавин М.А. Библиотека графа С.К. Вязмитинова // Монархия и родовластие в культуре Просвещения. М.: Наука, 1995.

6. Все цитаты из «Капитанской дочки» (КД) выделены курсивом и даются в круглых внутритекстовых скобках по изданию: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Л., 1978. Т.6.

7. Солодянкина О.Ю. Иностранцы наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Дис. соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. М., 2008. С. 5, 8, 4.

8. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: НЛО, 2002.

9. О галантных тенденциях петербургского двора см., напр.: Проскурина В.Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. С. 237—276. Глава называется «Радость Душеньки: завоевание галантной культуры».

10. Пуришев Б.И. Лирическая поэзия средних веков (Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов). М.: Худ. лит., 1974.

11. Бессмертный Ю.Л. Странное счастье рыцаря: концепция куртуазной любви в творчестве провансальских трубадуров // Казус. 2002. № 4.

12. Цветаева М.И. Пушкин и Пугачев // Русский бунт. М.: Дрофа, 2007.

13. Пушкин А.С. Послание цензору // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. М.: Худ. лит., 1959. Т. 1.

14. Сапожникова Н.В. Эпистолярный дискурс как социокультурный феномен: Россия — век девятнадцатый. Екатеринбург: Аграф, 2003.

О.А.Милевский

г.Сургут

Сургутский государственный педагогический университет

«СИБИРСКАЯ ОДИССЕЯ» Д.А.КЛЕМЕНЦА: 1881—1897 гг.

Имя революционера-народника Дмитрия Александровича Клеменца исследователи, особенно советского времени в первую очередь связывали с революционным периодом его деятельности, который пришелся на 70-е гг. XIX в.[1]. Действительно фигура Клеменца не затерялась в ряду других представителей «блестящей плеяды». Первый очерк о нем появился еще при его жизни и принадлежал перу его большого друга С.М.Степняка-Кравчинского и был помещен в его изданной в Европе на итальянском языке книге «Подпольная Россия».

Более зрелый по возрасту, он родился в 1848 г. Клеменц выделялся среди народников-семидесятников образованностью и теоретическим складом ума. Еще в 1867 г. он поступил на физико-математический факультет Казанского университета, с 4 курса перешел в Петербургский университет. В конце 1872—начале 1873 гг. он будучи членом кружка «чайковцев» вел пропаганду среди рабочих Санкт-Петербурга, а в дальнейшем вместе с Кравчинским летом 1873 г. предпринимает попытку ведения пропаганды в деревне. В 1874 г. еще до начала массовых арестов он скрывается за границу, где кроме занятий революционной деятельностью продолжает слушать слушал лекции в университетах Берлина и Парижа [2, 259].

Как и у большинства представителей того поколения революционеров-романтиков жизнь Клеменца была полна удивительными событиями. В 1875 г. он дважды нелегально приезжает в Россию, пытается хотя и неудачно организовать освобождение Н.Г.Чернышевского, добровольцем участвует в Герцеговино-Боснийском восстании [3, 78]. В эмиграции он сотрудничает в революционных изданиях «Вперед!», «Работник», является одним из редакторов журнала «Община». В январе 1878 г. он выезжает по приглашению товарищей в Россию, где сразу же оказывается на первых ролях в редакции нелегального

революционного печатного органа «Земля и Воля». И вплоть до своего ареста в феврале 1879 г. он играл ведущую роль в подготовке этого издания.

Об этом свидетельствует очень интересная математическая выборка сделанная в свое время Д.Кузьминым. Он высчитал количество печатных знаков, которое в «Земле и Воле» опубликовал тот или иной автор, и тут первенство Клеменца неоспоримо: 196 тыс. букв, для сравнения Н.А.Морозов — 120 тыс., Г.В.Плеханов — 90 тыс., Кравчинский — 35 тыс. и Л.А.Тихомиров — 30 тыс. букв [4, 226]. Конечно, выборка не учитывает времени сотрудничества в редакции каждого из ее членов, а оно у всех было разным, но и Клеменц был арестован 29 февраля 1879 г., накануне выхода 4 номера, а ведь был еще и № 5 «Земли и Воли».

Ранний арест фактически спас Клеменца для российской науки. Приговор был по тем времена весьма мягким — дело было разрешено в административном порядке с высылкой его под надзор полиции на 5 лет в Восточную Сибирь. Водворен он был в Минусинск и это следует считать большой удачей. С одной стороны весьма мягкий и здоровый для Сибири климат, связанный с влиянием Минусинской котловины, не зря ее и сейчас зовут Сибирской Швейцарией, с другой наличие в городке замечательного естественно-научного музея созданного настоящим подвижником науки Н.М.Мартьяновым и наконец наличие в этих местах многочисленных археологических памятников, позволивших Клеменцу наконец-то реализовать свою страсть к занятиям археологией и этнографией.

Именно здесь в Минусинске начинается второй период его жизни, ставший не менее плодотворным чем первый. Научные изыскания проводимые Клеменцом и сделали его имя широко известным в российских научных кругах. К сожалению, парадокс сегодняшней ситуации в том, что об этих достижениях бывшего революционера, хотя и пишут, но уж слишком обще и фрагментарно.

Нельзя не согласиться с мнением высказанным исследователем С.И.Гольдфарбом, который солидаризуясь с мнением другого ученого Я.Р.Кошелева пишет: «В целом научное наследие Д.А.Клеменца не изучено: «По существу вся литература о нем ограничивается отдельными воспоминаниями, некрологами, библиографическими указателями его трудов» [5, 22]. Хотя изучать есть что. Сибирская жизнь Клеменца была не менее насыщена яркими событиями и приключениями чем его революционная биография. В этой работе мы только очертим узловые моменты его научной «сибирской одиссеи».

Начинается она, как уже указывалось выше в Минусинске, где он поставил на серьезные научные основания археологические исследования в регионе. Там же он много сделал и в области геологии [6, 164]. В это же время он активно включается в работу Мартьяновского музея и поднимает музейное дело в Сибири на принципиально новый уровень [7], с 1883 г. он начинает участвовать в экспедициях Западно-Сибирского отдела РГО. Поле его деятельности в экспедициях 1885—1886 гг. были главным образом район юго-западной части Минусинского округа до бассейна р.Томи и южная часть Кузнецкого Алатау.

Исследования дали ценный материал для географической и геологической характеристик этого обширного региона. Частично научные отчеты были опубликованы в записках Западно-Сибирского отдела РГО, и впоследствии на их данные оперирался австрийский ученый Э.Зюсс подготовивший капитальный труд «Лик Земли» (Вена, 1901 г.) [8, 75].

При этом не оставляет он и общественной деятельности, выступая корреспондентом ряда сибирских газет. Особенно активно он включается в общественную деятельность, оказавшись в Томске, куда он переезжает в 1886 г. Там он активно сотрудничает в «Сибирской газете» [9], под псевдонимами он печатается и в столичных изданиях «Вестник Европы», «Северный Вестник», «Русское богатство» и др. После закрытия «Сибирской газеты» в 1889 г. он при поддержке Г.Н.Потанина в 1890 г. перебирается в Иркутск, где не только работает в Восточно-Сибирском отделе РГО (он занимал там должность правителя отдела), но и сотрудничает в газете «Восточное обозрение».

За время руководства Клеменцом ВСОРГО им был организован ряд крупных экспедиций по изучению природных, экономических ресурсов Сибири и Дальнего Востока и этнографическому обследованию народов Сибири. Широко известны сегодня подготовленные по инициативе Клеменца экспедиции руководимые такими известными в будущем учеными, как В.А.Обручевым и С.И.Коржинским. Большое значение для изучения истории и современного положения байкальских бурят имела экспедиция самого Клеменца, состоявшаяся летом 1890 г. [8, 87—88]

Однако наиболее известным мероприятием иркутского периода была организация Клеменцом знаменитой Сибиряковской (Якутской) экспедиции 1894 г., организованной на деньги мецената купца И.М.Сибирякова. К участию в ней Клеменц привлек лучшие интеллектуальные силы из числа ссыльных (В.И.Иохельсон, Э.К.Пекарский, Н.А.Виташевский, В.М.Ионов, Л.Г.Левенталь, И.И.Майнов, В.Г.Богораз, С.В.Ястремский) их имена и сегодня сохранились в истории российской науки и во многом благодаря организаторским талантам Клеменца.

Последние годы, проведенные Клеменцом в Восточной Сибири были связаны с его устойчивым интересом к Монголии и Восточному Туркестану. В 1894 г. он сложил с себя полномочия правителя ВСОРГО и в марте выехал из Иркутска в Ургу, где находилась экспедиция Академии наук. Как справедливо отмечает Н.Козьмин: «Его археологические находки произвели огромное впечатление в Европе» [6, 164].

В последние годы пребывания в Сибири с 1894—1896 г. Клеменц не только активно занимался просветительской деятельностью, но и делал все от него зависящее для развития музейного дела в этом вопросе оставив после себя не плохое наследие. Реализовал же он свои идеи по музеологии уже работая в Санкт-Петербурге в Музее антропологии и этнографии Академии наук, где он с 1899 г. стал старшим этнографом, а в дальнейшем как будто по иронии судьбы

он становится в 1901 г. заведующим этнографическим отделом Императорского музея Александра III. Умер Д.А.Клеменц 8 января 1914 г. в Москве.

Из всего выше сказанного видно, что научная биография Клеменца очень многообразна и на сегодняшний день изучена весьма фрагментарно. Главная проблема в том, что существуют огромные лакуны при изучении его научного наследия, многое вообще не введено в научный оборот или введено не полностью, отрывочно и не позволяет создать общей картины научной деятельности Клеменца. Конечно, лучше изучена его революционная и общественная деятельность, но и здесь есть существенные пробелы. Особенно в вопросе изучения его общественно-политической деятельности в Сибири. Поэтому трудно не согласиться с мнением, что несмотря на обильное литературное наследие оставшееся от Клеменца до сих пор «не совсем ясны и общественные взгляды Клеменца сибирского периода жизни» [5, 22].

Поэтому представляется, что на повестке дня для сообщества ученых историков, этнографов, археологов, музееведов должен стать вопрос о создании полновесной, комплексной научной биографии революционера, ученого и общественного деятеля Дмитрия Александровича Клеменца.

Примечания

1. См. напр.: Левин Ш.М. Дмитрий Александрович Клеменц. М., 1929; Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А.Клеменц. Красноярск, 1988. 176 с.; Гольдфарб С.И. Д.А.Клеменц — революционер, ученый, публицист. Иркутск, 1986. 176 с.
2. Деятели революционного движения в России. Вторая половина 1850-х — конец 1890-х гг. Т. 2.: 1870-е гг. М., 2009.
3. Гросул В.Я. революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980.
4. Кузьмин Д.М. Народовольческая журналистика. М., 1930.
5. Гольдфарб С.И. Д.А.Клеменц — революционер, ученый, публицист. Иркутск, 1986.
6. Козьмин Н. Книга посвященная памяти Д.А.Клеменца // Сибирские записки. 1917. № 3.
7. См. подр.: Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д.А.Клеменца). СПб., 1998. 208 с.
8. Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А.Клеменц. Красноярск, 1988.
9. См. подр.: «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск, 2004. 200 с.

С.Ф.ПЛАТОНОВ КАК УПРАВЛЯЮЩИЙ ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Одним из первых научно-исторических обществ, возникших в России, было Русское Археологическое общество (далее — РАО), организованное в 1846 г. при содействии и поддержке президента Академии художеств — герцога Лейхтенбергского. В 1851 г. в структуре общества появилось три отделения, одно из которых получило название русской и славянской археологии (Русское Отделение). В разное время в нем состояли И.И.Срезневский, А.С.Уваров, архимандрит Макарий, Н.С.Тихонравов и другие известные историки и археологи. С 1889 г. С.Ф.Платонов стал действительным, а со 2 апреля 1909 г. почетным членом РАО, а вскоре, 18 апреля 1909 г. ему был направлен диплом установленного образца [9, Оп. 1. Ч. 2. Д. 2906. Л. 16, 18]. Кроме этого научного общества, имевшего археологическую направленность, С.Ф.Платонов активно сотрудничал с Московским археологическим обществом, Археологической комиссией, Псковским археологическим обществом.

С.Ф.Платонова, как управляющего Русским Отделением с 1894 г. следует причислить к достойным продолжателям своих выдающихся предшественников по организации его деятельности, например, А.Ф.Бычкова, который, руководил Отделением с 1874 г., внес конструктивность и стабильность в его работу. И.И.Комарова неверно указывает на 1904—1917 гг., когда управляющим был С.Ф.Платонов, при этом называет его председателем и допускает опечатку в фамилии (Платов С.Ф.) [5]. Возглавив его, С.Ф.Платонов предпринял важные шаги по активизации его деятельности, популяризации археологических знаний и пропаганде достижений российской археологии. По его инициативе с 1898 г. в «Историческом вестнике» стали публиковаться протоколы заседаний и отчеты Отделения. «Оглашение научных работ Отделения», С.Ф.Платонов рассматривал как «потребность не одних трудящихся, но и всего круга русских археологов» [1, 53—54].

Регулярность заседаний в основном была один раз в месяц, проходили они в вечерние часы, поэтому в повестку дня ставили не более 2—3 докладов. Собрания проходили в разных местах: в помещении РАО, Комитета Русской иконописи, Белом зале Мраморного дворца, Музее древностей Петроградского университета, Русском отделе Академии материальной культуры.

Об атмосфере, которая была на заседаниях, красноречиво свидетельствует протокол, который, несмотря на краткость, «все-таки передает воодушевление,

царившее в собрании ученых после выступления Н.К.Рериха (19 февраля 1905 г. он выступил с докладом «Каменный век на озере Пирос» — В.М.): «А.А.Спицын приветствовал докладчика со счастливыми находками, давшими обильный и точный материал и заявил о желательности скорейшего издания наиболее важных частей коллекции. Чтение Н.К.Рериха демонстрировалось коллекцией в полном ее составе» [7, 22].

При С.Ф.Платонове оформились три приоритетных направления работы Отделения: обнародование и публикация результатов научных изысканий, археологические раскопки и издательская деятельность.

Каждые три года С.Ф.Платонов переизбирался управляющим Отделением, но в протоколе от 28 ноября 1908 г. в повестке заседания Отделения значился вопрос о новом руководителе ввиду отказа его от этой должности. О своем желании оставить Отделение и своем выходе из РАО С.Ф.Платонов писал еще 9 февраля 1907 г. председательствующему в общем собрании общества, объясняя свой шаг «невозможностью оставаться» [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 857. Л. 1] в его составе, поэтому просил собрать Русское Отделение для избрания нового управляющего. Действительно этот период отмечен охлаждением С.Ф.Платонова к делам Отделения, он практически отсутствует на заседаниях, хотя его преемник И.Я.Смирнов находился с ним в эпизодической переписке (С.Ф.Платонов подыскивал даже докладчиков). Но уже 6 апреля 1912 г. С.Ф.Платонов вновь был избран управляющим Русским Отделением 14 голосами за, 4 — против. Примечательно, что на этом заседании присутствовала целая плеяда его учеников — действительных членов РАО (М.А.Полиевктов, А.Е.Пресняков, С.В.Рождественский, К.В.Хилинский), среди приглашенных были П.А.Садиков, В.С.Саханеев, А.В.Тищенко, К.В.Кудряшов, Н.Ф.Лавров — молодые исследователи, стоявшие близко к известному профессору. Это обстоятельство указывает на желание С.Ф.Платонова вернуться к руководству Отделением. 28 сентября 1912 г., на первом после летних каникул заседании отделения, С.Ф.Платонов поблагодарил «за честь избрания управляющим» и высказал своему предшественнику Я.И.Смирнову благодарность за 3-летние труды». 10 апреля 1915 г., 2 июня 1919 г. и 19 мая 1921 г. С.Ф.Платонов, как и в прежние годы, переизбирался управляющим Отделения [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 888. Л. 20; Д. 897. Л. 3; Д. 898. Л. 8, 11, 14; Д. 901. Л. 6] и оставался им до 25 августа 1922 г. — когда на очередном заседании сложил полномочия ввиду избрания председателем РАО. А вскоре (1924 г.) Общество сольется с Академией истории материальной культуры. Многократное переизбрание С.Ф.Платонова свидетельствует об его авторитете в ученой корпорации, организаторских способностях по руководству научно-археологическим обществом.

Управляющий часто привлекал для выступлений своих многочисленных учеников, зарекомендовавших себя крупными исследователями в области истории, археологии, исторической географии, археографии с сообщениями и отчетами об археологических экспедициях и сделанных находках (С.А.Адрианова,

Н.П.Павлова-Сильванского, С.В.Рождественского, П.Г.Васенко, Б.Д.Грекова, П.Г.Любомурова, К.В.Кудряшова, А.В.Тищенко, П.А.Садикова).

Сам С.Ф.Платонов активное участие принимал в работе Отделения не только как руководитель, но и прежде всего как исследователь и замечательный лектор. С 1889 по 1921 гг., С.Ф.Платонов выступал 12 раз с докладами, в которых касался проблем летописных источников, причины, деятельности семьи боярщины и др. Следует отметить, что эти материалы являлись частью работ либо уже приготовленных к печати, либо на основе которых готовились новые [10, 57—63; 11, 260—276; 11, 81—104]. В одном из томов «Записок» были опубликованы «Грамоты на кормление XVI века» [12, 258—259+XI—XIII], подготовленные С.Ф.Платоновым, хотя в содержании его фамилия не указана.

С большим интересом С.Ф.Платонов принимал участие в прениях и обсуждениях по ряду дискуссионных и малоизученных проблем, затрагиваемых в сообщениях на заседаниях Отделения.

С.Ф.Платонов формулировал повестки дня, составлял списки выступающих, определял их очередность, вносил изменения, о чем свидетельствуют многочисленные пометы на черновиках. Делопроизводственные материалы, в том числе и рассылаемые секретарем Отделения уведомления, где указывалось место, время выносимые вопросы, хранят карандашные записи, сделанные С.Ф.Платоновым во время выступления его коллег. Они краткие, сокращенные, иногда плохо читаемые, но важны для характеристики отдельных сторон деятельности Отделения и его управляющего. Например, 8 ноября 1916 г. напротив 2 пункта, информирующего о названии доклада П.Н.Черменского о Степенной книге, С.Ф.Платонов записывает ключевые слова для выступления в прениях: «Тамб[овская] арх[ивная] к[омиссия]. Полуустав однозначно. Почерк. Кресты. 1690» [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 890. Л. 2, 3, 4, 5, 13].

Надо отметить, что свои научные интересы управляющий гармонично сочетал с деятельностью Отделения. Одной из приоритетных тем изысканий С.Ф.Платонова была связана с историей Великого Новгорода и Поморья. Подтверждением этому являются материалы протоколов его заседаний, где частыми были доклады и сообщения по истории, культуре, архитектуре древнего города, итогах археологических раскопок в нем и его окрестностях. Так, Н.К.Рерих активно занимался археологическими раскопками на территории Новгородской губернии и регулярно представлял их результаты. Например, 29 октября 1896 г. он сделал доклад «Раскопки последних лет в курганах Водской пятины», 4 ноября 1898 г. — «К вопросу о типах погребений в курганах Водской пятины», 6 ноября следующего года выступил с отчетом о раскопках 1899 г. в Псковской и Новгородской губерниях [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 885. Л. 8, 44, 886. Л. 24]. В своих воспоминаниях он писал о своем приобщении к археологии: «В бытность в университете Спицын и Платонов провели (меня — В.М.) в члены Русского Археологического общества, где я потом был пожизненным членом. Этим путем произошло сближение со всю археологическую семью...» [14, 87].

Раскопки на древней новгородской земле проводились почти ежегодно, средства выделяли РАО и другие научные учреждения. Например, в начале 1911 г. частично археологические поиски финансировались музеем допетровского искусства и быта. По итогам сезона Н.Е.Макаренко на заседании Русского отделения докладывал о раскопках в Новгороде летом 1910 г., а А.А.Спицын — «О новейших раскопках и археологических открытиях в Новгородской области», подчеркнув важность полученных сведений для «решения вопроса о начале Руси». В том же году известный археолог на заседании Отделения говорил о «вопросах первобытной археологии, разрабатывавшихся на Новгородском Археологическом Съезде» (это XV Всероссийский съезд, в подготовке которого роль С.Ф.Платонов была бесценной и признавалась организаторами съезда [8, 123—129]). Молодые исследователи К.В.Кудряшов, А.В.Тищенко, П.А.Садиков, П.Г.Любомиров (ученики С.Ф.Платонова; Первых двух И.Л.Тихонов относит однозначно к ученикам А.А.Спицына [15, 273]) подробно рассказали об итогах исследований, полученных в ходе археологической экспедиции в 1911 г., памятников древностей в Новгородской и С-Петербургской губерниях [6, 222—240]. 28 января 1912 г. В.К.Мясоедов представил доклад «О времени серебряных кратиров Новгородской софийской ризницы», 6 апреля А.А.Спицын сделал отчет о раскопках в Новгородской области, проведенных на средства, частично выделенных Отделением, курганов разных типов: плоских, широких, удлинённых и низких. 28 сентября 1912 г. Н.И.Репников сообщил об итогах археологической поездки по низовьям Волхова, 16 ноября В.К.Мясоедов информировал участников заседания о «вновь открытой фреске в церкви Рождества Христова в Новгороде». Позже Л.А.Мацулевич с тревогой за сохранность архитектурных памятников древнего города говорил о «двух погибших памятниках новгородского искусства» [9, Оп. 1, Ч. 1. Д. 898. Л. 3, 8, 26, 30]. 23 апреля 1913 г. Б.Д.Грекова предложил доклад «Приказы Новгородского Софийского дома в XVII в.», а 18 октября следующий — «Возникновение Софийского дома в Новгороде и развитие его учреждений». В этом заседании выступил и А.А.Спицын на тему «Древнейшая истории Новгорода», а в следующем заседании (29 ноября) И. Л.Гусев рассказал о «фресках в пределе св. Преображения в Великом Новгороде» [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 898. Л. 3, 8, 26, 30]. В 1914 г. проблемы новгородской истории оставались среди приоритетных. 17 февраля Д.В.Айналов представил сообщение «Некоторые акварельные копии фресок Волотовской церкви в Новгороде». Б.Д.Греков продолжал заниматься разработкой новгородской темы, которая тесно была связана с историей Поморья. Именно проблемы истории этого региона были темой его сообщения 27 января 1916 г. он выступил с докладом «Рыболовство и рыбоводство на русском севере в XV—XVII вв.», по которому С.Ф.Платонов высказал немаловажное наблюдение, «что хотя ловля царю и определенно разрешается в актах, но едва ли было запрещение ловли царю для себя без промысловой цели вообще». На заседании 11 февраля этого же года С.Ф.Платонов принимал участие в обсуждении сообщения С.С.Некрасова

«О некоторых деревянных церквях Пинежского уезда Архангельской губернии» [9, Оп.1. Ч.1. Д. 902. Л.1, 3]. В 1919 г. Н.И.Репников продемонстрировал 7 змеевиков новгородского происхождения, при этом «указал на их важное археологическое значение» [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 902. Л. 1; Д. 904. Л. 9].

Следовательно, проблемы новгородской истории были в центре внимания Русского отделения РАО. Оно выделяло средства на организацию раскопок на территории бывшей боярской республики, результаты их ежегодно обсуждались на его заседаниях. Большую озабоченность вызывала утрата части ценнейшей новгородской живописи и архитектуры. За Отделением и его управляющим следует признать большую роль в организации исследований разных сторон культурно-исторической жизни важного политического центра русских земель, вплоть до разгрома его Грозным и в Смутное время.

Заседания Отделения в 1905—1908 гг. проходили очень редко, такая ситуация повторилась в годы Первой мировой войны и во время революций 1917 г. Переломные моменты в истории Российского государства оказали негативное влияние на деятельность научно-исторических обществ, некоторые из них прекратили свою деятельность, например, такие крупные и авторитетные, как Русское военно-историческое общество, Русское историческое общество и др. Но даже столь суровые испытания не смогли остановить работу Русского Отделения, оно продолжало работу, хотя и не так активно и плодотворно, как прежде. Заседания проходили не так часто, но доклады и сообщения оставались важной стороной его деятельности.

После переизбрания С.Ф.Платонова на должность управляющего в 1915 г. ему удалось организовать 5 заседаний (с начала года заседания были проведены еще два — 17 февраля и 10 апреля), на которых было заслушано 10 сообщений. Тематика докладов была следующей: два доклада касались вопросов древностей исторических и первобытных, они были затронуты в докладах Н.Я.Макаренко («Раскопки 1915 г. в Полтавской и Харьковской губерниях») и А.С.Раевского («О Каменном кресте в д.Кавеляяти под Дудергофом»). А.А.Спицын выступал сравнительно меньше, чем в предыдущие годы, он в этом году представил всего один доклад на тему «Древнейшие судьбы Вятской области». Большая часть докладов (всего 6) касалась русского искусства и церковной археологии. Их авторами были В.К.Мясоедов («Иерусалимский крест в ризнице собора в Гильдегейме») и «О некоторых фресках Киевского Софийского собора», Д.В.Айналов («Некоторые акварельные копии фресок Волоотовской церкви в Новгороде») и «Судьба киевского художественного наследия»), В.Н.Раkitина («Русское шитье во Франфурте-на-Майне с изображением Воскресения Христова»), Я.И.Смирнов («Серебрянная чаша Киевского князя») и Р.Голубев («Положение церкви св.Федора и раскопки у Десятинной церкви»). Продолжались в этом году и археологические раскопки. В Полтавской и Харьковской губерниях их проводил Н.Я.Макаренко с целью «определения культуры некоторых городищ».

В.Н.Глазов исследовал курганы Курской губернии, раскапывались и древние могильники в Минской области [9, Д. 907. Л. 2].

В следующем 1916 г. было проведено 6 заседаний, на которых было заслушано также 10 докладов, из них 5 касались проблем доисторической и первобытной археологии, а читали В.Н.Глазов, Ю.В.Шавельский, А.А.Спицын (3 доклада). Один, посвященный областной истории, сделал Б.Д.Греков (вышеупомянутый доклад), и 4 — по искусству и церковной археологии — сделали В.Д.Айналов, С.С.Некрасов, П.Н.Черменский, Я.И.Смирнов, а пятый был посвящен памяти В.К.Мясоедова. Этот краткий отчет подписал С.Ф.Платонов, хотя текст написан не его рукой [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 907. Л. 4].

Даже в насыщенном военными и революционными событиями 1917 г. Отделение смогло провести 2 заседания, где было заслушано 6 докладов [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 890. Л. 19, 20]: П.А.Путятин, А.А.Спицын (два), Д.В.Айналова, П.Н.Черменского, Б.Д.Грекова, последний — зачитал рецензию на книгу П.Н.Черменского [16]. Действительно, в этом году состоялось 2 заседания — 8 января и 24 октября, но в повестках значится всего 4 доклада: Д.В.Айналова, П.Н.Черменского, Б.Д.Грекова и А.А.Спицын. Следовательно, были внесены изменения, прочитаны доклады А.А.Спицыным и П.А.Путятиным или их исключили из повести заседания, поэтому и встречаются разночтения. Предпочтение же следует отдать сведениям из годового отчета.

Самым трудным в жизни не только Отделения, но и, пожалуй, всего государства был 1918 г. Разгар гражданской войны, разруха, голод прервали работу Отделения, в этом году не было ни одного заседания, поэтому отчет самый краткий. Он был утвержден на первом заседании, состоявшемся в 1919 г., и в нем констатируется, что «заседаний не было, продолжалось печатание ранее начатых томов «Записок»; подписали отчет С.Ф.Платонов, секретарь К.К.Романов и член совета РАО от Отделения К.В.Хилинский. Аналогичный отчет будет и за 1920 г., также подписанный С.Ф.Платоновым, секретарем К.К. Романовым и членом совета РАО от отделения Н.П.Лихачевым [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 907. Л. 8].

В 1919 г. появились первые признаки оживления деятельности Отделения, о чем свидетельствуют состоявшиеся 2 заседания (23 апреля и 2 июня), на которых было сделано 5 сообщений. Несмотря на трудности, Отделение продолжало жить, но время вносило свои коррективы.

С.Ф.Платонова следует рассматривать как продолжателя замечательного дела, начатого еще в 1851 г. знаменитым этнографом — собирателем, археологом и палеографом И.П.Сахаровым, по инициативе которого было начато издание «Записок» [3]. Первый том был составлен в основном из работ самого И.П.Сахарова и других членов Отделения. Второй том вышел в 1861 г. уже без его участия (вследствие тяжелой болезни), под редакцией В.И.Ламанского. «Записки» первые десятилетия выходили нерегулярно, до 1903 г. вышло всего 4 т., а с этого года была налажена почти ежегодная публикация. Отдельные тома (V, VII, VIII) выходили даже в 2-х выпусках, хотя порядок печати иногда нарушался,

например, выпуск 2 V тома вышел за VI томом, а выпуск 2 VII тома — вслед за VIII томом. Издательская деятельность была достаточно активной, даже в 1915, 1916 и 1918 гг., несмотря на финансовые сложности, «Записки» продолжали публиковаться [4]. В 1916 г. вышел XIII т., а подготовленный, XII т. «Записок» выйдет только в 1918 г. и будет последним номером издания. Таким образом, за то время, когда управляющим Отделением был С.Ф.Платонов, вышло 9 томов «Записок» — это большой успех.

Большую помощь в организации работы Отделения С.Ф.Платонову оказывал его ближайший друг и выдающийся археолог А.А.Спицын. По рекомендации С.Ф.Платонова он был избран в 1891 г. сотрудником РАО, а в 1907 г. — его действительным членом. Однако при всей значимости А.А.Спицына в работе Отделения И.Л.Тихонов насчитал 38 докладов, сделанных А.А.Спицыным в Отделении только за период с 1898 по 1908 гг., не считая мелких сообщений. В записке, написанной во время одного заседания (автор не установлен) Отделения и переданной С.Ф.Платонову, с иронией отмечается, что «если А.А.Спицын не делает сообщения, то он, надо думать, заболел», а в другой читаем: «А.А.Спицын приходит в нервное состояние, когда Восточное Отделение предупреждает Русское в назначении заседаний» [9, Оп. 1. Ч. 1. Д. 908. Л. 10, 11] Вышеизложенные обстоятельства, позволяют не согласиться с мнением О.Л.Бильвиной и И.Л.Тихонова, которые видели в нем не только «ближайшего «советника» и консультанта» [2, 14, 15] С.Ф.Платонова но и человека, «во многом и направлявшего деятельность Отделения» [15, 269], умаляя, в некоторой степени, роль управляющего. Свое мнение исследователи подкрепляют указанием на действительно дружеские отношения, сложившимися между выдающимися учеными, при этом подчеркивая, что «пользуясь своими дружескими отношениями с Платоновым [15, 271], Спицын, по существу, во многом определял тематику докладов на заседаниях Отделения, рекомендуя включать в повестку нужные темы и авторов», а также указывая на «постоянные заботы А.А.Спицына об издательских делах отделения» [2, 6]. С учетом позиции своего, действительно, ближайшего помощника последнее слова оставались за С.Ф.Платоновым.

Исследователям еще предстоит выяснить, какие обстоятельства явились причиной ухода С.Ф.Платонова с должности управляющего Отделением в 1908 г.

Таким образом, С.Ф.Платонов зарекомендовал себя в новом качестве — руководителя научного общества (Отделения). Под его руководством оно плодотворно работало около 23 лет над реализацией своих задач. Сделанные же им доклады и сообщения (их выявлено пока 12) позволяют конкретизировать основные направления научных изысканий ученого, а факты участия в обсуждении выступлений по результатам археологических раскопок, экспедиций позволяют отнести С.Ф.Платонова к заинтересованным археологам, организаторам и популяризаторам археологических исследований, что является новым направлением в его научно-организаторской деятельности.

Литература

1. Академик С.Ф.Платонов: Переписка с историками: В 2-х т. // Отв. ред. С.О.Шмидт. М., 2003. Т. 1.
2. Бильвина О.Л., Тихонов И.Л. Эпистолярное наследие Александра Андреевича Спицына (проект издания) // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А.А.Спицына, Санкт-Петербург, 26—30 ноября 2008 г. / Отв. ред. Е.Н.Носов, И.Л.Тихонов. СПб.: Издательский дом С-Петербургского государственного университета, 2008.
3. Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Имп. Арх. Общества. СПб., 1851. Т. I.
4. Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т. X. Петроград — Киев. 1915 г. Т. XI. 250 с.
5. Комарова И.И. Справочник научных обществ России. Отделение русской и славянской археологии // www.spog.ru
6. Любомиров П.Г., Чернов С.Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях // Записки отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1913. Т. 9.
7. Мельников В.Л. Н.К.Рерих и Императорское Русское Археологическое общество // Санкт-Петербургский университет. № 3 (3437). СПб., 1997.
8. Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов на Археологических съездах // Российская археология. 2008. № 1.
9. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 585.
10. Платонов С.Ф. О начале Москвы (заметки по поводу доклада И.Е.Забелина на VIII съезде в Москве) // Библиограф. 1890. № 5—6.
11. Платонов С.Ф. К истории опричнины XVI в. // Журнал Министерства Народного просвещения. 1897. № 10.
12. Платонов С.Ф. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI веке // Журнал Министерства Народного просвещения. 1898. № 3.
13. Платонов С.Ф. Грамоты на кормление XVI века // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т. VII. Вып. II. СПб., 1907.
14. Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974.
15. Тихонов И.Л. Из эпистолярного наследия А.А.Спицына (письма к С.Ф.Платонову) // Советская археология. 1991. № 2.
16. Черменский П.Н. Город Лебедянь и его уезд в XVII в. СПб., 1913.

Ю.В.Муртаева

г. Владимир

Владимирский государственный университет

им. А.Г. и Н.Г.Столетовых

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Формирование национального чувства и воспитание высокого самосознания российского общества, без которых невозможен выход из современного духовного и социокультурного кризисного состояния, требует целостного осмысления проблем христианской этики. Старообрядчество, являясь «носителем христианских идей», основательно и четко сформулировало кодекс нравственных ценностей и этики русского народа: нравственные нормы, принципы, ценности, моральные добродетели, нравственный идеал [1, 137].

Этические проблемы в старообрядчестве (о происхождении и сущности нравственности, о нравственных качествах человека, о добре и зле, о долге, чести, совести) анализируются через призму и содержание христианско-православного учения [2].

Обязательной чертой человека, согласно нравственным идеалам староверов, является вера. С малых лет старообрядцы приучают детей к вере своим собственным примером, говоря о соблюдении нравственных заповедей, данных человеку Богом, главным содержанием которых является любовь к ближнему, проявление милосердия и сострадания.

Система ценностей также включает уважительное отношение к старшим и к окружающим, трудолюбие, совестливое отношение к труду, понятие чести и долга, твердость в выполнении взятых на себя обязательств.

Этика староверов, существующая в контексте традиционных форм жизни, пронизана обращениями к совершению добрых дел — милостыни, пожертвований, благотворительности, активного участия в жизни церковной общины.

Среди нравственных норм раскольников особенно ярко проявлялось милосердие в самых разных формах: помощь, взаимопомощь, сочувствие и помощь пострадавшим и нуждающимся, забота о стариках, детях, беспомощных родственниках. Одним из наиболее распространенных видов милосердия — благотворительность, раздача милостыни, в особенности на поминальные усопших. Самая же большая милостыня — это та, что была подана тайно, не ради гордыни.

Конфессиональное купечество также жертвовало значимые суммы на сооружение храмов. Сооружение храма требовало немалых денежных средств, зато оно и расценивалось как его личный вклад в укрепление православия и потому обеспечивало долгую славу на земле и спасение в «вечной жизни».

Благоворительность в старообрядческой среде всегда считалась обязательной, капитал не рассматривался как средство для устройства роскошной жизни или как самоцель, но как то, что дано Богом и потому должно служить людям. Как говорил В.Рябушинский, «...богатство обязывает».

Старообрядцы всегда имели крепкие семейные устои и являлись носителями традиционных семейных ценностей. Семья для старообрядца выполняла важные функции сохранения и передачи веры следующему поколению. Во внутрисемейных отношениях проявлялась традиционная власть мужчины, который являлся главой семьи, собственником, наследодателем. В то же время женщина в семье старообрядцев была защищена большим уважением, почиталась как мать и хозяйка. Женщины были главными проводниками идей старообрядчества. Они более крепко хранили традиции, передавали их своим детям, внушали им непримиримое отношение к «никонианам».

Семья в старообрядчестве является организующим началом, носителем глубоких традиций, хранительницей духовного опыта предшествующих поколений, самым эффективным механизмом трансляции конфессиональной культуры [3, 35].

И в наши дни можно видеть, как строго старообрядцы соблюдают религиозные обряды. Старшее поколение до сих пор много времени уделяют молитвам. Каждый день жизни старовера начинается и заканчивается молитвой. Утром помолвившись, он приступает к трапезе и затем за труд праведный. Любое занятие они начинают с произношения Иисусовой молитвы, при этом осеняя себя двуперстием. В домах старообрядцев много икон. Под божницей старинные книги и лестовки. Лестовкой (четок) отмечают число произнесенных молитв и поклонов.

Старообрядцы и до настоящего времени стремятся сохранить свои традиции, обычаи и обряды, а самое главное веру и нравственные устои.

Нравственная ориентация занимает первостепенное место в трудовой деятельности старообрядцев, которые выработали свой идеал экономической этики, воплощенный в понятиях: долг, честь, жертвенность. Этико-трудовой кодекс старообрядческого предпринимательства можно объяснить стремлением к сохранению органической духовной связи поколений. «В сохранении традиции предприниматели-старообрядцы осознавали свое предназначение, в бережном отношении к заветам предков и видели путь к спасению» [4, 69].

Состоятельность, зажиточность, домовитость связывались с сакральным отношением к трудовым традициям, навыкам, бережливости, чистоплотности. Зажиточные староверы внушали молодежи уважительное отношение к труду, к земле, к хозяйственному домовитому крестьянину и презрительное отношение бродяге, ленивому, не умеющему полноценно трудиться.

Наряду с коллективистскими нормами социального и религиозного бытия в духовной культуре и этике староверов большую роль играли индивидуальная инициатива и предприимчивость.

Примечания

1. Бернштам Т.А. Христианизация в этнокультурных процессах финно-угорских народов Европейского Севера и Поволжья (сравнительное обобщение) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы / Отв. ред. О.М.Фишман. Л., 1990.
2. Хирьянова Л.В. Основные этические категории старообрядческого мировоззрения URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=145
3. Мукаева Л.Н. Духовно-нравственные ценности старообрядцев Южного Алтая // Евразийцы. № 1. 2005.
4. Расков Д.Е. Хозяйственная жизнь русского старообрядчества: Новаторство в рамках традиций // Вестник СПбГУ. Сер.5. 1999. Вып. 3 (№ 19).

П.Г.Немашкалов

г.Ставрополь

Ставропольский государственный педагогический институт

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ

Реформа национальной образовательной системы, приведение ее в соответствие с современными российскими реалиями может быть основана только на всестороннем изучении отечественного опыта. Исторический характер воспитания требует осуществления теоретического анализа строительства школьного дела, исследования зависимости образовательной политики от экономических, социально-политических, культурных, научных и других факторов, выявления тенденций в ее осуществлении. Только исторически подкрепленная образовательная политика позволяет выстроить оптимальную для личности и общества образовательную систему, гармонично сочетать интересы личности и общества. Именно этим объясняется высокая научная и практическая актуальность комплексного исследования богатейшего мирового и отечественного опыта формирования интеллектуального потенциала общества.

Простого признания важности использования опыта прошлого недостаточно для практического решения образовательных задач, «<...> преобразование будущего осуществляется не прямо, не непосредственно, а путем воздействия на то, что является общим для прошлого, настоящего и будущего: на закономерный характер развития явлений, процессов, систем, на закономерности развития педагогической действительности» [1, 21]. В свете сказанного крайне актуальной представляется задача исследования национального образовательного пространства на Кавказе.

История отечественного образования свидетельствует о том, что его становление и развитие осуществлялись во многом под влиянием западноевропейской школы. Это проявлялось в виде простого копирования зарубежных

школьных порядков, так и в форме переноса на нашу почву прогрессивных западноевропейских педагогических идей, как это наблюдалось, например, в пореформенные десятилетия. Важно отметить, что, связывая данный процесс с упрочением общечеловеческих начал в отечественном воспитании, педагоги, по словам П.Ф.Каптерева, пришли к осознанию необходимости рассмотрения деятельности школы «только в связи с условиями жизни того народа, для которого она предназначается, в связи с его природными способностями и наклонностями, в связи с его семьей, общественным положением и требованиями, что живая школа не преобразуется и не создается по чужой истории и по чужим опытам» [2, 48].

Такое осознание привело к возобладанию тенденции к упрочению национальных основ воспитания. В XIX столетии идея гармоничного сочетания национального и общечеловеческого в образовании получила широкое распространение. «Истинный общественный интерес заключается в том, чтобы национальное образование было результатом общения со всем человечеством, — писал в 1891 г. Н.И.Кареев. — С этой стороны идеал общего образования не может быть мыслим в рамках какой-либо национальности, и с тех пор, как существует всемирная история, отдельные народы у себя образованность по мере того, по мере того, как приобщались к духовной жизни старших по цивилизации народов» [3, 9].

Усиленное внимание к образованию местного населения Кавказа стимулировалось и надеждами на необходимую поставку подготовленных специалистов для различных отраслей гражданского и военного управления. Немаловажным был факт того, что многие чиновники, которых присылали служить на Кавказ, с трудом приживались здесь, некоторые вовсе уезжали «<...> при первом удобном случае <...> на Родину» [4, 17]. Российские власти заявляли о том, что «<...> к достижению этой цели — просвещения горских народов — были направлены все силы и мероприятия учебного ведомства в Кавказском округе» [5, 23].

После окончания боевых действий газета «Кавказ» в одной из статей отмечала: «<...> нет сомнения, что природа щедро наделила кавказские племена духовными способностями, но дикая способность, в которой они по это время находятся, могла бы дать им только одно воинственное направление. До этого времени горцы жили только для войны, удачества, наездничества — им посвящали все свои физические и нравственные силы» [6]. Поэтому к задачам образования горцев правительство подходило вполне осознанно и определенно: «<...> имея в виду давать горцам такое образование, которое предоставляло им средства быть полезными гражданами не на воинственном, а преимущественно на мирном поприще, не выходя из своей сферы, то есть, не отдаляясь от своих природных нравов, обычаев, верований» [7, 61].

Пакет реформ для отдельных районов региона разрабатывался совместными усилиями центральной власти и местных органов, предоставляющих в распоряжение министерств и Государственного Совета необходимые материалы

и рекомендации, а также собственные варианты проектов. Именно в таком варианте планировалась разработка школьной реформы. Дореволюционный исследователь С.В.Рожественский, в своей работе «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802—1902 гг.», вобравшей в себя практически все документы Министерства народного просвещения, рассматривал эволюцию законодательных мер по Кавказскому учебному округу как закономерный показатель роста правительственной инициативы.

Примечания

1. Лихачев Б.Т. Сущность, критерии и функции научной педагогики // Педагогика. 1997. № 6.
2. Каптерев П.Ф. Педагогические идеи В.Я.Стоюнина // Русская школа. 1892. № 10—11.
3. Кареев Н.И. Что такое общее образование? // Русская школа. 1891. № 10.
4. Краснов М. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913.
5. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1870. Ч. 150. Отд. 4. Июль.
6. Кавказ. 1859. № 59.
7. Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь, 1887. С. 61.

Д.А.Николаев, М.В.Потапина

*г.Нижний Новгород
Нижегородский государственный педагогический
университет им. Минина*

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТРА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА И.И.ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА В МЕМУАРАХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Вскоре после воцарения Александра III, в апреле 1881 г., И.И.Воронцов-Дашков был назначен главным начальником охраны е.и.в., а 17 августа 1881 г. — министром императорского двора. Император руководствовался тем фактом, что личная преданность, хороший характер, честность и независимость И.И.Воронцова-Дашкова были общеизвестны. И император не ошибся: «Окруженный несколькими близкими друзьями, как-то: Воронцовым, Черевниным, Рихтером и кн. В.Оболенским, которым он отнюдь не позволял вмешиваться в государственные вопросы и даже говорить о них, Александр III действительно огородил себя от интриг, могущих его свернуть с твердо начертанного им пути» [1, 390].

Взгляды И.И.Воронцова-Дашкова на политическое устройство были достаточно противоречивы: с одной стороны, он был сторонником хозяйственно-экономического упрочения положения дворянства, с другой стороны, он же

выступал за создание майоратов, усиления влияния поместного дворянства, предлагал ввести специальные стипендии для молодых дворян в высших сельскохозяйственных школах, чтобы выпускники «сели на землю», выполнив «исконную дворянскую задачу» [2]. Кроме того, министр выступал за отмену гражданских чинов [3, 388—389]. Также И.И.Воронцов-Дашков выступал против введения института земских начальников, противопоставив ему свой проект реформы местного управления [3, 48]. Он был убежденным противником крестьянской общины, т.к. считал, что должно быть введение подворного земельного надела, не подлежащего отчуждению, и даже начал работы по налаживанию арендных крестьянских хозяйств на некоторых территориях, управляемых министерством двора [4].

Личность и деятельность И.И.Воронцова-Дашкова привлекала внимание как современников-мемуаристов, так и позднейших исследователей. Помимо вышеприведенной оценки П.А.Зайончковского, в монографии Д.И.Исмаил-Заде И.И.Воронцов-Дашков характеризуется как «реформатор буржуазного типа» [5, 41]. А.А.Половцов в конце 1881 г. отметил в своем дневнике, что новый министр «преисполнен добрых и честных намерений, выливающих в самые смутные формы». Позднее именно в этом он видел причину неудачи в проведении административной реформы МИДв. Он считал, что И.И.Воронцов-Дашков стал «блестящим олицетворением хаоса в своих неумелых распоряжениях». В.С.Кривенко вспоминал: «Граф Воронцов-Дашков принял Министерство Двора, застывшее еще в дореформенных рамках. Много пришлось ему потрудиться над преобразованием дворцовых учреждений, и удалось достигнуть хороших результатов. При нем на службу в это ведомство пошли выдающиеся силы, причем граф неизменно ставил в неперемное условие совместной работы — нравственную чистоплотность ...».

Безусловный административный талант, которым в полной мере обладал И.И.Воронцов-Дашков, позволил ему достаточно быстро определить круг проблем, стоящих перед министерством. Основная проблема, так и не решенная его предшественниками, — это адаптация архаичной структуры Министерства двора к изменившимся социально-экономическим реалиям пореформенной России. Реформы, предпринятые в МИДв в 1880-е гг., имели два этапа: административные реформы 1881—1885 гг. и реорганизация центрального управления 1888 г. В ходе их проведения, проходившего при непосредственном участии В.С.Кривенко [6], были решены главные задачи, стоявшие перед МИДв: окончательно упразднено коллегиальное начало во всех установлениях министерства; централизовано дворцовое хозяйство (учреждением Главного дворцового управления, объединившего все разнообразные дворцовые учреждения, ранее обособленные) и выстроена новая властная вертикаль (учреждением Совета министра, осуществляющего непрерывное управление министерством в отсутствие министра).

Все реформы проходили на особых основаниях, т.е. без законодательного утверждения, но при полной поддержке министра двора императором и имели значительный успех.

Примечания

1. Гурко В.И. Царь и царица // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
2. РГИА. Ф. 919. (Воронцовых). Оп. 2. Д. 239. Л. 4—5.
3. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX века. М., 1978.
4. РГИА. Ф. 919. (Воронцовых). Оп. 2. Д. 228. Л. 3-4.
5. Исмаил-заде Д.И. Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991.
6. Заведующий канцелярией министра двора И.И.Воронцова-Дашкова.

Н.Ю.Николаев

г.Волжский

*Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета*

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ИДЕИ В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В КОНЦЕ XIX в.

В конце XIX в. в миротворческой мысли России можно выделить два направления, по-разному трактовавшие вопросы войны и мира. Первое, можно отнести к «ортодоксальному» пацифизму, с его абсолютным отрицанием войны в какой бы то ни было форме. К числу миротворцев-максималистов следует отнести приверженцев нетрадиционных религиозных течений, распространившихся по всей России на рубеже XVIII—XIX вв. — менонитов, духоборов, молокан и пр. [1]. Виднейшим представителем данного направления являлся Л.Н.Толстой, который создал целую философскую систему — этику ненасилия. Мыслитель выступал с позиций радикального пацифизма, что отразилось на его оценках правительственных инициатив по разоружению [2, 117]. Однако в целом «удельный вес» радикально-пацифистских идей в миротворческой мысли России на рубеже XIX—XX вв. был незначительный. Причиной тому был не только их идейный неконформизм, но и активная репрессивная политика со стороны правительства.

Сторонников постепенного устранения милитаризма из человеческого общежития через реформы, признававших необходимость оборонительных войн и наличия соответствующих вооруженных сил для защиты страны от внешней агрессии в западной историографии именуют пацифистами (или интернационалистами) [3, 36—39]. Бесспорно, в конце XIX в. идеи пацифизма в российской

общественной мысли пользовались гораздо большей популярностью, нежели категорический императив Толстого.

К числу пацифистов, на наш взгляд, следует отнести ряд известных юристов, прежде всего специалистов по международному праву: В.П.Даневского, И.А.Ивановского, О.О.Эйхельмана, П.Е.Казанского и пр. Наиболее заметной фигурой в «правовом» течении российского миротворчества в конце XIX в. был Л.А.Камаровский [4]. Одним из первых в юридической науке он сформулировал теоретические принципы и организационные основы международного третейского разбирательства [5, 128]. Кроме создания третейского суда он активно ратовал и за кодификацию гуманитарного права и постепенное разоружение [6, 2—3].

В конце XIX в. представители российской общественной мысли критиковали милитаризм с позиций социальной и экономической целесообразности. Здесь следует отметить прежде всего работы, писавшего преимущественно на французском языке Я.А.Новикова, а также М.В.Аничкова, М.А.Энгельгардта, С.М.Жидкова и пр.

Наиболее полно социально-экономическая критика войны представлена в работах И.С.Блиоха. В 1898 г. он издал 6-ти томный труд «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», переведенный практически на все основные европейские языки [7]. Основная идея этого монументального произведения состояла в доказательстве пагубного воздействия войны и вообще гонки на государственную финансовую систему любой страны.

В 1899 г. по инициативе российского правительства прошла первая Гагская мирная конференция, на которой обсуждались вопросы разоружения, создания международного третейского суда и кодификации гуманитарного права. Ее подготовка и проведение стали мощным стимулом в обсуждении российским обществом проблем войны и мира [8]. В тоже время правительственная инициатива стала тем водоразделом, который четко обозначил различия в подходах к официальному миротворчеству со стороны пацифистов и радикалов-пацифистов. К примеру, для Л.Н.Толстого предложение о проведении конференции стало всего лишь очередным проявлением лицемерия российского правительства, стремящегося с его помощью разрешить свои внутри- и внешнеполитические проблемы. Столь же критически мыслитель оценивал и возможные результаты мирного форума, подчеркивая, что рамках существовавших политических сокращения вооружений и военных бюджетов [9]. Куда более позитивной была оценка Гагской конференции со стороны Л.А.Камаровского. Он оценивал ее как закономерное развитие предыдущих попыток России и других великих держав поднять вопрос о разоружении, как последнюю и наиболее важную инициативу такого рода. Достигнутые на конференции результаты Камаровский трактовал как успешные, а нерешенные на ней вопросы, в частности проблему разоружения, по его мнению, разрешат на последующих мирных собраниях [10].

Таким образом, в конце XIX столетия в общественной мысли России ощути-мо присутствовали различные направления миротворчества: от радикального пацифизма, до умеренных призывов к политике «малых дел». Этический максимализм Л.Н.Толстого и его немногочисленных последователей требовал отказа от войны в любом ее проявлении. Более многочисленные пацифисты предлагали программу умиротворения через кодификацию гуманитарного права, создание постоянного третейского суда и постепенное уменьшение вооружений.

Примечания

1. Брок П. Русские сектанты-пацифисты и военная служба 1874—1914 г. // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно- политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 115—121; Иникова С.А. История пацифистского движения в секте духоборцев (XVIII—XX вв.) // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 122—136; Клиппенштейн Л. Отказ от военной службы по мотивам совести в меннонитских общинах царской России // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно- политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 150—171.

2. Екота-Мураками Т. Лев Толстой и пацифизм: со сравнительной и «генеалогической» точки зрения // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М.: ИВИ РАН, 1998.

3. Морданова А.Р. Теоретическое осмысление пацифизма и пацифизма // Социологические институты: ретроспекция и реальность. Материалы VII межвузовской региональной научной конференции (Омск, 15 ноября 2003 г.). Омск, Издание ОмГУ, 2004.

4. Библиография книг и статей Л.А.Камаровского, посвященных различным аспектам миротворчества, преимущественно, кодификации международного гуманитарного права и третейскому разбирательству насчитывает несколько десятков наименований. Преимущественно это статьи в журналах «Юридический Вестник» и «Русская мысль». См.: Яценко А.С. Граф Камаровский, жизнь и научная работа // Известия Министерства иностранных дел. 1913. Кн. 1. С. 133—134.

5. Голубев Н.Н. Граф Л.А.Камаровский (Некролог) // Юридическая библиотека. 1912—1913. № 3(28).

6. Камаровский Л.А. К вопросу о разоружении // Русские ведомости. 1894. № 119. (2 мая).

7. Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Т. 1. СПб.: Тип. И.А.Ефрона. Т. 1. (628 с.). Т. 2. (828 с.). Т. 3 (521 с.). Т. 4. (686 с.). Т. 5. (634 с.). Блюх И.С. Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». Т. 6. СПб.: Тип. И.А.Ефрона, 1898. 453 с.

8. Алексеев А.М. Россия в вопросе разоружении. Смоленск: Тип. П.А.Силина. 1899. 29 с.; Рымкевич А. Значение мира и войны. Краткий очерк по поводу конференции в Гааге. Николаев: Б.и., 1899. 19 с.; Право и мир в международных отношениях. Сборник статей под ред. Л.А.Камаровского и П.М.Богаевского. М.: Изд. Типо-литография И.И.Кушнерев и К^о, 1899. 545 с.

9. Конференция в Гааге. Обмен мнений шведского общества и Л.Н.Толстого. Женева, Украинская тип., 1899. 24 с.

10. Камаровский Л.А. Гаагская мирная конференция. М.: Книжный магазин М.В.Клюкина, 1902. 104 с.

О.С.Павлова

г.Стерлитамак

*Стерлитамакская государственная педагогическая академия
им. Зайнаб Бишшевой*

ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1917—1918 гг. В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ЗАВОЛЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ»

Общественно-политический подъем начала XX века, события февраля — октября 1917 года, сопровождались ростом социальных, экономических и политических противоречий в российском обществе. В поисках путей консолидации народа особое место принадлежало деятелям Русской Православной церкви, которые в большинстве своем занимали активную общественную позицию. В этой связи исследовательский интерес представляет опыт Уфимской губернии, где большую роль в формировании нравственного и духовного пространства своей епархии сыграл Епископ Андрей (князь Ухтомский), который в конце 1913 года стал епископом Уфимским и Мензелинском.

По инициативе Епископа Андрея в г. Уфе было учреждено Восточно-русское культурно-просветительное Общество (ВРКПО), поводом к возникновению которого была необходимость попечения о 40 тысячах беженцев из прифронтовых областей, которые к концу 1915 г. оказались на территории Уфимской губернии. В том же году была начата издательская деятельность Общества.

В числе наиболее значимых и влиятельных изданий Общества стал издаваемый с января 1917 года журнал «Заволжский летописец». Как отмечали инициаторы его издания, журнал был призван «обслуживать интересы русской культуры в Заволжском регионе». Выходил он 2 раза в месяц и состоял из 4-х разделов: церковного и религиозно-бытового, культурно-просветительного, общественно-политического, инородческого и издавался предположительно по сентябрь 1918 г. [1, 220].

Отношение Епископа Андрея к событиям февраля 1917 года нашло отражение в его обращении к пастве через епархиальную газету с посланием «Нравственный смысл современных великих событий», из содержания которой было ясно, что он фактически выразил желание значительной части представителей

высшего духовенства оправдать революцию и не допустить реставрации в России монархической формы правления [2, 238—239].

Октябрьские события 1917 года и проход к власти большевиков Епископ Андрей видел губительными для России, и его позиция нашла отражение в открытой критике им новой власти на страницах «Заволжского летописца». О работе журнала в своей «Исповеди» он расскажет так: «Этот журнал не изменял своего направления ни в 17-м году при республике Керенского, ни при большевиках в 18-м году, ни при Колчаке в 19-м году. Мы говорили только правду, и эту правду мы говорили нашим читателям всех направлений. Мало того, этот журнал и печатался в 18-м году в большевистской типографии» [3].

С середины января 1918 года, когда политическая ситуация в губернии стала меняться, большевики стали применять репрессивные меры против своих оппонентов, в связи с чем запланированное на январь общее собрание ВРКПО устроить не удалось. О жизни Общества в это время «Заволжский летописец» отмечал: «Особенно трудное положение создалось для Общества после большевистского переворота в октябре-ноябре 1917 года, в течение всего периода большевистского самодержавия. Начавшийся в первые дни революции развал всех сторон русской жизни, под руководством самодержцев от большевизма Ленина и Бронштейна-Троцкого, пошел вперед быстрыми шагами и к февралю 1918 года дошел почти до крайнего предела. К этому присоединился еще настойчиво осуществлявшийся по отношению ко всем любящим родину и не потерявшим здравого смысла красный террор. Что можно было делать среди таких условий? В январе 1918 года Общество пыталось было бороться с охватившим население и особенно войсковые части сумасшествием путем публичного собеседования на злободневные темы в зале Епархиального женского училища, но в феврале с занятием большевиками Епархиального училища, где происходили собеседования, у Общества была отнята возможность и этого способа воздействия на народ. Остался один «Заволжский летописец», который с риском немедленного закрытия за каждое не понравившееся предержавшей власти слово продолжал с горечью и болью за русский народ отзываться на ужасные события общерусской и местной жизни». Однако за первые полгода 1918 г. удалось выпустить всего 7 номеров [3].

Советская власть, по мнению Владыки Андрея, вновь утверждала деспотизм как форму государственного управления; он обвинял новую власть в том, что она направлена против народа, Церкви и не способна установить порядок в стране и сохранить целостность Российского государства [4].

Когда начался мятеж чехословацкого корпуса, в г.Уфе была введена жесткая цензура и прекращены все небольшевистские издания, в том числе и «Заволжский летописец». Таким образом, публичная деятельность ВРКПО по сути была прекращена. Однако после того, как общественно-политическая ситуация изменилась и 4 июля в Уфу вошли части чехословаков и вооруженных сил Народной Армии, а к середине июля 1918 г. вся Уфимская губерния оказалась под

властью белых, Восточно-русское Общество во главе с Епископом Андреем в кратчайшие сроки вновь развернуло активную разъяснительную и агитационную работу в поддержку антибольшевистского движения [5].

Так, в сентябре 1918 г. Епископ Андрей на страницах журнала «Заволжский летописец» широко рассуждает о том, какие шаги должна предпринять церковь для консолидации общества, поднимает вопрос о взаимоотношениях церкви и государства, отметив, что «...нужно не государство от церкви отделять, но нужно освободить церковь от давления государства...» [3]. В ходе анализа политической ситуации в стране, Епископ Андрей писал, что самая большая ошибка большевиков состоит в том, что они проявили гонения на церковь [6].

Также он поднял вопрос о том, почему интеллигенция разбита большевизмом? Обращаясь к статье И.Веревкина «Большевики и мы», опубликованной во втором номере московского еженедельника «Накануне», отмечал, что интеллигенция в своих лозунгах и исканиях не содержала истинного животворящего духа, больше всего боялась быть заклеянной такими характеристиками как «буржуй», «контрреволюционер» и т.д. [7].

Таким образом, материалы, опубликованные на страницах журнала «Заволжский летописец» представляют ценные сведения для понимания сложных и неоднозначных общественно-политических процессов в общероссийском и региональном измерении.

Примечания

1. Зимина Н.П. Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества в г.Уфе (1916—1919 гг.) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск II / сборник докладов международных, общероссийских и межрегиональных научно-практических семинаров и конференций 2004—2005 гг. М., 2005.
2. Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011.
3. Синенко С. «Возлюбленным уфимцам посвящая...» Жизненный путь епископа Андрея (Ухтомского) // Бельские просторы. 2004. № 4. URL: <http://www.hrono.ru/text>
4. ЦГАОО РБ (Центральный государственный архив общественных объединений республики Башкортостан). Ф. П-1832. Оп. 2. Д. 56. Л. 1-3.
5. Зимина Н.П., Максимов К.В. Восточно-Русское Культурно-Просветительное Общество. Забытые страницы нашей истории. URL: <http://rusk.ru/st.php>
6. ЦГАОО РБ Ф. П-1832. Оп. 2. Д. 56. Л. 3.
7. ЦГАОО РБ Ф. П-1832. Оп. 2. Д. 56. Л. 4.

КАНЦЛЕР А.П.БЕСТУЖЕВ-РЮМИН В ОЦЕНКАХ ИСТОРИКОВ XIX ВЕКА

Одной из серьезных проблем развития современной исторической науки остается объективная оценка деятельности ключевых фигур прошлого и настоящего. История — это события и люди. Они всегда неразрывно взаимосвязаны, представляя собой две стороны единого исторического процесса. Но это единство часто нарушается в пользу изучения социальных явлений. Реальные же творцы истории нередко оказываются в тени [11, 172]. А ведь наследие государства часто ассоциируется с именами его выдающихся деятелей.

Пришедший на смену «бунташному» XVII столетию, XVIII век вошел в историю России как век переворотов и фаворитов. И тем примечательнее судьба дипломата и государственного деятеля, который, не будучи любимцем императрицы, смог в царствование Елизаветы Петровны занимать высочайший пост и руководить внешней политикой страны долгие годы. Речь идет о канцлере Алексее Петровиче Бестужеве-Рюмине, фигуре в отечественной истории своеобразной, но не избалованной вниманием ни современников, ни потомков.

Первые серьезные попытки составить биографический очерк о елизаветинском канцлере были предприняты в 30—40-е гг. XIX века Д.Н.Бантыш-Каменским и А.А.Терещенко. Их труды носят сугубо справочный характер, поэтому глубиной исторического анализа не отличаются, а сводятся к констатации фактов.

В «Словаре достопамятных людей русской земли» Д.Н.Бантыш-Каменский говорит о А.П.Бестужева-Рюмине как о «главном виновнике разорительной войны против Фридриха Великого, стоившей России более трехсот тысяч человек и тридцати миллионов рублей» [2, 136]. Опалу Бестужева исследователь напрямую связывает с письмом к генерал-фельдмаршалу Апраксину во время начавшейся Семилетней войны. Однако данные обстоятельства не помешали биографу признать высокую работоспособность сановника, возглавлявшего Коллегию иностранных дел, и с подробными комментариями перечислить подписанные им договоры с мировыми державами.

В работе «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» Д.Н.Бантыш-Каменский обращается к начальному периоду дипломатической карьеры вельможи, представляет некоторые сведения о семье Бестужева, но ничего принципиально нового о его службе не говорит. Историк по-прежнему видит Алексея Петровича искусным интриганом, который «сумел сделать необходимым Елизавете Петровне, повелевал не только сановниками ее, но и приближенными. А сама императрица ничего не решала без его мнения» [1, 13].

Свой очерк о Бестужева А.А.Терещенко начинает с обращения к родословной именитого сановника, причем далеким предком его называет выходца из Англии. Самого канцлера историк характеризует как человека беспристрастного в придворных заговорах, но ловкого царедворца, способного устранить любого противника. Исследователь отмечает, что внешнеполитическая деятельность Алексея Петровича умело сочеталась с внутривластной игрой, а личные симпатии с государственными интересами. А.А.Терещенко подчеркивал: «Располагая делами империи по своему соизволению, он присвоил себе неограниченную власть. Часто бывал на краю гибели, но дочь Петра Великого, за преходящий ум и трудолюбие, дорожила им» [12, 77].

Таким образом, в отечественной историографии начало складываться неоднозначное мнение о А.П.Бестужева-Рюмине как о человеке деятельном и талантливом, но хитром и неприятном в общении.

В 1845 году в свет вышла книга Н.А.Полевого «Столетие России, с 1745 по 1845 года». Вслед за рассказом о восшествии на престол Елизаветы Петровны и первых годах ее царствования историк четко обрисовал международную обстановку к концу 1740-х гг. Он отметил, что «в 1748 году...императрица Елизавета приняла наконец участие в делах Европы. Главною виною перемены был первый среди других сановников, канцлер Бестужев-Рюмин. Одаренный необыкновенными способностями дипломата и министра, он соединял с ними честолюбие безмерное, ум хитрый, совесть уклончивую, и считал все средства позволенными для своих выгод» [7, 69]. Характеристика явно пристрастная: хитрый человек, готовый на все ради собственных интересов. Н.А.Полевой, высказывая нелицеприятные слова в адрес Бестужева, считал его не серьезным политиком, а интриганом, сеющим рознь между императрицей и молодым двором, между Петром Федоровичем и Екатериной Алексеевной, однако способным отстаивать собственные убеждения и выходить победителем из противостояния с сильными противниками, какими являлись, например, Шетарди и Лесток. В делах внешних канцлер пользовался полным доверием императрицы, будучи человеком опытным и вкрадчивым. У автора сложное отношение к политике Бестужева, который втянул страну в войну с Пруссией, но при этом стремился вывести Россию на новый международный уровень и сделать равной мировым державам.

Примечательно, что в главе «Внутренняя жизнь России» Н.А.Полевой, отмечая основные вехи жизненного пути известных сановников XVIII века, А.П.Бестужева-Рюмина даже не вспоминает. Заслуги М.Л.Воронцова и Н.И.Панина, преемников Бестужева, исследователь явно ставит выше достижений их предшественника и учителя. Очевидно, Н.А.Полевой по-своему решил проблему двойственности оценки елизаветинского канцлера.

Лояльное отношение к А.П.Бестужеву-Рюмину прослеживается в работах А.Вейдемейера «Царствование Елизаветы Петровны» и «Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия». Указывая на некоторые

отрицательные качества личности Бестужева (хитрость, гордость, мстительность, корыстолюбие), автор признает за ним и положительные черты («был очень трудолюбив, имел обширные познания» [3, 4]). В целом историк считал сановника достойным политиком своей эпохи: «...был человек с большим умом, тверд и неустрашим в своих действиях; друг своих друзей, но чрезвычайно пронырлив, подозрителен, крут и враг непримиримый» [4, 93]. Пожалуй, такие качества пригодились бы государственному деятелю во все времена. А. Вейдемейер осознает особую роль, которую Алексей Петрович играл во внешней политике России, но не поддерживает его активного участия в придворных интригах, ставших в итоге причиной падения канцлера.

Упоминание о елизаветинском канцлере мы обнаруживаем в ряде статей М.И.Семевского. В работе «Наталья Федоровна Лопухина», посвященной одному из громких дел елизаветинского периода, автор говорит о борьбе партий вице-канцлера Бестужева-Рюмина и лейб-медика Лестока, определившей всю политику царствования 1740-х гг. В отличие от предшествующих исследователей М.И.Семевский задается вопросом о цене сфабрикованных придворных заговоров. Мишенью Лестока был Бестужев, которого пытались представить «как главного зачинщика заговора, достойного наибольшего наказания» [9, 7]. Заслугой историка в данной работе можно считать попытку дать объективную оценку человеческим и профессиональным качествам елизаветинского сановника.

Очерк «Лесток» посвящен более детальному анализу противостояния Алексея Петровича с одним из сильнейших представителей франко-прусской партии. Здесь Бестужев изображен «почти одиноким перед своими врагами» [8, 7], ведь у него за спиной, в отличие от Лестока, никого не было. Он действовал сам и очень умело, «свалив» лейб-медика в 1748 году. Как верно подметил М.И.Семевский, «хотя количество врагов канцлера увеличивалось, но им не пришлось одержать над ним победы» в 1740-е гг. [8, 9]. Очевидно, что симпатии историка на стороне Бестужева. Сильной стороной данного очерка является обоснованная оценка деятельности Алексея Петровича на высоком государственном посту.

В работе «Противники Фридриха Великого: Апраксин и Бестужев-Рюмин» М.И.Семевский критикует несправедливость оценок деятельности канцлера, высказанных ранее другими авторами. Представляя собственную характеристику Бестужева, историк не скрывает отрицательных черт известной личности, но убеждает своих читателей, что это был «великий государственный муж, великий патриот», проводивший «национальную политику», «человек с твердою волей, энергией, человек замечательного ума и изворотливости», так необходимой хорошим политикам [10, 66]. Историк подвергает сомнению многие, казалось бы, известные факты из биографии Бестужева, пытается разобраться в хитросплетениях его политической игры и отношений с придворным обществом, великой княгиней Екатериной Алексеевной и другими значительными фигурами. К достоинствам данного исследования можно отнести учет объективных

обстоятельств, в которых действовал елизаветинский канцлер, а также соотношение предпринятых им мер и исторических реалий.

Самая масштабная работа историка и писателя Н.И.Костомарова, «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», повествует наряду с различными периодами нашей истории и о времени императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Их эпохам посвящены отдельные статьи, на страницах которых А.П.Бестужев-Рюмин занимает определенное место.

В статье «Императрица Анна Иоанновна и ее царствование» Н.И.Костомаров представляет нам Бестужева как «тонкого и искусного дипломата, в котором Бирон думал иметь противовес остермановым хитростям» в Кабинете министров [6, 341]. По мнению историка, именно Алексею Петровичу Бирон был обязан своим регентством при малолетнем Иване Антоновиче. Однако исследователь не дает здесь однозначной оценки методам канцлера.

В работе «Императрица Елизавета Петровна» имеется отдельная часть под названием «Могущество Бестужева». В духе своего времени Н.И.Костомаров утверждает, что Елизавета проводила жизнь в праздности и совсем не интересовалась государственными делами. Этой причиной, а не выдающимися способностями канцлера, объясняется его «полное могущество». «Нельзя сказать, чтоб императрица любила этого человека... Он держался в силе при Елизавете единственно только тем, что государыня, преданная забавам и удовольствиям, была довольна, что находился человек, способный взять на себя всю тяготу долго думать о важных делах и тем самым освободить ее от этого бремени» [6, 384]. Дипломатические таланты сановника в расчет историком не берутся. А оценка его профессионализма выводится из «нежелания» Елизаветы нести бремя власти.

Ученик С.М.Соловьева, В.О.Ключевский в своих трудах упоминает Бестужева-Рюмина лишь вскользь. Но дает ему выразительную характеристику. По убеждению историка, Алексей Петрович «резко выделялся из толпы придворных ничтожеств», «приобрел мастерство держаться при петербургском дворе, в среде, лишенной всякой нравственной и политической устойчивости. Ум его, весь сотканный из придворных каверз и дипломатических конъюнктур, привык додумывать каждую мысль до конца, каждую интригу доплетать до последнего узла». Этому человеку удавалось так ловко управлять внешними делами России, что «Елизавета не могла ... понять дипломатические хитросплетения своего канцлера» [5, 271].

Таким образом, историками XIX века была предпринята попытка определить, какой вклад в развитие Российского государства внес А.П.Бестужев-Рюмин. Однако окончательная и однозначная оценка его личных и профессиональных качеств, его дипломатической и государственной деятельности так и не прозвучала.

Литература

1. Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельд-маршалов. М., 1840. Ч. 2.
2. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли: в 5 ч. М., 1836. Ч. 1. А-В.
3. Вейдемейер А. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб., 1846.
4. Вейдемейер А. Царствование Елизаветы Петровны. Ч. 1. СПб., 1835.
5. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост. В.А.Александрова. М.: Правда, 1991.
6. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 4 т. М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1998. Т. 4.
7. Полевой Н.А. Столетие России, с 1745 по 1845 года. Историческая картина достопамятных событий в России за сто лет. СПб., 1845.
8. Семевский М.И. Лесток. Библиографический очерк. М., 1884.
9. Семевский М.И. Наталья Федоровна Лопухина. 1699—1763. Эпизод из ее жизни. М., 1860.
10. Семевский М.И. Противники Фридриха Великого: Апраксин и Бестужев-Рюмин (Очерк из русско-прусской войны 1756—1762 гг.) // Военный сборник. 1862. № 5.
11. Силласте Г.Г., Джурицкий А.Н. Мастерство исторического портрета // Новая и новейшая история. 2003. № 3.
12. Терещенко А.А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 2. Канцлеры.

Н.В.Проскурина

г.Елец

Елецкий медицинский колледж

ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ ПИСЬМА А.П.БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА К ЦАРЕВИЧУ АЛЕКСЕЮ ПЕТРОВИЧУ

Проблема подлинности исторических источников остается одной из актуальных в исторической науке. Ведь именно уверенность исследователя в истинности используемой информации дает возможность объективно оценивать действия исторических личностей и явления прошлого.

При изучении начального периода дипломатической службы Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, канцлера Российской империи в годы правления императрицы Елизаветы Петровны, историкам приходится сталкиваться с вопросом подлинности его письма к сыну Петра Великого. От решения данной проблемы зависит понимание, в какой момент впервые проявились склонности Бестужева к интриге, чем были продиктованы его поступки, насколько сильным оказалось стремление выдвинуться.

Будущий канцлер родился в 1693 году в дворянской семье, уже не одно столетие служившей русским государям. Однако никто из его предков не принадлежал к числу первых лиц государства. Сам Алексей Петрович начал службу в 1712 году дворянином при российском посольстве в Гааге. С 1713 года состоял на иностранной службе при Георге Людовике, курфюрсте Ганноверском, а с 1714 года — короле Англии. Находясь за пределами России, Бестужев, тем не менее, был в курсе событий и закулисных интриг при русском дворе, о чем его постоянно информировали родственники.

В 1717 году он узнал о бегстве царевича Алексея в Вену, на чтоотреагировал письмом к наследнику российского престола. В послании молодой дипломат заверял в своей преданности и готовности служить «будущему царю и государю»: «Так как отец мой, брат и вся фамилия Бестужевых пользовалась особою милостию вашею, то я всегда считал обязанностью изъявить мою рабскую признательность и ничего так не желал от юности, как служить вам; но обстоятельства не позволяли...». Бестужев открыто предлагал свою помощь: «...ваше высочество при нынешних очень важных обстоятельствах не имеете никого из своих слуг, я же чувствую себя достойным и способным служить вам...» [1, 113—114]. Во время следствия по делу царевича информация о письме дознавателям оказалась недоступной [2], а само оно вовремя было уничтожено. Сохранился лишь немецкий перевод в архиве Вены.

О подлинном существовании письма и его немецком переводе, обнаруженном в Венском архиве и извлеченном оттуда в 1845 году Н.Г.Устряловым, не сомневались многие историки XIX века [3]. Однако проблема достоверности Бестужевского послания до сих пор не решена. Н.Г.Устрялов в свое время склонялся к мысли, что это подделка, компромат, изготовленный кем-то из врагов царедворца. Но смысл его заметок весьма расплывчат. Современные исследователи также расходятся во мнениях. Одни, например, М.Ю.Анисимов, принимают письмо как данность, другие пытаются разобраться в ситуации [4, 176]. Так, М.А.Емелина ставит под сомнение данные труда Устрялова, при написании которого он предпринял множество фальсификаций. Сама исследовательница делает предположение, что письмо А.П.Бестужева-Рюмина могло являться секретной миссией по поручению Георга I. Но прямых доказательств этому она не находит, основываясь лишь на факте секретных переговоров царских и британских дипломатов по вопросу о поддержке царевича Алексея английским королем как курфюрстом Ганновера и родственником Брауншвейгской семьи [5, 58].

Нам же представляется, что письмо к царевичу Бестужев, целеустремленный и решительный, действительно, мог написать, даже не имея поддержки влиятельных персон. Безрассудством он не отличался и прекрасно понимал, что действия представителя дома Романовых в 1716—1717 гг. расцениваются как государственная измена, равно как и помощь ему. Сомнительно и то, что «сознание своей силы рано побудило в нем честолюбивое желание выдвинуться возможно скорее, пользуясь разными «конъюнктурами» [6, 770]. На наш

взгляд, главная причина поступка молодого дипломата заключается в том, что у него к 1717 году уже сформировались твердые убеждения о многовековой системе власти в России и порядке наследования престола, которые представлялись неизменными. Именно царевич Алексей и его потомки воспринимались как истинные, законные продолжатели династии российских правителей, которые рано или поздно придут к власти. И если при правящем государе семья Бестужевых не была одной из самых влиятельных, то, возможно, в будущем удастся изменить положение.

Подтверждением высказанного предположения могут служить связи всей семьи Бестужевых с двором покойного царевича Алексея и поддержка кружком княгини Аграфены Петровны Волконской, урожденной Бестужевой, царевича Петра. Как отмечал С.М.Соловьев, «несчастный исход дела царевича не истребил в Бестужевых убеждения, что права сына Алексеева рано или поздно получат силу и что надобно держаться великого князя Петра, а также и венского двора, которого интересы были так тесно связаны с интересами родного племянника цесаревны» [1, 114]. В этом следует усматривать истоки некоторых внешнеполитических идей А.П.Бестужева-Рюмина.

Таким образом, допуская возможность написания дипломатом письма к царевичу, было бы ошибочным думать, что действовал он бездумно и беспринципно.

Примечания

1. Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1725—1740. Кн. X. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2002.
2. РГАДА. Ф. 6. Уголовные дела. Оп. 1. Д. 89-99.
3. Семевский М.И. Царевич Алексей Петрович, 1690—1718 // Русское слово. 1860. № 1. С. 23—24; Иловайский Д.И. Петр Великий и царевич Алексей // Русский архив. 1912. Кн. 3. № 9. С. 45; Пресняков А. Бестужев-Рюмин, граф Алексей Петрович // Русский биографический словарь. Т. 2. Алексинский — Бестужев-Рюмин. М., 1992. С. 770.
4. Анисимов М.Ю. Российский дипломат А.П.Бестужев-Рюмин (1693—1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6.
5. Емелина М.А. Русско-пруссские отношения во внешнеполитической «системе» А.П.Бестужева-Рюмина (1741—1750). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
6. Русский биографический словарь. Т. 2. Алексинский — Бестужев-Рюмин. М., 1992.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ

В последние годы возрос интерес к личности видного политического мыслителя Н.В.Устрялова, провозгласившего (после активного участия в лагере контрреволюции) идею сотрудничества национально-патриотических сил с большевиками во имя возрождения Отечества. В 1920—1930-е годы его «примиренческая» идеология оказалась не востребовавшей и только в наше время приходит понимание актуальности идей гражданского мира и общенационального согласия для успешного обустройства России. Обращение к малоизученному начальному периоду биографии Н.В.Устрялова (1890—1916 гг.), возможно, позволит выявить истоки его «примиренческого» выбора.

Николай Васильевич Устрялов родился 25 ноября (8 декабря по н.ст.) 1890 г. в Санкт-Петербурге, но детские и юношеские годы его прошли в Калуге. В окружении родных и близких людей, провинциальной русской природы формировалось в нем чувство любви к Отечеству. Заслуги предков (среди них известный русский историк Н.Г.Устрялов), воспитывают в нем чувство гордости, долга и ответственности за судьбу державы [1, 33]. В возрасте 13—14 лет у гимназиста Николая Устрялова пробуждается интерес к политике — под влиянием гимназической среды, чтения газет и журналов, предреволюционной атмосферы в обществе. Во время Русско-японской войны Николай по газетам ежедневно следил за военными действиями; мечты о победе и глубокие переживания от поражения России формируют его патриотическое сознание. Первая русская революция способствовала политическому самоопределению Устрялова. Он «с чувством отвращения» относится к социалистам и революционерам за их призывы к насилию, но у него же рушилась и вера в справедливость монархии [1, 406; 2, 31—47]. Политическим настроениям Николая был близок «Московский еженедельник», издававшийся Е.Н.Трубецким, в котором пропагандировались идеи умеренного либерализма.

В университетские годы (1908—1913) на политическое сознание Николая Устрялова значительное влияние оказали праволиберальные идеи П.Б.Струве и сборника «Вехи». Струве определил стратегическую задачу для соотечественников: укрепление и наращивание государственной и хозяйственной мощи страны, примирение между властью и народом, собиравание всех положительных общественных сил во имя строительства «Великой России» [3, 50—70, 80—88, 115—116, 156—164, 170—172]. Идеи П.Б.Струве находят живой отклик в душе Устрялова. Влияние Струве особенно проявится в первых публикациях молодого

публициста, пронизанных активной пропагандой идеи «Великой России» [4, 1—5]. Авторы «Вех», подвергнув критике русскую интеллигенцию, провозгласили задачу укрепления государственных начал, объединения усилий власти и общества во имя могущества державы. Сборник оставил глубокий след в умах интеллектуалов, в том числе Николая Устрялова, считавшего себя воспитанником «Вех» [5, 47; 1, 14].

В университете Устрялов с увлечением занимается философией. Особенно его занимают идеи Гегеля — об особой роли государства на земле, диалектическом восприятии мира, «Мировом разуме», влияющем на историю человечества [4, 2, 4, 5; 5, 12]. Диалектический метод позволит Устрялову принимать мир во всем его многообразии и противоречивости, поможет ему переосмыслить свое отношение к революции, белому делу и советской власти. «Причудливая диалектика истории», согласно его выводу, превратит большевиков в «национальное правительство», а белое движение — в силу, ослабляющее Отечество. Благодаря диалектике Устрялов обнаружит закономерность в смене эпох. Она же поможет политику увидеть историческую преемственность между «национальной» и «большевистской» Россией, принять революцию, большевиков и инициировать «примиренческую» идеологию [5, 6—7, 43—46, 53—55].

Большое воздействие на его сознание оказывает творческое наследие мыслителя Вл. Соловьева. Формулируя идеологию «примирения» он вероятно, старался соловьевскую идею Синтеза перевести из религиозно-философской области в плоскость политической практики [6, 61—115]. На формирование мировоззрения Устрялова оказал влияние также профессор С. А. Котляревский, рекомендовавший ему всегда оставаться быть реалистом, и, прежде всего, в политике. Устрялов начинает воспринимать область политики как изменчивую категорию, в которой нет постоянных врагов и друзей. Политика, напишет впоследствии он, «вообще не знает вечных истин», в ней все зависит от «реального соотношения сил» [5, 19—20].

Таким образом, в начальный период жизни у Николая Устрялова сформировалось праволиберальное мировоззрение и утвердилось главное жизненное кредо: в политике допустимы любые компромиссы и тактические альянсы, неизменной категорией должно быть лишь Отечество, его укрепление и защита. Этим он будет руководствоваться в последующие годы. «Неподвижен лишь принцип родины» [5, 20], — напишет Н. В. Устрялов в 1920 году, призывая интеллигенцию к «смене вех» и провозглашая политику «примирения» с новой властью. Идеи сохранения, защиты и укрепления Отечества для него были главной ценностью.

Примечания

1. Устрялов Н. В. Наша генеалогия // Под знаком революции. Харбин, 1927.

2. Устрялов Н.В. Былое — Революция 1917 г. Воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил 2000.
3. Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
4. См.: Устрялов Н.В. К вопросу о русском империализме // Проблемы Великой России. (М.). 1916. № 15.
5. См.: Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Сб. ст. Харбин, 1920.
6. См.: Устрялов Н.В. Пути синтеза // Наше время. Шанхай, 1934.

Ю.В.Савинова

г.Владимир

*Владимирский государственный университет
им. А.Г. Н.Г.Столетовых*

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В первой половине 19 века домашнее образование получило широкое распространение в семьях провинциального дворянства и отражало благосостояние и культурный уровень родителей. Дворянам вполне хватало средств и возможностей для обеспечения своим детям всех условий для получения хорошего воспитания и образования. Домашнее образование позволяло молодым дворянам без особого труда поступать в различные военные и учебные заведения, т.к. за время обучения они осваивали по несколько языков, разбирались в новомодных философских течениях и узнавали как себя вести в любых ситуациях.

Забота о будущем дворянина начиналась еще до его рождения. Мать ребенка ограждали от светской суеты, от волнений, она много отдыхала, гуляла по саду имения, читала и занималась рукоделием, а все ее мысли должны были быть только о ребенке. Рождение и воспитание детей являлось основным долгом и целью жизни молодой девушки. Отец выбирал для ребенка род занятий, записывал его на военную службу в солдаты, чтобы ко времени его взросления молодой дворянин имел военное звание. Воспитание девочек полностью ложилось на плечи матери, нянек и гувернанток. С малолетнего возраста родители начинали заниматься воспитанием и образованием ребенка.

Отец и мать приучали детей к семейным традициям, как например регулярное совместное принятие пищи за общим столом. В усадьбах создавались огромные библиотеки с подборкой книг для детей, шедеврами мировой литературы и прежде всего романы, которые в 19 веке имели небывалый успех, также в моду вошли «Записки о воспитании», которые писали отцы для своих детей [1, 55]. Не редко первыми наставниками для детей были сами родители, «учили детей писать, словами и примерами образовывали сердце» [2, 187].

Какими бы беззаботными не казались детские годы дворянских детей, это было не совсем так. С четырех лет в ребенке начинали формировать религиозно-нравственные основы, их приучали к молитве, приобщали к церковным традициям, в особой, доступной форме рассказывали о Боге и Святых. «Мысль о Божестве была одною из первых его мыслей. Нежная родительница наилучшим образом старалась утвердить ее в душе», — пишет Н.М.Карамзин в повести «Рыцарь нашего времени» [3, 228].

В возрасте семи лет начиналось преподавание ребенку арифметики, чтения, музыки, не забывали и о физической нагрузке. Специально для этого в имение на работу нанимались учителя. В 19 веке особенно модно было пригласить к ребенку в педагоги иностранца. Чаще всего это были французы или швейцарцы, реже немцы и англичане. Так в первой половине 19 века плата иностранному гувернеру варьировалась от 50 до 150 рублей в год [4, 60]. Иностранцы очень добросовестно относились к своей работе «с честью и успешно исполняли свои обязанности, отдавшись им по призванию и неся их с полным достоинством» [3, 229].

Выбор предметов изучения зависел от квалификации педагога и от желания родителей, так больший упор в изучении мог делаться на военные науки или же на углубленное изучение иностранных языков. Из общеобразовательных предметов были древние и новые языки, всеобщая и русская история, география, физика, арифметика, словесность, музыка, рисование. Уроки не всегда носили формальный характер, а могли представлять собой прогулку по парку с поучительной беседой, всевозможные экскурсии или рисование пейзажей усадьбы.

Дети наиболее богатых дворянских родов вплоть до 1840-х годов домашнее образование завершали длительным заграничным путешествием под руководством иностранных гувернеров. Часто представители среднепоместного дворянства, не имея возможности нанять хороших учителей, по достижении ребенком 12 лет переселялись с ним в Москву или отправляли его туда к родственникам. Получив достойное домашнее образование, молодые люди могли продолжить свое обучение в гимназиях и университетах.

Изучая данный вопрос, многие исследователи пришли к выводу, что дворянское воспитание — это не педагогическая система, не особая методика и не свод каких-либо правил. Это образ жизни, стиль поведения, одежды. Это усваивалось сознательно, а отчасти и бессознательно, путем привычек и подражания. Это традиции, которые не обсуждают, а соблюдают [5, 126—128].

Таким образом, провинциальная дворянская усадьба первой половины 19 века была прекрасным местом для воспитания и образования достойных дворян, блестящих представителей «золотой молодежи».

Примечания

1. Рогушина Л.Г. Особенности общественной жизни в царствование Александра I // Клио. Санкт-Петербург. 2009. № 4(47).
2. Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М.: Молодая гвардия, 2006.
3. Барашев М.А. Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины 18 — начала 19 века // Вопросы образования. 2010. № 1.
4. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М.: Вече, 1995.
5. Авилова Н.Л., Ковалева Т.В. Провинциальная дворянская усадьба как уникальное явление российской истории и культуры // Известия государственного технического университета. 2005. № 1.

Ю.Ю. Самаркина

г. Владимир

*Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛАХ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-е гг.

С приходом советской власти в школах Владимирской губернии, так же как и по всей России начался процесс антирелигиозного воспитания детей в школах.

Процесс отделения школы от церкви начался еще в 1918 году, после выхода декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Важнейшей задачей Наркомпроса РСФСР, названного М.Н.Покровским «особым аппаратом идейной диктатуры пролетариата», в 1920-е гг. стало составление новых программ преподавания и увязывание их с антирелигиозным воспитанием. Государственный ученый совет, образованный в Академическом центре Наркомпроса на правах секции, поначалу выполнял задачи по теоретическому и программному руководству высшей школой.

В отличие от дореволюционного Закона Божия антирелигиозное воспитание и образование в 1920-е гг. не сосредоточивалось в отдельной учебной дисциплине, не имело четкой структуры и распределялось по отдельным направлениям путем разнообразных воспитывающих и образующих форм и приемов педагогического воздействия в антирелигиозном ключе, и главное, через наполнение преподаваемых курсов (комплексов, учебных дисциплин) противоположным и отрицательным по отношению к религии содержанием. Кардинальный пересмотр содержания учебных дисциплин был по настоящему революционным в школьной политике 1920-х гг., в корне меняющим взгляд, как на саму учебную дисциплину, так и на ее место и роль в системе школьного преподавания [1].

Школьники с 8-ми лет имели возможность вступить в ряды юных воинствующих безбожников, нужно отметить, что для этого создавались специальные группы, а вообще вступить в СВБ можно было с 14-ти лет [2].

Во Владимирской губернии согласно постановлению общего собрания 21 ноября 1924 г. возбуждают ходатайство об использовании церкви под школы, помещений культурно просветительных, ликвидации неграмотности и т.д. [3]. После этого храмы активно стали использовать под школы и открывать в них кружки по ликвидации неграмотности. В таких «учебных заведениях» в особенности было удобно вести атеистическую пропаганду. Существование церковной общины верующих в данном случае совсем не предусматривалось, храм полностью отбирался у верующих под любыми предлогами, основной причиной служило то, что нахождение культовых учреждений в непосредственной близости от культурно просветительных учреждений не желательна [4].

Так же имеется ряд случаев во Владимире, Коврове и Суздале, когда находившееся вблизи храма кладбище было уничтожено, по причине того что в храме стала располагаться школа и на глазах детей периодически происходило отправление религиозных культов. Еще в первые годы советской власти, Иисус Христос рассматривался учителями как историческая личность, но потом история из преподавания в школах была исключена. Заместитель наркома просвещения М.Н.Покровский был инициатором изъятия из школы истории как отдельного предмета и введения в курс обучения обществоведения и политграмоты. Он считал, что религиозные верования в новом курсе должны объясняться как «невежественное истолкование материальных фактов» и как орудие эксплуатации» [5].

В системе Наркомпроса РСФСР антирелигиозным воспитанием в школе, прежде всего, занималась коллегия наркомата. На ее заседаниях обсуждались и принимались решения о практической реализации политических решений. За научно-педагогическую, идеологическую сторону содержания школьных программ отвечала научно-педагогическая секция Государственного ученого совета. Одно из главных управлений Наркомпроса РСФСР — Главсоцвос и его школьный отдел, отвечали за реализацию содержания образования и его уровень в целом (утверждение и подготовка к печати школьных программ).

С 1917 г. отечественная педагогика развивалась в русле исключительно антирелигиозной парадигмы, основанной на отторжении и отрицании православной педагогики, всякого религиозного образования — обучения и воспитания в форме отдельных уроков Закона Божия или усиления религиозными моментами в первую очередь гуманитарных дисциплин. Отрыв науки воспитания от ее религиозных корней в советской педагогике был изменой делу воспитания и обманом учащихся и их родителей. Однако характерно, что светская педагогика, лишенная в советский период религиозно-христианских начал, в настоящее время возвращает в поле исследований православную и христианскую педагогику, онтологически присущую самому процессу обучения и воспитания.

В 1920—1930-е гг. была заложена традиция искаженного понимания светского государственного образования как атеистического и антирелигиозного. В школах Владимирской губернии учебный процесс осуществлялся в рамках атеистической парадигмы, и влияние этого процесса мы наблюдаем и по сей день.

Примечания

1. Синельников С.П. Антирелигиозные основы воспитания в советской школе в 1920-е гг. // URL: <http://www.pravoslavie.ru>
2. Слезин А.А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9.
3. ГАВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1051. Л. 78.
4. ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 58. Л. 358.
5. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917—1927 гг.: Становление «нового человека»: монография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

А.А.Семенова

г.Саратов

*Поволжская академия государственной службы
им. П.А.Столыпина*

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: Г.П.ФЕДОТОВ И И.И.БУНАКОВ-ФОНДАМИНСКИЙ

В истории Русского Зарубежья есть два достаточно хорошо известных имени. Представляется при этом, что жизненный и творческий путь каждого из них обогатится хотя бы несколькими важными штрихами, если предметом специального рассмотрения станет вопрос об их взаимоотношениях, ранее не поднимавшийся в специальной литературе. Мы имеем в виду, во-первых, историка, религиозного философа и публициста Г.П.Федотова (1886—1951) [1], а, во-вторых, издателя и общественного деятеля Илью Исидоровича Бунакова-Фондаминского (1880—1942) [2].

В эмиграцию они шли разными путями. Родившийся в еврейской купеческой семье в 1880 г. в Москве, И.И.Бунаков-Фондаминский изучал философию в университетах Берлина и Гейдельберга, а с 1902 г. стал видным деятелем партии эсеров. В 1906—1917 гг. жил во Франции. После Февраля 1917 г. вернулся в Россию, был избран в состав Учредительного собрания, но в кульминационный период Гражданской войны весной 1919 г. навсегда покинул Россию, обосновавшись в хорошо знакомом ему Париже.

Г.П.Федотов, сын управляющего саратовского губернатора, закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В период Первой русской революции оказался в рядах большевиков, но к 1917 г. расстался в революционными идеями, придя к глубокой вере в Бога. После безуспешных попыток найти себя в Советской России, он в 1925 г. эмигрировал во Францию.

Г.П.Федотов вспоминал: «Я никогда не встречался с Бунаковым-Фондаминским в России. Лишь отголоски его легенды Лассалья, Непобедимого — долетали до меня в далекие годы первой революции. Познакомился я с ним в Париже, вскоре по моем приезде туда, в эмиграцию, в самом конце 1925 — начале 1926 года. Не могу сказать, при каких обстоятельствах наше знакомство произошло [3], но с тех пор, как помню себя в эмиграции, вижу себя в уютной столовой Фондаминских за чашкой чая, среди немногих гостей, или в кабинете Ильи Исидоровича в беседе с хозяином, почти всегда деловой или идеологической, почти всегда связанной с одним из его многочисленных литературных или общественных предприятий» [4, 317].

И.И.Бунаков сыграл очень важную роль в эмигрантской судьбе Г.П.Федотова. Именно он открыл Федотову возможность выступать на страницах популярного в эмиграции альманаха «Современные записки». Один из его редакторов М.В.Вишняк вспоминал, что только по настоянию И.И.Фондаминского вопреки возражениям коллегии «страницы «Современных записок» были открыты не только Федотову-литератору, а и Федотову-публицисту» [5, 245—246]. Самым важным совместным их делом было издание журнала «Новый Град», на страницах которого были опубликованы статьи, рецензии и заметки более сорока известнейших авторов русской эмиграции. По задумке издателей целью журнала стало знакомство читателей со всем богатством интеллектуальной и духовной жизни русской эмиграции [6].

Не менее плодотворным было сотрудничество Г.П.Федотова и И.И.Фондаминского в сфере общественной деятельности. Писатель-эмигрант В.С.Яновский так характеризовал их сотрудничество на этом поприще: «Фондаминский ежедневно затевал новое эмигрантское объединение, а идеологически его оформлять должен был все тот же Георгий Петрович» [7, 53—54]. Наиболее значимой была их работа в рамках Русского Студенческого Христианского движения, благотворительной организации «Православное дело», религиозно-философского общества «Круг».

Вторая мировая война навсегда разлучила Г.П.Федотова и И.И.Фондаминского. Нельзя при этом не отметить, что именно в это время их дружба оказала решающее влияние на судьбы обоих. Семье Г.П.Федотова удалось вырваться из оккупированной фашистами Франции благодаря помощи Американского еврейского рабочего комитета. Еврей И.И.Фондаминский, имевший ту же возможность, не воспользовался ею под влиянием религиозно-мировоззренческих убеждений, которые формировались в течение долгого времени, отмеченного тесным общением с Г.П.Федотовым.

Вопрос об отъезде из Франции стал их первым разногласием за долгие годы. Е.Н.Федотова вспоминала слова И.И.Фондаминского: «Неужели Вы не понимаете, что то, о чем мы писали, ... все это делалось во имя Христа, для христианства. Почему Вы не хотите, чтобы Георгий Петрович пострадал за Христа?» [8, 28]. 22 июня 1941 г. И.И.Фондаминский был арестован и заключен в лагерь Компьень, где 20 сентября 1941 г. был крещен в православие. В 1942 г. он погиб в Освенциме.

Незримая связь между Г.П.Федотовым и И.И.Фондаминским сохранилась после смерти последнего. В 1948 г. Федотов высказал мысль о возможной канонизации своего друга [9]. Это пророчество в 2004 г., когда Фондаминский был канонизирован Константинопольским Патриархатом как святой мученик.

Примечания

1. О нем см. подробнее: Федотова Е.Н. Георгий Петрович Федотов // Федотов Г.П. Собр. Статей в 6 т. Париж, 1988. Т. 1: Лицо России. С. 1—34; Бойков В.Ф. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г.П.Федотова) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 3—39; Зайцева Н.В. Логика любви: Россия в историко-софской концепции Георгия Федотова. Самара, 2001; Гальямичева А.А. Георгий Петрович Федотов: жизнь и творческая деятельность в эмиграции. Саратов, 2009 и др.

2. О нем см. подробнее: Федотов Г.П. И.И. Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. № 18. С. 317—329; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997; Жабa С. За други своя // Вестник РХД. 1980. № 131. С. 328—330.

3. Е.Н.Федотова сообщает, что ее и Георгия Петровича знакомство с И.И.Фондаминским произошло на V съезде Русского Студенческого Христианского движения в Клермоне в сентябре 1927 г. См.: Федотова Е.Н. Указ. соч. С. 22.

4. Федотов Г.П. И.И.Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. № 18.

5. Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. Indiana University Publications graduate School Slavic and East European Series. Vol. 7. 1957.

6. «Новый Град» издавался с 1931 по 1939 год. Третьим его издателем был философ и публицист Федор Августович Степун.

7. Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб., 1993.

8. Федотова Е.Н. Георгий Петрович Федотов // Федотов Г.П. Собр. Статей в 6 т. Париж, 1988. Т. 1: Лицо России.

9. «Он, действительно, был праведником и в христианском, и в светском смысле этого слова; а умер мучеником» (Федотов Г.П. И.И.Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. № 18. С. 317).

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЛАСТИ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

В 1917—1930-е гг. новой властью, наряду с новыми принципиальными установками, методами и формами, был частично использован дореволюционный опыт государственной управления как отдельными направлениями развития научно-технической сферы, так и в осуществлении индустриализации в целом. Стратегические планы индустриального развития страны предлагались ведущими учеными еще до революции. Так, Д.И.Менделеев настаивал на форсированном развитии тяжелой промышленности, на необходимости осваивать и экспортировать сырьевые ресурсы, приближать нефтеперерабатывающие производства к потребителям нефтепродуктов, был уверен в важности реорганизации Академии наук, высшей технической школы, их финансовой поддержке со стороны государства при одновременном предоставлении большей свободы научной и образовательной сферам [1]. По мнению В.И.Вернадского, «научная, исследовательская работа всегда является необходимым элементом высшего образования» [2, 260]. Еще 18 декабря 1916 г. на заседании Комиссии по изучению естественных производительных сил, которую он возглавлял в течение многих лет, была выдвинута идея о создании государственной сети исследовательских институтов, реализованная уже в советское время. В.И.Вернадский являлся одним из разработчиков плана ГОЭЛРО [3].

Концептуальные основы государственной политики в научно-технической сфере получили свое развитие в послеоктябрьский период в работах В.И.Ленина. Одной из определяющих политику большевиков в научно-технической сфере стала работа «Набросок плана научно-технических работ», в которой были сформулированы важнейшие задачи. В.И.Ленин предлагал внимательнее относиться к дореволюционному опыту и специалистам: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, которые находятся в руках специалистов и в их головах» [4, 462]. Особое значение он придавал координации работ и планированию в научно-технической сфере [4, 462]. В.И.Лениным не только обеспечил жизнедеятельность Академии наук как особого самостоятельного научного учреждения, но она была трансформирована в систему исследовательских учреждений. Более того, только в 1918 г. было организовано 33 научно-исследовательских института [5, 59—66]. В 1922 г. АН были предоставлены налоговые льготы. Этот курс в отношении Академии поддерживался и после смерти В.И.Ленина до 1929 г.

27 июля 1925 г. было принято специальное Постановление ЦИК и СНК СССР, определявшее АН СССР как высшее всесоюзное научное учреждение при непосредственном ее подчинении СНК [6]. В 1927 г. был утвержден Устав Академии наук СССР, котором утверждалась выборность на всех уровнях, гласность.

Определенная часть специалистов признавала заслуги персонально В.И.Ленина, ради сохранения творческой, научной деятельности, идеи созидания инженерно-технической интеллигенция пошла на политический компромисс [7, 15]. «Надежда на позитивную трансформацию режима стали основой широко распространенных в интеллигентской среде в период нэпа достаточно разнородных «сменовеховских» настроений. Для представителей технической интеллигенции поиск общей основы для сотрудничества с Советской властью облегчался присутствием им глубокой уверенностью в необходимости научно-технического прогресса русского общества. По убеждению специалистов, восстановление и дальнейшее развитие промышленности уже само по себе должно было способствовать возвращению общественных процессов в нормальное русло», — убежден исследователь М.В.Зелев [8, 47].

Но правы и те исследователи, которые указывают на весьма сложный характер взаимоотношений власти и инженерно-технической интеллигенции. Научное и вузовское сообщество относилось к тем слоям населения, которые особенно остро ощутили ухудшение качества жизни: ряд вузов и факультетов был закрыт, ученые, преподаватели, технические специалисты часто были лишены стабильного дохода, имеющиеся до революции накопления исчезли. Нормирование продовольствия по классовому признаку в годы гражданской войны и голода 1921—1922 г., поставили научную и инженерно-техническую интеллигенцию на грань физического выживания. Была подорвана власть ее представителей на производстве, очень противоречивыми были настроения инженеров и техников, наблюдающих за, подчас, некомпетентными руководителями, вынужденных выполнять часто нерациональные распоряжения. В подобной социальной среде трудно было надеяться на широкое распространение коммунистических убеждений. В 1927 г. в СССР насчитывался всего 751 инженер-коммунист [9, 162—163]. Всероссийская ассоциация инженеров (ВАИ) занимала подчеркнуто аполитичную позицию, определяя своей задачей активное содействие развитию производительных сил России, что явилось ярким выражением технократических устремлений специалистов в 20-е гг.

С точки зрения исследователя В.С.Соболева, причиной многих конфликтов и противоречий между властью и интеллигенцией в послеоктябрьский период во многом являлась «физическая неспособность» руководителей Наркомпроса разрешить все проблемы, возникающие в сфере науки, образования и просвещения [10, 128—129]. А.В.Луначарский предрекал отмирание интеллигенции [11] и призывал пролетариат «завоевать высшую школу для себя всю, от кафедры до последнего места в лаборатории» [12]. Но реальность продемонстрировала невозможность «подъема и рационализации хозяйства» без специалистов.

Таким образом, пережив революционный 1917 г. и гражданскую войну, значительная часть российских интеллигентов осталась на Родине и разделила свою судьбу с народом. Новая власть, поддерживая материально науку, ученых, открывая новые научные учреждения, сумела увлечь инженерно-техническую интеллигенцию идеей культурной революции и индустриального возрождения страны. Одновременно власть относилась к интеллигенции в целом настроенно и осуществляла программу замены старой интеллигенции новой, лояльной.

Примечания

1. См.: От химии к политической экономии: Д.И.Менделеев как обществовед // Исследователь. Научно-методический журнал. 2009. № 1 (1). URL: http://ir.redu.ru/article/Lyudi_nauchnogo_poiska/21 (дата обращения: 24.10.2011).
2. Вернадский В.И. Задачи высшего образования нашего времени // Начало и вечность жизни. М., 1989.
3. См.: Бастракова М.С. Академия наук и создание исследовательских институтов (две записки В.И. Вернадского) [Электронный ресурс] // Вопросы истории и естествознания техники. 1999. № 1. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/CREATE.HTM> (дата обращения: 10.06.2011).
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1977. Т. 41.
5. См.: Нагапетян Н. Организация инновационного процесса // Экономист. 2008. № 6.
6. Постановление ЦИК и СНК СССР о признании Российской Академии наук высшим научным учреждением Союза ССР // Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925). Сборник документов. Л., 1968. С. 203. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist-books/nauka1917-25.pdf> (дата обращения: 15.06.2011).
7. Гараевская И.А. Российская инженерно-техническая интеллигенция (конец XIX — 30-е годы XX вв.). Краткий исторический очерк. М., 1992.
8. Зелев М.В. Инженерно-техническая интеллигенция Среднего Поволжья в 1928—1941 г. Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2001.
9. Николаев А.Н. Исторические аспекты становления российской технократической элиты (1917—1996): Дис. ... д-ра исторических наук. Саратов, 1996.
10. Соболев В.С. Деятельность Российской Академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия в переломную эпоху развития России (1890—1930): Дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 1995.
11. Судьбы современной интеллигенции. М., 1925.
12. РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 192. Л. 12.

Н.Н.ОГЛОБЛИН О ПОПЫТКАХ НАРОДНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ПРИАМУРЬЯ В XVII в.

Видный российский археограф Николай Николаевич Оглоблин родился в 1852 г. в Киеве, прошел обучение в киевской духовной академии и Археологическом институте. Он изучал документы по истории Сибири XVII—XVIII веков, напечатал и отдельно, и в журналах свыше ста статей, заметок, сообщений и мелких исследований. Н.Н.Оглоблин был удостоен Академией наук премии И.М.Сибирякова, специально предназначенной для работ, посвященных Сибири. В исследованиях ученого затронуты и вопросы бунтов в Азиатской России XVII века, их причины и последствия с точки зрения обывателей того времени.

В некоторых работах Н.Н.Оглоблин коснулся прошлого Амурского края, выделив при этом бунты и заговоры. По свидетельству ученого, за период принадлежности Приамурья Российскому государству (с начала 1650-х до 1689-х гг.) многие эпизоды истории этого региона, отмечены немалыми жертвами.

Как отмечал Н.Н.Оглоблин, благодаря тому, что Амурский край был богат пушниной, промышленные, служилые и гулящие люди возвращались оттуда с неплохой добычей, часть которой получали, притесняя инородцев. В то же время, как отмечает исследователь, расходы правительства по управлению краем соответствовали получаемым там немалым доходам [2, 121].

Так, имущество «даурского передовщика» Е.Хабарова значительно возросло после выезда с Амура, но уменьшилось после поездки в Москву. Н.Н.Оглоблин отмечает, что именно в XVII в. в Восточной Сибири появляются промышленные и торговые семьи, история которых продолжалась впоследствии [2, 122].

Сведения о богатствах новооткрытого края были сообщены В.Поярковым (1643—1644 гг.) и Е.Хабаровым (1649—1653 гг.) населению Якутского, Илимского и Красноярского уездов. Эти сведения вызвали большой интерес и сопровождались призывами к переезду для житья в богатую землю. За рассказами последовали отдельные и массовые попытки переезда людей. Часто, как показывает Н.Н.Оглоблин, они сопровождались гибелью тех, кто не успел достигнуть нового края. Были случаи и присоединения «амурщиков» к вольным «воровским полкам» [1, 205].

Первый побег на Амур произошел в 1653 г., когда под начальством служилых людей П.Кислого и В.Черкашенина около 300 человек выдвинулось в сторону Амурского края. Как показывает ученый, в отряд вошли 27 служилых людей Верхоленского острога, 10 илимских крестьян, остальными были промышленные и гулящие люди Илимского и Якутского уездов. По пути к Амуру отряд не единожды притеснял и грабил местное население [1, 206—207].

Другой поход (1654 г.) служилых людей под предводительством Д.Егорова и Ф.Барана закончился неудачно — поимкой и наказанием вышеупомянутых зачинщиков. Согласно отписке, направленной воеводой Б.Оладыным царю (1655 г.), побеги на Амур участились, и число отсутствующих служилых составляло порядка 1 500 человек. Оладын сообщал царю о путях, которыми сбежали люди в Даурскую землю, и жаловался на невозможность их удержать.

Н.Н.Оглоблин приводит сведения из челобитных дел жителей Илимска, которые жаловались на тяготы службы в этом городе, на отсутствие средств на дворовое строение и «селитьбу». В челобитных содержались также жалобы на трудности судебного дела, которое, по замечанию Н.Н.Оглоблина, стало причиной бунта под руководством М.Сорокина [1, 208].

Исследователь выделяет данный случай, выглядевший как стихийное движение илимских служилых людей под руководством атамана М.Сорокина. Бунт «воровского полка» Сорокина произошел в 1655—1656 гг. и охватил практически всех служилых людей Илимска. Зачинщики бунта ставили целью высвободиться от власти государевых воевод и самостоятельно служить в Амурском крае. Сохранилось илимское сыскное дело, содержащее наряду с другими документами отписки илимского воеводы стольника Б.Д.Оладына, грамоты ему, воеводские «сыски» о бунте и челобитные служилых людей [1, 206].

Отправленный в Верхоленский острог весной 1655 г. отряд под предводительством М.Сорокина состоял из ленских, илимских и якутских служилых людей. Отряд был направлен самим воеводой Оладыным, и практически сразу после прибытия, в нем начались волнения. В отряде М.Сорокина, по указанию Н.Н.Оглоблина, был казак К.Донщина, как и другие, занимавшийся постройкой судов на реке Тутуре. Собрав единомышленников, М.Сорокин постарался обезвредить приказного человека атамана Н.Качина, угрожая ему смертью в случае предупреждения воеводы о побеге «амурщиков» [1, 208—209].

М.Сорокин и Ф.Мещеряков самовольно захватили 25 апреля 1655 года знамя Верхоленского острога в часовне святого Никола Чудотворца. Взяв знамя на площадь острога, М.Сорокин организовал крестоцелование и присягу о вступлении в отряд «даурцев». Как отмечает ученый, многие казаки вступили в отряд насильно. Организацией побега М.Сорокин со своими сторонниками занимался до 11 мая 1655 г. [1, 210—211].

Ядром отряда М.Сорокина стали 53 служилых человека, среди которых, как отмечает Н.Н.Оглоблин, третья часть носила малорусские фамилии. Среди трех сотен человек из отряда Сорокина было 20 пашенных илимских крестьян, два ямских охотника, торговые и промышленные люди, бежавшие из Илимского, Якутского и других уездов, иногда даже полностью захватив всю свою семью. К отряду Сорокина вскоре примкнул отряд со служилыми людьми и его брат Я.Сорокин. Главными помощниками Сорокина, по сведениям Н.Н.Оглоблина, были казаки Ф.Краснояр и К.Донщина.

Двинувшийся по реке Тутуре полк Сорокина 11 мая 1655 г., по пути грабил зажиточное население, уничтожал государевых людей, оказывающих сопротивление отряду [1, 212—213].

Остановившись в Усть-Кутском зимовье, отряд захватил казну, оружие и имущество местных торговых людей. Среди людей, которые подверглись здесь ограблению, были подьячий В.Якунин, илимский казак Б.Аношинцов, служилый человек П.Федоров, якутский воевода стольник Ф.С.Лодыженский. Как писал Н.Н.Оглоблин, сохранились челобитные с жалобами на ограбление с приложением росписей утерянного имущества.

Получив весть о побеге «даурцев», воевода Б.Д.Оладыин стал принимать меры. Его положение осложнялось отсутствием служилых людей, бежавших с Сорокиным. Оладыин отправил отписки в Москву и Якутск, предупредил о приближении отряда местных жителей, произвел сыск по факту побега. Отписки, посланные им в Москву, содержали рассказ о нехватке служилых людей и плачевном финансовом положении уезда по этой причине (необработанность государственной пашни, отсутствие мыловара, мельника, плотника и других людей на государственной службе). Иногда эти отписки сопровождалась подписями илимских служилых людей (однажды — 94 человек, считавших после побега отряда Сорокина, службу сильно затрудненной). В ответ на сообщения Оладыина из Сибирского приказа поступила грамота с одобрением принятых Оладыиным мер и предписанием поймать беглецов, наказать их и вернуть на свои места.

Сыск о бунте по указанию Оладыина проводили среди других служилых людей подьячий И.Левонтьев и Т.Тарской.

Как констатировал Н.Н.Оглоблин, судьба беглецов известна только отчасти. Согласно отписке, оставленной приказным человеком Даурской земли О.Степановым, в июле 1655 г. в верховьях Амура произошел раздор между государевыми служилыми и людьми из отряда Сорокина. До Даурии дошли всего около 40 человек из «Сорокинского» полка. По пути сюда они оставили след в виде ограбленных городов, разоренных домов, убитых инородцев [1, 214—229].

Нередкими были не только побеги на Амур, но и ложные изветы об «амурщиках». Так, в 1687 г. прапорщика Даурского полка П.Разичку обвинили в «измене», заподозрив его в попытке бегства на Амур. Делу П.Разички способствовал донос прапорщика полка полковника В.Кучюмова в адрес воеводы Ф.А.Головина [2, 122]. После «сыска» П.Разичка был оправдан, а В.Кучюмов наказан.

Сыск о нерчинском заговоре, по свидетельству Н.Н.Оглоблина, свидетельствует о желании сибирских служилых и гулящих людей отделиться от воевод и переселиться в Амурский край. Сыск был проведен в 1700 г. нерчинским воеводой И.С.Николаевым. Донос о заговорщиках Николаеву поступил 2 апреля 1700 г. от промышленного человека Г.Попова [2, 123]. В число заговорщиков, перечисленных Г.Поповым и заключенных вскоре в тюрьму, вошли сын боярский Н.Мара, гулящий человек И.Заплеск и казачий пятидесятник А.Плотников. Пытки воеводой Николаевым заговорщиков выявили и других их сторонников [2, 124].

Так, Н.Мара рассказал о готовящемся конным казаком В.Пешковым с товарищами заговоре против воеводы. Другим зачинщиком заговора был промышленный человек Ф.Лебединый, называвший Пешкова атаманом и заявившим о трехлетней давности заговора [2, 125].

В результате сыска были выявлены и причастные к заговору Я.Пономарев и А.Дубровин. Последний обвинялся также в поездке к заговорщикам в Удинск. Участники заговора сообщали о тайном призыве удинцев к переезду в Нерчинск. Для этого им следовало ограбить караван купчины Г.Бокова, захватить его суда, оружие, а потом направиться в Нерчинск с целью ограбить Николаева и других зажиточных горожан [2, 126]. Затем заговорщики планировали отправиться на Амур по реке Шилке, дорогой разоряя другие русские заимки.

Как показывает исследователь, нерчинские заговорщики пытались приобрести и других союзников. Так, казаки Аргунского острога были приглашены участвовать в ограблении торговых людей, возвращающихся из Китая. Однако о нерчинском заговоре стало известно в Москве, сговор с аргунскими казаками не состоялся.

Н.Н.Оглоблин показывает, что нерчинские заговорщики, собравшиеся в избе казака И.Чмутина, решили начать действовать весной, в не зависимости от поддержки удинцами. И Чмутин и И.Нечаевский были главными заговорщиками, посаженными в тюрьму. Однако И.Нечаевскому удалось бежать из заключения. Одна фамилия заговорщиков (Л.Кочмарев) не прослеживалась по документам о сыске, видимо, по причине того, что Л.Кочмарев числился в «товарищах» у Николаева [2, 127].

По свидетельству Н.Н.Оглоблина, к заговору привлекли много лиц, часть которых не имела к нему никакого отношения. Ученый называет нерчинский заговор народным движением и раскрывает планы отдельных заговорщиков по заселению Амурского края — временному, как у В.Пешкова, либо постоянному. Сыск о заговоре обнаружил случаи предварительного посещения некоторыми причастными к нему лицами Амурского края. Так, Ф.Лебединый побывал не только там, но и на Сахалине, на Курильских и Японских островах, что относит открытие русскими Сахалина еще к третьей четверти XVII столетия [2, 128].

Посредством допроса заговорщиков, указывает Н.Н.Оглоблин, были выявлены и их планы по истреблению инородцев и дальнейшему утверждению в Амурском крае.

Все побегии на Амур практически закончились после выявления заговора, которому способствовал донос торгового человека Г.Попова [2, 129].

Как утверждает ученый, русских привлекали богатства Амурского края и даже позднее, после Нерчинского мира 1689 г. [1, 224]. Стихийные побегии на Амур, как показывает Н.Н.Оглоблин, были заразительны и вызывали немало подражателей еще много лет.

Литература

1. Оглоблин Н.Н. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М.Сорокина (Очерк из жизни XVII в.) // Русская старина. 1896. № 1.
2. Оглоблин Н.Н. Нерчинский заговор о побеге на Амур и на острова Восточного океана (Очерк из жизни XVII в.) // Русская старина. 1896. № 10.

Ю.Н.Смирнов

г. Самара

Самарский государственный университет

ИНДИЙСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1730-х ГОДОВ

Оренбургская экспедиция (затем комиссия) в 1734—1744 гг. стала в 18-м ст. главным мероприятием по расширению российских пределов и государственным интересам на юго-восток. Среди прочих обстоятельств разработки ее планов важную роль сыграло стремление выйти к границам Индии и установить прямые контакты с этой страной. Не случайно, что на аллегорическом рисунке в одной из рукописей П.И.Рычкова, летописца и деятеля этой экспедиции, бог торговли Меркурий на фоне разворачивающейся карты направляет свой жезл из центра России через Оренбургский край в сторону Индии [1].

Со времен Афанасия Никитина, а, возможно, и более ранних русско-индийские торговые и культурные контакты осуществлялись через Персию и Каспий по Волжскому пути. Вместе с восточными и русскими купцами, начиная с XVI в., этой транзитной коммуникацией стали пользоваться также англичане. Нестабильность внутреннего и внешнего положения Ирана в начале XVIII в. ставили под сомнение надежность проторенной дороги. В качестве альтернативы появилась идея «среднеазиатского прохода» в Индию. Первая попытка реализовать эту идею окончилась крахом в результате гибели экспедиции А.Бековича-Черкасского в 1716 г.

Одним из немногих уцелевших участников погибшей экспедиции являлся российский дипломат и разведчик мурза Кутлумухамед Мамешев, известный в русском обращении как Алексей Иванович Тевкелев. Гибель отряда Бековича не отвратила Тевкелева от мысли, что прямым и выгодным для России путем к индийским пределам будет сухопутная дорога в стороне от Каспия через степи к Аралу и Амударье.

Из одного исторического исследования в другое переходит приписываемая Петру I фраза о казахской орде как «ключе и вратам» ко всем азиатским странам и народам. Уже позабыто, что эти слова вложил в уста Петра I в своих

воспоминаниях Тевкелев [2, 15]. Теперь трудно выяснить, были ли они произнесены самим царем, а если даже и были, то не под влиянием ли того же Тевкелева, служившего при Петре переводчиком и советником в Каспийском походе.

Планы Тевкелева получили развитие и теоретическое обоснование в проекте обер-секретаря Сената и выдающегося ученого И.К.Кирилова. Тот считал, что сложилась весьма благоприятная обстановка для решительного продвижения на Восток, ибо страны, лежащие между Индией и Россией, а именно «Бухария, Самарканд, Балх, Хива и прочие провинции ... на разные владения разбились и в запустение пришли». Появилась возможность их «одну по другой даже и Водокшанскую богатую землю и до самой Персии и Индии подобрать» [3].

Территории, перечисленные Кириловым, действительно лежат на пути к Индии, доходя до ее северо-западной окраины. В данном проекте относительно этой страны использовался опыт русско-китайских отношений. Не имея возможности соперничать с западноевропейскими державами в морской торговле, Россия использовала преимущества своего геополитического расположения для развития торговли континентальной, которая была более трудной, но не менее выгодной. Эти преимущества России осознавали на Западе. Поиск альтернативного пути в Персию и Индию, несомненно, интересовал английских торговцев и правительство. Об этом свидетельствуют, например, появление среди служащих Оренбургской экспедиции британского морского офицера Эльтона и оперативный выход в свет в начале 1750-х гг. книги Й.Ганвея, а затем скорое появление ее второго английского издания и немецкого перевода. В ней были опубликованы записки английских негодантов, пытавшихся наладить торговые связи со странами Востока через заволжские степи [4].

Нельзя исключать определенное давление иностранцев на русский двор, что способствовало в определенной мере реализации проектов Кирилова. В то же время нет никаких оснований под предположениями о ведущей роли английской дипломатии и торгового капитала в инициировании Оренбургской экспедиции. Материалы отечественных архивов свидетельствуют о крайней заинтересованности именно российской стороны в развитии связей с Индией и о серьезной обеспокоенности как ее самой, так и индийских торговых партнеров накопившимися трудностями. Характерным эпизодом стало прибытие в Уфу, где первоначально разместился штаб экспедиции Кирилова, индийского купца Марагви (Манвари) Бараева.

Марагви указал, что плохие отношения России с Персией и неспособность властей последней прекратить разбой на дорогах привели к сокращению индийской купеческой колонии в Астрахани с 200 до 80 торговцев. Он заявил, что количество купцов, желающих торговать с Россией, может возрасти до 600, если удастся наладить свободный проезд через Бухару. Основными товарами, в сбыте которых в Россию были заинтересованы индийские купцы, назывались драгоценные камни, пряности, шелковые и хлопчатобумажные ткани.

Вместе со штабом Оренбургской экспедиции индеец перебрался затем в Самару. Как ценный для экспедиции человек, он был взят на казенное иждивение. Кирилов согласовал с правительством отправку Марагви домой через Бухару для поощрения его соотечественников к торговле по новому маршруту. В 1736 г. императрица Анна Ивановна собственноручно подписала резолюцию о предоставлении индийскому купцу 1 000 руб. и снабжении его копии указа о привилегиях, предоставляемых для торговли в Оренбургском крае [5].

Ценным дополнением к документам Оренбургской экспедиции являются дневниковые записи художника этой экспедиции Джона Кэстля, опубликованные на немецком языке в 1784 г. В них говорится о попытке Кирилова в начале 1737 г. отправить в Индию российского посланника: «[Марта] 22-го. Иван Кирилов послал ко мне бывшего бухгалтера и теперешнего секретаря Петра Ивановича Рычкова, который должен был подвинуть меня отправиться посланником с индийским купцом Манвари в Индию, обещав мне дать в течение года 800 рублей, а также компенсировать мои расходы у киргизов в разных местах пятистами рублями. Предложение при моей тогдашней нужде в деньгах показалось мне вполне приемлемым, но так как я видел, что сумма, обещанная Иваном Кириловым с моим получаемым *sans vanité* жалованием никак не уравнивается, то я отказался от этого самым вежливым образом». На следующий день в разговор включился сам руководитель экспедиции. От Кирилова Кэстль услышал, что «так как у меня слава любителя путешествия, то я мог бы совершить турне в Индию, на что я, памятуя о своих многих прежних неудовольствиях, извинившись, вновь ответил просьбой выдать мне задержанное жалование и разрешить уехать [в Москву]» [6].

Беседы с Кэстлем шли на уровне устного разговора и в документах экспедиции не зафиксированы. Возможно, Кирилов предлагал поездку в Индию и другим своим сотрудникам, которые не оставили дневников и воспоминаний. Однако этим планам не суждено было осуществиться. 14 апреля Кирилов скончался. На его место был назначен В.Н.Татищев, не любивший покойного и считавший того авантюристом. Дальние планы Кирилова были оставлены без исполнения. Новый начальник Оренбургской экспедиции, переименованной в комиссию, направили силы на закрепление уже достигнутых рубежей. Попытка Тевкелева изменить противостоять новой линии в юго-восточной политике Империи привела к отставке Татищева, но не к возвращению к первоначальным проектам Кирилова.

Значимость индийских ориентиров в первоначальных планах Оренбургской экспедиции представляется весьма высокой. В силу внутривнутриполитических причин и недостаточного учета всей сложности внешних обстоятельств данное направление в ее деятельности ушло постепенно на задний план, сужаясь до решения текущих вопросов торговли, положения конкретных купцов и т.п. Время отодвинуло на более поздний срок реализацию ряда геополитических задач, ставившихся перед этой экспедицией, но и то, что предпринималось для налаживания контактов со странами Востока в 1730-е гг., несомненно, заслуживает внимания.

Примечания

1. См. илл. в кн.: Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30—40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.
2. Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 13.
3. Материалы по истории России. Т. 1. Оренбург, 1900. С. 7, 18; Смирнов Ю.Н. Отношения с Индией в планах и деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) 1730-х гг. // Россия-Индия: перспективы регионального сотрудничества (г. Самара). М., 2001. С. 26.
4. Hanway Y. An historical account of the British trade over the Caspian Sea. L., 1754.; Hanway J. Herrn Jonas Hanway zuderlassige Beshreibung seiner Reisen. Hamburg und Leipzig, 1754.
5. ГА Оренбургской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 17об.
6. Перевод указанных записей и комментариев к ним см.: Смирнов Ю.Н. Новый источник по истории Самарского края XVIII века и его автор. О «Дневнике» и гравюре Джона Кэстля // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1998. № 1—2.

Я.Г.Солодкин

г. Нижневартовск

Нижневартровский государственный гуманитарный университет

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ СЕМИБОЯРЩИНА В ГОДЫ МОСКОВСКОЙ СМУТЫ?

Кульминацией Смутного времени, пережитого Российским государством в начале XVII в., стало затянувшееся примерно на два с половиной года междуцарствие. После низложения Василия Шуйского 17 июля 1610 г. верховная власть оказалась в распоряжении боярства, — как часто считается, или Думы [6, 138, 144, 147, 148, 164; 8, 298, 299, 306, 311, 313; 18, 435, и др.], или комиссии из семи бояр [3, 270. Примеч. 38; 14, 544, 549, 587, и др.]. О такой комиссии сообщается только в «русских» статьях Хронографа второй редакции и зависящих от них Иного сказания [17, 218—219] и ряда кратких летописцев [2, 49; 11, 25; 32, 317]. (По мысли В.И.Корецкого, В.Н.Татищев писал про Семибоярщину, следуя «Истории о разорении русском» [9, 121]. Но это сочинение до нас не дошло, и вполне возможно, что о «беспутном правительстве» [30, 367], сменившем у кормила власти «несчастливого» царя Василия, первый русский ученый-историк знал из Хронографа, которым располагал).

На взгляд Р.Г.Скрынникова, у истоков органа «боярской олигархии», возникшего с падением Шуйского, лежит забытая традиция XVI в., сложившаяся в 1533 г. [27, 209, 213; 29, 91—92]. Эту точку зрения, разделяемую некоторыми историками, убедительно опроверг А.А.Зимин [4, 294, 295]. Вдобавок отметим,

что в 1572 г., покидая Москву, Иван IV оставил ее на попечение князей Ю.Токмакова и Т.Долгорукого, во время царского «богомольного» похода 1588 г. столицей ведало два боярина (как нередко случалось и позднее), а выступив в Серпухов в мае 1598 г., предположительно навстречу крымской орде, недавно избранный на трон Борис Годунов поручил управлять Москвой шести боярам, одному окольниковому и одному думному дворянину [5, 117; 7, 170—173, 243; 22, 45, 149; 25, 41, 242. Примеч. 231], т.е. Семибоярщина тогда не создавалась. Кроме того, о чем писал сам Р.Г.Скрынников, регентский совет при Федоре Ивановиче, образованный по воле Грозного, включал четверых его приближенных. Все бояре во главе с князем Ф.И.Мстиславским вместе с патриархом Иовом управляли страной в период междуцарствия начала 1598 г. (с момента кончины «блаженного Феодора» до избрания государем Бориса Годунова) [22, 135, 136; 28, 10—11, 128, 134, 135].

В.И.Корецкому думалось, что после свержения Шуйского власть перешла в руки Боярской думы, «в просторечии семибоярщины» [10, 120]. Но думу никогда так просторечно не называли, тем более она всегда была значительно более многочисленной.

Порой Семибоярщиной в отличие от временного правительства 1610—1612 гг. считается особая комиссия Боярской думы, отказавшаяся удовлетворить притязания Лжедмитрия II на престол [23, 358], что в историографической традиции обоснования не получило.

В.Г.Ананьев затрудняется решить, отражал ли термин, встречающийся в двух хронографических статьях (точнее, там говорилось о семи боярах, которые «прияша власть» «по обнажении царския диадимы», «сечьмочисленных» боярах) [14, 348, 350], реальное количество членов временного правительства (исследователь склоняется к этому выводу) или же был «фигурой речи» [1, 36]. В представлении В.Н.Козлякова, повествуя «о болярскомъ державстве Московского государства», анонимный публицист писал о наследниках царя Василия «в ироническом, а не в буквальном смысле. Возможно, выражение «сечьмочисленные бояре» «должно было подчеркнуть, что их было много и они не могли справиться с принятой на себя властью», и в таком случае «семибоярщину» следует рассматривать «в том же семантическом ряду, что и известная русская пословица про «семь нянек»» [8, 475. Примеч. 4]. Видный историк, однако, не указывает, бытовала ли в то время эта пословица, зафиксированная в знаменитом «Толковом словаре» В.И.Даля.

Быть может, интересующее нас выражение, действительно, являлось «фигурой речи». Вспомним, что согласно Библии, евреи из Египта семь недель шли к горе Синай, где получили Тору. По словам Авраамия Палицына, через год после опричного разгрома Новгорода Москве «седмицею злейши ... разтление бысть» [26, 278]. В глазах ряда русских книжников Царьград возник на месте, где располагались семь гор, отчего его нарекли Седмохолмым. В Ефросиновском хронографе читаем о семи временах [31, 265, 266; 25, 218, 260, 264, 266].

С 1610-х гг. в России получила распространение «книга Дей римскихъ от древнихъ повестей, глаголемая Семь мудрецовъ, како избавиша в семь дней сына цесарева от седми смертей» [15, 192, 637]. В одном позднем хронографе семилетней представлена осада Пскова войсками Стефана Батория, продолжавшаяся в действительности четыре месяца. В Хронографе второй редакции подобно многим кратким летописцам сказано о семилетнем строительстве Белого (Царева) города в Москве [2, 43, 45; 12, 463; 14, 320, и др.], которое, если следовать другим источникам, оказалось отнюдь не столь длительным [19, 37; 21, 139; 22, 55; и др.]. (Во многих источниках при описании событий часто говорится о семи верстах, поприщах, днях, месяцах, летах [2, 45; 16, 326, 386, 440, 470, 478, 526; 19, 51, 54, 113, 122, 142, 143, 145, 148; 21, 137; 22, 239; 24, 244, 248, 255, 256, и др.], однако наверняка нельзя определить, вкладывался ли в эту цифру какой-то символический смысл или нет).

О.И.Петрова пришла к заключению, что вопреки показанию Хронографа редакции 1616/17 г., численность боярского правительства периода междуцарствия не оставалась постоянной [17, 220]. Незвестный «повестопищик», впрочем, заметил, что бояре «точию два месяца власти насладишася». По его свидетельствам, умирая, Грозный назначил опекунами Федора Ивановича бояр Н.Р.Юрьева и И.П.Шуйского, вместе с константинопольским патриархом Иеремией в Москву прибыли митрополит и два епископа, после учреждения московского патриаршества в России появились четыре митрополита, во главе земских ополчений находились Д.Трубецкой, П.Ляпунов и И.Заруцкий, а затем К.Минин и Д.Пожарский. Публицист говорит о двух убийцах царевича Дмитрия и двух днях, проведенных на Котле крымским ханом, перечисляет многочисленных предков Василия Шуйского, называет три города, уступленные «ливонскими немцами» России при «освятованном» Федоре Ивановиче, и четыре, державших сторону московского правительства в пору его противостояния с лагерем «Тушинского вора». Автор заключительных хронографических статей, упомянувший про семь вселенских соборов, определяет продолжительность царствований Ивана Васильевича и его преемников, жизни Бориса Годунова и его сына Федора, а также оккупации Москвы, сообщает о хлебных ценах в годы великого голода при царе Борисе, поясняет, что такое четверик, осмина, и вместе с тем пишет о множестве (однажды бесчисленном) людей, многих (многочисленных) людях, поляках, воинах, мятежниках, полках, летах, городах, местах, «многодревной дубраве», третьем часу, первом, втором, четвертом, пятом летах царствования Шуйского. Кроме того, в последней части Хронографе мы читаем о «больших боярах» и вельможах [14, 320, 322, 326, 328, 330, 332, 336, 338, 340—356; 24, 1275—1276. Примеч. 15]. (Если верить создателю рассматриваемых статей — одного из самых ранних повествовательных сочинений начала царствования Михаила Федоровича, посвященных Смуте, Москва находилась во власти поляков и «литвы» два с половиной года. Точнее, почти столько времени длилось междуцарствие. Говоря о приглашении на русский престол Станислава, близкий

к «верхам» публицист, видимо, спутал королевича с гетманом Жолкевским, о котором в отличие от многих современников умалчивает).

Надо думать, автору последней части Хронографа представлялось, что московское правительство в течение своего лишь двухмесячного существования, действительно, состояло из семи бояр, и мы, стало быть, вправе говорить о такой численности «земледержцев» (по выражению сочинителя «Новой повести о преславном Российском царстве») [14, 26, 46, 52, ср. 332] относительно «мятежного времени» второй половины июля — сентября 1610 г.

Литература

1. Ананьев В. Семибоярщина. Кем были члены Боярского правительства: патриотами или изменниками // Родина. 2005. № 11.
2. В[ерещагин] А.[С.] Временник нарицается Летописец Российских Князей, како начая в Российской земли княжение и грады утвердишася. Вкратце написано // Труды Вятской Губ. Уч. Архив. комиссии. Вып. 2. Вятка, 1905. Отд. II.
3. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986.
4. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
5. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989.
6. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 12. М., 1989.
7. Козляков В. Михаил Федорович. М., 2010.
8. Козляков В. Смута в России: XVII век. М., 2007.
9. Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986.
10. Москва: Иллюстрированная история. Т. 1. М., 1985.
11. Отдел рукописей Рос. Нац. Библиотеки. Эрмитажное собр. № 22.
12. Отдел рукописей Рос. Нац. Библиотеки. Q. XVII. 17.
13. Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Вторая половина XV века. М., 1982.
14. ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987.
15. ПЛДР: XVII век. Кн. 1. М., 1988.
16. ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985.
17. Петрова О.И. Боярское правительство в период Смутного времени // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв.: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А.А.Зимины. Ч. 2. М., 1990.
18. Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001.
19. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 14. М., 1965.
20. ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.
21. ПСРЛ. Т. 36. М., 1987.
22. Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976.
23. Российская государственность в терминах: IX — начало XX в.: Словарь. М., 2001.
24. Русская историческая библиотека. Т. 13. 2-е изд. СПб., 1909.
25. Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.

26. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.
27. Скрынников Р.Г. Московская семибоящина // Вопросы истории. 1973. № 2.
28. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981.
29. Скрынников Р.Г. Самодержавие и опричнина. Некоторые итоги политического развития России в период опричнины // Внутренняя политика царизма: Середина XVI — начало XX в. Л., 1967.
30. Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962.
31. Творогов О.В. Материалы к истории русских хронографов. I. Ефросиновский хронограф // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 32. Л., 1977.
32. Уо Д.К. К истории вятского летописания // In memoriam: Сб. памяти Я.С.Лурье. СПб., 1997.

А.В.Стрелков

г.Москва

Российский государственный университет нефти и газа

им. И.М.Губкина

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ ЭПОХИ ПЕТРА I

Эпоха Петра I всегда вызывала пристальное внимание всех интересующихся причинами успеха модернизации России на рубеже XVII—XVIII вв. Однако в современных условиях значение эпохи Петра I и его реформ неизмеримо возрастает не только для России, но и для стран Запада. Так после распада Советского Союза президент Франции Ф.Миттеран подчеркнул, что: «С падением СССР рухнула не империя большевиков, а империя Петра I», что отражало действительное положение вещей, поскольку территория России сократилась до размеров меньше времен его правления. Нынешнему правительству страны к тому же приходится решать во многом сходные проблемы обеспечения геополитических интересов в Прибалтике, Черном и Каспийском морях, преодоления отсталости социально-экономического развития, сырьевой зависимости, модернизации периода информационного общества, выхода с наукоемкой и промышленной продукцией на европейский и мировые рынки.

Кроме того, в рамках и стадийного и цивилизационного подхода эпохе Петра I отводится место решающего рубежа на пути следования России по западноевропейской модели развития или насильственного отклонения от русского саморазвития. К тому же фальшивое завещание Петра используется по сей день для обоснования российского экспансионизма и подкрепления тезиса об угрозе с Востока, оправданности расширения НАТО до границ России. Некоторые, отождествляя Петра I с Антихристом, считают его родоначальником имперского мышления, теории и практики тоталитаризма, реализованной как

большевиками в Советском Союзе, так фашистами Италии и нацистами Германии [1, 11].

В рамках же научных дискуссий по поводу отношений общества и государства, противоречий между ними по разному трактуется вопрос о роли и месте государственной власти в изменениях общественных отношений, возможных целях и средствах преобразований, положении народных масс в переломные моменты истории. В итоге вместо объяснения петровской эпохи возникает этическая оценка и проблема чрезмерной цены реформ. Многие утверждают, что развитие России могло бы пойти по менее драматичному пути. Вопросы о том, в какой мере преобразования были случайными или закономерными, означали ли они радикальный разрыв преемственности исторического процесса или же, напротив, были его логическим продолжением, был Петр великим преобразователем или тираном — возникали давно. Однако единого взгляда на петровские реформы так и не было создано, а споры о них продолжаются и сейчас [2, 5].

Ответы на эти вопросы следует искать в объективных тенденциях русского исторического процесса, которые сделали неизбежными революционные преобразования, придав им последовательный и стремительный характер. Учитывая, что современные реформы вновь сделали актуальным все предшествующие опыты модернизации страны сверху, начало которым положил Петр, необходимо более внимательно проанализировать те основные тенденции, которые обусловили появление новой социально-политической формации — утверждение в России в первой четверти XVIII в. абсолютизма, выявить причины их долговечности.

Грандиозность, всеохватность петровских реформ такова, что и спустя почти три века после их реализации мы вспоминаем о них как об одном из переломных моментов всей российской истории. Причем время показало удивительную жизнеспособность многих институтов, созданных в процессе петровских преобразований. Коллегии просуществовали до 1802 г., то есть 80 лет; подушная система налогообложения, введенная в 1724 г., была отменена лишь 163 года спустя — в 1887. Последний рекрутский набор состоялся в 1874 г. — спустя почти 170 лет после первого. Синоидальное управление русской православной церковью оставалось неизменным почти 200 лет, с 1721 по 1918 г. Наконец, созданный Петром в 1711 г. Правительствующий Сенат был ликвидирован лишь в декабре 1917 г., спустя 206 лет после его образования.

Как отмечал историк М.П.Погодин, «место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, Табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудопромышленность, садоводство, виноделие, торговля, внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академии — суть памятники его неутомимой деятельности и его гения». В руках Петра «концы всех наших нитей соединяются

в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурой, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее.»

В истории России трудно найти примеры подобной долговечности институтов, созданных сознательной волей человека. Поэтому понятны как восхищение, которое питают к его деятельности современники, так и настоятельная необходимость изучения документов, составивших основу реформ Петра I и столь значительно повлиявших на развитие страны.

Реализация стратегии революционной модернизации общества сверху недостижима без построения основ гражданского общества и правового государства с полнокровным разделением исполнительной, законодательной и судебных властей. Этому нас учит история петровских преобразований, история революций 1917 г. как и современное состояние российского общества.

Примечания

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
2. Реформы Петра и судьбы России. Научно-аналитический обзор. М., 1994.

Т.В.Судник

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX—XX вв.

(по материалам ГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске»)

Система социальной защиты наиболее уязвимых слоев населения в Российской империи складывалась на протяжении десятков лет. Одним из направлений развития этой системы было общественное призрение. «Призрение» — дать кому-нибудь приют и пропитание [5]. Термин «общественное призрение» был введен в законодательство Екатериной II. Особое место в этой системе занимала забота о детях, оставшихся без попечения родителей.

В 1775 г. Екатерина II провела реформу местного управления, закрепив ее в законодательном акте «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи», которым были введены, в числе прочих структур, и приказы общественного призрения.

В Тобольской Губернии, как и в других частях Российской империи вопроса призрения детей в числе других организаций занимался Тобольский приказ общественного призрения. В ГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске» хранится фонд указанного Приказа за 1788—1894 гг. количестве 1 075 единиц хранения. Анализ сохранившейся документации позволил структурировать документы Приказа следующим образом [7]:

1) Распорядительная документация: указы Правительствующего Сената, о налогах и сборах, о чинопроизводстве, об увеличении акциза с вина, спирта и сахара, о принятии иностранцами русского гражданства; указание Иркутского и Тобольского генерал-губернатора; приказы.

2) Организационная документация: уставы (о проведении переписи населения); положения об учебных округах Министерства народного просвещения; об устройстве в Тифлисе губернской типографии и об издании Закавказского Вестника; об учреждении медицинского департамента Министерства внутренних дел; об управлении сиротскими домами; о губернских и уездных земских учреждениях.

3) Учетная финансовая и хозяйственная документация: приходно-расходные книги, сметы, уведомления о пожертвованиях; книги о выдаче жалованья, о состоянии домов, о выделении материалов для ремонта и др.

Таким образом, в результате анализа состава документов определено, что Тобольский Приказ общественного призрения выполнял многочисленные функции, одной из которых и было призрение детей. Документы по указанному вопросу следует выделить особо, это дела [8].

— о принятии в Тобольский воспитательный дом сирот, детей бедняков и брошенных детей (прошения, справки, циркуляры и др.),

— о принятии на содержание приказа общественного призрения брошенных младенцев в богадельни приказа общественного (прошения, письма, доклады и др.),

— по предложению Тобольского гражданского губернатора Прокопьева об обучении сирот в гимназиях за счет приказа общественного призрения (письма Губернатора и др.)

— положение об управлении сиротскими домами,

— сведения о принадлежащих приказу заведениях (ведомости, справки др.),

— приходо-расходные книги Тобольского воспитательного дома.

Указанные дела включают документы, исполненные как рукописным образом, так и с использованием типографских форм, например Положение об управлении сиротскими домами свидетельствует о следующем [2, л. 10].

«...Имущество сирот в Сиротские Дома принятых, до совершеннолетия их, поручается охранению Сиротских Судов, или по принадлежности Дворянских опеку законным на то порядком...».

Приходо-расходные книги позволяют получить информацию о основных статьях дохода и расхода Тобольского воспитательного дома, например, в книге 1811 г. читаем сведения о приходах:

«...Принято прислано из Тобольского Губернского приюта предоставленных прошение крестьянином ручным для удовольствия бедных серебром двадцать копеек...» [3, л. 8].

И сведения о расходах [4, л. 8]

«...По указу приказа общественного призрения данному февраля 4 дня выдано учителю воспитательного дома Ивану Красносельскому пять рублей...»

Дело по предложению Тобольского гражданского губернатора Прокопьева свидетельствует о следующем [1, л. 34]:

«...Препровождаю при семь Приказ Общественного Призрения, для надлежащего исполнения, список с циркулярного предписания Господина Министра Внутренних Дел от 24 сентября за № 176 с приложенною оном формою списка, о соблюдении правил для приема в Гимназии Мефизинских пансионеров...»

Таким образом, документы свидетельствуют о существовавшей системе призрения детей в Российской Империи и позволяют определить основные направления работы в этой сфере. Кроме того, данная документация может быть использована в генеалогических исследованиях. Кроме того, анализ подготовки и оформления документов позволит проследить этапы формирования документирования и управления документацией в таком важном вопросе и в настоящее время, как защита детства.

Примечания

1. МГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске». Дело по предложению Тобольского гражданского губернатора Прокопьева об обучении сирот в гимназиях за счет приказа общественного призрения. 1853 г. Ф. 355. ОП. 1. Д. 1001.

2. МГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске». Положение об управлении сиротскими домами. 1837 г. Ф. 355. ОП. 1. Д. 954.

3. МГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске». Приходо-расходная книга Тобольского воспитательного дома. 1811 г. Ф. 355. ОП. 1. Д. 635.

4. МГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске». Приходо-расходная книга Тобольского воспитательного дома. 1811 г. Ф. 355. ОП. 1. Д. 635.

5. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. 1949—1992 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/182150>. Режим доступа: www тип — свободный.

6. Толковый словарь Ушакова. Д.Н.Ушаков. 1935—1940 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/972406>. Режим доступа: www тип — свободный.

7. МГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске». Ф. 355. ОП. 1. Д. 1075. 1788—1894.

8. МГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске». Ф. 355. ОП. 1. Д. 1075, 1788—1894.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА

Сразу же после захвата власти перед большевиками, как и перед любым революционным режимом, встал вопрос о легитимности, то есть задача доказать, что ими была совершена настоящая революция, а не военный переворот, как утверждали меньшевики и эсеры. Созданию «образа революции» и ее врагов и была подчинена многочисленная советская литература антиэсеровской и антименьшевистской направленности. Поэтому с первых лет большевистской власти историки советского общества были поставлены в зависимое положение. Историческая наука формировала соответствующее историческое сознание общества, представления о роли врагов большевизма.

Эта борьба была частью глобального государственного проекта по конструированию образа революции, гражданской войны и истории большевистской партии. Формирование ключевых образов истории социалистических партий проходило в Советской России в 1920—30-е гг. преимущественно визуальными способами. Газеты, листовки, школьные учебники, исторические труды, митинги, официальные церемонии и празднества, агитпоезда, фотографии, кинофильмы формировали, как отмечает Ф.Корни, «основополагающие нарративы» нового режима, включавшие ряд ключевых символов и сюжетов, в том числе и о «врагах революции» [1, 10].

Важной частью пропаганды становится кино (именно с 1920-х гг. восприятие мира современным человеком становится все более опосредованным экраном), где образы меньшевиков и эсеров изображаются резко отрицательно. Начало расцвета кинематографа совпало с формированием тоталитарного режима. Знаковыми стали документальный фильм Д.Вертова «Процесс эсеров» (1922 г.), фильм С.Эйзенштейна и Г.Александрова «Октябрь» (1927 г.). Карикатурными были образы социалистов и в других популярных фильмах 1930-х гг., эсеры и меньшевики откровенно высмеивались (трилогия о Максиме Г.Козинцева и Л.Трауберга, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» М.Ромма). Литература и кино фактически становились институтами по «производству Истории» [2, 7]. Именно кино предоставляло наибольший простор для мифологизации истории.

Успешность формирования нового исторического сознания зависела и от того, насколько большевикам удастся вовлечь население в процесс его создания — в конечном счете, в процесс своеобразного «конструирования прошлого». Для того чтобы то или иное историческое явление закрепилось в коллективной

памяти, оно должно наполниться смыслом для ее носителей. Такие конструктивные элементы получили в исторической науке названия «фигуры воспоминания» или «места памяти». Они являются главными ориентирами для членов сообщества и дают представления о прошлом и настоящем. С помощью самых разнообразных средств печатной и массовой пропаганды власть в конечном счете сумела создать к 1930-м годам такой образ истории социалистических партий, который переживался на уровне личной и групповой памяти и обеспечил людей тем языком, которым они выражали свои воспоминания.

Формирование образа социалистов в общественном сознании имело свои особенности. Исследователи проблем культурной памяти и коммеморации (Э.Хобсбаум и др.) отмечают, что существуют «границы применения» изобретенных традиций. Они должны быть в какой-то мере созвучными потребностям тех сообществ, которым адресованы. Другими словами, очень сложно навязать населению образ, к которому люди не испытывают никакой близости. Поэтому в антиэсеровской и антименьшевистской пропаганде и использовались черты, апеллировавшие к бытовому антисемитизму и недоверию к интеллигенции (образ Ф.Каплан).

Кинематограф «оттепели» представляет более сложное, многоплановое явление. В нем образы «врагов революции» были иногда далеки от карикатурных — фильм «Шестое июля» (1968 г., режиссер Ю.Ю.Карасик, сценарист М.Г.Шатров) о выступлении левых эсеров в 1918 г.

В 1990-е годы процесс воздействия киноискусства на общества стал еще более сложным. Весьма характерен для современного состояния обыденного исторического сознания российского общества сюжет с Ф.Каплан — в нем причудливо переплетаются новые научные исследования, давние стереотипы и фантастические гипотезы. Трансформация научного знания в обыденное в России проходит весьма медленно и противоречиво. Очевидно, в случае обращения кинематографии к историческим событиям необходима обоюдная ответственность и зрителя, и режиссера: первый должен понимать, что имеет дело с художественным произведением, второй — чувствовать ответственность за трактовку реальных событий.

Таким образом, кино, наряду с другими культурными практиками, оказало существенное влияние на формирование исторического сознания советского общества. Образ представителей социалистических партий, меньшевиков и эсеров, прошел определенную эволюцию — от схематичных, однозначно негативных стереотипов сталинской эпохи, через более достоверные произведения 1960-70-х годов — до крайне противоречивых современных сюжетов.

Примечания

1. Comey F. Telling October: memory and the making of the Bolshevik revolution. Ithaca, 2004.
2. Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА
В НАРОДОВОЛЬЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
ЛЬВА ТИХОМИРОВА: 1879—1881 гг.**

В постперестроечную эпоху наши фактические знания о деятелях консервативного лагеря изрядно выросли. Не оставлены без внимания исследователей и социально-экономические разработки представителей этого политического лагеря [1], в том числе одного из ведущих теоретиков отечественной консервативной мысли конца XIX — начала XX вв. Л.А.Тихомирова.

При этом нельзя забывать о том, что свою общественную деятельность он начинал, как революционер, член Исполнительного комитета «Народной воли» и знакомство с его публицистикой народофильского периода, несомненно, позволит лучше понять истоки его социально-политического мировоззрения.

Социально-экономические вопросы начали подниматься Л.Тихомировым уже в передовице № 1 «Народной воли» [2, 2—3]. В ней, кроме размышлений о роли государственной власти в планах революционной организации он обращал внимание читателей на некоторые особенности Российской империи, а именно — на гипертрофированную роль государства. В статье Л.Тихомиров подчеркивал: «Наше государство совсем не то, что государство европейское...», и правительство в России не есть «...комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а самостоятельная, для самой себя существующая организация, организация иерархическая, дисциплинированная», которая продолжала бы держать народ «в экономическом и конституционном рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплуататорских классов» [2, 3]. Исходя из исторической самобытности русского «государственного организма» он строил и планы деятельности революционной организации, а именно: через захват государственных структур осуществить идею справедливого социального переустройства жизни простого народа.

Достаточно четко этот тезис прозвучал в № 2 «Народной воли». Развивая его, Л.Тихомиров указывал, что «ниспровержение существующих ныне государственных форм и подчинение государственной власти народу — вот главная задача социально-революционной партии в настоящее время» [2, 23]. Убедившись, как ему тогда казалось, в слабости самодержавия, в консервативности этой формы правления, некомпетентности правительственных кругов, Л.Тихомиров пришел к выводу о необходимости насильственного свержения существующей государственной машины с целью установления сильной власти, которая бы пользовалась поддержкой всего общества.

Таким образом, уже в начале народовольческого периода в публицистике Л.Тихомирова обозначилась особенно волновавшая его проблема, а именно — стремление к общественному переустройству России. Из этого достаточно общего вопроса вытекал и ряд более конкретных тем. В первую очередь — выяснение вопроса об особой роли государственности в Российской империи и вытекающих из него составляющих, как-то: определения роли сословности в структуре государственной власти, выяснения судьбы отечественного капитализма и его роли в современной России, а также связанный с этим рабочий вопрос.

Отметим, что оценке роли и перспектив государственных институтов в прошлом, настоящем и будущем России в своих теоретических построениях Л.Тихомиров уделял чрезвычайно много внимания. Только государство, по его мнению, создало классы и социальные группы. Он полагал, что российская буржуазия также порождение государства и представляет из себя «отдельного, умного и неразборчивого в средствах хищника». Исходя из подобных посылок, Л.Тихомиров видел выход из создавшегося положения в том, чтобы придать деятельности революционной партии в быстро меняющихся социально-экономических условиях Империи совершенно особый характер. По его мнению, при таком положении дел политическая и экономическая реформы становятся неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот, так как непосредственным источником народных бедствий является государство.

Воззрения Л.Тихомирова на место и роль государства в России отчетливо проявились и в исследовании им проблем социально-экономического развития страны, в частности, российского капитализма, а точнее роли государства в его развитии. В контексте вышеуказанной тематики он изучал и положение эксплуатируемых классов в Российской империи.

Касаясь этого вопроса и, естественно, делая упор на крестьянство, Л.Тихомиров, в сущности вплотную подошел тогда к идеям экономиста В.В. (В.Воронцова), писавшего в журналах «Отечественные записки» и «Русское богатство» о нарождении кулака и разорении простого крестьянина и о том, что ответственность за это несет экономический строй России, приводящий массы к нищете гражданской и политической, деморализующий народ и забирающий его энергию. «Устраните этот гнет государства, и вы сразу отнимите 9/10 шансов для формирования буржуазии», — предлагал Л.Тихомиров со страниц народо-вольческого издания [2, 24]. Он, как и многие либерально-демократические публицисты той поры, видел альтернативу в увеличении роли кустарного производства, убивавшегося по его мнению, протекционизмом государства в отношении крупной промышленности.

При этом стоит отметить, что в отличие от концепции В.В., полностью отрицавшего возможности русского капитализма, Л.Тихомиров в первых номерах «Народной воли» не только признавал опасность наступления капитализма,

но и предвидел возможность его успешного развития в связи с мощной поддержкой государства. Например, им описывались и оценивались мероприятия правительства по насаждению крупного капиталистического производства, вплоть до разрушения кустарных промыслов и создания сети железных дорог, пароходств, горнорудной и суконной промышленности, к которым Л.Тихомиров относился очень негативно, настаивая на том, что они инспирированы государством.

Анализируя экономическое положение страны, Л.Тихомиров обращал внимание читателей на то, что причины такого состояния хозяйства лежат в самостоятельном значении российского государства, развивающего в стране капитализм худшего западно-европейского образца и готовящего для России уже потрясший Европу рабочий вопрос. В афористичной манере он заявлял, что «Россия, собственно говоря, представляет нечто вроде обширного поместья, принадлежащего компании «Русское государство». Экономическое и политическое влияние, экономический и политический гнет...здесь сливаются и сводятся к одному юридическому лицу — к самой компании. При таких условиях (делал он жесткий вывод) политическая и экономическая реформа становятся также совершенно неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот» [2, 24—25].

Таким образом, за короткое время, начиная с осени 1879 г., Л.Тихомиров опубликовал несколько серьезных статей на социально-экономические темы в народовольческом печатном органе. При этом следует признать, что он смог поднять на достаточно высокий теоретический уровень нелегальную публицистику организации. Причем, она зачастую включала в себя не только освещение проблем, связанных с узкопрограммной тематикой, но и выходила на уровень рассмотрения тем и вопросов, характерных для легальной демократической прессы. Это привлекало к революционной газете дополнительное внимание читающей публики, которая могла на ее страницах найти и серьезный социально-экономический анализ процессов, происходящих в стране, и предложения, правда крайне радикальные, по их исправлению без оглядки на цензуру.

В этой-то, пока незримо установившейся идейно-политической преемственности мыслей и мнений между либерально-демократическими изданиями и бесцензурной радикальной печатью, и есть заслуга Л.Тихомирова, как редактора и публициста.

Примечания

1. См. напр.: Экономическая история России XIX—XX вв. М., 2000; Платонов О.А. Экономика русской цивилизации // Наш современник. 1994. № 4. С. 135-150; Степанов В.Л. «Национальная» экономика в России: консервативная утопия или реальная цель // Русский консерватизм: Проблемы, подходы, мнения (Круглый стол) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 121—124. Он же. Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998. Лукьянов М.Н. Проблемы промышленного развития и российский консерватизм накануне Первой мировой

войны // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Ч. 2. Воронеж, 2004. С. 179—195; Давыденко И.Г. Реализация консервативных экономических концепций как способ решения социальных проблем в трансформационном обществе // Ф.И.Тютчев (1803—1873) и проблемы российского консерватизма // Южнороссийское обозрение ЦСРИ и П РГУ и ИСПИ РАН. Приложение. Сборник статей. В 2-х тт. Т. 1. Ростов н/Д., 2004. С. 116—124; Милевский О.А. Л.Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004. и др.

2. Литература партии «Народная воля»: «Народная воля», «Листок Народной воли», «Рабочая газета»: Документы. М., 1931.

Ю.В.Феоктистова

г.Нижневартовск

Нижневартровский государственный гуманитарный университет

ИНТЕГРАЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ В 1920—1930-е ГОДЫ. К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Деятельность и роль интегральной кооперации в системе хозяйства Обского Севера рассматривалась в трудах экономистов, партийных работников, историков, краеведов в разные периоды истории края.

Весь историографический материал можно разделить на две группы: советскую и современную российскую. Они во многом различаются по рассматриваемой проблематике и отношению к историографическим источникам.

Начало изучения кооперативного движения было положено в 1920-е годы. Первые работы по теме были написаны современниками, непосредственными участниками событий и опубликованы в журнале «Хозяйство Урала». Рассматриваемая проблема поднималась в статьях К.Маляревского, В.Новицкого, К.Друганова, В.Пиньжакова, М.Копотилова, В.Сартори, А.Рожинского.

Одним из аналитических исследований этого периода можно назвать публикацию К.Маляревского. В своей публикации «Первый год работы интегральной кооперации Тобольского округа» он уделит внимание анализу годичного плана работы северной интегральной сети. Исследователь пишет, что «многолетние искания, наиболее отвечающих интересам и условиям Тобольского Севера организационных форм строительства, можно считать создание на Тобсевере кооперативного интеграла, объединяющего существующую на Севере потребительскую и охотничью кооперацию, с вхождением вновь организованного интеграла в систему охотокооперации» [6, 172].

Исследователь также характеризует основные показатели работы Интегралсоюза по прошествии 1928—1929 года существования констатируя, что число кооперативных единиц выросло с 48 до 75. По социальному составу пайщики интегральных товариществ в основном бедняки — 63,1% [6, 173].

В завершении работы автор приходит к выводам: интегральное строительство на Тобольском Севере уже себя целиком оправдало, и система интегральной кооперации Тобольского округа за небольшой период своей работы добилась крупных успехов. Общее финансовое состояние системы интегральной кооперации несколько улучшилось, хотя оздоровительный процесс еще не закончен. Система интегральной кооперации Тобольского Севера, в общем, находится на правильном пути. Кооперация успешно выполняет задачи, поставленные перед ней Правительством, XV Партсъездом, VI Окружной партконференцией [6, 178].

Исследователи 1920-х годов показали степень кооперирования малочисленных народов Севера, попытались раскрыть социальную направленность деятельности кооперации, поднимали вопрос о социально-экономических причинах коренных народов Севера, побуждающих их вступать в кооперативное движение. Они обратили внимание на необходимость использования методов стимулирования для малочисленных народов Севера при вступлении в кооперацию. Ими были сделаны первые попытки подвести итоги развития кооперативного движения в крае.

В 1930-е годы по данной проблеме были опубликованы работы П.Устюгова, Д.Я.Гонцова, Е.Кантора, Г.Н.Тарасенкова, В.В.Хомякова. Исследователи в своих работах уже меньше уделяли внимания вопросам деятельности кооперации. Они ограничивались в своих публикациях приведением статистических данных, связанных с количественным или процентным соотношением кооперативных организаций. Упоминали в своих публикациях о торговой деятельности кооперативных организаций, а так же указывали на ошибки в их деятельности.

Следующая группа работ по данной теме — это труды советских историков, опубликованные в 50-х — 60-х гг. XX века, где авторами затрагивались вопросы, связанные с кооперацией. В трудах ими рассматривались такие проблемы как политика и практика коммунистической партии и Советского государства в осуществлении ленинского кооперативного плана, основные направления, этапы и результаты данного строительства. Историки в основном анализировали деятельность интегральной кооперации.

Среди работ этого периода можно отметить труд М.Е.Бударина «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири», где историк комплексно осветил изменения в жизни народов Крайнего Севера после Октябрьской революции. Работа была написана на основе архивных материалов и сохраняет свое научное значение сегодня.

М.Е.Бударин подчеркивает, что «в условиях Крайнего Севера особенно успешной оказалась деятельность интегральной кооперации, то есть кооперации смешанного типа, которая всесторонне охватывала производственную деятельность и быт коренного населения, вела торговые, кредитные и производственные операции» [3, 132].

Исследователь, анализируя деятельность кооперации, приходит к следующим выводам: организационная деятельность кооперации была успешной потому, что ханты, манси и ненцы издавна вели многие промыслы коллективно [3, 133].

Историк М.А.Сергеев в своей работе, как и М.Е.Бударин, отмечает, что важнейшим проводником экономической политики в 1920—1930-е гг. была кооперация, которая быстро завоевала популярность. Кооперация была в то время наиболее доступной пониманию населения формой организации, непосредственно его касавшейся и притом в важнейшей для него области в жизни, указывает автор в монографии [8, 61].

Проблемам истории Северо-Западной Сибири в 1960-е годы уделяли внимание Г.А.Мазуренко, В.А.Зибарев, В.Ф.Ретунский и другие исследователи.

Историк Г.А.Мазуренко, поднимая вопросы, связанные с развитием кооперации на Обском Севере в советские годы, приходит к следующим выводам в своем труде: реорганизация кооперации была крупным шагом в деле укрепления финансовой базы северного хозяйства. Интегральная кооперация на первом этапе преобразований на Советском севере сыграла большую роль в деле создания новых социалистических форм хозяйства [5, 30].

Следующая группа работ по данной теме — это труды советских историков, опубликованные в 70-х — первой половине 80-х гг. XX века. В своих трудах они рассматривали такие проблемы как политика и практика коммунистической партии и Советского государства в осуществлении ленинского кооперативного плана, основные направления, этапы и результаты данного строительства. Исследования данного периода преувеличивали успехи и достижения кооперативного строительства.

В своей диссертационной работе М.Е.Бударин писал о роли партии в кооперативном строительстве на Севере, проявившейся первоначально в подчеркивании особого значения интегральной кооперации, а затем уже — в развитии производственной кооперации. Историк указывает на целесообразность развития на Севере именно этой формы кооперации. Объяснялось это очень большой распыленностью малых народностей на огромных просторах Крайнего Севера, отмечает автор в своей работе [4, 34].

Исследователь в своей работе приходит к выводу, что в результате заботы и помощи Советского государства возросла доходность северного хозяйства, улучшилось экономическое положение населения [4, 34].

Изучение истории Ямала активизировалось историками во второй половине 80-х — 90-х годов XX века, а также современными исследователями.

В совместном исследовании, посвященном истории ЯНАО, В.П.Петрова, Г.П.Харючи, рассматривая вопросы экономики Обского Севера в 1920-е годы, поднимают проблему деятельности и роли кооперации.

Авторы считают, что наиболее рациональной формой кооперации являлась интегральная кооперация. Интегральные (смешанные) кооперативы стали для немцев одной из основных форм организации хозяйства и быта [7, 55].

Исследователи в своей работе приходят к выводу, что кооперация народов Севера Западной Сибири была призвана в короткие сроки преодолеть их экономическую отсталость, стимулировать коллективные формы и методы ведения традиционного хозяйства народов, обеспечить рост материального благосостояния и культурного уровня региона.

Среди современных работ, посвященных истории Северо-Западной Сибири в 1920—1930 годов, есть тезисы, доклады, статьи, монографии историков Алексеевой Л.В., Аксарина В.В., Троценко Н.Н., Цысь В.В.

Большое количество исследований по данной проблеме написано историком Алексеевой Л.В. В монографии «Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформации» автор, анализируя деятельность Интегралкооперации, приходит к выводу, что во второй половине 1920-х годов кооперация со своими задачами не справилась. Кооперативы не рассматривали вопросы материального стимулирования населения. Очевидным являлся тот факт, что без поддержки государством вряд ли можно было наладить работу кооперативов [1, 177].

В монографии «Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада» историк пишет, что все таки приоритетным полем деятельности хозяйственных кооперативов оставалась торговля в обмен на пушнину и заготовки пушмехсырья. В целом, отмечает автор, вся деятельность хозяйственных и кооперативных организаций была направлена только на получение прибыли [2, 178].

Таким образом, обнаруженные изменения, касавшиеся экономики края, не приводили к сбалансированному развитию, не учитывали специфики традиционного хозяйства и запросов старожильческого населения. Отношение к северному хозяйству оставалось прежним — потребительским, к таким выводам приходит исследователь в своей монографии [2, 178].

Исследователь Троценко Н.Н. в работе «О хозяйственном положении Тобольского Севера во второй половине 1920 — начале 1930-х годов» поднимает проблему переустройства материального положения северных народностей в середине 1920-х годов.

Но, несмотря на происходящие изменения, в условиях Крайнего Севера особенно успешной оказалась деятельность интегральной кооперации, выполнявшей торговые, кредитные и производственные операции [9, 88].

Историк в своей публикации приходит к выводу, интегральная кооперация подготовила необходимые предпосылки для развертывания массовой коллективизации на Севере.

Литература

1. Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформации: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. Гуманит. ун-та, 2006.
2. Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада: Монография. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2003.
3. Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск: Омское Областное государственное издательство, 1952.
4. Бударин М.Е. Социалистические преобразования в национальных районах Севера Сибири. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.и.н. Новосибирск, 1971.
5. Мазуренко Г.А. Торжество национальной политики Коммунистической партии на Обском Севере / Под ред. канд. истор. наук доцента П.И.Рощевского. Тюмень: Тюменское книжное издательство, 1961.
6. Маляревский К. Первый год работы интегральной кооперации Тобольского округа // Хозяйство Урала. 1929. № 8—9.
7. Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа / Под ред. Н.В.Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
8. Сергеев М.А. Народы Обского Севера. Новосибирск: Книжное издательство, 1953.
9. Троценко Н.Н. О хозяйственном положении Тобольского Севера во второй половине 1920 — начале 1930-х годов // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки // Под ред. Я.Г.Солодкина. Вып. 5 / МУ «БИС»; НГПИ. Тюмень: Мандрика, 2003.

А.А.Фоменков

г.Нижний Новгород

Нижегородский государственный университет

им. Н.И.Лобачевского

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ИСКУССТВА

(на примере СССР 1960-х — 1980-х годов)

Важной особенностью советского общества является, как известно, перенос политической полемики и даже политических противостояний в сферу культуры. Подобное положение дел, впрочем, было характерно и для дореволюционной России. В частности, «по способу своего функционирования в духовной жизни России XVIII в. литература была не столько искусством художественного слова, сколько публицистикой, идеологией, этикой, практической философией и даже в каком-то смысле религией, соединив в себе все гуманитарные аспекты жизни

общества» [1, 13]. В советский же период подобную роль стала выполнять вся сфера искусства.

Представляется, что в 1960-е годы, да и в последующее десятилетие едва ли не наиболее политически ангажированной в СССР была архитектура. Данное обстоятельство связано с активной застройкой городов (в том числе и исторических центров) в связи с резким увеличением численности городского населения. При этом вполне правомерной выглядит точка зрения, согласно которой ревнителям отечественной архитектурной традиции приходилось выступать против адептов «левого» направления в архитектуре, то есть тех, кто продолжал линию Ле Корбюзье и «Баухауса».

В литературе шла полемика между авторами либерального (скорее, общедемократического) направления с «почвенниками». Первые длительное время группировались вокруг журналов «Новый мир» и «Юность», вторые — вокруг журналов «Октябрь», «Наш современник» и «Молодая гвардия». Основными противниками русофилов-литераторов оказались, как и в других видах искусства, в первую очередь представители авангарда, то есть опять-таки «левого» искусства. При этом в ходе полемики с оппонентами степень поддержки советских устоев со стороны русистов была выше, нежели в архитектурных баталиях. Кроме того, русские литераторы-патриоты отрицательно относились к «Новому миру» из-за того, что коллектив последнего ориентировался на «социализм с человеческим» лицом образца ЧССР 1968 года [2, 111].

Сходные с литературными велись дискуссии и в музыкальных кругах. Они берут свое начало с 10 февраля 1948 года, то есть с «Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере «Великая дружба» В.Мурадели», которое негативно сказалось на дальнейшем развитии советской музыки, а для ряда крупных композиторов (С.С.Прокофьева, Д.Д.Шостаковича, Н.Я.Мяковского, А.И.Хачатуряна) стало подлинной трагедией. В советской музыке в 1950-е и последующие годы шла борьба против так называемого «шенбергианства» (имеются в виду последователи австрийского композитора, главы Новой венской школы Арнольда Шенберга, который являлся представителем музыкального экспрессионизма и создателем додекафонии — нового метода сочинения музыки) [3, 178, 636] осуждение которого являлась официальной позицией советских идеологов от искусства [4, 451].

Противниками шенбергианцев (не только порою даже в плане критики [5], сколько именно в творческих проявлениях) являлись последователи русской классики, для которых была характерна прочная опора на традиции без страха перед «ретивыми поклонниками новизны в искусстве» [6, 141]. К ним принадлежали как высокоодаренные композиторы, произведения которых вошли в золотой фонд отечественной культуры (например, Г.В.Свиридов, А.С.Лобзов и Ю.М.Буцко), так и авторы, почти не выходявшие за рамки норм, сложившихся в XIX веке, и потому ныне справедливо забытые [7, 20—31]. Композиторы этого

направления часто обращались к творчеству русских поэтов, развивавших народные традиции (например, С.А.Есенина).

Таким образом, в советских реалиях применительно к 1960-м — 1980-м годам имеет смысл утверждать о проявлениях этнизации сознания в дискуссиях по вопросам развития культуры. При этом деятели культуры, аттестовавшие себя русскими патриотами, активно противостояли авангардистскому искусству, которое зачастую характеризовалось ими как искусство космополитическое. В целом же следует утверждать, что именно обращение к смежным дисциплинам (прежде всего, к истории искусства) позволяет адекватно и эффективно изучать политическую историю СССР второй половины XX столетия.

Примечания

1. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века: Учебник для студентов вузов, обучающихся по филологическим специальностям. М.: Высшая школа, 2000.
2. Дмитриев Д.П. «Новый мир» А.Т.Твардовского. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2000.
3. Большой энциклопедический словарь. Музыка. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1998.
4. Уилсон Э. Жизнь Шостаковича, рассказанная современниками / Пер. с англ. О.Манулкиной. СПб.: Композитор, 2006.
5. См., напр.: Шнеерсон Г.М. О музыке живой и мертвой. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Музыка, 1964. 436 с.
6. См.: Цендровский В. Аркадий Нестеров. М.: Советский композитор, 1973. С. 141.
7. Кузнецов И. Современный образ старой Руси. Полифоническое искусство Юрия Буцко // Музыкальная академия. 2008. № 3.

Л.М.Хуторова, Г.Ш.Гатауллина

г.Казань

Казанский государственный энергетический университет

ИДЕЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И РАЗВИТИЕ ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ УЕЗДНОГО ГОРОДА СПАССКА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX — НАЧАЛА XX вв.

На современном этапе учеными различных специальностей активно разрабатываются модели образов регионов, методы и приемы их исследования. Одним из аспектов данного направления — исследования влияния общероссийских процессов на регионы. История торговли и промышленности, предпринимательства в Казанском крае не является исключением [1]. Однако уездный город Спасск до сих пор не становился объектом отдельного изучения. Практически

единственным опытом может служить статья Е.В.Липакова «Город Спасск в конце XVIII-начале XX вв. (Из прошлого и настоящего города Болгар и Спасского района Татарстана)», в которой автор попытался в рамках жанра очерка нарисовать картину провинциального бытия одного из уездных городов губернии [2].

Настоящая работа базируется на документальных материалах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) [3], статистических данных, приведенных в отчетах по исследованию волжской хлебной торговли по поручению Министерств финансов и государственных имуществ в 1887—1889 гг. в рамках подготовки реформ С.Ю.Витте [4].

Комплексное исследование хлебной торговли уездного города Спасска Казанской губернии на рубеже XIX — начала XX вв. позволяет выявить особенности торгово-экономической деятельности города в контексте экономического развития Поволжско-Уральского региона. Влияние общероссийских социально-экономических факторов сочеталось с местными особенностями как объективного, так и субъективного характера. Исторически сложилось так, что Спасск, возникнув из села, благодаря своему географическому положению, служил перевалочным пунктом торговли из соседних уездов. По составу населения Спасск был рядовым уездным городом, большинство жителей которого занимались сельским хозяйством, промыслами, торговлей и ремеслом, «отходничеством». Наиболее прибыльным и развитым видом торговли в г.Спасске в конце XIX — начале XX вв. была хлебная торговля, в том числе транзитная. В нее были вовлечены представители купеческого и крестьянского сословия различных национальностей и вероисповедания. В 1880-е гг. Спасск занимал одно из лидирующих мест в Поволжско-Приуральском регионе. Постепенно, с проведением реформ С.Ю.Витте и П.А.Столыпина лидерство захватили Чистополь и Елабуга. Половина предпринимателей стала предпочитать сбывать хлебную продукцию на рынках Чистополя. Если в 1860-е гг. торговлей занимались в основном купцы, то в начале XX в. на рынке появились представители других сословий, но лидирующее место по-прежнему сохранилось за купцами.

Основным хлебным товаром были рожь, ржаная мука и овес. Наиболее крупными предпринимателями Спасска в области зерновой торговли являлись купцы Ф.М.Журин, И.А.Улитин, А.А.Ларичев, В.В. и Т.В.Колсановы, последние из перечисленных были владельцами торговых домов «С.В.Демидов и А.А.Ларичев и К в Спасске», «Братья Колсановы».

Транзитная торговля позволяла вовлечь в экономическую жизнь города предпринимателей других регионов — Нижнего Новгорода, Самары, Мелекесса, Тетюш. В Спасске находились хлебные склады торговых домов «Братья Шемякины в Кинешме», «Братья Блиновы». Своими оборотами выделялись амбары торгового дома «Братья Блиновы» — одной из крупнейших российских фирм, торговавших хлебом в конце XIX — начале XX вв. не только в России, но и за рубежом.

Примечания

1. Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX в. Чебоксары: б.и., 1994. 191 с.; Свердлов Л.М. Купечество Казани: дела и люди. Казань: Дом печати, 1998. 168 с.; Она же. На перекрестке торговых путей. Казань: Татар. Кн. Изво, 1991. 157 с.; Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во КГУ, 2001. 704 с.
2. Липаков Е.В. Город Спасск в конце XVIII — начале XX вв. (Из прошлого и настоящего города Болгар и Спасского района Татарстана) // Спасские сказания. Казань, 2003. С. 119.
3. Национальный архив Республики Татарстан: Ф. 1 — Канцелярия казанского губернатора. Оп. 4. Д. 6133; 6361; 7426; Ф. 359 — Казанский губернский статистический комитет. Оп. 1. Д. 220; 534.
4. Клопов А.А. Отчет по исследованию волжской хлебной торговли, произведенному по поручению Министерств финансов и государственных имуществ в 1887 г. СПб.: б.и., 1889. 123 с.; Он же. Отчет по исследованию волжской хлебной торговли, произведенному по поручению Министерств финансов и государственных имуществ в 1888 г. Тверь: б.и., 1889. 103 с.

Л.М.Хуторова, Д.С.Салмина

г.Казань

Казанский государственный энергетический университет

ВЛИЯНИЕ ИДЕИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ АКТИВНОСТЬ ДВОРЯНОК КАЗАНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одной из актуальных проблем современных гуманитарных наук является проблема роли благотворительности в процессе модернизации российского государства и общества на протяжении XIX — начала XX вв. Региональный аспект изучения темы нашел отражение в исторической науке [1]. Как и везде в крупных городах, в Казани к рубежу столетий существовала развитая сфера благотворительности, ставшая значимым, активно действующим социальным организмом города и Казанской губернии. Представители дворянства продолжали принимать в ней весомое участие.

Настоящее исследование базируется на архивных материалах как неопубликованных [2], так и введенных в научный оборот [3]. Анализ документов позволяет сделать следующие выводы.

Филантропия представительниц дворянского сословия носила как частный характер, так и проходила в рамках деятельности общественных организаций.

Традиционно дворянство являлось одним из наиболее последовательных выразителей идей соборности и играло роль опоры самодержавия. Данное явление нашло отражение в деятельности отделений Российского Общества Красного Креста, общественных организаций, находившихся под патронажем представителей императорской семьи. Император являлся правителем государства как учреждения и главой всех своих подданных, из которых состояло общество. В число подданных входили и члены семьи монарха, покровительствовавшие благотворительности от его имени как главы государства и патриархального отца семейства [4]. Своей деятельностью женщины Дома Романовых подавали пример для подражания всем россиянкам, тем самым они способствовали активизации вовлечения женщин в филантропическую деятельность. В Казани жена губернатора Е.Н.Боярская играла такую же роль в местном обществе. Местный отдел состоящего под покровительством императрицы Александры Федоровны комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящихся во вражеских странах, возглавила сестра предводителя казанского уездного дворянства Е.Н.Боратынская. В своем ответе губернатору она писала: «считаю своим долгом выразить Вам глубокую благодарность за оказанную мне честь, <...> я готова быть, на сколько сумею, полезной в этом деле» [5].

Честь, дог — эти понятия служили императивами для благотворительной деятельности дворянок Казани. В своем романе «Канун Восьмого дня» Ольга Ильина (урожденная Боратынская) писала, «Я сразу поступила на курсы сестер милосердия <...> Август, сентябрь, октябрь... в течение трех месяцев у нас было по шесть часов в сутки госпитальных дежурств, по три-четыре часа лекций. Дежурства часто были ночные, мы уставали» [6, 207]. Документальные материалы свидетельствуют, что в различных благотворительных организациях состояли княгини Е.А.Голицына, Е.П.Крапоткина, графиня Т.Ф.Зубова и ряд др. представительниц дворянских родов.

Конкретная деятельность принимала различные формы, которые получили наименование «военной» благотворительности: 1) помощь семьям воинам, мобилизованных на фронт, затем — забота о семьях убитых; 2) оказание помощи раненым, инвалидам; 3) помощь российским пленным военнослужащим; 4) организация мероприятий по приему и отправке беженцев на территории Казани и губернии, с последующей их адаптацией к новым условиям. Традиционными актами призрения были денежные сборы, сборы одежды, продуктов. Проводились они по подписке, через организацию лотерей, концертов, кружечных сборов, продажу товаров, выручка от которой направлялась на благотворительные цели. В качестве благотворительных форм отметим также передачу помещений, оборудования под госпитали, убежищ для беженцев, организацию их быта (снабжение питанием, устройство столовых), уход за ранеными, социальную реабилитацию инвалидов, создание для них и беженцев новых рабочих мест.

Таким образом, драматические события Первой мировой войны позволяли в кругу дворянского сословия с одной стороны, сохранить патриархальные условия и межкорпоративные связи, с другой — выработать новые модели поведения, сформировать новые морально-этические установки, приобрести опыт социального партнерства с представителями других социальных групп.

Примечания

1. Благотворительность в России: исторический опыт, проблемы возрождения традиций и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 5 апреля 2007 г.) / Платформа «Диалог Евразия»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; сост. Р.Р.Хуснутдинов, Р.Р.Салихов. Казань: Милли китап, 2008. 127 с.; Милюков И. Проповедники милосердия. Казань: Отечество, 2009. 129 с.; Миннуллин З.С. Возникновение и развитие мусульманских благотворительных организаций России (XIX — начало XX) // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150, кн. 8. 2008. Казань: КГУ, 2008. С. 198—207 и др.
2. Национальный архив Республики Татарстан: Ф. 1. Оп. 4. Д. 6618; Д. 7426; Ф. 406, Оп. 1. Д. 1; Д. 4; Д. 6; Д. 10; Д. 13; Оп. 2. Д. 1, Д. 54; Оп. 3, Д. 10, Д. 54.
3. У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914—1917). Сб. док. и материалов / Сост. А.М.Дмитриева и др. Казань, 2003. Кн. 2. 208 с.
4. Бякина В.П., Качалова В.Г. Российская благотворительность под покровительством Дома Романовых: истоки, традиции, опыт. URL: <http://credonew.ru/content/view/-481/30/>. Проверено 19.01.2012.
5. НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6618. Л. 4.
6. Ильина О. Канун Восьмого дня. Казань: Заман, 2003.

В.В.Цысь, О.П.Цысь

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ ЮГРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА (на примере Нижневартовского прихода)

Проблемы истории православных приходов на Севере Западной Сибири нашли отражение в ряде современных документальных публикаций. Однако их авторы ограничивали свои изыскания, преимущественно XVIII — третьей четвертью XIX века. Вне сферы внимания оставался, как правило, конец XIX — нач. XX вв., когда развитие экономики, транспортной инфраструктуры, рост численности населения обусловили необходимость совершенствования административно-территориального устройства края, изменений в системе управления,

создания новых хозяйственных и социо-культурных объектов. Одним из аспектов этой политики являлось, в том числе, строительство новых православных храмов и организация приходов.

Опираясь на доступные нам источники можно попытаться реконструировать ряд сюжетов, которые в совокупности помогают понять как историю собственно приходского храма, так и проблемы социального и демографического развития края.

В первую очередь следует определить границы территории прихода. Наглядность обеспечивает использование картографического материала. Основой для реконструкции служит карта А.А.Дунина-Горкавича 1903 года. Самаровский лесничий не только оставил детальное описание региона, но и нанес на карту место расположения многочисленных остяцких юрт и русских поселений, расположенных в бассейне р.Оби.

Состав прихода выявляется по епархиальным справочным изданиям и рапортам настоятелей. Вартовский (Нижневартовский) приход Сургутского благочиния Тобольской и Сибирской епархии включал поселения на Оби от Майонских юрт (Мегион) до Калымских юрт на современной границе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Томской области, а также нижнее течение Ваха до устья реки Колек-Еган. Нижневартовский приход находился на территории трех волостей Сургутского уезда — Локосовской, Ларьякской и Нижне-Лумпокольской.

Еще один важный источник — «Тобольские епархиальные ведомости» (далее — «ТЕВ»). В этом выпускавшемся каждые две недели периодическом издании нашли отражение самые разные вопросы истории православия на Севере Западной Сибири. Так, интерес представляют опубликованные в официальном отделе каждого номера сведения о вакансиях в приходах епархии, назначениях на должности настоятелей храмов, дьяконов и псаломщиков. Внимательный просмотр всех номеров за время существования прихода позволил восстановить хронологию назначений, перемещений священно-церковнослужителей, церковных старост. Подробности биографии, семейного положения членов причта приводятся в клировых ведомостях, хранящихся в фонде Тобольской духовной консистории (Ф. И-156) ГУТО ГА в г.Тобольске.

Дополнительные сведения содержатся в материалах инспекционных поездок епархиальных архиереев по Северу Западной Сибири. Они представлены в виде опубликованных на страницах «ТЕВ» дневниковых записей сопровождавшего архиерея секретаря, в которых даются интересные подробности, касающиеся встреч владыки с прихожанами, его впечатлений о храме, выявленных проблемах и путях их решения. В частности, в «ТЕВ» есть информация о поездках 1896 г. и 1911 г. [1], а также и иные данные, в основном относящиеся к миссионерской деятельности.

Не меньший интерес имеют обстоятельства, при которых выбиралось место строительства храма, организовывался строительный комитет, утверждался

проект. Переписка по этим вопросам хранится также в фонде Тобольской духовной консистории ГУТО ГА в г.Тобольске. Причем если в ходе работы не возникало особых организационно-финансовых сложностей, все происходило быстро и гладко, то и документального материала откладывалось немного. Применительно же к интересовавшей нас теме сложилась иная ситуация.

Храм, освященный в честь преподобного Сергия Радонежского, строился в 1904—1908 гг. на левом берегу реки в нынешнем селе Вампугол. Однако в январе 1911 г. он сгорел. Большинство русского населения считало, что церковь следует восстанавливать на прежнем месте. Причт настаивал на противоположном берегу реки — Нижневартовской пристани. Вопрос стал предметом бурной дискуссии. В ходе обсуждения, продолжавшегося два года, каждая из сторон в поддержку своей позиции высказывала ряд аргументов, в которых содержатся, в том числе, и подробности жизни местного населения в рассматриваемый период. В конечном счете, причт при содействии полиции прибег к голосованию по отдельным селениям. Предпочтение было отдано правому берегу реки [2].

Внешний облик храмов можно восстановить по чертежам, планам, схемам, хранящимся в фонде Тобольского губернского строительного комитета (Ф. И-353). Многие чертежи выполнены на ватмане тушью и раскрашены.

В дореволюционный период на причт возлагался текущий учет населения. Используя статистические материалы можно охарактеризовать демографические процессы, происходившие в селениях прихода.

Ежегодно священники подавали сводные данные по основным демографическим событиям, нашедшим отражение в метрических книгах. Благодетельным эти сведения суммировались. Интерес представляют также и материалы первичной отчетности, хранящиеся в фонде Тобольского губернского статистического комитета (Ф. И-417). В ведомости вносились сведения о времени появления на свет новорожденных, возрасте и поле умерших, возрасте вступивших в брак; указывался месяц, когда брак регистрировался. Таким образом, на основе суммирования указанных данных за ряд лет можно составить представление о движении населения, как на территории изучаемого прихода, так и при необходимости всего благочиния. Дополнительные уточняющие сведения извлекаются из метрических книг, сосредоточенных в ГА Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и в архивах местных ЗАГСов.

В метрических книгах при фиксации рождений, смертей, бракосочетаний указывалось место регистрации переселенцев, что позволяет в общих чертах проследить направление миграционных потоков на территории Нижневартовского прихода. Выявленные сведения показывают, что районами, из которых шла основная масса переселенцев, являлись: на западе — Тобольский уезд и г.Сургут; на юго-востоке — Нарымский и Томский уезды Томской губернии. Вероятно, для крестьян из мест с более благоприятными природно-климатическими условиями (Европейская Россия, юг Западной Сибири) берега

по среднему течению Оби были малопривлекательны. Для жителей смежных с Тобольским севером уездов переселение не означало принципиального изменения образа жизни и занятий. Для самых предприимчивых это была возможность добиться успеха в крае с богатыми промысловыми ресурсами.

Важно проследить динамику численности населения на территории изучаемого прихода, основой для чего служат изданные статистические справочники³, архивные материалы фондов Тобольского губернского статистического комитета и Тобольского окрисполкома (Ф. Р-434).

Можно отметить интересные тенденции развития демографической ситуации в Нижневартовском приходе. Экономическая активность русских, интенсивная эксплуатация рыболовных и охотничьих угодий, вероятно, заставляли коренных жителей уходить с обжитых мест. Число обских угров с 1900 г. до 1925 г. в районах появления русских существенно сократилось. В то же время аборигенное население выросло в селениях по р. Вах, находившихся в относительном отдалении от русских сел и деревень. Здесь в восьми юртах численность жителей увеличилась в целом со 142 до 181 человек [4]. Таким образом, присутствие русских, возможно, было одним из факторов, вызвавших отток аборигенов.

В целом же следует указать на высокий информационный потенциал источников по истории приходов Севера Западной Сибири, позволяющих не только изучить состав причта, историю строительства храмовых зданий, но и проблемы организации приходской жизни, но и раскрыть проблемы социального и демографического развития края на рубеже XIX—XX вв.

Примечания

1. Лебедев М., протоиерей. Поездка Преосвященного Агафангела в г.Сургут и далее по рр. Ваху и Югану // Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 17. С. 391—395, № 18. С. 417—419. № 19. С. 443—446; Поездка его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церковей Тобольского и Сургутского уездов // Там же. 1911. № 21. С. 487—495.

2. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске» (далее — ГУТО ГА в г.Тобольске). Ф. 156. Оп. 18. Д. 828. Л. 44-44об.

3. См., напр.: Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов. СПб., 1871. С. 95—98 и др.

4. ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 405. Л. 33-34; Ф. 434. Оп. 1. Д. 188. Л. 70.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР В 1953 г.

Проблема аграрного курса советского правительства в 1950—1960-е годы является одной из ключевых в современной исторической науке. Ей посвящены десятки трудов историков, которые предлагают собственные трактовки сельскохозяйственных мероприятий власти. Однако проблема поворота «лицом к деревне» образца 1953 года не может рассматриваться лишь на основе анализа экономических показателей. Реформаторские начинания начала и середины 1950-х годов были следствием не только экономических, но и социальных, и политических обстоятельств. Крестьянский вопрос стал заложником происходившей в высших эшелонах власти борьбы за политическое лидерство.

Политическая борьба в рамках «коллективного руководства», развернувшаяся после смерти И.В.Сталина, диктовала свои законы. В этом смысле основным участником этой борьбы — Л.П.Берия, Г.М.Маленкову и Н.С.Хрущеву — важно было укрепить свои позиции. В первую очередь было необходимо захватить лидирующие позиции в партийно-государственном аппарате, во вторую очередь — создать социальную базу в виде значительной группы граждан, поддерживающих лидера. Крестьянское население, составлявшее почти 40% населения страны, являлось той группой, без поддержки которой (в отсутствие репрессивных мер) о политическом лидерстве можно было забыть. Поскольку Л.П.Берия делами сельского хозяйства никогда не занимался, а опыт Н.С.Хрущева в этой области был очень ограничен, то вся тяжесть аграрной реформы пала на председателя Совета министров СССР Г.М.Маленкова и аппарат правительства. Г.М.Маленков в течение семи лет при И.В.Сталине (с 1945 по 1952 годы) был первым заместителем главы правительства и занимался аграрными вопросами. После смерти вождя в марте 1953 года он первым почувствовал исторический момент для «социальной переориентации экономики», в котором сельское хозяйство было самым уязвимым местом [1].

В марте 1953 года Министерством финансов СССР для Г.М.Маленкова был подготовлен проект докладной записки о налоговой политике в деревне, суть которой сводилась к выводу о диспропорции в сторону экономической неоправданности увеличения налогового обложения крестьян. Именно с этого времени Маленков начинает делать ставку на материальную заинтересованность крестьянина, что, по сути, являлось новшеством для советской системы. После устранения с политической арены «опасного заговорщика» Л.П.Берия борьба за лидерство вступает в решающую фазу. В августе 1953 г. на сессии Верховного

Совета Г.М.Маленков выступает с поворотной речью, где говорит о необходимости смены приоритетов во внутренней политике, о повороте экономики лицом к человеку. Под этим углом зрения предлагалось пересмотреть соотношение темпов роста тяжелой индустрии и промышленности, работающей непосредственно на нужды населения, развернуть социальные программы, включающие развитие жилищного строительства, торговли, здравоохранения и т.д. [2]

После этого выступления имя Маленкова стало особенно популярно среди крестьянства («Вот этот за нас!» [3, 148]) и столь же неприятно для Хрущева, который осознал весь масштаб и политический вес своего основного конкурента. В докладе на сентябрьском Пленуме ЦК (1953 г.) Хрущев практически дословно воспроизвел ряд формулировок из речи Маленкова на сессии Верховного Совета СССР, разумеется, без каких либо ссылок на нее. Подобный шаг, на наш взгляд, являлся ничем иным, как попыткой перехватить инициативу у Маленкова и выступить самому в роли защитника интересов тружеников села. Избрание на этом Пленуме Н.С.Хрущева Первым секретарем ЦК КПСС значительно укрепило его авторитет в партийно-государственных структурах и позволило начать процесс «перетягивания каната» (т.е. властных полномочий) в аппарат ЦК. В итоге Г.М.Маленков в этой борьбе проиграл и уже в январе 1955 г. был вынужден покинуть пост председателя Совета министров СССР, а сам Н.С.Хрущев фактически дезавуировал свою собственную позицию, озвученную на сентябрьском пленуме 1953 г. Фактически Маленков был обвинен в тех самых «перегибах», инициативу которых полтора года назад приписывал себе Хрущев: в повышенном внимании к производству товаров народного потребления в ущерб развитию тяжелой индустрии, форсированное развитие легкой промышленности и т.п. [4] Однако для значительной части крестьянского населения СССР в 1953 году было не так уж важно, кто из партийных руководителей стал инициатором аграрных реформ. Сам факт значительного снижения налогов на колхозы и колхозников, уменьшения поставок натуральной продукции личных подсобных хозяйств и повышения закупочных цен сыграл важнейшую роль в оживлении сельскохозяйственного производства. То, что меры, предусмотренные этим постановлением, были радикальными, подтверждается многочисленными данными об успехах развития практически всех отраслей сельскохозяйственного производства за целый ряд лет. Не случайно этими данными оперируют последующие партийные и государственные решения в подтверждение правильности всей политики КПСС, начиная с 1953 года.

Примечания

1. Жуков Ю.Н. Тихая десталинизация // Независимая газета. 1997. 27 мая.
2. Правда. 1953. 9 августа.
3. Письмо учительницы М.Николаевой Н.С.Хрущеву // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.
4. Правда. 1955. 10 февраля.

ТЕОРИЯ ИСТОРИИ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ

М.А.Базанов

Челябинский государственный университет

ПОСЛЕ ОБСУЖДЕНИЯ: СУДЬБА КНИГИ А.А.ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Дискуссия вокруг книги А.А.Зимина «Слово о полку Игореве» стала одним из знаковых событий в истории отечественной науки [1, 96—103; 2, 332—337; 3, 40—43; 4, 11—126]. Будучи порождением социокультурного феномена «оттепели» (и одновременно являясь свидетельством его заката и вырождения) она вобрала в себя все его противоречия. В целом обсуждение книги проходило «либерально», озвученные сторонами аргументы носили «чисто научный» и аполитичный характер. В то же время участники обсуждения прекрасно понимали, что вопрос о подлинности «Слова» в высших кругах партийного руководства напрямую связывался с национальным престижем страны, а вся дискуссия проходила под контролем Идеологического отдела ЦК КПСС.

Большинство исследователей, писавших о дискуссии, указывают на закрытое заседание Отделения истории АН СССР 4—6 мая 1964 г. как на кульминационную точку в борьбе за публикацию монографии. Согласно им, именно прозвучавшая в его ходе резкая критика в адрес книги окончательно поставила крест на ее публикации [4, 73; 5, 311]. Однако документы, найденные нами в Российском государственном архиве новейшей истории (далее — РГАНИ), позволяют несколько скорректировать данную точку зрения.

После заседания вице-президент АН СССР П.Н.Федосеев направил в адрес председателя Идеологического отдела ЦК КПСС Л.Ф.Ильичева официальное письмо с отчетом о его итогах [6]. Основная идея, представленная в письме, была весьма предсказуема: книга А.А.Зимина с научной точки зрения несостоятельна и ее публикация представляется нецелесообразной. При этом большинство выступлений в пользу А.А.Зимина П.Н.Федосеев попросту игнорирует и не упоминает. Весь ход заседания в его изложении выглядит в качестве непрерывного потока критики в адрес концепции историка.

Тем более удивительным представляется следующий факт: П.Н.Федосеев, в силу того, что «точка зрения А.А.Зимина стала широко известна, а в ходе обсуждения рукописи его работы было приведено значительное количество веских контраргументов и новых материалов», предложил передать книгу ученого на правах рукописи вместе с отпечатанной на ротاپринте стенограммой самого выступления в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР

(ныне — библиотеку ИНИОН РАН). Это означало фактическое обнародование исследования, пусть даже оно было бы доступно для читателей лишь в одной библиотеке СССР. К письму прилагался подробный анонимный отчет о ходе заседания, который предполагалось опубликовать в одном из номеров журнала «Вопросы истории» [6, 60—111].

В свою очередь, на основании представленных документов Идеологический отдел составляет официальное письмо в ЦК КПСС, прося согласования. В целом соглашаясь с П.Н.Федосеевым, Идеологический отдел нашел необходимым сдать работу А.А.Зими́на на спецхранение в архив АН СССР, для получения доступа к ней читателям необходимо было получить разрешение Президиума АН СССР. Кроме того, надлежало отредактировать текст отчета о заседании перед предстоящей публикацией — из него следовало убрать любые упоминания о существовании книги историка. Под письмом стояли подписи заместителя Отдела И.И.Удальцова и заведующего сектором Отдела Б.Украинцева [6, 41—43]. Письмо успешно прошло согласование, о чем свидетельствуют пять сделанных от руки подписей на первом листе поверх машинописного текста.

Все пожелания Идеологического отдела были выполнены. История обсуждения монографии А.А.Зими́на на долгое время окажется под негласным запретом, подробности о ней будет знать весьма узкий круг научной элиты.

Итак, даже разгромная критика, прозвучавшая на закрытом заседании Отделения истории АН СССР, не смогла полностью уничтожить намерение сделать доступным для читателей исследование ученого. Научная среда, в том числе и противники А.А.Зими́на, исходили из представлений об открытой полемике как одном из базовых факторов развития науки, поэтому выступали за обнародование его изысканий (пусть даже при условии их малой доступности для читателя). Фактический же запрет на работу историка исходил от высших партийных органов. Впрочем, на наш взгляд, резко негативная позиция большинства научного сообщества по отношению к построениям А.А.Зими́на немало способствовала принятию такого решения.

Примечания

1. Формозов А.А. А.А.Зимин. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) [вступительная статья] // Вопросы истории. 1992. № 6/7.
2. Столярова Л.В. О «Слове» и пустословии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002. М., 2004.
3. Котляр Н. Восставшая из пепла: Александр Зимин и «Слово о полку Игореве» // Родина. 2007. № 10.
4. Соколова Л.В. К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве» // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / вступ. статья, сост., подг. текстов и комментарии Л.В.Соколовой. СПб., 2010 и др.

5. Базанов М.А. Предыстория обсуждения книги А.А.Зимины «Слово о полку Игореве»: опыт реконструкции событий // Мир историка: историографический сборник. Вып. 7. Омск, 2011. Существует и мнение о том, что на публикацию монографии запрет был наложен еще до заседания. Нам, однако, данная точка зрения не представляется обоснованной.

6. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Ед. хр. 62. Л. 44-59. Письмо датировано 20 июня 1964 г.

М.А.Бандурин

г.Иваново

Ивановский государственный университет

НЕДОСТАТКИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отношения между государствами в период между мировыми войнами (1918—1939) представляют собой сложнейшую проблему для исторического исследования. Учитывая имеющийся опыт историографии, можно с уверенностью утверждать, что какой-либо единственной причины начала Второй мировой войны не существует. Таким образом, исследования ведутся в русле выявления различных факторов и условий, способствовавших разгоранию мирового конфликта.

Концептуальным основанием для этого часто избирается системный подход. Он исходит из того, что потенциально существует единая мировая система международных отношений, которая развивается в ходе времени. Исторические системы международных отношений (Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская) при этом понимаются как подсистемы, т.е. одновременно части и ступени развития глобальной системы [1, 9—10]. Главный недостаток такого подхода при изучении причин Второй мировой войны можно обозначить как «излишнее распространение».

За этим стоит опасность представления геополитики и реальной политики, проводимой лидерами ведущих государств того времени, как обычной политической географии, где под «актором» понимается любая страна только потому, что она была или есть на политической карте. Тем самым внимание исследователей рассеивается в поисках частных факторов. Вместе с тем, российский теоретик геополитики А.Г.Дугин отметил: «Если в геополитическом анализе отсутствует отсылка к дуализму цивилизаций, это не является геополитическим анализом [...] Геополитика — это методология, главный, базовый метод которой — выделение двух типов цивилизаций» [2, 162]. Прослеживание взаимодействия представителей «цивилизации моря» и «цивилизации суши» в контексте межвоенного

периода является одним из возможных подходов к исследованию причин Второй мировой войны.

Далее, при системном подходе создается иллюзия неотвратимой глобализации международных отношений, которая адекватна скорее послевоенной ситуации биполярного, а затем и постбиполярного мира. И даже в этих условиях эта идея продолжает оставаться научным концептом, хотя, возможно, в большей степени отражающим действительность и способным на нее влиять. Применительно к нашему вопросу данный подход предполагает автоматическую и неуправляемую эскалацию Второй мировой войны в случае крушения Версальско-Вашингтонской подсистемы международных отношений. Цели держав т.н. «Оси» — Третьего рейха, Италии и Японии при этом легко представляются чуть ли не в духе мондиализма.

Главной характеристикой понятия Вторая мировая война становится формальная масштабность. Вместе с тем, современники «Великой войны», как тогда называли Первую мировую, вкладывали в это выражение не просто «количественный» смысл. Это была война, в которой рухнула «старая» Европа, старый мир традиционных сословных империй. Это не просто крушение абстрактной системы международных отношений. Британский исследователь А.Дж.П.Тейлор с долей иронии отметил, что «короли и аристократы не платят по счетам и редко держат свое слово» в международных делах, намекая на то, что до создания Версальской системы геополитическая ситуация в Европе была в силу этого непредсказуемой. Как бы то ни было, это доказывает тот факт, что и до, и после Первой мировой войны отношения между государствами определялись реальными силовыми конвенциями [3, 16]. И с точки зрения методов исследования это необходимо иметь в виду.

Системный подход предполагает в своем анализе причин Второй мировой войны расширительное толкование ее географических рамок. Этим он формально осуждает европоцентризм. Вместе с тем, действительно ли глобальным было начало Второй мировой войны в 1939 году? Не ограничивался ли «мир», который подвергался пересмотру в ходе этих событий Европой, пусть в самом широком смысле этого слова? Очевидно, европоцентризм не является просто методологической установкой. При отмеченном же подходе получается, что в момент крушения Версальской системы (не важно когда именно — в 1936, 1938 или 1939 году) события неотвратимо должны были привести к той ситуации тотальной катастрофы, логика которой ретроспективно воссоздается только на основании конечных итогов войны.

Очевидно, что Версальская система была конвенцией в духе реальной политики и касалась прежде всего европейских вопросов. Она не была подсистемой некой мировой системы, но самостоятельным «миром», если можно так выразиться. Потенциально она предоставляла возможности для модификации не только со стороны нацистской Германии или фашистской Италии, но и со стороны Великобритании и Франции. Время показало, что последние действительно

пошли на ее пересмотр. В связи с этим исследователю важно исследовать более детально, когда и в связи с чем война приобрела действительно глобальный характер и были ли возможности для ее локализации.

Примечания

1. Системная история международных отношений: в 4 т. / Под ред. А.Д.Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000. Т. 1.
2. Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М., 2010.
3. Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. L., 1961.

С.Б.Бахитов

г.Сургут

Сургутский государственный педагогический университет

МИР-СИСТЕМНЫЙ, МАРКСИСТСКИЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДОПОЛНЕНИИ

В современной историографии все более явно наблюдается парадигмальный кризис, воплощением которого становится появление множества новых теорий и подходов, претендующих на статус парадигмальных. Среди наиболее популярных ныне следовало бы назвать мир-системный анализ, марксистский и цивилизационный подходы. Возникает закономерный вопрос: насколько данные подходы могут быть согласованы друг с другом и с традиционным стадийным подходом к истории в рамках новой, формирующейся ныне парадигмы исторического познания? Попытаемся ответить на него, взяв для примера возникающие ныне проблемы с исторической типологизацией социальных отношений в современном Китае.

Для родоначальника идеи мир-системного анализа Ф.Броделя никакой особой проблемы в согласовании мир-системного и цивилизационного подходов не было, т.к. он лично был сторонником и того, и другого. Работа Ф.Броделя «Грамматика цивилизаций» посвящена рассмотрению мировой истории с цивилизационной точки зрения. Цивилизации понимаются здесь как глобальные географические, культурные, социо-структурные, социально-экономические, ментальные единства, являющиеся наиболее крупными элементами человечества в рамках мировой истории [1, 39—50]. Китай рассматривается Ф.Броделем как наиболее крупная часть особой Дальневосточной цивилизации, к которой им также относятся Индия, Япония, Корея, Индонезия, Филиппины, страны Индокитая. Для дальневосточной цивилизации в целом характерны господство поливного

рисоводства и связанная с ним высокая плотность населения на пригодных для рисоводства землях, высокий уровень гражданской, социальной и политической дисциплины этого населения, культурный консерватизм, низкая по большей части, стоимость рабочей силы [1, 170—183]. Китай же является наиболее типичной дальневосточной страной, управляемой на протяжении веков особым слоем чиновников-мандаринов, напоминающих современную западную технократию [1, 201]. КНР, унаследовав от прошлого Китая тяжелейшие демографические и экономические проблемы, уже за первые десять лет сделала огромный скачек в своем экономическом развитии, особенно в промышленной сфере, но так и не смогла разрешить этих проблем [1, 215—226].

Основные принципы структурной организации Китая, согласно Ф.Броделю, остались прежними, поменялась правящая элита: «Новая интеллигенция, деятельностная и смелая, пришла на смену старой, книжной и закостеневшей, и теперь судьба Китая находится в ее сильных руках. Со своей стороны, китайское население, привыкшее к строгой дисциплины, послушно следует за новыми хозяевами. Эта эффективная, не дающая сбоев по всей иерархической лестнице организация позволяет заставлять работать всех, в чем, может быть, и заключается секрет китайского эксперимента: за короткий отрезок времени самая древняя цивилизация доказала свою живучесть и превратилась в наиболее молодую, самую прогрессивную силу из всех развивающихся стран» [1, 225]. Таким образом, для Ф.Броделя и проблемы, и перспективы современного Китая связаны в первую очередь с его прежним цивилизационным опытом.

Крупнейший представитель современного мир-системного анализа И.Валлерстайн рассматривает Китай в первую очередь как часть капиталистической мир-системы, занимающую, как и современная Россия, несколько обособленное положение полупериферийного гиганта. В первой четверти XX в., по его мнению, высказанному в конце XX в., в Китай и Россию может быть направлен основной поток инвестиций, что обеспечит здесь бурный экономический рост [2, 36—37].

По мнению Б.Ю.Кагарлицкого, цивилизации — это докапиталистические миры-экономики или миры-империи. При этом, чем более мир-империя изолирован, чем более он экономически и технологически самодостаточен, тем больше в нем цивилизационного своеобразия. Китай древности и средневековья был типичным случаем мира-империи, возникающего на основе хозяйственно-экономического единства. Бюрократическая система Поднебесной была для того же средневековья наиболее передовой и эффективной [4, 29—37]. Современный Китай, по мысли Б.Ю.Кагарлицкого, безусловно, является частью мировой капиталистической системы, сохранив от коммунизма лишь вывеску и жестко авторитарную систему партийного контроля: «Вьетнам и Китай, сохранившие коммунистическую вывеску, выставили на продажу свои гигантские трудовые ресурсы. Дисциплинированная рабочая сила, контролируемая жестким репрессивным аппаратом, созданная за счет государства инфраструктура, — все это предопределило

стремительный рост экономики Китая, который превратился в «мастерскую мира», не достигнув при этом господствующего положения в мировой капиталистической иерархии. Основные центры накопления капитала и рычаги, приводящие в движение мировую экономику, остались достоянием западных стран» [4, 646].

С конца XX в. усиливается приток китайских капиталов в США. К сентябрю 2008 г. Китай оказался основным кредитором Соединенных Штатов [4, 661]. Одновременное наступление капитализма происходило и внутри Китая: «Заработная плата промышленных рабочих удерживалась на низком уровне. Стачки и бунты жестоко подавлялись, попытки создания свободных профсоюзов пресекались. Тем самым «коммунистический» режим Китая создал наиболее привлекательные условия для транснациональных инвесторов» [4, 663].

По отношению к внешнему миру постмаоистский Китай, по мнению Б.Ю.Кагарлицкого, тоже не демонстрировал особого демократизма или, тем более, верности коммунистическим идеалам. В поисках дешевых сырья и рабочей силы в начале XXI в. китайские корпорации активно осваивают Африку и Бирму. Китайские инвестиции направляются в Иран, Казахстан, Среднюю Азию, Латинскую Америку. Эксплуатация дешевой рабочей силы в Китае вела к снижению социальных стандартов в мировом масштабе [4, 664]. В начале XXI в. в самом Китае ежегодно около 20 миллионов крестьян покидают деревню, чтобы искать работу в сфере промышленности и услуг. Как пишет Б.Ю.Кагарлицкий: «Эти новые пролетарии, не имеющие опыта борьбы и классовой самоорганизации, лишены права на создание свободных профсоюзов и находящиеся под жестким политическим и полицейским контролем государства, объективно создавали мощнейший трудовой демпинг, подрывавший завоевания трудящихся не только в Западной Европе и США, но даже в других странах Азии, странах бывшего советского блока и в Латинской Америке» [4, 665]. Перед нами, как сказал бы И.Валлерстайн, типичная полупереферия, стабилизирующая систему в интересах элиты ядра.

Однако уже с середины 2000-х годов китайская экономическая модель наталкивается на растущие трудности и противоречия. Производство осуществляется здесь по большей части по чужим технологиям и за счет иностранных инвестиций. Китайский рынок труда тоже оказался не бездонным. Сказались здесь и государственная политика по сокращению рождаемости, и отсутствие общенациональной пенсионной системы, увеличивающее нагрузку на молодежь. Возникла реальная перспектива консолидации рабочего класса. Ситуация еще более усугубляется начавшимся в 2007—2008 гг. мировым экономическим кризисом [4, 666]. В условиях мирового кризиса само развитие мировой капиталистической системы, по мнению Б.Ю.Кагарлицкого, оказывается под вопросом: «Отсутствие влиятельной социалистической альтернативы означало, что поиски выхода могли вестись по-прежнему в рамках капитализма, но экономическая и социальная логика, по которой живет система, оказывается поставленной под

вопрос, а это значит, что перемены легко могут выйти за пределы рамок, в которых их хотели бы удерживать господствующие классы» [4, 670—671].

Таким образом, обращение к опыту социально-экономического и социально-политического развития современного Китая показывает, что основные параметры этого развития задаются тем местом, которое Китай занимает в современном капиталистическом мире-экономике, и соотношением классовых сил внутри страны. Глобальная теория, которая могла бы изучать подобные проблемы, формируется, как у Б.Ю.Кагарлицкого, на основе синтеза мир-системного и марксистского подходов. Что касается цивилизационного подхода, то он играет в исследовании современных глобальных процессов скорее вспомогательную роль, выявляя влияние прежнего культурного опыта на последующее развитие. При этом сам цивилизационный опыт напрямую связан с особенностями социально-экономического, социо-структурного и политического развития на прежних этапах. Очевидно, что в подобных условиях именно синтез марксистского и мир-системного подходов позволяет надеяться на формирование новой глобальной парадигмы изучения всемирной истории. Цивилизационные же концепции выступают в роли концепций второго уровня.

Для проверки данного тезиса применительно к истории Китая рассмотрим еще пару цивилизационных концепций, ориентированных на выделение специфики его развития. Одна из них принадлежит отечественному историку Э.С.Кульпину. Специфика развития китайского государства еще с I тыс. до н.э., по его мнению, определялась тем, что в результате наложения друг на друга процессов глобального похолодания и демографического роста Китай оказался в состоянии перманентного экологического кризиса. Естественный ландшафт на лессовом плато сменился антропогенным. Государство для поддержания роста и могущества должно было поддерживать производительность земли на самом высоком уровне, что потребовало создания крупных ирригационных систем. Иначе возросшее население было обречено на обнищание, а общество — на деградацию [5, 50]. С этим связана и неоднократно отмечавшаяся исследователями цикличность китайской истории. На первом этапе цикла, начинающегося сразу после крупного демографического спада, государство при недостатке налогоплательщиков отказывается от активного вмешательства в экономику, стимулируя одновременно освоение запустевших земель налоговыми льготами (политика у-вэй). На втором этапе за счет демографического роста лимит свободных земель оказывается исчерпанным. Государство резко усиливает свое вмешательство в экономику, стремясь не допустить разорения и сокращения числа крестьян-налогоплательщиков и увеличить свои доходы за счет монополий и конфискации. На третьем этапе данная политика заканчивалась провалом, происходил рост крупного частного землевладения, шло массовое обезземеливание крестьян, приводившее к сокращению налоговых поступлений, усиливалась коррупция, что в конечном счете вело к кризису, гражданской войне, гибели значительной части населения, смене династий. Далее начинался новый

цикл [5, 112—114]. Сложная социально-экономическая система, в свою очередь, требовала установления социального согласия, государственного экономического и финансового регулирования процесса воспроизводства [5, 198]. В данной концепции мы можем увидеть социально-экологическое объяснение того, почему именно Китай стал своеобразным эталоном азиатского способа производства.

Другой автор, американский историк Джаред Даймонд, обращается к экологическим проблемам современного Китая. Отмечая высокие темпы экономического роста КНР, он пишет, что экологическая обстановка сводит на нет эти величайшие достижения: «Самые актуальные проблемы — это загрязнение воздуха, утрата биологической вариативности и пахотных земель, опустынивание, исчезновение заболоченных территорий, деградация пастбищ, увеличивающийся масштаб и частота стихийных бедствий, возникающих в результате человеческой деятельности, агрессивные чуждые биологические виды, оскудение пастбищ, ущерб, причиняемый речными стоками, засоление и эрозия почвы, накопление мусора, загрязнение и дефицит воды» [3, 494].

Одной из главных причин углубляющегося экологического кризиса Дж.Даймонд считает очень высокую плотность населения и рост числа домохозяйств, другой — использование устаревших технологий, особенно в рамках маленьких волостных и поселковых предприятий, третьей — распространение новых экологически вредных производств и технологий, происходящее в ходе экономического подъема [3, 496—516]. Современная ситуация кажется Дж.Даймонду весьма неопределенной: «Как и весь остальной мир, Китай колеблется между убыстряющимся темпом нанесения ущерба окружающей среде и ускорением принятия мер по охране экологии. Многочисленное население Китая и его гигантская растущая экономика, а также исторически сложившаяся централизация, — все это означает, что колебания Китая, его так называемые «метания» вызывают ускорение этих процессов по сравнению с другими странами» [3, 522]. В отличие от И.Валлерстайна, Б.Ю.Кагарлицкого, Э.С.Семенова Дж.Даймонд никогда не был марксистом, работая в рамках теории «множества факторов». Тем не менее нетрудно заметить, что важнейшей причиной углубления экологического кризиса в КНР является то специфическое место, которое Китай занимает в современном капиталистическом мире-экономике. Второй же по важности причиной выступает соответствующее цивилизационное хозяйственно-экономическое, демографическое и культурное наследие, истоки которого можно найти еще в I тыс. до н.э.

Таким образом, суммируя изложенное выше, можно отметить, что создание новой парадигмальной теории всемирной истории вполне возможно на основе синтеза марксистского и мир-системного подходов, цивилизационный же подход, построенный на материалистической основе, выступает здесь в качестве дополнительного, позволяя выявить специфику влияния прошлого опыта в рамках того или иного господствующего способа производства. Важным элементом

нового синтеза можно считать также включение в исследование общества социально-экологической составляющей. Конечно, мы рассмотрели далеко не все концепции, ограничились только наиболее известными материалистическими интерпретациями китайской истории. Но, как гласит арабская поговорка, необязательно выпить все море, чтобы узнать, что вода в нем соленая. Трудности синтеза связаны не с цивилизационным подходом вообще, а с той основой, на которой историками выделяются и исследуются цивилизации.

Примечания

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008.
2. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 363.
3. Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: МОСКВА, 2008.
4. Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. Дом гос.ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
5. Кульпин Э.С. Человек и Природа в Китае. М.: Наука, 1990.

О.В.Богомазова

г. Челябинск

Челябинский государственный университет

ПЕНЗЕНСКИЕ «МЕСТА ПАМЯТИ» О В.О.КЛЮЧЕВСКОМ И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Культурные идентичности проживающих на определенной территории обществ во многом связываются с культурными символами и артефактами, которые были признаны в качестве наследия данной территории [1, 43; 2]. Таким символом на протяжении всего XX столетия становится для его земляков историк В.О.Ключевский (1841—1911) — выходец из бедной семьи священника, уроженец села Воскресеновка Пензенской губернии, добившийся высочайших успехов на научном поприще, ставший «красой России».

Впервые о необходимости увековечения имени великого историка в Пензе заговорили сразу же после его смерти, хотя основной массой горожан эта необходимость еще не осознавалась. Образ историка на его родине всегда воспринимался как символ просвещения, высоких научных достижений. Еще до революции в губернии разрабатывались планы открытия избы-читальни имени В.О.Ключевского. После Октябрьской революции и установления советской власти в Пензе имя историка не забылось и не утратило своего значения. В ходе реорганизации системы народного образования в 1918 г. в городе появилась 2-я единая трудовая школа, которая образовалась на базе бывших

духовной семинарии и духовного училища и получила имя В.О.Ключевского — выпускника этих учебных заведений. Школа существовала по сентябрь 1921 г. в условиях гражданской войны и первого года восстановления народного хозяйства [2, 242—251]. В конце XX столетия, имя выдающегося историка вновь было присвоено школе — в селе Воскресеновка Пензенской области, где прошли детские годы будущего ученого. В 1997 г. там была открыта экспериментальная площадка по разработке и практической апробации модели школы им. В.О.Ключевского. На базе школы был открыт филиал Музея В.О.Ключевского.

Представители исторической науки Пензы устанавливают традицию чествования В.О.Ключевского проведением конференций. В 1991 юбилейном году проведены первые Всесоюзные чтения «В.О.Ключевский и современность», где было принято решение о проведении мемориальных конференций с периодичностью раз в пять лет. Еще один шаг в научной и общественной популяризации имени Ключевского был сделан на конференции, прошедшей в 2011 г., где было принято решение об учреждении в ПГПУ им. В.Г.Белинского стипендии имени В.О.Ключевского для лучших студентов-историков.

Поддержим высказывание Д.Н.Замятина о том, что в контексте «ассоциативно-ландшафтного» и «образно-географического» наследия даже конкретное географическое пространство может восприниматься как культурный символ общественной значимости. Начиная с 1966 г., мемориальный дом № 66, где жила семья историка с 1851 г., обозначается памятной доской, а улица Боевая (бывшая Поповка) носит его имя. В 1986 г. было принято решение о сохранении дома Ключевского, а в 1991 г. после реставрации и реконструкции в здании был открыт первый в России музей его имени. При том, что дом будущего историка и принадлежащие ему артефакты практически не сохранились, — именно образ наследия стал решающим побудительным мотивом для его материального восстановления на том же месте — пусть даже достичь полной материальной аутентичности было невозможно.

Знаковыми событиями для региона стали торжественные открытия памятников В.О.Ключевскому: бюста — в 1991 г. на родине историка, в с. Воскресеновка, у стен школы им. В.О.Ключевского; и памятника — в 2008 г., перед Пензенским колледжем культуры.

Историкам, краеведам и местным жителям широко известно о существовании такого памятного места, как полуразрушенная церковь в с.Воскресеновке, где В.О.Ключевский был крещен. С другой стороны, «места памяти» в с.Можаровка и с.Ключи, которые так же связаны с вехами биографии историка, долгое время являлись не востребованными. Лишь в последние годы, благодаря работе историков и краеведов, местность приобретает мемориальную символику [4].

Специфика образа В.О.Ключевского, отраженного в памяти его земляков, в итоге способствовала тому, что в Пензе и Воскресеновке возник не просто мемориал выдающемуся земляку, а целый исторический комплекс, вписанный

в геокультурное пространство. Нельзя не отметить, что память о В.О.Ключевском на его родине, прежде всего, ассоциируется со сферой образования и науки. Это происходило как в начале XX в., так и в наши дни. Школы, различные конференции, проходящие под лозунгом изучения наследия В.О.Ключевского, приобретая статус коммеморативных практик, представляют положительный пример способности корпорации историков к самопрезентации и декларации ценностей научного этоса. Появление новых «ассоциативных ландшафтов» в контексте памяти о В.О.Ключевском, их жизнеспособность и актуальность определяли духовные потребности пензенского сообщества и культурные тенденции, отвечавшие на «вызовы времени» в течение целого столетия.

Примечания

1. См.: Замятин Д.Н. Образ наследия в культуре // Человек. № 5. 2008.
2. Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-Память. СПб., 1999.
3. См.: Гундорова И.В., Плешков А.Н. История единой трудовой школы им. В.О.Ключевского. К вопросу об увековечивании памяти В.О.Ключевского // Историк и история. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 170-летию В.О.Ключевского / Под ред. Н.П.Берляковой. Пенза, 2010. С. 242—251.
4. Например, экспедицией, направленной от Пензенского областного краеведческого музея, на месте разрушенной церкви в с.Можаровка, где служил отец историка, Иосиф Васильевич, был воздвигнут памятный крест.

И.Ю.Ващева

г.Нижний Новгород

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И.Лобачевского*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Важность истории, значимость прошлого для настоящего хорошо осознавались еще в древности. Высокий статус истории в качестве *magistra vitae* всегда сочетался с признанием важности ее культурно-политических и научно-познавательных функций, задач накопления и обобщения социального опыта. Исторические сочинения всегда были тесно связаны с потребностями общества и перечень социальных функций и задач истории весьма обширен. История служила легитимации власти, утверждению древности и благородства происхождения, использовалась для обоснования необходимости реставрации прошлого, для оправдания настоящего и прогнозирования будущего; наконец, исторические сочинения предназначались для заполнения досуга и удовлетворения чисто эстетических потребностей заказчика или читателей.

Примечательно, что способы исторического познания и формы репрезентации прошлого заметно изменялись от эпохи к эпохе, в то время как трактовка функций истории оставалась практически неизменной на протяжении столетий. Только в конце XX века встал вопрос о переосмыслении самого термина «история», характере исторического знания, о месте истории в системе социальных наук и соответственно традиционные рефлексии по поводу социального значения истории приобрели новое звучание и новые аспекты.

На наш взгляд, функции истории изменяются вместе с трансформацией исторического сознания в целом и параллельно с формированием новой картины прошлого в каждую историческую эпоху. Вместе с изменением настоящего, меняется и взгляд на прошлое и соответственно задачи и функции исторических сочинений.

Одним из таких переломных моментов в мировой истории является период IV—VII веков — эпоха поздней античности или период глобальной трансформации античного общества в средневековое. В условиях переходной эпохи, кризиса идентичности, становления нового общества и новой социальной реальности на первый план выдвигаются и новые функции исторической науки.

«Церковные истории», связанные своим происхождением и существованием именно с этой эпохой, часто воспринимаются как пропагандистские сочинения, написанные по заказу правящего императора или утвердившейся христианской церкви с целью насаждения и распространения нужного взгляда на прошлое и настоящее христианской империи. Другой, прямо противоположный подход представляет их как род полемической литературы, создававшейся представителями малых религиозных (конфессиональных) групп, непризнанных официальной церковью, для защиты и утверждения собственных теологических представлений. Однако обе версии оставляют без ответа и объяснений массу вопросов и не приближают нас к пониманию смысла и назначения церковно-исторических сочинений поздней античности.

Помимо традиционных функций истории (познавательной, воспитательной (дать образцы поведения) и мемориальной (сохранить от забвения)), о которых сами авторы часто говорят в предисловии к своим работам, «Церковные истории» выполняли и другие задачи, крайне важные для позднеантичного общества. Как кажется, гораздо большее значение в IV—VII веках приобретают объясняющая и идентификационная функция «Историй». И хотя сами авторы никак их не обозначают и не выделяют отдельно, на наш взгляд, именно в них состоит основной смысл и назначение церковно-исторических сочинений поздней античности. Именно поэтому даже светские авторы обращаются к написанию «Церковных историй», и именно поэтому они были столь читаемы и востребованы обществом.

Смысл их трудов состоял не в явной или скрытой полемике с язычниками или религиозными оппонентами и не в пропаганде необходимых церкви и власти религиозных взглядов и установок, а в попытке объяснить себе и своим

читателям смысл происходящего и собственное место в мире. В сложившихся исторических условиях на первый план выходит именно идентификационная функция «Историй»: (само)идентификация становящегося общества в условиях кризиса римской идентичности, формирование новой культурной идентичности и построение новой системы координат, позволяющей связать воедино и адекватно интерпретировать весь прошлый исторический опыт и современную им действительность.

IV—VII века — время сложного церковного развития, время становления догматики, сложных религиозных споров и одновременно время кристаллизации богословско-догматических особенностей разных течений внутри христианской церкви. «Церковные истории» в этом отношении находятся в русле развития богословско-религиозной ситуации и как нельзя лучше соответствуют требованиям времени. Они представляют собой не столько остро полемические произведения малых непризнанных общин и не орудие пропаганды официальной ортодоксальной церкви; скорее, они представляют собой разные варианты объяснения исторического прошлого и настоящего с позиций истинной веры (при том, что каждая конфессиональная группа признавала свое учение единственно истинным и верным). Наиболее важной функцией, которую должны были осуществить «Церковные истории», по всей вероятности, была функция самоидентификации становящегося общества в условиях кризиса римской идентичности, формирование новой культурной идентичности и построение новой системы координат, позволяющей связать воедино и адекватно интерпретировать весь прошлый исторический опыт и современную им действительность.

Д.А.Винокуров

г.Уфа

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М.Акумуллы*

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ В ИСТОРИОСОФИИ Н.А.БЕРДЯЕВА

Концепция исторического развития русской мысли выдающегося отечественного философа Николая Бердяева (1874—1948) основывается на ряде краевольных положений. Одним из них является взгляд на специфику формирования русской самодержавной государственности в конце XV в. и последующую деформацию под ее влиянием позитивной церковной традиции. Иосиф Волоцкий, как крупнейший церковно-политический деятель Московской Руси, занимает ключевую роль «роковой фигуры» [1, 548] в истории ставшего реальностью «беспутства русской мысли» [2, 53].

Методологические воззрения Н.А.Бердяева на историю общественной мысли (не говоря о классическом «Смысле истории» (1919—1920 гг.), посвященном крупным философским проблемам истории) сложились в дореволюционный период [3]. Понимание Бердяевым церковно-государственных взаимоотношений периода торжества третьеромистской идеи логически вырастает из проблем духовной жизни России начала XX в., отразившихся в духе Религиозно-философских собраний, предшествовавших 1905 году ожесточенных дебатах различных фракций интеллигенции о сущности российской государственной системы, ее взаимоотношениях с обществом в вопросе о свободе совести и т.д.

К последнему предоктябрьскому десятилетию Иосиф Волоцкий превращается в популярный в либеральной и леворадикальной публицистике символ. С 1860-х гг. обозначается устойчивое историографическое направление, сделавшее ставку на рассмотрение (в завуалированной или открытой форме) реалий XV—XVI вв. в контексте современных общественно-политических чаяний. Среди многочисленных работ о духовной ситуации конца XV — начала XVI вв. концептуальными, с нашей точки зрения, являются труды А.П.Щапова, В.Ю.Стоюнина, Н.О.Хлебникова, В.И.Жмакина, А.Н.Пыпина, П.Н.Милюкова. В их работах сформировался тезис о мыслительном «отупении» старомосковского общества, постепенном вымывании духовного содержания из церковной жизни, кризисном состоянии «официального» богословия [4, 136]. При такой постановке вопроса Иосиф Волоцкий осмысливается как острое ненавистного *l'ancien régime* — косного, консервативного, обскурантистского, жестокого, нанесшего русской интеллектуальной культуре непоправимый урон своей «инквизиционной» деятельностью.

Н.А.Бердяев уже по исходным своим философским воззрениям не мог остаться в стороне от обсуждения специфики церковно-государственных отношений. В бердяевской ретроспекции на эту тему — «На стороне преследующих и насилующих никогда не было Духа Святого, а был дух Великого Инквизитора. В постоянном смешении Духа Святого с духом инквизиторским... ужас религиозной истории», вполне ощутим «дух времени» [5, 223].

В эмиграции взгляды Бердяева на роль иосифлян в истории обретают законченность, синтетически объединяют в себе особенности эмигрантской историко-философской мысли — стремление найти первопричину Октября, «точку сдвига» (И.К.Смолич) или «бифуркации» (Г.П.Федотов) в событиях русского Средневековья, а также довольно слабое соотношение выводов и конкретного исторического материала.

Значительное влияние на взгляды Бердяева оказала концепция Г.П.Федотова — Г.Флоровского (условно датируем ее появление 1931—1937 гг.) противостояние иосифлянства и нестяжательства представившая как борьбу примата «социального служения» церкви под эгидой сильного самодержавного царства и права на свободное «внутреннее делание», подразумевавшее меньшее вмешательство церковной организации в духовную жизнь верующего. Еще

в 1927 г., критикуя взгляды евразийцев на роль государственных деятелей в жизни народов России, Бердяев поставил Иосифа Волоцкого в ряды духовных предтеч «империалистической идеи, татарско-чингисханской и немецко-петровской» [6, 144].

Обращает на себя внимание, что обращение Н.А.Бердяева к образу Иосифа Волоцкого было основано на отношении философа к крупным вопросам, дискутировавшимся в эмигрантской среде: о соотношении христианской религии и церковной организации, свободе совести и пределах духовной свободы мирянина, «вселенскости» православия и его национальных особенностях в России. В 1936 году в одном из писем С.Четверикову Бердяев высказал свое *credo* в отношении личности волоцкого игумена: «Я никогда не чувствовал никакой близости к этому типу Московского бытового православия с государственной церковью, с обрядоверием, с «благочестивым» Иоанном Грозным, с Домостроем, с враждой к мысли и знанию, с душностью и полным отсутствием свободы, простора и дали. Этот мир в истоках своих связан с жестокой и, по-моему, роковой фигурой Иосифа Волоцкого» [7, 146]. В данном случае Иосиф Волоцкий показан как конкретный символ этатизации и национализации русской духовной жизни, последствия которой отразились, в частности, на установлении в России коммунистического строя [8, 9].

В «Русской идее» (1946) Бердяев закрепляет за Иосифом Волоцким статус «роковой фигуры» отечественной истории. Иосиф Волоцкий, по Бердяеву — апологет «государственного» православия, ставший «главным обоснователем русского самодержавия», «сторонник христианства жестокого, почти садического, властолюбивого, защитник розыска и казни еретиков, враг всякой свободы», который, несмотря на канонизацию, не нашел своего места в народной памяти [1, 548]. Оппонент Иосифа Волоцкого — Нил Сорский — выступает очевидным провозвестником идей «вольнлюбивой» интеллигенции.

Если выражаться образно, то Иосифу Волоцкому, по мысли Бердяева, отводится роль маяка, ложный свет которого повел политическое и духовное развитие России по трагически неверному пути. Взгляды Н.А.Бердяева на идейно-религиозные течения XV—XVI вв., несмотря на их очевидную субъективность и схематичную заданность, острую критику ряда эмигрантских исследователей, оказались и оказываются конгениальными мироощущению целых поколений представителей русской гуманитарной мысли.

Примечания

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М.; СПб., 2005.
2. Бердяев Н.А. Ортодоксия и человечность (Прот. Георгий Флоровский «Пути русского богословия») // Путь. 1937. № 57.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
4. Хлебников Н.О. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869.

5. Бердяев Н.А. Распря церкви и государства в России / Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907—1909 г.). СПб., 1910.
6. Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8.
7. Бердяев Н.А. Об авторитете, свободе и человечности (ответ В.Лосскому и О.С.Четверикову) // Путь. 1936. № 50.
8. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 9.

Л.А.Вовк

Волгоградский государственный университет

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНА УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ В МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В ГОРОДИЩЕНСКОМ РАЙОНЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1989—2009)

Функции по реализации государственной политики в области образования на территории муниципального района осуществляют органы управления образованием, входящие в структуру исполнительного органа власти. На протяжении почти 20 лет бессменным руководителем этого структурного подразделения был Юрий Дмитриевич Вовк, заслуженный учитель Российской Федерации, отличник народного просвещения РСФСР, выпускник математического факультета Волгоградского государственного педагогического института, представитель учительской семейной династии. Его педагогический стаж около 40 лет, 30 из которых он посвятил работе в Городищенском районе.

Многолетний педагогический и управленческий опыт заместителя директора и директора школы, целеустремленность, профессиональная эрудиция, безупречное исполнение служебного долга, жажда современных преобразований — эти личностные качества Юрия Дмитриевича были востребованы в сложнейший период глобальных политических, экономических, социальных преобразований в стране. В 1989 году он возглавил самую крупную бюджетную отрасль в районе, как заведующий отделом образования исполкома Городищенского Совета народных депутатов, с 1998 года как председатель комитета по образованию администрации района.

В архивном отделе администрации Городищенского муниципального района хранятся управленческие документы по образованию с 1977 года. Содержание планов, отчетов, аналитических справок, приказов по основной деятельности за 1989—2009 годы позволяет увидеть разностороннюю каждодневную деятельность сотен людей, показывает роль руководителя органа управления образованием в совершенствовании, развитии и модернизации системы образования

в Городищенском районе. С первых дней Юрий Дмитриевич приступает к разработке концепции развития образования, приоритетом в которой определяется программа сохранения, развития сети образовательных учреждений и модернизация, оптимизация учебного процесса. Под его руководством функционировали 39 образовательных учреждений, с количеством детей до 10 тысяч, и 1 200 педагогических и технических работников. За двадцатилетний период, при поддержке органов исполнительной и законодательной власти всех уровней, построено и оборудовано 5 школ — новостроек, принято на бюджетное финансирование 7 ведомственных дошкольных учреждений, реорганизовано из основных в средние 4 общеобразовательные школы.

В начале 90-х годов прошлого столетия назрела необходимость изменения системы финансирования образовательных учреждений. Произошла децентрализация бухгалтерии исполкома райсовета. С 1993 года первыми в Волгоградской области учреждения образования Городищенского района перешли на новую модель финансирования, стали самостоятельными юридическими лицами. Были разработаны и утверждены в органах юстиции Уставы образовательных учреждений, открыты счета в банках, изготовлены печати. С этого периода впервые вводится обязательная аккредитация, лицензирование, аттестация образовательных учреждений. Работа в новых условиях требовала от специалистов компьютерной грамотности. Овладев навыками пользования компьютером, Юрий Дмитриевич лично проводил практические занятия по обучению сначала всех сотрудников отдела образования, затем руководителей школ. Пользование компьютерами, электронной почтой, Интернетом стало неотъемлемым требованием к квалификации управленческих кадров.

Для Юрия Дмитриевича самой важной личностью в школе, живым примером для учеников всегда был и остается учитель, поэтому он уделял особое внимание подбору и обучению кадров. Им были созданы и на протяжении ряда лет возглавлялись «Школа молодого учителя» и «Школа начинающего директора», организовывались многочисленные семинары, практические занятия, проводились ежегодные конференции, педагогические чтения, заседания методических объединений по предметам. Сотни учителей и руководителей школ ежегодно повышали уровень мастерства, знакомились с современными технологиями обучения, передовым опытом на курсах института усовершенствования, сегодня — это Волгоградская государственная академия повышения квалификации и переподготовки работников образования. Такая систематическая работа способствовала профессиональному росту учителей, их закреплению в школах, формированию стабильного состава директоров школ. Из рядовых учителей, пришедших в отдел образования, ему, как опытному руководителю, удалось воспитать высококвалифицированных специалистов. Руководителей школ Юрий Дмитриевич привлекал к управлению образовательным процессом через совет директоров. А в 1998 году по его инициативе создается коллегия руководителей образовательных учреждений, в состав которой вошли

наряду с директорами школ, заведующие дошкольными учреждениями, директора учреждений дополнительного образования. Одновременно Юрий Дмитриевич являлся заместителем председателя комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, депутатом местных органов власти, членом коллегии администрации Городищенского муниципального района.

Уважительно относился он к труду педагогов, сотни педагогов представлены к награждениям всех уровней и присвоению квалификационных категорий по итогам аттестации. Повышению профессионального мастерства способствовало ежегодное проведение районных конкурсов «Учитель года», «Самый классный классный», «Детские и педагогические фантазии», «Фестиваль книжного самиздата», военно-исторических чтений. Профессионализм, компетентность, доброжелательное отношение к специалистам, творческий подход к делу руководителя комитета по образованию способствовали кадровой стабильности на длительный период, что позволило обеспечить высокий уровень руководства, преемственности в решении поставленных задач, создать условия для инновационной работы. Многие педагогические работники по праву считают Юрия Дмитриевича своим Учителем, наставником, авторитетом.

С самого начала своей деятельности в должности руководителя он тесно сотрудничает с преподавателями Волгоградского пединститута. В 1990 году начинается многолетний эксперимент в начальных классах Кузьмичевской средней школы по системе развивающего обучения Эльконина — Давыдова. С преподавателями кафедры иностранных языков в 1992 году на базе ясли-сада «Сказка» положено начало эксперименту по раннему обучению детей дошкольного возраста английскому языку. При поддержке главы администрации района Колесниченко Г.П., его заместителя по социальным вопросам Фадеевой Т.Е. в 1994 году в райцентре открывается школа № 3 с углубленным изучением отдельных предметов. Было налажено взаимодействие с Волгоградским педагогическим и Волгоградским технологическим колледжами по профильному обучению учащихся. В итоге, многолетняя последовательная работа по реализации программы общего образования повышенного уровня, создание базы современных образовательных ресурсов: технического оборудования, включающее виртуальные лаборатории, информационно-библиотечный и спортивный комплексы; формирование команды профессионалов позволило в 2008 году на базе школы № 3 создать ресурсный центр. Участие учреждений образования Городищенского района в комплексном проекте модернизации образования Волгоградской области, в национальном президентском проекте «Образование» способствовало улучшению материально-технического оснащения школ. Только за 2005—2008 годы школы района приобрели современные учебные кабинеты, технические средства обучения, интерактивные классные доски, мультимедийное оборудование, учебные электронные пособия на сумму 7 миллионов рублей; приобретено 9 школьных автобусов. Все это позволило поднять на качественно новый уровень сетевое взаимодействие и перейти на профильное

обучение учащихся 10—11 классов. Опыт работы органа управления образованием Городищенского района неоднократно был представлен на областных семинарах, научно-практических конференциях, проводимых Комитетом по образованию администрации Волгоградской области совместно с профессорско-преподавательским составом волгоградских ВУЗов.

Юрий Дмитриевич всегда относился к работе творчески, он автор многих инициатив, разработчик методических рекомендаций по обучению детей в сельской школе. В сельской местности обучение имеет свою специфику: наличие малокомплектных школ, их удаленность на десятки километров от средних общеобразовательных учреждений, потребность в кадрах. Он убежден, что стратегической целью модернизации российского образования является обеспечение доступности качественного образования при условии развития образовательной сети. Поэтому было решено реструктуризацию образовательной сети рассматривать через дистанционное обучение, развивая сетевое взаимодействие между всеми образовательными учреждениями района, учреждениями повышения квалификации педагогических кадров, высшими и средне-специальными учебными заведениями города Волгограда. В 2007 году в рамках реструктуризации при активном участии и поддержке областного Комитета по образованию, педагогического университета была создана региональная экспериментальная площадка по дистанционному обучению на базе двух школ Городищенского района: Котлубанской средней и Варламовской неполной средней. Использование Интернет-технологий потребовало перестройки содержания и организационных форм учебной деятельности, изменения подходов к обучению, переподготовки учительских и управленческих кадров. О ходе данного эксперимента Юрий Дмитриевич рассказал на семинаре руководителей органов управления образованием Российской Федерации в Москве, в декабре 2007 года. Информация вызвала интерес у руководителей из других регионов. Сегодня есть сведения об использовании данного приема на территории России.

Результаты инновационной деятельности учреждений образования оценены на Всероссийских и областных конкурсах. Победителями Всероссийского конкурса «Учреждение года —1995» стали Новожиженская средняя общеобразовательная школа и Центр детского творчества, который в 2006 году признан лучшим среди учреждений дополнительного образования Южного Федерального округа. В этом конкурсе дважды становились победителями ясли-сад «Сказка» и ясли-сад «Золотой петушок». За период 2006—2008 годы 12 учителей и 2 общеобразовательные школы стали обладателями президентских грантов в приоритетном национальном проекте «Образование». Ежегодно до 50 учащихся получали по окончании школы золотые и серебряные медали, десятки становились победителями предметных олимпиад, многочисленных конкурсов всех уровней.

Профессиональные достижения сотрудников комитета по образованию, коллективов учителей и учащихся отмечены многочисленными дипломами, грамотами, благодарственными письмами, призами. Вызывают гордость награды,

полученные за спортивные достижения школьников и тренеров, о чем красноречиво говорят кубки, медали, вымпелы. В рейтинге, проводимом областным комитетом по образованию, Городищенский район всегда был в числе лучших. Несомненно, такие результаты не могут быть достигнуты за один день или год. На это требуются годы систематического созидательного труда и роль руководителя органа управления образованием здесь первостепенна.

У каждого человека своя формула счастья, но чем значительнее личность, чем богаче ее внутренний мир, тем выше жизненные ценности. Многолетний управленческий опыт, знание законодательства, умение планировать и осуществлять финансово-экономическую стратегию, свою инициативу Юрий Дмитриевич, как руководитель, всегда направлял на то, чтобы многотысячная отрасль образования успешно функционировала и модернизировалась.

В 2009 году Юрий Дмитриевич ушел на заслуженный отдых. Созданная под его руководством система образования живет и развивается. История образования в Городищенском районе, активным участником и творцом которой является Юрий Дмитриевич Вовк, продолжается!

Н.В.Воробьева

г. Омск

Омский экономический институт

УХОД СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА НИКОНА С ПАТРИАРШЕГО ПРЕСТОЛА КАК МИФ (на примере фильма-фрески Н.Досталя «Раскол»)

Осенью 2011 года на телеканале «Россия-Культура» транслировался 20-ти серийный фильм-фреска Николая Достала «Раскол». Сценарий сериала, написанный Николаем Досталем и Михаилом Кураевым составлен по романам Владислава Анатольевича Бахревского — «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы». Историческими источниками послужили «Житие протопопа Аввакума», «Историческое исследование дела патриарха Никона» Н.А.Гиббнетта, монография Н.Ф.Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович», работы Н.И.Костомарова, «Повесть о боярыне Морозовой», «Дело патриарха Никона» и «История России с древнейших времен» С.М.Соловьева. Н.Досталь, выступая на круглом столе, состоявшемся 26 сентября 2011 года в культурном центре «Покровские ворота» и посвященном телевизионному сериалу «Раскол» отметил, что главная цель создания фильма-фрески — рассказ о конфликте, о столкновении двух религиозных концепций: «фильм — не богословский

трактат. Мы свидетели, а не судьи. Мы рассказываем историю — *как было дело* [курсив наш — Н.В.]».

Сериал вызвал неоднозначную оценку и со стороны священства, обвиняющего Патриарха Никона в «экспрессивности», «силовых мерах» [1], и со стороны историков: «... не на догматы покусился он, не Священное Писание переделал, а всего лишь взялся переиначивать церковный быт! Та болезненная, раздраженная реакция, которую получил патриарх, вызвала у него единственно возможный в то бунташное время ответ, какой власть могла дать смуте: проявить жесткость» [2].

Образ патриарха Никона окутан мифами и предельно упрощен за счет идеологических средств национально-государственной социокультурной мифологии и, поэтому является одной из «вечных проблем» отечественной исторической науки. Как для либералов, так и для неоконсерваторов фигура патриарха Никона является знаковой, продолжает вызывать острые споры, в которых участвуют сегодня не только профессиональные ученые, но и публицисты, политики, представители общественности, высказывающие подчас противоположные суждения.

Уход патриарха Никона с престола и «дело Патриарха Никона» показано в 11 серии фильма (32:27—45:46 [3]) своеобразно, и совершенно вразрез с источниками, введенными в научный оборот еще в середине XIX века. Никон представлен в сериале капризным горделивым зарвавшимся властолюбцем, который терпит фиаско в очередной попытке манипуляции царской властью. Действительно, 10 июля 1658 г. Никон покинул Патриарший престол. И с XIX в. существует две традиции объяснения ухода патриарха Никона с престола: 1) в пылу гнева и неудовольствия царем Никон покидает патриарший престол, чтобы воздействовать на царя для удовлетворения честолюбия и гордости [4, 81—95] — С.М.Соловьев, Н.Ф.Каптерев, 2) уход как мера архипастырского воздействия, акт исповедничества — А.Стенли [5, 450], а за ним и М.В.Зызыкин, М.Ю.Люстров, видели в уходе патриарха Никона с престола не гордость, а редкий дух исповедничества. М.Ю.Люстров доказал, что уход патриарха Никона был подражанием не только евангельскому образцу [6], но и Иоанну Златоусту [7, 19, 333]. Иоанн Златоуст положил много трудов положил на устройство благолепного Богослужения: составил чин Литургии, молитвы чина елеосвящения, ввел антифонное пение и др. Но суд, составленный из иерархов, обличаемых ранее Златоустом, постановил низложить Святого Иоанна и за оскорбление императрицы предать казни. Император Аркадий заменил казнь изгнанием. В марте 404 г. состоялся собор, постановивший изгнать святого Иоанна.

Источником информации об оставлении Никоном патриаршества являются не очень точные показания свидетелей — подьяка Федора Трофимова и причетника Гаврилки, которые смешивают текст Свт.Иоанна Златоуста и речь Патриарха Никона: подьяк выдает цитату из Златоуста за фрагмент речи патриарха,

причетник же слова Никона представляет как часть нравоучения. По мнению М.Ю.Люстрова связывая свое выступление с беседой Златоуста, «Никон создает единый текст, состоящий из нравоучения святого и своей речи» [8, 62].

Уничижительные самохарактеристики Никона соотносятся со словами Златоуста, призывающего следовать не за собой, а за истинными пастырями: «Сия же и о изящных речена быша пастырех, не о мне самом, ни о иже подобных нам: но аще кто таков, яков Павел бысть, яков Петр, яков Моисий, сих убо подражаимо и началници и начинаеми» [9]. Из сказок Крутицкого митрополита Питирима, архиепископа Иоасафа, игумена Иосифа, протопopa Михаила, причетника Гавриила и дьяка Ивана Щепотки на следует, что после литургии Никон читал 29 беседу Иоанна Златоуста и нравоучение «Какову достоин быти учителю».

С канонической точки зрения патриарх указывал на 16-е правило Двукратно-го собора, он уходил не в другую епархию, а оставался в своей и, следовательно, не нарушал прав другого епископа в его епархии. Никон ушел от царского гнева из-за практической бесполезности борьбы с боярством против захвата ими церковного управления, при отсутствии поддержки со стороны царя, и невозможности получить такую поддержку от епископата. Обещание 1652 г. было нарушено, каноническая чистота не соблюдена, следовательно, уход Никона был совершен не из «небрежения к пастве», а из ревностной заботы о ней. Никон говорил, что он уходил так, как уходили апостолы из тех городов, где их не принимали.

Таким образом, при уходе с престола Патриарх Никон не отрекался ни от священства, ни от престола, что подтверждается свидетельскими показаниями на суде.

Примечания

1. Священник Иоанн Миролюбов. Церковь не приемлет полицейских мер // Фома. №10/102. октябрь 2011. URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=6018>
2. Дмитрий Володихин: патриарх Никон и «бунташный век» // Фома. №10/102. октябрь 2011. URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=6013>
3. Указаны минуты и секунды хронометража серии.
4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: Сочинения в 18 книгах. М., 1991. Кн. V—VI. Т. 12.
5. Stanley A.P. Lectures on the History of the Eastern Church. 2d ed. Oxford : Clarendon Press, 1872. 862 p.
6. Крестный путь заканчивается мученичеством, и он заповедан Господом каждому из Его последователей: «Раб не больше господина своего. Если Меня гнали; будут гнать и вас» (Ин. 15,20). «Но вы смотрите за собою; ибо вас будут предавать в судилища, и бить в синагогах, и пред правителями и царями поставят вас за Меня, для свидетельства пред ними». (Мк. 13, 19) «И будите ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10, 22).

7. Зызыкин М.В. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи: В 3 ч. Репринт. воспроизведение изд. 1931—1938 гг. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1995. [1082] с.

8. Люстров М.Ю. Уход Патриарха Никона как подражание образцам (к вопросу о самосознании Московского Патриарха) // Герменевтика древнерусской литературы: (Сборник статей № 10) / Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН. Общ-во исследователей Древней Руси. М., 1989.

9. Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения: Беседы на послания к Римлянам. Кн. 2 [Сергиев Посад]. М.: Свято-Троиц. Сергиева лавра: Посад — 525,[6] с.

С.Ю.Гасникова

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

РОССИЯ — ЕВРОПА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Взаимоотношения между Россией и Европой в последнее время все чаще обсуждаются на различных уровнях, поскольку процесс взаимного познания и понимания происходит в рамках различных подходов, но основным для нас является культурный. Так как последние десятилетия — это время, когда в мировом пространстве ясно обозначились тенденции к глобализации и вестернизации культуры. Мировую культуру нельзя представить без культуры России, а русская культура немислима без культурного богатства, которое накоплено европейскими народами.

В силу исторических причин в России сложились уникальные этнические, культурные и языковые условия. Уровень взаимопостижения и взаимопроникновения европейской и русской культур определяется не только направлением движения России в мировом культурном пространстве, но и влияет на характер взаимоотношений России со странами европейского сообщества. В итоге в России во взаимодействие вступили самые различные культурные традиции. Все это не могло не повлиять на культурное самосознание россиян.

Культурно-историческое развитие России невозможно представить без влияния Европы. Первые взаимодействия в культурной сфере относятся еще к древности, когда появляются упоминания об иностранцах и перед Россией встает вопрос: является ли она частью Европы или же определяет себя вне ее? Для России последние несколько веков Европа играет роль «другого/чужого», но при этом происходит постоянное взаимодействие культур двух стран. Ведь взаимодействие между культурами помогает не только приумножить опыт своей культуры, но и других культур.

Сложившийся спрос на изучение историко-культурной традиции во взаимоотношениях России и Европы определяется сегодня поиском места современной

русской культуры в мировом культурном процессе. В настоящее время «невозможно рассчитывать на плодотворность экономического, политического и социального сотрудничества без полноты и объективности понимания существа межкультурного диалога, сходства и различия локальных культур, процесса европеизации русской культуры как необходимой константы в ее поступательном развитии» [1, 3]. Для понимания особенностей русской культуры необходимо проследить историю взаимоотношений, которая складывалась между Европой и Россией до этого периода, ведь как считает В.С.Библер «культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих — культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур ...» [2, 289].

Отношения к иностранцам в России на протяжении всей ее истории складывались достаточно неоднозначно. В частности противоречия возникали в отношении к иностранцам со стороны правящего класса и со стороны простого народа. Хотя иностранцы сыграли немаловажную роль во всех сферах жизни русского общества описываемого периода.

Неприязнь и страх к иной культуре и иному народу формировали стереотипы. Как пишет Л.З.Копелев «образы чужого как представления о другом народе, укоренившиеся в сознании, подсознании и ставшие предубеждением, последовательно трансформируются и перерастают в образы врага, в предрассудки, от которых человечество страдает с самого начала своего существования» [4, 12]. Фантастически искаженные представления о другом народе, возникавшие из унаследованных предрассудков, из горького личного опыта, из «достоверных» рассказов очевидцев, становились образами врага.

В самом начале своего становления Русь всегда занимала очень выгодное геополитическое положение и поэтому впитала в себя наследие культур Востока и Запада, что коренным образом отразилось на мировосприятии ею других народов и цивилизаций.

Еще в XIII веке знакомство Руси начинается именно с немецкой культурой и немцами как народом, т.к. в это время установилось активное взаимовыгодное сотрудничество Руси и Германии, которое было построено на торговых связях. Б.Диркс отмечает, что «до этого времени бурное развитие торговли, отразившись на усилении интереса к образу жизни другого народа, способствовало укреплению добрососедских отношений между Русью и Германией, формированию адекватных представлений друг о друге.

С начала XVI в. интерес к иностранным городам не потерял своей актуальности. Одних интересовала политическая жизнь заграницы, других культурная и научная. Русские пытались сравнить свой образ жизни с образом жизни иностранцев. Однако началом постоянных взаимоотношений русских и чужеземцев, в частности англичан, считается, середина XVI века. Начались путешествия с целью обмена товарами, и открытия рынков стали регулярными. Но помимо

англичан в Россию, главным образом в Москву и Петербург, начали приезжать немецкие ремесленники, врачи, учителя.

Сложившаяся ситуация в России в начале XVII в., продиктованная политическими реалиями, побудила московское правительство призвать на русскую службу иностранных офицеров. Выходцы из-за границы: офицеры, медики, купцы, инженеры, мастера в этот период превратились в необходимый компонент русской действительности. По свидетельству М.В.Дмитриева, «В XVII в. в России складывалось представление о немцах как о нации людей умных, прилежных, трудолюбивых, как об искусных мастерах, владеющих секретами техники и научными познаниями. Рюс считает, что именно Германия формировала в то время у русских основное представление о Западе в целом. Кроме того, близкие контакты с немцами вызывали у жителей Москвы гамму противоречивых реакций: любопытство и опасение, восхищение и ненависть, удивление, уважение и насмешливое презрение. Складывавшийся образ «немца» формировался не столько благодаря усвоению книжной информации и личных контактов, сколько через слухи, сплетни, устные рассказы» [3, 204].

Знакомство, с культурой Европы начавшееся в XVIII в. инициировало двойственное к ней отношение: одни народы Западной Европы с их культурой и образом жизни привлекали к себе больше других и тем самым способствовали более тщательной и последовательной оценке. Да и сама западная культура и ее ценности были так многообразны, что, увлекаясь одними ее сторонами, русские люди неизбежно становились в критическое отношение к другим: для одних Западная Европа была дорога духом Просвещения, своим движением к свободе, сложным сочетанием рационализма и сентиментализма, культура революции и религиозного бунтарства, гуманизма и эгоцентризма. С другой стороны, образованный русский человек увлекается духовными исканиями Запада, его внутренней страстной жаждой соединить с земным небесное.

Период царствования Петра I считается переломным в отношениях между Россией и Европой. Он регулярно отправляет представителей знатных родов обучаться в страны Европы, а также приглашает иностранных специалистов в страну. Взаимоотношения между двумя культурами в данный период привели к изменению в быту, к тому же «среди высшего дворянства обычным делом стало знание языков, европейское платье и образ жизни. Именно отсюда началось то расслоение русской культуры, которое сохранилось вплоть до XX столетия» [7, 198].

До конца XVIII в. Россия оставалась все еще чуждой европейской культуре. Русские люди были оторваны от нее не в последнюю очередь потому, что почти не бывали за пределами своей страны. Однако в самом конце XVIII в. ситуация все же меняется. Облегчилась техническая сторона путешествий, поскольку Москва, Варшава, Прага, Берлин, Вена, Париж были уже связаны дорогами и почтовыми линиями [5, 70]. Образованные русские люди уже знали языки, охотно и с интересом знакомились с европейской культурой.

В результате в XVIII в. произошел раскол российской культуры на две: вестернизирующую культуру верхов и изоляционистски ориентированную культуру патриархальных масс. Одним из ярких проявлений этого раскола была двойственность, а порой противоположность самого образа Запада к статусу его образа в разошедшихся столь далеко культур. Для культуры верхов модернизация и вестернизация явились системообразующими характеристиками. Отсюда — ее ориентация на постепенное освоение западной культуры. Для традиционной, патриархальной культуры понимание Запада было не только не нужно, но и невозможно из-за ограниченности ее гносеологического потенциала [6, 27].

XIX век занимает особое место в становлении и развитии межкультурных взаимосвязях между Европой и Россией. Этому способствует ряд событий, как внешних так и внутренних, которые происходят в этот период в России. В 1801 г. к власти приходит Александр I, который проводит ряд реформ и открывает свободный доступ за границу, его увлекает мысль о необходимости европейского единения, гармонии в строгом европейском порядке, при котором народы Европы обрели бы истинное благополучие и процветание. Как дипломат он стремился к созданию системы многосторонних европейских союзов. Таким образом, открываются новые возможности во взаимодействии и взаимовлиянии различных культур.

Важным фактором в становлении национального самосознания стали события связанные с патриотическим подъемом русского общества в период Отечественной войны 1812 г. Победа в войне дала мощный толчок в развитии общественной мысли и русской национальной культуре, а также способствовала росту национального самосознания в России.

Период 1814—1825 гг. в России характеризуется широким и глубоким интересом к европейской философии, появляются разного рода тайные общества, кружки и философские салоны, которые стали своеобразной формой развития русской общественной мысли.

В результате подавления восстания декабристов в 1825 г. к власти приходит Николай I, который представил свой триумф как триумф русского национально-го духа. В этом отношении он воспринял манеру Фридриха Вильгельма III и других западноевропейских монархов, которые представляли перед подданными как примеры добродетели и частной жизни.

Поиски путей дальнейшего развития российского общества и российской культуры, а также взаимоотношения России и Запада нашли отражение в мировоззрении П.Я.Чаадаева. Отражением этих событий стали «Философские письма», в которых он остро и самобытно поставил вопрос об историческом развитии России и Западной Европы в их взаимном отношении друг и кругу и тем самым способствовал образованию славянофильского и западнического направлений в русской общественно-литературной мысли. Сороковые годы XIX века принесли то известное раздвоение общественной мысли России, которое выразилось в борьбе западников и славянофилов. Сами течения слагались

в истории культуры давно — уже в XVIII веке они заявили о своем существовании, а в XIX веке они оформились в две самостоятельные яркие ветви общественной мысли.

Таким образом, изучение связей и взаимоотношений между Россией и Европой в настоящее время представляется весьма важным. Они позволяют раскрыть малоизвестные аспекты формирующихся международных коммуникаций, объяснить характер взаимного общения, осветить новые, доселе неизвестные грани русской общественной мысли и историографии, показать вклад русских ученых в исследовании инфраструктуры, экономики, истории, этнографии и культуры народов Европы, а также постепенное установление с ними различных контактов, трансформацию образа Европы в России.

Примечания

1. Баженова Т.П. Европеизация русской культуры: сущность и особенности. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2005.
2. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1990.
3. Дмитриев М.В. Пушкарева Н.Л. Русские и немцы: представления друг о друге // Вопросы истории. 1991. № 6.
4. Копелев Л.З. Чужие // Одиссей. Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994.
5. Оболенская С.В. Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994.
6. Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998.
7. Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.

В.И.Гольцов

г. Самара

Самарский государственный университет

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одним из обстоятельств, существенно влияющим на развитие исторической науки, является ее зависимость от общества, в котором она функционирует.

На данном обстоятельстве обычно делают акцент при сравнении статуса исторической науки при демократии и при тоталитаризме, что вполне понятно. В демократическом обществе, исповедующем либеральную политическую культуру, существуют различные точки зрения, в том числе и в науке. В таком обществе отсутствует государственная идеология, под которую должны подгоняться все данные научных исследований, отсутствует монополия на истину. Собственно

говоря, только в таких условиях, предполагающих широкий спектр мнений и научный, а не идеологический спор между различными точками зрения и можно говорить о существовании истории как науки. Что же касается тоталитарного общества, предполагающего контроль правящей элиты над всеми сферами жизни общества, включая духовную, то историческая наука становится в нем всем, чем угодно — только не наукой. О существовании истории как науки в тоталитарном обществе говорить нельзя, потому что нельзя говорить об исторической науке в ситуации, когда история постоянно переписывается в связи с изменением политической конъюнктуры, когда фактический материал подгоняется под заранее подготовленные концепции, когда существование множества точек зрения (нормальное условие функционирования любой науки) объявляется вредным, а считающаяся правильной единственная точка зрения становится таковой не в результате споров в научном сообществе, а по решению «сверху».

Можно привести многочисленные примеры превращения истории при тоталитаризме из науки в служанку идеологии. Например, в тоталитарный период истории СССР после выхода в свет книги «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» любые отступления от трактовок, данных в ней, были невозможны. Примечательно, что одновременно с выходом этой книги было издано постановление ЦК ВКП(б) «Об организационных и пропагандистских мероприятиях в связи с выходом «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», в котором, в частности, говорилось, что наконец-то множественность точек зрения на историю сменилось единственно правильным взглядом. Признание различных взглядов в науке аномалией и стремление сверху установить некую истину, под которую теперь нужно было подгонять все исторические исследования, означали конец истории как науки в нашей стране. В такой ситуации история должна была уже не решать научные проблемы, а всего лишь иллюстрировать заранее известные выводы.

На самом деле проблема зависимости исторической науки от общества и государства обстоит сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Не только в тоталитарном обществе власть пытается использовать историческую науку в своих целях. Любая власть, учитывая, что история содержит в себе сильную аксиологическую составляющую, пытается так или иначе повлиять на историческую науку в тех или иных целях — воспитания и формирования определенных ценностей; формирования национальной / государственной идентичности и т.д.

К примеру, в России в XIX веке, который с точки зрения политического режима может характеризоваться как авторитарный, но никак не тоталитарный, от образования, в том числе и исторического, требовали в первую очередь стать воспитанием, формирующим в сознании молодого человека некие «умственные плотины» на пути революционных и либеральных идей. На рубеже XX—XXI вв. во многих молодых государствах, в том числе и демократических, историческая наука в значительной степени пытается формировать национальную / государственную идентичность. В современной России, как и во времена С.С.Уварова,

все явственнее проявляется стремление превратить историческое образование из средства получения знаний в средство формирования в сознании молодых людей определенных идеологем, угодных якобы обществу (а на самом деле власти).

Подобных ситуаций настолько много, что они порождают точку зрения о социально ориентированной (в противоположность научно ориентированной) историографической культуре, выполняющей определенный заказ власти и общества, находящейся ближе к массовому сознанию и оказывающей большое влияние на формирование коллективной памяти [1, 75—76]. Естественно, что возникает вопрос: как относиться к этому? Не к попыткам «государственного / национального / социального заказа» (подобные «заказы» были, есть и будут), а к историографии, их обслуживающей?

В рамках приведенной выше точки зрения утверждается, что, постольку так называемая социально ориентированная историография тесно связана с массовым сознанием, то борьба с такой практикой историописания наивна, ибо означает борьбу с социально ориентированными образами прошлого, с проявлениями массового сознания [1, 76].

С такой позицией вряд ли можно согласиться. Критика так называемой социально ориентированной историографии вовсе не есть призыв бороться с проявлениями массового исторического сознания. Эта критика есть призыв называть вещи своими именами: науку — наукой, а так называемую социально (государственно, национально) ориентированную историографию — средством идеологического воздействия, пропагандой и т.п., то есть тем, чем на самом деле эта «историография» является. И оценивать ее в соответствии с этим реальным статусом, не ставя ее в один ряд с «научно ориентированной историографической культурой», то есть с наукой. Это особенно необходимо для отечественной историографии, учитывая, что в нашей стране уже имеется горький опыт превращения исторической науки в пропаганду.

Примечания

1. См., напр.: Маловичко С.И. Конструирование образа национального прошлого в социально ориентированной и научно-ориентированной историографических культурах // Национальный / Социальный характер: археология идей и современное наследство. М.: ИВИ РАН, 2010.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГУСТАВА ЭВЕРСА

Иоганн Филипп Густав Эверс (1779—1830) — русский историк немецкого происхождения. В отечественной исторической науке он является одним из первых последователей принципа историзма. Эверс отказался от морализующего, нравоучительного тона в изложении материала, которым до него излагались практически все исторические сочинения по истории России. Явления истории, по мнению Г.Эверса происходили в определенной обстановке и поэтому не должны служить назиданием настоящему, т. к. исторические явления и процессы «живут» только в контексте своего времени и своей эпохи [1, 227, 230].

Тщательный анализ памятников Русской истории, предпринятый Эверсом, нередко сравнивают с методами научной исторической критики его учителя А.Л.Шлецера [2, 126], историко-статистический метод которого, по мнению В.О.Ключевского, состоит в разборе фактов: «его интересуют размеры, цифры и количества». Разработанная Шлецером методология, точнее метод критического подхода к историческим источникам, был реализован им самим только наполовину: в критическом издании Нестора представлена только его малая (или низшая) критика — критика текста. Ключевский вообще отказывался причислять А.Л.Шлецера к историкам — он критик. «Он не двинулся не на шаг вперед по сравнению с самим Нестором в понимании фактов» [3, 448, 451].

Принципы научной критики исторического источника впервые в русской историографии реализовал Г.Эверс. Он тщательно проанализировал памятники русской истории и дал научную трактовку фактов, ими сообщаемых; широко использовал иностранные источники, особенно византийские, впервые заинтересовался арабскими. Историк-юрист «подолгу задерживался на законах и договорах» [4, 154], понимая их общее значение как срез общественно-политической и социально-экономической конъюнктуры периода их появления. Письменные законы — продукт государственной деятельности, поэтому анализ их содержания он предваряет историко-критическим изучением сопутствующей эпохи [5, 286—357].

Этот факт дает основания считать, что Г.Эверс с методологической точки зрения, был ближе к исторической критике немецкой исторической школы права, в частности А.Геерену, Ф.К.Савиньи, К.Ф.Эйхгорну.

Г.Эверса не без оснований называют первым историком русского права. Особая заслуга дерптского историка состоит в том, что он «впервые решился

приложить к русской истории естественные законы развития человеческого общества» [6, 207]. В этом контексте следует упомянуть об адаптированной им для русской истории концепции родового быта, ранее представленной в сочинениях представителей немецкой исторической школы права.

В законченном виде родовая теория происхождения государства нашла отражение в монографическом исследовании Г.Эверсом «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии». В данной работе прослеживается влияние теории исторического прогресса И.Г.Гердера [7, 196] и отчасти философского учения Г.В.Ф.Гегеля, представленного в его лекционных курсах о личности, обществе, государстве и праве, в законченном виде — на страницах «Философии права».

Обобщая вышеизложенный материал, отметим, что в исследованиях Г.Эверса, посвященных начальному периоду российской истории, отразился принцип историзма: в подходе к анализу исторических явлений, в структуре изложения и преподнесения материала. Четко структурированные главы и разделы его трудов обусловлены логикой изложения материала, представлением связей и закономерностей исторического процесса, выявленными в ходе работы с историческими источниками. Изучение истории русского государства и права он производит с учетом конкретно-исторической обстановки соответствующей эпохи, во взаимосвязи и взаимообусловленности внутренних событий и внешних обстоятельств. Большое внимание уделяет историк анализу причин и факторов, послужившими основой тех или иных явлений, он прослеживает путь их развития, который предстает перед нами как процесс естественного состояния.

Примечания

1. Историография России до 1917 г. В 2 т. Т. 1 / Под ред. М.Ю.Лачаевой. М.: ВЛАДОС, 2003.
2. Шикло А.Е. Он заставил думать над русскою историюю: Иоганн Филипп Густав Эверс // Историки России XVIII — нач. XX вв. / Отв. ред. А.Н.Сахаров. М.: Скрипторий, 1996.
3. Ключевский В.О. Лекции по русской историографии / Сочинения. Т.8. Исследования, рецензии, речи (1890—1905). М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1959.
4. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е.Иллерицкого, И.А.Кудрявцева. М.: Высшая школа, 1971.
5. Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Перевод с нем. И.Платонова. СПб.: тип. Штаба Отд. корп. вн. стражи, 1835.
6. Шпилевский С.М. Статьи, написанные для произнесения в торжественном собрании Казанского университета в 100-летний юбилей Карамзина // Издание редакции «Известий и ученых записок» Казанского университета. Казань, 1866.
7. История философии / Под ред. А.С.Колесникова. СПб.: ПИТЕР, 2010.

О МЕСТЕ АНЕКДОТА В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

И с точки зрения марксистской методологии истории [1, 8; 2, 129—148] и с точки зрения источниковедческой парадигмы методологии истории (феноменологической концепции источниковедения) [3; 4; 5] анекдот идентифицируется в качестве исторического источника. В первом случае, так как он просто несет информацию о прошлом, во втором — является продуктом целенаправленной человеческой деятельности и позволяет познать нам «другого», человека прошлого.

Познание «другого» возможно через любой исторический источник, независимо от его видовой принадлежности. А.С.Лаппо-Данилевский еще в начале прошлого века отмечал, что «исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [6, 175].

В плане установления «психического» контакта историка и «другого», по нашему мнению, наиболее продуктивно изучение нарративов (повествовательных источников), так как в них, в отличие от законодательных, статистических или делопроизводственных документов, изначально и целенаправленно закладывались определенные идеи, предлагались трактовки и интерпретация тех или иных событий. В нарративных источниках, в том числе и в анекдотах, нашли закрепление именно те оценки, которые человек прошлого хотел донести до потомков (или, по крайней мере, современников).

Попытаемся определить место анекдота в системе исторических источников. Данная задача представляется нам довольно сложной, т.к. в отечественном и зарубежном источниковедении не существует единой общепризнанной классификации и типологии исторических источников [3; 7, 16—22; 8; 9, 3—24; 10, 122—127; 11, 198—200].

В 1905 г. немецким историком Э.Бернгеймом в знаковой работе «Введение в историческую науку» [12] была предложена следующая классификация исторических источников: 1. Непосредственное наблюдение и воспоминание; 2. Известия (традиция). Сюда относятся сообщения или предания, состоящие из устных и письменных преданий. В число сообщений (изобразительной традиции) ученый включал картины, рисунки, скульптуры, географические карты и т.п. К устным преданиям (устной традиции) Э.Бернгейм относил песни, былины, рассказы, легенды, крылатые слова, пословицы и, что для нас представляет особый интерес, анекдоты. К письменным преданиям (письменной традиции) ученый относил исторические надписи, генеалогические таблицы, анналы, надгробные надписи, мемуары, периодическую печать; 3. Остатки старины (материальные

остатки, язык, обычаи, учреждения, деловые акты, произведения наук, искусство, ремесла, монументы, монеты и пр.). Таким образом, анекдот был отнесен Э.Бернгеймом к так называемым «известиям» и был включен в число устных преданий.

Во всех источниковедческих концепциях, где в той или иной степени имелось деление источников на «остатки» и «традицию», анекдот вместе с другими фольклорными жанрами, что вполне закономерно, неизбежно причислялся к «исторической традиции».

В классификации исторических источников Л.Н.Пушкарева место устным фольклорным источникам отводится между обрядовым фольклором и образцовыми формами языка. При этом ученый обращает внимание на тесную связь устных фольклорных источников и письменной формы бытования фольклора. Последняя, в свою очередь, уже близка к письменным источникам [8, 259—260]. Кстати, под устным (фольклорным) источником Л.Н.Пушкарев подразумевал «художественный образ реальной действительности, характеризующийся устной формой передачи и коллективностью создания, исполнения или распространения» [8, 196].

Что касается письменных источников, то они были разделены Л.Н.Пушкаревым на две большие группы: документальные и повествовательные. К первым ученый отнес картографические, статистические, актовые и канцелярские источники, ко вторым — личные, художественные, исторические, научные. Очевидно, что наиболее близкими к фольклору (и, соответственно, такому его жанру как анекдот) являются произведения художественной литературы.

Примечания

1. В рамках марксистской методологии источник рассматривался в свете учения об информации. Было принято следующее понятие исторического источника: «Исторические источники — это все, отражающее развитие человеческого общества и являющееся основой для его научного познания, т.е. все, созданное в процессе человеческой деятельности и несущее информацию о многообразных сторонах общественной жизни» (Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д.Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981).

2. Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: К постановке проблемы // История СССР. 1982. № 3.

3. См., напр., Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М., 1998.

4. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

5. Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». 2009. № 4; 2010. № 7 и др.

6. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II. С. 375.

7. Подробнее см.: Саар Г.П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930.
8. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. 281 с.
9. Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. XVI. С. 3—24.
10. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
11. Пчелов В.Е. К вопросу о принципах классификации исторических источников // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и материалы выступлений на второй Всероссийской конференции, 12—13 марта 1996 г. М., 1997. Вып. 1. С. 198—200.
12. См.: Bernheim E. Einleitung in die Geschichtswissenschaft. Leipzig, 1905. Впервые в русском переводе эта работа вышла уже в 1908 г.: Бернгейм Э. Введение в историческую науку / Пер. В.А.Вейнштока. СПб., 1908.

И.Ю.Демичева

г.Нижний Новгород

Нижегородский институт развития образования

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИКОНОГРАФИИ И СЕМАНТИКИ МАЙЯСКИХ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК I ТЫС. н.э.

Одним из направлений в исследовании материалов коропластики является изучение иконографии и семантики. Применительно к майским терракотовым статуэткам классического периода комплексный анализ подобного рода не проводился. В большинстве своем данные предметы мелкой пластики привлекались исследователями в качестве дополнительного исторического источника. В связи с этим, только ряд ученых в своих работах косвенно использовали иконографическую и символично-знаковую информацию терракот.

В 30—80 гг. XX в. исследователи в первую очередь привлекали терракоты при изучении вопросов, касающихся характеристики социальных групп майяского общества, костюма майя, описанию различного рода анатомических деформаций. Так, например, на базе терракотового материала Р.Рэндс и Б.Рэндс выделяют несколько социальных групп (воины, игроки в мяч) [1]. Характеризуя костюм игрока в мяч Т.А.Джойс описывает его по фигурке из Лубаантуна [2, XV—XXV]. О различного рода деформациях и скарификации упоминает Дж. Томпсон. Насечки на лбу, часто встречающиеся на антропоморфных изображениях Р.Рэндс и Б.Рэндс идентифицируют как показатель статуса человека [3]. Эти же насечки С.Лотроп, В.Фошаг и Дж.Малер рассматривают как способ изображения майяскими коропластами деформации носа [4].

В конце XX в. (1980—2000 гг.) диапазон вопросов, при изучении которых используется терратоты значительно расширяется. Их начинают привлекать в качестве источника для рассмотрения ряда особенностей гендерных отношений. Основываясь на том, как и за какими занятиями изображались представленные на терракоте люди, делаются выводы о специфических мужских и женских занятиях [5, 167—195].

Большее внимание уделяется статуэткам животных и птиц. Некоторые исследователи отмечают, что специфика зооморфных терракот позволяет проникнуть в суть отношений майя к окружающей среде [6, 686—715; 7, 868—883].

Анализируя иконографию и семантику терракотовых статуэток майя классического периода необходимо отметить фундаментальные работы отечественного исследователя Ю.В.Кнорозова, в которых на примере письменных источников разработан принцип иконографического анализа. Ученый дает развернутую характеристику образам мужских и женских персонажей, животных, встречающихся в рукописях майя [8, 239—246]. Выделяет набор неодушевленных предметов, с которыми изображены данные персонажи [8, 247—248]. Детально анализирует различные варианты образов божеств и сводит их в единую систему. Уделяет внимание майяскому мужскому и женскому костюму. Принципы иконографического анализа, разработанные Ю.В.Кнорозовым могут быть успешно использованы и при работе с терракотовым материалом.

Таким образом, в майяской историографии по вопросам иконографии и семантики можно выделить несколько хронологических периодов. 30—70-х гг. XX в. характеризуются активным накоплением терракотового материала и отсутствием единой концепции анализа. В это время появляются первые научные работы по семантике и типологии терракот.

Начиная с 80-х гг. идет процесс широкого вовлечения данного археологического источника в научный оборот. Антропоморфные статуэтки используются при изучении гендерных отношений в обществе майя, вопросах касающихся политического и социального устройства. Зооморфные фигурки помогают выстроить закономерности отношений майя к природе и религии, взаимодействию животного и человека. Окончательно выстраивается проблематика работ.

Для начала XXI в. характерно продолжение историографических традиций, сложившихся в предшествующие периоды.

Изучение иконографии и семантики терракотовых статуэток майя имеет достаточно длительную историю. Многие вопросы, поставленные еще в середине прошлого века, не получили полного освещения, как в отечественной, так и зарубежной историографии. Вплоть до сегодняшнего дня отсутствует комплексное исследование монографического характера, в рамках которого была бы создана единая типология терракотовых статуэток майя классического периода и система семантического и иконографического анализа.

Примечания

1. Rands R., Rands B.C. Pottery Figurines of Maya Lowlands // Archaeology of Southern Mesoamerica. University of Texas, 1965.
2. Joyce T.A. The Pottery Whistle-Figurines of Lubaantun. Journal of the Royal Anthropological Institute. LXIII. 1933. P. XV—XXV.
3. Rands R., Rands B.C. Pottery Figurines of Maya Lowlands // Archaeology of Southern Mesoamerica. University of Texas, 1965.
4. Lothrop S.K., Foshag W.F. and Mahler J. Pre-Columbian Art: Robert Woods Bliss Collection. New York: Garden City, 1957.
5. Joyce R.A. The Construction of Gender in Classic Maya Monuments // Gender and Archaeology, edited by Rita P. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996.
6. Grube N., Nahm W. A Census of Xibalba: A Complete Inventory of Way Characters on Maya Ceramics // The Maya Vase Book. Vol. 4. New York: Justin Kerr Associates, 1994.
7. Calvin Inga. Were the Wayob Live: A Further Examination of Classic Maya Supernaturals // The Maya Vase Book. Vol.5. New York, 1997.
8. Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.-Л.: Академия наук СССР. Институт этнографии, 1963.

С.Л.Дударев

г.Армавир

Армавирская государственная педагогическая академия

ИЗ ОПЫТА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Реализуя подходы «новой локальной истории» [1, 7—18; 2, 151—159], специалисты обращаются к вопросу о формировании региональной и множественной идентичности в рамках Северного Кавказа [3, 240]. Подобные вопросы интересуют и автора [4, 19—24; 5; 6]. Сегодня мы стремимся, на основе самоанализа, продемонстрировать *одну из сторон* формирования собственной идентичности, и полагаем, что эта работа, которая только начинается, может послужить ориентиром для других современников.

Правы те, которые утверждают, что в процессе самоидентификации большую роль играет песенная культура. Ниже мы обратимся к оценке ее роли для формирования мировосприятия и самоидентификации автора.

1. Раннее детство (3—6 лет: 1954—1957). Детсадовский фольклор, «общесоветские» песни («Родина слышит, Родина знает...»), мировой культурный пласт («Кармен») и т.д.

2. Позднее детство и отрочество (7—14 лет: 1958—1965). Пионерский, комсомольский, «общесоветский» и российский (русский) пласты (они, особенно два последних, были практически синонимичны и шли в «едином потоке»), мировая классика (арии из опер, оперетт), элементы рок-культуры в конце периода

(«Битлз») и др. Влияние советской составляющей во многом за счет дошкольных и школьных учреждений.

3. Юность и молодость (15—25 лет: 1966—1976). Заметный компонент рок-культуры («Битлз», Т.Джонс, Э.Хампердинк, Д.Руссос), реже — музыки соцстран. С 1970 г. — сильное влияние яркой и своеобразной молодежной субкультуры археологических экспедиций профессора В.Б. Виноградова, включавшей в себя в песенном отношении целый ряд равноправных компонентов, иногда с шуточной маркировкой. Жанры «отрядного фольклора»: «Славянский угар» (великорусские, «монархические» элементы) («Из-за острова на стрежень...», «Как ныне собирается вещей Олег...»); Советский патриотический («На братских могилах...», песни из к/ф «Щит и меч» и др.); «Шансон» («Цыганка старая...»); «Восточный» («Турок-1», «Турок-2»); Улично-лирический («Голуби целуются на крыше»); «Дембельский»; и др. Толерантное восприятие местной чечено-ингушской музыки, запоминание ее мелодий на долгие годы.

4. Молодость (26—35 лет: 1977—1986). Включение в репертуар «отрядного фольклора» городского романса и творчества бардов (Б.Окуджава, В.Высоцкий). На личном срезе — лирика Ю.Антонова и т.д. Специфически «советская» составляющая внешне не доминирует, но лежит в *подоснове мировосприятия*: реакция автора на исполнение советского гимна на русском языке американским певцом после победы хоккейной команды СССР над американско-канадскими профессионалами (14.10.81).

5. Зрелость (36—45 лет: 1987—1996). Музыкальные составляющие 3 и 4 этапов: «отрядный фольклор», городской романс, лирика — дополняются, с одной стороны, зарубежными элементами (Дж.Дассен, Т.Кутуньо и др.). С другой, на протяжении всего этапа идет постепенный, а во второй его половине — явный рост позитивного восприятия и все более душевного понимания русской национальной музыкальной культуры, в том числе, ее симфонического пласта (особенно творчества Г.Свиридова), казачьей песенной тематики.

6. Зрелость и начало старости (46—60 лет: 1997—2011). Сохранение и укрепление части ранее возникших предпочтений. Новое увлечение — греческая музыка. Безусловное одобрение и поддержка русского национального (в т.ч. казачьего) компонента, лучшее понимание отдельных его особенностей (как музыки, так языка и фольклора), осознаваемых через перипетии личной судьбы и судеб страны, понимание и опыт ученого. Восприятие мелодии сегодняшнего гимна России на фоне ее прежнего текстового оформления. Реминисценция «Интернационала» и социальная ситуация в стране. Стойкая память о вайнахской музыкальной составляющей в условиях Кубани. Положительное восприятие армянских мелодий, как части культурного фона Армавира.

Итог. К 5 периоду советский пласт постепенно занял «периферийное» положение. Однако связка в сознании (российский-русский-советский) осталась («*навекы сплотила Великая Русь*»). На первый план в 3—4 периодах выходили «гетерогенные» многонациональные, зарубежные, меньше — маргинальные

элементы. Затем стал наблюдаться рост русского национального компонента (при сохранении «интернациональности» и неприятии в целом «шансона»). Возможные причины: его «компенсаторно-ностальгическая» роль в условиях ухода из эфира тематики советских лет, рост соответствующего личностного самосознания в контексте депопуляции России.

Сегодня можно сказать, что в ощущении мира автор воспринимает себя как человека, несущего в себе российско-русские, советские, интернациональные черты (с маркирующей кавказской компонентой). В этом видится часть ментального спектра современных россиян-русских, отражение феномена «российскости» [7, 88—101; 8] в его южнороссийско-кавказском варианте.

Примечания

1. Булыгина Т.А., Маловичко С.И. Новая локальная история: новые исследовательские практики // Новая локальная история: Сборник научных статей. Вып. 3. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.

2. Булыгина Т.А. Подходы «новой локальной истории» к изучению местной истории // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 11. Ставрополь, 2010. С.151—159.

3. Булыгина Т.А. Новая локальная история полиэтничного региона // Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории: К 70-летию доктора исторических наук, профессора А.А. Кудрявцева. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С.240.

4. Дударев С.Л. Проблемы идентичности: Россия, Северный Кавказ, Кубань // Историческое регионоведение — вузу и школе (10-я Всероссийская конференция). Москва-Армавир, 2007. С. 19—24.

5. Дударев С.Л. Это было недавно, это было давно... Армавир-Ставрополь, 2008. 272 с.

6. Сборник научных работ С.Л.Дударева. М.: Илекса, 2011. 558 с.

7. Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. № 45, 2007. Посвящается 100-летию со дня рождения академика АН СССР А.Л.Нарочницкого / Отв. ред. В.В.Черноус. Ростов-на-Дону, 2007. С. 88—101.

8. Лики российскости. Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б.Виноградова. 2009—2010 гг. Армавир, 2010. 112 с.

**ДИСКУССИИ О ВЛИЯНИИ ПРОТЕСТАНТИЗМА
НА РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ
В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА**

В процессе становления и утверждения капитализма в Западной Европе в раннее новое время на развернувшиеся в эту эпоху социально-экономические процессы заметное влияние оказал и религиозно-культурный фактор, в первую очередь влияние протестантизма. В XVI—XVIII веках влияние религии на жизнь западноевропейского общества было очень значительным — религия была, по сути дела, массовой «практической» идеологией, во многом предопределяя повседневную деятельность человека и ее осмысление в разных сферах знания от экономической теории до педагогики [1].

В отечественной исторической науке в советский период раннее новое время не воспринималась как целостный период, вследствие чего XVI—XVIII века подразделялись на «позднее средневековье» (XVI — середина XVII) и на начальный отрезок Нового времени (вторая половина XVII—XVIII вв.) [2, 5].

В XVI веке в деятельности протестантов первого поколения в рамках характерного для протестантизма учению о предопределении обсуждались идеи о воспитании трудом, о значении человеческих деяний в различных сферах земной жизни, целью которых провозглашались нравственное усовершенствование и спасение. Труд перестал рассматриваться как проклятие и стал пониматься как необходимая деятельность в соответствии с призванием в рамках той профессии, в которую поместил человека Бог. Эта проблематика обсуждалась в трудах евангелических богословов М.Лютера, Ф.Меланхтона, И.Штурма. В трудах этих авторов обосновывается духовная связь протестантизма и воспитания: Бог — личное Божество, которое открывает значимость внутреннего покаяния, приводящее к предопределению земных призваний и трудовых усилий каждого во имя спасения. Фактически в протестантизме предлагалось понимание труда как своего рода мирской аскезы.

В XVII веке в евангелическом протестантизме (лютеранстве) продолжали активно обсуждаться и внедряться в сознание прихожан идеи о важности ремесленного труда и практических умений, направленные на укрепление благочестия каждого человека посредством внедрения в мирскую жизнь аскетизма.

Уточняется принцип трудового воспитания: познание мира и Бога происходит через природу и собственный опыт (И.Геккер, К.Землер, А.Франке).

Доминирование идей практического христианства, религиозное послушание посредством трудолюбия и угождение Богу через возможность получения большей прибыли стало отличительной особенностью XVIII века. Преобладают идеи филантропизма, обоснованные в трудах И.Б.Базедова, Б.Г.Блаше, Х.Г.Зальцмана, И.Г.Хойзингера, повлиявшие на дальнейшее распространение протестантской этики [3, 347].

В начале XX века большой вклад в осмысление проблем, связанных с анализом влияния протестантской ментальности на развитие капитализма внес известный немецкий социолог Макс Вебер (1864—1920). «Протестантская этика и дух капитализма» — его относительно ранняя, но типичная для Вебера по постановке вопроса работа. Его научные поиски были направлены на выяснение того, как влияют те или иные религиозные установки на экономическое развитие. По мнению М.Вебера, накопление капитала в европейском обществе раннего нового времени появляется не только из-за низкого стремления к наживе, а обусловлено также религиозной верой.

В обсуждении этих проблем в немецкой философии и социологии в начале XX века сложился определенный спектр мнений. Еще один крупный немецкий социолог Вернер Зомбарт (1863—1941) скептически относился к «Протестантской этике», считая, что исследование Вебера «слишком тонкое» и явно преувеличивающее значение религиозного фактора в образовании капитализма [4, 181].

Дополнительную популярность теории Вебера придало еще и то, что «веберизм» как идеология оказался востребованным для оправдания капитализма. Согласно этой идеологии, капитализм получает религиозное оправдание, исходящее из самой основополагающей концепции христианства — учении о спасении. «Подлинный» капиталист, по мнению Вебера — это верующий аскет, живущий очень скромно и вкладывающий всю прибыль в производство, причем делает это он не ради прибыли, а ради Бога [5, 198—199]. Предопределение, как дополнительный мотив к труду (отношение к труду как к «знаку» избрания), аскетизм, как фактор, сдерживающий бездумные, нерациональные расходы и направляющий прибыль в производство — все это, по мнению М.Вебера, сформировало облик современного этому немецкому мыслителю, рационального, развитого западного капитализма.

Примечания

1. Кузьмина Ю.А. Влияние протестантизма на развитие трудового воспитания в немецкой педагогике: XVI XX вв. Ростов-на-Дону, 2007.
2. Раков В.М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI—XVIII вв.): Учеб. пособие. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999.
3. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., Прогресс, 1987.
4. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.

5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

В.Н.Ерохин

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Тенденции в развитии исторической науки, в результате возникновения которых история приобрела современный облик и содержание, восходят к 1960-м годам. С тех пор история прошла большой путь в том, что касается ее методологических основ и проблематики исследований, признаваемых в научно-историческом сообществе в качестве наиболее значимых и продуктивных в познавательном отношении. В последние полвека в зарубежной исторической науке произошли значительные изменения. С рубежа 1980—90-х годов новые методологические веяния, интерес к новой проблематике проникли также в отечественную историческую науку. В небольшом по объему выступлении может быть представлен лишь общий очерк развития мировой исторической науки в контексте происходивших во второй половине XX века общественных изменений на фоне появления наиболее значимых научно-теоретических новаций, о чем и пойдет речь далее.

В начале 1960-х годов в западноевропейской исторической науке изучение истории по своему содержанию строилось для большинства профессиональных историков в первую очередь как обращение к политической истории, истории государства и конституционно-политического устройства, к военной и дипломатической истории с обращением внимания еще также на вопросы экономической истории и истории культуры. Это была традиционная проблематика так называемого классического историзма.

Вместе с тем, к 1960-м годам среди западных историков участились утверждения о том, что влияние традиционного классического историзма не дает возможности для активного взаимодействия между историей и социальными науками, ведет даже к интеллектуальной изоляции истории в рамках гуманитаристики, к нежеланию историков обращаться к главным проблемам в жизни общества и поиску ответов на вопросы о том, что интересует простых людей за рамками академического сообщества. Утверждалось, что научно-академическая история, при всей ее учености, до сих пор смогла удивительно мало прояснить то, как функционирует человеческое общество, и по каким причинам происходят важнейшие общественные изменения.

В качестве средства преодоления этих недостатков предлагалось установление более тесных связей с социологией, психологией, социальной антропологией, использование материалов статистики, освоение компьютера. Огромные надежды стали возлагаться на исследование экономической истории с опорой на математические методы, активно развивавшееся в США под названием «клиометрия» (новая экономическая история). В 1960—70-е годы использование количественных математических методов принесло, с одной стороны, некоторые существенные научные результаты. Этот подход избавил историческую науку там, где это было возможно, и где имелись массовые источники, позволяющие использовать количественные методы обработки, от вероятностных суждений установлением более конкретных знаний. Были проведены важные историко-демографические исследования, выявлены антропометрические характеристики населения в крупнейших западноевропейских странах в новое время там, где стали проводиться переписи населения. Углубились знания в области истории экономики. В то же время стали ясны и пределы использования математических методов в изучении истории. Знание математики и количественных методов, как оказалось, не отменяет необходимости глубоких качественных, содержательных по характеру знаний об изучаемом периоде, которые необходимы для того, чтобы адаптировать математические методы к историческому исследованию, задать источникам адекватные, имеющие познавательное значение вопросы, а потом истолковать полученные в результате статистических подсчетов цифры. Выяснилось, что история так и остается качественной, содержательной отраслью знания, не поддающейся формальной количественной редукции только к тому, что можно изучать путем подсчетов, поскольку в истории важные еще и проблемы понимания, самосознания действующих лиц в историческом процессе.

Плодотворным, по признанию многих исследователей, стало активизированное с 1960-х годов взаимодействие между историей и социальной и культурной антропологией, что способствовало изучению ряда проблем (религиозных верований, общественных церемоний и ритуалов, родственных отношений), формировало понимание того, что исследование прошлого связано с проблемой понимания «Другого» из-за различий в мировоззрении и психологии. Многие историки стали понимать исследовательскую деятельность в рамках своей науки как своего рода «ретроспективную этнографию», задачей которой является не только объяснение, но и описание, интерпретация. Распространилось осознание того, что для понимания прошлого надо попытаться выяснить, что думали о происходящем сами участники и современники происходивших событий. Было осознано как целесообразное изучение словаря, круга понятий, субъективного опыта людей, живших в прошлом. Оказалось, что в прошлом и настоящем бывают ситуации, когда для людей оказывается более важным то, что, как они думают, в данном случае произошло или происходит, а не то, что, как можно выяснить, произошло на самом деле. В результате этого становилось возможным,

например, и распространение «охоты на ведьм», и строительство коммунизма, и разрушение СССР ради некоего вхождения в «цивилизованный мир». Вряд ли кто-то из участников подобных процессов видел ведьм, никто не видел коммунистического общества, но действующие лица в ходе таких процессов упорно стремились к представлявшейся им значимой цели. Человеческое воображение оказывалось способным и, пожалуй, по сей день способно превратиться в мощнейший поведенческий регулятор.

Междисциплинарные связи истории за последние полвека значительно активизировались. Историки глубже осознали то влияние, которое оказывает на общественно-исторические процессы географическая среда. Обращение к данным археологии показало, что данные письменных источников могут быть существенно дополнены анализом различных остатков прошлого — самыми разными артефактами, остатками зданий, рассмотрением измененного человеческой деятельностью ландшафта. Историки искусства открыли дополнительные возможности исторического анализа путем изучения визуальной культуры того или иного периода, в результате чего в научно-исторические труды стали возвращаться иллюстрации. Литературоведы показали, что вдумчивый анализ произведений художественной литературы может дать знание, иногда не уступающее по важности данным документальных источников.

Исторические исследования стали в последние полвека еще более концептуально нагруженными. В круг чтения профессиональных историков вошли не только труды их непосредственных коллег по ремеслу, но и работы Макса Вебера, Джона Мейнарда Кейнса, Зигмунда Фрейда, Клода Леви-Стросса, Клиффорда Гирца, Томаса Куна, Мишеля Фуко, Жака Дерриды, Пьера Бурдьё, Бенедикта Андерсона и ряда других социологов, экономистов, философов, антропологов. Используемый ими понятийный аппарат повлиял на профессиональный язык историков. В современной исторической науке распространено мнение, что новые результаты в осмыслении развития человеческого общества могут быть получены как раз в результате теоретического прорыва, который может произойти в социальных науках, или под влиянием тех или иных новых крупных событий в жизни современного общества.

В 1970—80-е годы большой резонанс в гуманитаристике и социальных науках вызвало появление постмодернизма, и на ряд постмодернистских идей были вынуждены реагировать профессиональные историки, поскольку из трудов постмодернистов вытекало, что историческую реальность прошлого исторические источники не выражают. В постмодернистском толковании получалось, что из текста исторического источника, который рассматривался как непреодолимо субъективный, можно избирательно узнать кое-что о той реальности, в которой жил автор-составитель источника, еще больше можно узнать о мировоззрении этого автора-составителя и о тех идеях, которые были распространены в ту эпоху, когда он жил. Ожидать же чего-то большего от текста исторического источника — или наивность и неискушенность, или сознательный обман читателя,

потому что через текст источника невозможно прорваться к исторической реальности прошлого как таковой, чему мешает также и неопределенность языка источника. Эти казавшиеся поначалу подрывными для объективности исторического знания постмодернистские идеи все же были подвергнуты обоснованной критике. Было показано, что критическое сопоставление всех доступных для изучения той или иной проблемы источников все же способно выявить в ходе исторического исследования достоверное ядро фактов для понимания событий прошлого при всей субъективности источников и языка, инструментальном и условном характере используемых историками понятий. Человеческий язык, хотя в нем и можно обнаружить двусмысленности, неопределенности, в практическом плане все же успешно выполнял роль адекватного средства познания окружающего мира и межличностной коммуникации и в прошлом, и в настоящем, иначе оказалось бы невозможной вообще эффективная деятельность человека не только в познании прошлого, но и в других сферах. В результате традиционное для профессионального исторического сообщества мнение о том, что определенные события в прошлом реально произошли, а историки могут получить достоверное знание об этом, не было поколеблено постмодернистами.

Тем не менее, под влиянием постмодернизма прежде существовавшая социальная история, претендовавшая на изучение объективного хода социально-экономических процессов, стала превращаться в направления, называемые сейчас новая культурная история и интеллектуальная история. Эти направления исходят из того, что различные общественные практики конструируют и реализуют в общественной жизни люди, действующие на основе своих сознательных и бессознательных ментальных предрасположенностей и выразительных средств языка, который тоже способен оказывать влияние на конструирование общественных отношений и вызывать к деятельности определенные общественные группы. В известном смысле, как достаточно давно было осознано в христианском богословии, Слово (Логос) творит мир, хотя бы в том смысле, что в случае, когда актуальные общественные потребности уже выражены, проартикулированы в словесной форме, это может стать основой целенаправленного и рационального общественного действия.

Еще одним следствием распространения постмодернистских идей, а также результатом политических разочарований в среде интеллектуалов считают также проявившийся в 1970—80-е годы упадок так называемых «больших идеологий», которые стали утрачивать объясняющий потенциал в понимании хода исторического процесса. Сначала была подорвана вера в марксизм и либерализм, в результате чего стало затруднительно представлять ход общественного развития и в направлении к достижению наиболее социально справедливого социалистического общества, и в направлении формирования все более свободного и нерепрессивного либерального общества. С тех пор по сей день не появилось ни одного широко признанного социального идеала, к утверждению которого, как можно утверждать и надеяться, движется человеческое общество.

Поэтому затруднительно стало и в изучении истории общества расположить ход событий на длительных временных промежутках как движение к какому-либо социальному идеалу, как «большой нарратив», рассказ об этом движении. В связи с этим наше время и считают временем упадка «больших нарративов», в результате чего историки не решаются теперь писать крупные обобщающие труды. В результате распространения в мире интеграционных процессов и глобализации даже национальное государство перестало быть единственным традиционным объектом изучения больших политических общностей.

Одним из симптомов начала эпохи упадка «больших нарративов» считают появление на рубеже 1970—80-х годов микроистории, обратившейся к интенсивному изучению небольших сообществ, отдельных событий или даже личностей, с надеждой, что в ходе такого исследования на микроуровне, как в микрокосме, может быть обнаружено что-то очень существенное для понимания общественной жизни в тот или иной период, не видное при взгляде с макроуровня. Результатом стала прогрессирующая фрагментация предметного поля в изучении истории, когда сферой внимания стали самые разные области повседневной жизни, сложилась как направление также история повседневности. По словам известного современного британского историка К.Томаса, «изучение истории сегодня напоминает удивительно переполненное и разнородное поле, широта подходов к изучению истории в котором потрясает. При этом нет согласия в том, что считать главным, а что второстепенным, в такой степени, что по отношению к некоторым людям, считающим, что они занимаются историей, нет ощущения того, что они являются участниками одного интеллектуального предприятия». Несколько иронически британский историк замечает, что едва ли не каждый аспект человеческого опыта уже нашел своего историка, так что «появились истории детства и старости, одежды и застольных манер, истории запахов и смеха, спорта и шоппинга, вплоть до написания истории мастурбации».

После появления гендерного подхода в изучении истории в зарубежной историографии уже стало едва ли не обязательным обращаться к гендерным аспектам в изучении самых разных тем, и, как иронизирует К.Томас, может сложиться ситуация, когда написание трудов по истории Великобритании станет невозможным не только без упоминания рабочего движения и чартистов, но и без упоминания о гомосексуалистах и лесбиянках [1].

В начале XXI века среди зарубежных историков распространилось мнение, что в определенной мере можно говорить о сближении творчества профессиональных историков и популяризаторов истории, пишущих в стиле исторической беллетристики, хотя профессиональные историки должны быть в этом случае осторожны и критичны. Как пишет американский историк А.Мегилл, «история должна быть не только эстетической практикой (в некоторых из своих аспектов), но также и научной дисциплиной, то есть организованным получением знаний теми коллективами, которые разделяют принципы и практику точного и методического конструирования исторического прошлого... Позиция

историка подразумевает существование дистанции между историком и объектом его исследования, которая может способствовать формированию убежденности в том, что историк действительно должен пытаться достигнуть истинного понимания вещей, даже если при решении этой задачи не имеется в виду получение какого-то практического результата. Аргументация и обоснование делают историческое исследование и историописание, опирающееся на источники, такими, какими они должны быть, в отличие от мифа и литературы, которые предлагают связный рассказ о мире, но этот рассказ вполне может быть вымышленным и приобрести смысл лишь в связности нарратива», не ставя своей целью максимально адекватную реконструкцию прошлого [2, 197].

В современном обществе история также выполняет ряд функций. В современной исторической науке стал происходить отказ от доминировавшего в XIX веке отношения к истории как всеобъемлющей «наставнице жизни», поскольку с появлением социальных наук прагматическая часть знания о настоящем и даже о прошлом, необходимая для понимания настоящего, отошла к общественным наукам. История не составляет для настоящего примера в полном смысле слова, поскольку исторические ситуации не повторяются с фотографической точностью. К тому же и само настоящее — становящаяся история, в которой происходит порождение еще не существовавшего. Но это не означает, что объясняющая функция истории уже полностью экспроприрована политологией, социологией, экономической теорией. Задача изучения прошлого с целью объяснить или усовершенствовать настоящее по-прежнему решается, в том числе, и с помощью исторического знания, на которое опираются социальные науки. Для социального познания важен сравнительно-исторический метод, а также принцип историзма. Для более глубокого понимания того или иного социального института, общественного явления, даже той или иной конкретной личности нередко нет лучшего пути, чем рассмотрение истории становления этого института, явления или личности: с учетом прошлого и становится понятнее, чем та или иная вещь или человек стали теперь. По словам известного современного философа И.П.Смирнова, «только на основе прошлого, истории, и можно диагностировать то, что происходит на наших глазах» [3, 132].

Интересные аспекты в использовании принципа историзма в свое время отметил известный британский философ Исайя Берлин (1909—1998). По его словам, согласно принципу историзма, нельзя с точностью утверждать, что возможно в истории, исходя из прошлого той или иной страны в ее дальнейшем развитии, но с высокой долей вероятности можно предполагать, как не надо поступать в достижении той или иной цели, исходя из исторического опыта — «под чувством истории подразумевается знание не того, что произошло, а того, чего не могло быть» [4, 77]; можно также в определенной мере предполагать, чего не может случиться в будущем той или иной страны, зная прошлое этой страны. Этим, в частности, и ценен исторический опыт.

Традиционно выделяют просветительскую, интегративную, воспитательную функции истории, которые подразумевают, что история дает возможность получить значимое, существенное знание о прошлом, которое может сплотить общество в рамках гражданской нации, а также на примере героических свершений предков в прошлом оказать возвышающее влияние на последующие поколения. Известный американский историк Аллан Мегилл считает, что задачи, закрепленные сегодня за историей, можно разделить на четыре типа. Первый, и самый основной тип задач — это формирование идентичности: нужно создавать и поддерживать идентичности разного рода и приносить нам (какими бы мы ни были) чувство самоутверждения. При конструировании идентичности основой является совместный акт коммеморации — воспоминания событий, прежде всего трагических, связанных со страданием отдельных личностей и групп, которые идентифицируются и самоидентифицируются с помощью воспоминаний о прошлом. Вторая половина XX века засвидетельствовала широкое, как никогда ранее, распространение практики создания на основе самоидентификации различных общественных групп (жертвы политических репрессий, этнические группы, пострадавшие от геноцида, ассоциации жертв различных катастроф и т.п.), которые стали претендовать на общественное, а порой и на политическое влияние. Поддержание идентичности необходимо и для существования гражданской нации.

Вторая задача истории, согласно А.Мегиллу, это «проповедование (евангелизация)», то есть задача укреплять нашу гражданскую религию — в таких формулировках американский историк истолковывает выполнение историей своей воспитательной функции. По его словам, фактически, многие историки являются искусными (или не очень искусными) пропагандистами того или иного социального строя, историю которого они пишут. И все же в пределах исторической дисциплины, остающейся в поле академического исследования, существует определенное обязательство постижения прошлого по его собственным правилам, стремление к исторической объективности, которые и делают возможным историческое мышление. По словам А.Мегилла, объективность не есть нейтральность, хотя она и предполагает отрешенность исследователя от личных убеждений. Требование объективности в историческом исследовании является претензией на обладание когнитивной, эпистемологической значимостью используемых в исследовании методов и процедур, которые подобным же образом понимают и разделяют остальные профессиональные историки. Остальные члены профессионального исторического сообщества тоже должны следовать этим согласованным процедурам для определения истинности и уменьшения вероятности заблуждений в предлагаемых для общего внимания исторических исследованиях. Хотя в современной исторической науке историки уже отказались от следования в своей работе стандарту научности по образцу естественных наук, как это было при господстве позитивистской историографии, историки по сей день продолжают называть хорошие исследования объективными на основании того,

что авторы таких исследований опираются на сложившееся в научном сообществе фундаментальное интересубъективное соглашение в понимании того, что научно, а что ненаучно. Это общее профессиональное соглашение является вполне логичным, рациональным, прозрачным в своих основаниях и доступным для понимания другими людьми, в том числе и не входящими в профессиональное научно-историческое сообщество [2, 363, 368—369, 382—383).

Третью и четвертую задачи истории А.Мегилл коротко формулирует как «развлечение» и способность быть полезной там, где это возможно [2, 440—441, 459). По его мнению, историкам следует уделять больше внимания критической функции истории. Вместо того, чтобы поддерживать идентичности с помощью обращений к прошлому, поскольку в некоторых случаях это поддерживает религиозные, этнические конфликты, представляющие собой реальную угрозу, историки должны выдвинуть на первый план то, что разделяет прошлое и настоящее. Задача здесь состоит в том, чтобы не только показать преемственность между прошлым и настоящим, но и показать, что прошлое предлагало разнообразный набор альтернатив, неиспользованных возможностей, невыбранных путей. В историописании заложена опасность ретроспективной иллюзии: поскольку история пошла именно по этому пути, люди склонны думать, что другого пути не было. Но общество в своем развитии периодически приходит к точкам бифуркации, и тогда может оказаться востребованным опыт выбора пути общественного развития в прошлом. История может также уберечь то или иное общество от нивелирующего влияния глобализации: в современном мире в некоторых сферах культуры уже стала распространяться культурная гомогенизация, разрушающая специфику отдельных обществ, поэтому бывает важно артикулировать такие репрезентации исторического и культурного опыта, которые отражали бы представления о мире, отличные от наших собственных.

История важна также идеей о существовании в прошлом «Другого», дистанцией между прошлым и настоящим, в результате чего возможен отказ от настойчивого требования, чтобы выводы любого исследования обязательно соответствовали требованиям политического момента. История, сосредоточенная лишь на памяти и на том, как ей быть полезной в настоящем, может впасть в тенденциозность. История может выполнять свои функции в обществе в первую очередь тогда, когда опирается на продуманный и выверенный комплекс эпистемологических процедур в познании прошлого. Хотя человеку крайне трудно дистанцироваться от своей экзистенциальной позиции в этом мире и от влияния современности, надо отдавать себе отчет во влиянии на исследователя этих факторов и не терять в историческом исследовании опоры на устоявшиеся методологические постулаты и процедуры. Поскольку историки имеют дело с прошлым, у них есть особо благоприятная возможность проявлять предельную осторожность в обработке свидетельств и в артикуляции аргументов, которые поддерживают их утверждения. Положение историков позволяет им быть более эпистемологически ответственными, чем те ученые-обществоведы,

чьи исследования касаются актуальных проблем сегодняшнего дня. В таком случае можно пытаться заставить быть более ответственными тех, кто принимает в обществе решения по отношению к текущим вопросам общественно-политической жизни, и это может быть препятствием на пути политических конъюнктурщиков [2, 356, 449]. Сами же профессиональные историки тем более не должны превращаться в таких конъюнктурщиков, готовых предоставлять аргументы на потребу любой политической силе. Профессионализм включает в себя и профессиональную объективность.

Задача, правда, осложняется тем, что в современной мировой исторической науке спор о возможности достижения объективности в историческом знании далек от разрешения. В наибольшей степени релятивистские и презентистские взгляды в понимании исторического исследования и его результатов и выводов распространены среди историков в США. Не говоря о влиянии трудов Х.Уайта [5], сблизившего историописание с литературным творчеством, в 1988 году была опубликована обратившая на себя внимание книга Питера Новика «"Эта благородная мечта": "вопрос объективности" и американская историческая профессия» [6], в которой автор пришел к выводу, что идея объективности исторического знания, защищаемая историками со времен Леопольда фон Ранке — не более, чем прекрасная мечта, в исторической практике недостижимая. П.Новик полагает, что эпистемологическая революция постмодерна и развитие новой культурной истории ясно показали, что для историков нет жесткой системы последовательных приемов и действий, которые можно расценивать как необходимые методологические требования. Эти рассуждения оказались созвучны идеям презентизма в североамериканской историографии 1930-х годов (Ч.Бирд, К.Беккер), которые придерживались формулы «всяк сам себе историк» (*everyman his own historian*). Как утверждает П.Новик, кризис исторической науки продолжается, изменить сложившиеся познавательные и исторические обстоятельства нельзя.

Таким настроениям вторит еще одна известная работа трех авторов — Джойс Эпплби, Линн Хант и Маргарет Джэкоб «Рассказывая правду об истории» (1994) [7]. Здесь авторы выделили три обобщающие модели в развитии истории: 1) героическая модель, реализованная на основе идей Ф.Бэкона, Р.Декарта, И.Ньютона. В ней историк выступает беспристрастным исследователем прошлого 2) модель, включающая в себя наличие имманентных объективных законов социального развития, которые признавали Л.Ранке, Г.В.Ф.Гегель, О.Конт, Ч.Дарвин, К.Маркс 3) национальная модель, основанная на абсолютизации национальной историографии, что особенно наглядно видно на примере историографии США. Здесь историческая наука всегда базировалась на идее национальной уникальности и исключительности американского менталитета и образа жизни, что отличает ее от исторической науки Европы. По мнению этих трех авторов, американским историкам сегодня не остается другого выбора, кроме как исследовать философские основания своей дисциплины. Прагматизм,

релятивизм и презентизм, таким образом, по сути дела определяют характер североамериканской историографии, утратившей веру в объективность исторического знания и склоняющейся к тому, что изучение прошлого можно произвольно конструировать в соответствии с потребностями сегодняшнего дня. Здесь трудно удержаться от проведения аналогии между отношением к изучению прошлого в североамериканской историографии и современной внешней политикой США, которая тоже стремится конструировать окружающий мир в соответствии с тем, что считает национально-государственными интересами своей страны. Поэтому борьба за объективность и профессионализм в современной исторической науке будет непростой задачей, в которой должны сыграть важную роль европейская и российская историческая наука, опирающиеся более глубокие исторические, культурные и научные традиции, чем североамериканская историография.

Примечания

1. The Times Literary Supplement. October 11, 2006.
2. Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2009.
3. Смирнов И.П. Кризис современности. М., 2010.
4. Берлин И. Подлинная цель познания. М., 2002.
5. White H. Metahistory: Historical Imagination in Europe in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, 1973; Idem. Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore, 1978; Idem. The Content of the Form: Narrative and Historical Representation. Baltimore, 1987.
6. Novick P. That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. New York, 1988.
7. Appleby J.O., Hunt L.A., Jacob M. Telling the Truth about History. New York, 1994.

Н.А.Ерохина

г.Серов

Институт социально-экономического развития

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ Л.Н.ГУМИЛЕВА

Модель этнического развития Гумилева обнаруживает слабость прогностической функции. Хотя Гумилев и вводит различие между этногенезом и реальной этнической историей, прослеживая в ней многочисленные отклонения от предложенной им модели, социальный аспект обусловленности исторического процесса, деятельность конкретных индивидов, представлявшаяся Гумилеву невозможной вне пассионарности, должны быть включены в саму модель, а не рассматриваться как эпифеномен исключительно детерминированной пассионарностью.

этногенеза. Концепция может быть, таким образом, расширена за счет коррекции исходных посылок автора путем отслеживания универсальных самоорганизующихся тенденций в их соотношении с тенденциями организации. Разработка технологии прогноза развития этнических процессов в целом не полагает в качестве результата вариант законченной модели, но все же исходит из универсальности путей и траекторий исторического развития, реализующегося через множество, хотя и не безграничное, возможностей и вариантов протекания процессов в нелинейной среде.

Смены фаз этногенеза Гумилева напоминают фазовые переходы сложных нелинейных диссипативных структур. Тем не менее, если синергетический эффект, имеющий вероятностную природу, локализовать за Гумилевым в неустойчивых точках фазового пространства — сменах фаз этногенеза, тогда приходится допускать факт качественной перестройки прежних структур. При этом неустойчивость прежних структур и возможность их разрушения связывается с изменениями параметров управления. У Гумилева этнос как саморегулирующаяся система «вложена» одновременно и в биосферные циклы и в социальную оболочку и вследствие этого не может трактоваться, вопреки автору, как система исключительно спонтанно самоорганизующаяся. Фиксация наличия управляющего воздействия говорит о возможном организующем воздействии не только внешнего по отношению к этносу и эндогенного по отношению к биосфере стохастизирующего процесса (пассионарного толчка), но и допускает подобные стохастизации, генерируемые в самой этнической и социальной среде. Организующее воздействие в данном случае есть социально организованное воздействие, ибо специфика социальных систем как раз и состоит в том, что внешнее воздействие по отношению к ним не может рассматриваться в качестве доминирующего.

Полидетерминизм, многокаузальность синергетической модели не позволяют видеть в пассионарном толчке Гумилева единственный источник этнообразования как упорядочения многоуровневой этнической системы. Важно, что эта модель проблематизирует и саму возможность пассионарной инициации. Усложнение модели этногенеза и тем самым приближение ее к общенаучным представлениям современности высвечивает иной контекст эволюционных этнотрансформаций. Являясь аналогом флуктуации, бифуркационного механизма, несмотря на различие этногенезов, этнических доминант, стереотипов поведения, специфических историко-географических коллизий, пассионарность Гумилева описывает этнос как инерционный процесс, имеющий в финале фазу гомеостаза или этнических реликтов. Новый этногенез возможен как актуализация в истории новой пассионарной инициации, что означает разорванность этнической эволюции, дискретность этнической динамики в историческом пространственно-временном континууме. Усложнение модели возможно, если допустить «веер» возможностей и альтернатив, к примеру, в фазовых переходах (от акматической фазы к надлому и т.д.). Можно предположить, что механизм

«упорядоченность–энтропия» по-особому реализуется в каждой из отмеченных Гумилевым фазах, определяя структуру, саму возможность относительной устойчивости этноса.

Исторический аспект экологического моделирования должен учитывать определенные тенденции социально-исторической эволюции, т.е. собственно исторический аспект развития социальных структур, производства, морали, культуры и т.д., что далеко не последовательно и деформированно произведено Гумилевым. Тогда есть основания констатировать последовательные переходы социально-исторической системы от более естественных состояний к менее естественным [2, 121]. Последовательное преодоление экологической нестабильности обеспечивает очередное удаление общества вместе с природной средой от естественного состояния.

Если видеть в этом стержневую тенденцию исторической эволюции, признавая векторный характер изменений, то допустимо сформулировать гипотезу техногуманитарного баланса, стимулируемую синергетической моделью социума как открытой неравновесной системы и культуры как совокупного антиэнтропийного механизма. Избежание энтропийных порогов возможно при условии выработки более изощренных антиэнтропийных механизмов, определяющих снижение или повышение уровня организации. Этногенез Гумилева, таким образом, не может быть представлен, по логике автора, как однозначно энтропийный процесс, что не отрицает, однако, наличия размывающих, хаотизирующих энтропийных тенденций. В реальности, как отмечают И.Пригожин и И.Стенгерс, мир управляется не детерминистскими законами, равно как и не абсолютной случайностью.

Хотя Гумилев и не исключает случайностей исторического и природного характера, способных деформировать или смещать универсально программирующую этногенез пассионарную инициацию, момент случайности в рамках индетерминизма в собственной логике развития системы им во внимание не принимается. Пассионарная необходимость (закономерность этногенеза) есть одновременно и пассионарная случайность как микрофлуктуация, она срабатывает независимо от сознания и свободы воли людей, хотя и реализуется через активность пассионариев. Синергетика демонстрирует сложность проблемы детерминации и по-новому освещает проблему индетерминизма как очага постоянно наличествующих флуктуаций. Выбор и его реализация означают разрыв детерминизма. В то же время в концепции этногенеза любой выбор не есть акт сознания и воли, он возможен только как реализация стремления, по Гумилеву, к неосознанной цели, диктуемой импульсами комплементарности и аттрактивности, аналогами пассионарности в сфере подсознания и сознания.

Таким образом, теория самоорганизации позволяет интерпретировать этнические циклы Л.Н.Гумилева как этапы универсальной самоорганизации природно-социальных комплексов [1, 244—251], но нельзя согласиться с тем, что фазовая модель этноэволюции Гумилева разворачивается циклично в том смысле,

что она, включая переходы между фазами, описываемые как переходы от равновесия к неравновесности, допускает повторение флуктуации в рамках одного цикла. Более обоснованна позиция О.С.Осиповой, последовательно и глубоко раскрывающей информационно-энергетические основания социальной эволюции (социогенеза) [3, 302—305].

Примечания

1. Василькова В.В. Синергетика: порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999.
2. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
3. Осипова О.С. Методологическое обоснование социогенеза: классические подходы и инновации. Гродно, 1997.

М.В.Жолудов

г.Рязань

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Для чего люди изучают историю, т.е. вырабатывают знание о прошлом, в том числе научное? Важность прошлого для настоящего хорошо понимали уже древние общества, приписывая истории целый ряд задач, связанных с культурно-политическими функциями, задачами накопления и обобщения социального опыта.

Историческая наука выполняет в обществе различные социальные функции: социальной памяти (накопления и сохранения в памяти человечества опыта предшествующих поколений), научно-познавательную, воспитательную. Реализуя эти функции, историческая наука активно участвует в формировании исторического сознания общества, т.е. его представлений о прошлом.

Историю издавна использовали для подтверждения законности власти, доказательства благородства происхождения, нахождения общего языка между разными социальными или национальными общностями или утверждения национального превосходства. С помощью истории обосновывали необходимость реставрации прошлого, оправдывали настоящее и прогнозировали будущее. Кроме того, особенно на любительской стадии, до второй половины XIX в. история служила развлечением для тех, кто ею занимался, и это тоже очень важная функция.

Становление исторического сознания в Новое время привело к тому, что в XVIII в. история превратилась в важный социокультурный фактор. С этим связан и высокий общественный авторитет истории, и интерес к историческим знаниям, ставший чуть ли не обязательной характеристикой любого образованного человека. В 1772 г. один немецкий ученый подсчитал, что из почти 5 000 сочинений, появившихся в Германии с 1769 по 1771 г., примерно пятая часть была по истории. Во Франции они составляли около четверти, другие страны еще сильно отставали (в Англии лишь девятая часть всех сочинений относилась к историческим), но демонстрировали ту же тенденцию. Даже в России, где собственные исторические издания появились позднее, уже в конце XVIII — начале XIX в. «только ленивый не увлекался «славянскими древностями» и «Начальной летописью»».

Назначение истории было не просто образовательным. До конца XIX в. история выполняла, прежде всего, прикладную функцию — поставляла знания, которые можно использовать в настоящем. Это свидетельствовало о возрастающей роли общественно-научного знания, которое во многом аккумулировалось в сочинениях по истории. Возможность апеллировать к публике повлекла за собой литературизацию речи. Историки с конца XVIII в. использовали язык, ориентированный на литературные жанры. Поэтому особенным влиянием пользовались те из них, кто отличался литературным талантом.

В XVIII—XIX вв. история была поставлена на службу государству и многие известные историки занимали высшие государственные должности. Особенно показателен пример Франции середины XIX в., где два популярнейших историка, А.Тьер и Ф.Гизо, возглавляли соперничающие политические партии, а затем их «сбросили» другие историки — Л.Блан, А. де Токвиль и Наполеон III. Характеризуя исключительное положение представителей своей профессии в этот период, французский историк А.Марру писал: «Историк стал королем, вся культура подчинялась его декретам: история решала, как следует читать «Илиаду»; история решала, что нация определила в качестве своих исторических границ, своих наследственных врагов и традиционной миссии...».

В XIX в. продолжало расти и общеобразовательное влияние истории. Знание прошлого, чтение исторических сочинений стало ключевым показателем образованности уже весьма широких слоев населения. XIX в. сделал историю поистине «всенародным» достоянием. Возникали разнообразные исторические общества, журналы, по-прежнему популярным оставалось коллекционирование древностей. При этом вплоть до начала прошлого столетия история оставалась в большей степени элементом культуры, чем науки.

Однако на исходе XIX в., когда история находилась в зените общественного признания, началось падение авторитета истории, и предопределили его, в первую очередь, процессы становления научного исторического знания. Дело в том, что между 1870 и 1930 гг. произошла профессионализация истории. Историки стали писать для историков. Во второй половине XIX в. один за другим

появляются профессиональные исторические журналы, предназначенные не для широкой публики, а для специалистов.

Морализаторские задачи истории понимались как создание и закрепление в исторической памяти образцов моральной доблести, или преподнесение воспитательных уроков. Жизнеописания царей, полководцев, поэтов стимулировались стоической философией, так как они позволяли наставлять людей с помощью примеров добродетельной жизни.

Не стоит забывать и о том, что именно история обеспечивала «славу и бессмертие» тем, кто мог себе это позволить. Как известно, в Греции Клио — богиня, которая прославляет. Свиток и грифельная палочка в ее руках — символ и залог того, что ничто не должно исчезнуть бесследно.

Античные образцы морального поведения в культуре Европы оказались столь устойчивыми, что стремление следовать им обнаруживается в европейских странах и в Новое время, являясь составной частью представлений о национальной доблести. Другим историческим источником моральных образцов в эпоху современности становятся анналы национальной истории. Главным критерием для включения в список были патриотизм и вклад в развитие нации.

Другую древнейшую функцию истории — практическую, т.е. накопление социального, и прежде всего политического, опыта — также можно трактовать как поддержание или задание образцов, выполняющие обучающие функции. В циклических концепциях исходным был тезис о повторяемости истории: поскольку история повторяется, то искусство политической деятельности воспроизводимо. Выполняя функцию накопления политического опыта, история непосредственно выступала в роли политологии.

История, удовлетворявшая потребность в политической мудрости, предназначалась в основном для представителей власти. Например, в 1559 г. в Англии было опубликовано «Зерцало для правителей» — собрание стихотворных трагедий на исторические темы. И каждая трагедия, в основе которой лежала судьба какой-либо исторической личности, сопровождалась полезным прозаическим комментарием, указывавшим, какой исторический урок из нее можно извлечь.

Действительно, опыт некоторых событий политической истории долго сохраняет свое значение. Например, французская революция 1789 г. служила самой настоящей моделью для революционеров XIX в. и в Европе, и в Латинской Америке. Попросту говоря, они знали, как подготовить революцию, как ее начать и что будет потом. Революции готовились и планировались по «учебнику истории» и если «призрак коммунизма» «бродил», то революции вполне осмысленно распространялись по Европе, а затем и по миру, с учетом исторических уроков. Точно так же опыт революции 1917 г. в России использовался революционерами более отсталых стран; «отсталость» перестала восприниматься как препятствие для скачка в «социализм», потому что на вопрос «что делать?» существовали исторически проверенные ответы.

История также использовалась как путь легитимации государственной власти. Национальные движения в Европе использовали историческое мифотворчество, культ национальных героев как свое главное орудие. Становление национальных государств, формирование национального самосознания, подъем национализма — все эти процессы стимулировали легитимизирующую функцию истории.

В XIX в. в исторической науке утвердилась концепция о положительной роли государства и власти, и политическая история надолго стала бесспорным лидером историографии. Поэтому задача легитимации государственных интересов формулировалась совершенно открыто. Свое классическое решение она нашла в пангерманизме начала XX в. Пангерманисты пытались исторически обосновать агрессивные внешнеполитические цели империалистических кругов Германии в конце XIX — начале XX в. Так, например, немецкий историк Д.Шефер стремился, как он писал позднее в своей автобиографии, подготовить немецкий народ к войне «планомерно от первого до последнего человека». Этой цели подчинялись его исторические труды. В 1897 г. он опубликовал по заказу Министерства морского флота работу «Германия на море», обосновав необходимость создания мощного военно-морского флота. В дальнейшем его основные работы «Мировая история Нового времени» (1907) и «Немецкая история» (1910) рассматривали участие в борьбе за мировое господство в качестве главной цели Германии.

Широко известно, что во время Великой Отечественной войны возникла потребность мобилизовать для победы над врагом героические образцы прошлого, до того в соответствии с марксистской догмой преданного забвению как «предыстория». В исторической и художественной литературе, по указанию Сталина, началось возрождение фигур русских полководцев и отдельных царей, «сыгравших прогрессивную роль в истории».

В России конца 1980-х — начала 1990-х гг. именно социальный заказ на новое историческое знание с целью преодоления прошлого на какое-то время сделал занятие историей чрезвычайно популярным. В настоящее время российская власть привлекает историков к поискам «национальной идеи».

До сих пор от исторической интерпретации очень сильно зависит система международных отношений, особенно если речь идет о неудовлетворенных территориальных притязаниях той или иной страны (наглядный пример — Курильские острова). Точно так же вопросы: «кто когда на кого напал?» или «кто первый начал?», до сих пор страстно обсуждаются не только на исторических конгрессах, но и на политических форумах. А в критические для национального существования моменты историки нередко участвовали в прямой политической пропаганде.

Задачу идентификации наций очевидно решает, например, такая известная функция истории, как удовлетворение потребности личности и общества в самопознании. Главной отличительной чертой исторического сознания Нового времени стала его «национализация».

В каждой национальной истории есть свои национальные герои, у каждого народа — свой Пантеон. Свод национальных побед и галерея портретов национальных героев в исторической литературе наряду с художественной — основа конструирования национального характера и материал для воспитания национальной гордости, уроков патриотизма.

В самые трудные дни нация обращается к своим живительным истокам, пытается разобраться в себе, осмыслить свой исторический путь. Не случайно эпохи великих переломов отмечены усилением интереса к истории. Возможно, прав К.Поппер, заметив, что каждое поколение имеет право переписывать историю заново. Сегодня, как никогда, нас мучают вопросы: что есть Россия, где ее корни? Какая судьба ждет наши народы? Можно ли считать Россию цивилизацией, в чем состоит специфика ее культурно-цивилизационного развития? Осмысления и решения ждут практические вопросы, например, такие, как заимствование опыта западных демократий, переход от имперского государства к федеральному и многие другие. Наконец, наше сознание все чаще озадачивается размышлениями по поводу того, что же в нас есть «русского», «российского», связывает ли нас, граждан России, нечто, кроме территории? Подобные вопросы не новы для человечества. Раньше или позже они становятся перед большинством народов мира

Таким образом, несомненно, что историческая память — это колоссальный источник нравственного обновления, политической энергии человека. Поэтому не случайна заинтересованность любого общества в формировании исторического сознания у своих членов. Как не может считаться здоровым человек, лишившийся памяти, так не может быть нормальным человеческое общество, потерявшее историческую память.

Обычно историю определяют как науку о прошлом — минувшей действительности, о том, что когда-то было с человеком, народом, обществом в целом. Тем самым история сводится к простому анализу событий, процессов, состояний, так или иначе канувших в «Лету». Такое понимание истории является не точным и не полным, более того — внутренне противоречивым. На самом деле история не дает людям забыть «свою былую жизнь». История как бы воскрешает былое, минувшее, заново открывая и реконструируя его для настоящего. Благодаря истории, историческому познанию, прошлое не умирает, а продолжает жить в настоящем, служит современности.

История есть коллективная память народа, память о прошлом. Но память о прошлом — это уже не прошлое в собственном смысле слова. Это — прошлое, восстановленное и восстанавливаемое по нормам современности, с ориентацией на ценности и идеалы жизни людей в настоящем, ибо прошлое существует для нас через настоящее и благодаря ему. По-своему выразил эту мысль К.Ясперс: «История непосредственно касается нас... А все то, что касается нас, тем самым составляет проблему настоящего для человека» [8, 9].

Однако, как самостоятельная область знания, тем более научного, история не рассматривалась еще долгое время. Она не имела собственного предмета в период Античности, Средних веков, Возрождения и даже в эпоху Просвещения. Как согласуется этот факт с достаточно высоким престижем и большой распространенностью исторических знаний? Как увязать его с огромным количеством содержащих исторические сведения произведений? Объясняется это тем, что история долгое время была интегрирована в общую систему знаний. В эпохи Античности и Средних веков она существовала и развивалась в сочетании с мифологией, религией, теологией, литературой и в какой-то мере с географией. В эпоху Возрождения ей дали мощный импульс географические открытия, расцвет искусства, политические теории. В XVII—XVIII вв. история была связана с политической теорией, географией, литературой, философией, культурой.

По сравнению с другими гуманитарными и социальными науками, изучающими какую-либо одну из сторон общественной жизни, история отличается тем, что предметом ее познания является вся совокупность жизни общества на протяжении всего исторического процесса. К тому же, многие проблемы прошлого и современности, которыми занимаются политологи, экономисты, социологи, этнологи и другие специалисты гуманитарно-социального цикла, могут быть решены только на основе исторического подхода и исторического анализа, на базе работы, проделанной историками, ибо только сбор, систематизация и обобщение огромного фактического материала позволяет увидеть и понять тенденции общественного развития.

Важнейшим источником приобретения и систематизации исторических знаний является образование, прежде всего школьное. Знание истории с античных времен признавалось необходимой составляющей овладения культурным наследием, а со времен Ренессанса — элементом классического образования. Непременное для образованного человека владение сведениями о прошлом, в том числе и блестящие познания в области античной истории, стали устойчивой традицией раннего Нового времени. Эта традиция была унаследована и поднята на еще более высокую ступень в эпоху Просвещения. Историки не только обеспечивают общество знанием, на котором базируется обучение, они участвуют в создании образовательных программ, в написании учебников и, конечно, в преподавании истории.

Литература

1. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
3. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.
4. Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая [1976] // THESIS. 1993.
5. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. М., 2003.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997.

7. Савельева И.М., Полетаев А.В. История как знание о прошлом // Логос. 2000. № 2 (23).
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

О.В.Кум

г. Кемерово

Кемеровский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО» В ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Социокультурная модель традиционного общества формировалась как асимметричное отражение индустриального общества и в течение длительного времени противопоставлялась ему. Термин и образ традиционного общества берут начало в попытках интеллектуального осмысления причин Французской революции. А.Токвиль и А. де Сен-Симон ввели термин «Старый порядок» (*ancien régime*), который противопоставлялся новым общественным отношениям (*le régime moderne*). Характерными чертами «Старого порядка» считались абсолютизм, господство дворян над крестьянами, сословное разграничение общества и сословные привилегии, высокий социальный контроль, насаждаемая сверху религиозность [1, 167—168]. Эта характеристика была пересмотрена Э.Берком и Ж.М. де Местром в концептуальном представлении об «органическом обществе» — гомогенном организме, состоящем из естественно связанных и регулирующихся элементов. В его первичных ячейках коллективное начало преобладало над индивидуальным [2, 355]. Органическое общество имеет иерархическое устройство, и предписывает индивиду определенный статус и модель поведения. По мнению консервативно настроенных философов и социологов XIX века, попытки модернизации этой социальной системы ведут к деструкции и дезинтеграции органического общества.

В трудах Ж. де Местра, Ф.Р. де Шатобриана, Ф. д'Оливе и др. возникла формулировка «традиционализма». В его основе лежит представление о некой «изначальной традиции», которая с течением времени приобрела сакральный характер и выражает всеобщий смысл мироздания. Ключевая ориентация традиционализма направлена на сохранение и воспроизводства традиции, которая понимается как хранилище истины, сбережение старых форм и ценностей, которые выражают народную мудрость, этические доминанты и являются спонтанным выражением подлинных потребностей общества [3, 183—186]. Основатель «интегрального традиционализма» Рене Генон сформулировал тезис о том, что в традиционных цивилизациях в основе всего лежит интеллектуальная интуиция и чисто метафизическая доктрина. На рубеже XIX—XX вв. дихотомия «традиция — современность» прочно вошла в гуманитарные науки [4, 57].

Э. Дюркгейм использовал понятие традиционного общества для обозначения стадии общественной эволюции, предшествующей современному обществу. Согласно Дюркгейму, для традиционного общества была характерна «механическая солидарность», основанная на общих убеждениях и консенсусе в пределах коллективной совести — в противовес органической солидарности современного общества [5, 658]. Г. Спенсер выделял дихотомичные типы внутренне однородного, но децентрализованного «военного общества» землевладельцев и современного общества, основанного на сотрудничестве и прагматизме [6, 253].

Понятие традиционного действия было введено М. Вебером для характеристики типа действий, находящихся на грани рефлексивного осмысления. Традиционный и аффективный типы действий у Вебера противопоставлялись рациональному и целерациональному типам, ориентированным на рефлексивную, прогноз и достижение прагматично актуального результата. М. Вебер исходил из некоего «идеального типа» добуржуазного общества, для которого были характерны импульсивное социальное действие, харизматический тип политического господства, мистическое сознание, волшебная, божественная картина мира [7, 625].

Значительная разработка и углубление представлений о традиционном обществе произошла в рамках структурной антропологии в середине XX века. К. Леви-Стросс исследовал внутренние механизмы функционирования и саморегуляции традиционных обществ, внутренние отношения, особенности культуры, характерного мифологического сознания. Он показал, как достижение престижного личного статуса открывает доступ к редиистрибуции благ и продуктов, минуя формальные отношения собственности. К. Леви-Стросс отмечал, что традиционные общества обладают развитым логическим мышлением, что «цивилизованное» и «примитивное» мышление разнятся не качеством мысли, а ее пред-метами.

Во второй половине XX века представления о традиционном обществе в обобщенном виде были встроены в западные схемы стадийного линейного развития в духе теорий *модернизации* (Т. Парсонс, Р. Шилз, С. Блэк и др.) и *индустриального общества* (У. Ростоу, Р. Арон, Р. Дарендорф и др.), стали их органической частью [8]. Современная социальная и культурная антропология критически относится к понятию традиционного общества. Считается, что оно характеризует лишь последний этап доиндустриальной стадии развития. Недостаток концепций традиционного общества заключается в топологической статичности объекта, в то время как многие реальные исторические сообщества древности и средневековья отличались значительной внутренней динамикой. В современных гуманитарных науках прямое противопоставление традиционности и современности считается упрощением; считается, что в переходных и индустриальных обществах традиции и инновации сложно синтезируют и взаимодействуют [9, 123—125].

Примечания

1. Сен-Симон А. Избранные сочинения. М.-Л., 1948. Т. II.
2. Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера. СПб., Алетейя. 1998. С.355
3. Традиционализм / История философии. Энциклопедия. Минск, Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.
4. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука, 2000.
5. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. М.: ВЛАДОС, 2003.
6. Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев: Издательство «Ника-Центр», 1997.
7. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 2000. С.625.
8. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984. 220 с.
9. Ким О.В. Теория модернизации и переходные общества раннего Нового времени // Новая и новейшая история. М., 2011. № 2.

И.А.Курсанова

г.Москва

Российский государственный гуманитарный университет

ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ С.М.ЭЙЗЕНШТЕЙНА (1898—1948): ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Согласно Ф.Анкерсмицу, важность информации «оценивается интеллектуальной отдачей, которую она вызывает» [1, 283]. С этих позиций, весьма обширная историография, сформировавшаяся, что важно, поверх языковых, национальных и дисциплинарных границ, является объективным, в отличие от апелляции к чьему бы то ни было мнению, доказательством востребованности интеллектуального наследия С.М.Эйзенштейна современной культурой. Свою задачу я вижу в том, чтобы, сообразуясь с текущим состоянием данной исследовательской области, предложить актуальную программу его изучения.

Начну с фундаментальной проблемы, сформулированной А.С.Трошиным: «представить <...> целостного Эйзенштейна. Не делимого на кинорежиссера, исследователя кинематографа, рисовальщика и человека...» [2, 105].

Решение этой (и любой аналогичной) проблемы состоит, на мой взгляд, в системной репрезентации деятельности исторической личности и подразумевает, что научное сообщество имеет беспрепятственный доступ к существующей совокупности созданного ей интеллектуального продукта. Согласно предложенной О.М.Медушевской концепции когнитивной истории, к теоретико-методологическим основаниям которой я обращаюсь в связи с данным утверждением, человек «фиксирует этапы своего целенаправленного поведения, создавая вещи. <...> Устойчивость бытования эмпирической вещи изначально создает условия для опосредованного информационного обмена, что делает возможным

живое функционирование человеческого сообщества. Следовательно, человек имеет условия для познания другого, себе подобного, как на повседневном, бытовом уровне, так и на уровне научного познания» [3, 19].

Таким образом, необходима в первую очередь как можно более полная и точная публикация интеллектуального наследия С.М.Эйзенштейна. Поскольку, о чем уже говорилось в связи с последними изданиями, возможностей книжной публикации не вполне достаточно для решения этой задачи [4, 65, 69], наиболее перспективным мероприятием видится оцифровка хранящегося в РГАЛИ комплекса творческих материалов, рукописей и переписки С.М.Эйзенштейна с последующим предоставлением онлайн-доступа к ним. В рамках такого проекта, который, по моему убеждению, должен изначально планироваться таким образом, чтобы стать эффективной информационно-исследовательской средой, была бы возможна атрибуция, датировка и электронная реставрация нуждающихся в этом автографов на основе применяемых исторической информатикой компьютерных технологий и, наконец, виртуальная реконструкция документальных комплексов, по тем или иным причинам разрозненных в ходе научно-технической обработки фонда С.М.Эйзенштейна после его приема на государственное хранение.

Доступ к подобного рода ресурсу означает, кроме получения исчерпывающей и надлежащим образом структурированной информации, также легко осуществимую на практике возможность проверки и, следовательно, использования результатов любого релевантного исследования. Но научная кооперация, основанная на беспрепятственном доступе к источникам и соблюдении принятых в профессиональной среде эпистемологических стандартов научной работы, представляется продуктивной для решения озвученной А.С.Трошиным задачи при условии, что историография располагает, в отношении своего предмета, знанием, могущим соотнести между собой результаты аналитической по сути исследовательской деятельности, например, представлением о структуре социальных взаимоотношений и опыта личности (идентичности), доступным в первую очередь посредством комплексного анализа источников личного происхождения. Следовательно, источниковедческое изучение писем, дневников и мемуаристики, составляющих значительную часть интеллектуального наследия С.М.Эйзенштейна, может считаться приоритетным.

Наконец, наиболее востребованной формой коммуникации результатов такого исследования, в том числе широкой читательской аудитории, будет интеллектуальная биография. Приведу высказывание Л.П.Репиной, обстоятельно характеризующее положение персональной истории в современной гуманитарной науке и ее метод: «Современная историческая биография <...> представляет собой историческое исследование: это история, показанная через личность. Новая биографическая история, поставив во главу угла анализ деятельности индивида, индивидуального сознания и самосознания, личного интереса и целеполагания, помогает, в конечном счете, ответить на вопрос: каким образом

<...> культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах <...>, и какую роль играли в этих границах индивидуальный выбор и инициатива» [5, 290].

Подводя итог, замечу, что в интересующей нас здесь области исторического построения когерентная, если воспользоваться удачным выражением А.Мегилла, репрезентация реальности прошлого возможна скорее на концептуальном, нежели на фактологическом уровне: иначе, многое должно быть пропущено, чтобы история «не стала еще более нечитабельной, чем она есть» [6, 323].

Примечания

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология : взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М.Кукарцева, Е.Коломоец, В.Кашаев. М.: Канон +, 2009.
2. Трошин А. Читая Эйзенштейна // Киноведческие записки. 2000. № 46.
3. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008.
4. Булгакова О. Теория как утопический проект // Новое литературное обозрение. 2007. № 88.
5. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: КРУГЪ, 2011.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. М.Кукарцевой, В.Кашаева, В.Тимонина. М.: Канон +, 2009. С. 323.

И.И.Кобылин

*г.Нижний Новгород
Нижегородская государственная медицинская академия*

Ф.В.Николаи

*г.Нижний Новгород
Нижегородский государственный педагогический
университет им. К.Минина*

МЕЖДУ АВАНГАРДОМ И ГОЛЛИВУДОМ: КИНО И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАБОТАХ Э.КАПЛАН

Появление такой технологии как технология кино не только предоставило историкам колоссальный архив визуальных свидетельств прошлого, но во многом изменило сам способ восприятия мира вообще и истории в частности. Как заметил О.Аронсон: «Сегодня мы уже не переживаем ‘нашими’ душами, не чувствуем органами чувств, не мыслим мозгом, но переживаем, чувствуем и мыслим образами, причем образами кинематографическими» [1, 32]. По сути кинематограф — это не столько «искусство» (или познавательная техника), сколько беспрецедентно новый перцептивный режим, спектр исторических последствий

которого — эстетических, политических, гендерных — еще не вполне изучен и осмыслен. Именно поэтому, несмотря на смену теоретических мод, продолжает оставаться актуальным то направление гендерных исследований, для которого политико-социальное функционирование коммуникативного кинообраза является привилегированным объектом анализа.

В этом контексте несомненный интерес представляют тексты Энн Каплан — широко известного в США и Великобритании кинокритика, историка и теоретика медиа, работающего в рамках *women studies*. Изучая женский кинематограф, Каплан противопоставляет увлеченных авангардом и бросающих вызов Голливуду женщин-режиссеров 'Женщине' как объекту мужского взгляда в классическом западном кино и социальном воображении.

Как и у большинства других представительниц *women studies*, это противопоставление для Каплан имеет четко выраженный социальный характер, поскольку кинокритика непосредственно связана с политическими движениями 1970-х гг. [2, 1]. Опираясь на Ж.Лакана и Л.Альтюссера, она определяет свою критическую задачу как выявление глубинной структуры нарратива и взгляда, неразрывно спаянных с бессознательным посредством идеологического аппарата господства. С этой точки зрения, именно фильмы предоставляют тот материал, где человеческие фантазии и страхи реализуются по принципиально важным для капиталистического общества законам — законам производства зрелищ и одновременно законам бессознательного. Каплан утверждает, что борьба Голливуда против авангарда в кино, по сути, отражает социальную борьбу господствующих классов против попыток пересмотреть принятое статус-кво.

Но в этой борьбе, как считает Каплан, не обязательно становиться лишь по одну сторону баррикад. Предполагаемая оппозиция достаточно часто преодолевается в конкретных фильмах (и в первую очередь, женских), отсылающих к авангарду, но одновременно и учитывающих сложившиеся символические коды голливудской классики. Между уровнями Символического (клише и кодов кино) и Воображаемого (всегда изменчивыми влечениями и фантазиями людей) постоянно существует некий зазор (Реальное у Лакана). Именно благодаря этому зазору и у режиссера, и у зрителя всегда есть возможность переосмыслить, заново перечитать, реинтерпретировать предлагаемые фильмом образы. Различая вслед за Бенвенистом «историю» и «дискурс», исследовательница настаивает на субъективном усилии декодирования, подрывающим нейтральность «истории». (Позиция, занимаемая здесь Каплан, была бы невозможна не только для «модерниста» Адорно, но и для «постмодерниста» Лиотара. Любой компромисс авангардного искусства с рыночно потребляемым культурным продуктом является для французского теоретика забвением основной функции авангарда — быть свидетелем непредставимого).

Однако возникает вопрос — кто способен стать преимущественным субъектом такой реинтерпретации? Среднестатистические белые мужчины — выходцы из среднего класса — всматриваются в голливудских героев (Джона Уэйна,

Хэмфри Богарта и других) как в победителей и не заинтересованы в подобном переосмыслении. Для женщин же активная интерпретация почти неизбежна, поскольку Голливуд предлагает им слишком мало приемлемых вариантов самоидентификации. По сути, в фильмах класса «А» с 1950-х гг. есть лишь два устойчивых женских образа: образ раскрепощенной и эмансипированной женщины и образ самоотверженной матери, которые слишком противоречат друг другу и потому сталкиваются между собой в сознании зрителя.

В этом контексте фигура матери, согласно Каплан, представляет собой важный топос — вытесняемый из сферы Символического (кино), но сохраняющий свое значение в сфере Воображаемого (ценностных самоидентификаций). Стоит подчеркнуть, что даже внутри патриархального дискурса за этим образом сохранялась достаточно широкая возможность субъективации. И именно эту возможность Каплан пытается превратить в тот рычаг, с помощью которого можно перевернуть мир патриархата: «Именно таким путем мы [женщины] можем начать перемены в себе. И это будет первым шагом к изменению общества в целом» [2, 25]. Эта борьба за материнство, как отмечает Каплан, имеет мощнейшую культурную подпитку: «Женщины уже давно борются за материнство — тихо и молчаливо, иногда в радости, а иногда в страданиях, но всегда на периферии общества, которое пытается заставить всех нас (мужчин и женщин) забыть наших матерей» [2, 201].

Таким образом, феминистский пафос у Каплан отчасти даже консервативен. Всегда отталкиваясь от некоего субъективного опыта (и, прежде всего — опыта материнства) Каплан пытается не столько создать некую воображаемую конфигурацию нового сообщества, сколько найти и усилить ресурсы сопротивления в уже работающих культурно-символических системах. Отказываясь от ригидных теоретических каркасов, гибко сочетая идеи структурализма и деконструкции, постклассического психоанализа и постмарксистской социальной критики, Каплан вырабатывает стратегию «активного чтения». И эта практика «активного чтения» в пространстве между Голливудом и авангардом может быть по-настоящему интересной для современного читателя/зрителя. Равно чуждая и сфере *entertainment*'а, и пафосной риторике радикального революционного обновления, она представляет собой специфический перформатив, чья эффективность зависит от тонкого и вдумчивого диалога с культурными текстами прошлого и настоящего.

Примечания

1. Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм // Синий диван. М.: Три квадрата, 2010. Вып. 15.
2. Kaplan A.E. *Women and Film: Both Sides of the Camera*. Routledge, 1988.

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМА: ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Большинство исследователей датируют возникновение современных наций и национализма концом XVIII в., хотя теоретический интерес к данным феноменам проявился лишь в 20-е гг. XX в. Как самостоятельное направление национализмоведение (русский аналог английского термина «nationalism studies», используемый, в частности, В.С.Малаховым) сложилось в 1980—1990-е гг. и сразу приобрело междисциплинарный характер. В настоящее время существует ряд теорий и концепций, которые объединены стремлением ответить на вопросы о том, когда, где, по каким причинам и каким образом происходило формирование наций и национализма. Создание единой теории признается исследователями затруднительным, так как некоторые проблемы в рамках отдельных подходов рассматриваются по-разному. Примером служит вопрос о роли интеллектуальных элит.

Ряд исследователей, среди которых можно выделить Э.Кедури [1], Э.Геллнера [2] и Э.Хобсбаума [3], считают, что интеллектуальные элиты оказались заинтересованы в выработке и пропаганде идей национальной идентичности и национализма в тот момент, когда произошел кризис прежних политических институтов, старых систем ценностей и форм идентификации людей. Их ведущую роль обусловило представление о роли языка как универсального критерия для выделения нации. Судьбы образованных слоев, профессиональная принадлежность которых не была связана с физическим трудом, но предполагала специальную подготовку и обучение, отныне зависела от предоставления официального статуса письменному языку их народа. Эти же взгляды разделяет М.Хрох, однако его рассмотрение данной проблемы отличается более подробным анализом. Предлагая свою модель перехода от этнического сообщества к нации, он на примере чешского национального движения показывает, каким образом интеллектуалы искали новую форму идентификации и, посредством обращения к языку как фактору объединения, нашли ее в нации [4, 95—107].

Особое место вопросу о роли интеллектуалов и — шире — интеллигенции в формировании наций и национализма уделяется в рамках концепции этносимволизма. Ее автор Э.Смит считает, что еще в до-современную эпоху (до конца XVIII в.) возникло множество этнических сообществ, представлявших собой группы людей с общими элементами культуры, историческими воспоминаниями,

мифами о предках и обладавших определенной мерой солидарности. Некоторые из этих сообществ в условиях социальной и политической ломки конца XVIII в., вызванной в Европе Великой французской революцией, перешли в новую фазу культурно-экономической интеграции и гомогенизации, осели на определенной исторической территории и выработали собственные законы и традиции, то есть, стали нациями. В этом процессе именно элиты сыграли ключевую роль, поскольку они осуществляли выбор культурного материала (символов, мифов, воспоминаний), имевшего значение для народа, чтобы потом этот материал был использован для его мобилизации, а появление идеологии национализма способствовало укреплению идей национальной идентичности, поставив целью поддержание ее единства и автономии. Под интеллектуалами Э.Смит подразумевает не только философов, филологов, историков, но и писателей, поэтов, художников и музыкантов [5; 6, 223—256]. Особое внимание изучению их участия в формировании национального самосознания рядовых членов общества и националистической идеологии уделяют в своих работах Дж.Хатчинсон [7, 501—521; 8, 109—123] и А.Леусси [9, 143—159], также работающие в рамках концепции этносимволизма.

Представленные точки зрения можно объединить под одной чертой, так как все они в той или иной степени признают, что изучаемые феномены конструируются интеллектуальными элитами с целью достижения ими стабильного положения и власти в условиях крушения старых социально-политических и культурных институтов. Активным критиком подобных идей выступает Р.Брубейкер. Он называет эти взгляды «теорией манипуляции» и характеризует как одно из ключевых заблуждений в истории изучения национализма. По его мнению, сторонники данных воззрений ошибаются, полагая, что политические и культурные элиты имеют реальную силу осуществлять подобную манипуляцию, и, поставив акцент лишь на рассмотрении их действий, тем самым значительно сужают область своих исследований [10, 62—109].

Таким образом, мы видим, что затронутый вопрос о роли элит, который обычно рассматривается исследователями наций и национализма в комплексе с другими проблемами, не имеет однозначного решения, однако влияние интеллигенции не отрицается как таковое. Трудность состоит в выявлении степени этого воздействия и определении той меры, в какой оно оказалось значимым для национальной консолидации сообществ, ему подвергшихся.

Примечания

1. Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
2. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
3. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 320 с.
4. Hroch M. From Ethnic Group toward the Modern Nation: the Czech Case // Nations and Nationalism. 2004. Vol. 10. Is. 1—2.

5. Smith A.D. Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. NY: Routledge, 2009. 184 p.
6. Smith A.D. National Identity and Vernacular Mobilisation in Europe // Nations and Nationalism. 2011. Vol.17. Is. 2. P. 223—256.
7. Hutchinson J., Aberbach D. The Artist As Nation-BUILDER: William Butler Yeats and Chaim Nachman Bialik // Nations and Nationalism. 1999. Vol. 5. Is. 4.
8. Hutchinson J. Myth Against Myth: the Nation as Ethnic Overlay // Nations and Nationalism. 2004. Vol. 10. Is. 1—2.
9. Leoussi A.S. The Ethno-cultural Roots of National Art // Nations and Nationalism. 2004. Vol. 10. Is. 1—2.
10. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении национализма. М.: Новое издательство, 2010.

В.В.Кузь

г. Мурманск

Мурманский государственный гуманитарный университет

ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ XIX — НАЧАЛА XX вв. О РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ

Переосмысление содержания и методов исторического образования в современной школе, дискуссии о принципах отбора материала для школьного курса истории, внедрение в учебный процесс новых религиоведческих дисциплин существенно повышают интерес научно-педагогической общественности к проблеме изучения сюжетов истории религии. С этими вопросами отечественная наука сталкивалась и в прошлом. Как и сейчас, школьные учебники по истории были в дореволюционной России важным фактом культурной жизни и объектом довольно напряженной общественной полемики. Одним из примеров довольно успешного решения задачи по изучению истории религии в школьном курсе являются изложение истории раннего христианства в дореволюционном школьном учебнике.

Изучение истории раннего христианства было одним из важных элементов общегуманитарного образования в России. В духовных учебных заведениях история античного христианства занимала важное место, т.к. входила в содержание таких дисциплин, как богословие, патристика, литургика; изучение греческого и латыни также строилось на основе чтения трудов латинских и православных Отцов церкви.

С момента возникновения светских учебных заведений возникла необходимость создания школьного учебника древней истории, однако реализация этой задачи затянулась до середины XIX в. [1, 415; 2, 3; 3, 519]. В отношении истории

античного христианства ситуация была особой: она полностью отождествлялась с историей Церкви и изучалась в курсе Закона Божьего по учебной литературе для духовных учебных заведений [4; 5; 6; 7]. Надо отметить, что общегуманитарный уровень духовного образования в светской школе был высок, оно знакомило учащихся с основными сюжетами истории религии, в частности, первохристианства, однако материал в таких пособиях излагался в строгом соответствии с требованиями церковного канона и не представлял оригинального понимания авторами этой темы [8, 257; 9, 207].

Только в середине XIX в. предпринимаются попытки создания светского учебного пособия по истории древнего мира, где история первохристианства излагается как часть истории античной цивилизации. Наиболее известными в этом ряду пособиями были учебники Д.И.Иловайского и И.И.Беллярмина, ставшие на долгие годы официальными и выдержавшие до революции несколько десятков изданий. С одной стороны, античное христианство рассматривается здесь в связи с общим ходом истории древнего мира. И все же история раннего христианства по-прежнему оставалась каноническим сюжетом, его «вольная трактовка» в официальных учебниках была невозможна [10; 11; 12, 62—63]. Поэтому данный вопрос излагался официальными авторами без анализа закономерностей и феноменов всей духовной эволюции древнего мира: история христианства рассматривалась как провиденциальный процесс, при этом, например, события земной жизни Христа не излагались вовсе, так как они «составляют предмет Священной истории Нового Завета» [10, 165].

Таким образом, официальные учебники не отражали уровня развития отечественной историографии, оставаясь в рамках традиционной схемы. Между тем, русская историография накопила в этой сфере огромный потенциал: в той или иной мере исследованиями сюжетов истории первохристианства занимались крупнейшие российские исследователи (Т.Н.Грановский, П.Н.Кудрявцев, С.В.Ешевский, М.П.Драгоманов, М.С.Корелин, Л.П.Карсавин, Р.Ю.Виппер, П.Г.Виноградов, В.И.Герье и др.). Словом, возникла необходимость создания качественно нового учебника древней истории, который был бы избавлен от прежних недостатков — схематизма, преклонения перед политической историей и т.д. — и отражал бы основные достижения отечественной науки. В отношении сюжетов истории античного христианства была очевидной необходимость связать материал о них с рассказом о социально-экономических и духовных процессах в центре и на периферии Римского государства I—IV вв., показать процесс формирования христианского учения, становления его организационных структур, ввести учащихся в курс существующих в науке дискуссионных вопросов.

В этой связи к составлению учебников по древней истории приступают передовые представители русской университетской науки [13; 14; 15; 16; 17; 18]. Они создают серию т.н. «профессорских» учебников, выгодно отличавшихся от предыдущих аналогов и имевших огромную популярность [19, 15].

История раннего христианства в «профессорских» учебниках занимает значительно большее место, чем ранее, так как этот материал обладал огромными дидактическими и воспитательными возможностями. При этом наиболее важную роль играет не собственно история первохристианства, но вопросы исторического значения раннего христианства, соотношения христианства и античной культуры, т.е. именно те вопросы, которыми занимались крупнейшие отечественные исследователи раннего христианства. История античного христианства рассматривается здесь на фоне общего хода развития античной цивилизации. При этом мнения авторов концентрировались вокруг двух существовавших в русской науке концепций — противопоставления христианства и античной культуры (Р.Ю.Виппер) и провозглашения христианской религии закономерным, объективным и, в какой-то степени, высшим результатом всей духовной эволюции античной цивилизации (Н.И.Кареев, Ф.Ф.Зелинский). Эти пособия, таким образом, были, прежде всего, манифестом методологических позиций их авторов. Таким образом, феномен «профессорского» учебника, созданного крупными представителями исторической науки с передовых для своего времени историкофилософских позиций оказался весьма успешным вариантом изложения такого сложного, конфессионально-ориентированного и мировоззренчески важного вопроса, как история античного христианства.

Примечания

1. Очерки истории исторической науки в СССР / Ред. М.Н.Тихомиров. М., 1955. Т. 1.
2. Коровкин Ф.П. Вопросы научно-методического обоснования учебника истории древнего мира в средней школе // Известия АПН РСФСР. М., 1960. Вып. 112.
3. Аналогичная ситуация сложилась и в духовных учебных заведениях, где Церковная история стала изучаться в обязательном порядке лишь с начала XIX в. Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX вв. М., 1903. С. 519.
4. Напр.: Гапонов И. Церковная история с первых времен христианства до второй половины XIX в. Харьков, 1867. Т. 1.
5. Муравьев А.Н. Первые четыре века христианства. СПб., 1866.
6. Смирнов И. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в. СПб., 1817.
7. Чельцов И.В. История христианской церкви. СПб., 1861. Т.1.
8. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVIII — первая половина XIX вв. М., 1985.
9. Куценко Н.А. Духовное образование в России в XVIII веке и новые веяния XIX века // Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII — начале XIX в. / Под ред. Е.С.Токаревой, М.Инглота. СПб., 2009.
10. Иловайский Д.И. Древняя история. Средние века. Новая история. М., 1863 (совр. изд. М., 1997).
11. Беллярминов И.И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. СПб., 1896 (совр. изд. в кн.: Учебники дореволюционной России по истории / Сост. Т.В.Естеферова. М., 1993).

12. Подобные тексты всегда скрупулезно рецензировались Цензурным комитетом Св. Синода. Чирскова И.М. Цензурная регламентация исторической науки в России второй половины XIX в. // Вестник РАН. 1998. № 1.

13. Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории. Ч. 1. Древний мир. М., 1898.

14. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. М., 1915 (совр. изд. М., 1995).

15. Зелинский Ф.Ф. Соперники христианства: лекции, читанные ученикам выпускных классов Санкт-петербургских гимназий и реальных училищ. М., 1914 (совр. изд. М., 1996).

16. Кареев Н.И. Учебная книга древней истории. СПб., 1900 (совр. изд. М., 1997).

17. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903 (совр. изд. Тула, 1993).

18. Виппер Р.Ю. История древнего мира. М., 1900 (совр. изд. М., 1993).

19. Только учебник Р.Ю.Виппера с 1900 по 1923 год выдержал тринадцать изданий. Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. М., 1976.

А.Л.Кузьминых

г.Вологда

Вологодский институт права и экономики ФСИН

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ПЛЕНА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Вплоть до настоящего времени фундаментальными вопросами теории и методологии изучения военного плена исследователи занимались недостаточно. В большинстве военно-исторических трудов плен предстает как своего рода «побочный» итог войны, а военнопленные фигурируют в длинном перечне людских и материальных потерь [1; 2]. Вместе с тем, в последние годы появился круг исследований, где предлагаются оригинальные подходы к изучению военного плена. Помимо традиционных подходов, трактующих плен как политико-правовое, социально-демографическое и экономическое явление, создаются альтернативные концепции, рассматривающие его как социально-психологический и культурный опыт [3, 48—63; 4, 120—126; 5, 114—119; 6, 168—180; 7, 189—205; 8; 9, 132—143 10, 53—63]. В современных исследованиях военнопленный предстает не только как объект статистики, международного права и государственных интересов, а как субъект истории, для которого пребывание за ключей проволокой стало своеобразным процессом обучения [11].

До сих пор отсутствует универсальная концепция, рассматривающая военный плен как исторический феномен, во всем многообразии его сторон и в органическом единстве составляющих элементов. Исходя из этого, наиболее перспективной теоретико-методологической основой исследований является идея исторического синтеза [12]. Междисциплинарный синтез, осуществляемый в конкретных пространственно-временных границах, является наиболее адекватной стратегией в условиях беспрецедентного расширения и расщепления

исследовательского поля таких сложных социально-исторических феноменов как война и военный плен.

Представляется, что основными и равноправными участниками (актерами) исторического процесса являются цивилизация (культура), государство (власть), общество (социум) и личность (индивид). Поэтому комплексное историческое исследование подразумевает изучение взаимодействия и взаимоотношений между всеми перечисленными действующими субъектами истории. Тем более, если речь идет о таких явлениях как война и плен, выходящих за пределы локальных границ. Как показал опыт XX века, война является не только противоборством отдельных государств и их коалиций, но и столкновением разных цивилизаций (культур, мировоззрений, идеологий, ментальностей), в которое вовлекается огромное количество социальных (этнических, религиозных и иных) групп и индивидов. Плен приводит к перемещению значительных масс людей через цивилизационные, государственные и национальные границы, их выпадению из привычной социально-культурной среды и зачастую насильственную интеграцию в иные этносы и культуры, масштабное вовлечение в производственные процессы, а впоследствии возвращение на родину и сложную адаптацию к мирной жизни в послевоенном обществе.

Наиболее перспективным представляется изучение военного плена с позиций *институционального подхода*. Плен при этом трактуется как совокупность правовых, политических, социальных, экономических, нравственных и иных отношений, возникающих в процессе вооруженного конфликта, как следствие захвата представителей противоборствующей стороны. Институт военного плена включает следующие элементы: 1) правовые, идеологические и культурные нормы, регламентирующие обращение с военнопленными и интернированными; 2) систему органов и учреждений, обеспечивающих реализацию этих норм; 3) лагерный социум со сложившейся структурой, системой отношений и социальных ролей; 4) систему формальных и неформальных поведенческих практик, обеспечивающих выживание в условиях плена.

Военный плен, как социальный институт, предполагает выполнение важных социальных функций, возникающих в условиях военного времени. Такими системообразующими функциями являются: 1) прием военнопленных; 2) их содержание и 3) возвращение на родину (репатриация). Прием военнопленных включает такие элементы как учет, транспортировка к месту содержания, карантинные мероприятия. Содержание военнопленных подразумевает организацию их режима и охраны, продовольственного и вещевого обеспечения, медицинского обслуживания, труда и лагерного досуга. Наконец, репатриация предполагает возвращение военнопленных на место их постоянного проживания. Невозможность осуществления одной или комплекса функций позволяет говорить о дисфункции института военного плена.

Необходимо отметить, что становление и развитие института военного плена и интернирования определяется совокупностью объективных и субъективных

факторов. К числу внешних факторов относятся природно-климатический, политический, социальный, экономический, культурный и ряд других. Например, на положении военнопленных напрямую сказываются условия природной среды, в которой они размещены; характер политического режима и общественного устройства, а также традиции, правила и нормы поведения, существующие в данном обществе; уровень развития экономики и благосостояния населения. С другой стороны, на положение военнопленных влияют субъективные факторы: их физическое и моральное состояние в момент пленения, особенности национального менталитета, способность к самоорганизации и отстаиванию своих интересов.

Таким образом, с позиции институционального подхода плен трактуется как социальный феномен, возникающий в условиях вооруженного конфликта. В результате процесса институционализации оформляются не только правила и нормы обращения с военнопленными и интернированными, но структуры, отвечающие за организацию их содержания и жизнеобеспечения. Деятельность этих структур определяется глубинными свойствами общества, в которое интегрируются военнопленные.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00344а.

Примечания

1. См., напр.: Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001.
2. Урланис Б.Ц. История военных потерь (историко-статистическое исследование). СПб.-М., 1998.
3. Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10.
4. Кузьминых А.Л. Военнопленные и северяне: становление диалога (1939—1949 гг.) // Отечественная история. 2005. № 2.
5. Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2.
6. Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: социально-психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 1.
7. Кузьминых А.Л. Россия и лагерный мир глазами иностранцев // Шаламовский сборник. Вологда, 2002. Вып. 3.
8. Медведев С.А. Немецкие военнопленные в СССР в 1941—1956 гг. и формирование образа Советского Союза: Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009;
9. Суржикова Н.В. «Мы были в шоке»: советский плен и интернирование как стресс аккультурации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3.
10. Суржикова Н.В. Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации (по материалам Среднего Урала) // Российская история. 2011. № 4.

11. Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914—1922). М., 2010.

12. Основы этой концепции традиционно связываются с французской «школой Ананов», пропагандировавшей междисциплинарный подход к исследованию прошлого и особое внимание обращавшей на характеристику социальных и культурных институтов. См.: Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б.Г.Могильницкого, И.Ю.Николаевой. М., 2005.

О.Ю.Кутарев

г.Шахты

*Южно-Российский государственный университет
экономики и сервиса*

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В восьмидесятих годах XX века широкую известность стало приобретать новое, весьма популярное и сейчас, исследовательское направление — история повседневности (Alltagsgeschichte — нем., History of Everiday Life — англ.). У его последователей немало достижений, в том числе — имеющих непосредственное отношение к эпохе диктатур между двумя мировыми войнами [1]. Историки повседневности отбросили за ненадобностью концепцию тоталитаризма, представлявшую рядовых граждан Германии безвольными «винтиками» диктаторской машины. Их методологический подход, казалось бы, является прямой противоположностью как марксистской, так и элитологической интерпретации истории. Вместе с тем элитологический подход отнюдь не отвергает возможность взгляда на историю «снизу». Он лишь позволяет сосредоточить внимание на действиях тех исторических персонажей и групп, которые принимали важнейшие решения на макроуровне, что неизбежно оказывало воздействие на жизнь обитателей нижних этажей германской политической системы.

Нет никаких сомнений в том, что история повседневности открывает широкие перспективы для исследования повседневных практик рядовых людей в конкретных жизненных ситуациях. Однако не следует забывать: под таким углом зрения история распадается на многочисленные интерпретации и самоинтерпретации, существующие в обществе, предстает в виде множества историй отдельных субъектов. Исключив из поля зрения волевые устремления представителей элитных групп, исследователь рискует остаться без ориентиров, потеряться среди многочисленных деталей повседневного быта объективно доминирующие тенденции общественного развития.

Привлекает внимание и тот факт, что активнее всего (во всяком случае, в Германии) проблемы повседневности изучаются в работах по истории диктатур

XX века. Не хочется думать, что их авторы стремились отвлечь внимание читающей публики от роли элит в процессе формирования тоталитарных режимов. Но по нашему мнению, опасно упускать из поля зрения деятельность субъектов, непосредственно и целенаправленно влияющих на развитие основных подсистем общественной жизни.

Подобная «атомизация» исторического сознания чревата постепенным размыванием этнической идентичности, поскольку одним из важнейших факторов формирования последней выступает единство пройденного исторического пути. Сам термин «путь» предполагает наличие точки отсчета, цели, направления и прочих признаков осознанной динамики. В условиях глобализации национальное самосознание остается одним из сильнейших противовесов тенденции к закреплению однополярности геополитического устройства мира. Выполнение исторической наукой прогностической функции трудно представить в отрыве от анализа действий мировых элит, стремящихся к всеобъемлющей гегемонии (чреватой новым вариантом тоталитаризма, крайне опасным по причине отсутствия альтернативы [2]). Мы не склонны утверждать, что траектория исторического развития определяется исключительно в каком-либо центре власти. Социальные группы, обладающие коллективным самосознанием, в той или иной степени участвуют в определении вектора собственного развития. Причем «дееспособность» этих групп, эффективность их деятельности напрямую зависит от способности сформировать собственную оценку существующей действительности и реализовать целеполагание. Поэтому крайне важно осуществление связи *Alltagsgeschichte* с другими методами изучения истории.

На наш взгляд, история повседневности не должна рассматриваться в качестве антипода элитологического подхода. Ведь ее основой является «концепция изучения прошлого через историю повседневных социальных практик в *любых* сферах и на всех «этажах» жизни общества» [3, 23] (на «верхних» — в том числе).

Примечания

1. Например, выявление многочисленных фактов добровольного доноительства на евреев и коммунистов в национал-социалистической Германии, или широкой поддержки нацистского режима со стороны германских рабочих. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / Под общ. ред. С.В.Журавлева. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2010. С. 17. Богатый материал для исторического анализа повседневности нацистской Германии содержится в работе Виктора Клемперера (Клемперер В. LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998). Рост популярности В. Клемперера в Германии середины девяностых годов XX века во многом объясняется развитием *Alltagsgeschichte*. Автор обладал редким искусством подмечать характерные детали окружающей действительности, переходить от сцен повседневного быта к глобальному политологическому и философскому обобщению смысла пережитой эпохи.

2. Согласно сформулированному автором принципу универсализма, «любая правящая элита, вследствие стремления к теоретическому обоснованию своего права на реализацию власти, формирует представление о тождественности своих собственных интересов с государственными, а государственных — с национальными». Кутарев О.Ю. Роль элит в процессе становления и укрепления национал-социалистического режима в Германии. Автореф. на соискание ученой степени к.и.н. Специальность 07.00.03 — всеобщая история (новая и новейшая история). Шахты: Издательство ЮРГУЭС, 2010. С. 24.

3. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / Под общ. ред. С.В.Журавлева. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2010.

Н.А.Кучер

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ВОПРОСУ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ США

Миграционные процессы являлись одним из наиболее значимых факторов формирования американской государственности. Исследование иммиграционной политики США, ее принципов и особенностей необходимо для выявления характерных черт исторического развития американского государства. Проблемы иммиграции занимают одно из первых мест в общественно-политической жизни Соединенных Штатов.

Анализ отечественной научной литературы по проблеме иммиграции в США показывает, что основное внимание ученые уделяют изучению иммиграционных потоков в Соединенные Штаты, влияние иммигрантов на социально-экономическую жизнь страны, положения отдельных иммигрантских этнических групп в американском обществе.

Отечественная историография российской трудовой эмиграции восходит к началу XX столетия. Интенсивное эмигрантское движение, начавшееся в конце XIX — начале XX веков, возникновение «Русской Америки», вхождение русских иммигрантов в стремительно меняющееся американское общество послужили начальным этапом сложного социокультурного процесса, растянувшегося на несколько десятилетий и поколений. Каждому зигзагу российского политического или экономического развития прошлого века соответствовала новая волна переселенцев, устремлявшихся к американским берегам в поисках свободы и благосостояния и вносявших свою лепту в формирование американской нации.

В конце XIX столетия проблема русской трудовой миграции попала в поле зрения общественности. Появились первые исследовательские работы,

анализирующие ход и значение эмиграции граждан империи в Североамериканские Соединенные Штаты. Их количество нарастало по мере развития переселенческого движения. В работах Н.А.Бородина, К.Воблого, Б.О.Курчевского и др. содержится обширный статистический (преимущественно американский) материал, намечаются подходы к исследованию процессов миграции [3].

Революционные события 1917 года обозначили новый эмиграционный этап. На волне ожидания массового возвращения трудящихся из Америки появляется целый ряд работ демографов, представивших интересные статистические данные, не потерявшие значение и сегодня [7]. В то же время военно-коммунистическая идеология времен Гражданской войны, создав определенный стереотип восприятия эмиграции, равно как и принявших ее стран, предопределила не только освещение событий, но и выбор тематики исследования.

На протяжении десятилетий русская эмиграция рассматривалась как часть или отряд враждебного капиталистического окружения молодой республики. Категории классового противостояния прочно вошли в научное исследование темы, предопределив ее рассмотрение через призму борьбы с контрреволюцией и буржуазной идеологией.

Методологическая основа, заложенная в работах В.И.Ленина [6], получает развитие в трудах А.С.Бубнова, М.Н.Покровского, Н.Л.Мещерякова и др. [4]. История классовой борьбы, составной частью которой по-прежнему являлась тема русской эмиграции, широко освещалась в обобщающих трудах по истории Коммунистической партии и Советского государства [8]. В поле зрения исследователей попадают основные проблемы советского общества 1920-х годов, подготовка и экономическое наступление Советского государства на новую буржуазию, деятельность и крах буржуазных партий, борьба с буржуазной идеологией. Начало процесса выделения истории русской эмиграции в отдельную отрасль исторических знаний, получившую окончательное выражение в развитии современной историографии, относится к 1960—1980-м годам, когда выходят монографические работы С.А.Федюкина, Л.К.Шкаренкова, Ю.В.Мухачева, Г.Ф.Барихновского, В.В.Комина и др. [9].

В отличие от «классово чуждой» белой эмиграции, Русская Америка первоначально рассматривалась как потенциальный союзник новой власти. В работах начала 1920-х годов отмечаются возможности и перспективы массового возвращения на родину представителей трудовой эмиграции, покинувших Российскую империю еще до начала Первой мировой войны. Тема реэмиграции выходцев из России, их участия в восстановлении народного хозяйства, активно обсуждаемая в 20-х годах, получила научное развитие в 1950—1960-х годах в трудах Г.Я.Тарле, В.К.Фураева и др., рассматривавших русскую иммиграцию в контексте российско-американских отношений двадцатых годов [7].

Несмотря на определенный интерес, проблемы американской иммиграции до середины 1950-х годов «монографически почти не исследовались ни в советской, ни в зарубежной марксистской литературе, хотя затрагивались в ряде

общих работ и в некоторых работах по смежным темам» [8]. Одним из первых исследований, посвященных положению иммигрантов в США, характеристике основных этнических групп и анализу иммиграционного законодательства, стала монография Л.А.Баграмова. К сожалению, собственно русским иммигрантам, по понятным причинам, в ней было уделено всего три страницы [1].

Позднее тема иммиграции в США рассматривается отечественными исследователями (преимущественно американистами) без выделения собственно российского компонента, не говоря уже о русском. В центре внимания оказываются эволюция американского законодательства и государственной системы в области регулирования иммиграции, этнический и классовый состав населения США, соотношение «новой» и «старой» эмиграции, вклад отдельных национальностей в формирование американской культуры, экономическое и политическое положение иммигрантов, их роль и значение при формировании американского рабочего класса и социалистического движения, борьба за экономические и политические права. В разной степени эти проблемы были затронуты в работах Ш.А.Богоиной, А.Н.Шлепакова, С.В.Филиппова, А.Я.Киппермана, Г.П.Куропаткина, А.С.Соколова, Н.А.Тудоряну, А.М.Черненко, В.Я.Гросула [2].

Отечественная историография внесла существенный вклад в изучение иммиграционной политики США. В работах отечественных американистов представлены, на основе достоверных фактических материалов, особенности формирования и регулирования иммиграционной политики и влияния культуры иммигрантов на быт американского населения Соединенных Штатов, однако многие аспекты этой проблемы остаются не изученными.

Примечания

1. Баграмов Л.А. Иммигранты в США. М., 1957.
2. Богоина Ш.А. Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850-1865). М., 1965; Она же. Иммигрантское население США 1865—1900. Л., 1976; Она же. Этнокультурные процессы в США кон. XVII — нач. XX вв. М., 1986; Шлепаков А.Н. Славянские группы в США // Национальные процессы в США. М., 1973; Он же. Иммиграция и американский рабочий класс. М., 1966; Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство. Политика и законодательство. М., 1973.; Соколов А.С. Русские в Америке в конце XIX века. Л., 1985; Тудоряну Н.А. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986; Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М., 2001 и др.
3. Бородин Н.А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг, 1915; Воблый К. Заатлантическая эмиграция, ее причины и следствия. Варшава, 1904; Курчевский Б. О русской эмиграции в Америку. Либава, 1914 и др.
4. Бубнов А.С. Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. Пг., 1923; Покровский М.Н. Контрреволюция за 4 года. М., 1922; Мещеряков Н.Л. На переломе (Из настроений белогвардейской эмиграции). М., 1922; Он же. Что установил процесс так называемых социалистов-революционеров. М., 1922; Ярославский Е. Третья сила. М., 1922; На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. Сб. статей. М., 1923; Белов В.

По новым векам. Ревель, 1921; Он же. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М.-Пг., 1923 и др.

5. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3. Кн. 1.; Кн. 2. М., 1968; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 7. М., 1967; Т. 8. М., 1967 и др.

6. Ленин В.И.: О современном положении и ближайших задачах Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 39; О диктатуре пролетариата // Там же. Т. 39; Доклад о тактике РКП на III Конгрессе Коммунистического Интернационала // Там же. Т. 44 и др.

7. Лубны-Герцик Л.М. Движение населения во время войны и революции. 2-е изд. М., 1926; Осинский М.О. О межконтинентальных и международных миграциях в дореволюционной России и СССР. М., 1928; Урланис Б.Ц. Война и народонаселение Европы. М., 1929 и др.

8. Тен В.А. Иммиграционная политика США в XVII—XX веках. Краткий исторический очерк. М., 1998. С.4.

9. Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. М., 1977; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981; Мухачев Ю.В., Шкаренков Л.К. Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. М., 1980; Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.). Л., 1978; Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977 и др.

10. Фураев В.К. Советско-американские отношения 1917—1939 гг. М., 1964; Тарле Г.Я. Друзья страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР. 1920—1925 гг. М., 1968 и др.

А.А.Линченко

г.Липецк

Липецкий государственный технический университет

О СМЫСЛОВОМ ПОЛЕ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУЧНО-АКАДЕМИЧЕСКОГО И МАССОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В современной социальной философии утвердилось мнение, что общество есть не только системное, но и целостное образование. При этом, целостность общества отнюдь не означает его унификации. Скорее целостность необходимо понимать как определенные формы взаимосвязи дополняющих друг друга, но не тождественных объектов. Это в полной мере относится и к историческому сознанию, которое несмотря на определенное единство в рамках какой-либо исторической культуры, предполагает множество уровней (архетипическое, эмпирическое, теоретическое), форм (когнитивные, нравственные, эстетические компоненты) и видов (индивидуальное, групповое, массовое). Все они специфичны и предполагают различные способы освоения знания о прошлом. Одними

из наиболее отчетливо выделенных представляются научно-академическое и массовое историческое сознание. И вместе с тем, в научной литературе последних лет, несмотря на значительное число исследований как научно-академического, так и массового уровней исторического сознания акцент делается на их специфику и различия, что, конечно же, сомнений не вызывает. Однако пространство исторической культуры есть определенное единство и целостность. По мнению, И.Рюзена историческая культура есть историческое сознание, схваченное в действии, представляет собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, и места памяти и идентичности [1]. Это означает, что не менее интересным является анализ механизмов согласования указанных выше уровней исторического сознания.

Позволим себе обратить внимание на один интересный факт, подмеченный А.И.Борозняком. Эволюция исторического сознания ФРГ в 50-е—90-е гг. XX века продемонстрировала удивительную тенденцию. Несмотря на то, что вплоть до 90-х гг. в официально исторической науке сохранялось противоречивое, а нередко и враждебное отношение к проблеме подлинной оценке нацизма, трансформации массового исторического сознания, представленного учителями истории, конкурсами ученических работ о повседневной жизни нацистской Германии, около четверти которых были посвящены трагической судьбе советских военнопленных. Преодолевая сопротивление официальных властей, видных историков, политиков немецкие школьники буквально «заставили» заговорить о новом витке осмысления недавнего прошлого Германии [2, 174—192]. Очевидно, что помимо общеизученного воздействия научно-академического исторического сознания на массовое следует говорить и об активном, постоянном обратном процессе. Причем, как отмечает А.И.Борозняк это происходит не только на уровне расширения объема знания, но и на уровне моральном. Помимо школьников важную роль сыграла общественная дискуссия. Речь, таким образом, идет о сфере исторического смысла, смысловом поле взаимодействия различных уровней исторического сознания.

Различные по предмету, цели, средствам и результатам деятельности по восприятию прошлого научно-академическое и массовое историческое сознание находятся в определенном общем смысловом поле. В одном из последних исследований термин «смысловое поле» трактуется как «смысловое пространство, изменяющееся под влиянием процесса смыслообразования, а также всех компонентов смыслового пространства, так или иначе ему способствующих» [3, 13]. Смысловое поле исторического сознания формируется в процессе взаимодействия различных смыслов истории, каждый из которых конструируется субъектом исторического сознания, в зависимости от его социального местонахождения и способа деятельности. Смысловое поле исторического сознания функционирует как коммуникативно-дискурсивный процесс передачи смыслов от субъекта к субъекту, от уровня к уровню исторического сознания. Смысловое

поле исторического сознания выступает в качествах: 1) сферы интеграции различных видов исторического смысла; 2) «выравнивания» отдельных смыслов; 3) выделения индивидуальных смыслов истории. Главной функцией смыслового поля истории в рамках той или иной исторической культуры является хранение, передача, сопоставление и генерация новых смыслов (смыслопорождение). Последнее есть ответная реакция на вызовы современности, практической жизни. Низшим уровнем смыслового поля выступает архетипические бессознательные формы исторического смысла, средний уровень представлен различными повседневными, эмпирическими отдельными или массовыми представлениями об осмысленности истории, высший уровень есть уровень философской тематизации смысла истории в тех или иных версиях философии истории. Границы (внутренние и внешние) есть сфера порождения новых смыслов исторического сознания. Это связано как с активным проникновением внешних представлений об истории, так и с внутренним взаимодействием различных компонентов структуры смыслового поля исторического сознания. Это объясняет постоянное присутствие осмысления истории с нравственных или эстетических или даже политических позиций. В отношении понимания каналов взаимодействия между научно-академическим и массовым историческим сознанием можно выделить не только традиционные — образование, научно-популярную и художественную литературу, но и публичный дискурс, традиции и тематизации исторического смысла на уровне повседневности. Выделяя принципы взаимодействия укажем на важнейшую роль когнитивных (обретение истины) и моральных критериев (достижение справедливости).

Примечания

1. Rüsen J. Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne, Weimar, and Vienna: Böhlau, 1994.
2. См. подр.: Борозняк А.И. Как немецкие школьники участвуют в постижении нацистского прошлого / Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
3. Немчинова Е.Ю. Социальная сущность лидеров и элит. Процесс их взаимодействия и роль в развитии общества. Автореф. дис. ... к. ф. н. 09.00.11. М., 2011.

Н.М.КАРАМЗИН О БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ

Британский внутривластный процесс рубежа XVIII—XIX веков находил освещение в ранних отечественных периодических изданиях и, в первую очередь, на страницах литературно-политического журнала «Вестник Европы». Его основателем, издателем в 1802—1803 годах и автором многих публикаций являлся крупнейший отечественный мыслитель, историк, писатель, один из основоположников русского консерватизма Николай Михайлович Карамзин. «Вестник Европы» был задуман Карамзиным как «журнал для всей русской публики» с тем, чтобы «помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский, развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей» [1].

Задолго до начала своей издательской деятельности летом 1790 года Карамзин побывал в Великобритании. Через несколько лет были изданы выдержки из его английского дневника с описанием прибытия в Дувр и поездки в Лондон. В начале XIX века «Письма русского путешественника» были переведены на английский язык целиком, что свидетельствовало об интересе читающих британцев к восприятию их страны в далекой России.

В 90-е годы XVIII века Карамзин в целом оставался на западнических, во многом космополитических, позициях. Очевидно, эти настроения стали необходимым этапом формирования его мировоззрения. «Я в Англии — в той земле, — писал он, — которую в ребячестве своем любил я с таким жаром, и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы» [2, 68]. Карамзин отмечал значение личной свободы и неприкосновенности для англичан, как важнейших ценностей и основ их государственного строя. «Англичане бояться строгой полиции, и лучше хотят быть обкрадены, нежели видеть везде караулы, пикеты и жить в городе как в лагере» [2, 102].

Важнейшим инструментом британской государственности является парламент, отношение к которому у Карамзина было неоднозначным. С одной стороны, он не мог не видеть его важной роли в британском государстве: «Англичанин царствует в Парламенте и на Бирже: в первом дает он законы самому себе, а на второй целому торговому миру» [2, 85]. С другой стороны, для него парламент лишь элемент хорошо отлаженной государственной машины, которая не дает сбоя еще и потому, что общественное мнение находит частичное выражение в нижней палате. Парламент — это своего рода «клапан», через который

можно выпустить «пар» политической борьбы. Делясь своими впечатлениями от посещения палаты общин, Карамзин писал: «Едва ли 50 человек говорят когда-нибудь; все прочие немые; иные, может быть, и глухи — но дела идут своим порядком, и хорошо. Умные министры правят, умная публика смотрит и судит. Член может говорить в парламенте все, что ему годно; по закону он не дает ответа» [2, 115].

Безусловно, нарисованная Карамзиным картина внутривнутриполитической идиллии не соответствовала тем реальным социально-политическим процессам, которые имели место в Англии в конце XVIII века. Стороннему наблюдателю весьма умеренных воззрений, трудно было понять всю их противоречивость.

«Ахиллесовой пятой» британской конституции оставалось избирательное право. Оно представляло собой крайне запутанное переплетение старых феодальных установлений с новыми. Право голоса рассматривалось тогда не как политическое право, а, скорее, как право-привилегия. В стране отсутствовало общегосударственное, развитое законодательство о выборах, что влекло за собой развитие местных, обособленных правил избрания депутатов палаты общин, характерной чертой которых являлась малочисленность избирателей.

Карамзин иронично описал «процедуры» выборов в Вестминстере. Агитация за кандидатов принимала характер откровенного подкупа. «Вестминстер избирает двух Членов. Министры желали Лорда Гуда, а противники их Фокса; более не было Кандидатов. Накануне избрания угощались безденежно в двух тавернах те Вестминстерские жители, которые имеют голос: в одной подчивали Министры, а в другой приятели Фоксовы» [2, 99—100]. Далее Карамзин привел отрывок из обличительной речи Горна Тука, который выставил свою кандидатуру на выборах. «... Сограждане! Истинная Английская свобода у нас давно уже не в моде; но я человек старинный и люблю отечество по-старинному. Вам говорят, что нынешний день есть торжество гражданских прав ваших; но пользуетесь ли вы ими, когда вам предлагают из двух Кандидатов выбрать двух Членов? Они уже выбраны! Министры с противниками согласились и над вами шутят» [2, 100]. Даже для иностранца был очевиден весь фарс этих выборов.

Сложившиеся у Карамзина представления о Великобритании, ее внутривнутриполитическом быте оказали существенное влияние на характер материалов, посвященных событиям в этой стране и опубликованных в «Вестнике Европы» в 1802—1803 годах. По нашему мнению, этим публикациям присущи некоторые общие черты.

С одной стороны, чувствуется почтение к многовековому зданию британской государственности, прочно стоящему на фундаменте парламентаризма. В то же время, на страницах издания подвергаются критике многие инородные, порой просто непонятные, институты, их воплощение в реальной политической практике. Не осталось незамеченным журналом уважительное отношение британцев к основам своей государственности, что, по всей видимости, было особенно важно для «Вестника Европы» рассматриваемого периода, поскольку одной из

важнейших его задач являлось гражданское и правовое просвещение россиян, приобщение их к политической жизни.

«Вестник Европы», редактируемый Н.М.Карамзиным, стремился знакомить соотечественников с европейским политическим процессом, что в немалой степени выражалось в освещении британской внутривнутриполитической жизни, оказывал несомненное содействие приобщению передовых соотечественников к основам политико-правовой культуры.

Примечания

1. Вестник Европы. 1802. № 1.
2. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646—1945. М., 2001.

Н.П.Миронова

г. Сыктывкар
Коми НЦ УрО РАН

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ (на примере студентов г.Сыктывкара)

Биографический метод (англ. biographical approach, biographical perspective), опирающийся на качественную исследовательскую парадигму, развивается в целом ряде социогуманитарных дисциплин: этнографии, социологии, психологии и др. При помощи этого метода исследуется «история» индивидуальной жизни человека, с акцентом на субъективных представлениях индивида о своей жизни и социальной реальности, выраженных в форме индивидуально-субъективного повествования. Именно поэтому биографический метод тесно связан с методом устной истории (oral history). Также как и в устной истории, биографический метод позволяет исследователю получать новые сведения на основании устного сообщения лиц, бывших участниками или свидетелями данного события, процесса или эпохи, или лиц, чьи индивидуальные воспоминания, мнения и взгляды могут обогатить знания о рассматриваемой проблеме. Общим для данных подходов является и то, что они в большей степени отражают так называемую «малую историю» (микроисторию), индивидуальные воспоминания, историю, создаваемую «снизу» (history from below), ежедневную жизнь и т.д. [1].

При исследовании этнического самосознания биографический метод позволяет более глубоко на личностном уровне показать содержание, символы и значения, на основании которых происходит этническое самоопределение.

Основу данного исследования составили материалы биографических интервью студентов вузов г.Сыктывкара, всего было опрошено 35 студентов Сыктывкарского госуниверситета и Коми государственного педагогического института. В данном случае комплекс представлений об этнической принадлежности студенческой молодежи г.Сыктывкара рассматривается на индивидуально-личностном уровне с учетом субъективных характеристик и оценок, которые присваиваются молодыми людьми при анализе своей этнической принадлежности.

Материалы свободных в изложении интервью представляют собой описание родословной, в которой выделяются основные исторические события, в некоторых случаях дается оценка этих событий, описание семейных традиций и реликвий.

Большинство описанных биографий начинается с описания жизненных путей дедушек и бабушек, реже прабабушек и более «древних предков», в основном, биографические сведения начинаются с описания событий конца 1920—1940-х гг. и заканчиваются сегодняшним днем. Преимущественно описывается время коллективизации, формирование совхозов, промышленное освоение республики, работа в шахтах, лесопунктах, на сплавах леса, участие в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). Помимо рассказов старших родственников источниками исторической памяти для современной молодежи являются семейные фотоальбомы, письма с фронта, семейные реликвии, предания и традиции, которые могут и не иметь ярко выраженной этнической окраски.

В ходе интервью респондентам помимо рассказа о родословной предлагалось ответить на вопрос о том, как они определяют свою этническую принадлежность. При этом цель исследования заключалась в определении роли исторической памяти при формировании представлений об этнической принадлежности у современной молодежи.

Обычно человек причисляет себя к тому этносу, к которому принадлежат его кровные родственники и родители и довольно жестко ограничен в выборе своей этнической принадлежности. Однако этническая самоидентификация может быть изменена по ряду социокультурных и психологических причин, которые не отражают данные этносоциологических опросов. В данной ситуации биографическое интервью помогает более конкретно отразить эти причины, «ситуативность» или «дрейф» этнической идентичности.

Анализ биографических интервью также показал, что молодые люди, которые затрудняются в определении своей этнической принадлежности («я не могу точно сказать, кто я по национальности»; ж, 1989) или указывают на ее множественный характер («много национальностей в роду»; м, 1987; «и русский и коми в равной мере»; м, 1988) более подробно описывают историю своей семьи и связывают невозможность четкой этнической идентификации со сложной этнической родословной. В тоже время, молодые люди, которые не знают своей родословной, ограничиваются биографическими сведениями о своих родителях,

называют себя «просто россиянами» или же указывают, что «национальность не важна в современной жизни».

Таким образом, биографический метод позволяет осветить роль исторической памяти при формировании этнического самосознания, поскольку именно посредством исторической памяти воспроизводится непрерывность и преемственность поколений. В свою очередь, при обращении к этнической принадлежности человек всегда апеллирует к своей истории. Этническая идентичность представлена как форма идентификации, обращенная в прошлое и воплощенная в культурной и исторической традиции индивида или группы. Этническое самосознание современной студенческой молодежи г.Сыктывкара базируется на исторической памяти поколений: комплексе представлений об этнической принадлежности родителей и более древних предков, знании языка и культуры, при этом может иметь множественный и ситуативный характер.

Примечания

1. Вебер Д. Рассказанная «Память народа» или что такое метод устной истории. URL: http://www.pametnaroda.cz/page/index/title/oral-history-method?locale=ru_RU (25.01.2012)

Ю.С. Обидина

г.Йошкар-Ола

Марийский государственный университет

КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В АНТИЧНОМ МИРОУЩУЩЕНИИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Как в былые времена, так и в техногенной цивилизации, в самых различных культурах жили (и продолжают жить) смыслообразы, «разделяющие мироздание на пространственные сферы, имеющие фундаментально различные смыслы. Таково, например, древнее различие между миром живых и миром мертвых. Различие между ними — это различие между жизнью и смертью. Столкновение этих смыслов, грозящее распадом сознания, разрушением единства человеческого общества, преодолевается культурой, полагающей это различие не абсолютным» [1, 25].

Представления о пространстве и времени уходят корнями в глубокую древность, в наиболее архаичные пласты религиозно-мифологического сознания. Они включаются в картину мира и воссоздаются определенным типом мышления, определенными мыслительными процессами, свойственными каждой культуре в отдельности.

Античные мифы свидетельствуют о том, что греки считали, что время имеет циклический характер, идет по кругу. Пространство мира — не бесконечно, а ограничено, предельно. Сам мир мыслился состоящим из элементов первоматерии. В мире нет пустоты, он телесен, вещественен, плотен, как телесны олимпийские боги [2, 24].

Миф, в котором живут, символизирует особую ментальность. В ней центральные мироощутительные категории (такие как время, пространство, тип и форма мышления) получают специфическое наполнение. О.Шпенглер определил вневременное состояние человека, живущего в мифе, как состояние человека, пребывающего в «культуре без памяти». «Культура без памяти» — «культура без прошлого» — культурный мир не текущий, а пребывающий «... все это ассоциации одного порядка, говорящие о «точечном», вневременном мироощущении античного человека, воспринимающего мир в покое или движении по кругу» [2, 25].

Греки не выделяли себя из природы и не противопоставляли себя ей. Понимание времени складывалось под влиянием образно-космологического восприятия процессов, протекающих в окружающем мире. Тема вечного круговорота была очевидным мотивом жизни и природы. Природа неустанно переходит от цветения к смерти и от смерти к возрождению, замыкая это в вечный круг. О «вневременности» античного сознания свидетельствуют и такие черты «культуры без памяти», как обычай погребального сожжения.

Важным свидетельством циклической концепции времени является миф о Кроносе, рождающем и поглощающем своих детей. По мнению А.Кураева, «Время-Кронос, пожирающий все рождаемое в нем, сродни смерти. А значит, преодоление смерти возможно только у порога времени. После того, как время кончится — с ним и со смертью бороться уже поздно. Значит, надо вернуться к истокам времен, *in illo tempore* («во время оно»). Надо вернуться к истоку мироздания, к тому времени, когда мир еще не выпал из лоно вечности» [3, 70].

Представления о пространстве, свойственные античному миропониманию, можно реконструировать на основе греческой мифологии и философии. Боги и люди пребывали в едином, общем Космосе. В природно-человеческом мире они занимали вполне конкретное место — гору Олимп. Близость, обозримость, ограниченность и единство мира богов и людей подчеркивается в целом ряде мифологических сюжетов. Столь же достижим и пространственно близок людям подземный мир — Аид, царство мертвых. Живые и мертвые живут в одном и том же географическом пространстве.

С развитием и усложнением культуры границы между мирами жизни и смерти становятся более радикальными. Попасть живым в царство Аида крайне трудно, это под силу только героям, которым помогают боги. Контакты между живыми и мертвыми не просты, но все же возможны: Геракл и Орфей не только приходили в царство мертвых, но и уходили из него. Но античная мифология не знает примеров, когда бы умершие покидали свой мир и хотя бы на время

приходили в мир живых. «Пространственно-географическая связь миров жизни и смерти устанавливалась простым аналогиями: в царстве мертвых протекает священная река Стикс, воды Леты дают забвение о земной жизни, а Харон перевозит души умерших через мрачный Ахеронт» [1, 25].

Время в мире умерших отсутствует. Об этом свидетельствуют представления о тождестве сна и смерти, о том, что у умерших нет памяти, отсутствие трудов, а, следовательно, и земледельческого цикла, вечность наказания. Существование вне времени после смерти связано с подобным существованием богов (боги имеют прошлое, но не имеют будущего). Ассоциация их с безвременьем предполагает негативное суждение о времени: существование в нем несовершенно, неполно, затемняется ожиданием конца. С этой точки зрения жизнь приравнивается к смерти, а смерть — к жизни.

Другими словами, и в античной мифологии, и в философии господствует идея конечности, обозримости пространства. О.Шпенглер предложил следующую формулу восприятия пространства античным человеком: «Что далеко — то невидимо, того нет» [2, 27]. Греки жили здесь и сейчас, а не там и потом. Подобная концепция пространства чрезвычайно близка античному восприятию времени; их роднит своеобразная отграниченность, статика. Подобное архаическое истолкование времени и пространства обуславливалось особым архаическим способом мышления, свидетельствовавшем о «телесном», «пластическом», предметно-субстанциональном способе постижения и отражения мира в античности.

Примечания

1. Порус В.Н. Пространство и время в человеческом измерении // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира. М., 2001. С. 25.
2. Мифология древнего мира: Ближний Восток, Греция и Рим. Казань, 2000. С. 24.
3. Кураев А. Раннее христианство и переселение душ. М., 1998. С. 70.

Т.В.Павлова

г. Сыктывкар

Сыктывкарский государственный университет

Н.И.КАРЕЕВ О САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В настоящее время проблема взаимоотношений общества и государства является чрезвычайно важной. В процессе исторического развития России сформировались различные типы связей между этими важными институтами. В начале XX века, под влиянием значительных преобразований, происходивших в Российской империи, усиливается интерес к поиску оптимальных форм

взаимодействия между обществом и государством. Особенное внимание в этой связи уделялось земскому управлению и его отношениям с центральной властью. «Пришло время, когда должны быть проведены существенные реформы земств [...] едва ли нужно объяснять важность такого движения» — писал в 1915 г. П.Г.Виноградов (1854—1925), крупнейший историк-медиевист [1, 233].

Русская интеллигенция ясно осознавала необходимость изменений существовавших в России отношений власти и общества. В первых рядах ее — научное сообщество, изучавшее отечественный и зарубежный опыт самоорганизации общества и его взаимоотношений с государственными институтами. В этом деле среди русской интеллигенции выделяется историк-новист Николай Иванович Кареев (1850—1931), заинтересовавшийся в начале XX века местным самоуправлением революционной Франции конца XVIII века. Его работы по истории парижских секций, действовавших в эпоху Французской революции конца XVIII века, демонстрировали опыт самоорганизации общества, оказавший огромное влияние на развитие местного самоуправления в государствах континентальной Европы.

Ознакомившись с трудами русских историков по вопросам местного самоуправления, будучи уже известным специалистом по истории Европы нового времени, Кареев берется в 1910 г. за изучение истории казалось бы непримечательных на первый взгляд секций Парижа — избирательных участков, просуществовавших с 1790 по 1795 гг. Но обращение к этому сюжету, к тому же мало изученному историками, было не случайным. Во-первых, именно в Париже было сконцентрировано все, чем отличалась революционная эпоха, со студенческой скамьи интересовавшая Кареева. Во-вторых, как уже было отмечено выше, в России тех времен очень остро стоял вопрос о создании эффективной системы местного самоуправления. Опыт Франции демонстрировал России один из примеров организации и взаимоотношений местных сообществ и государственных структур.

Знаменитая французская универсальная энциклопедия определяет парижские секции (*sections de Paris*) как 48 избирательных участков, на которые 27 июня 1790 г. был разделен Париж [2, 462]. Но это были не просто избирательные участки — это были «лаборатории», в которых, по меткому выражению Н.И.Кареева, «вырабатывалось народное настроение, бывшее куда большею силою, чем общественное мнение» [3, 60].

При их непосредственном участии произошло свержение монархии 10 августа 1792 года. Выступив на стороне монтаньяров в мае следующего года, секции способствовали передаче власти в руки Робеспьера; то, обстоятельство, что они не поддержали его в июле 1794 года (9 термидора II года), содействовало падению Неподкупного. Однако, поддержав Национальное представительство 9 термидора, секции сами стали его «жертвой» 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 года).

Внутренняя структура секций представляла целый конгломерат подчиненных ей элементов. Каждая из них возглавлялась полицейским комиссаром, имевшим совещательный голос на первичных собраниях, где граждане избирали депутатов в Национальный конвент. Ему помогали 16 секционных комиссаров. Последние, в свою очередь, могли выбирать из своей среды председателя и собираться ежедневно. Каждая секция включала в себя несколько комитетов: гражданский (*comité civil*), следивший за исполнением постановлений муниципалитета; революционный (*comité révolutionnaire*) — орган полицейского надзора; военный (*comité militaire*); сельскохозяйственный (*comité d'agriculture*); комитет благотворительности (*comité de bienfaisance*). Кроме того, в состав секции входили селитряные комиссии, секционные мастерские (*ateliers des section*) и секционные общества (*sociétés sectionnaires*) [4, 25—62]. Парижские секции выполняли функции, которые и в наше время возложены на органы местного самоуправления: обеспечение участия населения в решении местных дел, охрана общественного порядка, защита интересов местного самоуправления и т.д.

Жестокие реалии вынуждали секции лавировать между двумя властями: парижским городским (Парижской Коммуной) и общенациональным представительством (Национальный конвент). Однако к 9 термидора II года становится очевидным, что Конвент становится хозяином положения в парижских секциях. Их полномочия стали постепенно сокращаться и, после восстания 13 вандемьера IV года, секции Парижа были упразднены.

Кареев изучил этот опыт самоуправления Парижа в эпоху Великой революции и представил его как один из примеров самоорганизации народа Франции его взаимодействия с государством, который, по его справедливому мнению, должен был использоваться в России того времени.

Примечания

1. Виноградов П.Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008.
2. LARUSSE P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. Paris. 1865—1890. V. 14.
3. Кареев Н.И. Политические выступления Парижских секций во время Великой революции // Русское богатство. 1912. № 12.
4. Кареев Н.И. Парижские секции времен Французской революции (1790—1795). СПб., 1911.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ССЫЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

В настоящее время в отечественной этнографии идут активные методологические искания. Изучение ее истории становится первым этапом научного поиска. Наиболее интересным периодом является время перехода от дореволюционной к советской этнографической науке, в рамках которого наиболее яркими деятелями были ссыльные народники.

Вклад политических ссыльных в дело изучения народов России начал активно изучаться в отечественной историографии со второй половины XX в. Особого внимания удостоились Л.Я.Штернберг, В.Г.Богораз, в меньшей степени изучены взгляды В.И.Иохельсона, Д.А.Клеменца и других.

Первые работы, посвященные научным взглядам Л.Я.Штернберга стали выходить сразу после его смерти в 1927 г. В следующем году в «Сборнике Музея Антропологии и Этнографии» вышли две статьи, в которых научным взглядам было уделено гораздо больше внимания. Автором первой был один из ближайших соратников Л.Я.Штернберга В.Г.Богораз [1, С. 4—30].

В статье Лев Яковлевич был назван первым единственным этнографом-классиком, основателем школы лингвистической этнографии. Вторая статья была написана вдовой Л.Я.Штернберга [1, 31—70]. В ней описывалась организаторская деятельность по созданию и совершенствованию Музея Антропологии и Этнографии. В 1930 г. был выпущен сборник статей, посвященный научной деятельности Л.Я.Штернберга, в котором рассматривались разные ее аспекты — от полевых исследований до теоретических штудий [2]. В 1975 г. была опубликована монография о нем его ученицы Н.И.Гаген-Торн [3]. В 2004 г. вышла обобщающая статья А.А.Сириной и Т.П.Роон [4, 49-94]. В 2011 г. прошла конференция в Санкт-Петербурге, посвященная 150-летию со дня его рождения, на которой были рассмотрены разные аспекты его деятельности.

Изучение научной деятельности В.Г.Богораз началось еще при его жизни, и было приурочено к семидесятилетию со дня его рождения. В журнале «Советская этнография» в № 4—5 за 1935 г. было опубликовано три статьи. Через год после смерти ученого вышел сборник, посвященный его памяти, открывавшийся статьей Д.К.Зеленина [5, V—XVIII], в которой оценивались результаты этнографических и фольклорных экспедиций В.Г.Богораз. Выходили статьи, приуроченные к годовщинам. В 1975 г. вышла монография Н.С.Кулешовой, в которой рассматривались как политические, так и научные взгляды ученого [6]. В 2004 г.

была опубликована статья Е.А.Михайловой, в которой также рассматривались разные аспекты его жизни и деятельности [7, 95-136].

Работы о В.И.Иохельсоне также начали выходить при его жизни. В 1935 г. вышла первая статья, в которой его взгляды, при общей позитивной оценке, подвергались критике за отъезд в США и неучастие в становлении советской школы лингвистической этнографии [8, 3—15]. В дальнейшем на долгое время исследования практически прекратились, возобновившись только в наше время. В 2005 г. вышла статья С.Б.Слободина, в которой рассматривался вклад ученого в изучение народов Севера, в первую очередь гиляков [9, 96—115].

Изучение деятельности Д.А.Клеменца началось еще до революции. Вскоре после его смерти вышел тематический том Известий Восточно-Сибирского отдела РГО, среди авторов которого были известные ученые — Н.И.Козьмин, И.И.Серебренников и другие [10]. В советское время вышло две монографии, посвященные ученому, в которых основное внимание было уделено политической деятельности, но рассматривались и этнографические взгляды [11; 12]. В 1998 г. вышел сборник статей, в котором рассматривался вклад Д.А.Клеменца в становление отечественного музейного дела [13].

Единственной работой, в которой рассматривался общий вклад народников в отечественное народоведение, стала монография С.А.Токарева [14]. Однако в ней этот сюжет не является основным. Это открывает дальнейшие перспективы исследования — более подробное изучение этнографических взглядов ссыльных народников.

Примечания

1. Богораз В.Г. Л.Я.Штернберг как этнограф // Сборник Музея Антропологии и Этнографии. 1928. Т. VII.
2. Памяти Л.Я.Штернберга (1861—1927). Л., 1930.
3. Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.
4. Сирина А.А., Роон Т.П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004.
5. Зеленин Д.К. В.Г.Богораз — этнограф и фольклорист // Памяти В.Г.Богораз. 1865—1936. Сб. статей. М.-Л., 1937.
6. Кулешова Н.С. Тан-Богораз. Минск, 1975.
7. Михайлова Е.А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004.
8. Шавров К.Б. В.И.Иохельсон // Советская этнография. 1935. № 2.
9. Слободин С.Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона) // Этнографическое обозрение. 2005. № 5.
10. Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. 1916. Т. 45. Посвящается памяти Д.А.Клеменца. Иркутск, 1917.
11. Гольдфарб С.И. Д.А.Клеменц — революционер, ученый, публицист. Иркутск, 1986.

12. Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А.Клеменц. Красноярск, 1988.
13. Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А.Клеменца). СПб., 1998.
14. Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966.

Б.В.Петелин

г.Череповец

Череповецкий государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ: ЗАБЛУЖДЕНИЕ ИЛИ ПРИБЛИЖЕНИЕ К ИСТИНЕ

Память о прошлом любой социальной группы можно назвать «социальной памятью», которая не ограничивается только воспоминаниями людей, но и предстает в наследуемых традициях, в культуре, образе жизни, поведении, навыках, привычках и т.д., то есть во всем том, что сохраняется и передается из поколения в поколение. Каждая эпоха оставляет в памяти свой след: одна — слабый и поверхностный, другая — сильный и глубокий. Бурные эпохи оставляют в памяти людей более яркие и глубокие следы, чем мирные и спокойные времена. Наиболее значимым в социальной памяти является память народа о своем происхождении, вере, национальной идентичности [1, 130—131].

В особом отношении с памятью находится историческая наука. Объективная интерпретация, конструирование прошлого без обращения к памяти вряд ли возможны, что требует от историка подлинного профессионализма. Историческая трансформация памяти во времени сформировала определенный дискурс памяти. При этом следует учитывать исторический контекст, в котором развивался данный дискурс. В одних случаях — это ощущается как признак ухода памяти, забвения, или ее потери. В других — как свидетельство обретения памяти в современном обществе, повышения ее значимости, в сравнении даже с традиционным обществом.

Как не странно, но наиболее сложными, противоречивыми могут оказаться представления о недавнем прошлом. Примером тому является минувший XX век. Отношения XX века с памятью непросты. Его в равной степени можно связать и с памятью, и с беспамятством. В реальной действительности, век явно и ярко продемонстрировал противоположные способы действия памяти отдельных людей, групп и обществ, а также способы распоряжения этими памятьями, включая насильственные. С другой стороны, интеллектуальная традиция осмысления и описания феномена памяти, существовавшая в европейской культуре еще со времен античности, именно в XX в. получила новый импульс.

На протяжении XX века изменились и расширились как сами возможности памяти (ее можно сохранять в электронном виде), так и методы и способы ее изучения и описания. Однако новые возможности не исключают т.н. «ложной памяти».

Социальные группы, как и индивиды, по-разному наследуют, воспроизводят и оценивают пережитое ими время. Например, Великая Отечественная война: у ветеранов — одна «правда» о войне, у писателей, режиссеров, политиков — «другая». Даже профессиональные историки отступают от объективности в освещении военных событий. В качестве аргументов следуют ссылки на трудности прочтения военного времени, недоступность архивных источников, многомерность новейшего времени. Проблема, как нам кажется, заключается не в этом. Советский период истории давно стал предметом разных околонучных дискуссий, где объективная точка зрения подменяется политическими пристрастиями и конъюнктурными соображениями [2, 151].

Известный историк А.И.Уткин говорил, что для руководителей России очень важно встать на объективную точку зрения на советский период истории. Признанным и подлинным лидером России окажется тот политический деятель, который «даст убедительный ответ о смысле 70 советских лет. Считать их «черной дырой», «провалом российской истории», когда была ликвидирована неграмотность, создана индустрия, новая народная культура, побежден страшный враг, состоялся прорыв в космос — это крайне примитивная оценка» [3, 130—131]. Осознавая свою долю ответственности, российская власть пытается предложить некий консенсус относительно недавнего прошлого. Сергей Нарышкин, бывший руководитель Администрации Президента РФ, 19 октября 2011 г., выступая на международной конференции «История новой России: двадцать лет спустя (1991—2011)», сказал: «Молодежь не просто должна знать факты истории, но и уметь по-настоящему понимать прошлое и извлекать из нее полезные уроки. Ведь от того, как мы понимаем нашу историю, насколько мы уважительно к ней относимся, напрямую зависит то, как мы будем жить завтра» [4, 38]. Большинство историков согласятся с этими словами, но каким образом решать данную задачу? В реальности, «блужданий по истории» становится все больше и больше.

Социальная память подвержена изменениям. Этот процесс объективен: с возрастом человеческая память становится избирательной. Многие из пережитого забываются, навсегда уходит в прошлое. На удерживаемые в памяти события накладываются иные восприятия. Так многие рассказы фронтовиков о войне созвучны трактовкам СМИ. Предосудительного в этом ничего нет. Специфические человеческие формы памяти появились как продукт исторического развития психики. Историк, прежде чем комментировать и обобщать эти «наслоения» в памяти, обязан учитывать ее особенности. Но есть ли защита исторической памяти от «натиска» СМИ?

Функциональная деятельность средств массовой информации, называемых «четвертой властью», писал С.Капица, давно требует государственной политики

[5, 192]. Посредством СМИ современная история превратилась в объект изощренного манипулирования. Немецкий социолог Н.Луман еще в 1947 г. указывал на двойственную природу СМИ. С одной стороны, отмечал Луман, об окружающем мире мы узнаем из СМИ, с другой стороны, нельзя доверять им как источнику информации: «Средства массовой информации не предоставляют картины реальности, ими различаемой (это и не может быть их функцией). Скорее, они сами создают реальность, которую и передают ежедневно через сети вещания как новости, сообщения, рекламу». Луман был прав и в том, что СМИ мало заинтересованы в отражении истины и полностью не заинтересованы в отражении научно обоснованной истины [6, 174—175, 179].

Судить о прошлом следует не с вершины сегодняшнего дня. В связи с этим возникает вопрос, возможна ли единая, общая социальная память, и какие условия должны быть созданы для этого? Поле социальной памяти, как свидетельствует сама история — это арена конфликтов, столкновений и противостояний, но одновременно и механизм по предотвращению их. Отдельные группы: этнические, религиозные, социальные и т.п. иногда демонстрируют приверженность собственной памяти, которая не всегда и не во всем совпадает с памятью всего общества, нации, класса. Однако при наличии общей истории, как это можно сказать о российском народе, сообща пережившем утраты, трагедии, достижения и победы, конфликтные столкновения относительно прошлого во все не обязательны.

Важна не только память о каком-либо историческом событии, но и память как способ трансляции социального опыта, жизненных представлений, способов поведения. Социальная память сегодня это то, что помогает нам понять, почувствовать, отразить окружающий нас мир, это действенный культурный капитал, который унаследуют от нас новые поколения.

Примечания

1. Никифоров А.Л. Историческая память, история и истина // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М., 2011.
2. Петелин Б.В. Изучение современности: от политологических подходов к историческим оценкам // Ученые записки Череповецкого государственного университета. 2010. № 1.
3. Уткин А.И. Прорыв в будущее. Лидеру России // Золотой лев, № 6, июль-август 2005, № 6. (www.zlev.ru).
4. Аргументы недели, № 42, 27 октября — 2 ноября 2011.
5. Капица С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М., 2010.
6. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество / Пер. с нем. М., 2011.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ «ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В настоящее время значимость и плодотворность историко-антропологических исследований не вызывает сомнений. Вместе с тем, и во Франции, там, где она зародилась, и за ее границами, можно встретить разные трактовки понятия и неоднозначное понимание исторической антропологии как научного направления. Впрочем, это не помешало дальнейшему укреплению ее позиций в рамках исторической науки и, более того, привело к разнообразию практических исследований в этой области.

Отметим, что сам термин «историческая антропология» впервые встречается в 1978 г. в книге «Новая история», вышедшей в свет под редакцией Ж. Ле Гоффа, Р.Шартье и Ж.Ревеля [1, 37—61]. Как видно, важнейшая составляющая понятия — слово «антропология» — изначально не принадлежит научному курсу историков. Этот термин характеризует исследовательское поле одновременно нескольких дисциплин, в первую очередь этнологии и этнографии, объектом внимания которых являются наиболее устоявшиеся физические, культурные и другие особенности различных этносов, по преимуществу современных народностей письменных и бесписьменных. Это описание жилища, одежды и повседневного быта, а также изучение этногенеза, структуры родства, типов семьи, обычаев и социальных представлений. Поворот истории к этнологии, или «встреча» двух наук, произошел в 1970-е гг., очень важный период для развития обеих дисциплин, избравших путь теоретического обновления. Появление социальной антропологии оказалось плодотворным не только в деле обновления этнологии, но и в том плане, что позволило историкам по-новому взглянуть на свой собственный понятийный аппарат и расширить предмет своего изучения. Вместе с тем, фундаментальным отличием истории от антропологии остается то, что у нее нет непосредственного контакта с предметом анализа. Иными словами, историк имеет дело только с источниками, интерпретация которых невозможна без предварительно выработанного вопросника. Главным предметом изучения историков, в отличие от антропологов, является человек, общество, культура в прошлом.

Французский историк Андрэ Бюргер, который вот уже более двух десятилетий изучает общее движение европейской исторической науки XX в. и размышляет, в частности, об исторической антропологии как части интеллектуальной истории, справедливо отмечает, что при всей важности контактов между историей, этнографией и антропологией, степень влияния последних на историческую

науку все-таки не стоит превозносить [2, 52—60; 3]. Формирование исторической антропологии не следует рассматривать как прямой результат междисциплинарного сближения, а скорее как одно из новых направлений и подходов в историографии, возникших под влиянием «новой исторической науки». С конца 1980-х гг., историческая антропология на Западе представлена уже широким кругом исследователей. Об этом свидетельствует, например, появление специальной рубрики, посвященной исторической антропологии в журнале «Анналы», а также чтение в парижской Школе высших исследований по социальным наукам (École des Hautes Études en Sciences Sociales) ежегодного курса по данной проблематике.

Развивая это положение, подчеркнем, что речь идет не столько о рождении, сколько о возрождении антропологически ориентированной истории. То, что позволяет заключить о своеобразии исторической антропологии — это выработанный ею оригинальный ракурс анализа, придающий ученому активную роль в процессе познания прошлого. Ставя во главу угла задачу показать человека в истории во всех его проявлениях, тот круг представлений и картину мира, которые лежат в основе его поведения, во взаимодействии с объективными и субъективными условиями, в различных временных и географических контекстах, историки-антропологи подчеркивают необходимость междисциплинарного подхода. В этом смысле, историческая антропология становится реализацией программы основоположников школы «Анналов» — Марка Блока и Люсьена Февра, которые резко выступили против устоявшейся в историографии традиции, исследовавшей человека исключительно как существа публичного и социального, с опорой, главным образом, на изучение актовых источников как результата его деятельности.

Примечания

1. Burguière, A. L'anthropologie historique / La Nouvelle histoire. Sous la direction de Jacques Le Goff, Roger Chartier, Jacques Revel. Paris : Retz-CEPL, 1978.
2. Burguière, A. Anthropologie historique / Dictionnaire des sciences historiques. Paris : PUF, 1986.
3. Burguière, A. L'École des Annales: une histoire intellectuelle. Paris : O. Jacob, 2006.

Б.И.Поварницын

г.Пермь

Пермский государственный технический университет

О ПРЕДЕЛАХ ПРИМЕНИМОСТИ ПРАВИЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Давно известны эмпирически проверенные и более или менее общепризнанные правила жизни общества. Их сравнительно немного, это далеко еще не полный «свод законов» обществоведения, но они есть. В отечественной

литературе уже около двух десятков лет идет дискуссия о том, что среди этих правил считать социологическими законами, а что историческими правилами. На мой взгляд, чтобы внести в этот спор ясность, нужно сперва разобраться в специализации гуманитарных дисциплин. И я хочу сразу подчеркнуть, что говорю о научных правилах вообще — что из них можно определить как аксиомы, что как теоремы, а что как законы, я сейчас не берусь судить. Ниже я использую термин «правила» как общее определение неких эмпирически обоснованных причинно-следственных связей.

Определения исторической науки, приводимые в разных источниках, различаются, но все варианты подчеркивают, что история изучает прошлое общества. Но прошлое есть непрерывно идущий процесс общественных изменений. Значит, для истории наиболее важны изменения, растянутые во времени (или изменения, связанные с течением времени) — процессы. Для социолога, культуролога, психолога, политолога, философа время не так важно. Оно не определяющее. Значит, те правила, которые связаны с изменениями общества с течением времени, и нужно считать правилами историческими.

Несколько слов о приоритетах. Какие-то правила, выше названные историческими, могли быть открыты и сформулированы социологами, политологами, философами и другими гуманитариями. Это однако не меняет суть правил. Леонардо да Винчи первым попытался вывести грубые и примитивные, но все-таки правила, описывающие действие вертикально расположенного тянущего винта (вертолет) и силу сопротивления воздуха куполообразному падающему вниз объекту (парашют). Его прикидки по праву присвоила себе аэродинамика и никто не пытается сейчас считать это законами живописи, хотя мы помним Леонардо как художника. Иоганн Кепплер известен нам как отец небесной механики, но современники ценили его как автора формул для вычисления объемов криволинейных тел (бочек и корабельных трюмов — это было остро нужно ганзейским купцам для расчета объема товара) — астрономия и геометрия мирно поделили Кепплера между собой. «Земля есть колыбель человечества, но человечество не останется вечно жить в колыбели...» — это сказал учитель физики, но предвидение-то гуманитарное! Поэтому не след и историкам вместе с другими гуманитариями мелочно спорить из-за приоритетов. Необходимо сотрудничать и делиться результатами работы. Кто-то из историков обосновал некое правило систем — отдайте это политологам или социологам. Социолог обосновал закономерности общественного процесса — отдайте это историкам. Иначе общественных наук в законченном виде (то есть с законами, теоремами, аксиомами и прочими правилами) не получится вообще и всем нам не жить. Разумеется, не может быть биологии без химии, а химии без физики. Так же история, социология, философия и прочие не могут друг без друга. Но в естественных науках мы же разделяем: вот тут Мендель, а там — Ньютон.

Возьмем пример справедливого, на мой взгляд, разделения. Эмпирически давно уже показано, что при тоталитарных или близких к ним жестких авторитарных режимах приход второго поколения элиты связан с заметным смягчением методов управления, стремлением найти компромиссы с представителями управляемого населения, а главное — с более «мягкими» режимами окружающего мира. Это просчитано на материале разных периодов режима Франко и на примере Салазара-Каэтану, на опыте сталинской команды и «послесталинского руководства», Мао Цзэдуна и Хуа Гофэна, и ряда других. Здесь налицо изменения, связанные именно с течением времени, со сменой поколений элиты (пусть поколений не физиологических, а, скажем так, функциональных). Основа общества — человек, основа изменения общества — смена поколений, знает, в данном случае речь идет именно об общественном процессе, о предмете исторической науки. Ergo вышеприведенное правило является историческим. Другое дело — почему это происходит. Почему во втором поколении, а не в третьем или не в пятом? Почему это не обязательно приводит к тотальному крушению режима (сравним опыт СССР и КНР) или к свержению персонального диктатора (Франко благополучно дожил до естественной смерти, успев попутно подготовить вполне демократического преемника)? Вот это уже работа политологов, может быть психологов, может быть еще кого-то.

Кое-что вытекает из самого определения исторической науки. Наука о прошлом? Да, но прошлое менялось. Точнее, менялось в прошлом человеческое общество. Можем мы считать, что на протяжении прошлого человеческого общество проходило через последовательный ряд более или менее устойчивых состояний (как бы эти состояния ни называть — хоть формациями, хоть цивилизациями)? Мало кто будет с этим спорить. Помимо мыслителей, основывающихся на представлениях некоторых религий (главным образом, «восточных»), мало кто будет спорить, что этот ряд не повторяется, что он разомкнут. Помимо сторонников «второго пришествия» мало кто будет спорить, что этот ряд развернут в будущую бесконечность. Можем мы объявить, что аксиомой исторической науки является бесконечное движение человечества от одной ступени развития к другой? Почему бы и не назвать это аксиомой, с поправкой, конечно, на уточнение слов, которыми я ее сформулировал? Вот и начало формулирования правил.

Здесь, разумеется, напрашиваются два возражения. Во-первых, если в прошлом человечество шло от одного этапа к другому, то кто поручится, что так будет продолжаться и в будущем? И ранние примитивные коммунистические утопии, и Ф.Фукуяма в своем знаменитом бестселлере предрекали, по сути, наступление «окончательного этапа», конец развития. При этом Ф.Фукуяма вполне определенно писал не просто о некоем «идеальном состоянии» человечества, но о грядущем всемирном застое, тупике и вырождении. И эти пророчества выглядели не менее обоснованными или, наоборот, не более умозрительными, нежели пророчество о вечном продолжении развития в будущем через новые этапы, пока что нам неведомые.

Но, строго говоря, и все естественнонаучные законы основываются на прошлом опыте. И физика, и химия, и другие естественные науки берутся что-то предсказывать только потому, что без доказательства принимают некие аксиомы и считают некие величины константами. Но ведь и неизменность аксиом и констант основана лишь на опыте прошлого! И то же самое прошлое показывает, что некоторые, казавшиеся нерушимыми, положения естественных и точных наук относительны: параллельные прямые могут пересекаться, а электрон теряет определенные координаты в пространстве. В конце концов, современная наука не может даже безоговорочно утверждать, что известные нам законы природы справедливы для всей Вселенной (а не только для «нашей» области мира или для «нашего» периода жизни Вселенной) или для всех Вселенных (если принимать теорию «бранов»). Скажем, некоторые современные космогонические концепции допускают, что с течением времени скорость света менялась (или и сейчас не одинакова в разных областях нашей Вселенной). Но все вышесказанное не мешает естественным наукам называть некоторые свои выводы аксиомами, теоремами и законами. Почему же к истории должны предъявляться другие, повышенные требования?

Второе возражение более серьезно. В отличие от естественных наук, в истории невозможно поставить ряд стандартных, повторяющихся экспериментов, а без этого в любой науке невозможно выведение повторяющихся причинно-следственных связей, которые, собственно, и являются научными правилами. С этим нужно смириться, это препятствие, по-видимому, никогда не будет преодолено. Однако, это препятствие можно обойти, если задуматься об аргументированности широко известной мудрости: аналогия — не доказательство. Разумеется, строгим (тем более, единственным) доказательством приведение аналогий быть не может. Но оно позволяет, сравнивая в чем-то схожие события прошлого, выделять в них «ключевые моменты», те факторы, которые, проявляясь раз за разом, приводят к схожим результатам. В какой-то мере (не полностью) это и позволит заменить недоступные историку специально поставленные повторяющиеся эксперименты. Попутно это позволяет «отделить зерна от плевел» — выделить именно существенные для той или иной причинно-следственной связи факторы. Правда, нужно признать, что эти факторы невообразимо сложно квантифицировать. Поэтому любые правила, выведенные на основе аналогий, всегда будут иметь вероятностный характер. Но это уже лучше, чем ничего.

Здесь имеет смысл вспомнить пермского историка Л.Е.Кертмана, который в 1970-е годы вместе с небольшой командой единомышленников положил много сил на определение общего вида предполагаемых законов истории. В частности, он сформулировал понятие исторической ситуации, которую понимал как конкретное и уникальное сочетание различных процессов, находящихся на разных стадиях развития (каждый своего собственного). В рамках таких ситуаций, по его представлению, и должны проявляться законы истории. «Законы ситуаций» — это именно исторические законы: они описывают общественные

процессы, развертывание их во времени, то есть обращены непосредственно к предмету исторической науки. Точнее, они описывают результирующее влияние на общество нескольких пересекающихся и взаимовлияющих процессов. Кстати, Л.Е.Кертман всегда подчеркивал именно вероятностный характер законов конкретно-исторических ситуаций, полагая именно в этом естественную и неизбежную особенность законов общества по сравнению с законами природы.

При этом в рамках ситуации скрещиваются процессы экономические и социальные, процессы, представляющие различные стороны внутренней и внешней политики, демографии, эволюции сознания и культуры. Казалось бы, все это объекты и предметы совершенно разных наук. Но вспомним естественные и точные науки: в их правилах тоже пересекаются очень разные переменные и константы, отражающие совершенно разные процессы природы. $E = MC^2$: ну что, казалось бы, может быть общего между переменной массой и константной скоростью света? Это же разные разделы физики! А понятие «квадрата» (второй степени) — это вообще математика. Но в итоге-то, и именно на пересечении, получается закон. Так и в рамках ситуации результирующее правило должно считаться правилом историческим.

Теперь время для практического задания. Всякий, кто учился у Кертмана, наверняка вспомнит, что единственный пример ситуационного закона, который он приводил на лекциях — это ленинский «закон революционной ситуации». Почему Кертман так делал — понятно. В данном случае важно другое. «Закон революционной ситуации» в его ленинской формулировке — действительно интересная и плодотворная «печка, от которой можно плясать», если отнестись к нему по-научному.

«Верхи не могут управлять по-старому». То-есть сложившаяся и, видимо, прошедшая многие (хотя бы потенциальные) возможности реформирования, в итоге достаточно окостеневшая политическая система давно находится в противоречии... С чем? Со стихийно развивающимися социально-экономическими отношениями? Со стихийно формирующейся новой социальной структурой? С экономическими потребностями общества (а могут быть потребности всего общества?), для осуществления которых уже существуют технические возможности, но нет политической воли? С чем еще?.. В любом случае, это противоречие неразрешимо при существовании указанной политической системы — либо при сохранении перечисленных стихийных процессов. Скорее всего, это противоречие включает в себя, в том числе, и неспособность системы породить эффективных реформаторов, то есть паралич существующей элиты и истощание или блокирование возможных источников для ее обновления. Остаются только радикальные контр-элиты.

«Низы не хотят жить по-старому». В общем-то, низы никогда не хотят жить по-старому. Мне не известно ни одно общество, в котором широкие массы были бы полностью довольны существующей ситуацией. И это правильно, это отражает не только социальные, но и биологические основы человека, иначе мы все еще

жили бы в пещерах. Но как определить степень «не хотения жить по-старому», которая свидетельствует уже не просто о недовольстве, а о созревшей готовности к бунту? Численность оппозиционных партий, в том числе подпольных? Количество демонстрантов на душу населения? Количество забастовщиков? Стихийные проявления насилия (разоружение жандармов в царской России или «коктейль Молотова» в Париже 1968 года — не важно)?

Про третий признак — «обострение выше обычного...» я специально не говорю, поскольку он, в общем-то, укладывается в рамки признака второго. Другое дело, что можно говорить о некоем дополнительном толчке, превращающем массовое неформальное недовольство в массовое выступление. Таким толчком может быть решительное действие альтернативного лидера или небольшой контр-элиты (обращение Б.Ельцина к гражданам СССР 20 августа 1991 года), внешнеполитическое событие (провал летнего наступления российской армии в 1917 году) или что-то еще, вплоть до стихийных бедствий.

Большинство предложений в нескольких предыдущих абзацах заканчивается знаком вопроса. Однако, я не хотел этим знаком сказать, что перечисленные переменные величины нам неведомы. Я хотел сказать, что они поддаются учету и подсчету. Процент участвовавших в забастовках в начале 1917 года и падение индекса цен в 1991 году, голосование за большевиков на выборах в городские думы в 1917 году и количество сторонников якобинских клубов в 1789 году — все это можно подсчитать. А сосчитав, сравнить с Гамбургом 1923 года, с Москвой 3—4 октября 1993 года и с другими несостоявшимися революциями. А сравнив сделать выводы о «критических» уровнях проявления той или другой переменной. И тогда «закон революционной ситуации» примет научный вид, причем попутно, наверняка, будут сформулированы многие частные правила в социологии, теории элит, экономике и в других науках.

Аналогичным образом можно подойти и к другим, смутно известным и не четко сформулированным, причинно-следственным связям в жизни общества. Причем задача формулирования исторического правила в такой ситуации принимает вид междисциплинарной задачи для обществоведов разных специальностей, а сама история принимает вид синтезирующей гуманитарной дисциплины. Кажется, Ф.Энгельс говорил: «Я знаю только одну настоящую науку — историю».

В заключение хочется вспомнить одно давнее событие в развитии отечественной исторической науки — 1-ю Всесоюзную конференцию историков-марксистов (1928—1929 годы). Тогдашний гурӯ советских историков-марксистов М.Н.Покровский, открывая конференцию и рассуждая о методологии исторической науки, сказал следующее: «У нас историческим материализмом занимаются кто угодно, но всего меньше историки по профессии. Больше всего это дело в руках философов. Ни в малейшей степени не думая отрицать, что исторический материализм есть частный случай применения диалектического материализма в определенной области и что примат философии здесь вполне законен, все же нужно напомнить, что истина и здесь, как всюду, конкретна и что пока историческим

материализмом занимается человек, никогда не имевший дела с конкретным историческим материалом, он рискует, самое меньшее, не пойти дальше того, что мы уже знаем от Маркса и Энгельса, но может попасть и в большую беду: создать исторические абстракции, которые помешают другим видеть конкретную историческую действительность» [1, XIII].

Переводя это на современный русский язык, можно повторить вслед за мэтром: не философы и не социологи должны решать, что считать правилами (законами и т.д.) истории. Наоборот, без сформулированных и подтвержденных законов истории не будет философии, а другие общественные науки потеряют координирующие их развитие ориентиры.

Примечания

1. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов 28.12.1928 — 4.1.1929. Т. Изд. 2. М.: Изд. Коммунистической академии, 1930.

С.П.Рамазанов

г.Волжский

Волжский гуманитарный институт (филиал)

Волгоградского государственного университета

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Принцип дополнительности, сформулированный в естественнонаучном познании почти столетие тому назад, до настоящего времени не получил должного признания у специалистов в сфере методологии истории. Мы не найдем даже упоминания об этом принципе в учебных пособиях по теории и методологии исторической науки. На такой принцип не ссылаются авторы ни одного автореферата диссертаций в обязательном разделе о методологической основе исследования.

Вместе с тем, принцип дополнительности не только демонстрирует плодотворность влияния естественнонаучного познания на познание историческое, но и способствует приближению к объективной истине, расширяя поле исторического исследования, конкретизирует и эвристическую (научно-познавательную) функцию исторического знания, и функцию социальной памяти.

Принцип дополнительности был сформулирован Н.Бором в 1927 г. при интерпретации квантовой механики. При этом Бор считал, что принцип дополнительности применим не только в физике в связи с общими трудностями образования человеческих понятий. Датский физик усматривал проявление этого принципа в противоположности детерминистического и телеологического подходов в биологии, обращал внимание на применимость такого принципа к пониманию взаимодействия культур и общественных укладов. При этом ученый предупреждал

против абсолютизации принципа дополнительности в качестве метафизической догмы.

При этом еще до Н.Бора М.Вебер выдвигает идею о применимости в историческом познании «идеальных типов» как субъективных конструкций, создаваемых в познавательных целях, которую можно интерпретировать как постановку принципа дополнительности. Базируясь на этих конструкциях, Вебер признавал значение трактовок К.Марксом генезиса капитализма, основанного на первоначальном накоплении капитала. Вместе с тем, Вебер предложил свою интерпретацию капитализма, связанную с утверждением протестантской этики. В этом русле Ф. Бродель развивал теорию о возможности исследования истории на уровнях короткого, среднего и долгого времени, которая нашла яркое выражение в его труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II». Этот труд распадается на три части, каждой из которых присущ собственный ритм времени. Такие части озаглавлены: «Роль среды» (Ч. I), «Коллективные судьбы и общее движение» (Ч. II), «События, политика и люди» (Ч. III). При известном антисциентизме в таком русле можно рассматривать положение постмодернизма о принципиальном плюрализме истины.

Действие принципа дополнительности подтверждает современная практика исторического исследования, в которой сочетается интерес к локальной и глобальной истории, истории повседневности и теоретической истории. Несомненно, на принцип дополнительности необходимо опираться при исследовании поведения человека и человеческого общества, зависящего от свободы воли и детерминизма, стремящихся к успеху и справедливости, законности и милосердию.

Таким образом, принцип дополнительности выражает требование использовать при исследовании исторических явлений и процессов дополнительные, противоположные и порой взаимоисключающие классы понятий, каждый из которых применим в своих особых условиях, а их совокупность необходима для постижения целостности объекта.

О.М.Ростовская

г.Минск, Беларусь

Республиканский институт высшей школы

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

С одной стороны, историческая память, как социокультурный феномен, является объектом познания, с другой стороны, она выступает в роли источника исторического исследования. Соответственно, социально-философская проблема концептуализации понятия исторической памяти и методологическая проблема

исторического познания прошлого представляют единую задачу, актуализированную в рамках данной работы.

Учитывая наличие мнения, приписывающего истории роль социальной памяти, акцентируем различие между историей и памятью, определяя историю как систематизированное и хронологизированное знание о социальном прошлом, имеющее потенцию формирования исторической памяти и ее изучения с целью реконструкции социальной действительности минувшего, и трактуя историческую память как свойственную человеку высшую форму психического отражения прошлого в виде совокупности социокультурных образов и понятий, экстерииорируемых в дискурсе посредством воспоминания.

Если историческая память современников предстает, прежде всего, как коммуникативная память, то историческая память людей, физически ушедших за рамки исторического процесса, сохраняется в нем лишь благодаря наличию информационных носителей, фиксирующих память-рассказ — реставрацию образов и других фигур памяти и их интерпретацию в виде нарратива.

В целом, мы выделяем две формы проявления исторической памяти: коммуникативная форма (внутриличностная коммуникация или межличностная коммуникация (стихийная или целенаправленная организованная) и мемуары, репрезентирующие ее как непосредственный источник информации о конкретном социальном прошлом. Как исторический источник, важный для историка в его профессиональной научной деятельности, историческая память выступает в форме интервью (в рамках такого направления, как “oral history”) и мемуаров: интервью представляет собой тип межличностной коммуникации, актуализирующей свидетельства респондента о прошлом, фиксируемые интервьюером; мемуары, традиционно относящиеся к числу исторических источников личного происхождения, представляют письменный дискурс.

Значение исторической памяти в науке истории сложно переоценить, однако она представляет собой весьма специфический исторический источник, анализ которого требует отнюдь не позитивистского подхода, поскольку главным является субъект памяти и само воспоминание, через призму которого выступают конкретные исторически значимые фигуры социального прошлого. Следует подчеркнуть, что всегда доступны лишь фрагменты исторической памяти. Именно их познанием и занимается исследователь, решая три основные задачи, отражающие этапы его работы: 1) интерпретация исторической памяти с учетом двух ее модулей и контекстов восприятия и воспоминания относительно конкретного времени и пространства, 2) реинтерпретация фигур исторической памяти, 3) воссоздание социальной действительности прошлого на основе полученного знания.

Исходя из концепции Яна Ассмана, выделяющего культурную память и коммуникативную память соответственно двум модусам — «обосновывающего воспоминания» и «биографического воспоминания» [1, 52—54], мы отмечаем в структуре исторической памяти два модуса как взаимосвязанных способа существования прошлого: первый — модус «обосновывающего воспоминания» —

есть наше опосредованное знание истории как воссозданной, обоснованной реальности прошлого, по отношению к которому мы лишь субъекты познания; второй — модус «биографического воспоминания» — есть непосредственно пережитое прошлое, засвидетельствованное нашим присутствием в нем как субъектов истории. Генезис и функционирование модусов обеспечивают процессы восприятия и воспоминания, отражающие разные пространственно-временные измерения, фиксируя динамику памяти и, в частности, составляющих ее содержание образов и понятий. Однако научное исследование исторической памяти предполагает учет трех пространственно-временных измерений в направлении от настоящего к прошлому: восприятие воспоминания в конкретном настоящем, воспоминание прошлого в конкретном настоящем и восприятие настоящего в конкретном настоящем.

Таким образом, изучение социального прошлого осуществляется путем исследования его интерпретации субъектом прошлого через призму познания конкретных фрагментов исторической памяти, которая, как исторический источник, позволяет получить знание: 1) о том, как ее обладатель воспринимал социальное прошлое и настоящее, 2) о конкретном социальном прошлом в конкретном времени и пространстве. Соответственно, анализ исторической памяти в разрезе выглядит как двухфазный, где одна фаза — субъект социальной истории и память-рассказ (воспоминание); другая фаза — фигуры воспоминания (люди, даты, события, культурные объекты), индивидуально воспроизводимые и интерпретируемые. Но только комплексное их познание способствует воссозданию социальной действительности прошлого из фрагментов исторической памяти, запечатленных автором.

Примечания

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М.Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

М.Ф.Румянцева

г.Москва

Российский государственный гуманитарный университет

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ АКТУАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

На протяжении XX в. оформились два подхода в источниковедении, основанные на разном понимании природы исторического источника и, соответственно, имеющие различные философско-методологические основания и методологические следствия [1, 34—40].

Цель настоящих тезисов — соотнести с актуальной познавательной ситуацией понимание источниковедения Научно-педагогической школой источниковедения, восходящей к эпистемологической концепции А.С.Лаппо-Данилевского, развиваемой кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (до ее ликвидации в 2011 г.) и консолидированной сейчас как неформальное объединение на основе постоянно действующего семинара и сайта «Источниковедение.ру» [2]. Для достижения этой цели надо сначала охарактеризовать наше (вышеупомянутой Научно-педагогической школы) видение базовых характеристик актуальной познавательной ситуации, в первую очередь, в сфере исторического знания, хотя во многом эти характеристики универсальны. Остановимся на них бегло, поскольку об этом уже приходилось писать.

Переход от постмодерна к постпостмодерну, осуществившийся (по-видимому, уже пора говорить о завершенности процесса) в первое десятилетие XXI в, в социокультурном плане характеризуется преодолением постмодернистской раздробленности, стремлением к консолидации социума, что провоцирует поиск интегрирующего начала на основе социально ориентированной истории. При этом в качестве базовой характеристики актуальной познавательной ситуации можно указать на разрыв научно ориентированной и социально ориентированной истории, которую, в свою очередь, можно разделить (при всей схематичности и условности такого разделения) на профессиональную и дилетантскую (в высоком, хотя и не всегда, смысле этого слова).

Хочу особо предостеречь от напрашивающейся дискурсивной ошибки: так и тянет (по старой нововременной привычке, когда научная рациональность признавалась высшим типом знания) назвать выделенные выше три типа знания «тремя уровнями», но такая стратификация в актуальной ситуации абсолютно не уместна — речь идет именно о трех рядоположенных формах, каждая из которых имеют свою социальную функцию, то есть обслуживает реальные потребности современного социума. Возможно, со временем социально ориентированная история консолидируется на основе профессионализма и речь будет идти о консенсусной социально ориентированной истории, которая наиболее адекватно отвечает своей задаче, но пока очевидно, что этого не произошло и дилетантская составляющая не только существенна, но и обладает некоторой самостоятельностью. Быть может, в этом усматривается некоторая незавершенность процесса.

Посмотрим теперь, каким образом соотносится современное источниковедение с социально ориентированной и научно ориентированной историей. Со времен Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса известно, что «история пишется по источникам». И все методологические революции и трансформации, произошедшие с 1897 г. (года публикации их «Введения в изучение истории») не смогли это опровергнуть. Соответственно, по сию пору владение навыками источниковедческого анализа — неоспоримая основа профессионализма историка,

причем как в сфере научной, так и социально ориентированной истории, в идеале требующей не меньшего профессионализма, чем научно ориентированная.

В рамках социально ориентированной истории главная опасность, на мой взгляд, — иллюзия достоверности знания при его так называемом «документальном обеспечении», в основе которой практически инстинктивное доверие к «документу». Может быть поэтому, в социально ориентированной истории строго научный термин *исторический источник* вытесняется менее терминологически устойчивым (имеющим большую вариативность интерпретаций) понятием *документ*? Избежать эту опасность во многом позволяет классический источниковедческий анализ, предполагающий изучение автора, причин и обстоятельств возникновения источника, целеполагания автора, выявление особенностей интерпретации и прочие хорошо известные мало-мальски образованному историку процедуры. В этом случае источниковедение выступает в традиционном качестве вспомогательной исторической дисциплины, позволяющей профессиональному историку удержаться от собственных фантазий, сконструировать научные фантазмы (если пользоваться терминологией И.И.Лапшина), или факты (если пользоваться универсальной научной терминологией), и уже на их основе конструировать места памяти и далее — исторический нарратив в рамках социально ориентированной истории. Здесь, естественно, есть свои аспекты профессионализма, но это другая тема.

В рамках научно ориентированной истории Научно-педагогическая школа источниковедения разработала феноменологическую парадигму методологии истории, в основе которой несколько принципов: (1) понимание исторического источника не только как объективированного результата человеческой деятельности (этот принцип работает и при вспомогательной функции источниковедения), но и как продукта культуры, воздействие которой фиксируется основной классификационной единицей источниковедений — видом исторических источников, отсюда вытекает (2) понимание в качестве объекта истории не отдельно взятого исторического источника, а системы видов исторических источников, порожденной определенной культурой, и соответственно (3) изучение системы видов исторических источников как проекции культуры с возможностью компаративного изучения разных субъектов исторического процесса: государств, цивилизаций и, наконец, локусов в рамках новой локальной истории как одного из актуальных предметных полей современного исторического знания.

Итак, на мой взгляд, в актуальной познавательной ситуации необходимо четко разграничивать две составляющих феноменологической парадигмы источниковедения: *источниковедение — вспомогательная историческая дисциплина* как основа профессионального знания, в том числе и в социально ориентированной истории, и *источниковедение как парадигма строгой науки* [3].

Примечания

1. Румянцева М.Ф. Источниковедение: опыт энциклопедической статьи // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. февр. 2008 г.: в 2 ч. М., 2008.
2. Источниковедение.ru [электронный ресурс] — Электрон. дан. — [б/м, б/и], сор 2010—2012. URL: <http://ivid.ucoz.ru>
3. См.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

М.В.Рядинская

г.Волжский

Волжский гуманитарный институт (филиал)

Волгоградского государственного университета

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД Ю.ХАБЕРМАСА — НОВАЯ МЕТАТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Юрген Хабермас — один из самых известных немецких мыслителей второй половины XX — начала XXI века. Автор многочисленных трудов по социологии, философии, политической теории, Ю.Хабермас внес значительный вклад и в развитие исторической науки [1]. Помимо трудов посвященных осмыслению истории Германии XVI—XX века ученый разработал новый методологический подход исторического исследования — коммуникативный: он направлен на осмысление форм, содержания и развития общественной коммуникации, которая выступает в роли главного фактора социальной эволюции.

Главной задачей Ю.Хабермаса является исследование коммуникации в рамках всего общества на разных исторических этапах. Для реализации этой задачи ученый использует категорию «общественности», которая определяется мыслителем как совокупность автономных объединений, связанных друг с другом узлами коммуникации, вырабатывающих ценностные суждения, оценки значимые для всего общества. Ю.Хабермас изучает формы, содержание коммуникации внутри этих объединений, а затем на уровне обобщения делает вывод о состоянии коммуникативного потока в масштабах всего социума. Итак, исследование общественной коммуникации осуществляется посредством осмысления более мелких дискурсов в рамках структур общественности.

Поскольку в центре внимания ученого находится общественная коммуникация, являющаяся главным фактором социальной эволюции, исторические этапы, выделяемые мыслителем, коррелируются с процессом изменения содержания и форм коммуникации в рамках структур общественности. Ю.Хабермас выделил пять типов общественности: «эллинистической общественной сферы»,

соответствующей истории древнего мира, «репрезентативной общественности», охватывающей средневековые, «литературной (читающей) общественности» включающей период XVII—XVIII веков, «политической общественности», возникшей на рубеже XVIII—XIX веков в Великобритании, в 30-е годы XIX века во Франции, а также частично в XIX веке в Германии, развивающейся на протяжении всего девятнадцатого и двадцатого столетий и продолжившей свое существование в XXI веке. В качестве проекта будущего у Ю.Хабермаса выступает «общеевропейская общественность» складывание отдельных элементов которой началось, по мнению ученого, в конце XX — начале XXI веков.

Коммуникативный подход Ю.Хабермаса является новой метатеорией, поскольку позволяет обозреть панораму исторической эволюции региона с древнейших времен до наших дней, не выходя за пределы одной методологии [2; 3, 159—165]. Эта метатеория дает возможность весьма глубоко проанализировать историю развития книгопечатания и прессы, становления и развития общественных организаций, она предоставляет широкие перспективы для исследования особенностей современной культуры, основы которой в значительной степени строятся на информации и, следовательно, на коммуникации.

Примечания

1. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1990.
2. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1995. Band 1—2.
3. Рядинская М.В. Ю.Хабермас и коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2010. № 2.

Л.А.Сидорова

г.Москва

Институт российской истории РАН

КОГНИТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЕНЕРАЦИОННОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

История исторической науки выработала свои методы изучения предшествовавшей исторической мысли: посредством выявления и исследования направлений, течений и школ в исторической науке, через изучение творчества отдельных историков, их индивидуального вклада в решение научных проблем, путем историографического рассмотрения крупных исторических тем. Возрождение

на современном этапе исследовательского интереса к историко-антропологическому подходу в изучении истории и историографии создало условия для формулирования и применения генерационного подхода к изучению отечественной исторической мысли.

С его помощью стало возможным сконцентрировать внимание на изучении одновременно существовавших в исторической науке в определенный период времени методологических и концептуальных началах в их динамической взаимозависимости и взаимосвязи, на процессе передачи историографической традиции от поколения к поколению, более полно изучить роль человеческого фактора в науке.

Применение генерационного подхода не исключает, а дополняет и расширяет возможности иных направлений изучения истории исторической науки. Его сущность в изучении историографии заключается в исследовании роли и места одновременно работавших в науке больших групп историков разных поколений, составлявших в совокупности единое профессиональное сообщество, выяснении их влияния на развитие исторической науки данного периода. Он дает возможность проследить зависимость профессиональной судьбы историков от условий, сформировавших ту или иную их генерацию.

Основная дефиниция — поколение (генерация) историков — понимается как общность специалистов, примерно в одно и то же время начавших заниматься профессиональной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью. Самоидентификация и определение в общественно-профессиональном мнении историка как представителя того или иного поколения — категория достаточно постоянная. Генерации историков легко вычленяются при некоторой условности возрастного фактора, находящегося в основе такого деления. Историографы постоянно пользуются ссылками на принадлежность историка или сообществ историков к определенному поколению.

Каждое поколение историков формировалось в своей социокультурной среде, с присущими только ей особенностями. Личности составлявших поколение ученых складывались под воздействием господствовавшей системы воспитания и обучения, политических и духовных запросов современного им общества. Более того, резкие изменения в общественной сфере в значительной степени способствовали обособлению поколений, создавая между ними невидимые, но вполне ощутимые барьеры. Вместе с тем, межгенерационные связи являлись механизмом передачи историографических традиций.

Генерационный подход показал свою методологическую плодотворность при изучении истории исторической науки России XX века. Он предоставил возможность выявить и проанализировать ее характерные черты и особенности, отказавшись от получивших распространение стереотипных и упрощенных оценок советского периода исторической науки как времени *антинауки* [1]. В последнее десятилетие начали появляться работы, в которых рассматриваются отдельные аспекты и характеристики поколений советских историков,

анализируются вопросы межпоколенческого общения; сделаны первые шаги в осмыслении когнитивных возможностей поколенческого подхода в целом [2].

Исследование советской историографии сквозь призму трех работавших в науке поколений историков — дореволюционного, первого марксистского и послевоенного — показало, она не была однородна и во многом сохраняла преемственность с русской классической исторической наукой, несмотря на приоритет марксистско-ленинской парадигмы, являлась результатом синтеза исследовательской деятельности работавших в ней всех поколений историков [3].

Потенциал поколенческого метода применительно к другим периодам развития отечественной исторической науки еще предстоит раскрыть. Его использование дает возможность воссоздания полифонического образа исторической науки на ее разных этапах.

Примечания

1. Советская историография / Под ред. Ю.Н.Афанасьева. М., 1996.
2. Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели. М., 2006; Данилов В.П. О возможностях поколенческого анализа в познании исторического процесса в России / Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М., 2005; Сидорова Л.А. Поколение как смена субкультур историков / Мир историка. XX век. М., 2002; она же. Смена поколений историков и инновационные процессы в отечественной исторической науке в XX веке / Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А.Преображенского. М., 2007; она же. Межличностные коммуникации трех поколений советских историков / Отечественная история. 2008. № 2 и др.
3. Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008.

В.И.Стариков

г.Минск, Беларусь

Институт парламентаризма и предпринимательства

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Вступив в XXI век, весь мир признал, что лидером в нем может стать только то государство, которое создаст наиболее эффективную систему образования, способную обеспечить непрерывный рост качества человеческого потенциала, выраженного в знаниях, умениях, навыках, нравственности и духовности общества. Наилучшим подтверждением этому могут служить слова Аристотеля, утверждавшего, что образование есть функция государства, осуществляемая им для достижения вполне определенных целей.

Изучение гуманитарных дисциплин в учреждениях образования составляет важную часть общеобразовательной и мировоззренческой подготовки современных специалистов и способствует интеллектуальному развитию личности и выработке творческого мышления. Особое место среди них занимает история, которую справедливо очень ценили древние и называли “*magistra vitae*” (наставница жизни).

Как известно, историческая наука выполняет несколько социально значимых функций: 1) познавательную (интеллектуально-развивающую), состоящую, прежде всего, в конкретном изучении исторического пути развития человеческого общества (истории мировых цивилизаций), в теоретическом обобщении фактов и событий, а также в выявлении главных тенденций истории развития мировых цивилизаций и их особенностей, нашедших отражение в исторических источниках; в объективно-истинном, с позиции историзма, отражении всех явлений и процессов, составляющих историю человечества; 2) практически-политическую, сущность которой состоит в том, что история как наука, выявляя на основе теоретического осмысления исторических фактов закономерности развития общества, помогает выработать научно обоснованный политический курс, избегать субъективных решений. В единстве прошлого, настоящего и будущего — корни интереса людей к своей истории. История призвана облегчить обществу и человеку самоосознание и показать пути к своему самоусовершенствованию; 3) мировоззренческую функцию: история создает документально точные повести о выдающихся событиях прошлого, о мыслителях, которым общество обязано своим развитием. Мировоззрение — взгляд на мир, общество, законы его развития — может быть научным, если опирается на объективную реальность. В общественном развитии объективная реальность — это исторические факты. История, ее фактологическая сторона, является фундаментом, на котором строится наука об обществе. Чтобы выводы из истории стали научными, необходимо изучать все факты, относящиеся к данному процессу в их совокупности, только тогда можно получить объективную картину и обеспечить научность познания. Одним из важнейших мировоззренческих аспектов изучения дисциплины является формирование историзма мышления, ибо он приучает мыслить историческими категориями, видеть общество в развитии, оценивать явления общественной жизни по отношению к их прошлому и соотносить с последующим ходом развития. Формирование исторического мышления студентов осуществляется на основе понимания исторических закономерностей. Это дает возможность студенту не только составить правильное представление о пройденном историческом пути своего народа, не только разобраться в плюрализме мнений, но самое главное — определить свою собственную позицию, свою линию поведения в обществе. Историческое мышление — важная составная часть мировоззрения студентов; 4) воспитательную, так как знание истории своего народа и всемирной истории формирует гражданские качества — патриотизм и интернационализм; показывает роль народа и отдельных личностей в развитии

общества; позволяет познать моральные и нравственные ценности человечества в их развитии, понять такие категории, как честь, долг перед обществом, видеть пороки общества и людей, их влияние на человеческие судьбы; в целом осознать морально-нравственные ценности человечества в их развитии.

Изучение и преподавание истории в постсоветских государствах, в том числе и в Беларуси, в современных условиях осложняется рядом обстоятельств: 1. Процесс переосмысления прошлого в нашей стране идет в условиях смены общественно-экономического и политического строя, в условиях формирования новых морально-нравственных ценностей. В этой связи история стала настоящим полем сражения, полем политической борьбы, на котором сталкиваются не только научно обоснованная критика, но и политизированные точки зрения, сторонников которых интересует не столько историческая правда, сколько аргументы в пользу своего существования. А это, к сожалению, вместо одной полуправды может породить другую. 2. История всегда была тесно связана с политикой, интересами и судьбами правителей, которые редко поощряли желание историков знать правду и сообщать ее обществу. Сегодня это ощущается особенно остро. Поэтому приходится сталкиваться с предвзятостью и субъективизмом в оценках исторических событий, особенно советского периода. 3. К сожалению, уровень исторической подготовки и общей политической культуры современной белорусской молодежи не создает благоприятных условий для глубокого критического осмысления и восприятия многочисленных публикаций, искажающих картину исторического развития нашей страны. 4. Положение осложняется и отсутствием хороших учебников, которые бы характеризовались полнотой, основательностью, фактической и источниковой аргументированностью. Имеющиеся добротные отдельные учебники и учебные пособия единичны.

В этих условиях преподавание истории приобретает общегражданское звучание, и здесь многое зависит от преподавателя — историка: его гражданской позиции, знаний, добросовестности, умения работать со студентами, как с равноправным субъектом учебно-воспитательного процесса.

Главная задача преподавания курса истории — дать цельное представление исторического пути развития человечества, сформировать у студентов определенную систему теоретических представлений и знаний об исторических процессах в мире, показать единство и многообразие истории человечества, специфику различных цивилизаций, их типы, историю развития разных стран, народов, социумов, человека.

В то же время студентам необходимо дать цельное представление об историческом пути развития белорусского государства, выявить воздействие на нее мощных цивилизационно-формирующих потоков Запада и Востока, усилившегося в условиях глобализации, определить историческое место страны в мировом человеческом сообществе, понять особенности ее общественной организации и культуры в сравнении с опытом других народов.

Историческое образование переживает в настоящее время глубокую внутреннюю трансформацию по следующим направлениям: 1) изменение характера, целей и задач образования; 2) обновление содержания истории как науки и предмета преподавания; 3) изменение теоретических и методологических оснований; 4) изменение технологий исследования и обучения; 5) развитие междисциплинарных связей.

В центре преподавания истории и научных исследований лежат три проблемы: основные закономерности исторического процесса и формирование исторического мышления студентов; актуализация проблемы комплексного подхода к формированию стиля их мышления; историческая память и ее роль в формировании национального самосознания и национального достоинства.

В настоящее время на нашем государстве лежит социальная ответственность перед своими гражданами, с которыми оно решает различные проблемы XXI века, интегрируясь с семьей демократических, экономически развитых государств, и определив путь, которым идти далее. Но многое здесь зависит и от самого белорусского народа: гражданской позиции людей, их мировоззрения, исторической памяти, качества выполнения, говоря словами русского историка В.О.Ключевского, двусторонней культурной работы — над природой страны, в которой им суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями. И в этом им помогают, в первую очередь, знания — знание истории своего народа и знание всемирной истории.

Благодаря истории, историческому познанию, прошлое не умирает, а продолжает жить в настоящем, служит современности.

Примечательно, что в Древней Греции покровительницей истории была Клио — богиня, которая прославляет. Свиток и грифельная палочка в ее руках — символ и залог того, что ничто не должно исчезнуть бесследно.

Но только у народа, обладающего исторической памятью и историческим мышлением. На их развитие и направлены социальные функции исторической науки, в этом и состоит социальная ответственность суверенного белорусского государства.

«ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ

3 марта 2011 г. Д.А.Медведев подписал Указ «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности [1], а в июле Президент РФ назвал три исторических юбилея, которые стали поводом для провозглашения 2012 года Годом российской истории [2].

Это — самое масштабное в истории современной России обращение властей к истокам национального прошлого и обоснование значимости Года российской истории для консолидации общества на основе демократических ценностей и вековых культурных традиций. Такая постановка вопроса позволяет подняться над отношением к трем историческим юбилеям 2012 г. как совокупности нескольких важных праздников и внести в программы подготовки и повышения квалификации учителей истории целый ряд актуальных вопросов:

- Что такое историческая политика и политика памяти? Какое влияние они оказывают на историческую науку и историческое образование школьников?
- Какие аспекты профессиональной подготовки преподавателей истории становятся важными в связи с активизацией исторической политики в начале XXI века?

Не вдаваясь в детали разных определений базового понятия, подчеркнем сущностное: *историческая политика* — это качественно иное, намного более интенсивное, чем обычно (т.е. политизация истории), вмешательство в трактовку истории той части политической элиты, которая контролирует власть в данный момент, для достижения определенных целей в деле «нациестроительства», а также для получения определенных преимуществ в международных отношениях.

В течение последних лет уже сформировалась определенная теоретико-методологическая база для развернутой характеристики исторической политики в современной России и странах Европы [3]. Ответам на ее вызовы со стороны общего исторического образования посвящены, в частности, наши статьи в сборниках научных трудов и профессиональных журналах [4].

Меньше внимания пока уделяется вопросам подготовки и повышения квалификации учителей истории в современных условиях. Какие компетентности необходимы преподавателям в ситуации исторической политики и ее влияния на историческое образование? Охарактеризуем содержание этих компетентностей,

ориентируясь на требования ФГОС к результатам общего исторического образования:

- представления о политизации истории, исторической политике, политике памяти, о механизмах и примерах их влияния на цели и содержание исторического образования школьников, а также на учебники истории в России и за рубежом;
- знание Федеральных Законов, Указов Президента РФ и документов государственного характера, определяющих историческую политику России на современном этапе;
- умения применять эти знания для осмысления сущности современных политических, общественных, культурных и педагогических явлений, для актуализации содержания школьных курсов отечественной и всемирной истории с целью содействия процессам гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности учащихся, формирования их исторической памяти и исторического мышления;
- умения критически анализировать, сопоставлять и прагматически (с точки зрения практической пользы) оценивать дополнительные информационные ресурсы УМК, которые представляют идеи исторической политики; ответственно использовать их в разработке учебно-методического сопровождения школьных курсов истории, сценариев учебных занятий и внеклассных мероприятий [5];
- умения определять и аргументировать свое отношение к проблемным вопросам прошлого и современности, проводить их обсуждение в форме дискуссий, учить школьников критически анализировать разные источники и позиции, высказывать собственное мнение и проявлять уважение к иным точкам зрения;
- способность профессионально применять позитивные возможности исторической политики для воспитания уважения к историко-культурному наследию, развития интереса к изучению истории и других гуманитарных предметов, привлечения школьников к различным социальным акциям и историко-культурным событиям родного края, страны и мира.

Очевидно, что традиционные, знаниецентричные, модели подготовки и повышения квалификации учителей истории не подходят для формирования этих компетентностей. Одним из креативных эффектов Года российской истории может стать обновление моделей подготовки и повышения квалификации учителей-гуманитариев в соответствии с актуальными требованиями времени.

Примечания

1. Указ Президента Российской Федерации от 3 марта 2011 г. N 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности». URL: <http://www.rg.ru/printable/2011/03/05/gos1150-dok.html>

2. 1150-летие зарождения российской государственности, 200-летие победы России в Отечественной войне 1812 года и 150-летие со дня рождения П.А.Столыпина // Выступление Д.А.Медведева на совместном заседании президиумов Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию, (Владимир 22 июля 2011 г.). URL: <http://президент.рф/news/12073>

3. См.: «История и политика в современном мире». Материалы межд. науч. конф. (МГГУ им. М.А.Шолохова, 24—25 сентября 2010 г.). М., 2010.

4. Е.Е.Вяземский «Историческая политика и историческое образование»; О.Ю.Стрелова «Изучая историю — изучаем мифы?» // указ сб.; Е.Е.Вяземский «Историческая память, проблема фальсификации истории и школьное историческое образование»; О.Ю.Стрелова «История и память» как сквозная содержательная линия школьных курсов истории // Культурная память и мемориальные коммуникации в учебниках и учебной литературе: опыт России и Западной Европы. Материалы межд. науч. конф. (Саратов, 25—28 сентября 2011 г.); О.Ю.Стрелова, Е.Е.Вяземский « Год российской истории и историческое образование: вопросы профессиональной подготовки и повышения квалификации учителей истории» // Преподавание истории и обществознания в школе. 2012 (цикл статей принят в печать).

5. **Дополнительные информационные ресурсы учебно-методического комплекса** — это одна из вариативных оболочек современного УМК; широкий пласт артефактов и источников на всех видах носителей информации (художественная и научно-популярная литература, произведения изобразительного искусства, художественные и документальные фильмы, теле- и радиопередачи, периодические издания, локальные достопримечательности и т.п.), который составляет культурно-информационный контекст современного общества и может быть использован педагогами и учащимися в целях повышения качества образования и самообразования.

П.Б. Стукалов

г. Воронеж

Воронежский институт ФСИН России

ИДЕАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ М.О.МЕНЬШИКОВА

Одной из актуальных тем современной социальной философии является вопрос о соотношении индивида и общества. Решение обозначенной проблемы определяет характерные особенности не только общественного строя того или иного государства, но и характеристики государственно-политической системы.

В этой связи представляют очевидный интерес взгляды одного из ведущих общественно-политических деятелей Российской империи начала XX в., крупного публициста, идеолога Всероссийского национального союза Михаила Осиповича Меньшикова.

Исходной посылкой размышлений мыслителя по данным вопросам стала его приверженность социальной концепции органицизма. Значимой в представлениях Меньшикова являлась мысль о необходимости создания четкой, построенной на жестком иерархическом принципе общественной структуры. Публицист в этой связи прямо идеализировал средневековый общественный строй. Средневековые сословия представлялись теоретику ВНС крепкими «общественными ячейками», способствовавшими правильному разграничению общественных функций. С точки зрения М.О.Меньшикова, именно система замкнутых корпораций по признаку их функциональной специфики представляла собой лучший образец общественной организации, поскольку выражала главный природный закон расслоения организма на ткани, клетки, органы [1, 27—34].

Производной от концепции органицизма являлась мысль Меньшикова о том, что первичным субъектом матрицы социальных отношений должен был стать не индивид, а целое.

Общественная организация непременно должна была быть построена на прочной трудовой основе, которая позволяла ей поступательно эволюционировать, цивилизовала и окультуривала граждан, развивала основы их самосознания. Теоретик ВНС, конкретизируя данное утверждение, пояснял, что в основу общества должен быть положен народный хозяйский, свободный труд, посредством которого закладывался бы фундамент физического и духовного здоровья нации, концентрировалась бы жизненная энергия индивидов, а общество связывалось в единый и однородный по своей сущности организм [2].

Утверждение о необходимости существования ярко выраженной иерархической общественной структуры дополнялось со стороны теоретика ВНС апологией социального неравенства. Оно объяснялось наличием естественных природных законов, объективно закладывающих различные основания для жизни каждого конкретного индивида. Процесс общественного расслоения с течением времени, по мнению Меньшикова, только усиливался, сопрягаясь с общим цивилизационным прогрессом. Именно неравенство предоставляло индивиду возможность для раскрытия собственных потенциалов.

Мысли Меньшикова об иерархичности, замкнутости и подчиненности сочетались с идеями о необходимости существования регуляторов, гарантировавших общественную стабильность. В этой связи философ специально изучал причины совершения асоциальных действий, природу преступности и выступал за жесткую репрессивную политику в отношении элементов, оказывавших деструктивное общественное воздействие, в связи с чем проводил прямую апологию смертной казни в качестве главного средства, служившего для обеспечения общественной стабильности и порядка.

Подобные высказывания относительно необходимой общественной организации и порядка в ней рождали своеобразные представления Меньшикова касательно институтов свободы и равноправия индивидов. По убеждению Меньшикова, свобода и цивилизация являлись взаимопротиворечивыми понятиями,

ограничивавшими друг друга [3; 4, 12]. Поэтому абсолютной свободы индивида в рамках культурного общества существовать не может. Она возможна только при анархии.

Конечным итогом подобных рассуждений теоретика ВНС становился вывод о том, что формы конкретной реализации свободы и равноправия индивидов напрямую определялись степенью общественной потребности и необходимости.

Подводя итог, следует отметить, что М.О.Меньшиков в духе консервативного мировоззрения обосновывал необходимость существования иерархического общества, в рамках которого индивид однозначно занимал подчиненное положение. В тоже время публицист настаивал на необходимости ограниченной реализации гражданских прав и свобод сообразно логике государственного прагматизма.

Примечания

1. См: Меньшиков М.О. Сословный строй // Меньшиков М.О. Письма к русской нации.
2. См.: Меньшиков М.О. Вторая Душа // Меньшиков М.О. Выше свободы [Электронный ресурс] // Журнал «Русский дом»: [сайт]. [2007]. URL: <http://russsdom.ru/mom/indexm.html#m> (дата обращения: 09.10.2007).
3. Меньшиков М.О. Организованный труд // Новое время. 1910. 1 февраля.
4. Меньшиков М.О. Думы о счастье. Санкт-Петербург: Типография М.Меркушева, 1898.

А.В.Сушко

г. Омск

Омский государственный технический университет

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОНСТРУКТИВИЗМА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДВИЖЕНИЙ ЗА СУВЕРЕНИЗАЦИЮ В СИБИРИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ

В ходе теоретического осмысления национальных проблем в мировой науке сложились три признанные парадигмы, истолковывающие природу нации и национализма. Первая: нация и национализм как конструкт (конструктивистский подход). Вторая: нация и национализм как историческая данность, как выражение этничности (натуралистический подход). Третья: нация как фальсификация, как фикция, как идеологический ответ на определенные вызовы (инструменталистский подход). В отечественной исторической науке традиционно преобладает натуралистический подход. Цель данной работы — рассмотреть познавательные возможности конструктивизма для изучения движений за суверенизацию

в Сибири в эпоху социальных катаклизмов. Важно подчеркнуть, что национализм был идеологией всех без исключения движений за суверенизацию в Сибири.

Следует оговориться, что конструктивизм — это исследовательская ориентация, обусловленная необходимостью понимания процессов самоорганизации в природе и обществе, согласно которой конструирование является универсальным механизмом их генезиса. Следовательно, обоснование и объяснение социальных явлений лежит не в человеческой субъективности, а в социальных закономерностях [1, 5—14].

Современный российский исследователь национализма В.С.Малахов справедливо отмечает: «К сожалению, социально-конструктивистская методология в литературе о национализме подверглась аберрации, а точнее, вульгаризации. Утверждение, согласно которому нации суть социальные конструкты, означает прежде всего то, что они возникли в ходе социальной деятельности и социального взаимодействия, т.е. произведены людьми, «сотворены» под воздействием разного рода социально-исторических обстоятельств. Однако очень многие авторы, как российские, так и зарубежные, склонны редуцировать социальное конструирование к сознательному манипулированию, фабрикации. Равным образом тезис о нациях как «воображаемых сообществах» они склонны понимать как утверждение их «вымышленности», «нереальности» [2, 119—120].

В последние годы в отечественной литературе появились теоретические работы, выполненные на основе конструктивистского подхода. Они опираются на достижения мировой науки и достаточно подробно и убедительно доказывают дискурсивную природу национализма и, соответственно, возможность существования национализма без нации [3]. В нашем случае это полностью относится к характеристике сибирских областников. В годы революции и Гражданской войны творцы сибирской автономии вели целенаправленную работу над созданием структурных элементов сибирского культурного пространства, которое должно было стать прочной основой формируемой ими так называемой «нации сибиряков», понимаемой как «совокупность сибирских граждан с их особыми обычаями, интересами и стремлениями». Это был гражданский национализм.

Прекрасно осознавая сложность и многогранность феномена национализма (или, точнее, национализмов), мы считаем нужным подчеркнуть, что конструктивистский подход позволяет избежать крайностей натурализма и инструментализма. С помощью конструктивистского подхода возможно продуктивно исследовать процессы создания на территории бывшей Российской империи национально-государственных образований и складывание из архаичных сибирских инородцев современных наций. С позиции конструктивизма становится очевидным, что национализм и нации — социально-исторические конструкты, появившиеся в истории России в момент активной модернизации общества, проходившей в условиях революционного творчества. Их появление и существование объясняются рациональными факторами: на макроуровне — объективными культурными и социально-экономическими факторами (конструктивизм смыкается

с натурализмом), на микроуровне — субъективным осознанием их индивидами и активным участием политических элит в конструировании современных наций (конструктивизм смыкается с инструментализмом).

Применение конструктивистской теории к истории суверенизации сибирских народов в годы Гражданской войны позволяет объяснить процессы перерождения архаичных сибирских «кинородцев» в современные нации [4]. Активисты-националисты использовали образы и мифы из исторической памяти своих народов и на основе объективных культурных и социально-экономических факторов утвердили новые советские нации ойротов (трансформировавшихся в алтайцев), бурят, киргизов (трансформировавшихся в казахов), якутов в границах образованных в результате Гражданской войны национально-территориальных автономий. Так сложился современный этнический облик этих народов — наций. Советские нации успешно были институализированы в тех случаях, когда при создании их национально-территориальных границ за основу бралась этническая общность. Не удалось проекты по созданию наций «сибиряков» (в границах Сибирской республики), «бурят-монголов» (в границах Панмонгольского государства) и «ойротов» (в границах Ойротской республики из народов Саяно-Алтайского региона).

Примечания

1. Касавин И.Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XV. № 1.
2. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.
3. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследование по социально-культурной антропологии. М., 2003; Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005; Национализм в мировой истории. М., 2007; и др.
4. См. подробнее. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск, 2009.

Е.П.Тельменко

г.Ставрополь

Ставропольский государственный университет

ПРОПОВЕДНИК И ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЕ ОКРУЖЕНИЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX в.

В зарубежной историографии имеются давние традиции изучения такой яркой фигуры эпохи Предреформации, как доминиканский монах, проповедник и пророк Джироламо Савонарола. Однако особенно плодотворными в этом

отношении явились XIX и XX вв. Мы остановимся на анализе ситуации, сложившейся в XX в.

Прежде всего, попытаемся выделить факторы, стимулирующие в означенное время изучение такой фигуры, как Савонарола. Во-первых, следует отметить усиление филологической работы, увеличение количества источников, введенных в научный оборот: публикуются труды монаха (в т.ч. «Национальное издание трудов Джироламо Савонаролы»), его сторонников и противников. Во-вторых, внедрение новых методов в историческую науку позволило ученым дать новую интерпретацию хорошо известных фактов и расширить круг изучаемых проблем. Наконец, не исключено, что дополнительными стимулами для исследователей XX в. стали две значимые юбилейные даты: 1952 и 1998 гг. — соответственно, 500-летие со дня рождения и смерти флорентийского реформатора.

Следует также отметить изменение акцентов в научных исследованиях, посвященных флорентийскому проповеднику-реформатору. Представляется возможным выделить две основные линии: с середины XX в. происходит наступление «исторического» подхода при изучении Савонаролы на «агиографический» (здесь стоит оговориться, что обозначение данных подходов несколько условно); кроме того, к 90-м годам стал наблюдаться примат узкоспециальных исследований, одновременно помещающих Савонаролу в более обширный контекст социальной и культурной истории.

Для обоснования данных положений обратимся к обзору научных публикаций. Итак, в XX в. продолжали появляться биографии Савонаролы, условно названные нами «агиографическими», — в 1-й пол. XX в. работы Й.Шнитцера и Р.Ридольфи, во 2-й пол. XX в. — Х.Иберти и Т.С.Ченти, — поскольку в них: монах выступал центральной фигурой всех описываемых событий, остальные участники которых были сведены до положения статистов; рисовался целиком положительный портрет брата (любовь к бедности, крайняя простота жизни, скромность потребностей, характер мягкий, кроткий, миролюбивый). Кроме того, авторы не показывали эволюцию фра Джироламо как проповедника и пророка; таким образом, Савонарола предстал в данных трудах как цельная личность, не подверженная временным изменениям.

Тенденция, связанная с попытками отойти от столь однозначной трактовки личности и деятельности доминиканского проповедника, начинает прослеживаться со второй половины XX в. в трудах французских исследователей Ж.Муни, М-Л.Риш, К.Лубе, К.Ведри, Н.Ужед. Крайней же степенью критического подхода к Савонароле можно считать большую и подробную монографию итальянского автора — Ф.Кордеро, вышедшую в 1986—1987 гг. Похоже, что исследователь поставил своей задачей разрушение «агиографического» образа монаха. Кордеро смотрел на предмет своего исследования с точки зрения психопатологии. В том, что касается характеристики Савонаролы и как пророка, и как реального политика, то ученый и здесь активно проявил свой скептицизм.

Тема, на которой настаивал Кордеро — это демагогия Савонаролы; причем, по мысли историка, в ней проявилась не простая воля к власти, но сочетание параноидальной фантазии, «самогипноза», и очень простой манипуляции, сходной по стилю другим идеологам — Робеспьеру и Гитлеру. Собственно, крах Савонаролы, согласно автору, и есть результат его демагогии: монах — лидер без серьезной программы; не склонный к подлинному действию. Бессорно, сильной стороной труда Кордеро является огромное количество информации о друзьях и врагах Савонаролы, их индивидуальная характеристика.

Итак, в историографии XX в. присутствует явная тенденция к отходу от тех позиций, когда флорентийского проповедника рассматривают изолированно от его времени, показывая монаха как святого, либо как предвестника новых движений, или же, как пережиток прошлого. Реальность, в которой действовал Савонарола, стала оцениваться как сложное переплетение старых и новых институтов, идей, страхов и ожиданий. Собственно, это связано со второй, обозначенной выше линией исследований.

Так ряд ученых стал рассматривать Савонаролу в контексте апокалиптической мысли конца XV в. — к примеру, итальянские историки Ч.Вазоли и С.Пеццелла. Кроме того, они, также как американский историк Д.Вайнштейн и итальянский Д.Гарфаджини, указали на эволюцию Савонаролы как проповедника-пророка, отметив, что с рубежа 1494—95 гг. изменился характер его проповедей (рост политических тем), пророчества (флорентийский миллениаризм) и степени участия в политике; определяющее же влияние здесь оказал ряд событий (приход французских войск в Италию, падение синьории Медичи и реставрация республики). Соответственно, тема пророческого дара монаха, в плане его понимания самим пророком, а также восприятия со стороны его окружения, также привлекла внимание ученых, среди которых Ч.Вазоли, С.Туссан, Л.Лунетта, Б.Пигхард, К.Леонарди. Весьма интересным направлением представляется изучение Савонаролы в качестве религиозного мыслителя (работы А.Ф.Верде). Исследователи (например, Н.Рубинштейн, Д.Вайнштейн, Р.П.Купер) также обнаружили необходимость пересмотра той роли, которую играл Савонарола во флорентийской политике и политической мысли.

Тема — проповедник и окружающее его общество нашла свое отражение как в большинстве перечисленных выше исследований, так и в работах И.Монтанелли и Р.Джервазо, Р.Трекслера, Р.Вейсмана. Ряд ученых занялся изучением социальных реформ Савонаролы и его деятельности по преобразованию морали флорентийского общества: о социальном учении монаха и степени его распространения рассуждали А.Спиччани и к. Б.Маннинг; о проблеме карнавалов и «костров суеты» — Д.Чапелли; О.Никколи и Ч.Пуэлли-Маэстрелли обратились к реформе детей; проблемы взаимоотношения Савонаролы и женщин, восприятия последними идей монаха разрабатывались в трудах Л.Полидзотто, Г.Дзарри, А.Скатино и А.Валерио; историки (В.Арриджи и Г.Пампалоне, Р.Заккариа и В.Арричи, А.Маццоне) занялись анализом различных

аспектов движения «плакс» — сторонников монаха; характерно, что рассмотрению подверглись не только свидетельства и биографии сторонников монаха, но и работы его антагонистов, а также массы сомневающихся, меняющих свои позиции людей (к примеру, работы К.Лонго и А.Матуччи). Разумеется, выше приведен далеко не полный список тем, связанных с изучением савонаролианской Флоренции, но и на их основании можно сделать заключение об увеличении числа работ, позволяющих взглянуть на события, происходящие в городе на Арно в 1494—1498 гг. в более широком контексте, проследить процесс взаимовлияния проповедника и общества, определить, насколько конструктивными были в глазах современников идеи монаха.

Итак, в зарубежной савонаролианской историографии XX в. произошли существенные изменения: с расширением источниковой базы и внедрением новых методов исторические исследования стали меняться акценты работ: от апологий монаха обратились к более взвешенной, объективной оценке Савонаролы; выросло количество трудов, посвященных общественному окружению проповедника.

Г.В.Торопчин

г.Кемерово

Кемеровский государственный университет

РОССИЙСКИЕ И СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПРОБЛЕМАТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АВСТРАЛИИ И РОССИИ

История исследований международных сношений России (Советского Союза) и Австралии насчитывает уже не одно столетие: еще во времена существования Российской империи начали публиковаться труды, посвященные взаимодействию этих двух субъектов международного права на мировой арене. Отправной точкой во многом можно считать 1807 г. — год установления дипломатических отношений между Санкт-Петербургом и бывшей тогда британской колонией. В частности, составители одного из крупнейших сборников статей, касающихся этой области, «Австралия в русском восприятии. 1807—2007. Впечатления, образы, идеи», выделяют именно эту дату [1].

Можно выделить три основных этапа в развитии отечественной историографии по данной проблематике: 1) 1807—1917 гг.; 2) 1917—1991 гг.; 3) 1991 г. — по настоящее время. Разумеется, такая хронологическая градация связана в первую очередь с процессом исторического развития государства и, соответственно, отношений Австралии и Российской империи, затем РСФСР и СССР, и, наконец, Российской Федерации. В какой-то степени подобное деление носит

условный характер: к примеру, классовый подход к проблеме можно найти у авторов социально-демократического толка еще в 1900—1910-е гг., в то время как в начале 1990-х гг. некоторые специалисты по инерции все еще ссылались на марксистские парадигмы в своих публикациях.

Прежде всего, надо подойти к вопросу с точки зрения исторической ретроспективы. Естественно, что в XIX в. научные и публицистические работы, связанные с Австралией, не имели сколько-нибудь систематизированного характера. В данном этапе объединены публикации, совершенно разные по своей природе: сюда можно включить записи в судовых журналах мореплавателей (например, прославленного первооткрывателя Антарктиды Ф.Ф.Беллинсгаузена или рядового матроса Е.Киселева, оставившего после себя дневники)¹, мемуарную литературу. С точки зрения культурных и научных связей между странами сложно переоценить значение фигуры Н.Н.Миклухо-Маклая [2] однако вклад его не ограничивается только этими сферами: известны его проекты основания русской колонии в регионе, не получившие, однако, широкой поддержки у царского правительства [3]. В начале XX в. распространение радикальных идей в обществе отразилось и на литературе по тематике: к примеру Австралии обращается в ряде статей В.И. Ленин [4] (к примеру, в «Тетрадах по империализму»), а такие исследователи, как П.Г.Мижув, Н.Крюков и вовсе приходят к выводу, что Австралия — это «рай для рабочих». В связи с потоком иммигрантов из России (среди которых значительный процент составляли беглые каторжники) в Австралии начинает формироваться русская община. Это определенным образом повлияло на периодику того времени: в 1911 г. в порту Дальнем стал издаваться журнал «На чужбине (Русские в Америке и Австралии)», посвященный проблемам эмиграции. В 1912 г. организация «Союз русских рабочих» (позже «Союз русских эмигрантов») начала публиковать первую газету в Австралии на русском языке — «Эхо Австралии», впоследствии начали выходить такие издания, как «Известия Союза русских эмигрантов», «Рабочий путь».

Что касается советского периода, то, безусловно, значительный отпечаток на дух и содержание публикаций по теме наложила идеология. Действительно, субъектом отношений концепция пролетарского интернационализма видела в первую очередь рабочий класс. В произведениях известного большевика Ф.А.Сергеева (Артема), одного из основателей австралийской компартии (1920 г.) довольно четко прослеживается эта мысль. Публикации середины XX в. по теме довольно разрознены, фрагментарны, их сложно назвать фундаментальными. С началом «холодной войны» характер публикаций меняется: Австралию видят как страну враждебной, капиталистической системы, и отношение это меняется лишь на волне разрядки (в основном, это касается публикаций, описывающих торгово-экономические отношения двух стран). Из специалистов того периода времени можно назвать К.В.Малаховского, А.Ю.Рудницкого, причем они продолжили свою активную деятельность в этой сфере и в 1990-е гг. Однако настоящий прорыв в сознании отечественных исследователей происходит в конце

1980-х гг.: по свидетельству И.Н.Васильевой-Южиной, это время можно охарактеризовать как новое открытие Terra Australis Incognita (пример: вышедшая в 1989 г. книга «Еще одно открытие Австралии»)¹.

В 1990—2000-е гг. активно изучаются самые различные аспекты взаимоотношения Австралии и РФ. К проблеме русской эмиграции обращаются доктор философии Е. Говор, проживающая в Австралии, д.и.н. А.Я.Масов. Историей связей австралийцев и россиян в военно-политической сфере занимается В.Крупник. Экономическая сторона проблемы подробно описывается в статьях В.Архипова. С точки зрения геополитики перспективы отношений России и Австралии в регионе рассматривает Н.М.Сланевская. Наконец, весьма значительную лепту во всестороннее понимание темы внесла Г.Каневская. Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что эти научные труды во многом обогатили научный опыт и систематизировали знания в данной области.

Примечания

1. Австралия в русском восприятии 1807—007. Впечатления, образы, идеи / Сост. И.Н.Васильева-Южина. М.: Рудомино, 2007.

2. Хлебакова А. Знакомый и незнакомый Миклухо-Маклай. К 165-летию со дня рождения. / Русская еженедельная газета «Единение». 12 сентября 2011 г. // URL: <http://www.unification.net.au/articles/read/1110>

3. Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846—1888) // URL: <http://funeral-spb.narod.ru/necropols/literat/tombs/mikluxo/mikluxo.html>

4. Ленин В.И. В Австралии / Полное собрание сочинений. Том 23 // URL: http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=2384:v-avstralii&catid=61:tom-23&Itemid=53

М.В.Угрюмова

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Архивные документы земских органов самоуправления — это часть общего документного комплекса о человеке и окружающем его мире. Документальное наследие земского самоуправления России, и, соответственно, упорядоченная система научных знаний о нем представляют собой нелинейную, самоорганизующуюся, открытую многоуровневую систему, изменения в которой накапливаются и усиливаются благодаря малейшим колебаниям, что в свою очередь приводит к возникновению иных порядков и структур. Документальное наследие

земских органов самоуправления — неотъемлемая часть историко-культурного наследия, важнейший информационный потенциал государства и общества обеспечивает преемственность культурно-исторических традиций, интеллектуального развития, экономического прогресса.

Документальное наследие земских органов самоуправления хранится сегодня в ряде региональных архивов, куда основная масса документов по земской деятельности попала из районных архивов в 20—30-е гг. XX века. В этой связи сохранение системы документов, образовавшиеся в ходе земской деятельности дореволюционной России, особо важно. Не менее значимо грамотное использование документального наследия земств.

Документы органов местного земского самоуправления являются объектом изучения ряда общенаучных (политология, философия, педагогика, юриспруденция, социология, культурологи, экономика) и исторических (документоведение, архивоведение, археография, источниковедение, история делопроизводства,) дисциплин. Свой взгляд на делопроизводственную документацию каждой научной дисциплиной определяется теми функциями, которые свойственны документам на различных стадиях их создания, функционирования, хранения и пр. Каждая из этих дисциплин вносит свойственный ей вклад в вопрос изучения систем документов органов земского самоуправления.

Ретроспективное изучение делопроизводственной документации органов земского и городского самоуправления — задача ряда исторических дисциплин (истории делопроизводства, документоведения, архивоведения). Последовательное изучение изменений в документах органов местного самоуправления дореволюционной России, предоставляет богатый материал для разработки неисследованных теоретических проблем (изучения видовой эволюции документов органов земского самоуправления, исследование вопроса об архивных фондах деятельности органов земского самоуправления).

Вполне логично, что после истечения срока оперативной службы документальное наследие органов земского самоуправления, отобранное на хранение и перемещенные в архивный фонд соответствующих учреждений — фондообразователей, явилось широкой потенциальной источниковой базой исторического исследования.

Одной из сторон взаимодействия таких исторических дисциплин, как источниковедение и архивоведение в области изучения документального наследия органов земского самоуправления дореволюционной России, является решение эвристических задач. Без научно-справочного аппарата сегодня невозможны успешный поиск необходимых источников, полное представление о составе и содержании, степени сохранности имеющихся в фонде документов.

Для истории России XIX в. системы документов земского самоуправления имеют тем большее значение, что, во-первых, подобных документов опубликовано сравнительно немного; во-вторых, анализ документального наследия обозначенных учреждений не проводился. В этой связи основные вопросы неизбежно

должны изучаться по неопубликованным архивным документам. Исходя из опубликованных источников, имеются и такие проблемы, к которым исследователи обращались неоднократно, например, определенное количество тем по экономической истории, где основным источником являются документы обеспеченного типа, содержащие в себе статистические и экономические материалы.

В земской археологии можно выделить несколько типов документальных публикаций. Публикации документов по земской деятельности научного типа рассчитаны на ученых-исследователей, занимающихся вопросами истории земского самоуправления, и представляют собой состав пофондовых материалов. Научная документальная публикация имеет специальный научно-справочный аппарат (предисловие, примечания, указатели и пр.). В предисловии раскрывается место и значение публикуемых документов в исследовании земской проблематики, их особенности как исторических документов. Все или отдельные документы могут сопровождаться легендой и контрольно-справочными сведениями (архив, фонд, дело, данные о внешнем виде, объеме, подлинности и др.). Использование научных публикаций документов по земской деятельности во многом упрощает задачи документоведческого и источниковедческого анализа. Вся предварительная работа (установление авторства, даты, типа и вида документа) уже проделана при подготовке документа к печати и отражена в научно-справочном аппарате публикации.

Следующий тип публикаций документов по деятельности земств представлен документальными сборниками научно-популярного типа. Научно-справочный аппарат в них отсутствует, либо сведен к минимуму. Часто такие сборники воспроизводят уже опубликованные ранее документы, хотя иногда встречается, что документы, созданные в ходе земской деятельности, публиковались впервые.

Реже встречаются публикации земских документов, собранные в хрестоматиях, предназначенных для более глубокого изучения отдельных тем исторических и правовых дисциплин. В исследовательской работе по изучению делопроизводственной документации органов земского и городского самоуправления наблюдается некий разрыв между ее изучением, с одной стороны (структура, разновидности документопотоки) и, ее источниковедческим изучением, использованием в исторических исследованиях с другой стороны. Первая часть изучена явно недостаточно. В исторических исследованиях используется, главным образом, отчетная документация земских органов власти. Остро стоит проблема достоверности сведений в контексте систематического источниковедческого исследования. В целом делопроизводственная документация до сих пор используется не в лучших традициях историографии, когда извлекаются лишь отдельные факты.

Обширные пласты делопроизводственной документации органов земского самоуправления не исследовались, хотя именно такое изучение могло дать более полное представление о том, что представляли органы земского самоуправления

России во второй половине XIX — начале XX вв., каков был механизм и эффективность функционирования выборной власти на местах. Изучение отдельных систем документов органов местного самоуправления пореформенной России — задача весьма сложная из-за большого количества документов и многократного дублирования, содержащейся в них информации. Поэтому исследователь должен хорошо знать организацию системы делопроизводства земств, структуру и внутреннюю и внешнюю организацию всего земского управления. Оценить степень полноты той или иной сохранившейся системы документации, при обнаружении суметь восполнить пробелы за счет дублетной информации, выбрать оптимальный способ работы с большими массивами документации — основные задачи научно-практических исследований документов органов земского и городского самоуправления, решая которые в центре внимания исследователь обязательно обнаружит несколько систем документов.

Рост количества документов в деятельности органов земского самоуправления второй половины XIX — десятых гг. XX вв. создал совершенно иную познавательную ситуацию в наши дни. Современный исследователь не в состоянии изучить все источники, имеющие отношение к органам земского самоуправления дореволюционной России, он вынужден целенаправленно отбирать их в соответствии с поставленной исследовательской проблемой. Количество источников заставляет поднимать проблемы выборочного исследования по истории органов земского самоуправления.

Сегодня важно путем систематического осмысления и комплексной научной разработки сохранять и использовать особое документальное наследия — системы документов органов земского самоуправления России второй половины XIX — первых двух десятилетий XX века. Ученым важно выполнять свои исследовательские задачи с учетом критического анализа предшествующей историографии, которая также базируется на широком круге документальных источников. Особо значимо к изучению документального наследия органов земского самоуправления подойти нетрадиционными многомерными методами, преодолевающими распространенную в отечественной историографии и архивоведении тенденцию рассматривать историю документов и систем документов в узкой отраслевой плоскости, вне связей с реалиями экономической и общественно-политической жизни, развитием культурных традиций.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Л.А.ТЬЕРА

У каждой исторической эпохи существуют характерные для нее ценности и жизненные позиции, а также есть индивидуальный взгляд на историю как науку. В данной работе мы обратимся к традициям французской исторической науки первой половины XIX в. на примере взглядов французского историка Луи Адольфа Тьера (1797—1877).

С именем Тьера связано полвека истории Франции. Он оставил видный след в политике и науке. Как политический деятель начал свою карьеру с должности депутата, а в 1871—1873 гг. занимал пост президента Французской республики. Мало кому известно, что Тьер был незаурядным историком XIX века. Его многотомные труды: «Histoire de la revolution française» [«История Французской революции»] (V. 1—10. P., 1823—1827) и «Histoire du Consulat et de l'Empire» [«История Консульства и Империи»] (V. 1—20. P., 1845—1862) имели большой успех во Франции. На сегодняшний день творчество Тьера в России является малоизученным. Нет ни одного специального исследования, посвященного ему, кроме коротких заметок в специальных работах.

В своем предисловии к XII тому «Истории Консульства и Империи», вышедшему в 1855 году, Тьер изложил свое понимание истории как науки, ее принципов и методов изучения. До выхода в свет исследований Тьера были известны работы. Г.Мабли «Об изучении истории. О том, как писать историю» (1755), Л.Ранке «К критике новейших историков» (1824). Уже после работ Тьера вышел в свет труд И.Г.Дройзена «Очерк историка» (1858). Обратимся к его содержанию, чтобы раскрыть нашу проблематику.

Интересен взгляд Тьера на историческую науку. Она, по его мнению, должна быть единой, в ней нет права выбора между правдой и ложью. Тот, кто лжет в истории, с точки зрения Тьера, достоин самого серьезного осуждения [1, VI]. Связь многочисленных событий в понимании Тьера составляла неразрывный закономерный исторический процесс. Главным моментом в определении этого тезиса являлось неоднократно подчеркнутая им в предисловии взаимосвязь всех процессов и явлений в истории, что Тьер назвал «единой цепью событий» [1, VII].

Большое значение для исторического исследования, по мнению Тьера, имели качества самого историка. Самым главным из них он считал «понимание» — исключительный талант, который дает возможность исследователю видеть причины, понимать последствия, уметь сравнивать, отличать правду от лжи. Главный инструмент историка — это язык, он должен быть изящным и серьезным.

В своем предисловии Тьер подчеркнул значение беспристрастности историка. Читатель, с точки зрения Тьера, не должен видеть присутствия субъективного мнения историка, его категорических оценок [1, VIII—X].

Самым важным в историческом исследовании, по мнению Тьера, являлся поиск источников. Труд историка, по его убеждению, состоит из двух этапов: 1) кропотливый поиск источников, сбор и их систематизация; 2) «техническая часть истории» — все поставить на место правдивым изложением [1, III]. Подлинная правда, по убеждению историка, содержится в официальных государственных документах и переписке великих личностей [1, III].

Рассмотрение работ Тьера с позиций современной науки позволило выделить два основных принципа, на которые опирался историк — это историзм и объективность. Историзма он достигал путем подробного изложения событий. Достоверное изложение фактов, с точки зрения историка, помогало осознать причинно-следственные связи между событиями. Такой подход заметно повлиял на размер его исследований. Проблема объективности сводилась у историка к проблеме достоверности исторического источника, где содержатся факты прошлого. Зафиксированные в источнике факты, подвергшиеся критике историка и выстроенные в исторически правдивую реконструкцию, представляли собой истинное историческое знание для Тьера. Таким образом, главной задачей исторической науки являлось для него создание максимально достоверной картины прошлого. Интерпретация «понимания», данная Тьером, позволила сопоставить его со сравнительным и критическим методами. Важное место в познавательном процессе историка занимал сравнительный метод, который он использовал, например, при сопоставлении различных этапов революции. Критический подход Тьера, заключался в необходимости тщательного отбора источников, реконструируя на их основе достоверную картину прошлого.

Методологические воззрения Тьера, формировавшиеся в течение первой половины XIX в., представляли собой синтез романтических и позитивистских идей. В трудах историка есть черты романтического интуитивизма — «вживания», «вчувствования» в эпоху, «сопереживания» с ней, красочность изложения, яркая стилизация. Так и есть тяготение в понимании исторического знания к позитивистским установкам: систематизация знания, понимание истории как единого закономерного процесса, образованного связанными рядами фактов, независимого от познающего исследователя.

В завершении, хотелось бы отметить, что информация, содержащаяся в предисловии к «Истории Консульства и Империи» Тьера, уникальна, благодаря ей, мы имеем возможность познакомиться с исследовательской лабораторией историка XIX века, узнать и понять некоторые традиции исторической науки того периода.

Примечания

1. Thiers M.A. Avertissement de l'auteur // Histoire du Consulat et de l'Empire faisant suite à l'histoire de révolution française: par 20 vv. Paris, 1845—1862. V. 12. 1855.

В.Д.Харитонова

г. Томск

Томский государственный университет

СМЕРТЬ В КОНТЕКСТЕ ДУАЛИЗМА В ЗОРОАСТРИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ

Рождение и смерть в культурных традициях всех времен и народов являлись и продолжают являться наиболее значимыми моментами в жизни человека, поэтому обрядам и традициям, связанным с этими событиями, придается особое значение. Смерть человека является значительным событием, поскольку уход из этой жизни означает переход в иной, потусторонний мир, жизнь души человека продолжается в другой ипостаси.

Исследователями неоднократно отмечались консервативность и устойчивость погребального обряда в культуре разных народов. В силу своей традиционности погребальный обряд и связанные с ним верования являются самой информативной сферой для изучения представлений о человеке. Культурно-антропологические исследования показывают, что в погребальной обрядности символически выражены ценности, межличностные и социальные связи и культурные модели. Погребальный обряд отражает всю совокупность религиозных представлений народа. Т.В.Мордовцева указывает, что в любой культуре «культ мертвых выступает в качестве устойчивой социокультурной модели, в которой закрепляются представления о жизни, смерти и бессмертии, выраженные в специфических отношениях к мертвым» [1, 88].

Очевидно, что во все времена перед каждым человеком неизбежно стояла проблема смерти. Об этом говорят мифологические сюжеты, разработка погребальных культов и проработка вопросов смерти в религиях [2]. Но если между этими взглядами в других религиях есть связь, то представления о смерти у древних иранцев выпадают из некой общей картины и тем самым вызывают определенный интерес при более глубоком изучении зороастризма. Следует также отметить, что в основе положений религии лежит концепция дуализма, в которой борьба доброго и злого начал обострена до предела. Это приводит к проблематике статьи, где представляется актуальным рассмотрение категорий жизни смерти в зороастрийской религиозной традиции в контексте дуализма.

В данной концепции жизнь рассматривается как благое начало, представленное Ахура-Маздой, а смерть — зло, исходящее от Ангра-Майнью. Идея дуализма является основной идеей Авесты — священной книги иранцев. Светлое и темное начала в мире олицетворяются в образах духов света и добра — агурь, и духов тьмы и зла — дэвы. Во главе светлых духов стоит Ахура-Мазда. Ему противопоставлена глава духов тьмы — Ангра-Майнью. Оба великих духа признаются равноправными творцами всего существующего. Ахура-Мазда создал все светлое, чистое, разумное, полезное для людей, а Ангра-Майнью, напротив, все злое, нечистое и вредное.

Ортодоксальный зороастризм сочетает в себе как уважение к миру — творению Ахура Мазды, так и убеждение в том, что мир все же только временное пристанище, и настоящая жизнь придет после смерти. Смерть рассматривается зороастрийцами как отделение души от тела. В Авесте имеется указание на существование «разделителя» (мост Чинват), который душа должна пересечь, чтобы достичь блаженства.

Пока правоверный жив — он олицетворяет благое начало, но если человек умирает, то его труп становится осквернением, выражением злого начала, так как его смерть есть зло. Поэтому никто из единоверцев, даже самые близкие родственники, кроме насассаларов (мойщиков трупов) никогда не смеет прикасаться к покойнику.

Уверенность древних иранцев в существовании загробной жизни узаконили реформа Зороастра и его учение о небесах и аде. Зороастр в своей реформе также освятил проблему жизни и смерти, которая выражалась в похоронном обряде иранцев, ритуальных очищениях, вере в загробную жизнь и развитии эсхатологических представлений религии. Зороастр провозгласил, что главное в борьбе Ахура-Мазды и Ангра-Майнью не их склонность к Свету или Мраку, а их принадлежность к Добру или Злу, отметив таким образом этический аспект противостояния. Так в трактовке Зороастра этика стала главным элементом иранского религиозного дуализма. В Гатах (гимнах Зороастра) он обратился к людям с призывом помочь благородным небесным силам в их непримиримой борьбе, став с этой целью чище, лучше, и, сосредоточив свои старания на том, чтобы одолеть мир зла и покончить со всякой нечистью. В гимнах Авесты люди призывались быть доброжелательными, умеренными в помыслах и страстях, готовы жить в мире и дружбе. Восхвалялись честность и верность, осуждалась воровство, злословие, преступление. При этом основной идеей этической доктрины зороастризма, как отмечает Л.С.Васильев, был тезис о том, что истина и добро, равно как страдание и зло, зависят от самих людей, которые могут и должны быть активными творцами собственной судьбы [3, 223—224].

Проблема исследования зороастрийского погребального обряда вбирает в себя всю совокупность индоиранских идеологических представлений о жизни и смерти. Под воздействием неблагоприятных внешних условий они вынуждены были приспосабливаться, а, следовательно, видоизменять религиозную практику.

Это отразилось на представлениях, а также характере зороастрийских обрядов, в том числе и на погребальном.

Примечания

1. Мордовцева Т.В. Идея смерти в культурфилософской ретроспективе. Таганрог, 2001.
2. См., например, Токарев С.А. Смерть // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А.Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 456—457; Петрухин В.Я. Загробный мир // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А.Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 452—456.
3. Васильев Л.С. История религий Востока. Учебное пособие для вузов. М., 2006.

Т.П.Хлынина

г.Ростов-на-Дону

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН

ИСТОРИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ЭКСПЕРТИРОВАНИЯ¹

Превращение истории во влиятельный ресурс современной политики и кардинальные изменения, происшедшие в самом знании о прошлом за последние полтора — два десятилетия, актуализируют проблему социального экспертирования исторических исследований. Необходимость выработки нового формата оценки создаваемых образов прошлого осознается не только официальной властью, инициировавшей создание «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», но и профессиональным сообществом, все активнее включающимся в процесс выработки критериев «социально безопасного прошлого».

На сегодняшний день вопрос о формах участия *«специалистов в жизни Града»* (М.Буровой) породил немало дельных предложений, направленных, прежде всего, на преодоление той огромной пропасти, которая образовалась между науками об обществе и его реальной жизнью. По мнению президента Всемирной ассоциации социологов М. Вевьерки, таких форм, как минимум, две. Она из них, осуществляемая сверхкритичным интеллектуалом, сочетает исследовательскую активность специалиста с его политической деятельностью; другая, реализуемая экспертом, проводит обучение властей и передачу им знаний.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «История и политика на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия» Программы президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

При этом «проблемы науки и проблемы вовлеченности в дела общества не должны разделяться». Однако, как свидетельствуют общепринятые практики взаимодействия экспертных сообществ и власти, они все еще являют собою игру в одни ворота, где каждая из взаимодействующих сторон стремится к реализации собственного видения анализируемой проблемы. Возможным выходом из сложившейся ситуации могла бы стать социальная экспертиза исторических сочинений, осуществляемая силами самого профессионального сообщества.

Так, на Северном Кавказе, где прошлое всегда присутствует в настоящем и бережно сохраняется в народной памяти, выход в свет любого исторического сочинения от монографического издания до учебника становится событием общественно-политической значимости. Наглядным тому подтверждением может служить все еще продолжающийся скандал вокруг учебника А.И.Вдовина, А.С.Барсенкова «История России. 1917—2009», где, по заключению ряда экспертов, «нарушена историческая справедливость в отношении прошлого отечественных народов нашей страны». Реакцией Академии наук и Министерства образования Чеченской Республики на тиражирование в учебнике «фальсифицированных данных об участии чеченского народа в Великой Отечественной войне» стало требование «предварительного вычитывания всех методических материалов по истории России». Необходимость столь жесткой меры обосновывается «невозможностью допустить учебники, в которых искажаются факты и пишется, что в истории Чечни был только терроризм». Подобное экспертное нововведение уже вызвало протестные отклики представителей профессионального сообщества, выразившего недоумение посторонним вмешательством в исследовательскую деятельность историков. Между тем, сам факт столь беспрецедентной по своим масштабам кампании является неоспоримым доказательством рождающегося на наших глазах проекта «безопасного прошлого», основными создателями которого выступают уже не профессиональные историки, а наиболее влиятельные политики, общественные деятели и представители творческой интеллигенции.

Индикаторами «проблемных зон» в изучении прошлого народов Северного Кавказа вплоть до недавнего времени выступали излишняя полемичность и злободневность в изложении тех или иных исторических сюжетов, а также их прямое воздействие на состояние и перспективы развития региона в целом. Основным методом диагностирования их проблемности признавался дискурсивный анализ, основывавшийся на выявлении соотношения позитивно и негативно окрашенной лексики в характеристике основных действующих сил северокавказской истории. Его недостатками признаются отсутствие фиксируемой взаимосвязи между позицией, излагаемой исследователем, и внешними каналами ее формирования. Иными словами, метод дискурсивного анализа выявляет лишь научную проблемность изучаемого явления, не давая оценки его социальной значимости.

Восполнить этот недостаток призваны методы социальной экспертизы, давно и успешно применяемые в оценках проектных инноваций. К ним, прежде всего, следует отнести принцип Парето-эффективности и шкалу апрейзеров. Существование нескольких вариантов решения поставленной проблемы, в том числе и в исследовательской сфере, неизбежно создает ситуацию выбора. Ее реализация осуществляется посредством применения принципа *Парето-эффективности*, суть которого сводится к тому, что повышению социального самочувствия одного объекта не должно сопровождаться снижением социального самочувствия другого объекта.

Качественным определителем предельно допустимой нормы такой неснижаемости выступает шкала апрейзеров, построенная по принципу возрастания ощущения напряженности. Шкала основана на двоичном коде совпадающих количественно-качественных характеристик измеряемого объекта и включает в себя показатели от низкого до высокого уровня (низкий — средний — высокий). В пределе любое диагностируемое явление измеряется девятью позициями: от «низкого — низкого» до «высоко — высокого». Нормальным признается состояние объекта, оцениваемого в позициях «среднего — среднего». Первая позиция отражает нормативное представление о его состоянии, вторая — оценку потребителя. Применение данных методов в экспертировании исторической продукции позволяет, с одной стороны, учитывать мнение профессионального сообщества о ее соответствии научным параметрам (принцип Парето-эффективности), с другой — реагировать на социальный эффект, вызываемой подобного рода исследованиями (шкала апрейзеров). Таким образом, у экспертного сообщества появляется вполне реальная возможность своевременной оценки социального потенциала издаваемых исторических сочинений.

М.В.Черкасова

г. Самара

Самарская государственная академия культуры и искусств

АРХИВ КАК ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ТЕОРИИ

Постмодернизм сформулировал ряд новых принципиальных проблем в теории исторического познания, которые главным образом коснулись принципов получения информации об исторической реальности и возможности адекватного отражения прошлого. Ключевыми для историков стали вопросы о репрезентации прошлого в историческом источнике, и об интерпретации источника историком в познании этого прошлого. Все большее внимание специалистов различных

отраслей знания (философов, историков, архивоведов) привлекает и третья проблема, проблема интерпретации исторической реальности архивами.

Изменение традиционных представлений об архиве, как пассивной информационной системе, отражающей жизнь общества, связано с работами французских мыслителей М.Фуко и Ж.Деррида. М.Фуко определяет архив как закон, управляющий системой высказываний, их продуцированием, позволяет не «сохранить» или «воскресить» традицию, а выявить ограничения нашего собственного мышления [1, 130]. В своей последующей работе «Надзирать и наказывать» М.Фуко показывает процесс документирования как проявление власти, поскольку власть нуждается в объективации тех, кто ей подчиняется [2]. Архив с этой точки зрения представляется институтом власти и порабощения.

Конечно, М.Фуко, использовал понятие архив для построения собственной концепции и не рассматривал его как место хранения документов, или совокупность документальных комплексов. Однако размышления и выводы философа проблематизировали понятие «архив», указанием на его связь с политическим и историческим дискурсом.

Ж.Деррида показал два смысла свойственных понятию «архив». Архив это начало, основание знания, но в то же время архив это скрытое проявление власти [3, 9]. По заявлению философа «невиновных архивов не бывает», сам принцип его функционирования основан на властной интенции, благодаря которой архив формирует прошлое, определяя его познание в будущем.

Архив как институт исторической памяти, структурирует и определяет то, что общество может знать о своем прошлом. Архивы сохраняют не то, что было, а то, что осталось, отбирая при этом из следов прошлого, то о чем следует помнить. Архивы не могут сохранять все и поэтому фактически задают границы, пределы исторического познания. По выражению В.Подороги: «Архив минуты также невозможен, как и архив дня или года. Вот почему архив страдает скорее от недостатка, чем от избытка документов, ибо его вечный идеал — абсолютная память» [4, 252]. Таким образом, постмодернизм обнаружил двойную природу архивов, которые одновременно и сохраняют и конфискуют историческую память социума.

Это актуализировало обсуждение проблемы соотношения архивов и власти среди сообщества историков и архивистов. Американские исследователи-архивисты Джоан М.Шварц и Терри Кук посвятили одну из своих работ последовательному дезавуалированию власти архивов [5]. По мысли авторов архив больше не должен прятаться за маской нейтралитета и объективности, но должен переосмыслить свою роль и значение для общества и истории. Косвенно этот вопрос был затронут и российским архивоведом Е.В.Старостиным, который еще раз обратил внимание на миссию архивов «возвращать (или способствовать возвращению) обществу «уснувшей памяти»...хранитель архивов превращается в доктора исторической памяти» [6, 18]. Изучение проблемы власти и архивов, трансформировало понимание профессии архивиста, который из

беспристрастного хранителя превращается в соавтора историка-исследователя. Архивы же являются не просто пассивными хранителями документальных свидетельств, но активными творцами исторической памяти, постоянно формирующими и упорядочивающими ее. Именно архивы, при отборе тех или иных свидетельств, подлежащих запоминанию (хранению), классифицируют единое прошлое на привилегированную и маргинальную историю.

Однако, архив не находится в вакууме, он существует во времени и пространстве и включен в определенный социальный контекст. Американский исследователь Терри Иствуд заметил, что «нужно понять, политическую, экономическую, социальную и культурную среды того или иного общества, чтобы понять свои архивы» [7, 27]. Можно установить и обратную закономерность — понять общество можно по принятому этим обществом способу архивирования. Это в свою очередь означает, что власть архивов во многом определяется внешними факторами и зависит от государственной власти (в том числе от организации управления, которая определяет состав документации и отношения государства к ретроспективной информации), позиции общества по отношению к исторической памяти, уровня экономического, технологического и культурного развития и пр.

Таким образом, архив обладает властью над обществом, формируя его прошлое и тем самым, определяя его настоящее и будущее. Это придает ему статус института социальной памяти. Но и общество влияет на развитие и функционирование архивов. Способ архивирования, если понимать под этим весь комплекс работ по сохранению и репрезентации исторических свидетельств, зависит, помимо прочего и от степени самостоятельности архивов в присущей им роли главного интерпретатора событий прошлого.

Все вышесказанное формулирует ряд новых проблем, как в теории исторического познания, так и в архивной науке и практике архивной работы: во-первых, необходимость архивоведения выйти за пределы анализа архивных технологий и обратиться к исследованию собственных концептуальных оснований, а изучение деятельности архивов должно сместиться в контекстуальную плоскость; во-вторых — переосмысление функций и задач архивов, представление их как активной силы в формировании исторической памяти и, соответственно, изменение понимания профессиональных качеств и статуса архивиста.

Примечания

1. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
3. Derrida J. Archive Fever: Freudian Impression // *Diacritics*. 1995. Vol. 25. № 2.
4. Подорога В. К философии архива // Индекс. Досье на цензуру. 2001. № 14.
5. Cook T. Archival Science and Postmodernism: New Formulations for Old Concepts // *Archival Science*. 2000. Vol. 1. № 1. P. 3—24; Schwartz J.M., Cook T. Archives, Records, and Power: The Making of Modern Memory // *Archival Science*. 2002. Vol. 2. № 1—2. P. 1—19.

6. Старостин Е.В. Архивы в системе социальной памяти российского общества // Социальная память в институциональном измерении: постсоветский архив: материалы семинара Центра россиеведения. РАН. ИНИОН. Центр россиеведения. М., 2010.

7. Terence M. Eastwood Reflections on the Development of Archives in Canada and Australia // Archival Documents: Providing Accountability Through Recordkeeping. Melbourne, 1993.

Е.Н.Шайхутдинова

г. Кемерово

Кемеровский государственный университет

ВКЛАД БРИТАНСКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв. В ИЗУЧЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ САКРАЛЬНОСТИ

Эпоха Средневековья — период, когда вера и сакральные представления общества способствовали созданию священного образа королевской власти и персоны правителя. Особенности восприятия мира средневековым человеком способствовали оформлению убеждения, что монарх наделялся властью свыше, а не только по праву. Сакральный образ правителя формировался благодаря комплексному воздействию ряда факторов: традиций, норм, обычаев, идеологии. Немалую роль в данном случае играло и визуальное воздействие, проявлявшееся в жестах и символах обрядов и ритуалов, которыми была пронизана жизнь монарха. Пожалуй, самым зрелищным и максимально соответствующим указанным выше критериям был коронационный ритуал.

Проблема королевской коронации была актуальна для зарубежных исследователей всегда. В том числе британские медиевисты широко использовали и используют данную проблематику в качестве объекта изучения. Опыт английских историков в изучении королевских коронаций и ритуалов в целом очень богат. Вторая половина XIX века ознаменовалась всплеском интереса к проблеме королевских коронаций. Принципиально важным в данном случае было привлечение многочисленных источников, ранее не рассматривавшихся для раскрытия данной темы. Сфера деятельности британских историков конца XIX — начала XX вв. распространялась на литургические хроники, дневники и записки церковных деятелей, а также коронационные ордонансы.

Материал, вышедший из-под пера британских исследователей конца XIX — начала XX вв., дал толчок для развития социальной истории в дальнейшем. Данные, обнародованные в этот период, изобилуют символическими, знаковыми компонентами, в них представлены интересные факты о поведении королевы и участников церемонии, выделены особенности и характерные черты каждой процессии в отдельности, приводятся данные о происхождении

и преобразовании элементов коронационного ритуала, выдвигаются предположения о значении и функциональной нагрузке священных регалий. В конце концов, возможность сравнить обряд возведения английских монархов на престол от англосаксов до XX столетия позволяет выявить общее и особенное и подтвердить либо опровергнуть теорию непрерывности коронационного ритуала британских королей.

В качестве примера будет необходимым привести работы таких британских историков как Викхам Лег, который обращается к компаративному анализу коронационных хроник периода англо-саксонских королей, периода взаимодействия с французскими династиями и раннего Нового времени [1]. Он выделяет общие черты коронаций, описанных в источниках разного времени происхождения и рассуждает о традиционности английского ритуала, подчеркивая его целостность и нерушимость, не взирая на продолжительное существование во времени, доказывая тем самым его самобытность и национальный дух, присущий английскому ритуалу коронации монарха. Фрэнсис Илес [2] придерживается той точки зрения, что коронационный ритуал, по его мнению, имел грандиозное значение для демонстрации места и роли монарха в жизни государства. Исследователь подчеркивает священническую природу короля и выдвигает мнение о том, что король как высшее лицо в государстве имеет все основания для непосредственного участия в духовной жизни страны и, значит, имеет право быть главой национальной церкви. Этой мыслью он демонстрирует свое отношение к самобытности англиканской церкви и констатирует ее независимость от церкви католической в оформлении культа. В том числе она проявлялась в утверждении и коронационного ритуала, который отличался от континентальной традиции. Дуглас Маклин обращает внимание на генезис каждого из элементов обряда, рассуждая об истории происхождения священного еляя, о содержании и оформлении канона проведения торжественной литургии [3]. По мнению историка, реформа церкви Генриха VIII обеспечила тесное взаимодействие церкви и государства, поспособствовав тем самым определению новой роли правителя как в коронационном ритуале в частности, так и в жизни государства в принципе. Реформа наделила монарха правом разделять духовную власть с высшими прелатами англиканской церкви. Таким образом исследователь создает идеальную картину взаимодействия двух властных структур и подтверждает важное значение религиозной составляющей в жизни государства.

Указанные выше работы демонстрируют факт заинтересованности британских ученых проблемой королевской сакральности, которая оформлялась в процессе коронования престолопреемника. Включение в научный оборот большого числа новых источников, использование уже известного материала под иным углом обзора, попытка выделить общее и особенное в коронационных ритуалах английских правителей и монарших особ Франции делают их работы значимыми для британской медиевистики и исторической науки в целом. Понимание сфер интересов ученых на заре XX столетия дает возможность

проследить некие тенденции и эволюцию взглядов специалистов по истории средних веков.

Примечания

1. Legg J.W. Three Coronation Orders. London, 1900. 260 p.
2. Eeles F.C. The English Coronation Service: its History and Teaching. Oxford, 1902. 360 p.
3. Maclean D. The Great Solemnity of the Coronation of a King and Queen. London: George Allen & Company, 1911. 372 p.

Е.А.Шаталин

г. Омск

Омский государственный институт сервиса

ЛИБЕРАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Выборы в Государственную Думу в декабре 2011 г. и последовавшие за ними события породили волну разговоров о «ренессансе политики» в России. Очевидное общественное недовольство и его не столь различимый социальный субъект стали предметом активных семантических операций: энергию недовольства пытаются озвучить, означить и идеологически маркировать. Некоторые результаты такой активности не могут не вызывать вопросов: так, резкий прирост протестных голосов у «левых» партий и одновременный электоральный провал «правых» интерпретируется как «социальный запрос» на появление в России «сильной либеральной альтернативы». Говоря языком семиотики, налицо несовпадение означающего и означаемого, знака и референта.

Так или иначе, но можно говорить об очередной реинкарнации либерализма в медиапространстве России. Этот факт снова ставит в повестку дня вопрос «что такое либерализм» и какова его роль в российской политической коммуникации.

Прежде всего, необходимо разграничить два жанра, в рамках которых бытует такая сущность как «либерализм»: жанр идеологической публицистики в духе «идей об Истории» и жанр, известный в западной политической науке как «история идей». В первом случае либерализм предстает как некий саморазвертывающийся исторический процесс, представляющий собой триединство идеологии, идеологически обусловленной политики и социальной реальности как артефакта такой политики. Во втором случае либерализм трактуется как новоевропейская традиция идеологического письма, центрированная на определенном наборе ценностных понятий.

Собственно либеральная трактовка либерализма как триады «идея — практика — реальность» сталкивается со следующими проблемами. Во-первых,

либерализм не является связной системой взглядов. Скорее, он представляет собой процесс постоянного развития интерпретаций вокруг определенного набора формальных тем. Признание некогерентности и внутренней противоречивости либерализма является, пожалуй, единственным пунктом, по которому в литературе, посвященной исследованию либеральной мысли, достигнуто определенное согласие. Даже если взять ту разновидность либерализма, которая многими признается в качестве «классической» или «аутентичной», а именно британский либерализм XIX в., то будет чрезвычайно сложно определить, что именно объединяет таких очень разных авторов как О.Герберт, Г.Спенсер, Г.Сиджвик или Б.Бозанкет помимо либертариистского пафоса их текстов.

Во-вторых, отождествление либерализма с определенным политическим курсом или типом политики также наталкивается на ряд трудностей, поскольку составляющие риторическое ядро либерализма ценностные понятия (т.н. «аффективы») позволяют легитимировать в качестве «либеральных» любые, в том числе и диаметрально противоположные политические проекты. Они могут варьироваться от идеи добровольного государства и добровольных налогов (О.Герберт) до полного одобрения государственного вмешательства в экономическую жизнь (Б.Бозанкет), от проекта денационализации денег (Ф.Хайек) до призывов к обобществлению производительных сил (Дж.Дьюи).

В-третьих, сама идея о существовании каузальной связи между идеологией и политикой представляется сильным упрощением. Немногие из идеологов были политиками, и слишком многие из политиков были не в состоянии объяснить идеологический смысл своих действий. Так, было бы большим преувеличением утверждать, что работы Локка или Маркса являлись причинами событий, приведшим соответственно к Славной и Октябрьской революциям. Скорее, эти революции сделали Локка и Маркса знаменитыми. Кроме того, сам факт политического успеха вовсе не означает «истинности» идеологии, которая исповедуется победившей силой — к идеологиям вообще неприменимо понятие истины в ее научном значении. Успех дает возможность описать события на идеологическом языке силы-победительницы, что, однако, не исключает возможности стилизации тех же событий в риторических конструкциях иных идеологических систем.

В-четвертых, представление о том, что в корпус либерализма органично входит научно-теоретическая составляющая, также нуждается в серьезной корректировке. Среди мыслителей, входящих в либеральный «пантеон», практически нет «чистых идеологов». Большинство либеральных авторов снижали известность и признание прежде всего своим вкладом в ту или иную область философского и научного знания. Другими словами, не все, что написано либералами, проходит по ведомству «либерализма». Факт написания либералом Б.Расселом (в соавторстве с А.Уайтхедом) фундаментального труда «Principia mathematica» является вкладом в математическую логику, а не в либерализм, и он не порождает такой сущности как «либеральная математика». Логично предположить, что и философские, социологические, политологические, экономические

и иные теории или гипотезы, которые содержатся в трудах заявивших себя либералами авторов, могут рассматриваться в параметрах соответствующих академических дисциплин, а их включение в конкретный либеральный текст или в корпус либерализма в целом — как искусственное смешение двух типов дискурса — научного, дескриптивно-экспланаторного, и идеологического, оценочно-предписательного. Заметим, что иллюзия их логической увязки в рамках одного текста создается только благодаря использованию внеакадемических, а именно художественных приемов и средств.

В своей позитивной форме либерализм является традицией идеологического письма, основной структурной единицей которой является конкретный текст либерального автора. Семантическое единство этих текстов обеспечивается единством риторической составляющей, которая и конституирует такую сущность как «либерализм» в ее текстуальной предметности.

Либерализм существует лишь как некий пафос. Его пространство структурировано аффективами (эмоционально «нагруженными» понятиями, выражающими некие чувственные интуиции) и их одно- и двухходовыми расшифровками, а также коннотациями, эвфемизмами, риторическими тропами, лозунгами, афоризмами, констатациями пословичного типа и т.д. Либеральный пафос — это часть специфической культуры Запада, в котором отразились в стилизованном виде некоторые фрагменты его истории.

Сказанное выше не ставит под сомнение политического значения либерализма. Задачи любой идеологии хорошо известны: создание упрощенной дихотомичной картины мира; маркировка «своих» и «чужих»; мобилизация сторонников и деморализация противников; легитимация власти или претензий на нее. Заметим, что для эффективного решения этих задач идеология может быть вообще лишена основательного теоретического сопровождения, что доказывает нацизм с его откровенно антиинтеллектуалистским пафосом («думайте кровью») и отсутствием притязаний на академическую респектабельность, свойственную либерализму и марксизму.

По замечанию британского исследователя идеологии М.Фридена, то, что делает политическое мышление *идеологическим*, относится по большей части к сфере лингвистики, семиотики и других интерпретационных техник. Важнее вопрос что делает идеологическое сознание *политическим*. В качестве основных политических черт идеологий М.Фриден выделяет их символичность, действительность, языковую общедоступность. Он призывает исследователей преодолеть академический снобизм и обратиться к газетам, речам, памфлетам и другим продуктам СМИ как главным источникам идеологических ресурсов [1, 5—7].

Российская либеральная риторика последних двух десятилетий вращается вокруг ряда устойчивых аффективов, среди которых стоит выделить «Запад», понимаемую преимущественно в социал-дарвинистском ключе «свободу» и избранность «состоятельных и успешных» [2].

Трактовка протестного голосования на выборах 2011 г. как проявления «общественного запроса» на либерализм трудно не рассматривать как попытку навязать риторику, явно не соответствующую вектору социального недовольства. Политическая эмпирика свидетельствует о том, что новому социальному субъекту, который, как считают или надеются многие, проявился в ходе думских выборов, для политической самоидентификации потребуются аффективы иных идеологических комплексов — как левых («социальная справедливость»), так и консервативных («порядок», «традиция», «свобода и ответственность»).

Примечания

1. Freeden M. Editorial: What is special about ideologies? // Journal of Political Ideologies. 2010. № 6 (1).
2. Пример манифестации такой позиции: Ю.Латынина. Либерал-прагматизм. Ежедневный журнал. 21.11.2011. URL: <http://www.ej.ru>

О.В.Шепель

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ИДЕИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПИТЕРА БЕРЕНСА В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ДИЗАЙНА

Промышленный дизайн сыграл значительную роль в становлении модернизационной экономики. Европейские художники и дизайнеры XIX — начала XX веков стали основателями нового направления в развитии промышленности, осмыслили научный прогресс с эстетической точки зрения, что послужило толчком для дальнейшего развития промышленного дизайна в европейских странах.

Различные аспекты темы промышленного дизайна получили освещение в работах по истории науки и техники, культурологии и истории искусств. К числу современных представителей гуманитарного знания, последовательно изучающих сущность, историю и развитие промышленного дизайна относятся В.Р.Аронов [1] А.Я.Дижур [2], В.Ф.Рунге [6], Л.М.Холмянский и А.С.Щипанов [7]. В последнее десятилетие появились диссертационные исследования, в которых анализируются проблемы становления и развития промышленного дизайна (Л.А.Ермолиной [3], А.С.Михайловой [5]). Зарубежные авторы определили причины возникновения промышленного дизайна Г.Леффебвер [10], Э.Люси-Смит [11] У.Хендерсон [12].

На рубеже XIX—XX вв. в сфере промышленного дизайна лидером стала Германия. Причины лидерства были обусловлены бурным развитием промышленного

производства в последней трети XIX века, начало которому было положено «революцией сверху», объединившей страну и выдвинувшей ее в ряд крупнейших капиталистических держав. Концентрация производства, рост монополий и борьба за рынки сбыта поставили вопрос о качестве промышленной продукции и ее конкурентоспособности [4, 192].

У истоков промышленного дизайна стояли такие художники как Уильям Моррис, Уолтер Крейн, Генри Метиус, Анри Ван де Вельде и другие. Одним из них был Питер Беренс, человек объединивший понятия промышленной культуры и промышленного дизайна. «Во власти промышленности, — говорил он, — создание культуры путем сведения вместе искусства и техники. Массовое производство потребительских вещей, отвечающих высоким эстетическим представлениям, стало бы благом не только для людей с тонким художественным восприятием, самым широким слоям народа был бы открыт доступ к понятиям вкуса и приличия...» [9, 24]. Дизайнер и архитектор П.Беренс был творцом воплощенных в жизнь проектов, вошедших неотъемлемой частью в современный предметно-пространственный мир. Его вклад в развитие и создание форм электротехнического оборудования занимает особое место в развитии промышленного дизайна.

С 1898 г. он начал заниматься формообразованием промышленной продукции. Питер Беренс был приглашен в Дармштадт, где великий герцог Эрнст Людвиг Гессенский основал поселение художников. Здесь он построил свой собственный дом, для которого он разработал дизайн каждого элемента, начиная от проектирования конструкции и заканчивая кухонными ножами. В дизайне дома соединились искусство и ремесло, влияние югендстиля и индивидуальный стиль П.Беренса, особенно проявившийся в его более поздних работах. В 1902 году он разработал дизайн для немецкой экспозиции на первой международной выставке в Турине. С 1903 по 1907 гг. он был директором художественной школы в Дюссельдорфе. В это время он принимал активное участие в работе Немецкого производственного союза (Веркбунда) [11, 96].

Важнейшим событием в художественно-технической жизни исследователи считают приглашение П. Беренса занять пост главного художественного консультанта «Всеобщей электрической компании» (АЭГ), производящей электрические лампы, электроприборы, электромоторы для всей европейской промышленности. В 1907 г., не оставляя руководства собственным архитектурно-художественным бюро, П.Беренс принял предложение руководства концерна АЭГ [7, 56]. Он пришел на должность директора фирмы, имея за плечами большой опыт строительства архитектурных сооружений, проектирования мебели, посуды, текстиля. В основе его идей лежало представление о том, что любая техническая работа может быть выполнена безупречно только в том случае, если она удовлетворяет эстетическим представлениям человека. С этих позиций он разрабатывал дизайн ламп, чайников, вентиляторов, кухонных комбайнов, и других моделей бытовой техники [1, 9]. Следуя своему принципу

социокультурной проблематизации проектных задач, Беренс поставил цель использовать свои художественные возможности для превращения вещей в средство организации быта, «трансформации повседневности» [9, 363], делая при этом «упор не на качество отдельных вещей, а на превосходную организацию целого» [10, 62] и в производственном, и в торговом, и в потребительском смысле.

Продукция АЭГ была рассчитана, на экспорт. По мнению промышленников, для ее успешного продвижения на мировом рынке и подавления конкуренции требовалось создать свой художественный почерк. Хозяев фирмы интересовала не столько эстетика вещи, сколько задача завоевания мирового рынка. Создание же определенного лица фирмы (архитектурный облик сооружений, шрифт рекламы и т.п.) было только одним из средств для достижения этой цели [6, 24].

Первой разработкой П.Беренса в АЭГ стало проектирование программы электрических чайников-кипяtilьников. Разрабатывая ее, он пришел к открытию возможности создавать программированные серии путем комбинаторного варьирования немногих элементов геометрической формы, немногих видов материала, его покрытий и отделки, а также, ограниченного числа вариантов основного потребительского свойства. По каждому из перечисленных аспектов были выбраны три-четыре варианта, которые дали в совокупности целостную и вместе с тем многообразную программу изделий, рассчитанных на разные вкусы и потребности [8, 87].

Авторитетный и властный человек, он отстаивал свой принцип стилиобразования. Внешняя форма его вещей строилась на повторах нескольких геометрических элементов — шестигранников, кругов, овалов. Истоками формообразования этих вещей были инженерные, утилитарные формы, гармонизированные и приведенные к определенному ритму и пропорциям. Геометризация формы, ее предельная ясность, отражали и техническую точность производственного процесса, и социокультурную обозначенность вещи. Так чайник из элемента кухонной утвари стал украшением столового буфета. Открытый П.Беренсом способ перевода технических требований в пластические решения путем использования тех малых степеней свободы, которые представляет техника, свидетельствовало о его художественном таланте. Никаких традиционных форм и орнаментации — таковы были особенности художественной палитры П.Беренса [7, 78].

П.Беренс также приступил к разработке программы электрических климатических приборов АЭГ, в которую вошли вентиляторы — настольные, настенные, потолочные и врезные. Основное внимание было уделено компоновке основных элементов вентилятора. Крыльчатки из латуни или дерева были защищены легкими проволочными конструкциями. Корпуса были окрашены в темно-зеленый цвет с лаковым покрытием. Даже самым простым моделям был придан элегантный вид, особое внимание уделялось потолочным вентиляторам, которые подобно люстрам, несли дополнительную функцию украшения жилища,

и потому их корпуса выполнялись из более дорогого материала и имели соответствующую декоративную отделку [8, 88].

Одним из важных этапов работы П.Беренса в АЭГ становится проектная задача разработки программы дуговых ламп для наружного освещения и использования в больших помещениях. От дизайнера требовался всесторонний учет условий их эксплуатации. Эти крупные осветительные приборы (высотой от 660 до 1210 мм) должны были обеспечивать постоянный доступ к себе для регулирования автоматики механизма сближения электродов и их замены. Прототипы были тяжелы, некрасивы и окрашивались, в черный цвет. Созданные П.Беренсом образцы имели систему рукояток и захватов, облегчавших уход за лампами. По светотехническим характеристикам лампы были нескольких конструкций (с полуотраженным, отраженным и прямым светом). Корпуса всех приборов были окрашены в «фирменный» темно-зеленый цвет, с лаковым покрытием, томпаковыми ободками и колпачками, золотистый цвет которых придавал лампам впечатление легкости [8, 90].

Для АЭГ П.Беренс проектировал каталоги, прейскуранты, электроприборы, выставочные стенды, а также производственные здания и квартиры для рабочих. Питер Беренс был одним из первых проектировщиков промышленных зданий, в XIX веке это считалось делом инженеров, а не архитекторов. Проект завода турбин Всеобщей электрической компании в Берлине, построенный для АЭГ в 1909 г., стал олицетворением промышленности как одного из наиболее важных составляющих современной жизни. Турбинный завод П.Беренса был задуман как произведение искусства, храм индустриальной мощи [6, 23].

Питер Беренс занимался проектированием массовой мебели. При Объединении германских профсоюзов существовала «Комиссия по образцовым жилищам для рабочих», объявившая конкурс (1912 год) на проект мебели для жилищ рабочих, в котором принял участие П.Беренс. Его набор мебели машинного производства, получивший первую премию, отличался приветливым обликом, удобством и известным изяществом [8, 91].

Художник-практик, пришедший в дизайн от станковой живописи и графики, он один из первых ощутил новые задачи, встающие перед дизайнером в индустриальном обществе. П.Беренс последовательно проводил линию на подчинение разнообразной продукции одному принципу стилиобразования. Программа разработанная для АЭГ П.Беренсом явилась одной из первых программ «фирменного стиля», получивших впоследствии широкое распространение, ставиться в последующую эпоху одним из ведущих инструментов дизайнерской деятельности [12, 34].

Деятельность П.Беренса была прервана Первой мировой войной, но созданные им программы и отдельные образцы продолжали использоваться вплоть до 1930-х годов и позднее. Первая мировая война завершила начальный период развития дизайна, связанный с обращением художников к промышленному

производству. Такие эпизоды успешного применения дизайна, как деятельность П.Беренса в АЭГ, остались единичными [8, 92].

П.Беренсу принадлежат открытия в области методов проектирования технически сложных изделий массового производства, которые вторично были сделаны лишь спустя десятилетия и теперь прочно входят в основной арсенал профессиональных средств современного дизайна [1, 10]. Практическая работа П.Беренса имела огромное значение для формирования нового вида деятельности — художественного конструирования и нашла много последователей, как в самой Германии, так и за рубежом.

Примечания

1. Аронов В.Р. Петер Беренс — дизайнер. Декоративное искусство СССР, 1968. № 1.
2. Дижур А.Я. Дизайн в капиталистических странах. М., 1968.
3. Ермолина Л.А. Промышленный дизайн: сущность, содержание, тенденции развития: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08. Москва, 2010.
4. Кавтарадзе Г.А. История экономического развития Запада. М., 2005.
5. Михайлова А.С. Индустриальный дизайн как вид проектно-художественной деятельности в условиях развитого промышленного производства XX века: 1920—1980-е гг.: дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.06. М., 2009.
6. Рунге В.Ф. История дизайна, науки и техники. М., 2006.
7. Холмянский Л.М., Щипанов А.С. Дизайн. М., 1985.
8. Хрестоматия по дизайну. А.Дижур. У истоков промышленного дизайна. Тюмень, 2005.
9. Behrens P. Über Beziehungen der künstlerischen und tchnischen Probleme. Berlin, 1917.
10. Lefebure H. Das Alltagsleben in der modernen Welt. Frankfurt/Main, 1972.
11. Lucie-Smith Edward. History of industrial design. Oxford, 1983.
12. Henderson W.O. The Industrialization of Europe: 1780—1914. Harcourt, 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	3
<i>Горбунова С.В., Абрамова А.А.</i> Размер и виды калыма у казахов в XIX — начале XX веков	3
<i>Горбунова С.В., Арсланова Э.И.</i> 10 пунктов Гельмута Коля	6
<i>Батшеев Д.А.</i> Роль Библии в английском обществе в начале XVII века	8
<i>Бельцер А.А.</i> Концепция Мервина Джеймса и дискуссия об обществе английского севера в тудоровскую эпоху в исторической периодике	11
<i>Беспалова Л.Н.</i> Рабочее законодательство 80-х годов XIX века в Германии	14
<i>Бородавкина Н.В.</i> Восприятие России и русских в английском обществе последней трети XIX века: «Правда о России» Уильяма Стэда	17
<i>Василенко Л.В.</i> Ютландское морское сражение 1916 г. и его значение	20
<i>Васильков С.В.</i> «Бостонское чаепитие» на страницах американской прессы XVIII—XIX веков	23
<i>Васютин С.А.</i> Дискуссия о кочевой цивилизации в отечественной науке	25
<i>Волошин Д.А.</i> К вопросу о роли климатических изменений в падении Римской империи	30
<i>Гайсина Л.Р.</i> Политика Российской империи в Средней Азии в освещении современных узбекских историков	33
<i>Галямичев А.Н.</i> Из истории городов Чехии в средние века: два вызова Праге	37
<i>Ерохин В.Н., Гибаленко А.В.</i> Христианская церковь в Галлии и ее взаимоотношения с династией Каролингов в VIII — конце IX вв.	39
<i>Глеб М.В.</i> Идея гуманитарной интервенции в истории Великобритании	43
<i>Горбунова С.В.</i> Разработка инструкции для пристава при хане Младшего казахского жуза: проекты П.К.Эссена и В.Ф.Тимковского	45

<i>Гордиенко Д.О.</i>	
«Кто взбаламутил их драться за царя Исуса»: восстание Веннера по материалам официальной прессы	48
<i>Гребенюков В.И.</i>	
Об истоках христианства.....	51
<i>Демичев К.А.</i>	
О некоторых особенностях придворного историописания в сикхском государстве Ранджита Сингха.....	54
<i>Дудниченко Г.В.</i>	
Консерваторы и реформы в период министерства Б.Дизраэли	56
<i>Евсеев В.А.</i>	
К вопросу о социальной структуре городских властей в Англии эпохи раннего Нового времени (постановка проблемы).....	58
<i>Еремин С.В.</i>	
Трансформация образа нацистского режима в советской пропаганде 1933—1941 г.....	61
<i>Зварцев И.А.</i>	
СССР на Мировой экономической конференции в Лондоне в июне 1933 года.....	65
<i>Зеленцова Ю.С.</i>	
Реакция христианской цивилизации на политику арабо-мусульман в мусульманской Испании	69
<i>Василенко Л.В., Клименко К.Ю.</i>	
Классификация международного терроризма	71
<i>Королева О.В.</i>	
«Приручение Другого»: ранние образы Востока в восприятии английских путешественников.....	74
<i>Крючков И.В.</i>	
Дуалистическая Австрия в трудах профессиональных историков накануне Первой мировой войны.....	77
<i>Крючкова Н.Д.</i>	
Система «безопасного переезда» в женском эмиграционном движении викторианской эпохи.....	79
<i>Лебедева А.А.</i>	
Города Великой Моравии: между язычеством и христианством	82
<i>Малкин С.Г.</i>	
Политика знания: империя, этнография и «Хайлендская проблема» Великобритании в 1689—1759 г.....	84
<i>Малюгин О.И.</i>	
Магн Максим в генеалогиях раннесредневекового Уэльса и идея римского происхождения королевских династий.....	89

<i>Мостяев Ю.Н.</i>	
Участие индийских войск в военной кампании в Восточной Африке в годы второй мировой войны.....	91
<i>Нагодкина С.А.</i>	
«Повествование о Семилетней войне» Фридриха II как источник по истории экономического развития Пруссии.....	94
<i>Науменкова Е.О.</i>	
Теория народного волеизъявления маркиза Солсбери.....	96
<i>Новикова О.Н.</i>	
Особенности введения оккупационного режима в Боснии и Герцеговине: противостояние местного населения и австро-венгерской администрации.....	98
<i>Василенко Л.В., Овчинникова А.С.</i>	
Боевые действия в Северо-Восточной и Северной Африке, их итоги и значение (1940—1943 гг.).....	100
<i>Покудов О.А.</i>	
Экономические положения Конституции Германской империи 1871 г.....	102
<i>Праздников А.Г.</i>	
Лорды при дворе Генриха VI в 1454 г.	108
<i>Птицын А.Н.</i>	
Миграция венгерских преподавателей и ученых в Российскую империю.....	111
<i>Романова М.И.</i>	
Идеи парламентской реформы в трудах либеральных идеологов XVIII в.....	113
<i>Савельева А.В.</i>	
Историческая память американского общества второй половины XIX века (по материалам периодических изданий Соединенных Штатов Америки).....	116
<i>Савченко Н.М.</i>	
Технократические правительства Первой итальянской республики	120
<i>Сальникова С.А.</i>	
Филипп Меланхтон о реформе школьного образования	122
<i>Степанов Г.В.</i>	
Закон о молодежи ГДР как инструмент идеологического воспитания молодежи	125
<i>Степанова В.В.</i>	
Условия и предпосылки формирования исторической науки в Германии в XIX веке	127
<i>Стрелец М.В.</i>	
Юрген Кучинский в интерьере реалий германской истории XX века	131

<i>Тельменко Е.П.</i>	
Милостыня «без жадности» (к вопросу об отдельных аспектах реформирования Савонаролианской Флоренции).....	133
<i>Терехов О.Э.</i>	
Германская историография о консервативных основах философии истории О.Шпенглера.....	142
<i>Тимченко В.В.</i>	
К вопросу об изменениях в социальной структуре городского общества Италии XIII—XIV вв.	145
<i>Турьгин А.А.</i>	
Язык пангерманизма как критерий фольклористского мышления: история и семантика понятия «национальное общество».....	147
<i>Федорович М.Ю.</i>	
Концепция универсальной монархии Карла V	152
<i>Чередникова А.Ю.</i>	
Влияние церкви и религии на национальное самосознание поляков в Веймарской республике (1919—1933 гг.).....	154
<i>Чореф М.М.</i>	
К атрибуции Чамну-Бурунского клада.....	157
<i>Чугунова Т.Г.</i>	
У.Тиндел: от учения о двух порядках к учению об одном порядке	172
<i>Шмелев Д.В.</i>	
Французские католики и «русская тема» (1920-е годы)	175
<i>Шмелева Л.М.</i>	
Процедура заключения мирного договора по Ливию.....	177
<i>Шупляк С.П.</i>	
Средневековые коммуникации и традиция западноевропейских паломничеств	179
<i>Эрлихсон И.М.</i>	
Великие географические открытия и их значение в литературной утопической традиции Европы Нового времени	181
<i>Горбунова С.В., Юркова О.В.</i>	
Русские военные историки об участии казахов в завоевании Средней Азии.....	184
<i>Якубова Л.А.</i>	
Программа "New Deal" в социальной политике «новых лейбористов» Великобритании в 1990-е гг.: основные направления и итоги реализации	187

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	190
<i>Авдеева В.Н.</i>	
Из истории развития народного образования Жирновского района.....	190
<i>Абдрашитов Э.Е.</i>	
Жертвенность казаков в материалах Комиссии сенатора А.Н.Кривцова в годы Первой мировой войны	195
<i>Акульшин П.В.</i>	
Год истории в России и актуальные проблемы изучения российской истории	197
<i>Алексеева Л.В.</i>	
Новые документы по аграрной истории Югры периода Великой Отечественной войны	200
<i>Артамонова Л.М.</i>	
Труды бугурусланского священника по созданию и развитию общеобразовательной школы провинциальном русском городе первой половины XIX века	206
<i>Баженова К.Е.</i>	
Основные особенности формирования земского медицинского персонала Пермской губернии в условиях Первой мировой войны	209
<i>Бауэр Е.А.</i>	
Р.Г.Скрынников об идее «третьего Рима» в публицистике позднесредневековой Руси	212
<i>Букренева К.Г.</i>	
Эвакуация детей и детских учреждений на севере Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны	215
<i>Головач Е.И.</i>	
Образование и деятельность Брестского отдела Русского Народного Союза имени Михаила Архангела.....	219
<i>Давыдова Л.А.</i>	
Газета «Вольный дискуссионный листок»	221
<i>Добровольский Е.С.</i>	
Роль немецкой танковой школы «Кама» в развитии отечественного танкостроения.....	223
<i>Досекин Е.С.</i>	
Поддержка издательской и публицистической деятельности Е.Н.Трубецкого со стороны М.К.Морозовой.....	226
<i>Журавлев А.А.</i>	
Протоколы заседаний Попечительного совета Петровского коммерческого училища как источник о роли столичных предпринимателей в деле развития коммерческого образования в России на рубеже XIX—XX столетия	229

<i>Зубов В.Н.</i>	
Б.Г.Верховень и формирование «сталинской» парадигмы восточного направления внешней политики России середины XVI в.....	231
<i>Зырянова Л.Г.</i>	
И.И.Смирнов о роли Юрьевых-Захарьиных в политической истории России в 30—40-х гг. XVI в.....	237
<i>Изубчикова Н.В.</i>	
О землеустройстве и развитии земледелия в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны	240
<i>Кайда О.А.</i>	
Характеристика чиновничьего аппарата антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны (1918—1920 гг.).....	244
<i>Калинов В.В.</i>	
Основные направления государственной инновационной политики Российской Федерации.....	250
<i>Коньшова И.И.</i>	
Землеустроительные мероприятия в 1920-х гг. на Тобольском Севере	253
<i>Левченко О.Ю.</i>	
Иностранные языки в программах высших начальных училищ Забайкалья (начало XX в.).....	257
<i>Липина С.А.</i>	
«Обзор Вятской губернии» как источник по истории развития фабрично-заводской промышленности региона.....	259
<i>Мауль В.Я.</i>	
«В то время воспитывались мы не по-нонешнему», или особенности национального образования (по материалам «Капитанской дочки»)	261
<i>Милевский О.А.</i>	
«Сибирская Одиссея» Д.А.Клеменца: 1881—1897 гг.....	270
<i>Митрофанов В.В.</i>	
С. Ф.Платонов как управляющий Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества	274
<i>Муртаева Ю.В.</i>	
Этический аспект старообрядчества.....	282
<i>Немашкалов П.Г.</i>	
Идея национального образования на Кавказе в XIX веке.....	284
<i>Николаев Д.А., Потапина М.В.</i>	
Реформаторская деятельность министра императорского двора И.И.Воронцова-Дашкова в мемуарах и исторических исследованиях	286

<i>Николаев Н.Ю.</i>	
Миротворческие идеи в российской общественной мысли в конце XIX в.....	288
<i>Павлова О.С.</i>	
Оценка общественно-политических событий 1917—1918 гг. в Уфимской губернии на страницах журнала «Заволжский летописец»	291
<i>Проскурина Н.В.</i>	
Канцлер А.П.Бестужев-Рюмин в оценках историков XIX века	294
<i>Проскурина Н.В.</i>	
Проблема подлинности письма А.П.Бестужева-Рюмина к царевичу Алексею Петровичу.....	298
<i>Романовский В.К.</i>	
К вопросу об истоках идеи национального примирения советской России начала 1920-х годов	301
<i>Савинова Ю.В.</i>	
Организация домашнего образования дворянских детей в первой половине XIX века	303
<i>Самаркина Ю.Ю.</i>	
Антирелигиозное воспитание в школах во Владимирской губернии 1920-е гг.....	305
<i>Семенова А.А.</i>	
Из истории русской эмиграции: Г.П.Федотов и И.И.Бунаков-Фондаминский.....	307
<i>Сергеев С.В.</i>	
О взаимоотношениях власти и инженерно-технической интеллигенции в послеоктябрьский период.....	310
<i>Силаева И.А.</i>	
Н.Н.Оглоблин о попытках народной колонизации Приамурья в XVII в.....	313
<i>Смирнов Ю.Н.</i>	
Индийские ориентиры Оренбургской экспедиции 1730-х годов.....	317
<i>Соподкин Я.Г.</i>	
Существовала ли семибоярщина в годы московской смуты?	320
<i>Стрелков А.В.</i>	
Россия в контексте геополитических вызовов эпохи Петра I.....	324
<i>Судник Т.В.</i>	
Общественное призрение как один из аспектов социальной политики в российской империи в конце XIX—XX вв. (по материалам ГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске»).....	326

Суслов А.Ю.	
Социалистические партии России и проблема исторической памяти: эволюция образа	329
Терехова С.А.	
Социально-экономическая тематика в народовольческой публицистике Льва Тихомирова: 1879—1881 г.	331
Феоктистова Ю.В.	
Интегральная кооперация на Обском Севере в 1920—1930-е годы. К историографии вопроса	334
Фоменков А.А.	
К вопросу о взаимосвязи политической истории и истории искусства (на примере СССР 1960-х — 1980-х годов)	338
Хуторова Л.М., Гатауллина Г.Ш.	
Идея модернизации России и развитие хлебной торговли уездного города Спасска Казанской губернии на рубеже XIX — начала XX вв.	340
Хуторова Л.М., Салмина Д.С.	
Влияние идеи благотворительности на общественную активность дворянок Казани в годы Первой мировой войны	342
Цысь В.В., Цысь О.П.	
Источники по истории православных приходов Югры начала XX века (на примере Нижневартовского прихода)	344
Чирков М.С.	
Крестьянский вопрос во внутренней политике СССР в 1953 г.	348
ТЕОРИЯ ИСТОРИИ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ	350
Базанов М.А.	
После обсуждения: судьба книги А.А.Зимины «Слово о полку Игореве»	350
Бандурин М.А.	
Недостатки системного подхода при исследовании геополитической ситуации накануне Второй мировой войны	352
Бахитов С.Б.	
Мир-системный, марксистский и цивилизационный подходы в исследовании проблем современного Китая: к вопросу о взаимодополнении	354
Богомазова О.В.	
Пензенские «места памяти» о В.О.Ключевском и их социокультурная значимость	359

<i>Ващева И.Ю.</i>	
Конструирование прошлого и социальные функции церковно-исторических сочинений на рубеже эпох	361
<i>Винокуров Д.А.</i>	
Иосиф Волоцкий в историософии Н.А.Бердяева	363
<i>Вовк Л.А.</i>	
Роль руководителя органа управления образованием в модернизации системы обучения учащихся в Городищенском районе Волгоградской области (1989—2009)	366
<i>Воробьева Н.В.</i>	
Уход Святейшего Патриарха Никона с патриаршего престола как миф (на примере фильма-фрески Н.Достала «Раскол»)	370
<i>Гасникова С.Ю.</i>	
Россия — Европа: проблемы взаимопонимания	373
<i>Гольцов В.И.</i>	
К вопросу о так называемой социально ориентированной историографии	377
<i>Горькова Л.В.</i>	
Теоретико-методологические основы исторической концепции Густава Эверса	380
<i>Демичев А.А.</i>	
О месте анекдота в системе исторических источников	382
<i>Демичева И.Ю.</i>	
История изучения иконографии и семантики майяских терракотовых статуэток I тыс. н.э.	384
<i>Дударев С.Л.</i>	
Из опыта самоидентификации личности исследователя	386
<i>Ерохин В.Н., Евтушик Е.В.</i>	
Дискуссии о влиянии протестантизма на развитие капитализма в раннее новое время в немецкой исторической и социологической мысли в первые десятилетия XX века	389
<i>Ерохин В.Н.</i>	
Историческая наука в современном мире	391
<i>Ерохина Н.А.</i>	
Синергетическая интерпретация этнических циклов Л.Н.Гумилева	400
<i>Жолудов М.В.</i>	
Социальные функции исторической науки и актуальные проблемы всеобщей истории	403

<i>Ким О.В.</i>	Формирование понятия «традиционное общество» в исторической социологии	409
<i>Кирсанова И.А.</i>	Изучение интеллектуального наследия С.М.Эйзенштейна (1898—1948): постановка проблемы.....	411
<i>Кобылин И.И., Николаи Ф.В.</i>	Между авангардом и Голливудом: кино и социальные функции гендерных исследований в работах Э.Каплан.....	413
<i>Кузнецова С.В.</i>	Роль интеллектуальной элиты в формировании нации и национализма: взгляды и оценки.....	416
<i>Кузь В.В.</i>	Школьный учебник истории XIX — начала XX вв. о раннем христианстве.....	418
<i>Кузьминых А.Л.</i>	Изучение истории военного плена: институциональный подход.....	421
<i>Кутарев О.Ю.</i>	История повседневности в контексте глобализации.....	424
<i>Кучер Н.А.</i>	Отечественная историография по вопросу иммиграционной политики США	426
<i>Линченко А.А.</i>	О смысловом поле процесса взаимодействия научно-академического и массового исторического сознания.....	429
<i>Минаев А.И.</i>	Н.М.Карамзин о британском парламентаризме	432
<i>Миронова Н.П.</i>	Биографический метод в исследовании этнического самосознания (на примере студентов г.Сыктывкара).....	434
<i>Обидина Ю.С.</i>	Категории пространства и времени в античном мироощущении жизни и смерти.....	436
<i>Павлова Т.В.</i>	Н.И.Кареев о самоорганизации общества	438
<i>Панченко А.Б.</i>	История изучения этнографических взглядов ссыльных народников в отечественной науке	441
<i>Петелин Б.В.</i>	Социальная память в исследовании современной истории: заблуждение или приближение к истине	443

<i>Платонова Н.В.</i>	
К вопросу об определении «исторической антропологии» в современной историографии.....	446
<i>Поварницын Б.И.</i>	
О пределах применимости правил исторической науки.....	447
<i>Рамазанов С.П.</i>	
Принцип дополнительности в историческом познании.....	453
<i>Ростовская О.М.</i>	
Проблема исследования исторической памяти в контексте методологии исторического познания.....	454
<i>Румянцева М.Ф.</i>	
Источниковедение в структуре актуального исторического знания.....	456
<i>Рядинская М.В.</i>	
Коммуникативный подход Ю.Хабермаса — новая метатеория исторического познания.....	459
<i>Сидорова Л.А.</i>	
Когнитивные возможности генерационного подхода в изучении истории исторической науки.....	460
<i>Стариков В.И.</i>	
Социальные функции исторической науки и социальная ответственность государства.....	462
<i>Стрелова О.Ю.</i>	
«Год российской истории» как фактор актуализации теоретико-методологических аспектов подготовки и повышения квалификации учителей истории.....	466
<i>Стукалов П.Б.</i>	
Идеальное общественное устройство в социальной философии М.О.Меньшикова.....	468
<i>Сушко А.В.</i>	
Познавательные возможности конструктивизма для изучения движений за суверенизацию в Сибири в эпоху социальных катаклизмов.....	470
<i>Тельменко Е.П.</i>	
Проповедник и его общественное окружение: к вопросу об основных подходах к изучению Джироламо Савонаролы в зарубежной историографии XX в.	472
<i>Торопчин Г.В.</i>	
Российские и советские исследователи проблематики международных отношений Австралии и России.....	475

<i>Угрюмова М.В.</i>	
Сохранение и использование документального наследия органов земского самоуправления.....	477
<i>Филиппова Т.П.</i>	
Методология исторического исследования Л.А.Тьера.....	481
<i>Харитонова В.Д.</i>	
Смерть в контексте дуализма в зороастрийской религиозной традиции.....	483
<i>Хлынина Т.П.</i>	
История как социальная практика и возможности ее экспертирования.....	485
<i>Черкасова М.В.</i>	
Архив как основа исторического познания через призму постструктуралистской теории.....	487
<i>Шайхутдинова Е.Н.</i>	
Вклад британских историков конца XIX — начала XX вв. в изучение королевской сакральности.....	490
<i>Шаталин Е.А.</i>	
Либерализм в контексте политической семантики.....	492
<i>Шепель О.В.</i>	
Идеи и деятельность Питера Беренса в сфере промышленного дизайна.....	495

Научное издание

КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

г. Нижневартовск, 7—8 февраля 2012 года

Часть I

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 10.04.2012
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 32
Тираж 500 экз. Заказ 1305

*Отпечатано в Издательстве
Нижневартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*